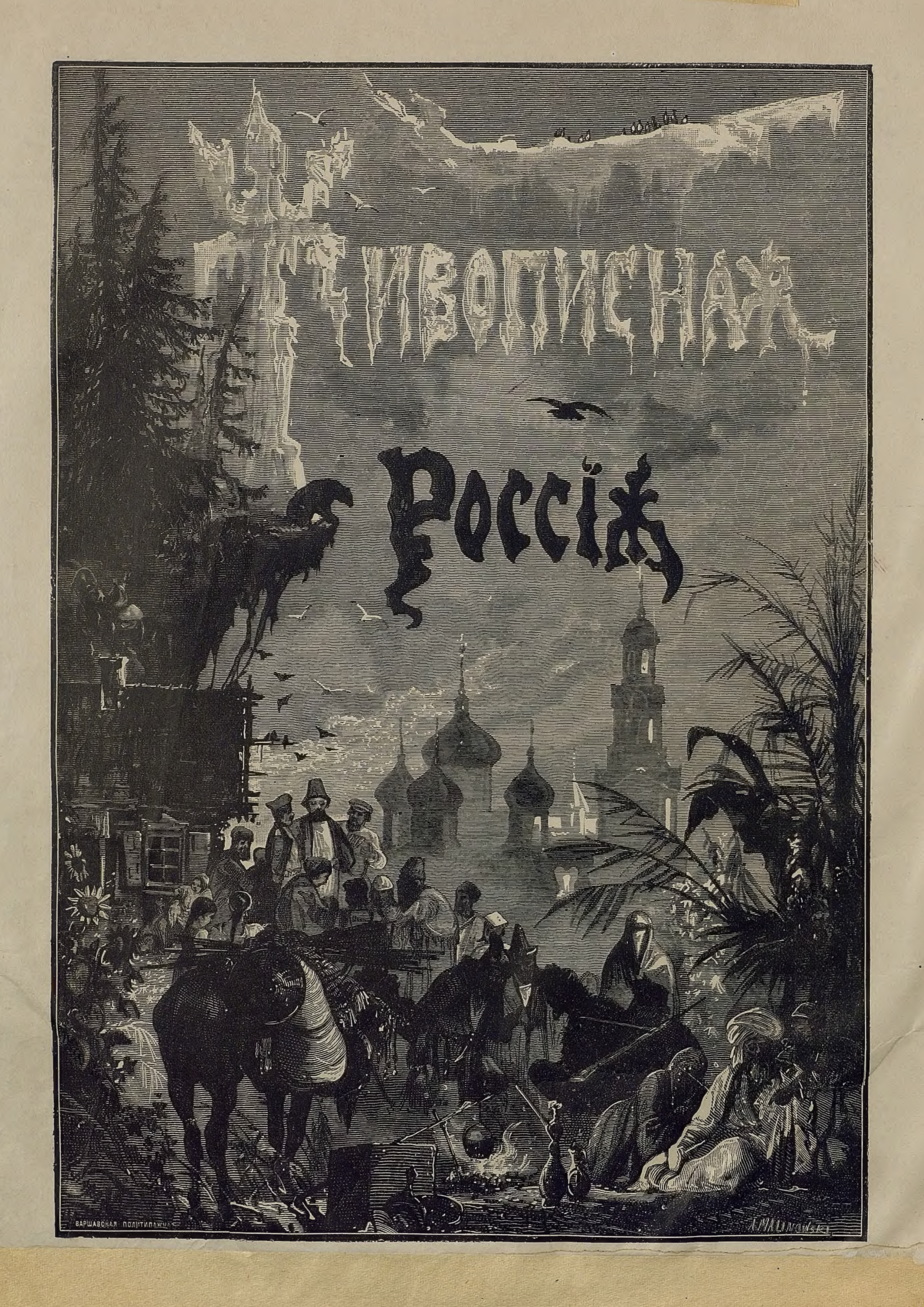
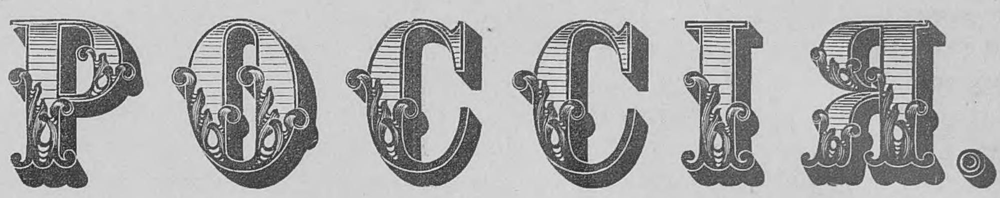

Живописная
Россія

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ IX.

Живописная
Россія
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНЯ
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

въ его

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

подъ общей редакціей

П. П. СЕМЕНОВА,

вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

КАВКАЗЪ.

Съ 175 рисунками въ текстѣ и 44 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „М. О. ВОЛЬФЪ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Петровка, д. Михалкова, № 5.

1883.

Дозволено цензурою. Спб., 1 февраля 1883 г.

Печать типографіи Товарищества „М. О. Вольфъ“, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты Словолитни его же.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗА

въ

ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

1. Сѣдая древность Кавказа.

Не много лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ....
. . . .
. . . .
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой — и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручилъ Россіи свой народъ.

М. Лермонтовъ.

Между Европой и Азіей, на рубежѣ Россіи, на рубежѣ Европы, съ одной стороны, — на рубежѣ Азіи, съ другой, стоитъ Кавказъ.

Необозримая гладь тучныхъ травянистыхъ степей, дѣвственныхъ прерій Европы, не уступающихъ своимъ богатствомъ преріямъ Америки, стелется къ далекому сѣверу и сѣверо-западу отъ подножія Кавказа, прорѣзанная насквозь большими, многоводными рѣками, Терекомъ, Кубанью, Волгою, Дономъ...

Такая же необозримая гладь сухихъ выжженныхъ пустынь, прерываемыхъ рѣдкими оазисами воинственныхъ азіатскихъ кочевниковъ, стелется на востокъ отъ Кавказа, за суровымъ Каспіемъ, къ развалинамъ древнихъ азіатскихъ царствъ, къ гнѣзду древней монгольской силы и монгольскаго владычества....

И съ третьей стороны, съ запада, опять такая же гладь, тотъ же просторъ, та же пустыня, но уже не безмолвная пустыня песковъ, а вѣчно рокочущая, вѣчно движущаяся пустыня водъ, полная жизни, несущая жизнь, Черное море, прежній, негостепріимный «понтъ Аксеносъ», давно уже, къ счастью людей, обратившійся въ «понтъ Евксинскій», т. е. «гостепріимное море»...

И, наконецъ, съ юга — высокія горныя площади Арменіи, полныя пастбищъ, кормящія карабахскаго коня, укрывающіе курдскаго наѣздника...

Титаническимъ островомъ поднимаетъ Кавказъ среди этихъ окружающихъ равнинъ, земныхъ и водныхъ, возвышенныхъ и низменныхъ — свои снѣговые куполы, свои каменныя нерукотворныя башни и стѣны...

Онъ стоитъ какимъ-то грознымъ стражемъ на рубежѣ двухъ міровъ, двухъ исторій, двухъ разныхъ человѣчествъ, древняго — Азіатскаго и новаго — Европейскаго...

Какъ неприступный замокъ, онъ перерѣзалъ своими первозданными стѣнами весь широкій проходъ между двухъ морей, оставивъ только кое-гдѣ узкія, надежно укрѣпленныя ворота среди своихъ несокрушимыхъ твердынь, раскинувъ передъ собою, какъ цѣпь предохранительныхъ фортовъ, на встрѣчу надвигающихся полчищъ Азіи, горы малаго Кавказа, Тріалетскія, Ахалцыхскія, Имеретинскія, Аджарскія, — и, впереди всѣхъ и отдѣльно отъ всѣхъ, одинокій редутъ Арарата...

Съ самыхъ первыхъ дней человѣческой исторіи, народамъ нельзя было миновать Кавказъ, нельзя было не замѣтить Кавказа, не знать Кавказа. Оттого-то имя Кавказа связалось съ первымъ младенческимъ лепетомъ легендъ, съ первыми космическими фантазіями древняго человѣчества...

Эти вѣчно сіяющія въ глубокой синевѣ, недоступныя, неизмѣняющіяся, отовсюду видныя, надъ всѣмъ владычествующія снѣговыя вершины гигантскаго заоблачнаго хребта, раздѣляющаго Азію отъ Европы, казались простодушному воображенію первобытныхъ народовъ серброкованными престолами грозныхъ божествъ, откуда они посылали на родъ людской свои карающія молніи, зиждительный свѣтъ и тепло своего небеснаго солнца... Закрывались черными тучами таинственные престолы боговъ, и съ ними вмѣстѣ скрывался благодѣтельный лучъ, вызывающій изъ земли жизнь и обиліе, ласкающій своимъ радостнымъ тепломъ душу и тѣло человѣка; гремѣлъ сверху, потрясая вселенную, грозный голосъ разгнѣваннаго божества, дикая буря ломала и уносила все, горные потоки вздымались отъ ливня, разрушая плоды трудовъ человѣка, загоняя его, напуганнаго, продрогшаго, безпріютнаго, въ темныя подземныя пещеры, въ мрачное царство ночи...

И народы боготворили вершины Кавказа, «эти сосѣдки звѣздъ» — по выраженію Эсхила,— почитали ихъ жилищемъ боговъ, подножіемъ неба, которое онѣ подпираютъ, какъ могучій Атлантъ, своими гранитными раменами.

Съ Кавказомъ связали Греки свой миѳъ Прометея, создателя человѣчества, боровшагося съ богами, богами наказаннаго...

До сихъ поръ путешественникъ по Кавказу услышитъ отъ каждаго горскаго пастуха живописные разсказы о томъ, какъ мучается, въ теченіе многихъ вѣковъ, гдѣ-нибудь въ толщахъ Эльборуса или Казбека, прикованный къ скаламъ ихъ, человѣкъ громаднаго роста, громадной силы. Когда онъ потрясаетъ въ отчаяніи своими цѣпями, то дрожатъ земля и горы, и разсѣдаются бездны, утесы и снѣговые обвалы сыпятся внизъ съ заоблачныхъ вершинъ. Горцы связываютъ этотъ миѳъ съ Эльборусомъ, этимъ «царемъ духовъ», «джинъ-падишахомъ», черезъ который идутъ ворота въ таинственную, неселенную духами страну — «Джинистанъ», гдѣ обитаютъ вѣчно обольстительныя дѣвы...

Въ Эльборусѣ, по воображенію горцевъ, сосредоточивается весь Кавказъ, вся его божественная сила, вся его божественная красота... Не даромъ онъ былъ всегда извѣстенъ у Персовъ за *Кавказъ-гору, Кафъ-Дагъ,* — основу того «изумруднаго хребта Кафа», который, по понятію древнихъ, опоясывалъ землю, «какъ перстень—палецъ». За Эльборусъ, по вѣрованію Грузинъ, зацѣпился, послѣ потопа, и ковчегъ Ноя, отчего вершина Эльборуса раскололась на двое...

Койшаурская долина.

Эльборусъ даже Греки и Римляне считали тѣмъ мѣстомъ, съ котораго Прометей похитилъ небесный огонь, къ которому онъ былъ за это прикованъ, и на которомъ терзалъ его кровожадный воронъ, клевавшій его печень по велѣнію царя боговъ. Поэтому древніе отыскивали на неприступныхъ утесахъ Эльборуса остатки божественной цѣпи...

Въ самомъ имени «Альборуса» слышатся римскіе звуки «Альпъ» (Albus), Альбаніи, именемъ которой римскіе географы долго обозначали страну бѣлыхъ, снѣговыхъ великановъ Кавказа, какъ обозначали они тѣмъ же именемъ «Альпъ» и сосѣднія съ нимъ горы Гельветовъ, нынѣшнихъ Швейцарцевъ.

Около Сванетіи есть до сихъ поръ *Скала Прометея*, обрывистая, одиноко торчащая своими голыми, каменными ребрами гора Квамли....

Осетинское преданіе о пастухѣ Бессо, уцѣлѣвшее до нашего времени, есть несомнѣнный пересказъ на горскій ладъ извѣстнаго греческаго миѳа, послужившаго основой Эсхиловой трагедіи...

Встарину одинъ смѣлый пастухъ, постоянно бродившій по неприступнымъ утесамъ, какъ-то разъ сбился съ пути среди безднъ, окружающихъ Эльборусъ, и вдругъ былъ пораженъ глубокимъ стономъ, который, казалось ему, издавала сама гора.... Не успѣлъ придти въ себя испуганный горецъ, какъ его вихремъ перебросило черезъ пропасть въ страшную черную пещеру, надъ нею зіявшую. Въ этой пещерѣ, наполненной золотомъ, серебромъ, оружіемъ и всякими богатствами, заманчивыми для горца, стоналъ и рвался въ мучительныхъ судорогахъ красавецъ-юноша, прикованный къ утесу пещеры тяжелою цѣпью. Черный коршунъ сидѣлъ у него на ребрахъ и безжалостно терзалъ его внутренности. Чудный узникъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы достать рукою конецъ короткой цѣпи, висѣвшей на противоположной стѣнѣ пещеры; вотъ уже многія сотни лѣтъ какъ онъ силится достать ее, и все напрасно....

Онъ говоритъ Бессо: «Достань побольше стараго желѣза и докуй мнѣ цѣпь, чтобы я могъ достать ее руками; тогда я буду свободенъ и задушу проклятаго коршуна, а всѣ эти богатства, которыя ты тутъ видишь, будутъ твои.»

Бессо свято исполнилъ порученіе, но не сумѣлъ сохранить заповѣданной тайны, и въ ту самую минуту, какъ онъ уже готовился достигнуть таинственной пещеры, вмѣстѣ съ провожавшими его земляками, вдругъ раздался страшный громъ, и скала съ пещерой провалилась въ бездну....

У Грузинъ сохранилось почти подобное же сказанье о горѣ Ялбузѣ, какъ они называютъ Эльборусъ. Внутри его томится въ цѣпяхъ, прикованный къ скаламъ великанъ Амиранъ... Но уже, вмѣсто коршуна, около него собака, и собака эта не грызетъ его сердце а лижетъ цѣпи. Она столько вѣковъ и такъ усердно лижетъ ихъ, что онѣ давно могли бы порваться какъ нитка, если бы, по Божьему указанію, онѣ не пріобрѣтали прежнюю крѣпость ежегодно въ чистый четвергъ, когда Грузинскіе кузнецы три раза ударяютъ молотами о свои наковальни.

Эта сказка повторяется на разные лады всѣми племенами Кавказа....

Каждая большая гора Кавказа имѣетъ свои повѣрья, связанныя съ самыми легендарными событіями ветхозавѣтной исторіи... На Араратѣ остановился Ноевъ ковчегъ; на заоблачной вершинѣ Казбека пребываетъ доселѣ шатеръ Авраама, и въ немъ ясли Спасителя....

Многіе богомольные люди рѣшились рискнуть своею жизнію, чтобы взобраться на ледники этой горы Христовой, какъ называютъ Осетины Казбекъ, и сподобиться счастья поклониться великимъ святынямъ... Царь Ираклій VI даже самъ посылалъ за этимъ на Казбекъ благочестивыхъ добровольцевъ, и одинъ изъ смѣльчаковъ-священниковъ, вызвавшійся на подвигъ, запечатлѣлъ его своею смертью въ пропастяхъ Казбека. Но никому изъ смертныхъ не удалось добраться до таинственной скиніи Авраама. Впрочемъ, у подножія Казбекскихъ ледниковъ доселѣ существуютъ остатки иноческаго скита, на высотѣ 11,000 футъ, откуда, по убѣжденію Гру-

зинъ, счастливые отшельники взбирались когда-то по невидимой цѣпи къ яслямъ Спасителя; оттого, быть можетъ, и самый скитъ этотъ до сихъ поръ сохранилъ названье Виѳлеема.... Не миновали Кавказа и другія преданія младенчествующаго человѣчества.. На Кавказъ, въ золотоносную Колхиду, отправлялся Язонъ съ своими Аргонавтами, первыми мореплавателями Европейской исторіи, и обломки Кутатиссима, въ нынѣшнемъ Кутаисѣ, доселѣ связаны съ преданіемъ волшебницы Медеи, въ немъ царившей.

«Пещеру Язона» недавно еще разслѣдовалъ неутомимый русскій археологъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ золотонесущимъ Фазисомъ или Пазисомъ (нынѣшнимъ Ріономъ), этою рѣкою горы Паза (Пазисъ—цхале), изумительнымъ образомъ доселѣ сохранившей свое древнее имя Пасъ-Мта, извѣстное еще Іонійцамъ и Ахеянамъ, почти 3 тысячелѣтія тому назадъ.

Эпопея Троянской войны также коснулась береговъ Кавказа. До сихъ поръ на лѣсистыхъ

Пасенауръ на дорогѣ изъ Тифлиса во Владикавказъ.

берегахъ Тсхура путешественнику показываютъ развалины древняго Эа, города Цирцеи, такъ зло издѣвавшейся надъ хитроумнымъ Улисомъ и его несчастными спутниками....

Такъ прочно связались съ именемъ Кавказскихъ горъ первобытныя легенды человѣчества такъ много обрывковъ древняго міра, древней исторіи зацѣпилось и засѣло въ заоблачныхъ утесахъ этой «*горы Азовъ*», раздѣляющей два свѣта.

«Гора Азовъ», — Cauc–as, извѣстная уже Геродоту, недаромъ получила свое имя. Это дѣйствительно была «Великая Азія» древнихъ, къ ногамъ которой, съ юга, примыкала «Малая Азія», доселѣ сохранившая имя свое...

Настоящая древняя Азія гнѣздилась, такимъ образомъ, въ Кавказѣ, какъ въ колыбели своей... Ной и Девкаліонъ съ него начали разселеніе рода людскаго. Наиболѣе *историческіе* изъ народовъ исторіи признали себя «Кавказскимъ племенемъ». Древніе народы, населявшіе Кавказъ, прямо назывались Азами. Изъ этихъ Азовъ, Асовъ, произошли Язы, съ которыми воевалъ нашъ Святославъ въ Тмутаракани; произошли Осы или Осетины, древнѣйшіе изъ Кавказскихъ

старожиловъ, донесшіе до нашего времени свое глубоко-знаменательное, историческое имя; произошло самое имя Азовскаго моря, омывающаго Кавказъ. Язиги также черпнули свое названье изъ этого общаго имени Азовъ.

Страбонъ уже знаетъ городъ Аза на Танаисѣ (т. е. Донѣ), близъ теперешняго нашего города Азова, и описываетъ, подъ именемъ собственной Азіи (Asia proрria), берегъ Меотійскаго, т. е. Азовскаго моря. Плиній, перечисляя Скиѳскія племена, упоминаетъ племя Asoci. Вообще, всѣ древніе географы названіе Азіи пріурочиваютъ ближайшимъ образомъ къ Кавказу и «морю Азовъ», т. е. Азовскому.

По греческой миѳологіи, Азія была жена, а по другимъ толкователямъ — мать Прометея. Это еще болѣе указываетъ на ея Кавказское родство.

Греки считали себя потомками Девкаліона, сына Прометея, стало быть тоже сынами Кавказа.

Сухумъ-кале.

Евреи почитали себя и все человѣчество Азіи, Европы и Африки потомками трехъ сыновей Ноя, поселившагося на Кавказѣ, на горѣ Араратѣ, и оттуда размножившаго племя свое, какъ песокъ морской, на востокъ, югъ, западъ и сѣверъ.

Знаменитый географъ Риттеръ, помимо народныхъ легендъ, на основаніи однѣхъ строгихъ данныхъ науки, полагаетъ, что родъ людской могъ расселиться по земному шару только изъ Кавказа, какъ центра своего. Замѣчательно, что неясное преданіе о выходѣ изъ страны Азовъ, т. е. когда-то совершившагося разселенія племенъ съ Кавказа на сѣверъ, сохранилось даже въ древнихъ скандинавскихъ сагахъ, гдѣ часто говорится о «странѣ Азовъ» (Asaland) и о городѣ Азовъ (Asagard), жители которыхъ перенесли съ юга религію, языкъ, пѣсни, сказанія и обычаи старой Скандинавіи. Самое имя Кавказа, быть можетъ, отчасти выдаетъ свое происхожденіе. На языкѣ Азовъ, т. е. нынѣшнихъ Осетинъ, «*хохъ*» значитъ, вообще, гора, а «Хохъ-азъ» очень близкое къ Cauc-as — «гора Азовъ».

Все рѣшительно, и миѳы древнихъ религій, и факты исторіи, и изслѣдованія ученыхъ доказываютъ одно, что этотъ гигантскій горный узелъ, стоящій едва не въ самомъ центрѣ трехъ странъ свѣта, между Азіею, Европою и Африкой, — былъ колыбелью народовъ цѣлаго міра.

Оттого-то тутъ возникаютъ города и царства еще въ тѣ времена, когда исторія не знала имени Аѳинъ и Рима, когда самое имя Европы еще не произносилось никѣмъ.

Арамея и цари Армянскіе упоминаются въ древнѣйшихъ книгахъ библіи, какъ давно существующіе, давно всѣмъ извѣстные.

Въ легенду Нимврода вплетена легенда Гайка, правнука Іафета, родоначальника Армянъ, соперника и побѣдителя Нимврода. Армянскій народъ до сихъ поръ называетъ самъ себя Гайканцами, Гайканскимъ племенемъ, а не Армянскимъ; это послѣднее имя дано имъ чужими народами гораздо позднѣе, отъ ихъ знаменитаго царя Арама, котораго время также теряется въ доисторическомъ мракѣ.

Евреи поселяются на Кавказѣ еще задолго до плѣненія Навуходоносорова и Кирова освобожденія. Столица Грузіи, Мцхетъ, не можетъ вспомнить дня своего рожденія, потеряннаго въ туманѣ вѣковъ. Преданія Сезостриса, Нина, Семирамиды — связаны съ именемъ Кавказа. Недоступная горная Сванетія до сихъ поръ полна древнихъ египетскихъ легендъ. Первобытный культъ огня, давно забытый въ самой Азіи, борется на Кавказѣ съ христіанствомъ, какъ старая укоренившаяся религія уже полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

На Кавказѣ появляется и полу-миѳическое царство Амазонокъ, всецѣло проникнутое обычаями первобытнаго человѣческаго варварства, еще не познавшаго семьи, сбивавшагося весною въ стаи самокъ и самцовъ, ищущихъ другъ друга для минутнаго удовлетворенія животной потребности. Эти Амазонки не только прославлены были подъ именемъ эмечей въ Кабардинскихъ легендахъ, но даже уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа вплоть до XVIII столѣтія, когда Мингрельскій князь Дадіанъ, по свидѣтельству Ламберта, воюя съ сосѣдями-горцами, находилъ среди труповъ враговъ много убитыхъ женщинъ въ латахъ и вооруженныхъ.

Но, можетъ быть, всего больше свидѣтельствуютъ о древности народовъ Кавказа уцѣлѣвнія среди него до нашихъ дней воспоминанія о великанахъ и богатыряхъ, когда-то населявшихъ Кавказскія горы.

Сказки Грузина, Сванета, Осетина полны титаническихъ людей, титаническихъ животныхъ, титаническихъ, сооруженій. Подумаешь, далекіе предки ихъ, оставившіе имъ въ наслѣдство этотъ своеобразный эпосъ, дѣйствительно жили когда-нибудь въ тѣсномъ общеніи и въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ исполинами. Циклопическій вѣкъ, такимъ образомъ, является реальною историческою стадіею въ жизни Кавказскихъ народовъ, въ которую всѣ они вѣруютъ, ничто же сумняшеся, какъ въ собственное свое младенчество.

И въ этомъ общемъ вѣрованіи поддерживаютъ ихъ встрѣчаемыя въ горахъ долмены чуть не изъ цѣлыхъ скалъ, древнія башни на недоступныхъ горахъ, сложенныя изъ такихъ громадныхъ камней, которые кажутся не по силамъ обыкновенному человѣчеству. Въ Сванетской сказкѣ объ Амиранѣ, повторяющейся на разные лады во множествѣ Грузинскихъ сказокъ, богатырь Амиранъ, рожденный въ пещерѣ лѣсною вѣдьмою, «даль», еще ребенкомъ гоняется по горамъ за звѣрями, догоняетъ самыхъ быстрыхъ и разрываетъ ихъ руками; это прототипъ первобытнаго человѣка, еще не переставшаго быть двуногимъ звѣремъ.

Въ той же сказкѣ пастухъ кидаетъ въ волка камень, и камень оказывается цѣлою скалою, съ пещерой, въ которой сидѣло пять богатырей....

Въ такихъ же титаническихъ размѣрахъ является человѣкъ и природа въ Осетинскихъ и Кабардинскихъ «сказаніяхъ о нартахъ», составляющихъ цѣлую богатую литературу. Нарты — это предки-великаны, предки-герои Осетинскаго горца, древнѣйшаго по происхожденію туземца Кавказа. Нартъ — это теперь у Осетинъ нарицательное имя всякой силы, удали, благополучія... Храбръ, какъ нартъ, великодушенъ, какъ нартъ, могучъ, какъ нартъ, — до сихъ поръ еще говорятъ горцы Аръ-Дона и Гизель-Дона. Нарты жили въ незапамятныя времена.

«Когда небо еще не сгущалось, а земля только что сплотилась, я былъ ужъ мужчина въ зрѣлыхъ лѣтахъ; когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идыль (т. е. Волгу, или Итилу) шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ.» Такъ повѣствуетъ о своемъ прошломъ знаменитый въ пѣсняхъ Осетинъ нартъ Сосрыко, Осетинскій Улиссъ многоумный, сынъ

той обольстительной, всезнающей и ловкой Сатанэ, сравненіе съ которою до сихъ поръ составляетъ величайшую гордость Осетинской хозяйки дома.

Греческіе миѳы о титанахъ, боровшихся съ богами, весьма сродны этимъ Кавказскимъ сказаніямъ о нартахъ. Недаромъ сама греческая миѳологія пріурочиваетъ къ Кавказу борьбу этихъ титановъ, старыхъ стихійныхъ боговъ земли, съ новыми, болѣе одухотворенными богами Олимпа, борьбу Тифея, подземнаго огня, съ Зевсомъ, огнемъ небесныхъ молній.

Слѣдъ Нарта въ локоть ширины, въ локоть глубины, въ три локтя длины. Они только ѣдятъ, спятъ, охотятся и воюютъ. Никакой работы они не знаютъ и ни въ какой работѣ не нуждаются. Ихъ питало еще непочатое обиліе земли, рождавшей имъ совсѣмъ готовый хлѣбъ (именно кукурузу, которая и теперь называется у Осетинъ «хлѣбомъ Нартовъ», нартъ-хоръ). Лошади ихъ не знали ни устали, ни разстояній, кормились сами, были разумны, какъ люди, легки, какъ вѣтеръ, храбры, какъ львы.

Нарты еще не знали Бога и не поклонялись ему. Напротивъ того, они воевали съ богами, какъ ихъ собратья титаны греческой миѳологіи. Въ циклѣ нартовскихъ сказаній нартъ Батирасъ играетъ роль не то Прометея, соперничающаго съ богами, не то Геркулеса, совершающаго божественные подвиги.

Онъ уноситъ въ своемъ карманѣ «длину земли», съ помощью своего волшебнаго коня Дурдура; онъ пробуетъ поднять «всю тяготу земную»; онъ одинъ истребляетъ въ кровавомъ бою семью-семь фараоновъ, семью-семь ангеловъ и оскорбляетъ даже самого Бога дерзкимъ отказомъ повиноваться Ему. За гордость свою и неповиновеніе Богу Батирасъ и всѣ Нарты истребляются огнемъ небеснымъ....

И здѣсь, какъ въ Греціи, свѣтлый Зевсъ Олимпа побѣждаетъ темную мощь земныхъ стихій... Но Нарты, хотя и сами великаны, были окружены людьми и животными такихъ размѣровъ, передъ которыми даже они казались карликами. Сванетскій Ампранъ чувствуетъ себя несчастнымъ насѣкомымъ передъ ужаснымъ Берженъ-Дау; Нартъ Урызмагъ, мужъ мудрой сестры своей Сатанэ, чувствуетъ себя точно также передъ людоѣдомъ-великаномъ. Людоѣдъ этотъ — одноглазый и кровожадный, какъ Полиѳемъ Гомера; Урызмагъ продѣлываетъ съ нимъ какъ разъ ту же хитрость, какъ и Гомеровъ Улиссъ: выкалываетъ спящему единственный его глазъ и выползаетъ на четверенькахъ изъ пещеры, въ шкурѣ любимаго козла великана.

Многое заставляетъ думать, что сказка о Полиѳемѣ попала въ «Одиссею» съ береговъ Кавказа.

Звѣри и птицы, съ которыми имѣли дѣло Нарты, были по плечу тогдашнимъ людямъ...

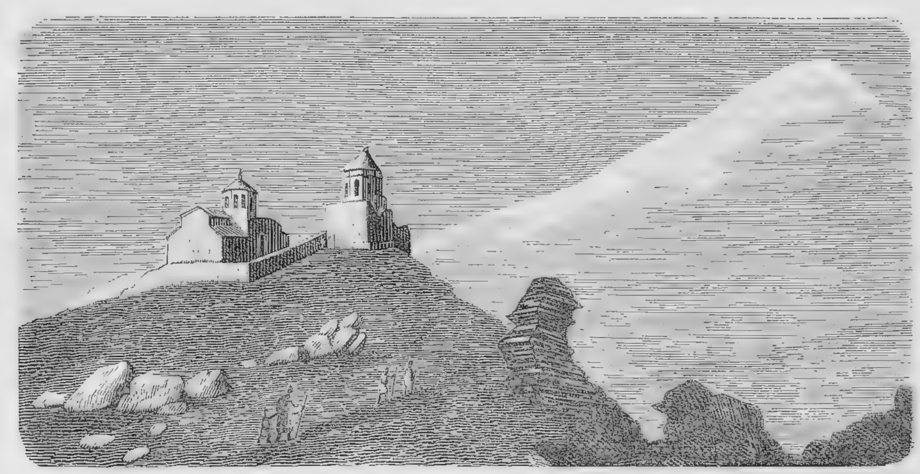
Ястребъ, въ одномъ нартовскомъ сказаніи, уноситъ въ когтяхъ быка, на одной лопаткѣ котораго строится большой аулъ. Лисица перекидываетъ съ боку на бокъ эту лопатку съ ауломъ, какъ маленькую косточку. Дочь великана перевертываетъ эту лисицу, словно мышенка, ударомъ коромысла, и ободравъ ее, шьетъ изъ ея шкуры шапку своему ребенку, но шкура оказывается мала. Таже лопатка попадаетъ въ глазъ пастуху-великану, который принимаетъ ее за занозу....

Вы чувствуете, читая эти чудовищныя гиперболы восточнаго воображенія, что онѣ могли родиться только среди первобытной природы, нетронутой никакою культурою, среди кипящаго обилія и полноты всякихъ естественныхъ силъ, въ тѣ глубокіе и далекіе вѣка сѣдой древности, когда человѣкъ дѣйствительно былъ равноправнымъ соперникомъ дикаго звѣря, когда его непочатая мускульная сила, еще не избалованная заботливымъ уходомъ и удобствами домашняго быта, выковывалась въ неустанной борьбѣ съ грубыми стихіями, когда не зачиналась еще въ человѣчествѣ его сложная духовная жизнь, его религія, искусства, науки, общественныя учрежденія, а переполненные дѣвственными соками жизни человѣческіе организмы умѣли только *жить*, во всемъ непосредственномъ смыслѣ этого слова, какъ жили рядомъ съ ними звѣри и птицы....

Тамъ еще пещера замѣняетъ жилище, камень — оружіе, пастушество и охота — всякія знанія и промыслы....

Оттого нельзя сомнѣваться, что всѣ эти изумительныя сказки о великанахъ, наполняющія Кавказъ, служатъ вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ необыкновенной древности народовъ, создавшихъ эти сказки, непрерывавшейся связи ихъ древней исторіи съ вѣками доисторическаго человѣчества, съ пещерными людьми, съ періодомъ каменныхъ орудій.

Только въ странѣ первобытнаго человѣчества могъ уцѣлѣть такой первобытный эпосъ. На Кавказѣ уцѣлѣлъ не только первобытный эпосъ, но отчасти самые нравы первобытнаго человѣчества, давно забытые въ другихъ странахъ; уцѣлѣла первобытная религія не только обожанія природныхъ силъ, но даже настоящій фетишизмъ, примѣнившійся безъ труда и къ магометанству, и къ христіанству. Бытъ Осетинскаго горца, въ глуши недоступныхъ дебрей какой-нибудь Дигоріи, — это живьемъ сохранившійся бытъ патріарховъ древности; слѣпое повиновеніе отцу семейства, начальнику рода; женщина, обращенная въ безмолвную трудолюбивую рабу; священный культъ гостепріимства, охота, пастушество, — и ничего больше, никакихъ потребностей сношенія съ людьми, никакихъ общественныхъ и государственныхъ стремленій. Каждый «галуанъ», каждая родовая башня — независимое царство съ деспотическою властью отца, знающее только себя, думающее только о себѣ.

Храмъ св. Стефана на Предгоріи.

Обожается съ суевѣрнымъ ужасомъ камень очага, на которомъ разложенъ огонь, обожается столбъ, поддерживающій крышу, обожается даже паутина паука, раскинувшаго свои сѣти въ темномъ таинственномъ углу. Обожается солнце, обожается лѣсъ, обожается рѣка...

Какъ въ дни грубаго язычества, горцы, считающіе себя христіанами, приносятъ благоговѣйныя жертвы и богу охоты, и богу стадъ, и богу болѣзней, и богу хлѣбовъ....

Каждое дѣло, каждое начинаніе связано съ примѣтами, сопровождается заклинаніями. Ворожеи, колдуны, почитаются избранниками боговъ, властителями судьбы человѣка. Ихъ трепещутъ, имъ молятся, отъ нихъ откупаются.

Даже тамъ, гдѣ первобытное многобожіе и первобытный фетишизмъ не такъ явны, въ строго христіанской Грузіи, — и тамъ еще закалываются въ храмахъ жертвы, какъ закалывались онѣ при Ноѣ и Авраамѣ, — козлы, ягнята, пѣтухи; тамъ самая архитектура древнихъ храмовъ еще вполнѣ напоминаетъ форму Ноева ковчега и еврейской скиніи.

2. Кавказъ — ворота народовъ.

Мало того, что Кавказъ былъ колыбелью древняго человѣчества, Кавказъ издревле сталъ и его воротами. Зачавшіяся въ роскошныхъ долинахъ Азіатскихъ и Африканскихъ рѣкъ, на плодородныхъ берегахъ теплыхъ морей, древнія царства, еще на далекой зарѣ исторіи, ведутъ войны съ дикими народами сѣверныхъ равнинъ, черезъ тѣснины Кавказа.

По Грузинской хроникѣ царя Вахтанга, первые набѣги Хозаръ на Закавказскія царства наслѣдниковъ баснословнаго Таргамоса начались еще задолго до Рождества Христова; тогда уже существовали «Морскія ворота», называвшіяся при Вахтангѣ *Дарубанди* (Дербентъ), черезъ которыя и прорывались многочисленныя полчища Хозаръ. Хозары, по увѣренію Вах-

Развалины въ Сванетіи.

танга, узнали тогда же и другой путь черезъ Кавказскій хребетъ — Арагвскія ворота или *Даріалы*.

Переходъ Моисея съ Евреями изъ Египта черезъ Чермное море упоминается Грузинскою хроникою какъ событіе, гораздо позднѣйшее (160 лѣтъ спустя).

До такой степени древними являются «*Кавказскія ворота*» въ воображеніи народовъ, хотя и невозможно довѣрять этимъ баснословнымъ утвержденіямъ грузинской хроники.

Несомнѣнно, что въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, въ эпоху нашествій Скиѳовъ на Персію, «Каспійскія» или Дербентскія ворота, эти «ворота воротъ», по выраженію арабскихъ лѣтописцевъ, уже были выстроены между хребтомъ Кавказа и волнами Каспія.

Они замыкали узкій береговой проходъ толстою каменною стѣною, начинавшеюся за милю отъ берега, въ волнахъ моря, и продолжавшеюся къ западу до недоступныхъ вершинъ хребта. Въ Гелатскомъ монастырѣ Имеретіи до сихъ поръ можно видѣть уцѣлѣвшую половину этихъ

историческихъ Каспійскихъ воротъ, грубо окованную желѣзомъ, отбитую какъ трофей однимъ изъ царей Грузіи.

Черезъ Дарьяльскія ворота, per Darinem, какъ выражались старые римскіе историки, еще чаще двигались народы изъ Европы въ Азію, изъ Азіи въ Европу.

Дарьялъ — это знаменитыя въ лѣтописяхъ «*Кавказскія ворота*». У Римлянъ и въ средніе вѣка они часто назывались Porta Cumana, «ворота Комановъ», т. е. Половцевъ. Эти кочевники хорошо поняли значеніе Дарьяльскаго ущелья, и кочуя у сѣвернаго подножія Кавказа, постоянно старались владѣть ущельемъ, запирая по произволу путь черезъ хребетъ своимъ недругамъ, а сами всегда готовые ринуться на Азіатскія царства черезъ эти открытыя ворота.

Грузинскій царь Мирванъ, жившій во II вѣкѣ до Рождества Христова, по сказаніямъ Грузинской хроники, уже засталъ въ ущельѣ ворота, преграждавшія тѣснину рѣки, и приказалъ заложить ихъ на-глухо, чтобы вовсе не пропускать въ Грузію кочевниковъ и горскихъ разбойниковъ, а тутъ же надъ воротами, на одинокомъ обрывистомъ утесѣ, построилъ крѣпкій замокъ, развалины котораго видны до сихъ поръ на скалѣ Тамары.

Кто не зналъ въ далекіе старые вѣка этихъ воротъ и этого замка, — отъ крѣпости которыхъ зависѣла судьба цѣлыхъ царствъ и народовъ, владѣть которыми значило владѣть всѣмъ Закавказьемъ!....

Римскіе географы, напримѣръ, описываютъ Дарьяльскую тѣснину такъ обстоятельно и мѣтко, какъ будто они видѣли ее собственными глазами.

«Между горами, которыя вдругъ, разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиліемъ проходъ, запертый воротами изъ бревенъ, окованными желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Диріодорисъ. Сбоку, на скалѣ, стоитъ замокъ Куманія, достаточно укрѣпленный для того, чтобы преграждать путь безчисленнымъ племенамъ.»

Такъ повѣствуетъ Плиній о «Кавказскихъ воротахъ». Страбонъ говоритъ про нихъ почти то же самое:

«Ущелье рѣки въ концѣ 4 дней приводитъ къ берегамъ Араго (т. е. Арагвы), гдѣ неприступная стѣна, прислоненная къ замку, преграждаетъ дорогу.»

Грузинскій географъ, царевичъ Вахумта, писавшій въ XVIII столѣтіи, еще видѣлъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ «ворота изъ камней скалы, связанныхъ цементомъ», подъ которыми ревѣли волны Терека, видѣлъ на скалѣ «большой и крѣпкій замокъ», построенный, какъ тогда думали, царицею Тамарою противъ набѣговъ дикихъ Оссовъ.... Тамара несомнѣнно возобновила и укрѣпила замокъ, существовавшій, повидимому, съ доисторическихъ временъ.

Кто хочетъ получить вѣрную идею Кавказа и кому некогда посвятить на это много времени, — пусть посѣтитъ только одинъ Дарьялъ и его замокъ Тамары.

Въ Дарьялѣ — портретъ цѣлаго Кавказа, весь его историческій смыслъ, весь типическій характеръ его горнаго рельефа и его ландшафтной живописи.

Проѣхать Дарьялъ, — это почти проѣхать Кавказъ.

Черныя горы стѣнами, шатрами, пирамидами, то лохматыя отъ словыхъ лѣсовъ, то совсѣмъ до кости голыя, одѣтыя, какъ панцырь, въ черную гранитную плиту, то сіяющія своими далекими снѣгами, будто серебро царственныхъ вѣнцовъ,—сдавливаютъ узкую темную тѣснину, словно ножемъ прорѣзанную среди нихъ, напирая на нее со всѣхъ сторонъ, поднимая свои каменныя и ледяныя макушки одна изъ-за плечъ другой.

Забывшись, кажется, будто эта толпа окаменѣвшихъ титановъ съ безмолвнымъ упорствомъ лѣзетъ другъ изъ-за друга, чтобы поглазѣть изъ глуши своего заточенья на дико прыгающаго, дико ревущаго звѣря, обдающаго ихъ своей бѣшеной пѣной, злобно грызущаго ихъ утесы, потрясающаго все это сырое и глухое ущелье своими неистовыми воплями и всплесками.

Даже стойкому и привычному духу жутко въ этой черной тѣснинѣ, загородившей небо,

Г. IX.

Бурундукъ-кальская башня и спускъ отъ нея къ Ирганаю. (Дагестанъ).

не пропускающей въ себя солнечнаго луча, полной дьявольскаго шума и дьявольскаго разрушенія.

Пугливо подрагиваетъ чуткими ушами и косится своимъ кровью налитымъ глазомъ бойкій конекъ, пронося надъ обрывами клокочущихъ водъ суроваго всадника, увернутаго въ черную мохнатую бурку, въ черный мохнатый башлыкъ, съ ружьемъ въ черномъ мохнатомъ чахлѣ.

Эта молчаливая фигура горскаго наѣздника, мохнатаго, какъ коршунъ, хищнаго, какъ коршунъ, одиноко рыскающаго, какъ коршунъ, — такъ подходитъ ко всей безотрадной, дикой обстановкѣ Дарьяла! А тамъ, въ далекой глубинѣ неба, которое отсюда кажется еще дальше, еще глубже, плаваютъ, неподвижно распластавъ свои могучія крылья, другіе хищники пустыни — горные орлы.

Орлы подъ облаками да рогатые туры на заоблачныхъ утесахъ, — вотъ населеніе Дарьяла. Горецъ, живущій въ его тѣснинѣ, въ ущельяхъ, въ нее впадающихъ, смѣлъ какъ этотъ орелъ ловокъ какъ эти туры. Онъ неутомимый охотникъ на туровъ, онъ преслѣдуетъ ихъ въ одиночку съ утеса на утесъ, отъ пропасти къ пропасти; какъ они, онъ живетъ въ облакахъ и снѣгахъ, и его сердцу нѣтъ радостнѣе картины, какъ эти зіяющія бездны и эти тѣснящіяся громады.

Посмотрите на аулъ этого горца, на его старинную башню.

Это нора звѣря, устроенная изъ осыпей скалъ, на уступѣ утеса, темная, какъ нора, незамѣтная чужому глазу и недоступная чужимъ шагамъ. Черные аулы лѣпятся по чернымъ обрывамъ цѣлыми ярусами плоскихъ земляныхъ крышъ, словно гнѣзда стрижей или каменныхъ скворцовъ.

Еще выше, еще недоступнѣе этихъ звѣриныхъ норъ, на какомъ-нибудь голомъ утесѣ, господствующемъ надъ окрестностью, торчитъ полуслѣпая высокая башня съ узкими прорѣзами бойницъ, кверху суженная, сложенная изъ кусковъ скалы, какъ скала крѣпкая, какъ скала старая, незамѣтно сливающая съ цвѣтомъ скалы цвѣтъ своихъ замшившихся стѣнъ. Мрачно и грозно глядятъ эти жилища человѣка среди мрачной и грозной тѣснины. Не объ удобствахъ и радостяхъ жизни, не о мирныхъ трудахъ семьи говорятъ они, а о вѣчной войнѣ, вѣчной враждѣ, вѣчной опасности.

Какая тутъ нужда въ свѣтѣ, въ просторѣ?

Залѣзть въ свою нору отъ осенняго ливня, отъ ночной грозы, отъ преслѣдованія врага, выспаться тамъ да проглотить свой скудный, съ боя добытый кусокъ хлѣба, отогрѣться у разведеннаго очага отъ зимней непогоды, — никакихъ другихъ требованій не предъявляетъ суровый горецъ своему темному каменному логовищу.

Тутъ все кругомъ только вражда и борьба. Терекъ рветъ скалы; скалы заваливаютъ Терекъ; снѣговыя лавины рушатся на лѣса и сносятъ ихъ въ бездны; орелъ уноситъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ дикаго козленка; облака закутываютъ солнце и небо, вѣтеръ теребитъ въ клочки облака: — въ этой обстановкѣ воспитывался съ дѣтства духъ горца; онъ поддавался стихіямъ, властвующимъ надъ нимъ, какъ и надъ всѣмъ кругомъ, жилъ съ этими стихіями, поступалъ какъ онѣ.

У скалы Тамары Дарьялъ обращается въ настоящія ворота, запирающія непроходимую твердыню Кавказскаго хребта... Здѣсь Терекъ сдавленъ гранитными стѣнами подоблачной высоты, буквально какъ въ клѣткѣ...

«Онъ тамъ — играетъ въ свирѣпомъ весельѣ,
«Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
«Завидѣвши птицу изъ клѣтки желѣзной,
«И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
«И лижетъ утесы голодной волной...
«Вотще! — нѣтъ ни пищи ему, ни отрады...
«Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады....»

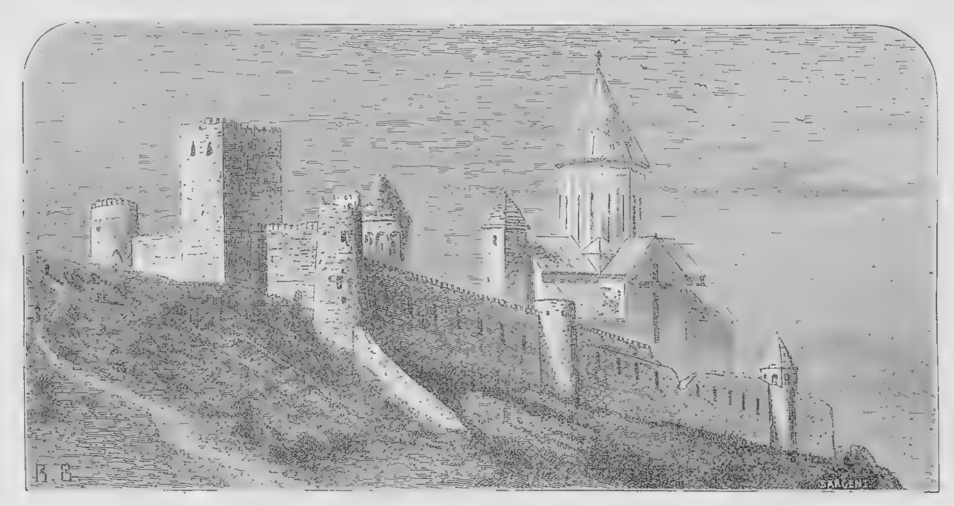
Терекъ дѣйствительно звѣрь; это не одно красное словцо поэта. Вы всѣмъ существомъ своимъ вѣруете въ это, когда смотрите на него, когда находитесь въ его власти. Столько

напряженной, осязательной, ощущающей жизни умъ не въ силахъ совмѣстить съ понятіемъ о смертной природѣ. Нѣтъ, — рѣка, море, гроза небесная, — это далеко не мертвая природа! Это такая же индивидуальная, самобытная жизнь, какъ и все несомнѣнно живое, — тутъ движеніе, тутъ страсти, тутъ даже голосъ жизни....

Терекъ дѣйствительно бѣжитъ вамъ на встрѣчу, словно необыкновенно страшный и необыкновенно красивый звѣрь, неистово прыгая, потрясая гривою, рыча и завывая.... Вы ощущаете это дрожью своихъ нервовъ, головокруженіемъ ужаса...

«И Терекъ, бѣшеный какъ львица,
«Съ косматой гривой на хребтѣ!...»

Онъ дѣйствительно живетъ здѣсь, въ этихъ дикихъ горахъ, словно ихъ природный царь и владыка, смѣло прокладывая себѣ путь черезъ всѣ препятствія, торжественно трубя свои побѣдныя пѣсни.... Тамъ, въ далекихъ верхнихъ долинахъ, подъ ледниками Казбека, онъ

Монастырь св. Георгія при Ананурской станціи.

представляется вамъ веселымъ легкимъ юношей, несущимся съ радостной пѣсней, въ искрящихся лучахъ солнца, на встрѣчу всякимъ случайностямъ жизни... Онъ

...«родился у Казбека,
«Вскормленъ грудью облаковъ...»

Здѣсь, «въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла», — онъ уже «роется во мглѣ», суровый и безпощадный, разрушая скалы, разбрасывая камни, расплескивая пѣну своихъ водъ.

Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.

Скала Тамары поднимается обрывистымъ, одинокимъ утесомъ, какъ-разъ посреди ущелья какъ-разъ посреди водоворота Терека. На плоской вершинѣ ея уже не видно больше неприступнаго замка, такъ долго ее вѣнчавшаго, такъ долго запиравшаго на ключъ историческую дверь народовъ изъ одного свѣта въ другой. Однако развалины башни и стѣнъ еще напоминаютъ путешественнику о томъ таинственномъ убѣжищѣ, въ которомъ, если вѣрить поэтической легендѣ, жила когда-то страшная красавица Тамара,

«Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
«Какъ демонъ коварна и зла».

Въ дикой обстановкѣ Дарьяльскаго ущелья, подъ бѣшеныя напѣвы Терека, видно, даже любовь невольно принимала звѣрскій и губительный характеръ.... Поцѣлуй любви раздавался

въ этомъ мрачномъ хаосѣ волнъ и камней, какъ ночная оргія «ста юношей пылкихъ и женъ», и смерть, а не рожденіе была плодомъ свирѣпой любви....

Не видно больше и знаменитыхъ воротъ у подножія скалы; только русская крѣпость самаго правильнаго, казеннаго вида, съ казармами и часовыми, играющая теперь роль этапнаго дома, — прозаически ютится въ тѣни славнаго утеса, воспѣтаго поэтами. Новая цивилизація не гонится за вершинами скалъ, на которыя неудобно возить бочки воды и крупу для гарнизона, и съ этой трезвой хозяйственной точки зрѣнія предпочитаютъ безцвѣтную равнину съ шоссейною дорогой самымъ живописнымъ обрывамъ....

За Дарьялъ велись нескончаемыя войны между народами. Половцы отнимали ихъ у Грузинъ, Грузины у Оссовъ, Греки у Персовъ, Турки у Грековъ; Арабы въ VIII вѣкѣ содер-

Видъ Кавказской степи въ пригорной части.

жатъ въ Дарьялѣ свой гарнизонъ. Давидъ Гургасланъ въ V вѣкѣ собираетъ 100,000 грузинскаго войска и беретъ приступомъ Дарьяльскія ворота, защищаемыя Оссами и Хозарами.

Въ XIII вѣкѣ Монголы Чингисъ-хана силою прорываются черезъ Дарьялъ, покоряя всѣ Кавказскія царства, наводняя русскую равнину.

Двукратно двигаются черезъ Дарьялъ и полчища страшнаго Тимуръ-Ленга. Это—единичные примѣры. Въ каждомъ столѣтіи ихъ можно было бы привести нѣсколько....

Всегда и для всѣхъ народовъ, переходившихъ черезъ Кавказъ, Дарьялъ служилъ или воротами защиты, или воротами нападенія, въ одно и то же время — ключемъ отъ Азіи и отъ Европы.

За то же и видалъ виды старый Дарьялъ, старый Кавказъ... Можно сказать смѣло, что никакая другая мѣстность міра не имѣла такой разнообразной исторіи. Слѣды этихъ безчисленныхъ историческихъ наслоеній, этого безпримѣрнаго смѣшенія и столкновенія самыхъ противоположныхъ народовъ древняго и новаго міра, сохранились на Кавказскомъ перешейкѣ до нашихъ дней. Казалось, въ его глубокихъ тѣснинахъ, извивающихся среди горныхъ громадъ, въ глухихъ, недоступныхъ котловинахъ его хребтовъ, среди его пропастей и заоблачныхъ вершинъ, въ тучныхъ равнинахъ и роскошныхъ берегахъ, прилегшихъ къ его

титаническимъ твердынямъ и загороженныхъ этими твердынями, какъ необоримою стѣною, воды непрерывнаго человѣческаго потока, наплывавшаго въ теченіе тысячелѣтій, то съ юга, то съ сѣвера, волей-неволей застрѣвали и оставляли части самихъ себя, наливая среди горъ маленькія и большія озера всевозможныхъ племенъ, языковъ и религій, словно неизбѣжную историческую пошлину вѣковому сторожу двухъ материковъ.

---

3) Кавказъ какъ историческій музей.

Оттого-то Кавказъ представляетъ теперь собою такой музей историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ сокровищъ, какого не встрѣтишь въ цѣломъ мірѣ. Изучить Кавказъ — это значитъ изучить исторію и этнографію почти всего человѣчества. Не только отдѣльные ученые,—какъ бы ни были почтенны ихъ личныя силы,—цѣлыя академіи ученыхъ могутъ изучать Кавказъ десятки лѣтъ, и все-таки не будутъ въ состояніи исчерпать всѣхъ безцѣнныхъ научныхъ матерьяловъ, которыми кишитъ каждая мѣстность, каждая народность Кавказа.

Филологи имѣютъ въ Кавказѣ живой институтъ языковъ, не одниxъ только восточныхъ или южныхъ, но и всякихъ другихъ. Въ этой области Кавказъ можетъ повести къ открытіямъ широкой научной будущности, которыхъ нельзя достаточно оцѣнить. Здѣсь можно еще откопать такія нарѣчія, которыя составляютъ первобытныя ступени развитія когда-то общаго всѣмъ народамъ Европы арійскаго языка; здѣсь можно наткнуться на такія сочетанія и сплетенія разнородныхъ теченій человѣческой рѣчи, которыя въ состояніи освѣтить новымъ свѣтомъ глубокія заманчивыя тайны нашего слова. Нельзя сомнѣваться, что въ живомъ этнографическомъ музеѣ Кавказа исторія сохранила намъ образцы всѣхъ послѣдовательныхъ формацій своихъ, точно такъ же какъ природа сохранила послѣдовательныя очереди своихъ когда-то существовавшихъ организмовъ, животныхъ и растительныхъ, въ геологическомъ наслоеніи земныхъ пластовъ. Такимъ образомъ, на Кавказѣ мы можемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, видѣть своими глазами и слышать своими ушами людей, языки и бытъ, исчезнувшіе съ лица остальной земли многія столѣтія тому назадъ и сохранившіеся, почти безъ всякаго измѣненія, въ пустынной дичи ледниковъ какой-нибудь Дигоріи или Сванетіи, точно такъ же какъ въ снѣговыхъ необитаемыхъ пустыняхъ Ледовитаго побережья Сибири мы до сихъ поръ находимъ нисколько не измѣнившимися мускулы, шерсть, кости и даже нѣжные нервы допотопныхъ мамонтовъ. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать многія оригинальныя особенности Кавказскихъ горцевъ, и въ этомъ именно смыслѣ интересоваться ими.

Если бы Тэйлоры, Бастіаны, Гексли и другіе прославленные антропологи наши посвятили Кавказскимъ племенамъ хотя небольшую часть тѣхъ трудовъ и того времени, которые употребили они на ознакомленіе съ обычаями и вѣрованіями первобытныхъ племенъ, разсѣянныхъ по всему земному шару, то они могли бы здѣсь, на небольшомъ пространствѣ и въ сосредоточенномъ видѣ, найти много того, что̀ имъ приходилось собирать по зернышку, то тутъ, то тамъ; конечно, они нашли бы много и такого, что̀ они еще не встрѣчали нигдѣ. Юридическіе и семейные обычаи многихъ племенъ Кавказа пахнутъ такими преданіями Ветхаго Завѣта, что, наблюдая ихъ, вы словно спускаетесь во мракъ временъ, ко днямъ Кира, Навуходоносора, или Сезостриса.

Дряхлый пантеизмъ Индусовъ, грозный Іегова древнихъ Израильтянъ, кажутся новизною и высокою ступенью развитія передъ грубымъ трусливымъ фетишизмомъ нѣкоторыхъ современныхъ намъ Кавказскихъ народностей, словно онѣ едва отдѣлались отъ вѣка свайныхъ построекъ и кремневыхъ орудій.

Войдите въ старинную божницу какихъ-нибудь Дигорцевъ или Алагирцевъ, напримѣръ, въ Рекомъ, у аула Цей: пустынный низенькій домикъ изъ громадныхъ бревенъ, весь кругомъ

обвѣшанный рогатыми головами туровъ, обваленный костями и рогами; жители не только приближаются къ нему со страхомъ, но даже произносятъ имя Рекомъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ и лишь въ крайней необходимости. Тяжелая дверь обита заржавленнымъ желѣзомъ; за дверью, въ притворѣ, огромная куча стрѣлъ, копій, сломанныхъ луковъ и колчановъ.

Обвѣтшавшія, почти провалившіяся стѣны храма увѣшаны тлѣющими лохмотьями платьевъ и платковъ; полъ и скамьи засыпаны амулетами и жертвами; тутъ груды стеклянныхъ бусъ, глиняныя фигуры оленей, коровъ, овецъ, гусей и утокъ, бронзовые колокольчики, орѣхи, нанизанные на нитку, битыя кружки, тарелки, горшки, серебряныя и мѣдныя монеты. Съ наивною вѣрою ребенка несетъ Осетинъ въ свое древнее капище, странному богу своего племени, все то, чему онъ проситъ защиты и помощи.

А между тѣмъ это — *христіанскій храмъ;* вы различите въ немъ и старую икону св. Уастырджи, т. е. Св. Георгія, патрона храма, и полуразрушенный иконостасъ, раздѣлявшій, по убѣжденію Осетинъ, храмъ ихъ на двѣ части, на адъ и на рай (дзенетъ). Св. Георгій превратился незамѣтно въ языческаго «дзуара», духа-покровителя племени, «домоваго» въ своемъ родѣ, которому приносятъ въ жертву туровъ, оленей, барановъ, среди попоекъ и Олимпійскихъ игрищъ своего рода.

«Уастырджи» (св. Георгій,)— это воинъ, наѣздникъ, стало быть — «*богъ мужчинъ*»; у женщинъ есть другой богъ; у настуховъ свой богъ; у охотниковъ — тоже свой. Всякій аулъ, всякая сакля имѣютъ особаго бога (дзуара); богу аула строится особая башня, надъ ауломъ (арвягдъ), гдѣ онъ живетъ, откуда онъ охраняетъ аулъ, гдѣ ему молятся и приносятъ жертвы; никто кромѣ жреца, начальника рода, не имѣетъ права войти въ низенькую дверь капища, уставленнаго стаканчиками съ принесеннымъ богу пивомъ, заваленнаго и обвѣшаннаго амулетами. Каждый звѣрь имѣетъ тоже своего бога: «Тутыръ» — это богъ волковъ; «Фанвара» — богъ овецъ; «Овсати» — богъ туровъ и оленей; «Уацилла» — богъ хлѣбовъ и травъ, и т. д. Даже болѣзни имѣютъ своихъ покровителей. Рынъ — это богъ заразы; Аларды — богъ оспы; имъ также воздвигаются капища, воспѣваются молитвы, приносятся жертвы. Вообще, каждая вещь, каждое событіе жизни, каждое явленіе природы вмѣщаютъ въ себѣ свое особое божество и повинуются ему. Мудрые старые люди, умѣющіе умилостивить этихъ боговъ или святыхъ, знающіе молитвы и обряды про всякій житейскій случай, пользуются высокимъ почетомъ за свое знахарство, и къ нимъ постоянно прибѣгаютъ за помощью. Безъ нихъ не обходится ни свадьба, ни похороны, ни рожденіе ребенка; они заклинаютъ и «святаго паутины», и «святаго волосъ, и ногтей», и «святаго травъ и вѣтровъ», и «святаго червяковъ, жуковъ и змѣй», и «бога болѣзней», и «бога ума и любви», и «святаго спины», и «святаго живота», и «святаго, охраняющаго отъ паденья арбу», и «ангела головы», и «священную цѣпь», и «священный столбъ сакли». Это, однако, религія горскихъ «*христіанъ*» Кавказа, а не язычниковъ; дѣйствительно, они знаютъ и св. Николая (Микалъ-Габырта), и св. Илію, или «Елю» (Уацилла), и Мады-Майранъ, т. е. Мать Марію, Богородицу. Даже Чиристи (Христосъ) настолько не безъизвѣстенъ Осетинамъ, что въ Пасху они рѣжутъ ягненка и пекутъ чуреки. «О, Чиристи! всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣсто», — поютъ притомъ они, чистосердечно выдавая всѣ свои матеріальные разсчеты и наивно смѣшивая Чиристи съ русалками и духами своихъ языческихъ вѣрованій. «О, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и святая Пасха, наполните домъ этотъ всѣми благами міра! О, святая Пасха, чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ!...»

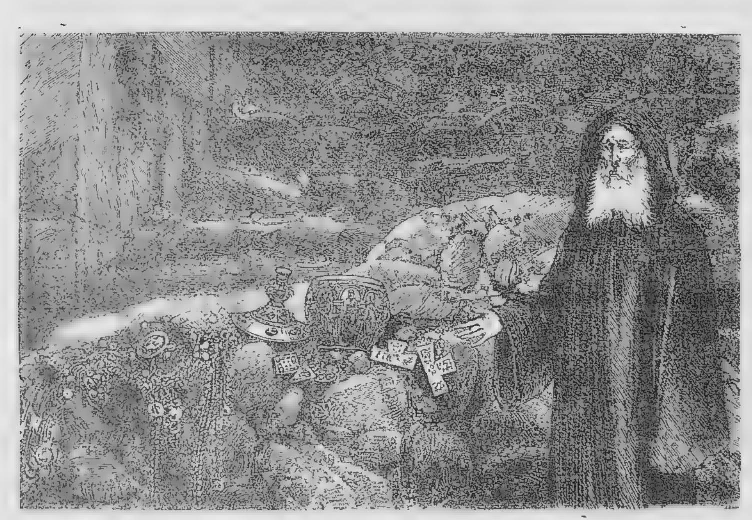
Съ такимъ же дѣтскимъ простодушіемъ и такимъ же грубо матерьяльнымъ разсчетомъ молится Осетинъ и всѣмъ другимъ богамъ своимъ. Онъ никогда, напримѣръ, не дозволитъ себѣ убить ни одного дикаго животнаго, не испросивъ предварительно позволенія у бога туровъ и оленей. Положивъ на священный камень какого-нибудь утеса три жертвенные сырника, охотникъ прежде всего возноситъ такую мольбу:

«О, Овсати! я, бѣдное созданіе божіе, пришелъ къ подножію твоему, въ надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного бѣднаго оленя или козла. Молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя.»

«Звѣрь Овсати» раздается бѣднымъ аула и всякому путнику, котораго повстрѣчаетъ охотникъ. Иначе Овсати уже никогда не дастъ ему счастія.

Уациллѣ, «хлѣбному богу», или Елѣ, приносится въ жертву баранъ или козелъ, котораго голову и шкуру вѣшаютъ на длинномъ шестѣ, чтобы поближе были къ небу, гдѣ живетъ Еля, на томъ самомъ мѣстѣ, куда ударилъ громъ...

«Уацилла, сегодня твой день, и мы усердно молимъ тебя, помоги намъ, — сдѣлай такъ, чтобъ житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха... съ остатками!»—восклицаетъ старикъ, отправляющій роль жреца.

Мингрельскій священникъ.

Въ такомъ же родѣ вѣрованія разныхъ Тушинъ, Пшавовъ, Хевсуровъ, Сванетовъ и другихъ *«одичавшихъ христіанъ»* Кавказа.

Христіанство, принесенное на Кавказъ еще Христовыми апостолами и первыми учениками ихъ, Андреемъ Первозваннымъ, Варѳоломеемъ, Симономъ Хананейскимъ, проникало въ горы съ восточнаго побережья Чернаго моря, отъ Византійскихъ Грековъ и Генуезцевъ, точно такъ же, какъ и съ юга, изъ Грузіи, крестившейся еще въ IV вѣкѣ. Но проповѣдь Христа, не поддержанная постояннымъ общеніемъ съ христіанскими странами, особенно послѣ нашествія на Кавказъ разныхъ мусульманскихъ народовъ, только сообщила нѣкоторую своеобразную окраску глубоко укорененному язычеству горцевъ, подавленныхъ силами своей дикой природы, боготворившихъ ее, трепетавшихъ передъ всѣми ея случайностями. Чиристи и Мады-Майрамъ только вошли въ первобытный пантеонъ безчисленныхъ божествъ горца и прибавили лишнее заклинаніе, лишній фетишъ колдунамъ и жрецамъ. Грамотности не было, книгъ не было, священниковъ не было, или было такъ мало, что когда умиралъ одинъ, его замѣняли безграмотные старики, по памяти повторявшіе христіанскія молитвы и исказившіе ихъ въ теченіе вѣковъ до тѣхъ языческихъ заклинаній, которыя мы только что привели.

Эти «папары» и «деканозы», родовые жрецы, сдѣлались мало-по-малу главными разсадителями язычества въ горахъ, главными врагами истиннаго христіанства, вездѣ куда не успѣла пробиться Магометова вѣра.

Восточный Кавказъ омусульманился почти весь; Персы и Арабы, проходившіе Каспійскими воротами, уже начиная съ VII вѣка, обращаютъ въ исламъ береговыя ханства Кавказа, жителей Дагестана и Чечни. Только небольшія племена Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ, граничившія съ Грузіей, удержали свое «языческое христіанство». Но мусульманство Кавказскихъ горцевъ проникнуто тѣмъ же первобытнымъ язычествомъ, какъ и христіанство.

Религія огня, глубочайшей древности, можетъ быть непосредственно слѣдовавшая за грубымъ первобытнымъ фетишизмомъ, точно также уцѣлѣла на Кавказѣ. Въ историческое

время вся Арменія и Грузія держались этой религіи. Въ Тифлисѣ до сихъ поръ видны остатки храма маговъ, т. е. огнепоклонниковъ, около Петханиской церкви Армянъ, недалеко отъ старой крѣпости. Когда въ IV вѣкѣ христіанство проникало на Кавказъ, то оно должно было бороться больше всего съ этою религіею Ормузда или Арамазда, какъ его называли Армяне, разрушать кумирни огня и изгонять волхвовъ...

Въ Тильсѣ, Еризѣ и Ани находились главныя капища огнепоклонниковъ, полныя въ то же время языческихъ кумировъ, среди которыхъ Юпитеръ былъ обращенъ въ Арамазда (Ормузда). Значитъ, сохранившійся до нашихъ дней культъ огня полунищихъ Бакинскихъ Гвебровъ представляетъ собою только жалкій, одинокій обломокъ когда-то повсемѣстно господствовавшихъ народныхъ вѣрованій Кавказа, торжественно воздвигавшихъ богу-огню великолѣпные храмы и жертвенники....

Еще одна первобытная религія оставила на Кавказѣ глубокіе слѣды, не стертые до сихъ поръ всѣми треволненіями его исторіи. Народы Кавказа во множествѣ мѣстъ до сихъ поръ поклоняются священнымъ дубамъ и рощамъ, какъ поклонялись имъ когда-то Кельты, Литовцы, Эпирцы и другіе старые народы Европы. Культъ священныхъ древесъ уцѣлѣлъ даже въ сравнительно образованныхъ странахъ, какъ въ Мингреліи, Имеретіи, Кахетіи, Абхазіи, этихъ странахъ могучихъ титаническихъ деревьевъ, не рѣдко вѣнчающихъ зеленые холмы. Еще Апостолъ Андрей Первозванный, по преданію Грузинъ, рубилъ сѣкирою эти тысячелѣтнія лѣсныя божества, и древній Мингрельскій монастырь Мартвили, когда-то бывшій священною рощею туземцевъ, сохранилъ эти отдаленныя воспоминанія исторіи нетолько въ старомъ названіи своемъ Дчконъ-Диди (Большой-дубъ) и въ названіи своихъ епископовъ, Дчкондидели, т. е. епископы изъ страны дубовъ, но и въ подлинныхъ исполинскихъ липахъ, быть можетъ, бывшихъ свидѣтелями подвиговъ Апостола.

Такіе же патріархи лѣсовъ до сихъ поръ вѣнчаютъ въ торжественномъ одиночествѣ множество другихъ, давно оголенныхъ холмовъ Кавказа, охраняемые суевѣрнымъ благоговѣніемъ жителей, которые еще не вполнѣ разорвали свою душевную связь съ языческими вѣрованіями старины, и все еще продолжаютъ смотрѣть на этихъ титановъ растительнаго царства, какъ на таинственныя божества своего рода....

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кавказа цѣликомъ еще сохранились обряды поклоненія священнымъ деревьямъ; вокругъ нихъ собираются въ извѣстные праздники, приносятъ имъ въ жертвы животныхъ, поютъ молитвы, ставятъ въ ихъ дупла образа, благоговѣйно обводятъ ихъ, по грузинскому обычаю, нитками, словно стѣны храма....

Древнее принесеніе кровавыхъ жертвъ вообще сохранилось даже въ строго-христіанской Грузіи, и нѣтъ ни одного народнаго праздника, ни одной старой часовни, гдѣ бы ни рѣзались бараны или пѣтухи на притворѣ церкви, во славу Божію... Въ церкви одного Грузинскаго селенія въ извѣстный день рѣжется до 3,000 пѣтуховъ....

Чинаровыя рощи, окружающія знаменитый въ исторіи Армянъ городъ Ани, почитались священными во всемъ Армянскомъ народѣ, съ глубочайшей древности, до того, что имъ былъ посвященъ и даже принесенъ въ жертву царь Анушеванъ....

Еще одна религія глубокой древности,— Моисеева,— проникла на Кавказъ въ незапамятныя времена и съ изумительною стойкостью удержалась въ немъ до сихъ поръ. Не только Арменія Грузія, Имеретія имѣютъ множество еврейскихъ селеній, но даже въ глуши Кавказскихъ горъ есть многочисленные аулы горскихъ Евреевъ.... Кромѣ того, нѣкоторыя племена Дагестана, какъ напримѣръ Андійцы, Табасаранцы, а въ Сванетіи Лохмульцы, по темному преданію, считаются еврейскаго происхожденія. Вообще, все заставляетъ думать, что Евреи обитали на Кавказѣ съ глубочайшей древности и что они составляли когда-то одно изъ господствовавшихъ туземныхъ населеній. Разные азіятскіе завоеватели расселяли ихъ изъ Палестины между Каспіемъ и Чернымъ моремъ еще гораздо ранѣе Навуходоносорова плѣненія Вавилонскаго, и когда Зорова-

вель собралъ въ Іерусалимѣ для возобновленія храма 50,000 Евреевъ, а потомъ при Артаксерксѣ Долгорукомъ Ездра привелъ въ Іерусалимъ новый караванъ Евреевъ, то Евреи эти составляли только небольшую часть всего племени, оставшагося на мѣстахъ своихъ разновременныхъ «плѣненій». Вслѣдствіе этого, путешественники и писатели первыхъ временъ христіанства находили огромныя массы Евреевъ въ Арменіи, Грузіи, Дагестанѣ. Въ IV вѣкѣ нашей эры, Февстъ Византійскій нашелъ въ Армянскомъ городѣ Зарахванѣ 8,000 еврейскихъ семействъ на 5,000 армянскихъ, въ Еруандашатѣ 30,000 домовъ, въ Нахчеванѣ 16,000 и т. д. Сами цари Армянскіе и Грузинскіе изъ племени Багратидовъ (Багратіоновъ) были Евреи, потомки царя Давида. Св. Нина, просвѣтительница Грузіи, нашла множество Евреевъ, еще говорившихъ на древне-библейскомъ языкѣ, въ Мцхетѣ и другихъ городахъ Грузіи, и этимъ, отчасти, объясняется быстрый успѣхъ христіанства на Кавказѣ.

Оттого-то Мцхетъ связанъ съ древнѣйшею христіанскою легендой о пребываніи въ немъ хитона Спасителя, а еврейскія преданія о потопѣ и Ноѣ пріурочены къ Кавказскому Арарату. Большое сходство грузинскаго типа съ еврейскимъ, множество словъ еврейскаго корня въ грузинскомъ языкѣ, даже самое названіе Грузіи—Иберъ (Еверъ), видоизмѣненное въ Имеръ (Имеретія), — все это показываетъ, что Евреи съ глубочайшей древности участвовали какъ составная часть Кавказскихъ народностей.

Они до сихъ поръ еще вмѣшиваютъ въ свою рѣчь слова библейскаго языка, давно забытаго ихъ соплеменниками другихъ странъ, до сихъ поръ называютъ сыновей и дочерей своихъ тѣми самыми именами, которыми называли себя Евреи еще въ дни странствованія по пустынѣ, въ дни своихъ судей и первыхъ царей,—именами, давно исчезнувшими изъ употребленія другихъ Евреевъ. До сихъ поръ, принимая гостя, обмываютъ ему ноги и закалываютъ барана. О магометанствѣ, о христіанствѣ Кавказа и говорить нечего: тутъ Персы-шіиты, Татары-сунниты, тутъ горцы разныхъ мусульманскихъ сектъ, тутъ православные Грузины, Армяне-грегоріанцы, Армяне-католики, не считая всякихъ Русскихъ-сектантовъ, Нѣмцевъ-лютеранъ и пр., и пр. Въ Кавказской Арменіи есть даже секта іезидовъ, поклонниковъ дьявола, которыхъ, конечно, не встрѣтишь ни въ какой другой области Россіи. Оттого-то Кавказъ чистый кладъ для археологовъ. Тутъ можно зарыться на всю жизнь въ разнороднѣйшихъ памятникахъ древности.

А такъ какъ изученіе этихъ памятниковъ тутъ происходитъ не въ залахъ академической коллекціи, а въ дикихъ трущобахъ горъ, въ очаровательныхъ долинахъ цвѣтущаго, плодами обильнаго юга, въ оригинальныхъ восточныхъ городахъ, то рѣдко гдѣ археологическая любознательность является въ такой живой формѣ, какъ на Кавказѣ, рѣдко гдѣ можетъ доставить бо̀льшее наслажденіе...

Отъ циклопическихъ долменовъ рѣкъ Пшада и Джубы, пещерныхъ городовъ Товина или Уплисъ-Цихе, первобытныхъ усыпальницъ Мцхета, до римскихъ сооруженій, языческихъ капищъ, средневѣковыхъ башень, византійскихъ храмовъ, персидскихъ дворцовъ,—вы можете изучать въ разныхъ уголкахъ Кавказа всевозможные образцы человѣческаго искусства всякаго времени, всякихъ народовъ...

Хотите, отправляйтесь черезъ дебри и пропасти въ заоблачную дичь Вольной Сванетіи, посмотрѣть ея громадныя, 5, 6, 7 и даже 9-ти этажныя башни, на постройку которыхъ сбирались цѣлыя общины, и которыя строились цѣлые года... По колыхающемуся мостику изъ ліанъ дикой винограднины, который подбрасываетъ васъ какъ стальныя пружины, качается и гнется будто паутина надъ клокочущею бездною какого-нибудь Ингура, переберитесь, если не закружится голова, и если выдержатъ ноги, въ эти глухія и непроходимыя ущелья, поднимающіяся мало-по-малу къ самымъ ледникамъ Кавказскаго хребта, гдѣ живутъ никѣмъ не посѣщаемые, никого не видавшіе въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ вольные Сванеты, смѣлые охотники на туровъ, вѣчные воины и вѣчные разбойники. Тамъ каждая деревенька, прилѣпив-

шаяся къ обрыву пропасти, ничто иное какъ кучка башень, недовѣрчиво столпившихся вмѣстѣ, готовыхъ ежеминутно къ защитѣ и нападенью... Опасность грозитъ тамъ не только отъ чужесельца и иноплеменника, отъ какого-нибудь Карачаевца, который перебирается съ дерзостью и ловкостью шакала черезъ вѣчные льды хребта, отъ сѣверныхъ склоновъ Кавказа на южный, отгонять табуны и стада Лохмульцевъ или Ушкульцевъ. Нѣтъ,—опасность даже въ своемъ собственномъ племени, даже въ собственномъ селеніи своемъ, не отъ ближняго, такъ дальняго сосѣда, съ которымъ сталкиваетъ законъ кровавой мести и старые семейные счеты.

Оттого-то мирныя жилища человѣка уже многіе вѣка тому назадъ здѣсь ощетинились въ неприступныя башни безъ дверей и оконъ, что угрожающе стоятъ другъ противъ друга, насторожнвъ луки и фитильныя ружья въ узкія отверстія бойницъ, втащивъ наверхъ то громадное, многосаженное бревно съ вырубленными ступенями, по которому только и возможно вскарабкаться на высоту 30 аршинъ.

Башни Сванетовъ, у родовитыхъ старинныхъ фамилій, достигаютъ до 80 футъ вышины и служатъ, съ незапамятныхъ временъ, настоящими осадными дворами. Внизу башни подвалъ, который очень часто служитъ тюрьмою, гдѣ до сихъ поръ сохраняются цѣпи съ ошейниками для плѣнниковъ...

Въ нижнемъ этажѣ хлѣбный складъ или конюшня для скота; повыше большая комната для торжественныхъ сборищъ, для пиршества съ гостями.

Она обвѣшана турьими рогами, среди нея разводится очагъ. Въ остальныхъ ярусахъ спятъ хозяева и домочадцы ихъ, хранятся боевые и домашніе припасы, тутъ же бываетъ и кухня, и доморощенная винокурня, гдѣ въ огромныхъ чугунныхъ ящикахъ, въ родѣ котловъ, варится незамѣнимая для горцевъ *арака*. Самый послѣдній ярусъ обыкновенно служитъ сторожевымъ покоемъ, изъ котораго, по очереди, поднимаются на дозоръ, на верхнюю площадку башни, вооруженные воины. Площадка окружена со всѣхъ сторонъ узкими бойницами, черезъ которыя можно на далеко видѣть окрестность и отстрѣливаться отъ врага.

Такія же громадныя родовыя башни наполняютъ аулы Дигорцевъ и разныхъ другихъ воинственныхъ горцевъ Кавказа.

Но кромѣ этихъ отдѣльныхъ башень, Кавказскія горы, Кавказскія ущелья, повсюду усѣяны развалинами замковъ, совершенно напоминающими средневѣковые рыцарскіе замки Рейна, Неккара, Дуная... Эти романтическія развалины вѣнчаютъ обыкновенно господствующія вершины скалъ у входа въ долины или надъ крутымъ поворотомъ рѣки. Онѣ сообщаютъ необыкновенно характерную живописность безъ того поразительно живописнымъ видамъ Кавказа и одѣваютъ какимъ-то поэтическимъ колоритомъ суровую дикость его природы. Развалины эти вы видите не только на горахъ большой Кавказской цѣпи, но и въ такомъ же множествѣ за Кавказомъ, въ Карталиніи, Имеретіи, Кахетіи, гдѣ онѣ провожаютъ теченіе Куры, Ріона, Алазани, гдѣ онѣ торчатъ на каждомъ лѣсистомъ холмѣ.

Въ городахъ вмѣсто замковъ уже большія крѣпости, и крѣпости, какихъ давно не видитъ Европа. Онѣ еще напоминаютъ Іерихонъ или Ниневію...

Зубчатыя высокія стѣны съ башнями лѣпятся иногда въ нѣсколько колецъ по всѣмъ изгибамъ обрывистой скалы, на которыхъ обыкновенно гнѣздятся онѣ и служатъ естественнымъ акрополемъ для остальнаго города, домики каменные котораго облегаютъ кругомъ эту вооруженную, центральную скалу, тѣснящимися толпами, какъ овцы защищающаго ихъ пастуха. Таковъ обычный видъ всѣхъ старыхъ азіатскихъ городовъ Закавказья, Тифлиса, Гори, Сигнаха Дербента...

Но есть на Кавказѣ укрѣпленія еще болѣе древнія. Не будемъ уже говорить о той стѣнѣ, которая съ глубокой древности,—по меньшей мѣрѣ отъ времени первыхъ Скифскихъ наше-

ствій на Азію, въ VI и VII вѣкѣ до Рождества Христова,—была воздвигнута на подобіе знаменитой китайской стѣны, на подобіе римской стѣны, сооруженной когда-то въ Британіи противъ Пиктовъ и Скоттовъ, противъ кочевниковъ южной Россіи, отъ «Каспійскихъ воротъ» Дербента до Кавказскихъ воротъ Дарьяла, и которой обрывки уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ на недоступныхъ высяхъ восточнаго хребта.

Гораздо интереснѣе другая, болѣе оригинальная, болѣе первобытная форма укрѣпленій — пещерные города, въ родѣ Вардзіа, Уплисъ-Цихе и пр.

Когда вы подъѣзжаете по берегу Куры къ желтоватымъ известнякамъ Уплисъ-Цихе, этой Божьей крѣпости, до сихъ поръ глубоко почитаемой Грузинами, — вы долго не можете дать себѣ отчета, что̀ такое передъ вами?.. Отвѣсная и одинокая «Столовая» гора кажется вамъ вся выточенная внутри будто ячейками медоваго сота...

Это зіяютъ черныя отверстія пещерныхъ жилищъ, которыхъ переднія стѣнки теперь обрушились, изглоданныя временемъ, и обнажили когда-то скрытое нутро пещернаго города...

Теперь можно пересчитать всѣ эти многочисленные ярусы его когда-то темныхъ и безопасныхъ келеекъ, висящихъ высоко надъ обрывами рѣки....

Поднимитесь наверхъ, по такой же скрытой въ скалѣ, въ скалѣ вырубленной траншеѣ, ловко и постепенно вьющейся на самое плоское темя скалы... Вы очутитесь въ цѣломъ лабиринтѣ подземныхъ жилищъ, этажами чередующихся другъ надъ другомъ, съ переходами, лѣсенками, улицами, окнами, колоннами, цистернами, искусною каменною рѣзьбою.. Тутъ и грубыя пещеры для скота, и дворецъ въ два этажа съ изящными потолками, нишами, каменными сидѣньями, и просторный храмъ для молитвы. Весь этотъ, въ камнѣ спрятанный, изъ камня выдолбленный, городъ защищенъ сверху башнями и стѣнами и сообщается съ водами рѣки искусно просверленнымъ сквозь всю толщу горы подземнымъ тайникомъ, обычнымъ средствомъ обороны всѣхъ старыхъ Кавказскихъ крѣпостей...

Трудно сомнѣваться, каковы бы ни были позднѣйшія наслоенія въ работахъ подобныхъ крѣпостей, что первоначально онѣ возникли въ эпоху, когда люди еще не умѣли или не смѣли строить своихъ жилищъ наружу, когда онѣ еще не успѣли отвыкнуть отъ преданій своего «пещернаго періода», гдѣ звѣрь былъ еще полноправнымъ соперникомъ и товарищемъ человѣка.

Недаромъ легендарный основатель Грузинскаго царства, Картлосъ, правнукъ Ноевъ, называется въ старыхъ лѣтописяхъ основателемъ именно пещернаго, а не какого-нибудь другаго города.

Недаромъ и у многихъ жителей Кавказа такъ живо еще сохранились преданья о пещерномъ бытѣ.

«Давнымъ давно жилъ человѣкъ Солса. Люди жили тогда подъ землею въ большихъ пещерахъ, выложенныхъ камнемъ. Эти пещеры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились до сихъ поръ. Однажды Солса проѣзжалъ по подземелью и ему встрѣтилась на дорогѣ тазовая кость человѣческая, такая большая, что Солса на конѣ проѣхалъ сквозь нее». — говоритъ одна изъ старыхъ Ингушскихъ легендъ, очевидно еще вся насквозь пропитанная воспоминаніями подземнаго быта людей-исполиновъ.

Памятники религіозныхъ вѣрованій еще обильнѣе разсѣяны по горамъ и ущельямъ Кавказа, чѣмъ памятники войны.

Даже на заоблачныхъ кручахъ, въ сосѣдствѣ съ вѣчными льдами, гдѣ обробѣвшему путешественнику чудится, что все живое, все человѣческое давно покинуто имъ тамъ далеко внизу, гдѣ онъ охваченъ кругомъ бѣлыми полями вѣчной смерти да безмолвными суровыми утесами, выше которыхъ только бездонная пучина неба,— онъ вдругъ съ изумленіемъ натыкается на какой-нибудь каменный замшившійся крестъ, уже успѣвшій врости глубоко въ скалу, на какую-нибудь часовню съ византійскимъ сводомъ, съ изображеніемъ Св. Георгія.

Подъ самыми глетчерами Казбека стоятъ развалины Виѳлеемскаго скита, еще полныя слѣдовъ пребыванія отшельниковъ... Немного пониже, надъ пропастями Терека, цѣлый, сохранившійся, хотя давно опустѣвшій монастырь Св. Троицы, Самеба Цминда...

Въ глухихъ дебряхъ мусульманскаго Дагестана, гдѣ еще въ VII вѣкѣ была истреблена Христова вѣра, въ мрачномъ ущельѣ Аварскаго Кой-су, я вдругъ былъ пораженъ неожиданнымъ видомъ греческаго храма, совсѣмъ спрятаннаго въ лабиринтѣ скалъ... Его пощадила даже рука фанатиковъ Шамилева мюридизма. И вездѣ, вездѣ такъ: въ Осетіи, въ Дигоріи, въ Сванетіи, въ Абхазіи...

Суевѣрный дикарь-горецъ, кто бы онъ ни былъ, магометанинъ или христіанинъ, одинаково благоговѣетъ передъ этими таинственными реликвіями старины, которыя онъ почитаетъ пребываніемъ какого-нибудь грознаго духа, какого-нибудь могучаго божества. Почти всегда такіе кресты, камни, часовни бываютъ обвалены жертвами горцевъ, — рогами, амулетами, съѣстными припасами... Ни путникъ, ни охотникъ, ни пастухъ не осмѣливается проходить мимо, не принеся умилостивительной жертвы невидимому существу, которое во гнѣвѣ своемъ можетъ сейчасъ же наслать на голову нечестиваго громы и бури, и мракъ, и всякія смертельныя опасности, о которыхъ только и думается въ этомъ царствѣ снѣговъ, пропастей и дикаго звѣря...

На перевалѣ изъ Сванетіи въ Осетію, на высотѣ 15,000 футовъ, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, стоитъ столбъ изъ большихъ шиферныхъ плитъ, внутри котораго спрятаны иконы, который осыпанъ кругомъ турьими рогами и бронзовыми наконечниками стрѣлъ. Эти стрѣлы несомнѣнно свидѣтельствуютъ о глубочайшей древности, въ которой приносились жертвы богамъ страшнаго перевала.

Сванеты, Осетины до такой степени проникнуты мистическимъ взглядомъ на древніе памятники религіи,—часовни и храмы свои, что ни сами не смѣютъ входить въ нихъ, и не дозволяютъ прикоснуться къ нимъ чужеземцу. Только «папары», ихъ наслѣдственные жрецы, въ правѣ проникать въ святилище, которое они обязаны строго оберегать отъ сторонняго глаза. Сванеты собираются толпами, обнажаютъ кинжалы, заряжаютъ винтовки, если кто-нибудь изъ путешественниковъ собирается посѣтить какой-нибудь изъ ихъ древнихъ горныхъ храмовъ... Ничего не помогаетъ въ этомъ случаѣ, ни вмѣшательство начальниковъ, ни уговоры священника, которому самому они бо́льшею частью не довѣряютъ ключей церкви, предоставляя хранить ихъ по наслѣдству семействамъ своихъ полуязыческихъ папаровъ...

Эти древнія христіанскія святыни иногда полны иконъ и украшеній самыхъ далекихъ вѣковъ. Грузія, Мингрелія, Имеретія, Кахетія еще болѣе переполнены храмами и часовнями. Нѣкоторые изъ нихъ такъ древни, что, по свидѣтельству археологовъ, обращены прямо изъ языческихъ храмовъ... Оригинальный храмъ Бобдійскаго монастыря, близъ Сигнаха, гдѣ покоятся прахъ многихъ Кахетинскихъ царей и Грузинскихъ католикосовъ, гдѣ покоятся и мощи Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, построенъ, напримѣръ, еще первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи, Миріаномъ, въ началѣ IV вѣка.

Мартвильскій монастырь Мингреліи, пожалуй, еще древнѣе, потому что основаніе его приписывается самому апостолу Андрею Первозванному.

Берегъ Чернаго моря, ближе къ устью Ріона, покрытъ частію уцѣлѣвшими, частію развалившимися монастырями и храмами, можетъ быть, еще первыхъ вѣковъ христіанства, въ родѣ знаменитаго храма Пицунды, Хопи и др.

Но самыми характерными и наиболѣе полными воплощеніями средневѣковаго архитектурнаго искусства Грузіи служатъ развалины собора Баграта въ Кутаисѣ, Гелатскій монастырь, монастыри Мцхета, древней столицы Грузіи, и Сіонскій соборъ Тифлиса.

По ихъ типу, съ удивительнымъ постоянствомъ, доходящимъ до однообразія, воздвигнута вся безчисленная масса церквей, покрывающихъ разныя области Грузіи. Типъ этотъ, привяв-

шій въ основу крестообразную греческую базилику и высокій круглый сводъ, отличается съ перваго взгляда отъ родственныхъ ему типовъ византійскаго и русскаго, восьмиугольною пирамидою своей высокой крыши, короткимъ приниженнымъ крестомъ и необыкновенно узкими *«щельными»* окнами, длиною почти во всю высоту церковной башни... Безцѣнныя фрески и мозаики сѣдой старины, богато убранныя иконы и рукописныя Евангеліи первыхъ вѣковъ христіанства — составляютъ ничѣмъ незамѣнимое археологическое сокровище этихъ прославленныхъ народныхъ святынь Грузіи... Гдѣ бы вы ни ѣхали по Грузіи, непремѣнно примѣтите на какомъ-нибудь живописномъ выступѣ горы выглядывающую изъ зелени часовню или церковь далекихъ старыхъ вѣковъ. И къ каждой такой заброшенной часовнѣ непремѣнно, хотя разъ въ годъ, собираются въ опредѣленные дни усердные богомольцы почтить память давно чествуемаго тутъ святаго; оживляются пустынныя заросшія тропы въ зеленой глуши лѣса, разбиваются палатки, разстилаются ковры и войлоки, удалые наѣздники верхами, женщины и дѣти въ длинныхъ скрыпучихъ арбахъ, укрытыхъ цвѣтными завѣсами,— со всѣхъ сторонъ собираются къ священному мѣсту; мшистый притворъ маленькой, полуразрушенной церкви, среди которой уже выростаютъ кусты и деревья, наполняются кувшинами и бурдючками жертвеннаго вина, баранами, пѣтухами, лепешками; отсырѣвшіе камни стѣнъ, на которыхъ только кое-гдѣ удержалась островами штукатурка съ поблекшими старинными фресками, утыкиваются множествомъ горящихъ и капающихъ восковыхъ свѣчекъ, тоненькихъ, какъ соломенка, и на большомъ дикомъ камнѣ, когда-то замѣнявшемъ престолъ алтаря, священникъ сосѣдней церкви служитъ безхитростную церковную службу, въ обстановкѣ первобытныхъ христіанъ, среди богомольцевъ такой же первобытной простоты, такой же первобытной наивности....

А сейчасъ послѣ службы,—веселое пированіе на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнью дубовъ, у журчащаго горнаго ключа, безконечныя здравицы, безконечныя винныя возліянія, лезгинка подъ тактъ весело хлопающихъ ладошей, игры, крики, смѣхъ, выстрѣлы изъ ружей и удалая джигитовка....

4. Карта Кавказа.

Высокій интересъ, представляемый Кавказомъ съ точки зрѣнія его многообразныхъ древностей, его историческихъ судебъ, его лингвистическихъ и этнографическихъ особенностей, можетъ сравниться только съ такимъ же интересомъ его для натуралиста, географа и экономиста.... Настоящее Кавказа нисколько не уступаетъ его поэтическому и поучительному прошлому.... Кавказская горная стѣна перерѣзываетъ поперекъ перешеекъ между Азіею и Европою пятерною цѣпью хребтовъ: хребтомъ снѣговымъ, двумя хребтами каменными и двумя хребтами лѣсными, постепенно уменьшающимися въ своей вышинѣ отъ заоблачныхъ вѣчныхъ льдовъ къ лѣсамъ и травянымъ степямъ равнинъ.

Черное море омываетъ западный, Каспійское море — восточный край этой гигантской стѣны, Богомъ воздвигнутой между двумя мірами.... Нигдѣ не прерывается главный серединный хребетъ, поднятый до 18,000 футъ надъ поверхностью моря; только глубокія ущелья большихъ рѣкъ, выбивающихся изъ-подъ ледниковъ величайшихъ горныхъ исполиновъ — Казбека, Эльборуса, Пасисъ-Мты, настолько врѣзаются въ толщи горъ, что изъ нихъ съ великими трудностями, съ великими опасностями, все-таки издавна было возможно карабкаться на перевалъ и спускаться въ долины противуположнаго ската....

Терекъ съ сѣвера, Арагва, бросающаяся въ Куру, съ юга, — ближе всѣхъ сходятся своими истоками въ окрестностяхъ царственной вершины Мкинвари, нашего Казбека, — и оттого раньше всѣхъ долины ихъ соблазнили жителей къ перевалу черезъ хребетъ.

Это — древній Дарьяльскій путь, Военно-грузинская дорога Ермолова, которая раздѣляетъ почти пополамъ хребты Кавказа. Направо (если ѣхать изъ Россіи) — западный, налѣво—восточный

Кавказъ, — недавно еще правый и лѣвый флангъ нашихъ пограничныхъ линій, нашей молодецкой Кавказской арміи.

Терекъ, выйдя изъ горъ, рѣзко поворачиваетъ на востокъ къ Каспійскому морю; Кубань, зачавшись въ ледникахъ Эльборуса, и нѣкоторое время бѣгущая параллельно Тереку, по выходѣ изъ горъ, тоже поворачиваетъ круто, но уже не къ востоку, а къ западу, къ Черному и Азовскому морямъ, куда и падаетъ, охвативъ своими рукавами полуостровъ Тамань. Только узкое пространство между поворотами Терека и Кубани остается не отрѣзаннымъ отъ Русской равнины; на всемъ остальномъ протяженіи Кавказскаго перешейка Кубань и Терекъ составляютъ живой рубежъ, за которымъ Россія издавна могла удобно сторожить свои области отъ набѣговъ Кавказскихъ хищниковъ.

На Кубани явилась одна линія русской пограничной стражи, многочисленныя и многолюдныя станицы Черноморскаго казачества, переселившагося сюда изъ раззореннаго Запорожья; на Терекѣ другая, болѣе ранняя, линія такихъ же военныхъ поселенцевъ, — Терскихъ или Гребенскихъ казаковъ, еще при Петрѣ защищавшихъ наши поволжскіе русскіе города отъ азіатовъ Кавказа....

Въ промежуткѣ между этими двумя природными рубежами, для защиты русской равнины, Петръ I поставилъ Ставрополь, а потомъ, въ томъ же промежуткѣ, еще ближе къ Кавказу, появились русскія крѣпости Георгіевскъ, Нальчикъ, и развилась группа лечебныхъ городковъ: Пятигорска, съ его сосѣдями — Кисловодскомъ, Желѣзноводскомъ, Есентуками. Таково было первое желѣзное кольцо русскаго владычества, охватившее Кавказъ съ сѣвера. Петръ постигъ своимъ геніальнымъ взглядомъ торговое и военное значеніе Каспійскаго побережья, гдѣ былъ самый старый и самый доступный изъ всѣхъ проходовъ Кавказа—Дербентскій, гдѣ коренилась вся сила мусульманскаго вліянія на Кавказъ Персіи, и вся сила ея торговли. Петръ сталъ охватывать Кавказъ именно съ этой стороны, все далѣе, все смѣлѣе простирая свою могучую руку къ Решту, къ Мазандерану, все рѣшительнѣе отдѣляя Кавказскихъ горцевъ отъ сообщенія съ Азіей.... Когда, къ началу XIX вѣка, обезсиленныя вѣчною борьбою съ исламомъ Грузинскія царства Закавказья одно за однимъ стали отдаваться въ подданство Россіи, открывалась возможность охватить непокорныхъ хищниковъ Кавказскаго хребта еще и съ юга, отъ плодоносныхъ долинъ Куры, Алазани, Арагвы, Ріона, Ліахвы, Ингура, гдѣ уже давно стояли на сторожѣ противъ горцевъ старыя грузинскія крѣпости....

Желѣзное кольцо замыкалось все болѣе и болѣе, и, наконецъ, при Императорѣ Николаѣ, послѣ рѣшительнаго погрома главныхъ защитниковъ ислама, Турціи и Персіи, кольцо было окончательно замкнуто, и рядъ крѣпостей по берегу Чернаго моря совсѣмъ оторвалъ древній Кавказъ отъ объятій Азіи.

Судьба его была рѣшена.

Хотя Кавказскія горы населены безчисленнымъ множествомъ племенъ, не понимающихъ даже языка другъ друга, никогда не сообщающихся другъ съ другомъ, но все-таки племена эти можно свести въ нѣсколько болѣе крупныхъ единицъ.

Сейчасъ за Терекомъ, лицомъ къ лицу съ Гребенскимъ казакомъ, сидятъ аулы Чеченцевъ, неутомимыхъ и неукротимыхъ разбойниковъ, память о которыхъ еще вѣка будетъ жить въ казачьихъ пѣсняхъ, въ казачьихъ сказаніяхъ.

Чеченцы и Ингуши занимаютъ Терскую равнину, по правую сторону рѣки, и сѣверныя предгорья. Южнѣе ихъ, по недоступнымъ ущельямъ Кавказа, гнѣздятся многочисленныя вѣтви Лезгинскаго племени, населяющія Дагестанъ: Аварцы, Казикумыхи, Андійцы, Дидойцы, Табасаранцы и разныя другія. Это наиболѣе мусульманское и наиболѣе типическое племя Кавказскихъ горцевъ. Ближе къ Каспійскому морю, особенно на юго-востокъ, къ Лезгинамъ примѣшиваются Татары и Персы, которые въ значительномъ количествѣ населяютъ бывшія ханства Дербентское, Кубинское, Нухинское, шамхальство Тарковское, окаймлявшія

берега Кавказа. Напротивъ того, къ юго-западу отъ Дагестана, въ сосѣдствѣ съ Грузіей, живутъ по неприступнымъ горамъ остатки христіанскихъ горцевъ, воинственные Тушины, Пшавы, Хевсуры. Осетины занимаютъ середину между восточнымъ и западнымъ Кавказомъ, между Дагестаномъ и Черкессіей.

Верхнее теченіе Терека и военно-грузинская дорога идутъ среди Осетинскихъ ауловъ. Они занимаютъ часть плоскости около Владикавказа и глубокія горныя долины Фіагъ-Дона, Аръ-Дона, Наръ-Дона, Гизель-Дона и разныхъ другихъ многочисленныхъ Доновъ, до Черкесскихъ племенъ. Дигорцы составляютъ ихъ самую крайнюю и самую недоступную вѣтвь. Осетины захватили даже часть южнаго склона Кавказа по долинѣ Ліахвы и ея сосѣдей. Впереди Осетинъ, на плоскости, сдавленная съ востока Терскими казаками, съ запада Кубанскими, живетъ Кабарда, Большая и Малая. Группа Пятигорскихъ минеральныхъ водъ въ самомъ центрѣ Кабарды. Затѣмъ, по горамъ Западнаго хребта, начинается собственно страна Черкесовъ или Адиге, оплотомъ противъ которыхъ служила рѣка Кубань съ ея воинственными станицами.

Тутъ всякіе Абадзехи, Карачаевцы, Бжедухи, Убыхи, Шапсуги чередуются другъ съ другомъ, до самыхъ волнъ Чернаго моря.

Но ихъ осталось очень мало, послѣ выселеній въ Турцію, гораздо меньше, чѣмъ Лезгинъ въ Дагестанѣ. Многія племена даже изчезли вовсе съ лица Кавказа. Особенно опустѣло когда-то кишѣвшее мелкими черкесскими племенами гористое плодоносное побережье Чернаго моря.

На противоположномъ Черкессіи, т. е. южномъ склонѣ хребта, въ углѣ моря, живутъ разныя племена Абхазовъ, Цебельда, Самурзаканцы, сливаясь незамѣтно съ роскошными прибрежными долинами Абхазіи; потомъ—Сванеты, по долинѣ дикаго Ингура, горные Грузины и, наконецъ, Осетины, о которыхъ мы уже говорили. Это населенье Кавказскаго хребта.

За нимъ стелется собственно Закавказіе, страна старыхъ Грузинскихъ царствъ. Какъ Терекъ съ Кубанью служатъ естественными передовыми траншеями, оберегающими доступъ съ сѣвера къ природнымъ твердынямъ Кавказа, такъ съ юга служатъ имъ такою же защитою двѣ большія рѣки, почти сходящіяся своими верховьями, Кура и Ріонъ.

Кура — это рѣка степной Азіи, текущая среди сухихъ равнинъ къ мертвому Каспію, на встрѣчу востоку, монгольству, исламу. По ней сидятъ внизу старинныя татарскія ханства, по ней двигаются караваны верблюдовъ и царитъ кругомъ пастушество. Ріонъ — совсѣмъ наоборотъ, бѣжитъ къ западу, къ торговымъ берегамъ Чернаго и Средиземнаго моря, поближе къ дѣятельнымъ народамъ Европейскаго юга, къ Греціи и Италіи; его роскошная долина, загороженная Сурамскими горами отъ жгучаго дыханья восточныхъ степей, отъ стужи сѣвера необоримою стѣною Кавказа, вся настежъ открытая влажному и теплому дыханью южнаго моря, представляетъ собою одинъ цвѣтущій и плодоносный садъ, шумящій безчисленными водами, густо-заселенный трудолюбивымъ и предпріимчивымъ народомъ.

Оттого-то на берегахъ Ріонской долины ранѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Кавказа расцвѣли богатые торговые города и основались первыя колоніи народовъ-цивилизаторовъ, и, Колхида—страна, текущая золотомъ, стала соблазнительнымъ рынкомъ Европы еще на туманной зарѣ Европейской исторіи, съ легендарныхъ дней Язона и его Аргонавтовъ. Мингрелія съ Имеретіей—на правомъ берегу, Гурія — на лѣвомъ берегу Ріона, этого золотоноснаго Фазиса древнихъ. Бѣшеная горная рѣчка Цени-Цхали, т. е. Конская рѣчка, Гиппусъ древнихъ Грековъ, падающая съ сѣвера въ Ріонъ, раздѣляетъ прибрежную Мингрелію отъ Имеретіи, а Сурамскія горы, въ свою очередь, рѣзко отдѣляютъ и Имеретію, и весь бассейнъ Ріона отъ долинъ и равнинъ Куры, орошающей сначала Карталинію, центръ всего Закавказія, а потомъ бывшія полутатарскія, полуперсидскія ханства Ганжинское, Шемахинское, Бакинское, Карабахское. Лѣвый притокъ Куры, Алазань, пробѣгаетъ съ горъ черезъ кишащую виноградомъ Кахетію, пріютившуюся восточнѣе Грузіи, у самаго подножія Кавказскаго хребта, какъ ступень къ Дагестану....

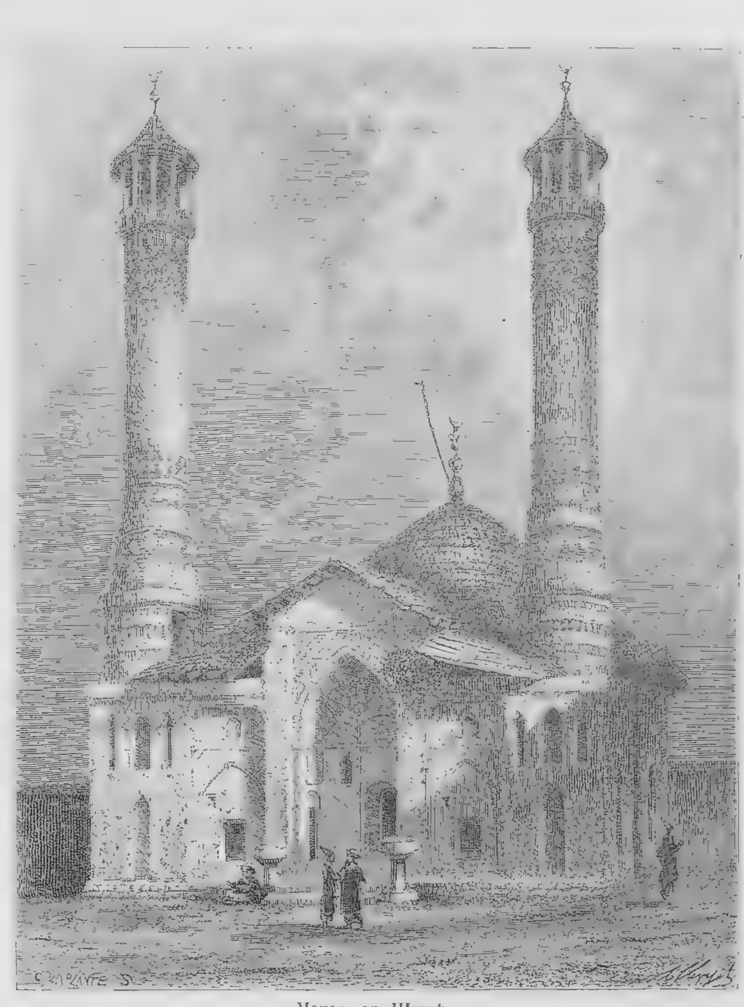
Т. IX.

Бѣлоглинское шоссе, въ Закавказьѣ.

Правый, еще болѣе значительный притокъ Куры,—Араксъ, почти не уступающій ей длиною, служитъ пограничнымъ рубежомъ Закавказья и цѣлой Россіи съ Персіею, орошая собою высокія и сухія плоскогорья древней Армянской страны; по лѣвую сторону его Русская Арменія, по правую—Персидская и Турецкая...

Вотъ и весь Кавказъ въ нѣсколькихъ словахъ. Теперь къ нему необходимо еще присоединить вновь завоеванную горную область между верховьемъ Аракса и рѣкою Чорохомъ, въ которой стоитъ Карсъ, до сихъ поръ отдѣленную отъ насъ тѣмъ самымъ Малымъ Кавказомъ Озургетскихъ и Ахалцыхскихъ горъ, откуда беретъ свое начало Кура...

Уже этотъ общій, бѣглый очеркъ мѣстности Кавказа можетъ дать понятіе о необычайномъ разнообразіи природныхъ богатствъ, которыми обладаетъ Кавказъ, о рѣзкомъ различіи быта и занятій всего этого, невѣроятно пестраго населенія его...

Мечеть въ Шушѣ.

5. Степи Сѣвер. Кавказа.

Здѣсь, по сю сторону великаго хребта, безпредѣльная, неоглядная гладь южно-русской равнины, отрѣзанная отъ горъ, какъ ножемъ, руслами Кубани и Терекомъ, за которыми она постепенно замираетъ грядами холмовъ, поднимающимися все выше выше, все сочнѣе, все зеленѣе, пока не разрастается въ цѣлую цѣпь курчавыхъ лѣсныхъ горъ — первыхъ ступеней Кавказскаго хребта...

Хороша эта степная равнина въ яркіе золотые дни молодой весны, когда она стелется безбрежнымъ моремъ зеленой травы во всѣ стороны, куда только достаетъ глазъ; ѣдешь день, ѣдешь другой, ѣдешь недѣлю, — не выѣдешь, не выплывешь изъ этого травянаго моря, что течетъ и колышется зелеными волнами по жаркому степному вѣтру... Ни рѣки, ни холма, ни жилья, будто въ дѣвственныхъ преріяхъ Америки.

Nulla sylva, nulla mons, nullus lapis!
(Ни лѣса, ни горки, ни камушка!)

— безнадежно восклицалъ о южно-русскихъ равнинахъ еще римскій поэтъ Овидій, привыкшій къ тѣснотѣ горнаго итальянскаго пейзажа.

Ахъ, ты степь моя, степь раздольная,
Широко ты степь пораскинулась,
Къ морю Черному понадвинулась...

— радостно привѣтствовалъ ту же равнину своимъ роднымъ, русскимъ сердцемъ русскій поэтъ, крестьянинъ изъ неоглядныхъ черноземныхъ полей. Изрѣдка далекій курганъ, заросшій такою же густою, такою же высокою травою, неожиданно выглянетъ изъ сплошной глади степныхъ травъ, нашептывая путнику таинственныя саги о былыхъ дняхъ и былыхъ народахъ, безмолвно почившихъ подъ его могильною насыпью...

Только черные орлы, что плаваютъ смѣлыми кругами тамъ, въ глубокой синивѣ воздуха, оживляютъ эту зеленую пустыню жесткимъ, хищническимъ клектомъ своимъ... Только они одни, эти цари степей, перекликаются другъ съ другомъ среди всеобщей ненарушимой тишины...

Зато дѣлается такъ радостно и такъ чудно, когда, послѣ этой безысходной, зеленой пустыни вдругъ увидишь наконецъ людное и шумное жилье человѣка, обросшее темными рощами, живописно вырѣзающееся среди зелени бѣлыми стѣнками и соломенно золотыми крышами своихъ многочисленныхъ домиковъ, полное движенія и голосовъ...

Сверкающая, какъ свѣже-кованное серебро, излучина рѣки, освѣщенной полуденнымъ солнцемъ, перерѣзаетъ попопамъ эту утомившую васъ гладь травяной степи, и къ ея влажнымъ лугамъ, къ освѣжающей прохладѣ ея быстрыхъ водъ радостно сбиваются разноцвѣтныя стада коровъ, лошадей и всякой живой твари, сопутствующей хозяйству человѣка.

Среди этихъ травяныхъ степей, по берегамъ мутной Кубани, по высокому гребню желтобураго Терека, по сочнымъ долинамъ Урупа, Лабы, Бѣлой, или Сунжи, стоятъ станицы Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ, стоятъ громадныя слободы русскихъ поселенцевъ...

«Хороши стоятъ тамъ слободушки!...»

Въ этой странѣ безлюдія и безпомощности еще невозможны одинокіе хутора и мелкія деревушки. Люди какъ звѣри, какъ птицы, должны здѣсь сбиваться въ многочисленныя станицы, чтобы отбиваться и отъ разбоя людей, и отъ стихій природы, чтобы найти въ самихъ себѣ, не рискуя дальнимъ переѣздомъ, все необходимое для скудной и суровой жизни своей въ пустой степи...

Станица—это далеко не наше простое русское селеніе. Кубанская или Терская станица—это отрадный оазисъ среди пустыни, такой же необходимый, такой же рѣдкій, такой же страстно желанный...

Въ станицѣ вы уже чувствуете присутствіе силы и безопасности...

Тутъ не только ночлегъ путнику, кусокъ хлѣба голодному, но и военная стоянка, всегда готовая къ отпору, къ защитѣ, къ возмездію...

Еще такъ недавно, станицы обносились валами и частоколами; въ сторожевой пушкѣ у бревенчатаго собора чугунный арбузъ постоянно дожидался своей очереди, а съ вышекъ не сходили часовые, озиравшіе окрестность.

До сихъ поръ вездѣ за Кубанью, за Терекомъ, вы встрѣчаете эти своеобразныя казацкія вышки на трехъ громадныхъ дубахъ, на крытой площадкѣ которыхъ торчитъ всѣмъ знакомая фигура въ папахѣ и буркѣ, съ ружьемъ за плечомъ...

По большимъ дорогамъ они чередуются какъ почтовыя станціи; возлѣ нихъ всегда пасутся нѣсколько осѣдланныхъ лошадокъ и валяются по травѣ запасные казаки...

Да и какъ было возможно казаку не сторожитъ днемъ и ночью горныхъ хищниковъ, носъ къ носу съ которыми онъ жилъ такъ долго? Чуть только ночь падетъ на землю, изъ-за рѣки, прячась въ береговыхъ мыскахъ, въ плавняхъ рѣки, черезъ мели и острова, гдѣ можно вбродъ, гдѣ нужно вплавь, шайка удальцевъ уже отправляется попытать счастья на русскую сторону...

Отогнать у казаковъ стадо воловъ, отару овецъ, табунокъ лошадей, — вотъ единственно

знакомый Бжедуху или Чеченцу промыселъ, единственная хозяйственная забота его о себѣ и о семьѣ своей...

И вотъ, на берегу порубежныхъ рѣкъ, горецъ Кавказа поминутно схватывался съ степнякомъ русской равнины, Черкесъ и Чеченецъ — съ Кубанскимъ и Терскимъ казакомъ...

Живетъ, шумитъ, работаетъ многолюдная станица; покошено сѣно, подоены сытыя коровы и буйволицы, съ довольнымъ видомъ важно потягиваютъ горилку на вечерней зарѣ старые, усатые казаки, громко поютъ пѣсню и водятъ хороводы разодѣтыя казачки и удалые молодые парубки въ цвѣтныхъ бешметахъ, въ яркихъ рубахахъ... Караульные на своихъ вышкахъ, запальщикъ у пушки, кованныя желѣзомъ ворота въ высокомъ плетнѣ или частоколѣ на высокомъ валу давно на замкѣ.... Спокойно и беззаботно можетъ веселиться казацкая станица...

Настунаетъ ночь. Полегли по пуховымъ постелямъ своимъ молодицы и дѣвки, позавалились на сѣновалы молодые и старые казаки, и.... вдругъ вздрагиваетъ слѣпая тишь ночи, вздрагиваетъ вся онѣмѣвшая станица — отъ роковаго удара пушки... Зловѣщій, торопливый благовѣстъ раздается съ колокольни стараго собора, прерываемый трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ, и вскакиваютъ, въ испугѣ, и бросаются, какъ угорѣлые, къ своимъ винтовкамъ, къ своимъ разсѣдланнымъ конямъ, полусонные казаки...

Вой и плачъ поднимается въ опустѣлыхъ домахъ, на темныхъ улицахъ, гдѣ безпомощно столпились дѣти и женщины. Вотъ мрачное, красное зарево сначала боязливо лизнуло, потомъ разомъ разодрало черную темноту; и пошли гулять въ разныхъ концахъ подожженной станицы высокіе и острые языки огня, шатаясь и взвиваясь, будто охмѣлѣвшіе отъ своей воровской побѣды...

Отчаянные крики и топотъ коней, стукъ оружія, выстрѣлы ружей, несутся со стороны рѣчки. На другой день отъ огромной станицы, тянувшейся на нѣсколько верстъ вдоль берега, — только курятся черныя длинныя кучи; оборванныя обожженныя дѣтишки съ плачемъ роются въ пожарищѣ, отыскивая кусокъ хлѣба...

Побиты и разогнаны казаки, угнаны въ горы молодыя женщины и дѣвки, годныя къ работѣ, перерѣзаны старики и старухи...

Таковъ былъ ежедневный бытъ этихъ русскихъ порубежниковъ, которымъ ежеминутно приходилось смѣнить косу на саблю и грабли на пику.

Сегодня выжжена какая-нибудь Елизаветинская станица; черезъ недѣлю пылаютъ аулы Бжедуховъ или Кистинцевъ.

Казаки не оставятъ безъ жестокой отместки воровскаго истребленія своего гнѣзда. Это хорошо знаютъ и свои и чужіе.

Самые отчаянные удальцы, истые старые запорожцы по своимъ вкусамъ и обычаямъ, почти не живутъ въ станицахъ. Они, какъ ихъ вольные братья, звѣри степные, бродятъ по плавнямъ и лѣсамъ, питаясь дичиной да рыбкой, подсиживая гдѣ придется такого же бродячаго удальца—азіата...

Застрѣлитъ дикую свинку или козу,—тащитъ въ станицу, раздаетъ пріятелямъ; попьетъ съ ними, поболтается среди народушка, смотришь—и опять сгинулъ ни вѣсть куда, опять цѣлый мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Это — *пластуны*, какъ ихъ называютъ на Кубани, самый страшный народъ для Черкеса.

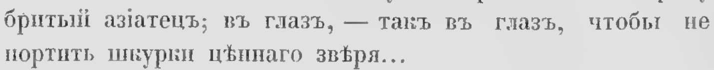
Пластунами, собственно говоря, Черкесы называютъ всякаго охотника, но казаки привязали эту почетную теперь кличку только къ охотникамъ изъ охотниковъ, настоящимъ мастакамъ своего дѣла.

Пластуна узнаешь уже по виду. Они усвоили себѣ свой особый шикъ, вполнѣ подходящій

къ плавнямъ и терновникамъ, среди которыхъ они слоняются дни и ночи, къ ихъ вѣчной жизни охотниковъ, слѣдопытовъ и разбойниковъ...

Черкеска на пластунѣ всегда изорванная и измазанная, затасканная папаха почеркески небрежно сдвинута на затылокъ, винтовка вся избитая, перечиненная, связанная веревочками, заплатанная... Пули и дробь мотаются въ какомъ-нибудь грязномъ холстинномъ мѣшечкѣ, рядомъ съ неразлучною коротенькою люлькою; ничего дорогаго, новаго, блестящаго и показнаго...

Но зато этотъ замухрышка терпѣливо пролежитъ трое сутокъ въ камышахъ по поясъ въ водѣ, высматривая переправу горскихъ наѣздниковъ, зато пуля его никогда не выпускается понапрасну: въ лобъ, — такъ въ лобъ, чтобы не шевельнулся переплывающій рѣку бритый азіатецъ; въ глазъ, — такъ въ глазъ, чтобы не портить шкурки цѣннаго звѣря...

Типъ горца.

Пластунъ больше живетъ за рѣкой, на черкесской сторонѣ, чѣмъ на своей, казацкой. Ему вѣдомы въ черкесскихъ лѣсахъ всѣ тропы, и онъ наперечетъ знаетъ сакли каждаго аула. Вездѣ у него кунаки и пріятели. Иногда онъ по нѣскольку дней проживаетъ тайкомъ въ недружелюбномъ аулѣ... А не въ аулѣ — въ лѣсу. Спать въ камышахъ или на дубу рѣшительно все равно, что у себя, что у азіата. А тутъ, покрайней мѣрѣ, добыча на каждомъ шагу.

Пластунъ знаетъ обо всемъ, что собирается дѣлать аулъ. Его не слышно и не видно, а онъ все вывѣдалъ, все подсмотрѣлъ. Какъ только соберется черкесская молодежь въ удалую ночную прогулку за рѣку, на казацкую сторону, пластунъ сейчасъ шлетъ слухъ въ станицу, чтобы поджидали гостей...

Оттого-то пластуны въ великомъ почетѣ у казаковъ. Это изъ казаковъ казаки, изъ удальцовъ удальцы; имъ подражаютъ, у нихъ учатся, ихъ совѣта въ дѣлѣ набѣга, въ дѣлѣ войны слушаются всѣ.

Принесетъ нынче пластунъ давно поджидаемую старшинами вѣсть, что сосѣдніе аулы отправились на Карачаевцевъ — отбивать захваченные покосы, — и въ ночь казаки станицы уже на конѣ, и опытные пластуны ведутъ ихъ потайными тропками къ знакомымъ ауламъ... Тотъ же ночной пожаръ, тотъ же ужасъ, тѣ же вопли и стукъ оружія, — и къ утру вмѣсто аула одна груда камней и казацкіе кони еле двигаются, нагруженные цвѣтнымъ платьемъ, одѣялами, поясами, мѣшками ячменя и кукурузы, полураздѣтыми черкесскими дѣвками, съ скрученными назадъ руками, — гоня передъ собою цѣлыя стада мелкихъ горскихъ коровъ и желтыхъ шелковистыхъ овецъ...

Око за око, зубъ за зубъ, — такъ цѣлую жизнь, цѣлые вѣка.

Теперь стихла наконецъ эта нескончаемая боевая и хищническая жизнь. Черкесъ и Чеченецъ смирились или ушли.... Теперь и надъ ними тоже русское начальство, тотъ же русскій законъ. Пластунъ еще бродитъ, по старой привычкѣ, въ безъисходныхъ, непролазныхъ плавняхъ своихъ, но уже все больше и больше перерождается въ простаго охотника, мирнаго преслѣдователя дикихъ свиней, оленей и козъ....

Разбои и раззореніе прекратились, какъ постоянныя обычныя явленія жизни, хотя,

какъ отдѣльные случаи, повторяются еще часто. Старая, вѣковая вражда не исчезла изъ груди покоренныхъ азіатовъ и побѣдившаго казачества!...

Въ этомъ недавнемъ царствѣ борьбы и насилія, убить человѣка еще всякому кажется также просто, какъ затравить зайца.

Какъ ни строги требованія закона,—чуть не каждую ночь бурныя воды Кубани и Терека уносятъ трупъ какого-нибудь безвѣстнаго ночнаго удальца съ горской стороны, неудачно пытавшагося разжиться на счетъ казацкой скотинки. Какъ только увидитъ казакъ въ сомнительный часъ бритую азіатскую башку, что крадется въ камышахъ или переплываетъ рѣчку,— сейчасъ же, не раздумывая, трахъ изъ ружья.... Часто палятъ въ самой станицѣ, прямо изъ оконъ, въ 3-хъ шагахъ отъ станичныхъ правленій, на глазахъ Станичнаго атамана и пановъ старшинъ. И никто себѣ ухомъ не ведетъ,—пускай, молъ, расправляются. Изъ всякаго пустяка не затѣвать, вѣдь, слѣдствій да переписокъ!... А Кубань все покроетъ, всѣхъ помиритъ.... Казакамъ достается точно также отъ горцевъ, отъ воровской Кабарды, отъ разбойниковъ Ингушей....

Женщина на Кавказѣ.

Тамъ также мало церемонятся съ ними; чуть припоздалъ кто чужой на ихъ пастбищахъ или близъ аула, —поминай какъ звали, разыскивай послѣ куда уѣхалъ, и когда вернется.

Даже по почтовымъ дорогамъ, сосѣднимъ съ горами, напримѣръ, въ Чечнѣ и за Кубанью, всю ночь ѣздятъ патрули конныхъ казаковъ, одни на встрѣчу другимъ, и стоятъ въ разныхъ мѣстахъ казацкіе посты, съ сторожевыми вышками....

Сочна, сыта и обильна эта непочатая дѣвственная сторона съ ея тучнымъ, глубокимъ черноземомъ и ея долгимъ жаркимъ лѣтомъ.

Неоглядные табуны лошадей, неоглядныя стада коровъ, буйволовъ, верблюдовъ, овецъ, насутся въ этихъ богатѣйшихъ пастбищахъ. Тутъ выросли и выхолились знаменитыя черноморскія и кабардинскія лошадки, не знающія устали, быстрыя, легкія какъ степной вѣтеръ..

Хозяйства Прикубанскихъ, Терскихъ, Сунженскихъ станицъ — это кошница, полная всякихъ хлѣбовъ и плодовъ. Вездѣ сады сливъ, кизиля, черешень, абрикосовъ, персиковъ, волоскихъ орѣховъ.... По Тереку уже сплошные виноградники; такіе же могли бы быть по всей Кубани. Нѣтъ въ свѣтѣ вина болѣе дешеваго и обильнаго, какъ въ Кизлярѣ, на болотистыхъ берегахъ Терека. Рыба кишитъ въ водахъ, еще не распуганная пароходами; еще больше кишитъ она въ приморскихъ заливахъ Каспія, Чернаго и Азовскаго морей, въ Ачуевѣ, въ Кубанскомъ лиманѣ, въ Астраханскомъ заливѣ.

Когда ѣдешь по Чечнѣ или по Кубанской области въ дни жатвы хлѣбовъ, безчисленныя полчища грузныхъ и громоздкихъ копенъ, покрывающихъ поля, кажутся невѣроятными даже для жителя хлѣбородныхъ Курскихъ полей. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень — тутъ поднимаются тѣсными стѣнами въ ростъ человѣка. Всякій водитъ столько скотины, сколько сможетъ купить. А кромѣ этой домашней, покупной скотины, сколько еще вольной Божьей скотины въ плавняхъ, лѣсахъ и степяхъ!

Плавни — это характерная особенность большихъ южныхъ рѣкъ: Днѣпра, Кубани, Дуная.... Въ плавняхъ заблудиться хуже, чѣмъ въ лѣсу, потому что онѣ гуще и обширнѣе всякаго лѣса; это громадные камыши, гораздо выше человѣка, въ которыхъ прячется съ головою даже всадникъ, перемѣшанные съ кустарникомъ и рѣдкими деревьями.... Проторенныя дорожки и козьи тропы вьются среди этихъ непроходимыхъ, зеленыхъ чащъ, ныряя между озерками и заводями.... Въ этихъ индійскихъ «жонгляхъ» своего рода, кишма кишитъ всякая дичь, всякое звѣрье. Тамъ плодятся кабаны, рыскаютъ козы, отдыхаютъ въ прохладѣ медвѣди,

тамъ безвыходно живутъ волки, лисицы, зайцы.... Особенное приволье всякой птицѣ въ этихъ исполинскихъ камышахъ, въ этихъ спрятанныхъ отъ взоровъ человѣка тихихъ заливчикахъ....

Но и лѣсъ и степь здѣсь полны тою же жизнью. Заберитесь передъ разсвѣтомъ, гдѣ-нибудь на Черкесской сторонѣ, въ густой лѣсъ и, сготовивъ ружье, притаитесь безмолвно въ темной чащѣ, прислушиваясь къ голосамъ просыпающагося лѣса.

Все фазанье населеніе степей еще теперь здѣсь, на своихъ прохладныхъ и безопасныхъ насѣстяхъ, въ вѣтвяхъ высокихъ чинаръ, не двигающихъ ни однимъ листомъ среди ненарушимой всеобщей тишины....

И вдругъ начинается кругомъ васъ спачала робкое и отрывистое, потомъ все разростающееся, дружное, сплошное курлыканье отоспавшихся пѣтуховъ и куръ.... Весь лѣсъ наполняется этими глухими, своеобразными перекликиваніями, и вамъ чудится, что вы стоите среди какого-то громаднаго птичника, гдѣ каждая вѣтка дерева усажена поющими, шумливыми птицами.

Неистощенный Божій птичникъ, вѣчно плодящій, вѣчно переполненный, съ которымъ не сравняются самыя хитроумныя затѣи нашего кропотливаго людскаго хозяйства!...

Къ разсвѣту дня, все это крылатое населеніе лѣса неслышно снимается съ ночлега и незамѣтно спускается на сытные кукурузники и просяныя поля. Собаку впередъ, и смѣло въ путь!.... На каждомъ шагу срываются съ жневья, изъ-подъ вашихъ ногъ, грузные темно-красные пѣтухи, съ неуклюжей торопливостью стараясь взлетѣть вверхъ, чтобы только описать по воздуху крутую дугу и тотчасъ же упасть въ недоступную чащу лѣса....

Трахъ, трахъ!.. то и дѣло трещитъ по линіи охотниковъ, мимо которыхъ вспуганному фазану приходится летѣть какъ сквозь строй. Трудно не попасть такъ близко въ такую большую цѣль, особенно когда приходится стрѣлять чуть не сплошь. Вслѣдствіе этого обилія птицъ и этой легкости охоты, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пару курочекъ можно было купить за 20 коп.

Но скверно, если на фазаньей охотѣ наткнешься на всюду разбросанные по полю островки густо переплетеннаго колючаго терновника, изъ котораго не успѣлъ во-время выскочить обычный житель этихъ терновниковъ — дикій кабанъ.... Съ сжатымъ сердцемъ, и съ куркомъ на взводѣ приближаешься къ этому темному логовищу, откуда, вдругъ, сразу можетъ вынестись и срѣзать охотника, какъ былинку тростника, — страшный вепрь. Заглянешь въ низкое темное отверстіе, дуломъ впередъ, слава Богу,—никого! только взворочена насвѣжо черная земля,—видно, звѣрь сейчасъ отдыхалъ здѣсь, зарываясь въ прохладную землю.

Кабанъ бѣжитъ такъ быстро и сильно, наноситъ удары такъ неотразимо, что охотники боятся его пуще всякаго звѣря, даже пуще медвѣдя.

Когда его гонятъ изъ лѣсу *гаемъ*, толпою кричащихъ и стучащихъ загонщиковъ, охотники, ожидающіе его впереди, должны держать ухо востро и встрѣчать его не иначе, какъ сидя на деревѣ. Жутко переходить ему дорогу, когда уже раздаются вдали преслѣдующіе его безпокойные звуки гая, и на каждомъ шагу ждешь, что вотъ, вотъ затрещатъ кусты и дикое чудовище вырвется къ вамъ изъ чащи, сокрушая все на своемъ пути....

— На дубъ, на дубъ! скорѣй на дубъ!—тревожно командуетъ съ своего дерева какой-нибудь опытный Бжедухъ, распорядитель охоты, и волей неволей, изъ инстинктивнаго чувства самосохраненія, вы схватитесь за первый попавшійся сукъ и очутитесь на безопасномъ дубу....

Какъ разъ кстати, потому что ужъ ломятся кусты на весь лѣсъ, и чт-ото черное, безформенное, улѣпленное грязью, листьями, сухой травой, словно какой-то тяжелый, чугунный клинъ стремительно врѣзывается въ колючую чащу лѣса, провожаемое бѣглымъ огнемъ неудачныхъ выстрѣловъ.

Крупный, красивый и сильный народъ, отборный образчикъ русскаго племени, живетъ на этихъ тучныхъ прирѣчныхъ равнинахъ. Народъ, никогда не знавшій крѣпостнаго гнета, всегда сытый и привольный, воспитывавшій чувство своего достоинства вѣками военной

удали, военныхъ доблестей.... На Терекѣ, на Сунжѣ, — старые раскольники еще со дней Алексѣя Михайловича и Петра I, а, можетъ быть, и поволжская удалая вольница временъ Ермака Тимофѣича; настоящіе кровные русаки съ ихъ хозяйственною сметкою, съ ихъ крѣпкимъ бытомъ семьи, гдѣ дѣвкѣ гульба и воля, а бабѣ — суровое ярмо очага.

Эти рослыя, на сочномъ черноземѣ, на прилужныхъ мѣстахъ выросшія дѣвки, румяныя, веселыя, здоровыя, не уступятъ никакому мужчинѣ ни въ ловкости, ни въ силѣ, ни въ сносливости.... Какая-нибудь Червленая или Новомлинская станица славятся своими красавицами, дерзкими на языкъ и на руку, работающими лучше всякаго мужика; онѣ любятся съ парнями-казаками, безъ робости и заботы, родятъ своимъ казакамъ здоровыхъ ребятъ, и живутъ себѣ, веселыя и довольныя среди этой обильной полудикой природы, какъ живутъ вокругъ нихъ черныя круторебрыя буйволицы, красныя коровы съ переполненнымъ вымемъ, утробистыя кобылицы, пасущіяся по степи съ своими крѣпконогими жеребятами....

Женщина степей и боеваго быта, вполнѣ подходящая къ той молодецкой породѣ мущинъ, которая издавна заселила берега порубежныхъ рѣкъ, одинокіе степные хутора и тучныя подножія кавказскихъ горъ....

На Кубани другое племя, такое же молодецкое, но уже не великорусское, а подлинное запорожское, съ хохлацкою рѣчью, съ хохлацкими бѣлыми хатами подъ очеретомъ, съ хохлацкими пѣснями и обычаями, съ хохлацкимъ воломъ и плугомъ, съ хохлацкимъ сливнымъ садикомъ и цвѣтущими подсолнухами за тыномъ.... Только хохлацкая одежда почему-то безвозвратно скрылась изъ Кубанской станицы.

Эти воинственныя казацкія станицы, Кубанскія и Терскія, прикрыли собою цѣлыя сплошныя гнѣзда мирныхъ крестьянскихъ переселенцевъ изъ всевозможныхъ мѣстностей южной и средней Россіи.... Теперь эти многочисленныя мужицкія станицы сообщаютъ странѣ, недавно захваченной русской жизнью, глубоко-русскій характеръ... Но однако еще огромныя пространства этой необъятной предкавказской степи, что стелется между низовьями Дона и низовьями Волги, между Азовскимъ моремъ слѣва и Каспійскимъ моремъ справа, — полны кочующихъ дикарей, этихъ загадочныхъ остатковъ, когда то, страшныхъ хозяевъ всей южно-русской равнины, господствовавшихъ и надъ Москвой, и надъ Кіевомъ, проносившихъ когда то ужасъ и разрушеніе черезъ благословенныя страны Европы, черезъ благоустроенныя и богатыя царства, подобно тѣмъ истребительнымъ тучамъ черной саранчи, что отраивается рядомъ съ ними въ той же выжженной южнымъ солнцемъ пустынной степи.

Ногайцы, Калмыки, Кара-ногайцы передвигаются съ своими кибитками, верблюдами, овцами и кобылами по безконечнымъ травянымъ пажитямъ, что тянутся на сѣверъ отъ Терека и Кубани, по Кумѣ и Манычу, переходя невѣдомо гдѣ въ солончаки и пески Астраханскихъ степей.

Когда-то на этихъ мѣстахъ кочевали Половцы, «конюхи Монголовъ», кочевали еще раньше ихъ Хозары, Аланы, кочевали потомъ сами Монголы. Кто изъ нихъ уцѣлѣлъ до нашего времени въ образѣ Ногая и Калмыка, — исторія врядъ ли откроетъ когда-нибудь. Эта южная русская степь, сливающаяся черезъ низовье Волги и Урала съ безпредѣльными степями средней Азіи, съ самыхъ раннихъ вѣковъ была питомникомъ всякихъ кочевыхъ народовъ. Черезъ нее двигались всѣ великія и малыя переселенія этихъ человѣческихъ ордъ, которыхъ Старая Азія выплескивала черезъ свои переполненные края въ тогда еще новую, въ тогда еще почти не занятую Европу.... Одна орда племенъ надвигала на другую, тѣснила, продвигала ее, заливала ее своею волною, мѣшалась съ нею или опрокидывалась назадъ отъ слишкомъ сильнаго встрѣчнаго натиска.

Какой лингвистъ, какой историкъ прослѣдитъ въ точности эти безостановочныя сплетенія, смѣшенія, дробленія и слиянія никому невѣдомыхъ племенъ, происходившія въ недоступной глуши дикихъ пустынь. вдали отъ всякой грамотности, отъ всякаго образованнаго наблюда-

теля. Случайныя встрѣчи римскихъ, греческихъ, персидскихъ или арабскихъ полководцевъ съ полунагими варварами, которыми кишѣли степныя пустыни, — не могли дать твердыхъ и полныхъ свѣдѣній объ этихъ дикаряхъ, обѣгавшихъ кругомъ предѣлы благоустроенныхъ царствъ. Не зная ихъ языка и ихъ исторіи, всякій называлъ ихъ по своему, разсказывалъ о нихъ баснословныя легенды, то путалъ въ одно совершенно различныя племена, случайно дѣйствовавшія вмѣстѣ, то принималъ за особые народы и обозначалъ ихъ различными именами отдѣльные мелкіе роды того же племени, называвшіе себя по имени ближайшихъ родоначальниковъ или вождей своихъ. Вслѣдствіе этого старая исторія степовиковъ южной Россіи представляетъ собою невообразимую путаницу.

Каждый писатель, каждый путешественникъ выступаютъ съ своими именами народовъ, нисколько не соотвѣтствующими именамъ, уже установленнымъ прежними писателями.

Арба въ Батумѣ.

То всѣ безъ различія народы русской равнины слывутъ подъ именемъ Скиѳовъ или Сарматовъ, то одинъ и тотъ же народъ является у разныхъ авторовъ подъ именемъ Аваровъ, Обровъ, Гунновъ, Хозаровъ... Какіе-нибудь Печенѣги, ежедневно сталкивающіеся съ первыми русскими князьями, внезапно, словно сквозь землю проваливаются, никто больше не упоминаетъ ихъ имени, а все *«дикое поле»* оказывается давно во власти какихъ-то Половцевъ.

Древнихъ Осовъ или Азовъ,—Язовъ нашего Печерскаго лѣтописца, — римскіе историки величаютъ постоянно Аланами, въ тоже время средне-вѣковые писатели, какъ Рубруквисъ, Плано-Карпини и др. смѣшиваютъ Аланъ съ Половцами или Команами. Множество византійскихъ, арабскихъ и итальянскихъ писателей называютъ Кавказъ Аланіею, Аланскими горами; Римляне называли Porta Cumana, т. е. команскими или половецкими воротами, ущелье Дарьяла, слѣдовательно, тоже смѣшивали Аланъ и Осовъ съ Половцами, жившими, вѣроятно, по берегамъ самой степной изъ всѣхъ русскихъ рѣкъ — Кумы (Cumana, Команы). Такое же общее и неопредѣленное имя представляли собою позднѣйшіе насельники степей — казаки. Слово это

звучитъ уже въ названіи Касоговъ или Касаговъ (по Никоновскому списку), съ которыми бьется Святославъ въ Прикубанской равнинѣ, въ имени Козакіи или Казахіи, которымъ греческій императоръ Константинъ обозначаетъ одну сѣверную область Кавказа, и до сихъ поръ сохранившую у себя названіе Казаховъ за бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ; коренные обитатели юго-восточныхъ русскихъ и азіатскихъ степей до сихъ поръ называются Киргисъ-казаками (кайсаками); Осетины, по увѣренію Шлецера, называютъ казаками Черкесовъ Кавказа. Казаки-оргузіи являются въ видѣ какой-то особенной конной стражи въ Генуэзскихъ колоніяхъ Крыма, Сурожѣ, Чембало и пр. Ясно вообще, что слово казакъ обозначало не особое племя, а какое-то общее родовое понятіе, унаслѣдованное впослѣдствіи тѣми удалыми дружинами русскихъ и всякихъ другихъ *«гулящихъ людей»*, которыя овладѣли съ XV столѣтія южно-русскою степью, вмѣсто Половцевъ и Хозаръ. Немудрено еще, что въ новомъ имени «казакъ» даже просто сохранился корень имени древнѣйшихъ владыкъ Донскаго и Кубанскаго юга — Хозаръ... Казакія и Козарія такъ близки другъ къ другу по звуку и совершенно тождественны по мѣстности.

Весьма правдоподобно, что и слово Черкесъ, — общее названіе разнородныхъ племенъ, населяющихъ сѣверные склоны западнаго Кавказа, вовсе неизвѣстное самимъ племенамъ этимъ,— ничто иное, какъ такое же нарицательное понятіе своего рода, относимое безразлично къ тѣмъ или другимъ племенамъ, проявляющимъ въ чемъ-нибудь одинаковыя свойства... Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквіссъ, упоминая о Кавказскихъ горахъ, провожавшихъ его съ юга во время его путешествія къ хану Мангу,— говоритъ, что на Кавказѣ живетъ Kergis; онъ, очевидно, подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ Черкесовъ, которыхъ имя, такимъ образомъ, легко переходитъ въ другое, весьма распространенное имя степей — Киргизъ. Казаки издревле извѣстны у Русскихъ подъ названіемъ черкасовъ, вслѣдствіе чего въ области Донскихъ казаковъ древнѣйшіе поселки называютъ черкасами, Черкаскомъ, и даже весь скотъ южныхъ, т. е. казацкихъ степей, сохранилъ донынѣ названіе черкаскаго. Въ Кіевской губерніи до сихъ поръ встрѣчаются Черкасы, особое свободное населеніе, не смѣшивающееся съ крестьянствомъ, а въ горахъ Крыма существуютъ развалины очень древняго города Черкесъ-Кермена, очевидно, тоже основаннаго Черкесами или Черкасами.

Какъ бы то ни было, а степной югъ крѣпко-на-крѣпко схоронилъ свои древнія сказанія и не оставилъ намъ никакого вѣрнаго ключа для разгадки запутанныхъ тайнъ своей исторіи.

Одни только курганы, что идутъ правильными, безконечными рядами, будто сторожевые посты, отъ подножія Кавказскихъ горъ вглубь черноземной Россіи, почти подъ самую Москву, изрѣдка увѣнчанные какою-нибудь каменною бабою, а большею частью заросшіе сѣдымъ ковылемъ, распаханные мужицкой сохою, — только они одни могутъ что-нибудь повѣдать про старое прошлое степи.

Но много разрыто теперь этихъ кургановъ, много о нихъ думано и писано, найдены въ нихъ и Скиѳскіе цари въ золотыхъ вѣнцахъ, похороненные со всѣмъ, съ конями и оруженосцами своими, найдены и сожженныя кости, и оружія, и монеты, а все-таки степная исторія не разъясняется и не свѣтлѣетъ, все-таки ничего точнаго не узнали мы ни о «великой Скуѳи» нашего лѣтописца, ни о Половцахъ, ни о Хозарахъ....

Косоглазый желтый Калмыкъ, съ китайскими косами, что бродитъ съ своими кибитками и кобылами по горячимъ степямъ Кумы и Маныча, сохранилъ и въ своей наружности, и въ своемъ быту такъ много чертъ Гунна и Монгола, что, конечно, по немъ вы можете гораздо лучше и живѣе изучить историческую старину Прикавказской степи, чѣмъ по скуднымъ археологическимъ находкамъ кургановъ.

Онъ до сихъ поръ неисправимый кочевникъ, неисправимый хищникъ, неисправимый язычникъ; полтора тысячелѣтія человѣческой образованности и цивилизаціи протекли надъ его степью, не затронувъ его даже концомъ своего крыла... Какъ въ дни великаго переселенія

народовъ и разрушенія Римской имперіи, онъ лопаетъ свой кобылій кумысъ и полусырую, подъ сѣдломъ провяленную, баранину; какъ и тогда, онъ не знаетъ другаго промысла, какъ воровство и разбой, не знаетъ другаго богатства — какъ стада, другаго жилища — какъ сѣдло коня или подвижной шалашъ изъ войлока. Горе русскимъ станицамъ, близъ которыхъ кочуютъ калмыцкія юрты! Каждую ночь не досчитываются коровъ, овецъ или лошадей...

Калмыкъ цѣлый день рыщетъ въ степи, пронизывая ее насквозь, за десятки верстъ, какъ можетъ пронизывать только хищная птица съ поднебесья, — своими узкими, соломенкой прорѣзанными, косыми глазами. Онъ цѣлый день обдумываетъ и высматриваетъ только одно дѣло: что бы такое украсть и куда бы половчѣе отогнать... Онъ смиренно, чуть не со слезами, валяется передъ этимъ радостнымъ предпріятіемъ въ ногахъ у своего деревяннаго божка, раскрашеннаго и разсусаленнаго, что прячется въ священномъ углу его кибитки... Подастъ ему его «бурханъ» помощь и милость, удастся ему выкрасть въ сосѣдней деревнѣ лакомую скотину,— не знаетъ калмыкъ, какой жертвой, какими сладкими кусочками, какими частыми земными поклонами отблагодарить своего добраго заступника; самъ клапяется и бабу — калмычку туда же притащитъ, и ее заставляетъ поклоны бить и причитывать благодарственныя молитвы. Но, не дай Богъ, промахнется косоглазый воръ и, вмѣсто соблазнявшаго его казацкаго конька, возвратится домой съ казацкими нагайками въ спинѣ, съ перебитою ногою, съ подстрѣленною собственной лошаденкой. Нѣтъ конца гнѣву его! Онъ заарканиваетъ провинившагося домашняго божка своего прямо за шею и таскаетъ его по полю, безпощадно настегивая нагайкой, проклиная и оскорбляя его на чемъ только свѣтъ стоитъ. Будетъ долго помнить несчастный бурханъ, какъ обманывать своего благочестиваго поклонника и не заботиться о его хозяйственной выгодѣ...

Изумительна въ самомъ дѣлѣ эта неподвижная живучесть племени! А еще ученые люди увѣряютъ, что долго могутъ жить и держаться только народы будущаго, только народы цивилизаціи; поживите денька два въ калмыцкой кибиткѣ, насмотритесь на калмыцкія скуластыя морды, на калмыцкія приземистыя, кривоногія фигуры, и прочтите потомъ себѣ въ назиданье поразительно-мѣткую характеристику его предка, Гунна, сдѣланную еще въ V-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ современникомъ и очевидцемъ Гунновъ — лѣтописцемъ Іорнандомъ.

6. Горецъ Кавказа.

Казаки, Ногайцы, Калмыки — это степняки Кавказа. Заглянемъ и въ бытъ его горцевъ. Дагестанъ — «страна горъ» — самая Кавказская область всего Кавказа, а Лезгинъ, его житель, самый типичный изъ всѣхъ Кавказскихъ горцевъ... Лезгинъ — это далеко не одно племя; это общее имя разныхъ племенъ, разныхъ языковъ, издревле населяющихъ долины и скалы Дагестана.

Еще римскій географъ *Страбонъ* указывалъ Лезговъ между рѣкою Диріодорисомъ (Терекомъ), гдѣ жили его «Амазонки», и Албаніей, т. е. теперешнею прикаспійскою частью Закавказья, слѣдовательно на теперешнемъ мѣстѣ ихъ жительства.

Французъ Рубруквіесъ, проѣзжавшій въ XIII вѣкѣ по сѣвернымъ равнинамъ Кавказа, тоже засталъ Лезгиновъ въ горахъ Дагестана. «Послѣ Черкесовъ, говоритъ онъ, живутъ къ Большому озеру Сарацыны, которыхъ называютъ lesges, и которые подданные Татаръ, а потомъ встрѣчаются желѣзныя ворота, которыя Великій Александръ велѣлъ построить, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ варваровъ въ Персію...»

Дагестанъ — это цѣлое гнѣздо горъ, насыпанныхъ безъ порядка другъ къ другу, другъ на друга. Не разберешь ни хребтовъ, ни долинъ. На каждомъ шагу исполинскіе каменные кряжи преграждаютъ тѣснины и переплетаются другъ съ другомъ, заставляя извиваться во всѣ стороны, то вбокъ, то назадъ, бѣшеные и короткіе горные ручьи... Маленькія глухія котло-

винки безъ входа и выхода прячутся между этими безпрерывными поворотами горъ... Если подняться на какую-нибудь поднебесную высь, господствующую надъ Дагестаномъ, то весь Дагестанъ представится гигантскими, окаменѣвшими волнами разъяреннаго моря. Такимъ онъ будетъ казаться не только съ высоты орлинаго полета или изъ корзинки воздушнаго шара, но даже съ каждой хорошей горы, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Толотля и Гуниба...

Природа устроила его словно для того, чтобы всякая мысль о движеніи черезъ него, въ него и изъ него, уничтожалась сама собою... Это природная крѣпость, природная засада. Тутъ горсть смѣльчаковъ на каждомъ шагу остановитъ цѣлыя полчища. Одинъ брошенный внизъ камень загородитъ вьющуюся по обрывамъ утлую *козью* тропку и снесетъ въ пропасти кучу людей...

Тутъ войско могло карабкаться многіе дни по утесамъ, не въ силахъ будучи открыть спрятанныхъ въ камняхъ или въ глубокихъ тѣснинахъ жилищъ горца. А открывало, — достать не могло на этихъ утесахъ, торчащихъ надъ безднами. Ни одинъ самый опытный горецъ не знаетъ хорошо всей «страны горъ». Это поистинѣ лабиринтъ, изъ котораго не легко выбраться.

Каждое селеніе живетъ своею отдѣльною жизнью, загороженное отъ другихъ страшными твердынями горъ отрѣзанное отъ нихъ головокружительными безднами, ревущими горными потоками...

Только большая нужда заставила бы Лезгина преодолѣвать эти препятствія и сообщаться съ сосѣдями. Но какая можетъ быть нужда одному полудикому пастуху и разбойнику въ другомъ, такомъ же голомъ, такомъ же удаломъ, который встрѣчаетъ съ подозрѣніемъ, перекидывая на руку свою винтовку изъ-за спины, каждаго незнакомаго всадника и путника чужаго общества, появляющагося въ предѣлахъ его горныхъ владѣній? Никакихъ промысловъ помимо скудныхъ потребностей своего дома, никакой торговли не знаютъ эти заоблачные селенія, разбросанныя среди безплодныхъ камней, на недоступныхъ обрывахъ горъ.

Пастушество и разбой — вотъ единственный, возможный тутъ промыселъ и единственно возможная торговля... Да и какіе другіе, болѣе мирные вкусы въ состояніи воспитать эта мрачная, титаническая природа?

Отвѣсныя стѣны въ нѣсколько тысячъ футъ вышины, то черныя гранитныя, то сѣрыя известковыя, безмолвныя, безнадежныя, однѣ только провожаютъ неистово ревущія бурныя волны дикой горной рѣки, какой-нибудь Аварской Койсу или Ори-цхали... Она бьется въ этомъ тѣсномъ безвыходномъ корридорѣ, какъ плѣнникъ въ темницѣ, загораживаемая, задвигаемая тѣми же неумолимыми своими каменными стражами, злобно вгрызаясь въ ихъ гранитную грудь, потрясая ихъ своими воплями и отчаянными ударами, извиваясь какъ змѣя подъ ихъ необоримымъ напоромъ... Глухой и сырой сумракъ стоитъ въ этихъ пустынныхъ ущельяхъ, полныхъ разрушенія, вражды и смерти...

Также мрачно и сурово жилище человѣка, живущаго въ этой мрачной и суровой природѣ, также мраченъ и суровъ его духъ...

Голыя черныя плиты, сваленныя въ кучу, заваленныя землею, прилѣпленныя къ груди исполинской скалы, чуть освѣщенныя узкой дырою первобытнаго, ничѣмъ не прикрытаго окна, чуть согрѣваемыя дымомъ вонючаго кизяка, сожигаемаго прямо на камнѣ, среди комнаты, — вотъ сакля Лезгина, вотъ всѣ удобства его домашней жизни .. Ни тепла, ни свѣта... Насѣкомыя кишатъ на его неопрятномъ тѣлѣ, вѣчно укутанномъ въ ту же мохнатую бурку, въ тотъ же лохматый папахъ, вѣчно валяющемся на землѣ, среди навоза...

Поѣсть—тоже нечѣмъ побаловать себя. Жесткій камень горъ и холодъ заоблачныхъ вершинъ не родитъ ни бѣлой пшеницы, ни душистаго овоща... Горсточка ячменной или просяной муки, сваленная съ водою въ галушку, и чуть только проваренная огонькомъ, — этотъ пресловутый Лезгинскій «хинкалъ», — да овсяное толокно, — вотъ обычное, а часто единственное кушанье истиннаго Дагестанца, жителя «страны горъ».

Да и такой земли, съ которой можно собрать эту горсточку, — то же горсточка своего рода. Чугунные черепа и ребра гранитовъ, шиферовъ, известняковъ, изъ которыхъ вылиты застывшія волны Дагестанскаго моря, — недоступны никакому плугу, никакой киркѣ, а ужь всего менѣе жалкимъ доисторическимъ орудіямъ младенческаго хозяйства Лезгина.

Клочки мягкой наплывшей почвы, застрявшей въ маленькихъ впадинахъ и котловинкахъ, отыскиваются въ Дагестанѣ, какъ золотая руда въ Сибири, и цѣнятся на вѣсъ этой руды. Изъ-за нихъ-то больше всего ведется споровъ, ссоръ, убійствъ, кровавыхъ возмездій. Около этихъ счастливыхъ и рѣдкихъ мѣстечекъ, Дагестанскій хозяинъ строитъ свои лѣтніе хутора, гдѣ онъ хранитъ свой скотъ и запасы хлѣба, сѣна, куда онъ самъ перебирается на время уборки...

Иногда за удобнымъ клочкомъ земли Дагестанцу приходится карабкаться подъ страхомъ ежеминутной гибели по отвѣснымъ стѣнамъ скалъ... Вобьетъ гвоздь для ноги въ камень скалы, захватитъ во всю длину руки желѣзными зубцами кошки, подтянется по ней вверхъ, опять забьетъ свой гвоздикъ, опять уцѣпится кошачьей лапой за какой-нибудь выступъ или кустъ надъ своей головой, и лѣзетъ, забывая, что внизу зіяетъ пропасть, что изъ-подъ ногъ, изъ-подъ рукъ то и дѣло сыплятся камни...

Такимъ же путемъ долженъ бѣдняга и потомъ забираться на это, вновь открытое, поле свое, когда приходится его обработывать или убирать...

Я своими глазами видѣлъ въ знаменитой Карадагской щели, между Толотлемъ и Гунибомъ, какъ Дагестанскій пасѣчникъ устроилъ свою пасѣку на ножомъ обрѣзанной, отвѣсной стѣнѣ головокружительной высоты, натыкавъ кое-гдѣ въ трещинки этой стѣны коротенькіе, утлые прутики, по которымъ онъ, какъ паукъ, ежедневно взбирается наверхъ... Пасѣчникъ этотъ даже удостоился поднесть сотъ меду изъ своей воздушной пасѣки покойному Государю, на глазахъ котораго онъ поднялся и спустился по своимъ палочкамъ, за что и получилъ отъ Государя денежную награду.

Удобныхъ пахатныхъ земель такъ мало въ Дагестанѣ, что Лезгины сочинили по этому поводу очень злую шутку. Трудолюбивый Аварскій хозяинъ забрался съ вечера на свое поле съ волами и сохой, что бы не упустить утренняго часа, и, разостлавъ бурку, легъ на ней спать. По утру, проснувшись, онъ уже не могъ сыскать своего поля и былъ въ отчаяніи. Оказалось, что бурка его закрыла собою все поле, и потому онъ не могъ найти его... Ничто не удается Лезгину безъ тяжкаго труда, безъ смертельной опасности. Проѣхать на пастбище, переправиться черезъ рѣку въ ближній лѣсъ, заглянуть по надобности въ сосѣдній аулъ, — все это сопряжено съ рискомъ сломать шею, быть застрѣленнымъ или зарѣзаннымъ.

Оттого-то и сердце Лезгина невольно прониклось жёсткостью тѣхъ гранитныхъ утесовъ, среди которыхъ живетъ онъ.

Онъ стыдится ласки и добраго слова въ своей семьѣ. Жена для него не только безмолвная рабыня, но и самый обычный вьючный скотъ. Лезгинскій воинъ знаетъ только охоту, пастьбу лошадей, набѣги и битвы. Все остальное, весь тяжелый трудъ домашняго и полеваго хозяйства онъ взвалилъ на жену. Удалой джигитъ покойно спитъ, завернувшись въ свою мохнатую бурку гдѣ-нибудь на крышѣ сакли или на висячей галерейкѣ, а жена, поднявшись до свѣта, уже успѣла нѣсколько разъ спуститься и подняться по страшнымъ кручамъ къ источнику съ большими каменными кувшинами на плечахъ, чтобы наготовить воды на день, чтобы приготовить своему грубому владыкѣ къ его пробужденью обычный «хинкалъ». Его будитъ только стукъ пестика, которымъ она толчетъ чеснокъ, чтобы приправить совсѣмъ уже готовыя горячія галушки.

Женщина собираетъ по обрывамъ и неприступнымъ вершинамъ горъ навозъ лошадей и быковъ для кизяка; женщина съ мотыкой въ рукѣ обработываетъ, обливаясь потомъ, каменную почву полей, иногда на страшныхъ скатахъ, надъ пропастью; женщина убираетъ просо, яч-

мень, кукурузу и носитъ ихъ на своихъ плечахъ по осыпающимся тропамъ, черезъ дебри и кручи — въ свое жилище. Женщина должна забраться Богъ знаетъ на какую высь, Богъ знаетъ по какимъ обрывамъ, въ далекіе лѣса, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ въ Дагестанѣ на самыхъ неприступныхъ скалахъ; она собираетъ тамъ хмызникъ и хворостъ и, подавленная тяжестью своей ноши, совсѣмъ скрытая ею отъ взоровъ прохожаго, ползетъ потихоньку назадъ въ свой аулъ, дѣлая иногда въ день по нѣскольку десятковъ верстъ.

Я видѣлъ на базарѣ Гуниба толпы Лезгинокъ, притащившихъ на себѣ цѣлые воза дровъ верстъ за 30 отъ крѣпости.

Когда Лезгину жаль лошади или ишака, онъ всегда пошлетъ жену. Вышла мука, нечего замѣсить въ хинкалъ, не изъ чего приготовить чуреков и лавашей, — вотъ хозяйка отправляется черезъ хребты горъ, черезъ рѣки и пропасти, въ какой-нибудь большой аулъ, чтобы купить тамъ муки и принесть домой на своемъ горбу тяжеловѣсный мѣшокъ. Во время путешествія по нагорному Дагестану, часто встрѣчалъ я этихъ терпѣливыхъ женщинъ, одиноко карабкающихся съ мѣшками муки черезъ перевалы въ нѣсколько тысячъ футъ, выбивавшіе изъ силъ самыхъ выносливыхъ горскихъ лошадей.

Впрочемъ, если дома есть зерно, Лезгинка не пойдетъ никуда за мукою; она собственноручно смелетъ его на ручномъ жерновѣ, которые держатся здѣсь въ каждомъ домѣ. Такимъ образомъ женщина Дагестана замѣняетъ собою не только лошадиную или воловью силу, но и воду, и вѣтеръ, и паръ...

Зато же какъ жалко и гадко смотрѣть на Лезгинокъ! Мы, Русскіе, по какому-то странному недоразумѣнію, воображаемъ себѣ горскихъ женщинъ стройными красавицами съ знойными глазами, проникнутыми поэзіею горъ и страстью любви. На дѣлѣ же нѣтъ ничего печальнѣе и противнѣе горской женщины. Все это низенькія, коренастыя бабы, неуклюжія, криволапыя, въ 25 лѣтъ уже старухи, грязныя, вонючія, съ тупымъ животнымъ выраженіемъ лица, съ грубыми чертами, одѣтыя чрезвычайно неудобно и некрасиво, въ штанахъ по самыя пяты, въ широкихъ темныхъ бешметахъ и плащахъ... Многія въ 40 лѣтъ согнуты пополамъ, нѣкоторыя просто ползаютъ на четверенькахъ, почти всѣ сутуловатыя, горбоватыя... Это неизбѣжные слѣды вѣчной ноши, обращающей ихъ въ верблюда, въ четвероногое не только психически, но и физически...

Злой нравъ и ворчливость этихъ вѣдьмъ устрашаетъ даже неустрашимыхъ Дагестанскихъ воиновъ, деспотическихъ повелителей ихъ.... Это вполнѣ подходящія самки для темныхъ и грязныхъ логовищъ, въ которыхъ прячутся въ часы отдыха дикіе двуногіе хищники Дагестана.

Зато же пропалъ бы Лезгинскій удалецъ, если бы у него подъ рукою не было такого не знающаго устали, такого всевыносящаго домашняго животнаго. Только его женщина дѣлаетъ ему возможною жизнь въ этой безплодной суровой странѣ. Она замѣняетъ ему отсутствіе всякаго дохода, всякихъ промысловъ, потому что даетъ ему собственнымъ горбомъ все то немногое, что ему нужно; ничего покупнаго не знаетъ Лезгинъ, кромѣ клинка своего кинжала и серебряной оправы своей винтовки. Да и тѣ куются по сосѣдству въ Казикумыхскихъ и Тавлинскихъ аулахъ ловкими оружейниками. Самыя тонкія и яркія сукна, нѣжныя какъ шаль, умѣетъ ткать Лезгинка изъ шерсти своихъ молодыхъ козъ; она же ткетъ сама серебряные позументы для черкески, сама шьетъ черкеску и папаху, и ноговицы, туфли изъ сафьяна, сапоги изъ телячьей и козьей кожи... Какъ бы поздно и неожиданно ни возвратился грозный владыка дома, вѣрная раба-жена принимаетъ поводъ его коня, раздѣваетъ и разуваетъ его, кормитъ и поитъ, и его, и его коня... А саму женщину Лезгинъ не пускаетъ садиться за столъ, пока самъ утоляетъ свой голодъ, не пускаетъ въ мечеть молиться рядомъ съ мужчиною, съ «человѣкомъ». Женщину Лезгинъ даже привѣтствуетъ не такъ, какъ другихъ правовѣрныхъ, а такъ какъ чужеземца, сухимъ «кошкильды!» За всякую вину ея, — плеть готова въ рукахъ неумо-

лимаго владыки. За невѣрность, за преступленіе, — мужъ, отецъ, братъ собственноручно убиваютъ женщину безъ малѣйшаго вмѣшательства судебной или какой-нибудь другой власти, безъ малѣйшей отвѣтственности.

Того требуютъ старые *адаты* или обычаи Дагестана, противъ которыхъ до сихъ поръ еще безсильно борется русскій законъ. Еще въ 1867 году, въ аулѣ Оглы, на глазахъ начальства, муллъ и аульныхъ старшинъ, торжественно произошла казнь женщины ея мужемъ, по требованію *джамаата*, т. е. сельскаго схода. Дацій-Дацій Оглы крѣпко любилъ свою молодую вторую жену Ашуру, дочь важнаго мѣстнаго кадія Иманъ-Али и крѣпко не хотѣлъ ея казнить; но народъ не хотѣлъ отступить отъ священнаго обычая и заставилъ мужа собственноручно застрѣлить любимую жену...

Въ 1866 г. въ Капучинскомъ аулѣ Калакахъ, другая женщина, Хадыжама, дочь Мухаммада, также согласно адатовъ, по желанію родственниковъ и всего общества, была всенародно побита каменьями за скрытое прелюбодѣяніе... Эти случаи, обнаруженные оффиціальнымъ слѣдствіемъ, повторяются и до позднѣйшаго времени.

Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, Дагестанская женщина является только вещью мужчины, сначала отца, потомъ мужа или брата. За убійство ея чужимъ полагается, по адату, гораздо меньшая денежная пеня (діятъ), прекращающая кровомщенія, чѣмъ за убійство мужчины. Такъ, въ Кіорѣ, за кровь мужчины платится 250 р., а за кровь женщины только 125 руб; въ Табасарани за мужчину—600 руб., за женщину—300 руб; въ Самурскомъ округѣ за мужчину—300 р, за женщину—150 и т. д...

Въ недалекомъ прошломъ самый *діятъ* у нѣкоторыхъ изъ Дагестанскихъ обществъ *выплачивался женщинами;* такъ въ южной Табасарани *діятъ полагался въ 6 дѣвицъ;* изъ нихъ 3 дѣвицы брались натурою, а 3 замѣнялись быками, лошадьми и пр. За одну дѣвицу полагалось 3 быка, или 3 ружья, и т. п. Впрочемъ, право казни своихъ домочадцевъ за преступленіе адатъ вообще признаетъ за каждымъ домохозяиномъ...

Патріархальная жизнь семьи, еще чуждой всякой идеи государства и даже рода, — сохранилась почти цѣликомъ въ глухихъ аулахъ Дагестана...

На пролитіи крови построена вся сложная система нравственныхъ и юридическихъ отношеній Дагестанскаго горца. Кровь лежитъ въ основѣ всѣхъ связей, всѣхъ обязанностей, всякой вражды и дружбы.

Пролита родная кровь враждебною рукою, — и всѣ, въ чьихъ жилахъ течетъ хоть капля той же крови, призываются адатомъ къ неумолимому пролитію вражеской крови, чтобы успокоить ею оскорбленную и неотмщенную память убитаго родственника.

Это далеко не безсмысленная, далеко не произвольная взаимная рѣзня разсвирѣпѣвшихъ дикарей, не знающая предѣловъ, безконечно разрастающаяся сама собою, въ силу всеобщаго неистовства...

Нѣтъ, это цѣлая, тонко разработанная, исторически развившаяся, очень сложная теорія правъ и обязанностей, своего рода систематическій курсъ горской юриспруденціи, которую могутъ вполнѣ знать только знатоки спеціальности, кадіи и судьи...

Своего рода общественное приличіе и требованія своеобразнаго гражданскаго права играютъ въ дѣлѣ кровомщенія гораздо большую роль, чѣмъ жаръ крови и страстная привязанность къ погибшимъ роднымъ; матерьяльные разсчеты и самолюбіе рода также имѣютъ тутъ огромное значеніе.

Долгъ кровомщенія переходитъ въ наслѣдство по прямымъ и боковымъ линіямъ, въ очень строгой послѣдовательности, словно какое-нибудь родовое имущество, такъ что нерѣдко обязываетъ собою людей вовсе не кровожадныхъ, и не чувствующихъ ни малѣйшей личной дружбы къ убитому или пострадавшему...

Крайне интересенъ этотъ оригинальный неписанный уставъ азіатскаго правосудія.

Далеко не всякое убійство адатъ дозволяетъ преслѣдовать кровомщеньемъ.

Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, разбойникъ, нападающій изъ засады ради грабежа, оскорбитель женской чести, застигнутый въ объятіяхъ жены, сестры, дочери или матери, наконецъ кровные враги,— убиваются горцемъ безъ всякаго за то отвѣта, безъ всякаго права возмездія со стороны родныхъ убитаго....

Какъ поединки рыцарскаго времени, какъ наши дворянскія дуэли, и кровомщеніе Дагестанскаго горца составляетъ привиллегію только хорошихъ свободныхъ родовъ, или *тохумовъ*. Знатный бекъ унизитъ себя кровомщеніемъ ничтожному узденю; если же онъ самъ убійца незначительнаго человѣка, то родственники убитаго обязаны примириться съ нимъ за опредѣленное адатомъ вознагражденіе, безъ всякихъ установленныхъ для того унизительныхъ церемоній, всего только послѣ 3-мѣсячнаго изгнанія... А рабъ, убившій бека или узденя, даже вовсе не подвергается кровомщенію, точно такъ же какъ средневѣковый рыцарь счелъ бы оскорбленіемъ своего достоинства скрестить мечъ съ мѣщаниномъ или мужикомъ.

Только между людьми, равными по крови, ведется дѣйствительный счетъ кровью за кровь, и тутъ уже жизнь Дагестанскаго горца выработала безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ и мельчайшихъ правилъ на каждый случай, видоизмѣняющихся въ каждомъ племени, иногда въ каждомъ обществѣ....

Адатъ обязываетъ убійцу прежде всего «*выходить въ канлы*», т. е. удаляться въ искупительное изгнаніе изъ своего селенія на опредѣленное число лѣтъ... Канлы всячески избѣгаетъ встрѣчи съ родственниками убитаго и имѣетъ право, по истеченіи нѣкотораго времени, совершить торжественный обрядъ примиренія, послѣ котораго съ него только взыскивается денежная или имущественная пеня въ пользу родныхъ убитаго... Пока этотъ спасительный обрядъ не совершенъ, канлы скрывается какъ братоубійца Каинъ, осужденный погибнуть на каждомъ шагу отъ подстерегающей его кровавой мести родныхъ убитаго.

Въ извѣстныхъ случаяхъ не только убійца, но и его родственники обязаны выходить въ канлы и расплачиваться за преступленіе своего ближняго. Адатомъ Хюракинскаго общества, напр., за убійство кадія назначается 7 человѣкъ канлы изъ ближайшихъ родственниковъ убитаго... Въ Ашильта и др. селеніяхъ по смерти канлы, его мѣсто занимаетъ ближайшій родственникъ и т. д., по наслѣдству, до 7-го поколѣнія, послѣ котораго кровомщеніе уже прекращается.

Во всякомъ случаѣ, что бы не отвѣчать за убійцу, родственники его немедленно должны внести установленную пеню роднымъ убитато, зарѣзать въ ихъ честь быка и помириться съ ними при благословеніи кадія или муллы.

Хотя каждый горецъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ не отказывать канлы въ пріютѣ и помощи, тѣмъ не менѣе ужасно бываетъ положеніе этихъ осужденныхъ. Въ старое время приходилось инымъ цѣлые десятки лѣтъ не выходить изъ сакли и не выглядывать изъ окна или двери, отъ страха постоянной засады кровомстителей.

Только черезъ извѣстное число лѣтъ, но никогда не ранѣе года, канлы могутъ просить о примиреніи и вносить *алымъ* или *діятъ*... Если всѣ безъ исключенія родственники убитаго, мужчины и женщины, согласятся простить убитаго,— то устраивается пиръ съ подарками, и прощенный канлы съ обнаженной головою падаетъ на землю передъ каждымъ изъ приглашенныхъ родственниковъ убитато... «Встань, мы простили тебя!» говоритъ по очереди каждый входящій, и только тогда встаетъ передъ ними бывшій кровный врагъ...

Убить человѣка въ этой странѣ вѣчной войны, вѣчнаго разбоя — такъ же просто, какъ сказать грубое слово.

Кинжалъ виситъ на поясѣ каждаго, даже подъ крышей роднаго дома, среди мирныхъ заботъ хозяйства. А вышелъ на улицу, переступилъ околицу своего селенія,— долженъ быть вооруженъ до зубовъ. На груди патроны, за спиной ружье, пистолеты за поясомъ, кинжалъ

спереди, шапка сбоку. Перекинулся двумя тремя словами съ сосѣдомъ, не понравилось слово или дѣло сосѣда, и глаза сейчасъ же вспыхиваютъ какъ у разъяренной пантеры, и рука судорожно хватается за кинжалъ или пистолетъ. Всякое сильное движеніе духа ищетъ себѣ одного выхода— ударовъ оружія, пролитой крови. На свадебномъ пиршествѣ, на похоронахъ, на народныхъ праздникахъ,—вездѣ гдѣ надо сходиться и говорить другъ съ другомъ, — то и дѣло слышатся угрожающіе возгласы, звонъ клинка о клинокъ, нежданный короткій выстрѣлъ. Какъ стая волковъ не можетъ собраться въ своемъ лѣсномъ ущельѣ надъ костями павшей скотины, не рыча и не оскаливая враждебно другъ на друга своихъ злыхъ зубовъ, такъ и горцы Дагестана не могутъ обойтись безъ ударовъ и выстрѣловъ.

Кинжалъ играетъ у нихъ роль и судьи, и исполнителя, и охранителя. Къ кому какъ не къ нему прибѣгнешь здѣсь, въ царствѣ пустынныхъ неприступныхъ горъ, орловъ и туровъ? Судьбой и природой здѣсь все взваливается на самого человѣка; никто не помогаетъ ему тутъ ни научиться, ни достать что-нибудь, ни выдумать; въ его собственныхъ рукахъ, его собственной сметкѣ и его собственной настойчивости заключается вся судьба его жизни. Чего не добудетъ самъ, того ужь негдѣ ему достать, чего не защититъ самъ, того ужь никто не возвратитъ ему. Умѣй все, смѣй все, будь готовъ на все, — этотъ девизъ чуть не буквально написанъ на всей суровой обстановкѣ полудикой Дагестанской жизни.

Въ этихъ тяжкихъ условіяхъ борьбы безъ отдыха и счета, борьбы вездѣ, всегда и за-все, человѣкъ не можетъ особенно цѣнить ни своей, ни чужой жизни... Все равно, онъ рискуетъ ею каждую минуту, не отъ пули врага, такъ отъ неловкаго шага надъ пропастью, отъ неосторожной переправы черезъ бурную, горную рѣчку...

Дагестанская природа закалитъ въ несокрушимую сталь какую угодно слабонервную душу....

Бурые орлы, что одиноко плаваютъ въ поднебесьѣ, съ враждебнымъ и подозрительнымъ клектомъ косясь другъ на друга, что дерутъ жаднымъ когтемъ и жаднымъ клювомъ своимъ, заостреннымъ какъ кривой Тавлинскій кинжалъ, молодыхъ косуль и серпъ на голыхъ макушкахъ утесовъ,—вотъ единственные учители, единственные образцы для человѣка въ этой школѣ горной пустыни...

Съ дѣтства привыкаетъ раскрывать на нихъ съ изумленіемъ и сочувственнымъ вниманіемъ свои глубокіе черные глаза, на которыхъ надвинута лохматая папаха, молодой дикарь, торчащій на сосѣднемъ утесѣ, такомъ же голомъ, также высоко поднятомъ въ облака...

Ловкій налетъ удалаго хищника, могучій, ошеломляющій ударъ... и затѣмъ одушевленная работа желѣзнымъ клювомъ своимъ, желѣзными когтями, среди брызгъ яркой крови, среди безплодныхъ стоновъ разрываемой въ куски жертвы...

А нето, вонъ пушистый дикій котъ, съ неподвижно сверкающими зеленымъ огнемъ безпощадными, стеклянистыми глазами повисъ на ближней чинарѣ, поджидая добычу...

Съ замирающимъ, радостнымъ любопытствомъ слѣдятъ за этими фосфорическими глазами лѣснаго хищника черные глаза другаго, подростающаго хищника, полнаго тѣми же инстинктами звѣря... Распластался, пристылъ, будто не живой, къ своей качающейся вѣткѣ, матерой, усатый котъ, и вдругъ шмякается, какъ подстрѣленный, внизъ, растопыривъ и лапы, и когти, и вгрызается сразу и когтями, и зубами въ неосторожнаго козленка, пробиравшагося сквозь чащу....

Радостной волной всколыхнется дѣтское сердце горца, и живая картина этой терпѣливой безмолвной засады, этого смѣлаго скачка, раздавившаго пополамъ глупое, довѣрчивое животное, — останется на вѣкъ врѣзанной въ его страстную душу, какъ идеалъ отваги и мудраго разсчета...

Такова дикая школа этой дикой жизни...

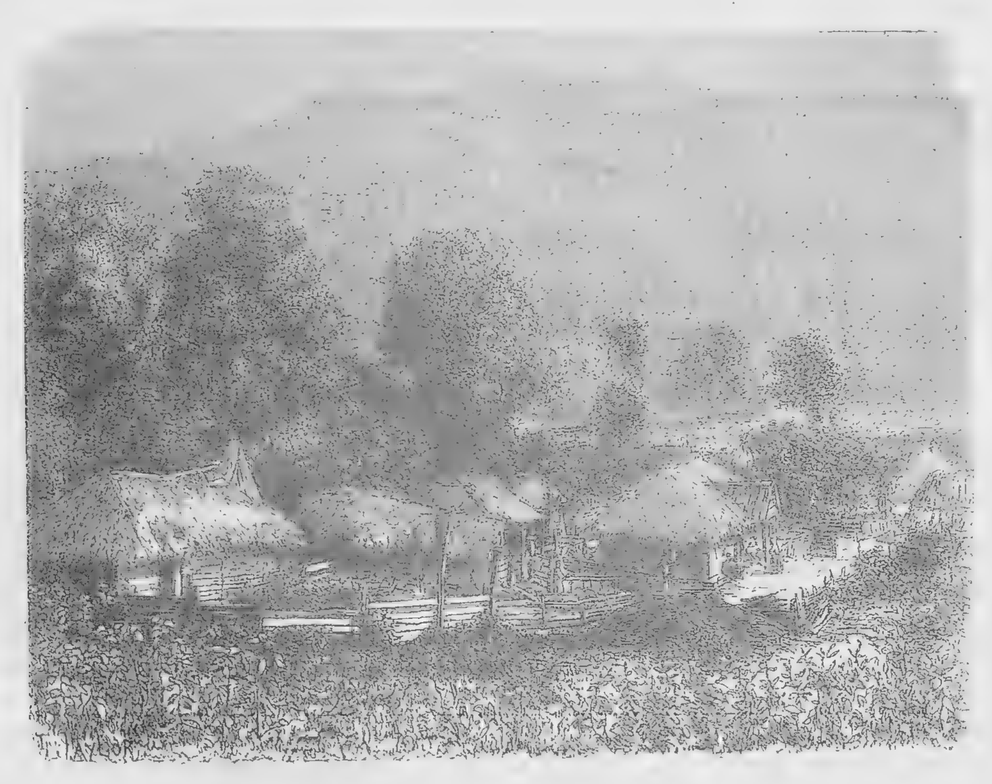
T. IX.

Храмъ Св. Стефана на предгорьѣ Кавказа.

Дагестанскій горецъ гордится ею и воспѣваетъ ее.

Послушайте, напр., Лезгинскую эпопею о Хочбарѣ. Славнаго Аварскаго героя Хочбара изъ Гидатля заманилъ къ себѣ обманомъ въ Хунзахъ Аварскій ханъ Нуцалъ и приказалъ сжечь его живаго. Но чтобы потѣшиться надъ плѣнникомъ, развязали ему сначала руки и приказали пѣть, подыгрывая на гудкѣ...

«Слушайте же, Аварцы, разскажу вамъ кое-что, и ты не мѣшай мнѣ, Нуцалъ, стану я пѣть. Взлѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковые шальвары любимой жены твоей, снялъ я серебряныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ, зарѣзалъ я ручнаго тура твоего. Вотъ наверху овчарни, кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ внизу конюшни, кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ на крышахъ вдовы, кто

Мингрельская деревня.

сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты, кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечесть всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ, и въ лѣсу. Развѣ не убилъ я 60 человѣкъ изъ вашего общества? Вотъ, Нуцалъ, какіе я совершилъ подвиги, а то что за подвигъ обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и приказать умертвить его?» Покуда пѣлъ и игралъ Хочбаръ, маленькія дѣти Нуцала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочбаръ въ пламя. «Что вы стонете, Нуцалята, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами? Что вы пищите, поросята, вѣдь и мнѣ милъ былъ бѣлый свѣтъ? Дорогой конь, не разъ ты потопталъ пятки Аварцевъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты груди ханскимъ нукерамъ, пусть не плачетъ мать моя: *не даромъ погибъ ея молодецъ!* Пусть не тоскуютъ сестры мои: умеръ я со славою!»

Таковъ символъ вѣры горца, таковы его нравственные идеалы; безстрашіе и безпощадность звѣря становятся священнымъ долгомъ человѣка, его высшею добродѣтелью. Это уже

не разбой ради разбоя, а крѣпко установившійся, всѣми признанный, всѣмъ обязательный культъ крови и насилія, такой же кодексъ морали, какъ для христіанина Евангельское поученье о напоившихъ жаждущаго, накормившихъ голоднаго, подавшихъ неимущему, посѣтившихъ больнаго...

Для горца въ этомъ не только религіозный и гражданскій долгъ, но еще и предметъ всѣхъ его поэтическихъ мечтаній, его право на славу и любовь.

«Догоняетъ на крыльяхъ и ловитъ свою добычу когтями бѣлый ястребъ. Онъ ловитъ ее и тутъ же клюетъ сырою. На рѣзвыхъ ногахъ догоняетъ и крѣпкими рветъ когтями пестрый барсъ краснаго звѣря.»

Поется въ извѣстной чеченской пѣснѣ о Хамзатѣ. «Опять сказалъ Хамзатъ своимъ товарищамъ: въ этотъ день гуріи райскія смотрятъ изъ оконъ съ неба на насъ и любуются; онѣ ссорятся, выбирая изъ насъ себѣ мужа.»

«Высоко въ небѣ увидалъ онъ перелетныхъ птицъ и сказалъ онъ имъ: О, воздушныя птицы! Передайте вы нашъ послѣдній привѣтъ, нашъ послѣдній поклонъ Гихинскому наибу Ахъ-Верды-Магома, передайте и поклонъ красавицамъ, бѣлымъ дѣвушкамъ, и скажите вы имъ, что наши крѣпкія плечи стѣной служатъ для русскихъ пуль...»

Тѣмъ же чувствомъ удовлетворенной гордости, исполненнаго долга, звучатъ и всѣ другія горскія пѣсни о кровавыхъ подвигахъ своихъ погибшихъ героевъ, пѣсня объ Ель-Мурзѣ-Барчи и др.

Окружили Ель-Мурзу за Терекомъ Русскіе. И сказалъ ему посланный: «У тебя нѣтъ крыльевъ, Ель-Мурза, чтобъ взлетѣть на небо, нѣтъ и когтей, чтобы выкопать нору и уйти подъ землю.»

«Крылья мои на небо — мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сдѣлать нору — моя шашка терсмеймуль (особый родъ клинковъ). И сдамся я тогда, когда вмѣсто газырей надѣну женскія петли!» отвѣчаетъ Ель-Мурза.

Стали тогда стрѣлять въ нихъ изъ широкихъ ружей, съ оправленными мѣдью прикладами.

Закричалъ Ель-Мурза христіанамъ: «послушайте вы, христіане, пуль у насъ какъ звѣздъ на небѣ, а пороху какъ черной земли. Пока небо стоитъ, и мы будемъ стоять; пока земля не пойдетъ, не пойдемъ и мы!»

Храбрость и презрѣніе къ смерти кажется горцу такою добродѣтелью, что онъ благоговѣетъ даже передъ смертельнымъ врагомъ, если видитъ въ немъ дѣйствительнаго героя. Оттого-то Кавказскіе горцы о Ермоловѣ, Баклановѣ и другихъ нашихъ знаменитыхъ храбрецахъ-генералахъ сочинили цѣлыя волшебныя саги, проникнутыя столько же дѣтскимъ ужасомъ передъ несокрушимою силою, сколько восторгомъ передъ удалью.

Въ Акушѣ и другихъ Даргинскихъ обществахъ Дагестана до сихъ поръ, напр., поется пѣсня про Ермолова: «Тамъ гдѣ ни курица, ни лисица въ свою жизнь не могла бы отыскать тропинки, чтобы пробраться въ Даргу, — Ермоловъ въ 3 часа нашелъ дорогу.»

«Руками онъ дѣйствовалъ подобно желѣзному молоту, ломающему камни.»

«Какъ только Ермоловъ пришелъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страху Акушскіе кадіи и старшины.»

«Народная слава сохранитъ славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

«Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.»

«Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?»

«Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и во всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій Султанъ.

«Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ Персидскій шахъ (т. е. шахъ Надиръ).»

Невольное бездѣліе, на которое природа осудила Дагестанца, его бѣдность, его хищническіе инстинкты, его поэзія битвъ, его религіозная ненависть къ гяурамъ,—все дѣлало изъ этихъ мелкихъ горскихъ племенъ, укрывавшихся въ своихъ неприступныхъ котловинахъ, ущельяхъ и обрывахъ, страшное для всѣхъ сосѣдей разбойничье гнѣздо. То и дѣло въ теченіе долгихъ вѣковъ Кавказской исторіи спускаются они своими удалыми шайками съ своихъ заоблачныхъ ауловъ на окружавшія ихъ плодородныя равнины, и мирныя населенія, какъ стая смѣлыхъ коршуновъ на домашнюю птицу, быстрымъ налетомъ пробѣгаютъ страну, угоняютъ скотъ и людей, выжигаютъ жилища, разграбливаютъ трудами нажитое добро и, опустошивъ, будто нашествіемъ саранчи, цвѣтущія области Закавказья, Терской и Кубанской равнины, опять исчезаютъ безъ слѣда въ своихъ орлиныхъ гнѣздахъ, гдѣ никто не достанетъ ихъ.

Миръ съ ними —это такая же невозможность, какъ миръ лѣснаго волка съ пасущимся стадомъ овецъ.

Звѣря можно убить, можно выгнать вонъ, вырубивъ лѣсъ, гдѣ его логово; но пока онъ въ лѣсу, пока онъ звѣрь, онъ не перестанетъ рѣзать овецъ и пожирать ихъ.

Самое близкое къ Грузіи Дагестанское племя, заоблачныя гнѣзда котораго висятъ на своихъ утесахъ прямо надъ роскошной Кахетіей, текущей виномъ и медомъ, — Дидойцы, — даже называютъ сами себя *орлами, цези*... До такой степени они сознаютъ свое положеніе орловъ, свои вкусы орловъ, свою удаль орловъ...

И хотя сосѣди ихъ, Капучинцы, Тушины и другіе прозываютъ ихъ вовсе не орлами, а только оборванцами, *Цунта*, однако довольно побывать разъ въ ихъ сѣрыхъ каменныхъ аулахъ, прилѣпленныхъ надъ безднами, на высотѣ 10,000 футъ, довольно разъ видѣть ихъ неутомимое рысканье съ утеса на утесъ, легкое, быстрое, смѣлое, словно настоящій полетъ горной птицы, чтобы признать въ нихъ дѣйствительно «орловъ», безстрашныхъ хищниковъ, стерегущихъ съ заоблачныхъ утесовъ свою добычу.

Проѣхавъ нагорный Дагестанъ съ его ледниками, водопадами, кручами, пропастями, непроходимыми гранитными массами, недоступными заоблачными лѣсами, среди обваловъ и дикаго рева водъ, — поймешь, что стоило русскому человѣку докарабкаться до этого орлинаго гнѣзда и обрубить желѣзные когти и клювы спрятаннымъ въ немъ хищникамъ.

Въ Дагестанскій аулъ не взлѣзешь даже въ мирное время, когда тащитъ тебя наверхъ могучая дружественная рука проводника-нукера. Аулы эти, кажется, нарочно засѣли въ тѣхъ именно мѣстахъ, къ которымъ не проберешься ни сверху, ни снизу. Улицы нѣтъ въ аулѣ; каменныя двухъ-ярусныя бойницы, которыя горецъ называетъ саклями, мрачныя, слѣпыя, съ еле-примѣтными, узкими щелями для ружей,—отступаютъ другъ отъ друга только на столько, чтобы человѣкъ съ трудомъ могъ протиснуться между нихъ, и чтобы его, въ случаѣ нужды, легко было прострѣлить или проколоть насквозь изъ первой встрѣчной дыры. На крышѣ одной бойницы торчитъ другая, надъ другой третья, и ножомъ расколотая щель, замѣняющая улицу, вьется и лѣпится, какъ змѣя, по отвѣсной кручѣ, у подножія всѣхъ этихъ, безъ порядка насыпанныхъ въ кучу, каменныхъ редутовъ, въ которыхъ высоко приподняты отъ земли даже желѣзомъ кованныя дверочки, единственные входы въ эти разбойничьи жилища. Немудрено, что при взятіи Лезгинскихъ ауловъ истреблялись цѣлые отряды нашихъ храбрецовъ-солдатиковъ.

Пока еще долѣзутъ они по обрывамъ голыхъ утесовъ до разбойничьяго гнѣзда, мѣткія винтовки успѣютъ раздробить не одинъ черепъ, а сваленные сверху камни унесутъ цѣлую толпу. А доползли, — пошла рукопашная рѣзня на этихъ узкихъ переулочкахъ, среди глухихъ стѣнъ, гдѣ негдѣ руки развернуть, некуда выстрѣлить, не въ кого цѣлить. Здѣсь каждая горская баба, каждый десятилѣтній ребенокъ рѣжутся и убиваютъ, здѣсь одинъ отчаянный рубака, засѣвъ въ своей темной саклѣ, истребитъ цѣлую кучу осаждающихъ, пока они взломаютъ его дверь или разберутъ крышу и застрѣлятъ его въ упоръ. Иногда какіе-нибудь чет-

веро или пятеро храбрецовъ отбиваются въ своей башнѣ по нѣскольку часовъ отъ цѣлаго отряда, и цѣлый отрядъ, бывало, дрогнетъ, когда, разстрѣлявъ послѣдніе заряды, удушаемые дымомъ подожженной башни, отчаянные защитники съ обнаженными бритыми головами, съ кинжалами въ зубахъ, съ шашками въ рукахъ, неистово врываются въ сверкающіе ряды штыковъ, чтобы продать подороже свою удалую голову.

Въ эти-то орлиныя гнѣзда проникла, 50 лѣтъ тому назадъ, проповѣдь *мюридизма*. Дагестанъ переродился. Аулы сосѣднихъ горъ, рѣзавшіеся другъ съ другомъ за водопой, пастбища, стали другъ за друга каменною стѣною. Дагестанъ, Чечня, весь горный Кавказъ сознали вдругъ свое единство и сплотились въ одинъ народъ. Знамя пророка, кличъ священной войны, *газавата*, всѣхъ горцевъ-мусульманъ сдѣлалъ родными братьями.

Кличъ этотъ, это знамя народной и религіозной войны, поднялъ старый слѣпой постникъ и молитвенникъ, мулла Магометъ, кадій Кюринскій изъ деревни Яраглара.

Имеретины.

Кази-мулла, Гамзатъ-Бекъ, Шамиль,—три первые имама Дагестана,—были только его учениками и послѣдователями.

Худой, съ строгимъ лицомъ, съ бѣлою, какъ лунь бородою, тихій старецъ въ зеленой чалмѣ и синей мантіи, раздавъ нищимъ все богатое имѣніе свое, потерявъ зрѣніе отъ постоянныхъ ночныхъ бдѣній надъ священными книгами, едва слышнымъ шепотомъ своимъ звалъ на безъисходную и непримиримую, кровавую войну съ русскими гяурами всѣхъ правовѣрныхъ обитателей горъ.

«Во всѣхъ богатыхъ приношеніяхъ вашихъ, на всѣхъ бракахъ и на всѣхъ дѣтяхъ вашихъ,—на всемъ тяготѣетъ проклятіе: небо наложило на васъ печать отверженія, потому что вы всѣ пресмыкаетесь во грѣхѣ, не признаете, не исполняете закона Пророка! Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, но прежде ополчитесь на священную войну!....»

«Развѣ ты не признаешь силу Русскихъ и не думаешь, сколько прольется крови по твоей винѣ?» грозно спрашивалъ его, испуганный движеньемъ, покорный Русскимъ Казикумыхскій ханъ Асланъ.

«Знаю, что Русскіе сильнѣе насъ, но Богъ сильнѣе ихъ!» отвѣчалъ непоколебимый старецъ, и несмотря на жестокіе удары хана, на угрозы, уговоры и подарки, продолжалъ свою проповѣдь войны.

«Именемъ Пророка повелѣваю тебѣ, Кази-мулла, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну!» говорилъ онъ, возложивъ руки на главу своего храбрѣй-

T. IX. Монастырь Ангела въ Закавказьѣ.

шаго мюрида (ученика). «Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ Русскихъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!»

Весь Дагестанъ слушалъ его, объятый благоговѣньемъ и восторгомъ. Всѣ шли на бой, опьяненные фанатической вѣрой въ своего имама. «Сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю!» говорятъ до сихъ поръ горцы, вспоминая перваго муршида своего.

Кази-мулла повелъ своихъ восторженныхъ мюридовъ на священную войну. Долго, отчаянно бился онъ съ неравною силою, наконецъ, загнанный въ горы, защищая родное селенье Гимры, гдѣ онъ увидѣлъ первый свѣтъ солнца, онъ палъ со всѣми своими на порогѣ своего дома. «Чувствую, что приближается конецъ мой» говорилъ онъ мюридамъ. «Я умираю здѣсь, гдѣ родился; умираю за истину тариката, за священный шаріатъ. Кто хочетъ также умереть, пусть остается со мною!»

Его трупъ нашли въ позѣ горячей молитвы: одной рукой онъ держалъ бороду, священное украшеніе мусульманина, другую руку поднималъ къ небу!...

Шамиль родился въ тѣхъ же Гимрахъ и учился у того же святаго старца въ Яраглярѣ, какъ и Кази-Магометъ-мулла, его учитель и другъ.

«Они жили какъ родные братья, и все что ни встрѣчалось имъ въ жизни,—и радость, и горе, — они дѣлили на двѣ совершенно равныя части», говоритъ о нихъ Дагестанскій біографъ.

Шамиль учился у своего друга, который былъ 4-мя годами старше его и жилъ всего черезъ два дома отъ него.

Кази-мулла еще юношей былъ уже ученымъ, зналъ наизустъ весь коранъ, хорошо читалъ по-арабски, и цѣлые дни проводилъ за книгами древнихъ мудрецовъ, затыкая воскомъ уши чтобы не развлекаться.

«Онъ былъ молчаливъ, какъ камень!...» отзывался о немъ Шамиль: «и нигдѣ я такъ много не научился, какъ отъ Кази-Магомета.» Шамиль, т. е. Самуилъ (Шамуиль), родился истымъ горцемъ, истымъ жителемъ Дагестана. Въ 20 лѣтъ онъ совершенно свободно перепрыгивалъ черезъ веревку, которую держали два большихъ человѣка, вытянувъ вверхъ руки; перепрыгивалъ черезъ голову стоящаго человѣка; пропасти, шириною въ нѣсколько саженъ, онъ перелеталъ какъ серна; никто не могъ ни настичь его, ни одолѣть въ борьбѣ; это была сама ловкость, сама отвага, сама сила, идеалъ всѣхъ добродѣтелей горца..... Тавлинскій кинжалъ о двухъ языкахъ или кривая булатная шашка были его постоянною забавою, которую онъ не выпускалъ изъ рукъ. Если не было подлѣ товарища, съ которымъ можно было помѣриться ловкостью ударовъ, онъ наносилъ и отражалъ удары, увертывался и нападалъ наединѣ самъ съ собою... Въ холодъ, въ дождь, по снѣгу, онъ ходилъ босыми ногами, грудь на распашку; онъ закалилъ этимъ свое слабое съ дѣтства здоровье до несокрушимости.

Опасныя раны, которыя онъ потомъ во множествѣ получалъ въ битвахъ, ему были нипочемъ; онъ не страдалъ отъ нихъ даже въ старости. Одинъ разъ русскій штыкъ прокололъ ему легкое, но онъ и тутъ остался живъ, и все прошло безъ слѣда....

Но когда юноша Шамиль выпускалъ изъ руки шашку, онъ бралъ въ эту руку книгу. Онъ учился страстно, увлеченно, вездѣ, гдѣ только могъ розыскать знаменитаго ученостью наставника; учился долго. Даже женившись вторично, на 30 году своей жизни, онъ еще учился цѣлыхъ 3 года, погруженный съ головою въ священный Коранъ, въ книги арабскихъ мудрецовъ, въ сказанія и пѣсни персидскихъ поэтовъ.

Горцы были увѣрены, что ихъ имамъ обладаетъ сверхъ-естественною силою. Его не беретъ ни мечъ, ни огонь, ни пуля; враги никогда не могутъ захватить его, никогда не могутъ воспользоваться своею побѣдой. Аллахъ затемняетъ ихъ разумъ, и они видя не видятъ, и

держа въ рукахъ, выпускаютъ его. Шамиль дѣлалъ все, чтобы поддержать эту вѣру въ свою чудесность, и обстоятельства помогали ему.

Разъ онъ упалъ замертво у ногъ Кази-муллы, сраженный двумя пулями; только что разнеслась по ауламъ горькая вѣсть о смерти его, какъ вдругъ Шамиль явился среди мюридовъ и показалъ на груди своей тяжелыя раны, изъ которыхъ не сочилась болѣе кровь...

«Аллахъ воздвигъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣждалъ живыхъ!...» въ благоговѣйномъ ужасѣ воскликнули тогда мюриды.

Другой разъ мюриды съ Шамилемъ были окружены Аварцами въ укрѣпленномъ аулѣ Хунзахѣ, сожжены и перерѣзаны, казалось, всѣ до одного; но Шамиль тотчасъ же появился въ окрестныхъ селеньяхъ и уже набиралъ новую дружину, проповѣдуя всѣмъ свое чудесное спасеніе по волѣ Аллаха, для дѣлъ Аллаха.

Третій разъ также непостижимо спасся Шамиль изъ крѣпости Ахульго, куда онъ былъ загнанъ съ 2000 мюридовъ храбрымъ генераломъ Граббе.

Неприступная гранитная твердыня, торчащая среди безднъ на отрывистыхъ заоблачныхъ утесахъ, была тѣсно обложена русскимъ отрядомъ и взята наконецъ цѣною цѣлыхъ рѣкъ русской крови, но Шамиль невидимо изчез изъ Ахульго и уже готовилъ русской силѣ новый отпоръ.

Въ смутныя минуты своей судьбы, послѣ такихъ неудачъ, или готовясь къ рѣшительному дѣлу, Шамиль, подобно Магомету и Моисею, удалялся въ пещеру или затворялся безвыходно въ саклѣ своей, чтобы въ строжайшемъ постѣ и молитвѣ бесѣдовать съ Богомъ и испросить у Него указаній на дальнѣйшій подвигъ.

По три недѣли проводилъ онъ такъ, не отрывая глазъ отъ Корана, и когда наконецъ появлялся опять среди народа, блѣдный, суровый, изнуренный, съ глазами, сверкающими неземнымъ одушевленьемъ, муллы и военачальники выслушивали каждое повелѣнье его, какъ законъ, ниспосланный Аллахомъ.

Возсылая молитвы Аллаху, громко распѣвая стихи Корана, выходилъ Шамиль изъ совѣта старшинъ, провожаемый своими любимыми мюридами, къ толпамъ народа, робко и терпѣливо выжидавшаго откровеній свыше, и возвѣщалъ правовѣрнымъ жителямъ горъ волю Аллаха.

Шашки и кинжалы выхватывались изъ ноженъ, священный гимнъ корана одушевленно подхватывался тѣсно обступавшею толпою, и изъ всѣхъ устъ приносилась горячая клятва непоколебимо стоять за вѣру пророка, безъ пощады истреблять нечестивыхъ враговъ его.

«Великъ Аллахъ! Магометъ его первый пророкъ, а Шамиль второй!...» кричала фанатическая толпа, расходясь по домамъ и потрясая оружіемъ.

Шамиль обладалъ страстнымъ восточнымъ краснорѣчіемъ, въ которое восторженно уходила вся его смѣлая душа, и слово его дѣйствовало на простодушныя сердца горцевъ, какъ небесная молнія.

Не даромъ Шамиль съ такимъ увлеченіемъ вчитывался въ жизнь пророка, основавшаго исламъ.

Онъ изучилъ на немъ и тѣ могучія духовныя орудія, которыми арабскій пастухъ когда-то всколыхалъ все человѣчество древняго Востока, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ на цѣлыя тысячелѣтія его душою и волею.

Шамиль поражалъ безхитростныхъ горцевъ драматизмомъ своихъ неожиданныхъ выходокъ, величіемъ своего вида, загадочностью изрѣченій, таинственностью и строгостью своей жизни.

Онъ прозвалъ неустрашимыхъ спутниковъ своего перваго бѣгства изъ Гимръ въ Ашильту тѣмъ же именемъ *Мугаджиретъ*, какимъ называлъ Магометъ товарищей своего бѣгства изъ Мекки въ Медину, а жителей Ашильты, дружески пріютившихъ его, тѣмъ самымъ именемъ *ансаръ* (подвижникъ), которымъ наградилъ Магометъ вѣрныхъ ему Мединцевъ.

Какъ Магометъ, онъ чертилъ на клочкахъ бумаги наставленія и приказанія свои, и раздавалъ ихъ мюридамъ и наибамъ. Разъ Чеченцы уговорили его мать передать грозному имаму о ихъ намѣреніи поддаться Русскимъ, если Шамиль не дастъ имъ надежной помощи.

Имамъ глубоко почиталъ Ханумъ, мать свою; никогда не слушая ничьего совѣта, выполнялъ какъ Божью заповѣдь всякое желанье Ханумъ. По ея слову падали оковы съ заточенныхъ, возвращалось имѣнье ограбленнымъ, осужденные на смерть получали жизнь.

Но возмутительнаго предложенья предаться гяуру не должна была смѣть безнаказанно сдѣлать имаму даже сама мать его.

3 сутокъ молился имамъ, запершись въ мечети аула Дарго, испрашивая откровеній Аллаха, и всѣ эти 3 сутокъ стоялъ, по его повелѣнью, вокругъ мечети, безъ питья, сна и пищи, встревоженный народъ... На четвертый день отворилась дверь мечети, и передъ измученными Даргинцами появился Шамиль. Глаза его были налиты кровью отъ слезъ и безсонницы. Молча взошелъ имамъ на плоскую кровлю мечети, провожаемый 2-мя мюридами, и повелѣлъ привести туда старую Ханумъ.

— Великій пророкъ Магометъ!—произнесъ Шамиль, послѣ глубокаго молчанія, съ которымъ онъ долго глядѣлъ на мать.— Да исполнится правый судъ твой въ примѣръ всѣмъ послѣдователямъ святаго Корана! Правовѣрные! по волѣ Аллаха, повелѣно мнѣ дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣренье Чеченскаго народа. Этотъ первый — была мать моя.

Мюриды сорвали чадру съ испуганной старухи, и началась ея казнь. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ старуха упала безъ чувствъ. Шамиль, пораженный горемъ, бросается къ ногамъ матери и простирается на землѣ съ горячими молитвами.

Народъ стоитъ, охваченный ужасомъ, и съ рыданьемъ проситъ о помилованіи. Грозный имамъ Дагестана, въ слезахъ распростертый на землѣ, исполняетъ трепетомъ душу каждаго.

Вдругъ Шамиль встаетъ во весь могучій ростъ свой, восторженно и смѣло сверкая глазами.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Бога!—восклицаетъ онъ.—Аллахъ услышалъ мою молитву и дозволилъ мнѣ принять на себя казнь, на которую была обречена моя бѣдная мать!

Съ радостнымъ торжествомъ сбрасываетъ онъ свои широкія одежды и приказываетъ 2-мъ мюридамъ наносить ему удары толстыми нагайками безъ всякой пощады.

— Кто осмѣлится изъ васъ слабо выполнить волю пророка, того я поражу кинжаломъ изъ собственной руки! — объявляетъ онъ имъ.

Народъ внизу оцѣпенѣлъ отъ благоговѣйнаго изумленья, а Шамиль, не испустивъ ни одного стона, принимаетъ на глазахъ всѣхъ 95 жестокихъ ударовъ. Такими глубокими и рѣзкими сценами потрясалъ Шамиль восточное воображенье своихъ поклонниковъ.

Вообще въ Шамилѣ воплотился весь суровый и мужественный геній Дагестанскаго горца, вся героическая слава и сила его, желѣзная несокрушимость духа, поэзія войны и крови, упорный фатализмъ, полный суевѣрія и таинственности, наконецъ грубый патріархально-деспотическій взглядъ восточнаго человѣка на гражданское общество и семью.

Чтобы уразумѣть нравственный и физическій обликъ горца въ его идеальной полнотѣ, довольно изучить жизнь одного Шамиля.

Оттого-то и могъ достичь Шамиль такой безусловной власти, такой безпредѣльной популярности среди вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ раздробленныхъ племенъ Дагестана и Чечни, которыя онъ силою своей непреклонной воли, можно сказать, обратилъ въ одно цѣльное царство Кавказскихъ горцевъ, Кавказскаго ислама. Принятый имъ титулъ *Имама-ульазама* (т. е. главы вѣры) *и повелителя Кавказа* не былъ пустыми словами.

Когда съ голыхъ плоскостей Гуниба или Ведено спускалась на удаломъ кабардинцѣ стро-

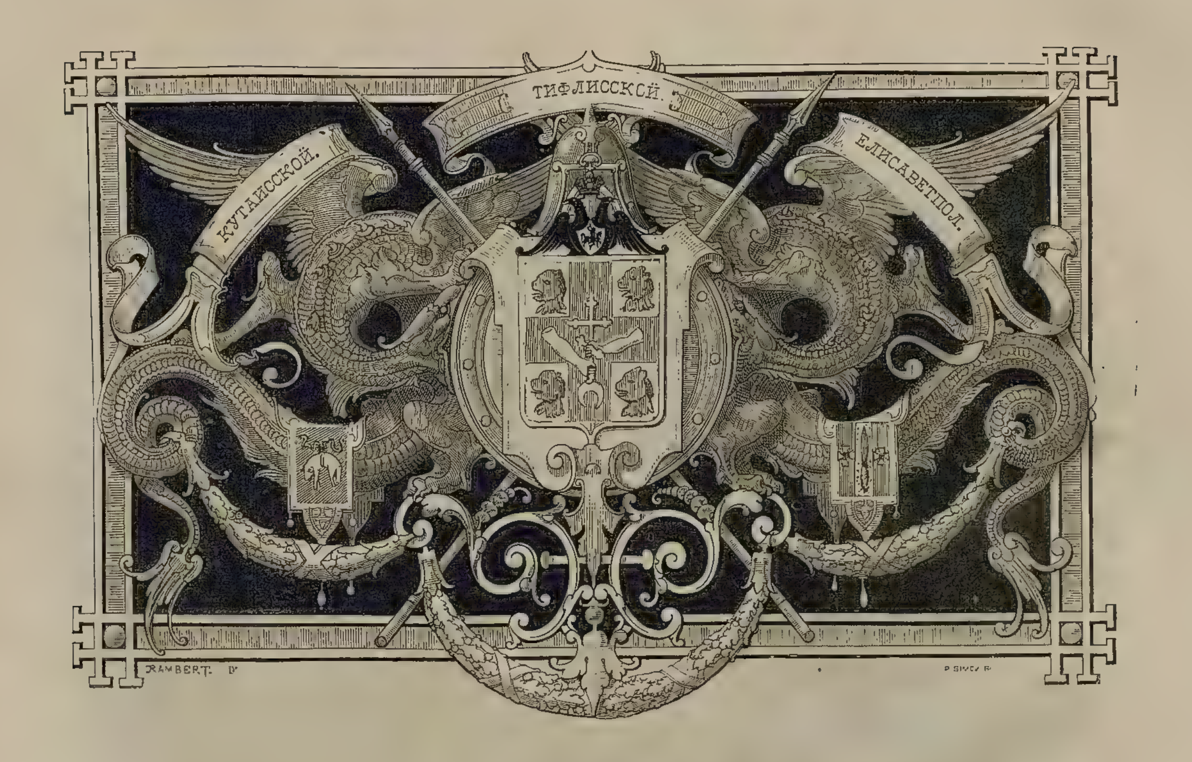
гая и сухая плечистая фигура въ бѣлой чалмѣ и черной черкескѣ, съ ярко окрашенною въ огненный цвѣтъ бородою имама, окруженная такими же суровыми, такими же могучими мюридами, вооруженными до зубовъ, съ значкомъ въ серединѣ, провожаемая выстрѣломъ пушки, благоговѣйно встрѣчаемая народомъ, цѣлующимъ полы одеждъ и руки своего имама,—весь горскій Кавказъ съ радостной гордостью глядѣлъ на вождя и героя своего, жилъ въ немъ своимъ сердцемъ и надеждами, весь Кавказъ вторилъ душою мрачной воинственной пѣснѣ, которую пѣлъ при каждомъ выѣздѣ своемъ на походъ грозный имамъ съ своими грозными мюридами:

«Обнажи мечъ свой, мой народъ!
На помощь идите къ намъ...
Проститесь со сномъ и покоемъ,
Я зову васъ именемъ Бога,
Ради Бога!..»

Евгеній Марковъ.

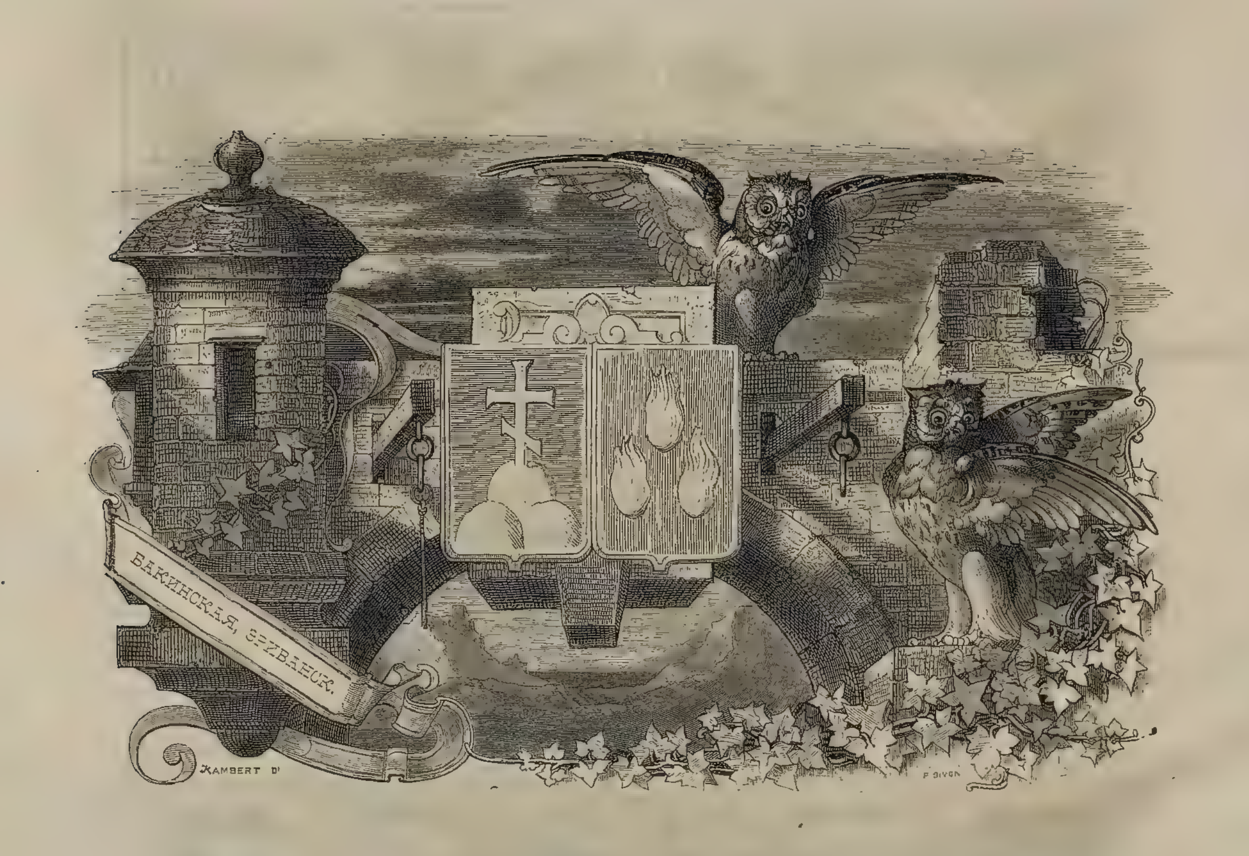

КАВКАЗЪ.

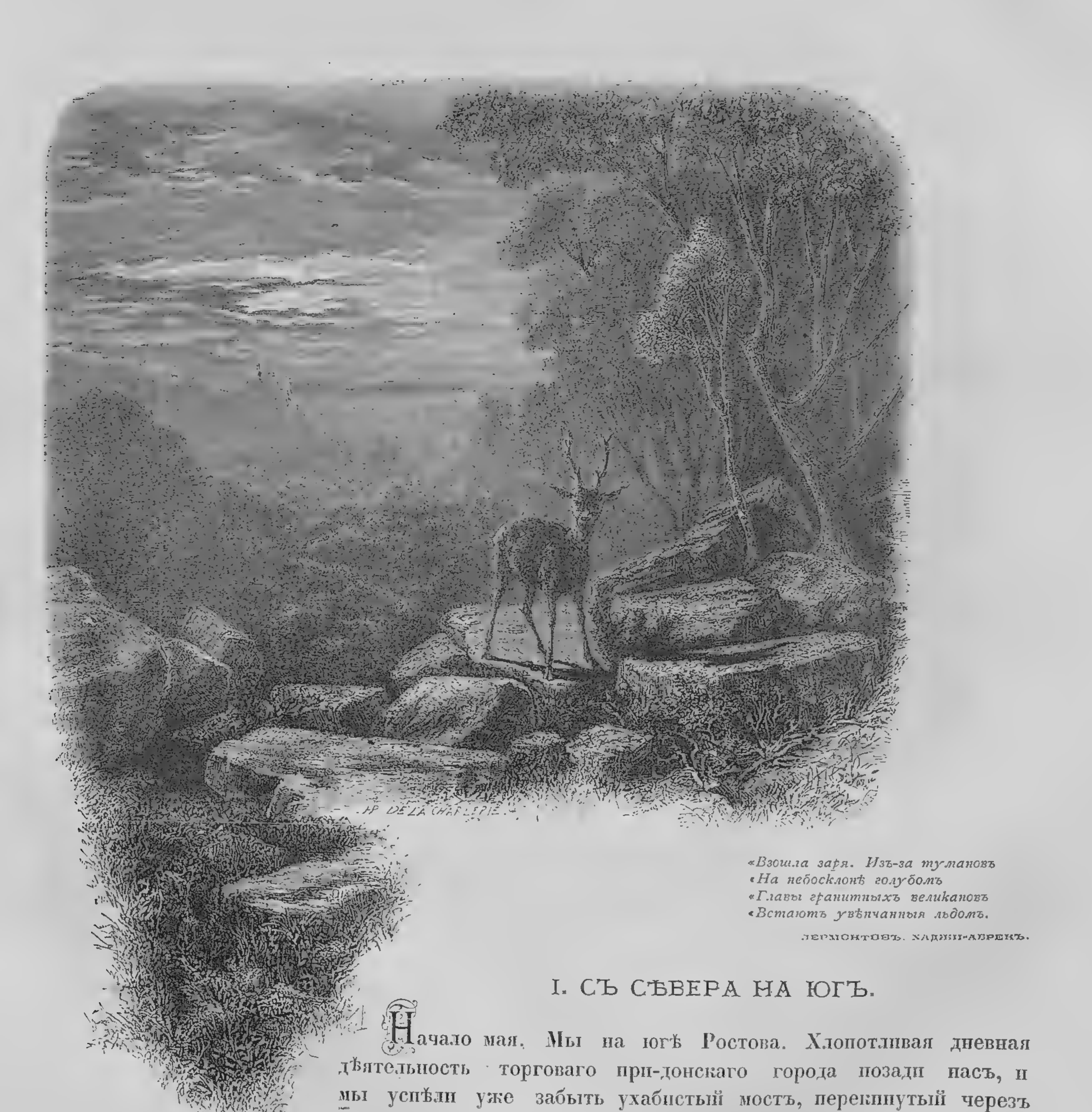
ГУБЕРНІИ: КУТАИССКАЯ, ТИФЛИССКАЯ, ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКАЯ, ТЕРСКАЯ, КУБАНСКАЯ, ДАГЕСТАНСКАЯ.

ГУБЕРНІИ: БАКИНСКАЯ И ЭРИВАНСКАЯ.

ОЧЕРКЪ I.

ФИЗІОНОМІЯ СТРАНЫ.

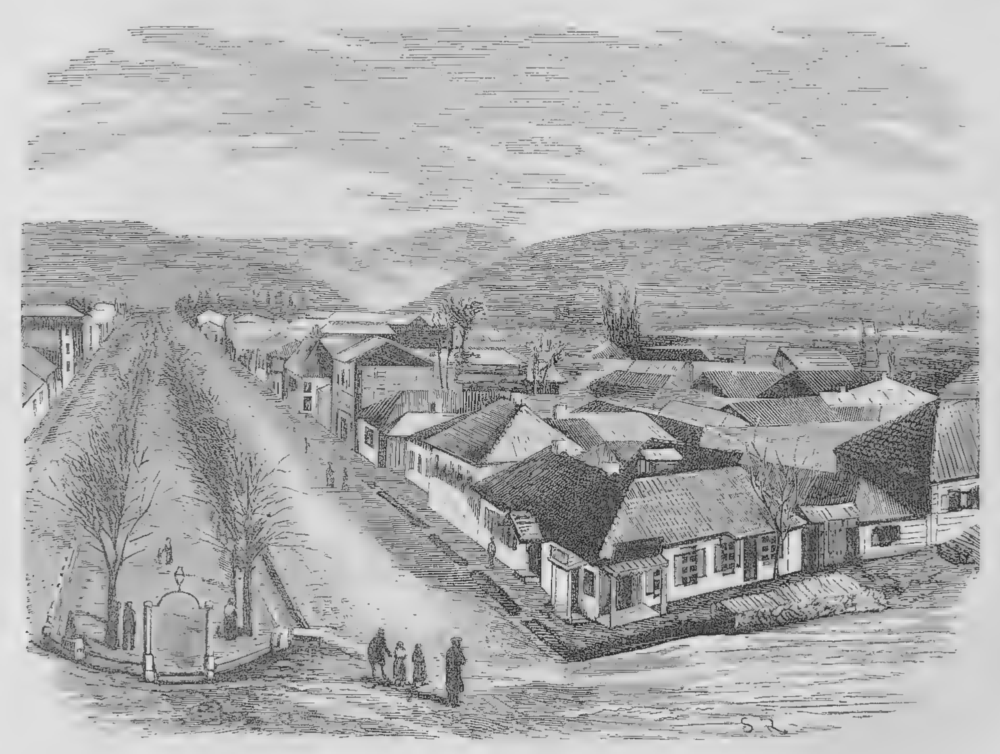
«Взошла заря. Изъ-за тумановъ
«На небосклонѣ голубомъ
«Главы гранитныхъ великановъ
«Встаютъ увѣнчанныя льдомъ.

ЛЕРМОНТОВЪ. ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

I. СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ.

Начало мая. Мы на югѣ Ростова. Хлопотливая дневная дѣятельность торговаго при-донскаго города позади насъ, и мы успѣли уже забыть ухабистый мостъ, перекинутый черезъ рѣку, съ его неизбѣжными старушками, бабами и ребятишками, усердно удящими сельдь и другую рыбу. Намъ не досаждаетъ

болѣе неотвязчивая пыль, густымъ слоемъ покрывающая съ ранней весны столбовую дорогу. Передъ нами необозримая степь. Она поднимается широкими, какъ-бы придавленными, холмистыми гребнями къ низменному, не достигающему высоты 2000 фут. водораздѣлу, который лишь къ югу отъ Ставрополя, при относительно крутомъ паденіи, отдѣляетъ притоки р. р. Кубани, Маныча и Дона. Окружающая насъ степная картина отличается особенностями какъ въ общемъ своемъ характерѣ, такъ и въ частностяхъ. Болѣе оригинальная, чѣмъ ласкающая глазъ, она поражаетъ не столько богатствомъ очертанія и колорита, сколько поразительнымъ однообразіемъ. Съ жадностью впивается глазъ странника въ даль южнаго горизонта, доискиваясь первыхъ, хотя слабыхъ очертаній Кавказскихъ горъ, какъ цѣли путешествія. Между тѣмъ время идетъ; разстояніе велико, а степь безпредѣльна. Паровозъ вихремъ мчитъ путника на югъ. Разсыпавшіяся сумерки смѣняются мракомъ ночи и лишаютъ его впечатлѣнія, производимаго первыми горными пейзажами. Но вотъ наступило утро. Онъ упивается обворожительнымъ видомъ

Владикавказъ.

далеко отодвинутыхъ къ сѣверу Бештовыхъ горъ — этой, по выраженію академика Абиха, какъ-бы изъ глубины моря выдвинутой группы островов. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ явственнѣе выступаютъ сѣверныя предгорья исполинскаго Кавказскаго хребта. Но прежде чѣмъ подойти къ нему, бросимъ еще разъ взглядъ на окрестную степь, на обворожительныхъ первенцевъ весенней флоры и представителей животнаго міра.

Степь въ эту пору года зачастую восхитительна своею растительностью. Она въ сущности имѣетъ одинаковыя свойства съ понтійскими черноземными равнинами, лежащими на высотѣ поверхности моря. Тамъ и сямъ необозримое поле, поросшее овсяницею (Festuca) или костыремъ (Bromus), которыхъ стройныя, упругія цвѣтоножки волнуются вѣтромъ; мѣстами длинные, нѣжные волоски ковыля (Stipa) какъ-бы прозрачнымъ, серебристо-бѣлымъ вуалемъ покрываютъ сочныя травы равнины; нерѣдко попадаются синіе цвѣты запоздалаго мышьяго-хвоста (Muscari). Изъ средины распростертыхъ по землѣ мохнатыхъ или сморщенныхъ корневыхъ

листьевъ вида шалфея (Salvia aethiopis, austriaca, sclarea) возвышаются ихъ стебли, усѣянные цвѣтами съ прекрасно окрашенными прицвѣтниками. Во многихъ мѣстахъ виднѣются ранніе, достигающіе до двухъ фут. высоты, стебли царскаго-скипетра (Verbascum phoeniceum), котораго роскошные фіолетово-красные цвѣты въ особенности украшаютъ степь. Днемъ тишина. Стаи дрохвъ, оберегаемыя какъ-будто стоящими на форпостахъ осторожными старыми самцами, грѣются на солнцѣ. Счастливый своею любовью стрепетъ, бойко и быстро выказавъ свою черную, въ это время раздутую шею, свойственнымъ ему призывнымъ кликомъ, распѣваетъ пѣсню и любви. Робкій земляной заяцъ-тушканчикъ (Dips Jaculus) отдыхаетъ въ своей уютной норкѣ, выжидая сумерекъ, чтобы пуститься въ дальнія, ночныя экскурсіи на добычу за любимыми луковицами, которыя онъ вырываетъ изъ-подъ степной почвы своими нѣжными передними лапками. Время это уже наступило. Къ сѣверу, на горизонтѣ открываются взору неподвижныя облачныя стѣны, весною и осенью образуемыя массами кучевыхъ облаковъ, которыхъ западныя части, освѣщаемыя лучами заходящаго солнца, обливаются серебристымъ свѣтомъ ослѣпительной бѣлизны, переходящимъ сначала въ золо-

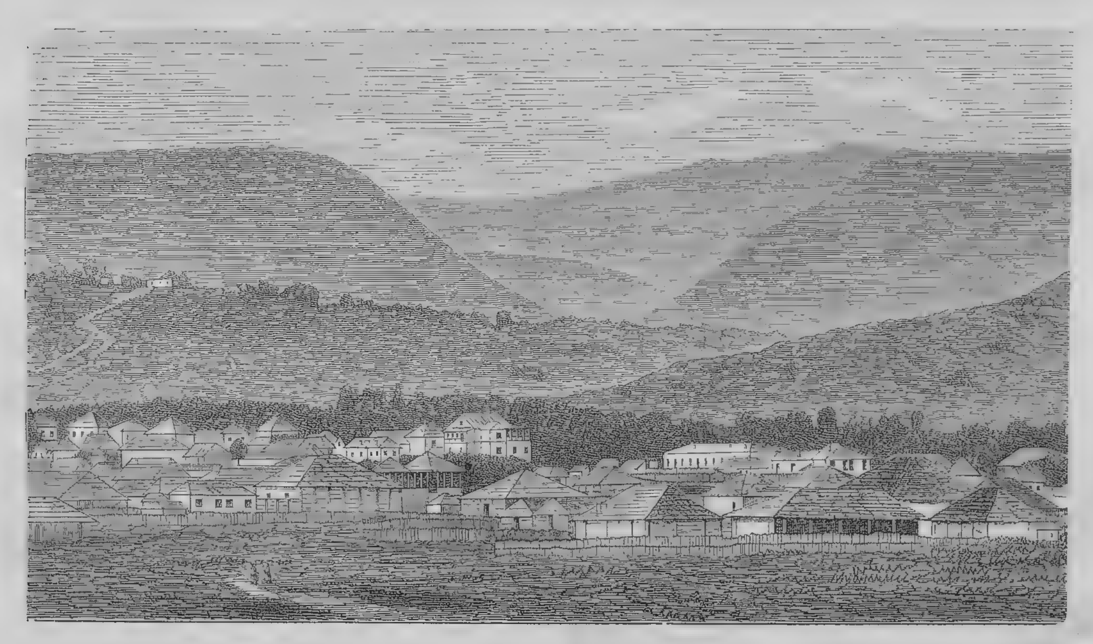
Восточный берегъ Чернаго моря.

тистый, а потомъ въ красноватый, пока пурпуровая дымка не исчезнетъ въ темнотѣ ночи и яркія звѣзды не засверкаютъ на прозрачномъ зенитѣ. Не то бываетъ въ знойное лѣто. Тогда величественная облачная декорація, такъ сказать, остается незавершенною. Почва всюду какъ-бы выдыхаетъ забранный ею въ теченіе дня зной, производя этимъ ясно ощущаемое волненіе въ нижнихъ слояхъ воздуха. Къ горизонту молочно-синій цвѣтъ небеснаго свода постепенно переходитъ въ прозрачный, свѣтло-желтый оттѣнокъ. Къ вечеру этотъ оттѣнокъ до того рѣдокъ и чистъ, что отказываешься пріискать ему въ подраздѣленіяхъ цвѣтовъ соотвѣтственное техническое названіе. Это — эѳирная бѣлизна съ легкимъ пошибомъ въ свѣтло-желтый цвѣтъ. Но съ закатомъ солнца надъ горизонтомъ разливается кровавое море, воздухъ замѣтно свѣжѣетъ. Нѣсколько слоистыхъ облаковъ, плавающихъ по небу, предвѣщаютъ вѣтеръ. Степной жаворонокъ (Alauda calandra) въ послѣдній разъ вспархиваетъ надъ скиѳскимъ бугромъ, возлѣ котораго сверчки неумолкаемо продолжаютъ свой монотонный ночной концертъ.

Такова картина на сѣверѣ. Совершенно иное мы видимъ на югѣ. Группа Бештовыхъ

горъ представляется все явственнѣе. Еще съ ранняго утра, когда она едва обрисовывалась на дальнемъ горизонтѣ, окрашенная въ свѣтло-фіолетовый цвѣтъ, глазъ, проникнувъ чрезъ утренній сумракъ, открываетъ за нею очертанія увѣнчанной льдомъ сѣдловины величайшаго изъ исполиновъ Кавказскихъ горъ. По мѣрѣ приближенія поѣзда къ югу, силуэты сѣвернаго склона Большаго Кавказа вырѣзываются изъ степи все явственнѣе, величественнѣе и полнѣе. Степь, поднявшаяся болѣе чѣмъ на 2000 фут. надъ уровнемъ моря, оканчивается; издали виднѣются уже группы высокихъ деревьевъ, осѣняющихъ Владикавказъ. Прибывши туда вечеромъ, мы обозрѣваемъ весь горный хребетъ. За городскимъ садомъ, гдѣ шумно протекаетъ р. Терекъ, крутыя, темныя изборожденныя скалы выростаютъ изъ земли предъ зрителемъ. Эта мощная преграда, отдѣляющая Европу отъ Азіи, приводитъ въ восторгъ кавказскаго старожила, но съ перваго раза изумляетъ и страшитъ пріѣзжаго своею грандіозностью.

Въ ясный лѣтній день сѣверный склонъ Большаго Кавказа представляетъ безподобное

Сухумъ-Кале.

зрѣлище. Исполинскій пейзажъ горнаго хребта, правда, проясняется обыкновенно только подъ вечеръ, потому что дневныя испаренія почвы превращаются въ области снѣговъ и ледниковъ въ подвижный туманъ, заволакивающій вершины; но и картины луговой области хребта имѣютъ величавый и привлекательный видъ. Только осенью, когда разности температуръ уравновѣшиваются и обусловленныя ими испаренія незначительны, Большой Кавказъ рисуется нерѣдко по цѣлымъ недѣлямъ въ безоблачной атмосферѣ. Въ то время снѣговая область горъ обыкновенно покрыта новыми слоями крупчатаго снѣга (фирна) набрасывающими на мертвые контуры скалъ тѣ свѣтлые оттѣнки, которые составляютъ непремѣнную принадлежность величественныхъ горныхъ картинъ, наиболѣе привлекающихъ вниманіе зрителя. Ближайшіе передовые склоны заслоняютъ во многихъ мѣстахъ главный кряжъ. Даже Казбекъ — второй по величинѣ исполинъ Большаго Кавказа — выглядываетъ только своею бѣлою, тупоглавою вершиною изъ-за глубокой трещины предгорій. Тамъ на верху — повсюду ледъ и фирнъ, повсюду тупыя, темноцвѣтныя сланцевыя выси, покоящіяся на гранитной основѣ, мѣстами прорванныя когда-то дѣйствовавшими вулканами и залитыя лавою.

Къ востоку, въ Дагестанскихъ высокогорьяхъ, вечерѣетъ... На лиственные лѣса Чечни

Ларсъ. Военно-Грузинская дорога.

падаютъ прощальные лучи заходящаго солнца, золотящіе верхушки деревьевъ; западная часть Большаго Кавказа залита вечернимъ пурпуромъ; ледяная область горъ ослѣпляетъ глазъ своимъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ внизу водворился уже ночной мракъ. Багряное окрашиваніе высотъ замѣняется фіолетовымъ и наконецъ—холоднымъ сѣрымъ. На вершинахъ еще пылаютъ ледяныя поля, а въ долинахъ царитъ ночная тишина. Только неугомонный Терекъ не перестаетъ шумѣть...

«Но, по степи разбѣгаясь,
«Онъ лукавый принялъ видъ.
«И, привѣтливо ласкаясь,
«Морю Каспію журчитъ».

Лермонтовъ. Дары Терека.

Устье Ріона.

II. СЪ ЗАПАДА НА ВОСТОКЪ.

Около Керчи, въ прекрасныхъ коралловыхъ известнякахъ юрской формаціи, простирающихся почти до самаго берега моря, высѣчено на возвышенномъ мѣстѣ передоваго горнаго хребта углубленіе, называемое Митридатовымъ кресломъ. Съ этого мѣста взору открывается обширная панорама къ югу и востоку. Прежде всего представляются мѣстности, напоминающія давно минувшее величіе. Тамъ, гдѣ два тысячелѣтія тому назадъ Понтійскіе цари воздвигали дворцы, сидитъ нынѣ въ своей лавочкѣ портной изъ бывшихъ іерусалимскихъ граждан, торгующій ветошью, а рядомъ съ нимъ упражняется его соотечественникъ, по ремеслу часовщикъ, въ поддѣлкѣ древнихъ монетъ и драгоцѣнныхъ камней, которые онъ, между прочимъ, сбываетъ путешествующимъ лѣтомъ любителямъ искусствъ за *«неподдѣльные»*. Какъ въ сѣдой древности греческій поваръ понтійскихъ вельможъ рыскалъ по рыбнымъ рядамъ за обитателями морей, — подвергая тщательному осмотру то летучую рыбу (Trigla), то красиваго краснаго барбуна (Mullus),—точно также бываетъ и нынѣ. Рынокъ заваленъ огромными кучами съѣдобныхъ ракушекъ (Mytilus), составляющихъ любимую пищу и современныхъ Грековъ. Брошенныя ими раковины увеличиваютъ бугры «кухонныхъ остатковъ», нагроможденныхъ здѣсь со временъ понтійскихъ царей. Фасадъ Митридатовой горы заключаетъ въ себѣ большое количество остатковъ отъ съѣденныхъ въ старину двуствор-

чатыхъ раковинъ. Если смотрѣть отсюда въ даль, то горизонтъ расширяется все болѣе и болѣе, теряясь на зеркальной поверхности моря. На переднемъ планѣ глазъ приковывается оживленнымъ Керченскимъ заливомъ, составляющимъ достояніе всемірной торговли. На рейдѣ стоятъ на якорѣ трехмачтовые англійскіе корабли рядомъ съ судами всѣхъ націй, въ ожиданіи груза, состоящаго изъ хлѣба. Въ открытомъ морѣ бѣлѣютъ раздутые легкимъ вѣтеркомъ трехугольные паруса греческихъ рыбачьихъ судовъ.

Какъ бы плавающимъ надъ туманною далью обрисовывается вдали Большой Кавказъ, спускающійся къ сѣверо-западу въ море. Одинъ изъ большихъ пароходовъ «Русскаго общества пароходства и торговли» уноситъ насъ къ устьямъ Фазиса. Пассажировъ на кораблѣ много. Гордо разсѣкаетъ прекрасное судно легкую зыбь Понта, первоначально свѣтлое окрашиваніе котораго переходитъ, по мѣрѣ удаленія на югъ, въ темно-синій оттѣнокъ.

Сѣверо-западный конецъ Большаго Кавказа представляетъ собою невысокій, постепенно разрастающійся горный хребетъ. Передъ низкими, круто-обрывающимися, глинистыми его фасадами расположена узкая береговая полоса. Склоны пустынны; на нихъ нѣтъ ни прѣсной воды, ни пышной флоры; бугры эти имѣютъ типъ восточнаго берега Крыма. Но уже около Анапы, — важнаго въ древности торговаго пункта, вошедшаго въ составъ россійскихъ владѣній въ 1828-мъ году, — на выдающейся горной цѣпи попадаются разные кустарники и молоднякъ, составляющій сѣверо-западное продолженіе кавказскихъ высокоствольныхъ лѣсовъ. Дальше, вдоль восточнаго берега Понта Евксинскаго, лѣса увеличиваются, и въ нихъ деревья часто достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ. Немного спустя, пароходъ пристаетъ къ берегу у Новороссійска. Едва-ли можно себѣ представить лучшее якорное мѣсто, нежели Новороссійская бухта, тѣмъ не менѣе имѣющая большіе климатическіе недостатки. Бушующіе зимою надъ степью холодные сѣверо-восточные вѣтры, увлекающіе съ собою массы снѣговыхъ тучъ, достигаютъ главной гряды Кавказскихъ горъ. Тамъ, гдѣ горы высоки, буря встрѣчаетъ непреодолимую каменную преграду, отражающую ея напоръ. Не то бываетъ около Новороссійска, гдѣ лежащій къ сѣверу горный гребень не имѣетъ достаточной высоты, чтобы заградить путь ураганамъ и отклонить ихъ въ сторону. Съ неослабѣвающею силою несется леденящая буря черезъ горный кряжъ на бухту и разрушаетъ все, попадающееся на ея пути. Разсказы о замерзаніи тамъ зимою и о крушеніи кораблей—не сказки, но факты, совершающіеся подъ вліяніемъ свирѣпой боры.

Красноводскій лагерь въ 1870 г.

Главная горная гряда, постепенно повышаясь, удаляется все болѣе и болѣе отъ морскаго берега. Большая часть ея предгорій имѣетъ округлыя, куполообразныя очертанія. Поперечные хребты отлого спускаются къ морю; они покрыты роскошнымъ лиственнымъ лѣсомъ и обнаруживаютъ только мѣстами обнаженныя крутизны мѣловыхъ и юрскихъ формацій. Страна будущихъ надеждъ!... До 1865-го года населенная дикимъ адигскимъ племенемъ, она ждетъ понынѣ трудящихся рукъ и развитыхъ умовъ. Природа благословила ее всякою благодатью!

Съ парохода, всегда сопровождаемаго дельфинами, тамъ и сямъ виднѣются расположенные у бухтъ поселки; топоръ уже сдѣлалъ свое дѣло,—кое-гдѣ вьется посвященная Вакху лоза, но дары Цереры здѣсь еще не принялись.

Все величественнѣе разрастается горный хребетъ, уходя вмѣстѣ съ тѣмъ въ даль. На его вершинахъ показываются первыя снѣжныя поля. Тамъ, наверху, находится Кавказскій альпійскій міръ. Если пароходъ удаляется въ море, то въ горизонтъ нашъ снова вступаетъ отодвинутый далеко на сѣверъ Эльбрусъ, обнаруживающій свою плоскую сѣдловину, лежащую между двумя его вершинами, достигающими болѣе 18,000 фут. высоты. Лѣса въ высшей степени роскошны. Переднія плоскости расширяются.

Пароходъ не останавливается въ Гагринской бухтѣ. Пицунда съ ея развалившеюся церковью IV вѣка, съ ея соснами, подъ которыми цвѣтетъ прекрасная лилія изъ рода Pancratium, лежитъ позади насъ. Мысъ того-же названія обогнутъ. Море глубоко, и пароходъ

Городъ Баку съ западной стороны.

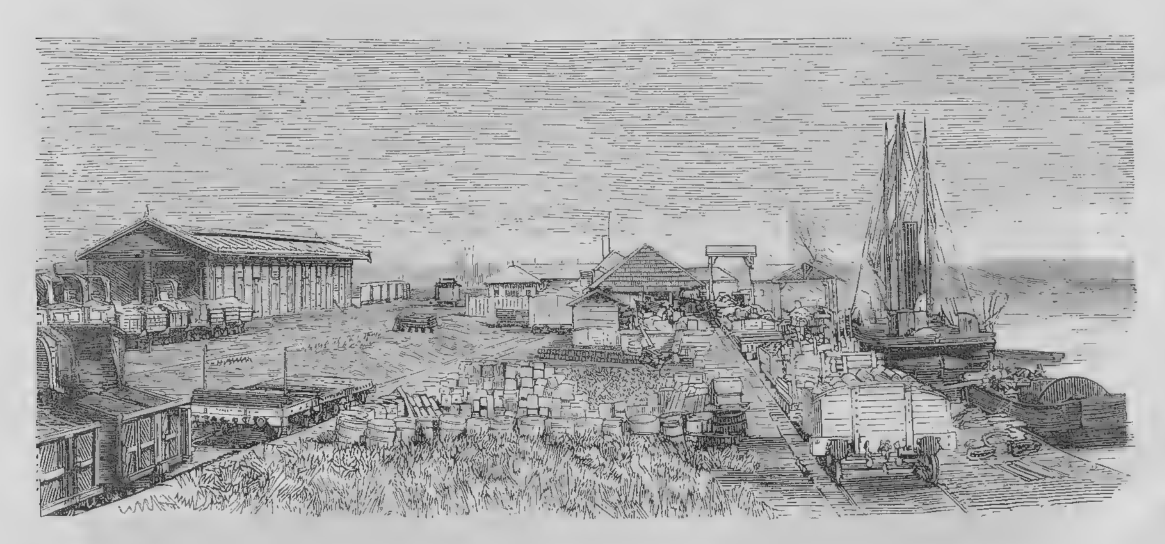
подходитъ ближе къ берегу. Волна катится за волною; зыбь ихъ вершинъ превращается въ бѣлую пѣну. Въ дальнихъ горахъ собираются тучи. Мѣстами, разрываясь, онѣ обнаруживаютъ мелькающія снѣжныя поляны. Невидать предѣловъ чуднаго высокоствольнаго лѣса, въ составъ котораго, по преимуществу, входитъ кавказская пихта! На менѣе высокихъ горныхъ склонахъ растетъ дубъ и букъ. Широкія ихъ вершины придаютъ лѣсному ландшафту округлыя, часто полушаровидныя очертанія. На переднемъ планѣ, въ Абхазской низменности, физіономію ландшафта обусловливаетъ преимущественно безподобный грецкій орѣшникъ. Деревья его, размѣщенныя почти всегда одинокими экземплярами, свободно разростаются въ ширину и высоту и доставляютъ своею густою листвою наилучшую защиту отъ подтропическаго солнечнаго зноя.

Мы—въ древней Колхидѣ. Свѣтъ потійскаго маяка мерцаетъ во мракѣ. Надъ буруномъ, разбивающимся о бары Ріона, парятъ каркающія крачки. Къ югу, надъ крутизнами прибреж-

наго Понтійскаго хребта, небо омрачено густыми громовыми тучами. Тамъ стоятъ безмолвные лѣса Чороха, тамъ обитаютъ новѣйшіе подданные нашей Имперіи—Аджарцы; тамъ лежитъ Батумъ, новѣйшая изъ многочисленныхъ надеждъ Россіи.

А здѣсь, у устья Ріона, какой обнаруживается контрастъ природы при сравненіи съ областью, лежащею у сѣверной подошвы Большаго Кавказа! Не будемъ говорить о среднихъ температурахъ и ихъ разностяхъ, обусловливающихъ особенности обѣихъ областей; не станемъ также описывать красоты Колхиды. Это впереди. Укажемъ лишь на достопамятное прошлое восточнаго прибрежья Понта и на бѣдность историческими событіями Сѣвернаго Кавказа. Въ этомъ отношеніи контрасты обѣихъ областей сказываются не менѣе рѣзко, какъ и въ характерѣ ихъ природы.

Здѣсь у Понта Евксинскаго, гдѣ, по трогательному миѳу Грековъ, когда-то прикованный къ зубцу высокой скалы «похититель огня» Прометей томился въ ужаснѣйшихъ мукахъ, пока его не освободилъ Геракліи, гдѣ прекрасная Медея, воспламенившись неотразимою любовью къ Язону, содѣйствовала похищенію золотаго руна,—здѣсь, гдѣ когда-то процвѣтали богатыя милезійскія колоніи, гдѣ Персы и Греки, понтійскіе цари и Римляне дѣлили господство, оспари-

Поти, станція желѣзной дороги.

вая его другъ у друга,—страна не имѣла прочнаго мира не только въ давно минувшее время, но и въ позднѣйшія столѣтія. Восточное прибрежье Чернаго моря, а въ особенности его юго-восточный уголъ, въ которомъ только-что замолкъ цихисъ-дзирскій пушечный громъ, служило вплоть до новѣйшаго времени ареной военныхъ событій.

Какъ бѣдны въ сравненіи съ симъ воспоминаніями и историческими событіями страны, прилегающія къ сѣверной подошвѣ Большаго Кавказа! Древніе Скиѳы не имѣли той поэзіи, которая свѣтлымъ лучемъ проходитъ черезъ мракъ вѣковъ, освѣщая не только прошлое страны, но и физическія ея черты своимъ фантастическимъ блескомъ; они оставили потомству только памятники своей необузданной дикости.

А тамъ, на берегу Ріона, подъ тѣнистымъ деревомъ Diospyros, около котораго обвивается мощная виноградная лоза, достигающая $1^1/_2$ фут. въ окружности, стоятъ два человѣческія существа, достойныя кисти первокласснаго художника. Здѣсь, на родинѣ фазановъ, образъ и подобіе Божіе на землѣ достигаетъ высшаго совершенства. Но объ этомъ послѣ...

Тоннель въ ущельѣ князей Абашидзе на Поти-Тифлисской жел. дор.

III. СЪ ВОСТОКА НА ЗАПАДЪ.

1870-й годъ. Мы въ Туркменской пустынѣ. По безплодной, песчаной и каменистой почвѣ, до-нельзя раскаленной солнцемъ, ползетъ бокомъ, точно крабъ, большой бихорхъ (Solpuga)— одно изъ ядовитѣйшихъ паукообразныхъ животныхъ — попеременно переставляя свои восемь длинныхъ, обросшихъ волосами, желтыхъ ногъ. Мы находимся вблизи Красноводскаго лагеря. Время опасное, ожидается набѣгъ Тэкинцевъ. Насъ окружаетъ пустыня съ ея оригинальностью, съ ея ужасами и своеобразными формами убогой природы. Пропитанный солью берегъ моря устланъ «персидскою повителью». Ея большіе, круглые, покрытые войлокоподобнымъ пухомъ, толстые листья прилѣпляются къ влажной почвѣ, а трубчатые, бѣлые вѣнчики не боятся даже полуденныхъ лучей солнца. Недалеко отъ берега, гдѣ почва волнообразно повышается и гдѣ по раскаленному наносному песку шныряютъ съ закрученнымъ кверху въ кольцо хвостомъ своеобразныя ящерицы пустыни (Agame phrynocephalus), растетъ ближайшая по семейнымъ признакамъ родственница прекрасно цвѣтущей персидской повители. Кажется, какъ будто природа нарочно и съ особеннымъ пристрастіемъ сопоставила здѣсь въ ближайшемъ сосѣдствѣ крайнія противоположности. Растопыренная, вовсе не имѣющая листьевъ, стоитъ тутъ другая повитель, которая, съ намекомъ на ея шипы, уподобляющіе ее ежу, устами мудрецовъ названа Convolvulus..... Все на ней иное, нежели на персидской повители, и только устройство вѣнчиковъ этого полукустарника указываетъ на то, что оба растенія принадлежатъ къ одному и тому-же семейству.

Пароходная пристань въ Поти.

Востокъ представляетъ и понынѣ еще сцены, описываемыя въ его сказкахъ; стоитъ только поискать ихъ, и онѣ навѣрное отыщутся. На этотъ счетъ сообщу кое-что читателю, обновляя дорогія для меня воспоминанія, неизгладимо запечатлѣвшіяся въ моей памяти изъ путешествій, которыя я совершаю уже около 30 лѣтъ.

Изъ поэтическихъ Талышскихъ лѣсовъ, гдѣ я во время полдня отдыхалъ въ обществѣ добраго пріятеля, подъ сѣнью птерокаріи, или гдѣ я ночевалъ на мягкомъ мху, подъ защитою густаго лѣса, состоящаго изъ деревьевъ, названныхъ Паротовыми (Parrotia), гдѣ огненно-красные цвѣты гранатника нависли надъ душистыми клеверными лугами,—я вдругъ очутился среди прозы пустыни, вблизи только-что основаннаго Красноводска, въ войлочной туркменской кибиткѣ! Вѣчно прозрачное небо не омрачалось ни единымъ облачкомъ; въ 8 часовъ утра температура доходила въ тѣни до 28° Р. Точно также, какъ и мы, сидѣлъ въ своей кибиткѣ начальникъ отряда—нѣмой Мольтке пустыни, прихлебывая остывшій чай и равнодушно вперивъ свои взоры въ даль, обдумывалъ, быть можетъ, планъ пораженія тэкинскихъ разбойничьихъ шаекъ. Наконецъ генералъ вышелъ изъ своего продолжительнаго молчанія, сообщивъ намъ слѣдующее: «Господа, вы не должны переходить за кордонную линію, иначе вы сами принимаете на себя отвѣтственность за вашу жизнь! Считаю долгомъ сообщить вамъ это, такъ какъ имѣю точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла.» Такимъ образомъ мы попали въ плѣнъ у себя-же дома и должны были терпѣливо выжидать будущаго. Что за жизнь! Какъ медленно проходятъ дни недѣли! Одинъ

день похожъ на другой. Съ молочно-синеватаго неба жжетъ солнце: уже въ три часа утра у солдатиковъ начинается ученье. Никогда не изгладится изъ моей памяти ученье трубачей, происходившее въ пустынѣ на разстроенныхъ трубахъ; никогда не забуду я барабанной дроби, будившей насъ по ночамъ. Въ 7 часовъ утра въ лагерѣ водворяется тишина. Надъ пустынею волнуется воздухъ отъ отражаемой ею теплоты. Какъ зеркало гладка насыщенная солью, лазореваго цвѣта, вода Красноводской бухты. Въ глубинѣ ея ужъ (Tropidonotus) охотится на флегматическихъ рыбокъ, называемыхъ бычками (Cottus). Въ 11 часовъ раздается звонокъ, призывающій къ табльдоту. Имя нашего благодѣтеля и кормильца—Андрюшка. Но каковы его благодѣянія? Двѣ недѣли все одно и то же. Мы входимъ въ палатку. Первоначальный цвѣтъ скатерти можно было бы узнать развѣ только при помощи химическихъ реагентовъ, а на ней —несмѣтное множество мухъ. Мутная сивуха должна возбудить нашъ аппетитъ. Небольшое

Красноводскъ въ настоящее время.

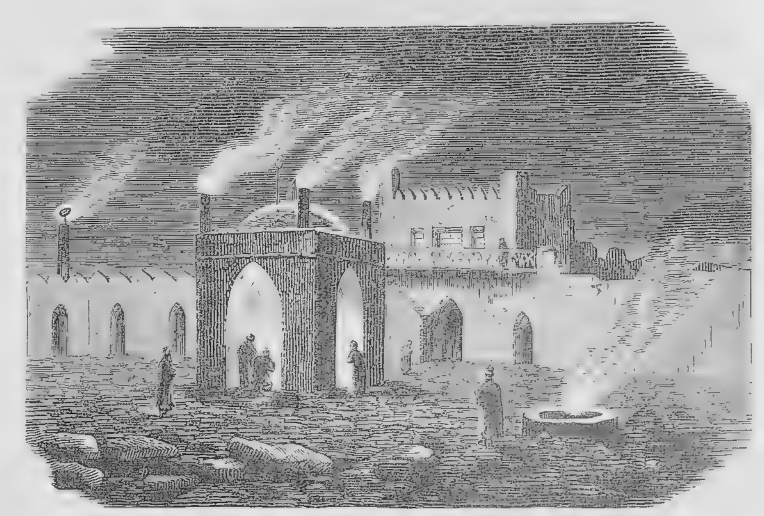
количество прогорклой икры, привезенной съ острова Челекена, и жесткая, отзывающаяся потомъ туркменская баранина составляли обыкновенное мэню обѣда и ужина. Я могъ-бы описать все это подробнѣе, но однообразіе пустынной жизни слишкомъ отвратительно, чтобы долго останавливаться надъ нимъ. Мучительный жаръ солнца въ теченіе дня; отвратительныя насѣкомыя, не дающія покоя ночью; отреченіе отъ такихъ даже удобствъ, которыя доставляетъ въ избыткѣ самая скромная европейская обстановка; недостатокъ прѣсной воды и, въ перспективѣ, еще опасеніе пасть, быть можетъ, жертвою подъ ножемъ какого-нибудь тэкинскаго разбойника, — все это, въ совокупности, превращало въ то время пребываніе въ пустынѣ въ истинную пытку.

Въ одно прекрасное іюньское утро внезапно показался въ бухтѣ огромный пароходъ. На мачтѣ его развѣвался русскій генералъ-адмиральскій флагъ. На этомъ пароходѣ прибылъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, желавшій произвести осмотръ новыхъ

завоеваній на восточномъ берегу Каспія. Всѣ спѣшатъ накинуть на себя парадные мундиры. Въ подобныхъ случаяхъ естествоиспытатели обыкновенно оказываются плохо приготовленными. На дорогу захваченъ на всякій случай старый вицъ-мундиришка № 3, у котораго обшлага рукавовъ успѣли принять какой-то неопредѣленный цвѣтъ и которыхъ края приходится привести въ надлежащій видъ, какъ подобаетъ случаю, съ помощью ножницъ.

Молебенъ отошелъ; смотръ оконченъ; всѣ отправляются на корабль. Въ одно мгновеніе забыты и пустыня, и Красноводскій лагерь, и всѣ бѣдствія лагерной жизни. Свѣжій морской вѣтерокъ навѣваетъ прохладу на сидящихъ за роскошно сервированнымъ обѣденнымъ столомъ. На бѣлой, какъ снѣгъ, скатерти разставленъ хрусталь, тысячею фасетокъ отражающій солнечные лучи. И стерлядь на льду — превосходна, и стильтонскій сыръ — неподдѣленъ и пр.. и пр....

Два дня проходятъ на пароходѣ незамѣтно. Широкія волны перекатываются на поверхности Каспія. У устья Волги задулъ сѣверный вѣтеръ. На этомъ глубокомъ мѣстѣ шквалы имѣютъ почти черный цвѣтъ. Постепенно вступаютъ въ горизонтъ берега Мазандерана. Къ сожалѣнію, горныя окраины его задернуты тучами, иначе виднѣлся-бы, подобно вѣнцу, сіяющему надъ пышными лѣсами горной окраины, исполинъ Персіи — Демавендъ, по настоящее время скрывающій въ нѣдрахъ своихъ вулканическую теплоту. Стемнѣло. Пароходъ сталъ на якорѣ у острова Ашуръ-адэ, — послѣдняго форпоста Россіи на персидской границѣ. Низменный островъ самъ по себѣ незначителенъ, но производитъ рѣдкость, не встрѣчающуюся въ другомъ мѣстѣ Россійской Имперіи: финиковыя пальмы, растущія на открытомъ воздухѣ, принявшія уже здѣсь форму кустарниковъ и не дающія плодовъ.

Вѣчные огни въ Цуруханэ.

Наступила ночь,—тихая, тропическая... Легкая зыбь моря плещетъ, ударяясь о борты корабля. На палубѣ лампы-модераторы распространяютъ мягкій свѣтъ; на морѣ—темнота, зги не видать. Атмосфера насыщена испареніями; звѣзды сіяютъ тускло. Корабельный колоколъ возвѣщаетъ часы. Чу!.. Издали доносится пѣніе, какъ-бы сиренъ... Тихи, нѣжны и плавны звуки, доходящіе до нашего слуха по поверхности воды. Но вотъ слышатся и мѣрные удары веселъ; распознается и напѣвъ русской народной пѣсни. Ашуръ-адэскія дамы поютъ серенаду въ честь Августѣйшаго гостя. Черезъ нѣсколько минутъ лодка причаливаетъ къ борту парохода. Въ мигъ обливаются бѣлымъ бенгальскимъ огнемъ стоящіе съ боковъ вахтенные корабли отъ палубы до вершинъ большой мачты. Магическій свѣтъ проницаетъ ночную темноту и освѣщаетъ чрезвычайно эффектно сцену пріема на палубѣ парохода. Кокетливыя шляпки достойны украшать красавицъ парижскаго Boulevard St.-Martin. Обувь ихъ также безукоризненна.

Еще прошло два дня. Пароходъ пыхтитъ на пути въ Баку. Дуетъ сильный нордъ. Небо и море покрыты какъ бы сѣрою пеленою; берега Каспія смотрятъ на насъ мрачно. Мы входимъ въ Бакинскій портъ. Толпы народа, радостныя восклицанія, укра-

шенные флагами корабли, губернаторъ, почетный караулъ, рапорты, — все готово для встрѣчи.

Въ то время окрестности Баку не напоминали еще американской Пенсильваніи. Съ тѣхъ поръ физіономія окрестностей этого города значительно измѣнилась. Изъ высокихъ трубъ нефтяныхъ фабрикъ клубится густой дымъ, и денно и нощно работаютъ буравы, направленные въ нѣдра земли, гдѣ кроются нефтяныя богатства. Прежде этого не было. Цуруханэ, лежащее вблизи вѣчныхъ огней на Апшеронскомъ полуостровѣ, было въ то время единственнымъ мѣстомъ добыванія нефти. Отправляемся мы туда вечеромъ. Какой очаровательный видъ!.. Горный хребетъ, раскинутый позади города, зубцы плоскихъ крышъ домовъ, пустынная степь, татарскія селенія, — все залито заревомъ пылающаго нефтянаго моря. Путь отъ города до мѣста, гдѣ находятся вѣчные огни (около 25 верстъ), освѣщенъ сотнями тысячъ огней, прогоняющихъ ночной мракъ.

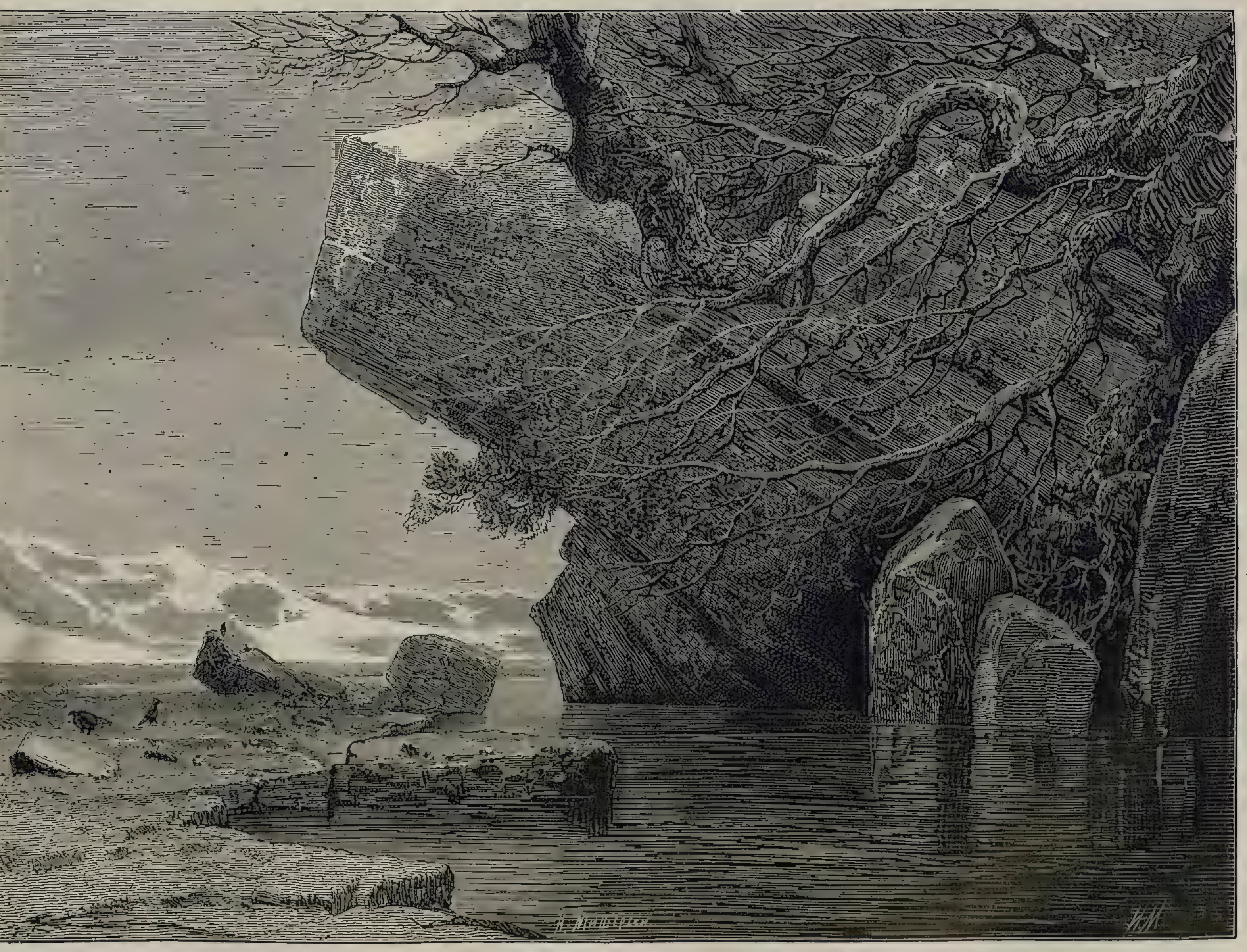

Индусъ, огнепоклонникъ.

Въ выбѣленной внутри башнѣ, изъ стѣнъ которой повсюду пробиваются трепещущіе огни, сидитъ полуодѣтый огнепоклонникъ — Индусъ, высокій, худой и тощій; на лицѣ его отражается глубокій религіозный фанатизмъ. На полу разставлены нѣкоторые предметы, очевидно, символическіе атрибуты Буддизма: маленькія металлическія чашечки съ водою или хлѣбными зернами, два - три колокольчика, небольшой бронзовый идолъ и пр., и пр. Жрецъ этотъ, пропѣвъ нѣсколько молитвъ, звонитъ колокольчиками, кривляется, какъ видно, въ притворныхъ конвульсіяхъ и — представленіе кончено...

IV. СЪ ЮГА НА СѢВЕРЪ.

Мы въ Тавризѣ, среди базарной давки и толкотни. Пестрыя толпы мусульманъ снуютъ взадъ и впередъ. Зычно выкликаютъ разнощики свои предметы продажи: халву, кебабъ, шербетъ, лавашъ и пр. Въ одномъ мѣстѣ выдается изъ толпы худощавое, блѣдное лицо иранскаго вельможи, съ характеристическимъ носомъ, отличающимся тонкою переносицею, съ высокою, коническою шапкою на головѣ, сшитою изъ тонкорунныхъ мерлушекъ, и съ выкрашенными охрою въ рыжій цвѣтъ бородою и ногтями; въ другомъ — дюжій вольный Курдъ въ высокой чалмѣ, разодѣтый въ изукрашенномъ золотыми позументами костюмѣ и алыхъ шароварахъ, спадающихъ широкими складками до лодыжекъ, гдѣ они, съуживаясь, оставляютъ незакрытыми только заостренные, поднятые кверху, клювообразные концы его свѣтлорозовыхъ сапогъ. Крикъ и гамъ... Всякій старается быть замѣченнымъ. Тутъ-же расположился караванъ, готовый къ отъѣзду. Загорѣлыя лица погонщиковъ верблюдовъ осѣнены коническими, рыжими папахами, прикрывающими ихъ бритыя головы. Среди базарной толпы сидитъ на землѣ дервишъ. Предъ нимъ стоитъ деревянный ящикъ. Это — заклинатель, обладающій искусствомъ обращать ядовитыхъ животныхъ въ совершенно безвредныя и «заговарива-

На р. Ріонѣ.

ющій» правовѣрныхъ противъ ужаленія змѣй и скорпіоновъ. Длинные, косматые, черные волосы обрамляютъ его исхудалое лицо; изподлобья сверкаютъ, наподобіе потухающихъ углей, впалые глаза. Его обступаетъ толпа любопытныхъ зрителей; но, когда онъ открываетъ свой ящикъ, всѣ сторонятся въ испугѣ, потому что они еще не обезпечены отъ дѣйствія яда. Вынувъ изъ-подъ одѣяла горсть черныхъ скорпіоновъ, заклинатель кладетъ ихъ на землю, гдѣ они разбѣгаются во всѣ стороны. Но вотъ онъ нагибается, обдуваетъ бѣглецовъ, и они останавливаются какъ вкопанные, не трогаясь съ мѣста, послѣ чего онъ ихъ собираетъ и бросаетъ обратно въ ящикъ. Затѣмъ онъ хватаетъ изъ запаса змѣй большую ядовитую маври-

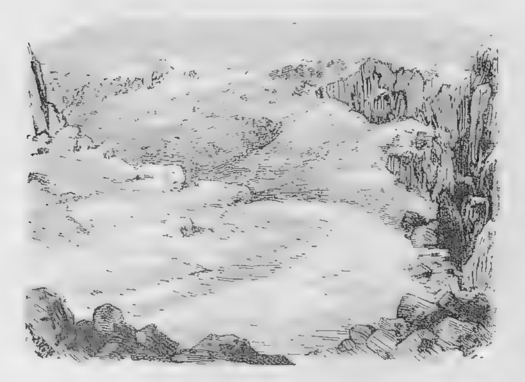

Огнепоклонники.

танскую гадюку (Vipera mauritanica) и суетъ себѣ въ ротъ голову этого пресмыкающагося, совершенно апатичнаго въ его рукѣ. «Подойди, европеецъ», говоритъ онъ, «намѣренный странствовать на югъ, я обезпечу тебя противъ дѣйствія яда; вѣруй въ мое искусство, въ силу моихъ заклинаній!..» Послѣ изъявленія согласія, Персіянинъ бормочетъ про себя молитву, обдуваетъ и оплевываетъ кусочекъ сахару, который предлагаетъ проглотить инородцу. Но этимъ заклинаніе еще не окончено. «Подставь свою щеку,» продолжаетъ онъ, «я долженъ къ тебѣ прикоснуться.... Теперь странствуй, куда глаза глядятъ, никогда тебя не ужалитъ ни змѣя, ни скорпіонъ.»

Караванъ везетъ грузъ изъ Тавриза въ Джульфу, а оттуда въ Тифлисъ. Подводятъ разу-

крашенныхъ передовыхъ верблюдовъ, съ навѣшенными на ихъ шеяхъ гудящими, нерѣдко въ 1 футъ длины, бубенчиками и высокимъ сѣдломъ, украшенымъ плетеною работою. Глупо смотрятъ эти животныя своими большими, равнодушными глазами на все окружающее. Поднявъ верхнюю губу и оскаливъ зубы, они флегматично припадаютъ на колѣни и подставляютъ спину для навьючиванія тяжелыхъ тюковъ хлопчатой бумаги. Наконецъ всѣ приготовленія окончены, караванъ тронулся. Погонщики верблюдовъ напѣваютъ, сидя на возвышенныхъ сѣдалищахъ, свои монотонные мотивы. Путь идетъ по высокому Иранскому плоскогорью къ Араксу. Не смотря на мѣрную поступь верблюдовъ, путешествіе съ караваномъ совершается относительно скоро, потому что шагъ этихъ животныхъ очень широкъ и остановки кратковременны.

Араксъ въ Джульфинскомъ ущельѣ.

Спаленные солнцемъ бугры, расположенные предъ нами къ сѣверу отъ Тавриза, пустынны, но при всемъ томъ не имѣютъ сходства ни съ При-каспійскою пустынею, ни съ Понтійскою степью. Повсемѣстно встрѣчаются шарообразные, усаженные колючками, приземистые кусты деревянистыхъ астрагаловъ, сѣровато-зеленаго цвѣта, нерѣдко усѣянные прекрасными мотыльковыми вѣнчиками. Эти характеристическія для Иранскаго плоскогорья растенія достигаютъ здѣсь уже полнаго своего развитія. На выжженной солнцемъ почвѣ тутъ не ласкаютъ глаза ни бархатистый зеленый дернъ, ни пышная флора цвѣтовъ, какіе встрѣчаются такъ часто въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ. Безъ искусственнаго орошенія сгараетъ на плоскостяхъ передней Азіи всякая зелень, даже на высотѣ 8—9000 фут. надъ уровн. моря. Точно ежи, распростерты на почвѣ группы сѣрыхъ кустовъ разныхъ видовъ астрагала. Промежъ нихъ попадаются прекрасно-цвѣтущія, но также чрезвычайно колючія подушкообразныя поросли другаго, свойственнаго этимъ областямъ растенія, извѣстнаго ботаникамъ подъ названіемъ Acantholimon, а также высокостебельное растеніе Echinops съ голубыми цвѣтами, расположенными округлою головкою и разнообразящими чрезвычайное однообразіе здѣшней флоры.

Джульфинскій надгробный камень.

Мы на берегу Аракса. Стремящіяся къ р. Курѣ мутныя волны его образуютъ мѣстами водовороты и омываютъ маленькіе островки. Странной формы лодка, вполнѣ соотвѣтствующая ограниченному понятію Персіянъ о судоходствѣ, — ромбической формы глубокій ящикъ, — переноситъ насъ на противоположный берегъ, въ Джульфу. Мы не намѣрены заняться современнымъ населеніемъ Джульфы съ его таможней и карантиномъ; для насъ имѣютъ большій интересъ развалины древняго города этого имени.

Минувшее величіе! Къ отвѣснымъ, высокимъ конгломератамъ песчаниковъ, нынѣ служащихъ любимымъ мѣстопребываніемъ башенныхъ касатокъ (ласточекъ), примыкалъ древній городъ, въ которомъ когда-то скоплялись богатства и роскошь Арменіи. Отъ него остались только однѣ развалины, разрушенные водопроводы, хаотическія груды камней, теперь обитаемыя скорпіо-

нами и фалангами. Въ такой видъ онъ приведенъ послѣ переселенія Джульфинцевъ въ Испагань, гдѣ они, около самаго города, основали колонію, названную шахомъ Аббасомъ «*Новыми Джульфами*». Это случилось вслѣдствіе желанія повелителя Ирана лишить Турокъ возможности запасаться вдоволь провіантомъ въ Джульфѣ, чрезъ которую они проходили при своихъ вторженіяхъ въ Персію. Послѣ паденія Сефевидовъ, часть жителей *Новой Джульфы* выселилась въ Индію, другая—въ Москву и Венецію, а третья — расселилась на пространствѣ между Испаганемъ и Хамаданомъ. Въ Старыхъ Джульфахъ сохранилось только кладбище, и это-то кладбище съ его памятниками свидѣтельствуетъ по-нынѣ о величіи и богатствѣ древнихъ Джульфинцевъ. Здѣсь насчитывается до 2000 надгробныхъ камней, высѣченныхъ изъ краснаго песчаника, имѣвшагося тутъ же подъ рукою. Ни одна плакучая ива, ни одинъ цвѣтокъ, посаженный любящею рукою, не украшаютъ этого мѣста вѣчнаго упокоенія. Кладбище

Видъ на Араратъ съ долины Аракса.

представляетъ раскаленную пустыню, ужасающую своимъ уединеніемъ. Но архитектура надгробныхъ камней — удивительная, и мы прилагаемъ рисунокъ одного изъ нихъ.

Мы въ долинѣ Аракса, выше Нахичевани, и расположились для отдыха въ одномъ изъ садовъ культурнаго оазиса. Вода вызываетъ здѣсь пышную органическую жизнь; гдѣ нѣтъ воды, тамъ — пустыня и смерть. Илимъ-нялбяндъ защищаетъ насъ отъ жгучихъ лучей солнца. Родина этого прекраснаго дерева — Персія; оно разводится здѣсь прививкою. Илимъ-нялбяндъ (нарбяндъ, также набяндъ —Ulmus campestris umbraculifera, Trautv.) имѣетъ ту особенность, что верхушечныя его почки развѣтвляются на многія части, изъ которыхъ развиваются вѣточки, образующія полушаровидную метелку, густо покрытую ярко-зеленою листвою. Вершина дерева образована изъ безчисленнаго множества такихъ полушариковъ и принимаетъ, если ростъ ея ничѣмъ не стѣсненъ, замѣчательно правильную форму, такъ что невольно является предполо-

женіе — не произведена ли эта форма искусственно садовникомъ при помощи ножницъ.

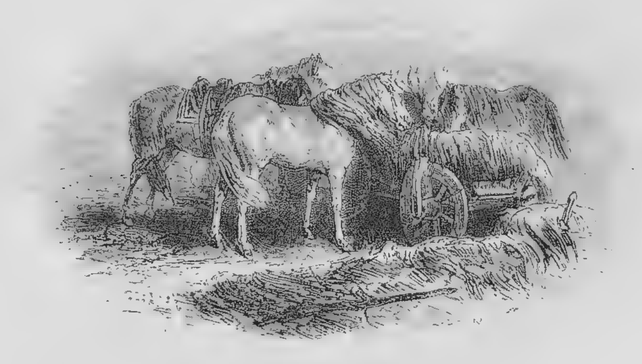
Въ тѣни такого дерева разсѣлись мы въ саду одного «аги», недалеко отъ бассейна, изъ котораго владѣлецъ орошалъ свои плантаціи. Любезный хозяинъ угощалъ насъ персиками, виноградомъ и другими освѣжающими фруктами. Глазъ обнимаетъ большое пространство раскаленной и жаждущей долины Аракса. Живописно выдѣляются изъ однообразнаго фона пустыни очаровательные оазисы, въ которыхъ обширные сады окаймлены густыми рядами пирамидальныхъ тополей. Къ западу отъ Кульпинскихъ горъ солнце скрывается за высокимъ Тякелты. Раскаленная равнина на нѣсколько мгновеній заливается вечернимъ пурпуромъ. Упоенный глазъ не можетъ оторваться отъ вершинъ обоихъ Араратовъ. Ледяная шапка взносящагося къ небесамъ Большаго Арарата представляется въ ослѣпительной бѣлизнѣ. Въ долинѣ Аракса давно водворился ночной мракъ; дальнія горы уже приняли столь благотворное для зрѣнія фіолетово-сѣрое окрашеніе, но взоръ еще разъ возносится къ вершинамъ Агри-дага (Арарата), запылавшимъ отъ прощальныхъ лучей заходящаго солнца.

Вершина Большаго Арарата, снятая съ 14300 фут.

Такова физіономія Кавказскаго края. Ознакомимся теперь поближе съ самой страною.

Г. Радде.

ОЧЕРКЪ II.

КАВКАЗСКІЙ ХРЕБЕТЪ «БОЛЬШОЙ КАВКАЗЪ».

Контрастъ между Большимъ и Малымъ Кавказомъ. — Протяженіе перваго; его западный и восточный концы. Развитіе горнаго хребта съ юго-востока къ сѣверо-западу. — Вулканическая дѣятельность на сѣверной его сторонѣ. — Рѣчныя системы. Вліяніе направленія рѣкъ на жизнь животныхъ. — Пути перелета птицъ. — Месхійскій хребетъ, какъ соединительное звено между Большимъ и Малымъ Кавказомъ. Его значеніе, какъ рубежа, въ отношеніи климата и народностей. — Въ Кавказскихъ Альпахъ. — Къ истокамъ Ріона. — Чрезъ потоки Гиппоса къ Ингуру. — Вольная Сванетія. — Три колхидскія продольныя долины. — Долина Ингура. — Долины Цхенисъ-цхали и Ріона. — Панорама съ вершины Дадіаша. — Изъ Абхазіи чрезъ Накарскій перевалъ къ Эльбрусу. — Восхожденіе на Эльбрусъ съ сѣверной его стороны до высоты болѣе 14000 фут. надъ уровнемъ моря. — Непогода. — Нисхожденіе. — Англійскіе горовосходители у Эльбруса. Ихъ восхожденіе на его вершину. — Чрезъ Кобь и Гудауръ въ Млеты. — Долина Арагвы. — Послѣднее путешествіе въ область Большого Кавказа. — Въ Хевсурію. — Хевсурскія усыпальницы. — Въ долинѣ Ардоти-цхали. — Къ горному хребту Ацунта. Переправа чрезъ него въ Тушетію. — Взглядъ на Кахетію съ вершины Кваршисъ-мта.

«*Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!*

. . . .

. . . .

Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья, — и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна»

ЛЕРМОНТОВЪ, «ИЗМАИЛЪ-БЕЙ».

Благодаря двумъ терминамъ, усвоеннымъ только въ новѣйшее время, съ полною точностью выясненъ характеръ Кавказскаго перешейка въ орографическомъ отношеніи. Заводя рѣчь о географическомъ общемъ составѣ областей перешейка, нынѣ, подъ названіемъ «Кавказъ», въ тѣсномъ смыслѣ слова, подразумѣваютъ относительно-узкую горную цѣпь, имѣющую около 150 географическихъ миль въ длину; эта область носитъ названіе: «*Большой Кавказъ*». Ему противопоставлены расположенныя къ югу отъ него горныя окраины подъ названіемъ: «*Малый* или *Анти-Кавказъ*», берущій начало къ востоку отъ Трапезонда, гдѣ онъ круто возвышается и, при направленіи къ востоку, спадаетъ къ Прикаспійской низменности сѣверными склонами Карабагскихъ горъ.

Двѣ крайности, обусловленныя рѣзкими особенностями обѣихъ горныхъ областей, обнаруживаются въ природѣ тѣхъ странъ, надъ которыми онѣ господствуютъ.

Направленіе Большаго Кавказа главнымъ образомъ идетъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; верхи его, къ которымъ примыкаютъ предгорья, постепенно возрастаютъ; перевалы достигаютъ средней высоты въ 8—10000 фут. надъ уровнемъ моря. На всемъ почти протяженіи своемъ онъ представляетъ собою *узкій гребень*, нерѣдко имѣющій на перевалахъ, ведущихъ отъ сѣвера на югъ, не болѣе нѣсколькихъ десятковъ футовъ ширины.

Малый же или Анти-Кавказъ, расположенный въ главномъ направленіи своемъ также отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, неизмѣнно сохраняетъ характеръ *обрывистой горной окраины*, къ верхамъ которой, съ южной стороны, прилегаютъ обширныя плоскогорья. Разрастаясь, эти плоскогорья образуютъ водораздѣлъ между р.р. Араксомъ и Евфратомъ, а далѣе къ югу они постепенно понижаются и сливаются съ плодородной Месопотамской долиной.

Мощною гранью стелется Большой Кавказъ поперекъ безпредѣльной южно-русской степи, образуя ея границу и рѣзко пересѣкая ее. Эта грань исходитъ первоначально въ видѣ незна-

Видъ на группу горъ Машукъ-Эльборусъ-Змѣиная

чительныхъ глинистыхъ бугровъ, изъ крайняго сѣверо-восточнаго угла Чернаго моря и круто обрывается въ море къ югу отъ устья р. Кубани. Заканчивается она Апшеронскимъ полуостровомъ, гдѣ ночью, на выступающемъ къ востоку, покрытомъ раковинами берегу, ярко освѣщенный маякъ предупреждаетъ моряка объ опасности и гдѣ почва, вплоть до Бакинскаго залива, незначительно возвышается надъ моремъ. Здѣсь, у Султанова мыса, крайній, обращенный къ югу, конецъ хребта погружается въ другое море.

Но уже нѣсколько къ западу отъ Баку онъ подымается на высоту болѣе 1000 фут. и еще болѣе разрастается въ объемѣ къ сѣверо-западу. Далѣе къ сѣверу развивается обширная Дагестанская горная область съ преобладающими известковыми образованіями, между тѣмъ какъ южные склоны, часто пересѣченные поперечными долинами, испускаютъ многочисленные ручьи, впадающіе въ р. Куру, въ нижнемъ ея теченіи.

На сѣверномъ склонѣ Большаго Кавказа, уже внѣ предѣла водораздѣльной черты, мѣстами обнаруживаются характерныя геологическія особенности этой области. Мощная вулканическая сила приподняла сверху лежащіе пласты юрской и мѣловой формацій до высоты болѣе 13000 фут. надъ уровнемъ моря, но не прорвала ихъ. Въ этомъ можно убѣдиться на высокомъ Шахъдагѣ, вершина котораго, покрытая фирномъ (крупчатымъ снѣгомъ), ясно виднѣется съ берега Каспія. То-же самое мы увидимъ, если въ сѣверо-западномъ направленіи всмотримся въ высочайшія вершины Большаго Кавказа, лежащія съ сѣверной его стороны. Вулканическимъ

напоромъ не продавлены ни мощная группа Дульты, ни лежащій далѣе массивъ Богосъ, ни покрытая льдомъ группа Квавлосъ-Кериго-Дапо. Лежащій тамъ сланецъ только многообразно приподнятъ и раздробленъ. Академикъ Абихъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «Sur la structure et la géologie du Daghestan», что даже на г. Тебулосъ-мта, — западномъ отрогѣ только-что названной группы, достигающемъ 14790 фут. надъ уровнемъ моря, — преобладаютъ сланецъ и мѣлъ.

Только оставивъ позади себя всю восточную часть горъ и приближаясь къ двумъ главнымъ великанамъ Большаго Кавказа, къ Казбеку, имѣющему 16545 фут., и Эльборусу—18526 ф. высоты, — мы видимъ, что вулканическія сопки нѣкогда вырвались наружу сквозь пласты глинистаго и слюдяноваго сланца, и что изверженія изъ ихъ кратеровъ стекали внизъ длинной струей. Но эти коническіе великаны, усѣченныя вершины которыхъ блистаютъ отъ покрывающаго ихъ фирна, не лежатъ въ чертѣ главнаго хребта; оба они далеко выдвинуты на сѣверъ. Лежащій между ними горный гребень, имѣющій около 180 верстъ въ длину, почти повсемѣстно увѣнчанъ фирномъ и ледниками. Онъ обособляетъ обитающее на его южномъ склонѣ дикое племя Сванетовъ отъ жителей сѣвернаго склона — Баксанцевъ.

Видъ Чописсурисъ-мта въ горахъ Шоди, снятъ съ деревни Глола.

Къ западу отъ Эльборуса высота главной гряды быстро уменьшается. Въ той части ея, которая носитъ названіе Эрцогъ, перевалы достигаютъ еще 9—10000 фут. высоты надъ уровнемъ моря: вершина Псышъ возносится до 12400 фут.; но далѣе, къ сѣверо-западу, хребетъ подымается только до высоты альпійскихъ луговъ, т. е. 8—9000 фут. надъ морскою поверхностью.

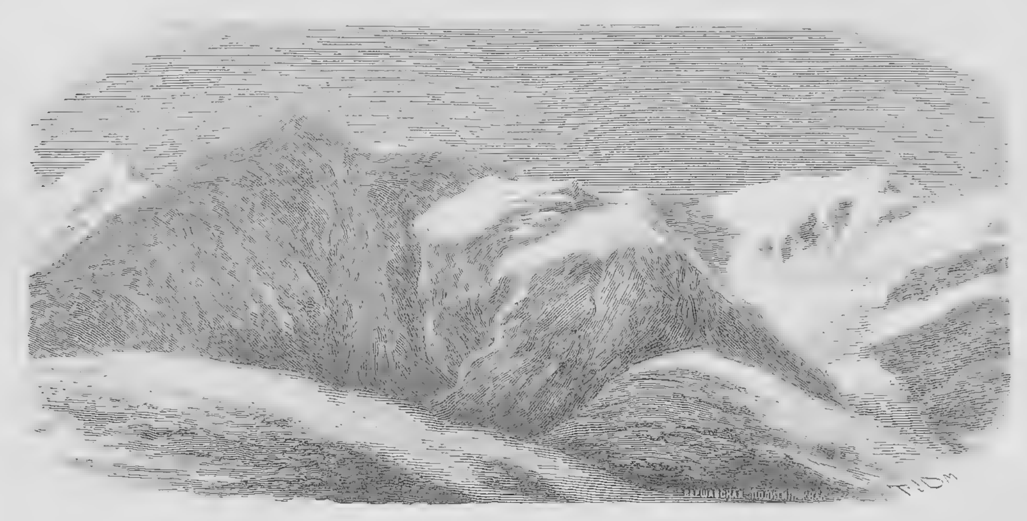
Уголъ, подъ которымъ Большой Кавказъ ставитъ преграду степи, равняется, по исчисленію академика Абиха, 28°. Направленія его отъ сѣверо-запада къ юго-востоку обусловливаютъ гидрографическія отношенія страны. Въ общемъ начертаніи осей поднятія Большаго Кавказа эти направленія являются преобладающими. Академикъ Абихъ въ 1858 г. тщательно прослѣдилъ направленія поднятія Кавказкихъ горъ и привелъ ихъ въ систему въ своемъ трудѣ «Prodromus», въ которомъ изложены сравнительные очерки геологіи Кавказскихъ, Армянскихъ и сѣверныхъ горъ Персіи.

Упомянутыя сѣверо-западное и юго-восточное направленія преобладаютъ преимущественно на сѣверномъ склонѣ Большаго Кавказа. Это легко провѣрить въ прилегающихъ къ нему степяхъ, въ особенности въ области р. Сунжи. На южномъ-же склонѣ они составляютъ рѣдкость и проявляются тамъ ясно только одинъ разъ, именно въ трехъ областяхъ древней Колхиды, въ продольныхъ долинахъ р.р. Ингура, Цхенисъ-цкали и Ріона.

Выше я сказалъ, что упомянутыя направленія обусловливаютъ гидрографическій характеръ страны. Относительно теченія нашихъ рѣкъ—это неоспоримо. Изъ четырехъ рѣчныхъ системъ Кавказскаго края, р.р. Ріонъ и Кубань текутъ отъ востока къ западу, Терекъ и Кура съ Араксомъ — отъ запада къ востоку. Ихъ долины стоятъ почти подъ прямымъ угломъ къ теченію главныхъ рѣчныхъ системъ Россіи. Это обстоятельство имѣло громадное вліяніе на многія яв-

ленія, въ особенности въ жизни животныхъ. Въ доказательство приведу только одинъ фактъ, вкратцѣ упомянувъ о крайне-подвижномъ птичьемъ мірѣ, т. е. укажу на то великое вліяніе, которое имѣетъ Большой Кавказъ на кочевую жизнь птицъ, а равно и на ихъ осѣдлость въ Закавказьѣ. Большой Кавказъ — причина того, что Закавказскій край бѣденъ пернатыми.

Пути, избираемые перелетными птицами, временно покидающими родную страну, всегда самые удобные и, главнымъ образомъ, обезпеченные кормомъ. Весьма немногія птицы перелетаютъ громадныя пространства безъ отдыха; большинство ихъ совершаетъ перекочевку поэтапно. Въ Европейской Россіи перелетныхъ путей — два. Одинъ ведетъ внизъ по теченію Волги и составляетъ настоящую большую птичью дорогу. Къ осени на дельтѣ Волги собирается несмѣтное число пернатыхъ, которымъ сама природа начертала ихъ маршрутъ. Далѣе птицы слѣдуютъ вдоль Каспія, предпочитая западный его берегъ, и достигаютъ Мазандерана. У залива Энзели и на

Видъ на Пассъ-мта, Лапури и Эдемисъ-мта съ Горикольской высоты.

Талышской низменности онѣ находятъ все для нихъ необходимое. Если-же онѣ здѣсь не остаются на зимовку, то могутъ отдохнуть отъ путешествія только въ Белуджистанѣ, на берегу Персидскаго залива, потому-что высокое Персидское плоскогорье зимою крайне негостепріимно.

Второй путь собираетъ пернатыхъ кочевниковъ у сѣвернаго берега Чернаго моря. Отсюда они отправляются черезъ Дарданельскій проливъ въ Сирію. Это — ихъ большая дорога. Весьма незначительная часть перелетныхъ птицъ выбираетъ для перекочевки Таврическое прибрежье. Слѣдуя вдоль восточнаго берега Чернаго моря, онѣ попадаютъ, занесенныя ненастьемъ, въ низовья Ріона.

Черезъ Большой Кавказъ также переправляются нѣкоторыя перелетныя птицы, но далеко не всѣ. Отважнаго журавля не устрашаютъ ледяныя вершины; но перелетъ сильнаго гуся тамъ не всегда можно наблюдать въ обычное время; на пути къ югу онъ переправляется черезъ Кавказскія альпы иногда въ половинѣ или концѣ октября.

Въ Закавказскомъ краѣ общая масса перелетныхъ птицъ совершаетъ кочевку къ привычнымъ гнѣздамъ только вдоль береговъ двухъ морей, омывающихъ Кавказскій перешеекъ, и вдоль теченія рѣкъ на западъ или востокъ.

Многихъ перелетныхъ птицъ здѣсь вовсе не бываетъ. Гдѣ поетъ у насъ ночной соловей?.. Въ приморскихъ лѣсахъ онъ встрѣчается довольно часто, но очень рѣдко — въ центральной части Закавказскаго края; мѣстами его тамъ и совсѣмъ не бываетъ. Еслибы ласточка дѣлала пере-

летъ съ юга на сѣверъ черезъ хребетъ Большаго Кавказа, то она-бы поспѣла къ озеру Гокча гораздо раньше, нежели въ долину Куры, чего, однако, не бываетъ. Словомъ, препятствія, которыя перелетныя птицы встрѣчаютъ при перекочевкѣ въ Армянскомъ и Персидскомъ плоскогорьяхъ и дальше къ сѣверу, въ Большомъ Кавказѣ, — обусловливаютъ направленіе ихъ перелета; а расположеніе этихъ возвышенностей—есть причина бѣдности нашихъ лѣсовъ пернатыми, особенно пѣвчими.

Послѣ этого невольнаго отступленія, въ которое я впалъ изъ желанія по возможности наглядно показать, какъ велико вліяніе рельефа нашего перешейка на проявленія жизни въ немъ, — спѣшу возвратиться къ главному предмету моей статьи и продолжаю описаніе Большаго Кавказа.

Большой Кавказъ отдѣляетъ только одну вѣтвь (подъ 61° 30′ восточной долготы), уже въ древнее время получившую названіе Месхійскаго хребта, который состоитъ изъ богатыхъ окаменѣлостями пластовъ мѣловой и юрской формацій, лежащихъ на гранитной основѣ. Въ настоящее время черезъ этотъ хребетъ ежедневно переправляются, поднявшись на 3027 фут. надъ уровнемъ моря, паровозы Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Онъ отдѣляется отъ Большаго Кавказа къ югу отъ г. Адай-хохъ (15200 фут.), у г. Шикаръ (Зикаръ), которая нѣсколько ниже первой, но также, какъ и она, покрыта льдомъ.

Башня въ Вольной Сванетіи.

Съ западнаго склона Месхійскаго хребта текутъ обильные водою притоки Ріона. Питая крайніе истоки Фазиса, Квирилы и Дзирулы, склонъ этотъ испускаетъ еще ручей Чхеримела, въ тѣсной долинѣ котораго проложены рельсы желѣзной дороги. На восточномъ же склонѣ хребта берутъ начало быстрая р. Ляхва и ея притоки. Оросивъ землю Осетинъ, первая впадаетъ въ Куру, около Гори (уѣздн. гор.).

Месхійскій хребетъ соединяется ниже Сурамскаго перевала съ Ахалцихо-имеретинскимъ водораздѣльнымъ хребтомъ и отдѣленъ здѣсь отъ придвинутыхъ сюда окраинъ Малаго Кавказа только узкимъ ущельемъ, образуемымъ русломъ р. Куры.

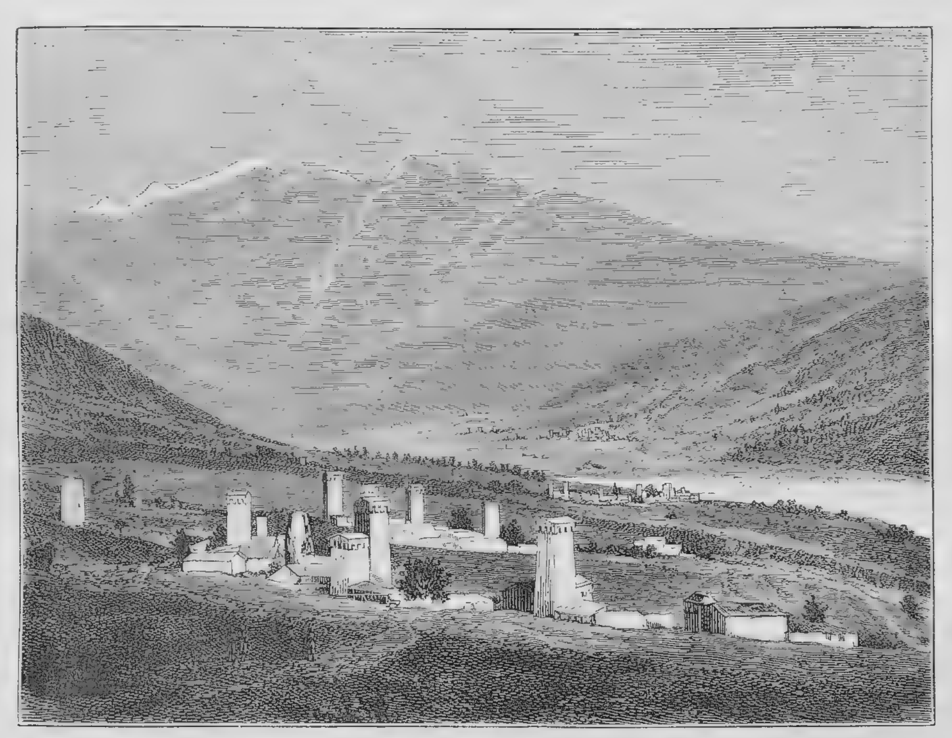
При описаніи Анти-Кавказа мы будемъ имѣть случай подробнѣе ознакомиться съ орографіей этой мѣстности; здѣсь же ограничимся указаніемъ на то, что Месхійскій хребетъ не только уже издревле составлялъ и нынѣ еще составляетъ климатическій и растительный рубежъ и водораздѣлъ между системами р. р. Ріона и Куры, но также является преградой между одноплеменными обитателями Грузіи, указавъ Имеретинамъ и Мингрельцамъ область къ западу, а Грузинамъ къ востоку, хотя и не обособляетъ ихъ рѣзко въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ.

Отъ горы Адай-хохъ, фирновыя поля которой виднѣются около Гори съ Сурамской равнины, мы начинаемъ наше путешествіе къ Большому Кавказу. Лѣтній день склоняется къ вечеру; облака начинаютъ спускаться съ горныхъ вершинъ. Намъ предстоитъ изучать тайны альпійскаго міра и восхищаться ими.

Тамъ, гдѣ южные склоны Адай-хоха съ ихъ ледяными зубцами круто обрываются къ гребню Большаго Кавказа и гдѣ мы, находясь въ глубокой лощинѣ, еще не подозрѣваемъ существованія его снѣговыхъ полей и ледниковъ,—сочится одинъ изъ истоковъ Ріона, направляясь къ западу. Но это не тотъ истокъ, отъ котораго рѣка эта въ древности получила названіе Фазисъ.

Живописно струятся эти прозрачные ручьи по изумрудному ковру альпійскихъ луговъ. Живо рисуются здѣсь лѣтомъ прекрасно цвѣтущія растенія: то крупноцвѣтныя бетоники, то группы усѣянныхъ цвѣтами мокричныхъ (Alsine, Cerastium), то синіе колокольчики (Campanula) и розовыя, приземистыя зонтичныя.

По тѣсному ущелью спускаемся мы вдоль теченія истока Ріона. Обращенныя къ сѣверу покатости горъ покрыты обширными насажденіями кавказской альпійской розы, придающей

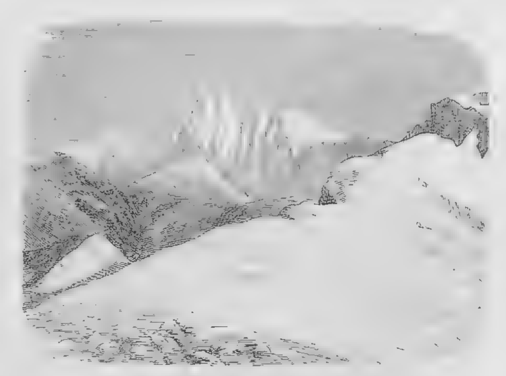
Общій видъ Мулахо-Мужальскаго Общ. (Вольная Сванетія на Кавказѣ)

мрачный видъ тѣмъ областямъ, надъ которыми она господствуетъ. Нерѣдко одиночные экземпляры этого горделиваго видоизмѣненія кавказско-альпійской розы, которую Русскіе называютъ кашкары (Rhododendron), далеко выставляются впереди, наподобіе лоскутьевъ; также часто виднѣются среди густыхъ ея зарослей островоподобныя проталины, ярко зеленѣющія отъ густой травы, свойственной этой области (росникъ, сибальдія и пр.).

Мы уже давно оставили за собой осетинскую пастушью хижину, одиноко-стоящую на западномъ склонѣ Мамисонскаго перевала (9400 фут.). Долина Ріона къ западу расширяется. Высокая горная цѣпь Шода, съ господствующею надъ нею вершиною *Чониссурисъ-мта*, замыкаетъ нашъ кругозоръ. Справа и слѣва узкой тропы стоятъ березовыя поросли, а на береговыхъ склонахъ глубокаго ручья попадаются одиночные экземпляры восточной пихты.

Путь нашъ направляется къ деревнѣ Глола, которая въ 1811 году также сильно пострадала отъ повальной чумы, какъ и Геби, и Чіора. Это селеніе, состоящее изъ деревянныхъ избъ,

стоитъ среди лѣса. Жители его не считаютъ себя Имеретинами, но признаютъ „братьями" Сванетовъ, обитающихъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ нихъ. Близъ этого селенія съ ручьемъ, вдоль котораго мы слѣдовали, пѣнящимся каскадомъ сливается главный истокъ Фазиса, отлогіе берега котораго покрыты тѣнистыми ольховыми и осиновыми рощами. Мы поднимаемся далѣе по долинѣ истока Фазиса. Мы выбрали для путешествія половину августа, потому что это самое удобное время года для посѣщенія Кавказскихъ высокогорій. Погода въ половинѣ августа стоитъ здѣсь всегда ясная; молодой фирнъ не только не представляетъ никакихъ препятствій, но, напротивъ, облегчаетъ путешествіе по снѣговымъ полямъ, которыхъ поверхность лѣтомъ, во время таянія снѣга, оказывается какъ-бы продырявленною и выравнивается только при выпаденіи новаго снѣга. Путь нашъ идетъ вверхъ по долинѣ. Уже видпѣются Чіорскія башни; все величавѣе возносятся, лежащіе съ правой стороны отъ насъ, боковые склоны долины, и къ западу нашимъ глазамъ представляются ледники Адай-хоха и его сѣверо-западныхъ сосѣдей. Одна изъ деталей этого пейзажа поразительно-натурально списана кистью нашего талантливаго художника Мещерскаго. По примѣру Айвазовскаго, онъ подарилъ свою картину Кавказскому музею. Ледяныя высоты изображены имъ такими-же холодными, какія онѣ и въ природѣ, а внизу у шумнаго притока Ріона поражаетъ контрастомъ веселая зелень березоваго лѣса.

Видъ на Большой Кавказъ по направленію къ с. з. отъ Дадіата.

Подвигаться впередъ мы вынуждены гораздо медленнѣе. Въ березовомъ лѣсу тропинка мало-по-малу суживается и становится скользкою. Повременамъ попадается кленъ-лжеяворный (Acer pseudo-platanus) съ покраснѣвшею уже осеннею листвою. Пышные вайи папоротниковъ также побиты первыми ночными морозами и всѣ почернѣли. На черноземной почвѣ встрѣчается безвременный цвѣтъ (Colchicum speciosum), покрытый синими, крупными цвѣтами; у журчащихъ источниковъ стоятъ группы разныхъ видовъ волкобоя (Aconitum), достигающаго высоты человѣческаго роста. На высотѣ 7800 фут. надъ уровнемъ моря мы оставили позади себя предѣльную черту распространенія лѣсовъ. Намъ предстоитъ восхожденіе на высокую кручу. Задыхающіяся отъ усталости лошади наши покрыты пѣною, да и наши легкія усиленно работаютъ отъ трудности карабканья на такой абсолютной высотѣ. Изъ полосы распространенія кашкары мы выходимъ на высоту 8400 фут. надъ уровнемъ моря. Еще остается преодолѣть подъемъ болѣе чѣмъ въ 1000 фут. перпендикулярной высоты, чтобы достигнуть широкаго гребня Гориболо.

На высотѣ 9600 фут. надъ уровнемъ моря мы вступаемъ въ область фирна (крупчатаго снѣга). Здѣсь приземистая травянистая флора, прекрасно-цвѣтущіе чертополохи (Centaurea) и бетоника уже сдѣлались жертвами мороза. Къ сѣверу, недалеко отъ насъ, открывается горный массивъ Пассъ-мта, изъ котораго вытекаютъ истоки Ріона и отъ котораго, какъ говорятъ, рѣка получила свое классическое названіе Фазисъ. Пассъ-мта, выдвинутый на югъ отъ покрытаго льдомъ главнаго хребта Большаго Кавказа, не отличается своею высотою; его вершины едва касаются снѣговой линіи. Мрачно смотрятъ на югъ его сланцевые обрывы, изъ которыхъ вытекаютъ истоки быстраго ручья. Къ западу и востоку отъ него вздымаются террасами громадные ледники горъ Лапури и Эдемисъ-мта, изрѣзанные безчисленными разсѣлинами и трещинами. И здѣсь существуетъ легенда о раѣ, такъ-какъ Эдемисъ-мта значитъ — райская гора. Правовѣрный сынъ этой мѣстности разскажетъ вамъ, что когда-то колыбель человѣче-

скаго рода стояла на той самой долинѣ, гдѣ теперь возносится къ облакамъ ледникъ, и что Богъ преобразилъ все это въ гнѣвѣ своемъ за великія прегрѣшенія людскія.

Но спѣшимъ далѣе къ сѣверному истоку р. Гиппоса. Позволимъ себѣ только кратковременный роздыхъ у подошвы исполинскаго Лапури, такъ какъ путешествіе въ Кавказскихъ альпахъ чрезвычайно утомительно: тамъ узкія тропинки часто не видны на скалистой почвѣ; тамъ приходится миновать пропасти въ 6—800 фут. глубины, гдѣ оступившійся неминуемо погибаетъ; тамъ не только нѣтъ приличнаго пріюта, но даже и пастушьей хижины.

Миновавъ южный истокъ р. Цхенисъ-цкали (Гиппосъ у древнихъ), мы медленно пробираемся вверхъ чрезъ березовый лѣсъ. На незначительномъ разстояніи отъ Лапурскаго ледника—почлегъ. Проводники—Сванеты предвѣщаютъ непогоду: крутые ледяные обрывы горы Лапури часъ-отъ-часу все болѣе и болѣе окутываются туманомъ. Предсказанія проводниковъ сбываются,—ночью выпадаетъ дождь. Находясь у предѣльной черты распространенія лѣса, на высотѣ 7200 фут. надъ уровнемъ моря, мы ищемъ защиты подъ березами. На этотъ разъ погода какъ будто вовсе не намѣрена проясниться, и мы вынуждены, волей-неволей, два дня остаться на мѣстѣ. Наконецъ, промокшіе до костей, выступаемъ мы въ путь. Чтобы достигнуть сѣвернаго истока Гиппоса, необходимо преодолѣть крутой подъемъ и переправиться чрезъ узкій хребетъ горы Пешка. Это—труднѣйшій изъ переходовъ, какой можно себѣ вообразить. Вьючныя животныя скользятъ назадъ по гладкому сланцу и падаютъ внизъ въ долину. Послѣ часоваго отдыха опять начинается карабканье. Наконецъ мы достигаемъ узкаго гребня. Къ сѣверу предъ нами, разстилается фирновое поле, съ крутымъ наклономъ. Кто ловокъ, тотъ можетъ здѣсь совершить катанье внизъ, употребляя при этомъ, вмѣсто руля, приспособленный къ горному путешествію посохъ. Но наконечникъ горнаго посоха слѣдуетъ глубоко вдавить въ фирнъ, потому что, раскатившись, уже никоимъ образомъ нельзя остановиться. Потерявшій равновѣсіе можетъ лишиться кожи на рукахъ и лицѣ, которую сдеретъ у него крупно-зернистый фирнъ. Въ концѣ іюня 1864 года я совершилъ такое катанье съ этой горы и попалъ въ покрытые весеннею зеленью ивовые кусты, въ которыхъ рѣзвились стаи чижиковъ.

Абхазцы на тифлисскомъ майданѣ.

Выше описаны далеко не всѣ трудности, ожидающія путешественника въ высокихъ Кавказскихъ альпахъ. О нихъ я буду имѣть случай сообщить подробности при бесѣдѣ о

Казбекѣ, Эльборусѣ и Араратѣ. Здѣсь, у истоковъ Гиппоса, ходить, правда, трудно, но мы поднялись не выше 10000 фут. надъ уровнемъ моря, гдѣ еще можемъ свободно дышать и не испытываемъ того утомленія колѣнъ, которое ощущаетъ всякій человѣкъ на высотѣ 12—14000 фут. и которое лишаетъ возможности быстро подвигаться впередъ.

Если бы отсюда мы имѣли намѣреніе достигнуть Сванетіи, то намъ предстояло-бы слѣдовать вдоль покрытаго глетчерами главнаго хребта Большаго Кавказа, съ южной его стороны, и перейти чрезъ Лезгарскій хребетъ, лежащій нѣсколько дальше къ сѣверо-западу отъ сѣвернаго истока ручья Гиппоса. Тамъ находится, на высотѣ около 9000 фут. надъ уровнемъ моря, перевалъ Наксагаръ, служащій водораздѣломъ между р. р. Гиппосомъ и Ингуромъ. Стѣсняющія верхнее теченіе Ингура, безпрерывныя ледяныя стѣны навѣваютъ на насъ холодъ. Мраченъ и холоденъ весь этотъ альпійскій пейзажъ. Съ лѣвой стороны отъ насъ открывается зіяющая пропасть, въ глубинѣ которой стремительно несется истокъ Ингура, мѣстами шумно пѣнящійся при паденіи съ уступа на уступъ.

Гора Эльборусъ.

Съ правой стороны мы видимъ альпійскіе луга, за ними — синеватый, сверкающій ледъ, бѣлый фирнъ и очертанія изрытаго ущельями и разсѣлинами горнаго хребта. Кругомъ царитъ угнетающая тишина. Въ долинѣ передъ нами возвышается развалина одной изъ тѣхъ башенъ, которую преданіе любитъ связывать съ именемъ царицы Тамары. Нѣсколько ниже, на высотѣ около 7000 футовъ надъ уровнемъ моря, представляется нашимъ взорамъ первая сванетская деревня Жибіани. Вся она состоитъ изъ башенъ; здѣсь каждый домъ — крѣпость.

Посвятимъ нѣсколько словъ обитателямъ этихъ дикихъ горныхъ высей, которые были извѣстны еще въ сѣдой древности и о которыхъ разсказываетъ Страбонъ. Прежде здѣсь господствовало храброе, воинственное племя, которое было гораздо многочисленнѣе, нежели нынѣшнія общины Сванетовъ. Въ то время оно, безъ сомнѣнія, не было замкнуто въ долинѣ Ингура и владѣло гораздо бо̀льшею территоріею. Нынѣ же, запертые съ двухъ сторонъ параллельными горными хребтами, вершины которыхъ увѣнчаны вѣчнымъ льдомъ, и отрѣзанные къ западу громаднымъ предгорьемъ отъ сообщенія съ Колхидскою низменностью, Сванеты остаются совершенно уединенными отъ внѣшняго міра. Послѣдствіемъ этой обособленности ихъ является дикость. Чѣмъ больше замкнуты горныя долины и чѣмъ выше онѣ лежатъ, тѣмъ болѣе дики и своеобразны ихъ обитатели. Грузины по происхожденію, они въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени смѣшались съ разнородными чуждыми

Видъ горы Казбекъ и р. Терека (въ Владикавказѣ).

элементами, такъ что изъ нихъ народился новый типъ, въ которомъ уже нельзя открыть физіономическаго сходства съ первоначальнымъ типомъ, что̀ можно видѣть изъ приложенныхъ портретовъ. У одного индивидуума голова апостола, у другаго же — непомѣрно низкій лобъ, гладкіе волосы и черные глаза. Попадаются между ними и бѣлокурыя, синеокія, стройнаго роста личности, также какъ и въ Имеретіи, гдѣ почти столько-же черноволосыхъ съ черными глазами, сколько и бѣлокурыхъ. Въ Сванетіи даже въ новѣйшее время нерѣдки случаи водворенія чужихъ элементовъ. Родъ Дадишкиліани—единственныхъ князей въ нижней Сванетіи — мингрельскаго происхожденія. Изъ общины Бетчо мужчины-христіане берутъ себѣ съ Баксана женъ-татарокъ. Словомъ, въ этихъ неприступныхъ горныхъ трущобахъ мы имѣемъ предъ собою отовсюду сбѣжавшіяся съ разныхъ сторонъ народности, которыя съ теченіемъ времени сгруппировались въ нераздѣльныя общины.

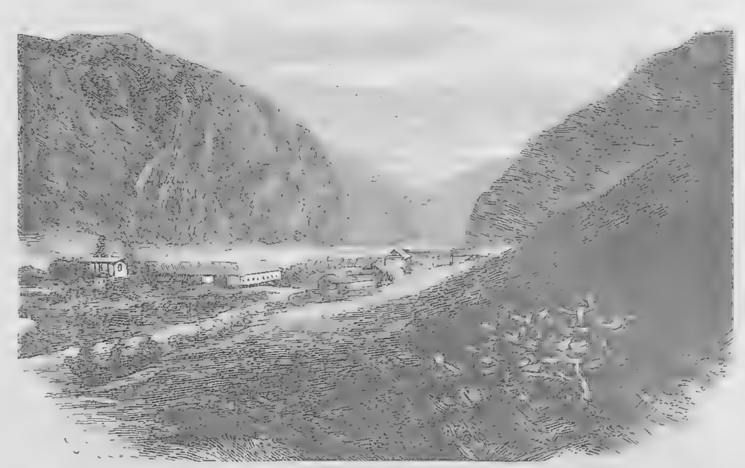
Примѣняясь къ объему очерка, я теперь не стану описывать нравы и образъ жизни жителей Сванетіи и откладываю это для совмѣстнаго описанія обитающихъ въ горахъ христіанъ: Хевсуръ, Тушинцевъ, Пшавовъ и Осетинъ. Затѣмъ возвращаюсь къ своему путешествію въ сѣверо-западномъ направленіи, предварительно окинувъ взоромъ лежащія къ югу мѣстности.

Область горы Лапури, о которой выше сказано, служитъ исходною точкою гор-

Видъ близъ военно-грузинской дороги на Кавказѣ.

ныхъ хребтовъ, разграничивающихъ высокія долины Колхиды, представляющіяся въ видѣ нисходящихъ въ три уступа продольныхъ долинъ. Мы находимся въ верхней изъ нихъ. Рѣка Ингуръ пересѣкаетъ эту долину въ направленіи отъ востока къ западу до Лахамули и, пробивая себѣ у Джвари русло чрезъ расположенный поперекъ горный хребетъ, лицевая сторона котораго обнаруживаетъ юрскія формаціи, — вступаетъ медленнымъ теченіемъ въ Мингрельскую низменность. Вторая долина, которая ниже первой, составляетъ рѣчную область Гипноса, текущаго до Лентехи отъ востока къ западу, затѣмъ дѣлающаго поворотъ на югъ, прорѣзывающагося чрезъ скалистый горный хребетъ и входящаго у Сухчи въ Колхидскую низменность. Третья, самая низкая долина, расширяется повыше Они. Въ ней течетъ р. Фазисъ отъ востока къ западу до соединенія р. Ладжіанури. Отъ мѣста же сліянія онъ уклоняется на югъ, пересѣкаетъ юрскія мѣловыя формаціи и выходитъ ниже Кутаиса въ Колхидскую низменность.

Станція Балта, на военно-грузинской дорогѣ.

Съ высоты г. Дадіашъ (9600 фут. надъ уровнемъ моря), одной изъ вершинъ втораго параллельнаго хребта, глазъ обнимаетъ обширную панораму, открывающуюся со всѣхъ сторонъ. Къ югу взоръ переносится отъ изрытаго разсѣлинами Читхаро на Колхидскую низменность, которой влажная атмосфера обливаетъ нѣжнымъ колоритомъ отдаленныя горныя выси. Вечеромъ здѣсь наверху—холодно; снѣгъ хруститъ подъ ногами. Снизу же какъ бы овѣваетъ насъ тепломъ, особенно подъ вечеръ, при закатѣ солнца; но мы зябнемъ. Къ востоку виднѣются ледники Осетіи съ выдающеюся вершиною Адай-хохъ. Къ сѣверо-западу тянется глубокое ущелье, бока котораго покрыты дико-разбросанною грудою сланцевыхъ плитъ. Въ глубинѣ этого ущелья царитъ уже ночной мракъ. По ту сторону его возстаетъ горный массивъ Ужбы, выдвинутый на югъ отъ ледяной массы Гвалды. Глубокая сѣдловина Ужбы ограничена двумя пикоподобными вершинами, достигающими до 12000 фут. высоты надъ уровнемъ моря. За нимъ на горизонтѣ обрисовываются блѣдныя фирновыя поля Эльборуса, у котораго, въ это время, восточные склоны сіяютъ ослѣпительной бѣлизною.

Направимся къ этимъ высотамъ Эльборуса. Но не станемъ подходить къ нему съ сѣвера, какъ это до сихъ поръ обыкновенно дѣлалось, а съ юга, со стороны Абхазіи. Путемъ черезъ истоки Кодора и Кубани рѣдко кто изъ Европейцевъ пробирался къ нему. По долинѣ Кодора, самаго буйнаго кавказскаго потока, предстоитъ намъ преодолѣть подъемъ, затѣмъ переправиться чрезъ Нахарскій перевалъ и достигнуть, слѣдуя внизъ по теченію Кубани, деревни Хурзукъ.

Мы находимся въ лѣсистой Абхазіи. Конецъ іюля. Медленно подвигаемся мы впередъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, то подъ сѣнью орѣховаго лѣса, то въ благодатной лѣсной тѣни буковыхъ насажденій. На лѣсныхъ прогалинахъ тамъ и сямъ попадаются небольшія поля, засѣянныя кукурузой, перемѣшанной съ тыквой (на бахчахъ), усы которыхъ вцѣпляются въ крышу хижины владѣльца этой бахчи. Абхазецъ не имѣетъ прихотливыхъ потребностей; онъ лѣнивъ и бѣденъ, и коснѣетъ въ невѣжествѣ. Въ высшей степени интересенъ языкъ этого народа, какъ бы клиномъ врѣзавшійся между языкомъ адигскимъ и нарѣчіемъ мингрельскимъ, и

не поддающійся никакой системѣ лингвистовъ. Хижина Абхазца крайне убога: стѣны выведены изъ плетня, крышу составляетъ толстая настилка папоротника-орляка (Pteris aquilina maxima), достигающаго здѣсь роста въ сажень и болѣе. На высокихъ столбахъ стоитъ небрежно-сколоченный амбаръ, въ которомъ хозяинъ развѣшиваетъ кукурузные початки на такой высотѣ, чтобы ихъ не могли достать мыши. Все это стоитъ среди тѣнистаго лѣса, гдѣ даже днемъ царитъ полумракъ. Полунагіе сидятъ здѣсь на корточкахъ люди вокругъ тлѣющаго бревна, закуренные дымомъ, разгоняющимъ докучныхъ насѣкомыхъ. Между ними я замѣчаю дѣвочку лѣтъ 14, которая, однако, уже вполнѣ развита. По цвѣту кожи она имѣетъ сходство съ бронзовою фигурою. Она представляетъ собою исключеніе изъ общаго правила, — она прекрасна. Въ ея жилахъ течетъ, можетъ быть, мингрельская кровь. Всматриваясь въ нее, я вспомнилъ «Уарду» Эберса. Такою, какъ она, рисуются въ моемъ воображеніи красавицы древняго Египта. Заплетенные въ тонкія косы, черные какъ смоль, волосы падаютъ на не слишкомъ широкія плечи. Не менѣе черны и глаза ея. Молочнаго цвѣта глазной уголокъ составляетъ столь-же эффектный контрастъ съ бронзовымъ цвѣтомъ ея лица, какъ и ряды бѣлыхъ зубовъ, выглядывающихъ изъ полураскрытаго рта. Носъ тонкій; уши безукоризненной красоты. Грудь и вся осанка ея напоминаютъ медицейскую Венеру. Но подобное явленіе, какъ я уже сказалъ, составляетъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно у Абхазцевъ оба пола крайне некрасивы, что въ особенности относится къ женщинамъ, у которыхъ молодость отцвѣтаетъ чрезвычайно рано. Абхазскія женщины въ 25—30 лѣтъ — настоящія страшилища.

Разработка дороги на Кавказѣ.

Оставляя за собой Абхазскую низменность, мы вступаемъ на Цебельдинскую возвышенность. Нужно водворить здѣсь людей, — людей прилежныхъ и способныхъ! Природа одарила эту

мѣстность несмѣтными богатствами: лѣса, воды, луговъ, камня — всего здѣсь въ избыткѣ. Но законнымъ владѣльцемъ этихъ сокровищъ является оборванецъ, охотнѣе добывающій себѣ средства къ существованію воровствомъ, нежели честнымъ трудомъ.

Мы подвигаемся далѣе на сѣверъ. Мѣстами неприступные берега Кодора вынуждаютъ насъ дѣлать утомительные обходы. Выдвинутый изъ обрыва скалистый зубецъ, въ 600—800 фут. высоты, служитъ непреодолимой преградой для вьючныхъ животныхъ, которыя съ неимовѣрнымъ трудомъ должны пройти чрезъ лѣсъ. Два дня приходится здѣсь выбиваться изъ силъ, чтобы преодолѣть потоки, обрывы, лѣса и болота, а пройденное пространство равняется по прямой линіи всего 12 верстамъ. Наконецъ показываются предъ нами оба истока Кодора, стремительно выкатывающіеся изъ дѣвственнаго лѣса. Одинъ изъ нихъ — Клычъ — течетъ прямо съ сѣвера, другой — Секенъ — идетъ ему навстрѣчу въ восточномъ направленіи.

Новая дорога для обхода трехъ балокъ.

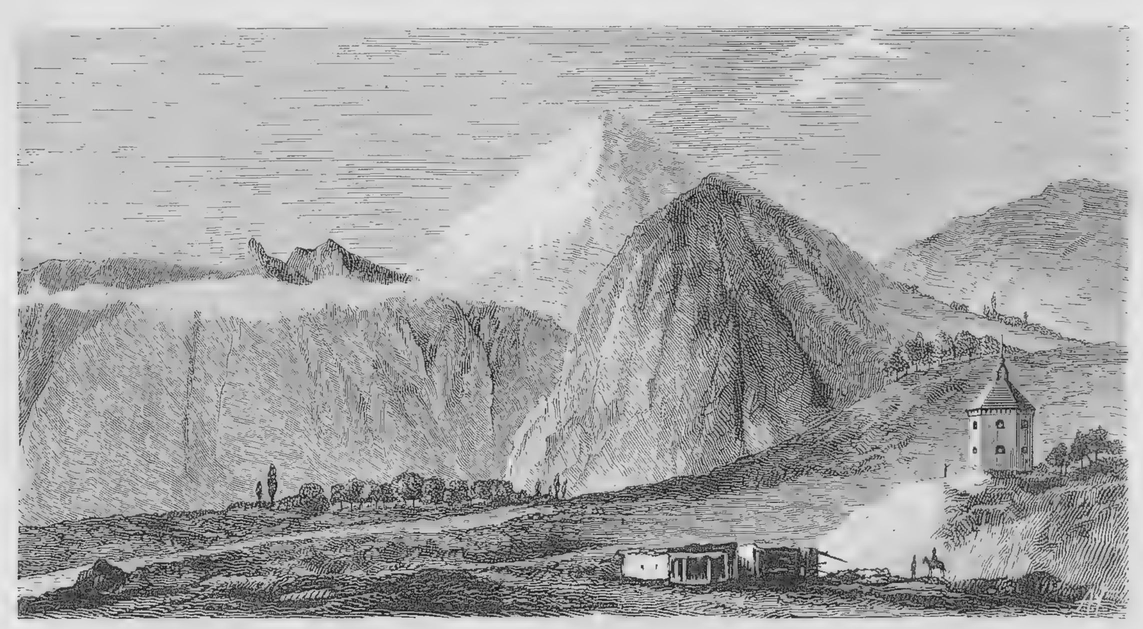
Насъ провожаетъ большая толпа Абхазцевъ; свита увеличивается съ каждымъ днемъ и хотя никто не звалъ этихъ ротозѣевъ, однако продовольствовать ихъ необходимо. Ни одинъ изъ нихъ ничего не станетъ дѣлать; все ихъ дѣло — быть почетными провожатыми. Всѣ они очень болтливы и горланятъ безпрерывно, ничѣмъ не стѣсняясь. Непривычное ухо Европейца непріятно поражается щелкающими и гортанными звуками, свойственными ихъ говору.

Путь нашъ направляется вверхъ по крутому ущелью рѣки Клычъ. Насъ принимаетъ въ свои объятія дѣвственный лѣсъ, погруженный въ таинственную тишину. Высоко возносятся здѣсь къ небу стройные стволы кавказской пихты—Abies Nordmanniana. Шаткіе, висячіе мосты служатъ для переправы черезъ опасный Кодоръ. Пѣнясь и шумя, пробиваетъ онъ себѣ русло по глубокой лощинѣ. Его вода мутна отъ увлекаемой имъ глины. Въ ольховомъ подлѣскѣ мы останавливаемся для ночлега. Темно и тихо... Сіяющіе въ травѣ свѣтляки замѣняютъ намъ фонари... Сопутствующая мнѣ толпа Абхазцевъ горланитъ до разсвѣта.

Намъ предстоитъ переправа черезъ Нахарскій перевалъ (9600 фут. надъ уровнемъ

моря), южные склоны котораго чрезвычайно круты. Отправляемся въ путь съ разсвѣтомъ. Слѣдуя у самаго берега Кодора, мы скоро приближаемся къ водопаду, гдѣ вода, при паденіи въ пропасть, разбиваясь въ пыль, наполняетъ воздухъ постоянной влагой. Громовой шумъ водопада оглушаетъ окрестность, и среди шума часъ-отъ-часу слышны удары другъ о друга большихъ камней, увлекаемыхъ бѣшенымъ теченіемъ потока.

Миновавъ водопадъ, мы переходимъ снѣговые обвалы и достигаемъ области альпійскихъ луговъ. Нахарскій перевалъ высится надъ нами на близкомъ разстояніи. Здѣсь мы позволяемъ себѣ часовой отдыхъ. Козій сыръ, черствый кукурузный хлѣбъ, немного луку, рюмка краснаго, довольно кислаго вина—составляютъ нашъ завтракъ. Потомъ—опять за работу. Необходимо распредѣлить багажъ такимъ образомъ, чтобы животныя не были имъ слишкомъ обременены при восхожденіи на высокогорье. Мы поднимаемся все выше и выше. Крутъ, даже очень

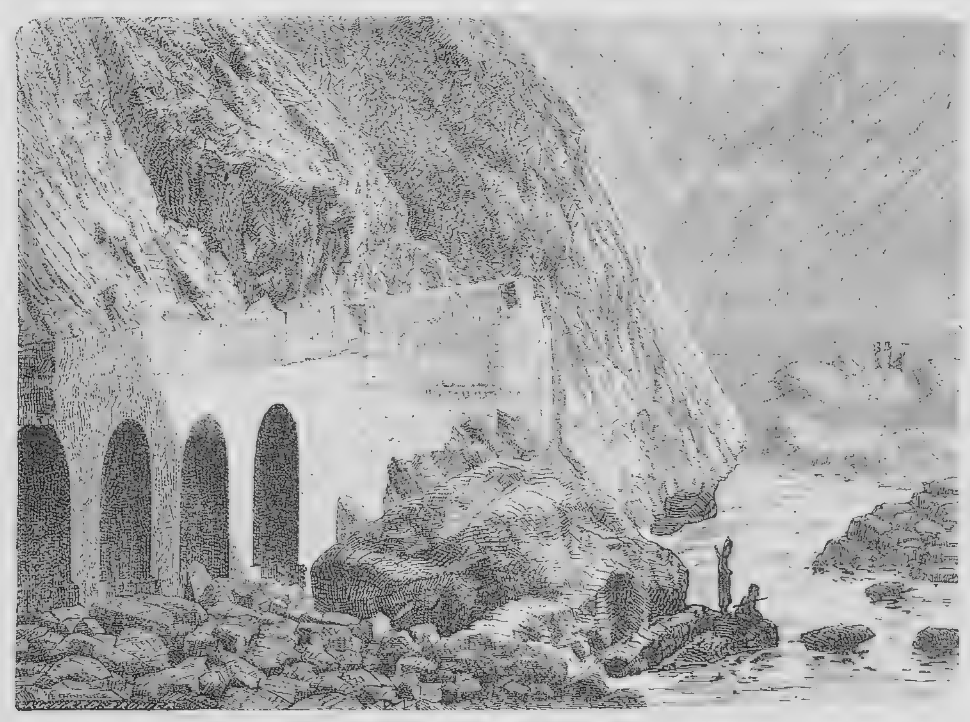
Видъ на горы по дорогѣ изъ Владикавказа.

крутъ этотъ южный склонъ. Каждый изъ насъ пробирается впередъ, какъ можетъ. Подконецъ лошади уже не двигаются съ мѣста; онѣ скользятъ и падаютъ. Мы вынуждены оставить на произволъ судьбы двухъ лошадей; перекладываемъ ихъ ношу на прочихъ, при чемъ дѣло съ провожающими насъ Абхазцами не обходится безъ серьезныхъ внушеній и понудительныхъ мѣръ, — и съ трудомъ подвигаемся впередъ. Это восхожденіе самое трудное изъ всѣхъ, совершенныхъ мною на Кавказѣ, не смотря на то, что перевалъ не особенно высокъ. Происходитъ это отъ величины угла наклоненія южнаго склона горъ.

Въ 5 часовъ вечера мы достигаемъ перевала, представляющаго собою гранитный гребень въ два фута ширины. Къ сѣверу предъ нами раскинуты ледяныя и фирновыя поля. Тремя уступами спускается здѣсь ледникъ къ отлогой долинѣ ручья Учкуланъ. Дуетъ сильный вѣтеръ. Выдвинутые къ сѣверу зубцы вершины Нахара лежатъ съ правой стороны отъ насъ. Осторожно переправляясь черезъ ледники, мы направляемся къ долинѣ, гдѣ зонтикообразныя вершины одиноко-стоящихъ сосенъ обѣщаютъ намъ защиту для ночи. Вьючныя животныя до такой степени измучены, что не въ силахъ идти далѣе. У подошвы послѣднихъ снѣговыхъ полей мы останавливаемся. Стемнѣло. Для утомленныхъ животныхъ не оказывается корма. На небѣ не видать ни одной звѣзды и все предвѣщаетъ горную непогоду. Мы кое-какъ устраиваемся подъ навѣсомъ, обра-

зуемымъ наклонившеюся гранитной скалою. Настаетъ полночь... Нѣтъ дровъ для костра, и мы не можемъ подкрѣпить силы чаемъ. Лежимъ мы, прижавшись другъ къ другу, съ согнутыми колѣнами, потому что защищающій насъ навѣсъ не имѣетъ ширины въ ростъ человѣка. На верху у Нахара разражается гроза: молнія сверкаетъ безпрерывно, громовые удары слѣдуютъ одинъ за другимъ. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Зигзаги молніи обливаютъ огнемъ лицевую сторону Нахара, и окрестности на мгновеніе освѣщены какъ днемъ. — Невыразимо малымъ и ничтожнымъ чувствуетъ себя человѣкъ, когда онъ поставленъ лицомъ къ лицу съ такимъ величественнымъ явленіемъ природы.

Наконецъ, все стихаетъ. Отъ усталости мы припадаемъ къ землѣ и засыпаемъ. Но сонъ нашъ тревожатъ дикія сновидѣнія: что волновало воображеніе на-яву, то не даетъ покоя и во снѣ.

Дарьяльское ущелье (старая дорога).

Разсвѣтаетъ... Печальная картина представляется нашимъ взорамъ; кругомъ все погружено въ густыя облака. Молчаливо отправляемся мы въ путь, утомленные и голодные, и достигаемъ только вечеромъ деревни Учкуланъ (7-го августа 1865 года). Живущіе тамъ Карачаевцы принимаютъ насъ чрезвычайно радушно. Эти сильные, нерѣдко красивые Татары — выходцы изъ Крыма — живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Эльборуса и часто загоняютъ свои стада вплоть до снѣговыхъ его полей. Изъ ихъ среды вышелъ извѣстный Киляръ, который въ 1829 году, во время экспедиціи генерала Эмануэля съ членами академіи наукъ Ленцомъ, Купферомъ, К. А. Мейеромъ и Менетріе, первый взошелъ на вершину Эльборуса. При осмотрѣ Эльборуса съ селенія Учкуланъ, онъ представляется во всемъ своемъ величіи обращеннымъ въ долину Хурзукъ, и кажется тупымъ, бѣлымъ конусомъ съ двумя закругленными вершинами, раздѣленными черною сѣдловиною.

9-го августа началъ я восхожденіе на Эльборусъ съ сѣверной его стороны. Четверо коренастыхъ Карачаевцевъ провожаютъ меня. Названіе Эльборусъ незнакомо ни Абхазцамъ, ни

Карачаевцамъ; первые называютъ этого исполина «Урюнигюмоэ», у вторыхъ-же онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Минитау». Извивающимися зигзагами подвигаемся мы впередъ по отвѣснымъ береговымъ склонамъ ручья Минитау-су и достигаемъ высоко лежащей пастушьей хижины, въ которой останавливаемся на ночлегъ. Съ разсвѣтомъ 10-го числа мы продолжаемъ свое путешествіе. Вскорѣ намъ представилась сѣверная и часть западной стороны Эльборуса. Изъ бѣлаго фона крутыхъ его фирновыхъ и ледяныхъ полей вырѣзываются въ видѣ зубцовъ и иглъ черные края прежнихъ кратеровъ. Легко поэтому понять, что съ этой стороны восхожденіе очень трудно, а для непривычныхъ альпоходцевъ и вовсе невозможно. Подняться на Эльборусъ гораздо удобнѣе съ восточной его стороны, по скатившимся глубоко внизъ глетчерамъ, питающимъ р. р. Малку и Баксанъ. Слѣдуетъ, однако, распредѣлить восхожденіе такъ, чтобъ дѣлать ночной привалъ на ледяномъ полѣ, на высотѣ 13000 фут. надъ уровнемъ моря. Тогда достиженіе 18571-футовой вершины Эльборуса возможно, если только предпринимающія восхожденіе лица одарены сильными легкими и настойчивостью.

Было около 11 часовъ утра, когда мы начали подниматься по крутому западному обрыву лощины, которая глубоко врѣзывается въ ребро, выдающееся къ сѣверу изъ Эльборуса. Прежде всего необходимо было достигнуть гребня этого ребра, потому что его южный конецъ приводитъ къ подошвѣ передней вершины Эльборуса.

Къ полудню мы взобрались на гребень. Погода стояла еще ясная. Здѣсь—область высокоальпійской флоры. Всѣ виды растеній малорослы, но покрыты прекрасными, крупными цвѣтами. Нѣкоторые виды сѣменныхъ растеній распространены до высоты 13000 фут. надъ уровнемъ моря. Выносливый роговикъ (Cerastium purpurascens) и одинъ изъ видовъ глухой крапивы—косматая яснотка (Lamium tomentosum), попадаются даже на высотѣ 12300 фут.

Прямо предъ нами возстаетъ сѣверная вершина Эльборуса. Къ югу она своими черными зубцами круто спадаетъ къ сѣдловинѣ. По направленію къ востоку глазъ нашъ обнимаетъ долины истоковъ р. Балыка и два глетчера, глубоко спустившіеся къ долинѣ.

Около половины перваго часа надъ Эльборусомъ показывается маленькое, бѣлое облачко. Еще солнце освѣщаетъ полнымъ свѣтомъ его ослѣпительной бѣлизны фирновыя поля, но не надолго. Уже въ исходѣ перваго часа весь конусъ скрывается за тучами. До сихъ поръ мы поднимались по фирну крутой, сѣверной стороны горы. Двое изъ моихъ проводниковъ подверглись головокруженію; самъ я чувствую сильную усталость въ колѣняхъ, такъ что ноги подкашиваются. Всѣ мы испытываемъ невыразимую усталость. Послѣ каждыхъ 25 — 30 шаговъ я вынужденъ отдыхать. Легкія крайне усиленно работаютъ. Я испытываю ощущеніе, какъ будто усиливаюсь утолить жажду этимъ свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ, но никакъ не могу. Къ двумъ часамъ и мы тоже окружены туманомъ. Барометрическое измѣреніе даетъ въ результатѣ 14295 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Составленъ совѣтъ. Карачаевцы настаиваютъ на возвращеніи въ долину; я соглашаюсь. Поспѣшно начинаемъ мы спускаться внизъ. Все болѣе и болѣе сгущается туманъ, и мы уже не видимъ ближайшихъ предметовъ. Намъ угрожаетъ опасность заблудиться. Достигнувъ около пяти часовъ подошвы вышеупомянутаго горнаго ребра, мы останавливаемся для кратковременнаго роздыха. Начинаетъ моросить мелкій дождь. Я тотчасъ засыпаю. Въ брошенной пастушьей хижинѣ проводимъ мы ночь и возвращаемся на слѣдующій день въ Учкуланъ.

Вершина Эльборуса достигнута была всего только два раза: въ первый разъ Карачаевцемъ Киляромъ въ 1829 году, а во второй разъ, 31 іюля 1868 года, обществомъ знаменитыхъ англійскихъ альпоходцевъ, состоявшимъ изъ Фрешфельда, Мори и Текера, которые, въ сопровожденіи опытнаго альпоходца Франсуа Девусу, уроженца долины Шамуни, взошли даже на высшую вершину Эльборуса, что до сихъ поръ никому еще не удавалось. О восхожденіи своемъ на вершину Эльборуса они сообщаютъ слѣдующее:

«28 іюля—въ селеніи Урусии, у князя Измаила, который съ братьями своими оказалъ намъ очень радушный пріемъ.—29 іюля. Отъѣздъ къ Эльборусу въ сопровожденіи пяти носильщиковъ; слѣдованіе вверхъ по долинѣ Баксана до соединенія ея съ ущельемъ, по которому идетъ дорога въ долину Накра; оттуда къ сѣверо-западу вверхъ по ущелью, замыкаемому глетчеромъ, спустившимся съ Эльборуса, и бивуакъ на высокогорьѣ близъ подошвы глетчера; 8000 ф. (9 часовъ).—30 іюля. Подъемъ по долинѣ мимо конца глетчера и по крутымъ обрывамъ къ вершинѣ на скалѣ, съ правой его стороны, почти на одинаковомъ уровнѣ съ огромной, снѣговой равниной къ юго-востоку отъ горы, гдѣ мы раскидываемъ палатку на хорошо защищенномъ мѣстѣ. 11950 фут. ($4\frac{1}{2}$ часа).—31 іюля. Выходимъ изъ палатки въ 2 часа 10 минутъ утра; переходимъ большую равнину и поднимаемся на склоны, доходящіе до подошвы высшей вершины ($5\frac{1}{4}$ часовъ). Сланцевыя скалы вплоть до вершины, достигнутой въ 10 часовъ 40 минутъ утра. Возвращеніе внизъ тѣмъ-же путемъ до высокогорья, пониже глетчера (6 часовъ). Интенсивный холодъ былъ причиною трудности восхожденія, но серьезнаго препятствія мы не встрѣчали. Вулканическое происхожденіе горы несомнѣнно. Вершину образуетъ трехсторонній кратеръ, наполненный снѣгомъ. Окружающій его валъ имѣетъ три вершины, стоящія нѣсколько поодаль одна отъ другой. Мы поднялись на всѣ три вершины. Двѣ изъ нихъ не были покрыты снѣгомъ. На достигнутой нами первой вершинѣ, которая намъ казалась выше остальныхъ, мы сложили знакъ изъ камней. Двое изъ нашихъ носильщиковъ — Дяпоевъ-Дячи и Сатаевъ-Ахія — взошли вмѣстѣ съ нами на вершину.»

Остается еще окинуть взглядомъ область главной цѣпи Большаго Кавказа къ западу отъ Эльборуса. Здѣсь мы находимъ зубра. Послѣднія особи этого, нѣкогда очень распространеннаго животнаго, обитаютъ у сѣвернаго склона, увѣнчаннаго мѣстами фирномъ и льдомъ Эрцогскаго хребта, составляющаго часть Большаго Кавказа. Зубры водятся здѣсь у истоковъ обѣихъ рѣкъ Зеленчукъ, въ мѣстностяхъ, называемыхъ Сааданъ и Эрхусъ. Они попадаются стадами въ 7—10 головъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ, съ преобладающими сосновыми зарослями. Люди не оказываютъ имъ никакого попеченія, и здѣсь имъ живется не такъ хорошо, какъ въ Бѣловѣжской пущѣ въ Гродненской губерніи, гдѣ зимою заботятся о ихъ благосостояніи.

Покойный графъ Сумароковъ-Эльстонъ доставилъ въ Кавказскій музей одинъ чудный экземпляръ этой породы животныхъ, которыя нынѣ уже выводятся. Онъ былъ привезенъ въ Тифлисъ на курьерскихъ, лѣтомъ 1866 года. Хотя правительствомъ и отданы приказы относительно охраненія этихъ животныхъ, но кто станетъ среди этой глуши во всей строгости исполнять подобныя приказанія? Нѣтъ сомнѣнія, что зубръ прежде водился и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Абхазцамъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «адомбе или домбе», Карачаевцамъ подъ названіемъ «домб»; но первые знаютъ это животное только по слухамъ.

Примѣняясь къ объему настоящаго очерка, я могу лишь весьма кратко очертить кавказское высокогорье въ юго-восточномъ его направленіи, останавливая вниманіе читателя на вершинахъ Казбека и Ацунты, и закончу эту главу описаніемъ быта мѣстныхъ обитателей.

На узкой плоскости, составляющей водораздѣлъ между рѣками Терекомъ и Сунжею, стоитъ красивый городъ Владикавказъ, непосредственно у сѣвернаго подножья Большаго Кавказа. Владикавказъ, лежащій на 2368 фут. надъ уровнемъ моря, выстроенъ на лѣвомъ берегу Терека по образцу большей части южно-русскихъ городовъ: онъ имѣетъ широкія, прямыя улицы, раскинутъ на большомъ пространствѣ и осѣненъ достаточнымъ количествомъ роскошныхъ лиственныхъ деревьевъ. Жители его представляютъ пеструю смѣсь всевозможныхъ народностей. На владикавказскомъ базарѣ можно встрѣтить мы Чеченцевъ, Осетинъ, Ингушей, Евреевъ и Армянъ. Преобладающимъ элементомъ являются, однако, казаки. Климатъ въ Владикавказѣ очень здоровый; средняя годичная температура 9,2°R. Къ востоку отъ него, съ пониженіемъ уровня почвы совпадаетъ повышеніе средней температуры, такъ что въ предѣлахъ

средняго теченія Сунжи она достигаетъ 10—11° R. Умѣренный климатъ, плодородная почва, состоящая изъ толстаго слоя наноснаго чернозема, лѣсъ, вода, близость степи — всѣ эти данныя ставятъ здѣсь человѣка въ самыя благопріятныя условія, и его прилежная рука съ большою легкостью можетъ извлечь изъ всего ему предоставленнаго гораздо больше того, что ему необходимо для насущныхъ жизненныхъ потребностей.

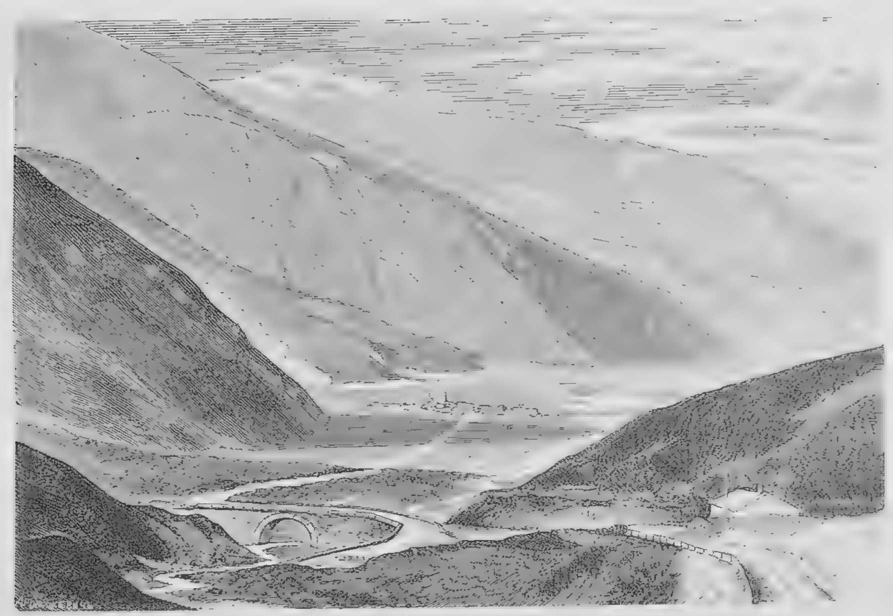

Обвалъ въ долинѣ Терека. Картина профессора И. К. Айвазовскаго.

Но все это исчезаетъ со вступленіемъ въ Дарьяльское ущелье. Мы окинемъ его взоромъ съ почтовой тележки, въ которой лихая тройка мчитъ насъ по гладко-шоссированной дорогѣ къ Казбеку и въ виноградную Грузію. Еще широка горная пасть, изъ которой р. Терекъ

бѣшенымъ потокомъ вырывается въ долину; еще склоны лѣваго берега его такъ просторны, что не представляютъ непреодолимыхъ препятствій постройкѣ широкой военно-грузинской дороги. Но скоро выростаютъ изъ земли крутыя, темно-бурыя скалы, все болѣе и болѣе съуживающія ущелье. Между станціями Балтой и Ларсомъ боковыя стѣны тѣснины уже мѣстами представляютъ обрывы, значительной высоты придвинутые такъ близко одинъ къ другому, что образуютъ для пѣнящагося Терека самое узкое русло. Разработка дороги въ этихъ скалахъ стоила неимовѣрныхъ усилій и осуществлена только съ помощью пороха. Наклонъ долины видимо увеличивается. Отъ Владикавказа до восточной подошвы Казбека, на разстояніи 58 верстъ, вертикальный подъемъ долины составляетъ болѣе 3300 фут., такъ какъ станція того же имени стоитъ на высотѣ 5681 фута надъ уровнемъ моря.

Чрезвычайно угрюмый видъ имѣютъ скалы, раскинутыя по обоимъ берегамъ Те-

Селеніе Коби.

река, который, ударяясь объ утесы, стѣсняющіе его теченіе, высоко разбрасываетъ во всѣ стороны свои брызги. Эти утесы лишены почти всякой растительности; только тамъ и сямъ изъ трещинъ ихъ выглядываютъ подушко-образныя скопленія колокольчиковъ (Campanula) или гвоздикъ (Silene), и изрѣдка попадается видъ крушины (Rhamnus Pallasii), отличающійся древесиной рѣдкой твердости. Новая дорога проложена по высокому и крутому лѣвому берегу Терека; прежде она шла по противоположной сторонѣ. На этомъ пространствѣ вершина Казбека показывается только одинъ разъ, проглядывая изъ одного боковаго ущелья, какъ это видно на приложенномъ рисункѣ.

Звонъ почтоваго колокольчика вызываетъ громкій отголосокъ. Предъ нами вспархиваютъ снѣговые зяблики. Внизу, на берегу Терека, гдѣ сочится снѣговая вода, сидитъ водяной дроздъ, высматривающій насѣкомыхъ. Остается еще проѣхать нѣсколько верстъ — и первая цѣль нашего путешествія, станція Казбекъ, достигнута. Намъ улыбается счастье: исполинъ не имѣетъ шапки. На просторной станціи, стоящей насупротивъ Казбека, насъ ожидаетъ комфортъ не такого сомнительнаго свойства, какой встрѣчается на большей части почтовыхъ станцій въ Россіи. Строители военно-грузинской дороги, заботясь о самыхъ существенныхъ потребностяхъ путешественниковъ въ кавказскомъ высокогорьѣ, не щадили издержекъ и ознаменовали себя

сооруженіемъ помѣстительныхъ и прочныхъ станцій изъ обтесаннаго трахита. Инниціатива по проложенію шоссированной военно-грузинской дороги, которая была окончена постройкою въ 1861 году, подъ наблюденіемъ Альбранта, принадлежитъ князю Барятинскому.

Услужливый Еврей встрѣчаетъ насъ здѣсь въ качествѣ хозяина. Если мы не слишкомъ требовательны, то найдемъ, за относительно-умѣренную плату, сносныя удобства: Терекъ снабдитъ нашъ столъ превосходною форелью; изъ близкихъ горъ мы можемъ, подчасъ, имѣть вкусное жаркое жирнаго тура. Даже англійскій портеръ проложилъ себѣ сюда дорогу изъ дальняго Сѣвера.

Къ западу отъ станціи, за узкой разсѣлиной Терека, открывается видъ на восточный фасадъ Казбека. Взоръ нашъ на нѣсколько мгновеній останавливается на прекрасной осиновой рощѣ, растущей здѣсь на высотѣ 6000 фут. надъ уровнемъ моря; затѣмъ взоръ поднимается все выше и выше, обнимаетъ область осыпей и останавливается, наконецъ, на усѣченной вершинѣ исполина, покрытой снѣгомъ. Безмолвно покоится онъ предъ нами: легкія облака волнуются вокругъ него; съ запада косвенные лучи заходящаго солнца золотятъ его вершину. — Ближе къ намъ, нѣсколько къ югу, стоитъ на предгорьѣ одинокая Стефано-цминдская церковь, которая въ августѣ мѣсяцѣ привлекаетъ на поклоненіе большое число богомольцевъ.

Кромѣ тѣхъ трехъ Англичанъ, которые взошли на вершины Эльборуса, до сихъ поръ никому еще не удалось подняться на вершину Казбека, достигающаго 16546 фут. высоты. Они говорятъ объ этомъ слѣдующее:

«30 іюня 1868 года—выступленіе для восхожденія на Казбекъ. Подъемъ по ущелью насупротивъ станціи незначительный. 6 часовъ ходьбы до послѣднихъ утесовъ съ лѣвой стороны глетчера. До незначительнаго углубленія между главною вершиною и другою, къ западу отъ нея лежащею, и оттуда прямо къ вершинѣ $9^1/_4$ часовъ. Обратный путь—по сѣверному склону къ Дарьяльской дорогѣ и бивуакъ ($7^1/_2$ часовъ) у пастуховъ въ ущельѣ, которое верстахъ въ восьми отъ Казбекской станціи выходитъ въ главную долину Терека. Отъ палатки до высоты 14800 футовъ нѣтъ никакихъ препятствій; далѣе (до 16200 фут.) — крутая и опасная стѣна, преодолѣть которую стоило намъ 4-часоваго труда. Оттуда до вершины легко. Нисхожденіе по сѣверному склону не трудно, но путь длиненъ, и приходится дѣлать большой крюкъ.»

Не могу распроститься съ Казбекомъ и продолжать путешествіе къ югу, не ознакомивъ читателя съ зимнею природою Кавказскаго высокогорья. Въ ноябрѣ 1868 года я охотился тамъ на туровъ и записалъ у Казбека слѣдующею сцену.

Къ концу ноября мѣсяца, послѣ ясныхъ дней, стоявшихъ продолжительное время, здѣсь обыкновенно разражается первая зимняя непогода. Болтливыя альпійскія галки превосходно пророчатъ перемѣну погоды. Когда онѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ подъ вечеръ слетаются въ деревню Казбекъ и оглушаютъ своимъ крикомъ окрестности, пугливо суетятся взадъ и впередъ по оживленной почтовой дорогѣ, тогда — конецъ яснымъ днямъ, и что-то недоброе готовится въ горахъ. При закатѣ солнца ледяной колпакъ Казбека принимаетъ блѣдный колоритъ. Хотя облака и не волнуются въ измѣнчивой игрѣ вокругъ его вершины, однако небо имѣетъ какой-то однообразный, бѣлый цвѣтъ и зловѣщая тишина воздуха производитъ гнетущее ощущеніе, несмотря на то, что горы не покрыты тучами. — Надъ живописными зубчатыми утесами, раскинутыми огромной дугой къ сѣверо-востоку отъ станціи и представляющими отвѣсы въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты, небесный сводъ не усѣянъ сіяющими звѣздами. Эти утесы — эльдорадо любителей турьей охоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно опасны для нихъ. Они играютъ роль въ большей части разсказовъ охотниковъ о несчастіяхъ, постигшихъ ихъ товарищей. Уже въ эту ночь зима можетъ покрыть горы своимъ бѣлымъ, снѣговымъ саваномъ, и грустныя думы терзаютъ, сидящихъ въ хижинѣ у трескучаго костра, родныхъ того смѣлаго охотника, который не по своей волѣ еще не успѣлъ возвратиться

къ родному очагу. Снѣжные хлопья, которые здѣсь обыкновенно очень велики, начинаютъ падать; они падаютъ все чаще и чаще, всю ночь и весь слѣдующій день. Затѣмъ все стихаетъ. Если, вдобавокъ, у Крестовой горы упали завалы и, загородивъ дорогу, прекратили оживленное сообщеніе между Сѣвернымъ Кавказомъ и Закавказскимъ краемъ, тогда даже пріятный звонъ колокольчика почтовой тройки не нарушаетъ болѣе этой мертвой тишины. Молчаливо сидитъ на берегу Терека, на гладкомъ валунѣ, водяной дроздъ, который такъ охотно поетъ въ солнечные зимніе дни. Кусты облѣпихи покрыты тяжелымъ слоемъ снѣга и приняли видъ широкихъ щетокъ. Еще вѣтеръ съ нихъ не стряхнулъ снѣга. Альпійскій жаворонокъ и подорожникъ отыскиваютъ дворовыя мѣста горныхъ грузинскихъ хижинъ и альпійскія галки собираются въ большія стаи.

Уборку выпавшаго снѣга принимаютъ на себя сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры. Снѣгъ пересталъ идти... Внизу въ долинѣ еще тихо, но на вершинѣ горъ вьюга, какъ видно, ожесточенно бушуетъ. Съ неба хотя еще не сошла густая бѣлизна, но она рѣдѣетъ все болѣе и болѣе. Повременамъ на небѣ показываются мѣста, имѣющія синеватый цвѣтъ снятаго молока; тамъ и сямъ пробивается даже небесная синева, и тогда ясно виднѣются движенія воздуха. Около вершины Казбека мчатся тучи, и повременамъ изъ нихъ выступаетъ шапка исполина. Все сильнѣе и сильнѣе свирѣпствуетъ наверху мятель. Это видно снизу, если всмотрѣться въ гребни горъ. Отвлекаемыя вѣтромъ глыбы отвердѣвшаго снѣга разбиваются о зубцы и пики скалъ въ мельчайшую, кристаллическую пыль. Небо, послѣ длившейся нѣсколько часовъ вьюги, проясняется, солнце начинаетъ согрѣвать долину, и гребни горъ точно дымятся по вѣтру. Только къ вечеру вполнѣ ясно обрисовываются очертанія вершинъ, зардѣвшихъ отъ краткаго прощальнаго поцѣлуя заходящаго солнца. Въ тѣснинахъ уже водворилась ночь. На горныхъ вершинахъ исчезаютъ послѣдніе, фіолетоваго цвѣта нѣжные оттѣнки, и Кавказское высокогорье, съ его фирновымъ и ледянымъ міромъ, надъ которымъ разстилается голубой сводъ неба, лежитъ предъ нами въ томъ блѣдномъ и мертвомъ видѣ, котораго величіе невольно наполняетъ душу тоскою. Это — та неизвѣстная страна, въ которую человѣка влечетъ или святое стремленіе служить цѣлямъ науки, или же глубоко таившееся въ его душѣ влеченіе узрѣть невиданное, но предчувствуемое.

Прежде чѣмъ двинуться на югъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о представляющихся намъ здѣсь геологическихъ явленіяхъ. Порядокъ, въ которомъ расположены формаціи отъ Владикавказа до Казбека и дальше до южной подошвы главнаго горнаго хребта, слѣдующій: къ степной почвѣ четверичнаго образованія прилегаетъ узкая зона обоихъ мѣловыхъ этажей до Владикавказа съ южной его стороны, распространенная не дальше лѣваго берега Терека. Затѣмъ слѣдуютъ, пересѣкаемые Терекомъ, мощные пласты верхняго и нижняго юрскаго образованія. Къ нимъ присоединяются первоначально палеозоическій сланецъ, а затѣмъ гранитныя породы. Наконецъ слѣдуютъ произведенія вулканическаго дѣйствія Казбека: ноздреватые трахиты, которые дальше къ югу пересѣкаютъ обширную зону палеозоическаго сланца. Послѣдній тянется до полупути между станціями: Пассанауромъ и Анануромъ, и смѣняется нижней юрой. Отъ Анапура до Тифлиса расположены міоценовыя, третичныя и четверичныя отложенія.

Мы торопимся... Стремглавъ пробѣгаетъ тройка равнину Коби. Верхняя долина Терека здѣсь значительно расширяется; слѣва и справа съ нею соединяются широкія, боковыя долины. Все, что здѣсь сооружено человѣкомъ, кажется ничтожнымъ въ сравненіи съ величественными размѣрами окрестныхъ горъ. Лѣтомъ здѣсь гнѣздятся на высокихъ скалахъ снѣговые зяблики, и альпійскія ласточки разсѣкаютъ воздухъ быстрымъ полетомъ. Крутизна подъема увеличивается. Отъ Коби (6500 фут.) до перевала на Крестовой горѣ мы должны подняться на 8000 фут. надъ уровнемъ моря. Высокогорье — пустынно. На боковыхъ склонахъ горъ — надгорные луга. Въ глубокой тѣснинѣ Терекъ бушуетъ необузданно. Мы достигаемъ области заваловъ. Рѣдкая зима не требуетъ здѣсь своихъ жертвъ. Устройство тунелей должно было бы

устранить это зло. На этомъ пространствѣ стоятъ казармы, выстроенныя для рабочихъ, почти всю зиму безъ отдыха занятыхъ расчисткою дороги. Теперь мы проѣзжаемъ область террасообразно-нисходящихъ известковыхъ осадковъ, образовывающихся въ теченіе времени изъ холодныхъ ключей. Слѣдуя по многочисленнымъ извилинамъ военно-грузинской дороги, мы постепенно достигаемъ нѣсколько выпуклаго перевала, имѣющаго 8000 фут. высоты. Уже обрисовываются на горизонтѣ очертанія Закавказскихъ горъ. Прежде всего взорамъ нашимъ представляются, лежащіе съ правой стороны отъ насъ, боковые склоны Чортовой долины. Дорога проходитъ высоко, съ лѣвой стороны именно этой самой долины. Внизу, на глубинѣ болѣе 2000 футовъ, бѣжитъ съ быстротою стрѣлы пѣнящаяся Арагва. Кто подверженъ головокруженію, тотъ долженъ закрыть глаза: влѣво отъ дороги — высочайшія, совершенно отвѣсныя скалы, вправо — пропасть, съ неменѣе крутыми отвѣсами; словомъ — мы здѣсь точно паримъ между небомъ и землею.

Чортова долина.

Гудаурская станція достигнута. 7327 футовъ абсолютной высоты; средняя годичная температура 4°,3° R.; средняя лѣтняя температура 12°,7° R.; морозы доходятъ до — 17° R.; годичное количество выпадающаго дождя составляетъ около 136 миллиметровъ.

Въ почтовую телегу впрягаютъ для насъ только одну лошадь; дорога идетъ все подъ-гору. Скоро мы видимъ первые кусты понтійской азаліи. На покатостяхъ, лежащихъ по ту сторону Чортовой долины, береза обозначаетъ предѣльную черту распространенія лѣсной растительности, но горскій Грузинъ сѣетъ на большей еще высотѣ ячмень. Маленькія деревушки этихъ людей лѣпятся, наподобіе гнѣздъ ласточки, высоко на крутизнахъ. Глубоко въ долинѣ вырисовывается Млетская станція. Съ правой стороны отъ насъ несется въ Арагву съ значительной высоты боковаго склона долины большой горный потокъ.

Свободными и внѣ опасности мы чувствуемъ себя только послѣ того, какъ переѣхали мостъ, перекинутый черезъ Арагву. Всѣ ужасы высокогорья лежатъ позади насъ. Передъ нами раз-

стилается долина Арагвы. Хотя здѣсь боковые склоны ея еще лишены лѣса, но зато она вездѣ покрыта свѣжею зеленью надгорныхъ луговъ. Живописно выдаются изъ этой зелени небольшіе жилые домики, обыкновенно осѣненные группами деревьевъ или стоящіе вблизи тщательно сберегаемой священной рощи. Только начиная съ Пассанаурской станціи (3450 фут. надъ уровн. моря) крутые, поперечные горные хребты съ правой и лѣвой стороны все еще узкой долины Арагвы покрыты сплошнымъ, лиственнымъ лѣсомъ, а черезъ станцію, у Ананура (2700 фут. надъ уровнемъ моря), изъ пышныхъ виноградныхъ садовъ выглядываютъ шарообразныя раскидистыя кроны грецкихъ орѣховъ (Juglans).

Останемся въ долинѣ Арагвы и оставимъ въ сторонѣ Душетскую возвышенность, по которой пролегаетъ почтовый трактъ. Ширина потока увеличивается. Часто развѣтвляясь, онъ образуетъ острова, поросшіе кустарникомъ, въ которомъ водятся горлицы и фазаны. Мы прошли плодородную Цалканскую долину. На той сторонѣ Арагвы къ ней нисходятъ лѣсистые

Станція Гудауръ (военно-грузинская дорога).

западные склоны Сагурамскихъ горъ. Остается еще перейти чрезъ заграждающее намъ дорогу горное ребро, на которомъ стоятъ развалины древнихъ башенъ, и мы достигаемъ Мцхета. Въ стратегическомъ отношеніи это мѣсто, гдѣ въ вѣковой церкви покоятся предки грузинскихъ царей, выбрано удачно. Монументальная церковь — памятникъ минувшаго величія — стоитъ тамъ, гдѣ Кура, прорывающаяся съ запада чрезъ тѣсное ущелье, принимаетъ въ себя прозрачныя воды текущей съ сѣвера Арагвы. Недалеко отъ церкви, гдѣ нынѣ грузинскій плугъ, запряженный 12 — 14 парами воловъ, бороздитъ почву для посѣва хлѣба, погребены въ каменныхъ склепахъ давно исчезнувшія поколѣнія, которыхъ богатыя украшенія убѣдительнѣйшимъ образомъ напоминаютъ эпоху понтійскихъ царей.

Въ заключеніе вступимъ еще разъ на высокогорье Большаго Кавказа къ востоку отъ Казбека и углубимся въ мѣстности, обитаемыя рыцарственными Хевсурами и Тушинами. Эти горныя области лежатъ непосредственно къ западу отъ Дагестана, и мы войдемъ туда съ сѣверной стороны.

Тамъ внизу, въ долинѣ Аргуни, на лѣвомъ ея берегу, стоитъ, прислонясь къ скалѣ, высоко-поднимающейся къ облакамъ, крайняя восточная хевсурская деревня Шатиль. Жители ея, хотя и дики, пользуются славою необыкновенной храбрости. Эта горсть людей (община состоитъ всего изъ 38 домовъ), въ 1852 году, не только отразила набѣгъ дагестанца Ахверди-Магома, съ его тысячнымъ скопищемъ, но и обратила въ бѣгство сильнаго непріятеля, умертвивъ самого предводителя. О житьѣ-бытьѣ этихъ одичалыхъ христіанъ высокогорья я буду говорить особо; теперь мы оставимъ за собою ихъ разбойничьи замки и поднимемся на лѣвый береговой

склонъ Аргуни. Дорога ведетъ въ область вороватаго племени Кистинъ. Достигнувъ гребня хребта, мы находимся на высотѣ 6000 фут. надъ поверхностью моря и можемъ обозрѣть лежащую отъ насъ къ сѣверо-востоку Дагестанскую область. Хотя мы видимъ только сѣверную ея половину, но и въ этой половинѣ обнаженные горные кряжи представляютъ, въ отношеніи направленія ихъ поднятія, преобладающій параллелизмъ. Отсюда мы поворачиваемъ назадъ. Лошади переносятъ насъ вбродъ чрезъ стремительный Аргунь, и мы стоимъ предъ Анаторской скалою, отвѣсно обрывающейся въ волны горнаго потока. Сбоку, по болѣе отлогому склону, мы взбираемся на вершину этой скалы. Тамъ стоятъ усыпальницы Хевсуръ; тамъ раздается шумъ священныхъ рощъ, въ которыхъ считаются неприкосновенными не только деревья, но и залетѣвшая туда дичь. Усыпальницы, тщательно-сложенныя изъ сланцевыхъ плитъ, имѣютъ съ одной стороны отверстіе, чрезъ которое когда-то вносились предки Хевсуръ

Крѣпость Анануръ.

для вѣчнаго успокоенія. Заглянемъ въ одно изъ такихъ отверстій, остающееся и нынѣ незакрытымъ. Рядами сидятъ тамъ на каменныхъ скамьяхъ скелеты, полуразрушенные временемъ и частью упавшіе. Черепъ одного свалился на ноги сидящаго рядомъ сосѣда. Въ грубо сколоченной колыбели покоится прахъ преждевременно усопшаго отрока хевсурскаго племени,— этого самаго своеобразнаго изъ всѣхъ горскихъ племенъ Кавказа.

Это мѣсто служитъ исходною точкою послѣдняго путешествія нашего въ кавказское высокогорье. Изъ долины Ардотисъ-цкали мы поднимаемся вверхъ. Путешествіе вначалѣ не трудно, если только путь не загражденъ сплывшею съ горъ грязью или землянымн завалами. Мѣстность безлюдна. Лиственный лѣсъ покрываетъ крутые склоны горъ. Недалеко приходится идти, чтобы достигнуть отвѣсныхъ скалъ, на которыхъ возвышаются надъ долиною развалины и башни селенія Муцо. Бурливо прорывается р. Ардотисъ-цкали чрезъ стѣсняющія его теченіе скалы. Подъемъ увеличивается все болѣе и болѣе. Высокоствольный лѣсъ исчезаетъ, но кустарники лѣснаго орѣшника и разныхъ видовъ жимолости (Lonicera) растутъ еще пышно.

На сѣверной сторонѣ круто подымающагося поперечнаго горнаго ребра виднѣется высоколежащее хевсурское селеніе Ардоти. Надъ селеніемъ господствуетъ бѣлый православный храмъ, рѣзко-выдающійся изъ среды черныхъ сланцевыхъ построекъ. Эта церковъ выстроена «Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ», но обращеніе дикихъ сыновъ горъ идетъ здѣсь очень туго. Въ Ардоти мы дѣлаемъ привалъ и приготовляемся для предстоящаго намъ перехода чрезъ перевалъ Ацунты, за которымъ лежитъ область Тушинъ. Неимовѣрно труденъ этотъ переходъ, пролегающій къ югу отъ горы Тебулосъ-мта, достигающей 14800 фут. высоты. Все приготовлено къ отъѣзду. Подвигаться впередъ мы вынуждены по долинѣ Ардотисъ-цкали, гдѣ еще въ области высокоствольнаго лѣса начинаются безчисленные извороты то налѣво, то направо, ведущіе на гребень Хидотанскихъ горъ. Преодолѣвъ подъемъ, мы видимъ съ гребня хребта выдвинутыя далеко на сѣверъ горы Ацунты съ ихъ избороздеными главными вер-

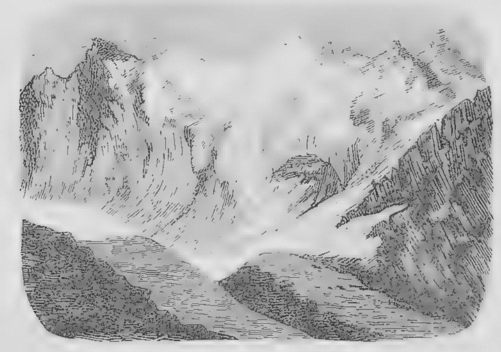

Михетъ.

шинами, изъ которыхъ выше всѣхъ возносится Тебулосъ-мта. Отправимся далѣе. У нашихъ ногъ, въ глубокой долинѣ, буйно несется по черному шиферному руслу ручей Хоросхо. На береговыхъ его выгонахъ, скудно покрытыхъ травою, бродятъ тушинскіе бараны. На высотѣ 10000 фут. надъ уровнемъ моря вступаемъ мы въ область зарослей рододендрона. Нѣсколько ниже стоятъ разбитые градомъ кусты чемерицы (Veratrum). Толстые, похожіе на кожу, листья кавказской альпійской розы устояли противъ ударовъ градинъ, но нѣжные и крупные ея желтоватые цвѣты совершенно побиты. Все ближе и ближе подходимъ мы къ перевалу. Чернымъ, узкимъ пятномъ вырѣзывается онъ изъ снѣга, покрывающаго высокіе зубцы Ацунты. Мы уже слѣдуемъ по зыбучей сланцевой осыпи; уже растительная жизнь группируется въ островки наподобіе миніатюрныхъ оазисовъ, раскинутыхъ по сланцевымъ пустынямъ. Достигнувъ подножья Ацунты, мы нѣсколько отдыхаемъ. Лошади тяжело дышатъ. Трудный подъемъ къ перевалу лежитъ непосредственно предъ нами, и мы приступаемъ къ восхожденію. Круто

спадающій склонъ покрытъ мелкою осыпью, не представляющей достаточной опоры для ногъ. Желая подвинуться по сыпучему грунту впередъ, тотчасъ-же съѣзжаешь внизъ со всею, пришедшею въ движеніе, массою. Подвинувшись шаговъ двадцать впередъ, мы отдыхаемъ, подкрѣпляемъ свои силы глоткомъ краснаго вина и снова начинаемъ борьбу. Вечеромъ мы, наконецъ, достигаемъ перевала. Къ востоку открывается видъ на глубокую долину Перикетильской Алазани, съ альпійскими лугами на высокихъ склонахъ ея, на которыхъ мирно пасутся стада.

Пора закончить. Углубляясь въ восточномъ направленіи въ Тушинскія горы и достигнувъ селенія Дартло, еще разъ можно обозрѣть величественный альпійскій ландшафтъ Большаго Кавказа. Къ сѣверу подымается до 14000 фут. абсолютной высоты вершина Квавлосъ-мта, рисунокъ которой здѣсь приложенъ. Она замыкаетъ горный гребень, расположенный отъ запада къ востоку, о которомъ мы выше говорили. Съ ледяной вершины Квавлосъ-мта взоръ переносится въ гористый Дагестанъ, гдѣ болѣе другихъ высотъ бросается въ глаза покрытый снѣгомъ горный массивъ Богосъ. Къ югу-же кругозоръ замыкаютъ Кахетинскіе лѣса, очерчиваясь нѣжными линіями на дальнемъ горизонтѣ.

Квавлосъ-мта.

ОЧЕРКЪ III.

МАЛЫЙ КАВКАЗЪ.

Орографическій и гидрографическій характеръ Малаго Кавказа въ противоположность съ Большимъ Кавказомъ.—Горная область истоковъ Чороха.—Водораздѣльный Арсіанскій хребетъ.—Верхняя Аджарія и ея природа.—Трудности путешествія.—Вершина [illegible] и аджаро-имеретинскій водораздѣлъ.—Настоящая окраина Высокой Арменіи.—Южный истокъ Куры. Ардаганская равнина и городъ Ардаганъ.—Прорывъ Куры чрезъ горную окраину.—[illegible] пещеры.—Внизъ по долинѣ Куры.—Хертвисъ.—Ацхуръ.—Боржомъ, его минеральныя воды и его растительный міръ.—Отличіе сѣверныхъ склоновъ горныхъ хребтовъ отъ южныхъ.—Условія, тормозящія культуру.—Затрудненія, встрѣчаемыя [illegible].—Вечеръ въ „залѣ минеральныхъ водъ".—Экскурсія въ Тимотисубани чрезъ Цагвери.—На озеро [illegible].—По Сурамской равнинѣ въ Гори. Вдоль Тріалетскаго горнаго хребта въ Мцхетъ и Тифлисъ.—Вступленіе въ широкую полосу и въ низовья Куры.—Въ долину Агстафы.—По этой долинѣ къ озеру Гокча.—Обозрѣніе озера.—Севангскій монастырь.—Растительность среди лѣта.—Оба Арарата.—Культурный центръ въ долинѣ Аракса.—Искусственное орошеніе.—Контрасты природы въ области Арарата.—Сообщенія с жителями Эривани.—Лѣтній вечеръ въ долинѣ Аракса насупротивъ Арарата.—Курды на [illegible] перевалѣ. На озеро [illegible].—Холодная лѣтняя ночь.—На сѣверной сторонѣ Арарата до высоты [illegible] фут. надъ уровнемъ моря.—Другія восхожденія на Араратъ.—Парротъ.—Абихъ.—[illegible].

«Роскошной Грузіи долины
«Ковромъ раскинулись вдали.
«Счастливый пышный край земли!»
ЛЕРМОНТОВЪ, «ДЕМОНЪ».

Въ сравненіи съ только-что описаннымъ Большимъ Кавказомъ, Малый или Анти-Кавказъ представляетъ въ орографическомъ отношеніи самую рѣзкую противоположность. Первый изъ нихъ — *горный гребень* и *безпрерывная горная цѣпь*, второй-же сохраняетъ на всемъ значительномъ протяженіи своемъ, имѣя направленіе отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, характеръ *горной окраины*. Къ югу отъ него разстилается плоскогорье Высокой Арменіи, которое, постепенно повышаясь, образуетъ водораздѣльный хребетъ между Евфратомъ и Араксомъ и имѣетъ свои кульминаціонныя вершины въ оси поднятія обоихъ Араратовъ. Изъ Большаго Кавказа вытекаетъ множество обильныхъ водою ручьевъ, отчасти настоящихъ ледниковыхъ потоковъ, стремительно низвергающихся съ горъ и умѣряющихъ быстроту своего теченія только въ низовьяхъ; верхніе же истоки р.р. Куры, Аракса, Евфрата и Мурада, берущіе начало на Армянскомъ плоскогорьѣ, долго пребываютъ въ своей колыбели. Вяло и лѣниво текутъ они, нерѣдко почти совершенно останавливаясь и принимая видъ болотныхъ лужъ, до края плоскогорья, и только здѣсь, по тѣсному, глубоко промытому ущелью, стрѣлою скатываются въ смежную равнину. Въ Большомъ Кавказѣ вулканическіе центры, прорвавшіе гранитные и сланцевые пласты, выдвинуты далеко на сѣверъ, тогда-какъ въ Маломъ Кавказѣ вулканы сравнительно

новѣйшаго періода встрѣчаются на значительномъ разстояніи къ югу отъ окраины, имѣя главными своими представителями Бинъ-гель-дагъ, Алагезъ, оба Арарата и многіе другіе, менѣе высокіе, конусы, кратеры которыхъ, и нынѣ еще распознаваемые, когда-то дышали огнемъ. У подошвы ихъ нерѣдко раскинуты значительной величины и глубины альпійскія озера, какъ, напримѣръ, лежащее на высотѣ болѣе 6,300 фут. надъ уровнемъ моря озеро Гокча или Севанга и Балыкъ-гель, высочайшее альпійское озеро Кавказа (7,400 фут.), находящееся на пространствѣ между р.р. Араксомъ и Мурадъ-чаемъ и изливающее свои воды въ Араксъ посредствомъ р. Ак-чая, которая огромною дугою обходитъ Араратъ съ южной его стороны.

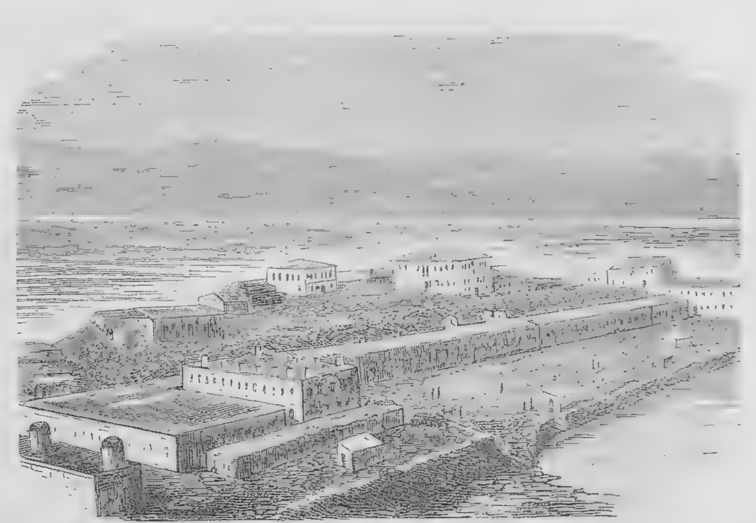
Приступимъ теперь къ обозрѣнію горныхъ хребтовъ Анти-Кавказа, начиная съ западнаго его конца. Къ востоку отъ Трепизонда береговыя высоты Понта разрастаются болѣе и болѣе. Онѣ огибаютъ дугою, заходящею далеко во внутрь материка, вилообразно-развѣтвленные истоки р. Чороха и образуютъ своимъ наиболѣе развитымъ южнымъ концомъ неудобопереходимый водораздѣлъ между Евфратомъ и Чорохомъ. Отъ берега Понта, еще въ сѣдой древности, проходила большая дорога въ Месопотамію вдоль западныхъ истоковъ Чороха, мимо высокаго Копдага, на верхній уступъ области р. Евфрата, гдѣ во время римскаго владычества стоялъ цвѣтущій торговый городъ Арс-эръ-румъ, нынѣшній Эрзерумъ. Это та именно мѣстность, на которой 10,000-ное полчище Ксенофонта жестоко пострадало отъ суровости климата и гдѣ погибла часть воиновъ Лукулла.

Карсъ.

Истоки Чороха къ югу глубоко врѣзываются въ мощно развитую горную окраину Дюмлы, южные обрывы которой спадаютъ прямо на уступъ Евфратской области, лежащей 6,400 фут. надъ уровнемъ моря. Далѣе, при поворотѣ рѣки на востокъ, выемистая къ югу дуга горнаго хребта примыкаетъ къ полуденному Арсіанскому горному хебту, который, мало-по-малу понижаясь, прилегаетъ, въ свою очередь, къ лѣсистому водораздѣлу восточныхъ истоковъ Чороха и Кобліанъ-чая.

У истоковъ р. Кобліанъ—чая, питающей Куру, мы остановимся, съ тѣмъ чтобы бросить бѣглый взглядъ на верхнюю Аджарію и ознакомиться съ природою части страны, присоединенной, послѣ войны 1877—78 годовъ, къ нашимъ владѣніямъ. Глубокія долины, окаймленныя, покрытыми густымъ лѣсомъ, боковыми склонами, надъ которыми во многихъ мѣстахъ возвышаются альпійскіе луга, между тѣмъ какъ на днѣ долины топоръ или огонь только мѣстами разрѣжали лѣсъ для скудныхъ посѣвовъ, — такова въ главныхъ чертахъ общая картина Аджаріи. Подъ благопріятнымъ вліяніемъ влажнаго, береговаго климата, лѣса произрастаютъ здѣсь съ невѣроятною силою, но они заглохли, слишкомъ густы. Въ долинахъ преобладаетъ лиственный лѣсъ, въ составъ котораго входятъ: съѣдобный каштанъ, ясень, липа, букъ, дубъ и нѣсколько видовъ клена. Не мало попадается и лѣсныхъ зерноносныхъ плодовъ и вишневыхъ деревьевъ, а около жилыхъ домовъ всегда бываетъ грецкій орѣшникъ. На горахъ лѣсъ состоитъ исключительно изъ шишконосныхъ деревьевъ, стоящихъ столь частыми рядами, что подъ ними, даже среди дня, царствуютъ благодатный полумракъ, прохлада и тишина. Кавказская пихта является въ этихъ лѣсахъ преобладающимъ деревомъ. Стволы ея достигаютъ 3 — 6 фут. въ діаметрѣ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняго размѣра деревья не составляютъ рѣдкость. Одно дерево мѣшаетъ другому. Если дерево старо, то, стѣсненныя сосѣдними деревьями, вѣтви его укорочены, повисли внизъ и скудно покрыты хвоемъ; стволъ обрастаетъ длиннымъ, бѣлымъ мхомъ, часто умираетъ на корнѣ, рыхлѣетъ, превращается въ питомникъ несмѣтнаго множества короѣдовъ (Bostrychidae) и обрушивается наконецъ, превратившись въ прахъ. Аджарцы часто срубаютъ прелестные экземпляры пихты, но вынуждены оставить ихъ на мѣстѣ, потому-что неровности почвы ставятъ непреодолимыя преграды къ ихъ вывозу. Часто цѣлые участки бора дѣлаются жертвою пожаровъ, и на такихъ мѣстахъ валяются обугленные колоссы, безпорядочно свалившись одинъ на другой. Случается, что буйный вихрь вырываетъ съ корнемъ великановъ, стоящихъ на крутыхъ склонахъ горъ. Въ этихъ лѣсахъ всегда бываетъ прохладно и тихо. Лишь изрѣдка нарушается тишина крикомъ снигиря или синицы и постукиваніями дятла, обрабатывающаго своимъ крѣпкимъ клювомъ мѣста кладки яичекъ древоѣдовъ (Xylophagae) и ловко вытаскивающаго своимъ длиннымъ, остроконечнымъ языкомъ тучныхъ личинокъ изъ-подъ коры. Здѣсь слышится явственно даже жужжаніе комара. Изъ пухлой настилки мховъ, образовавшейся на валежникѣ, выглядываютъ нѣжные цвѣтки чаровницы (Circaea) или стройные ваи папоротниковъ. Въ Аджаріи истинная пытка для путешественника — слѣдованіе чрезъ лѣса́, гдѣ нѣтъ и признаковъ дороги. Грунтъ, состоящій изъ жирной глины, размоченъ и вязокъ, и ноги вьючныхъ животныхъ оставляютъ въ немъ глубокіе слѣды. Слѣдуя другъ за другомъ, они вязнутъ до живота и, высвобождаясь силою изъ глубокихъ ямъ, забрызгиваютъ грязью. Здѣсь путешественникъ долженъ вооружиться терпѣніемъ. Валежникъ заграждаетъ ему путь на каждомъ шагу. Часто очень длинные

Ардаганъ.

дѣлать приходится обходы. Въ теченіе дня, съ неимовѣрнымъ трудомъ, можно пройти едва нѣсколько верстъ, считая по прямой линіи.

Къ сѣверу отъ названныхъ истоковъ Кобліанъ-чая возвышаются надъ массивною цѣпью, расположенною отъ запада къ востоку, вершина Ненисъ-Харо, достигающая 9,500 фут. надъ уровнемъ моря, и, нѣсколько далѣе, почти такой-же высоты вершина Пирзатъ. Обѣ вершины принадлежатъ къ такъ-называемому ахалцихо-имеретинскому водораздѣлу, который отдѣляетъ лежащій къ сѣверу отъ него бассейнъ Ріона отъ лежащихъ къ югу верховьевъ Куры, и не имѣетъ ничего общаго съ окраиною Высокой Арменіи, пролегающей по ту сторону Куры; онъ подходитъ близко къ лѣвому берегу Куры у Боржомскаго ущелья и соединяется у западнаго угла Сурамской равнины съ полуденнымъ Месхійскимъ хребтомъ, о которомъ уже было сказано выше.

Крѣпость Ацкуръ.

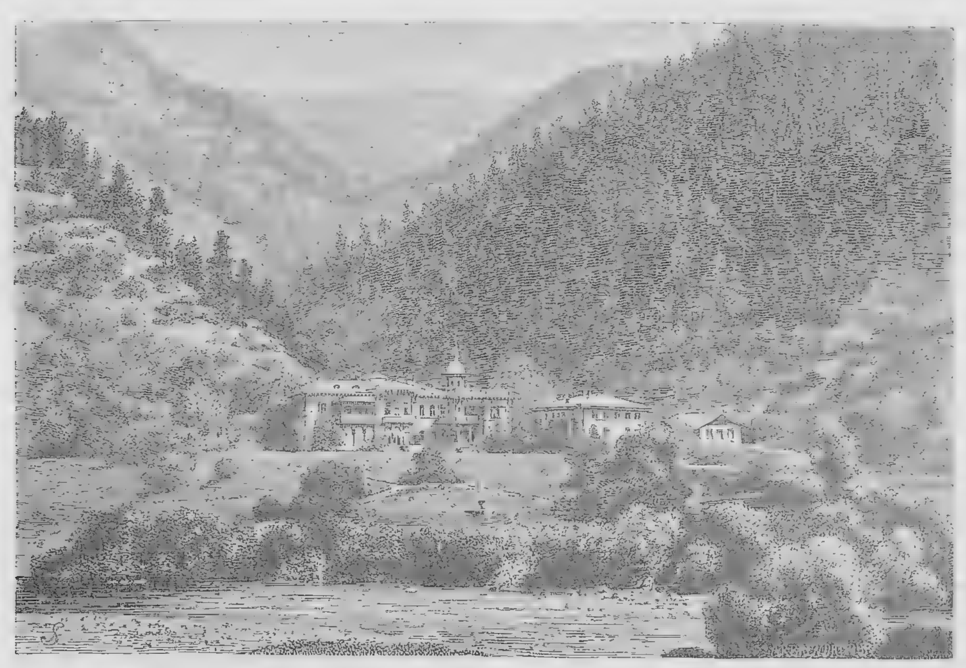
Тамъ-же, къ югу отъ Арсіанскаго горнаго хребта, мы находимся на высотѣ горной окраины, постепенно понижающейся и дающей изъ отлогихъ своихъ поперечныхъ долинъ новую пищу истокамъ р. Куры.

Прослѣдимъ бѣгло верхнюю окраину возвышенности, составляющей водораздѣлъ между р.р. Араксомъ и Курой и круто обрывающейся къ сѣверу. Къ востоку отъ Арсіанскаго хребта она огибаетъ вогнутою къ югу дугою истоки р. Поцховъ-чая и опоясываетъ крайнимъ восточнымъ концомъ своимъ просторное Ахалкалакское плоскогорье, на которомъ изъ соединенныхъ бассейновъ — оз. Топаровань, Туманъ-гель и Ханчали-гель — образуется значительный притокъ р. Куры, впадающій въ нее съ правой стороны, у живописно расположеннаго селенія Хертисъ. Уже въ передней части возвышенности, ограничивающей только-что помянутое плоскогорье, рельефно выражается характеръ окраинъ Анти-Кавказа, неизмѣнно сохраняющійся и къ востоку отъ оз. Топаровань; правые притоки р. Куры низвергаются изъ короткихъ, крутыхъ поперечныхъ долинъ. Орографическій характеръ усложняется только по

ту сторону оз. Гокчи, гдѣ къ востоку, полуденная Карабагская цѣпь ставитъ предѣлъ плоскогорью. Въ главномъ направленіи своемъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку Анти-Кавказъ слѣдуетъ Большому Кавказу.

Возвратимся теперь къ истокамъ р. Куры (Cyrus у древнихъ), чтобы изслѣдовать развитіе этой рѣки отъ самой ея колыбели. Она составляется изъ двухъ истоковъ. Изъ нихъ южный находится на пустынной равнинѣ, къ югу отъ Ардагана, пересѣченной широкими горными гребнями, заключающими въ себѣ рядъ неглубокихъ, параллельныхъ долинъ. Къ сѣверу отъ Карса эта равнина внезапно обрывается, опредѣляетъ своими вулканическими обрывами теченіе р. Карсъ-чая и составляетъ естественные форты знаменитой крѣпости.

Въ одной изъ упомянутыхъ пустынныхъ, корытообразныхъ долинъ, на высотѣ 6,642 фут. надъ уровнемъ моря, широкою, прозрачною струею бьетъ изъ щели трахитовой скалы Мард-

Боржомскій дворецъ.

жанъ-су (коралловая вода), начало р. Куры. Но, тотчасъ послѣ своего выхода, она лишается свободнаго движенія. Медленно течетъ она чрезъ болотистую мѣстность къ западу, принимаетъ въ себя съ юга водообильную р. Каинъ-чай и выходитъ, прорѣзавшись чрезъ незначительныя преграды, на вторую равнину, гдѣ теченіе ея также вяло. Сдѣлавъ огромною дугою поворотъ отъ юга къ сѣверу, мимо восточной стороны горнаго хребта Канлы, отдѣляющаго р.р. Куру и Олты-чай отъ Чороха, она выходитъ на обширную Ардаганскую равнину гдѣ направляетъ свое теченіе отъ запада къ востоку, оставаясь все еще на высотѣ 5,400 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь р. Кура имѣетъ много притоковъ, выходящихъ изъ покрытаго рослымъ сосновымъ лѣсомъ склона Канлы и имѣющихъ общее названіе Гелы. Извиваясь безчисленными изворотами, вода р. Куры запруживается здѣсь въ такой степени, что обратила заднюю часть Ардаганской равнины въ болото, поросшее осокой и тростникомъ.

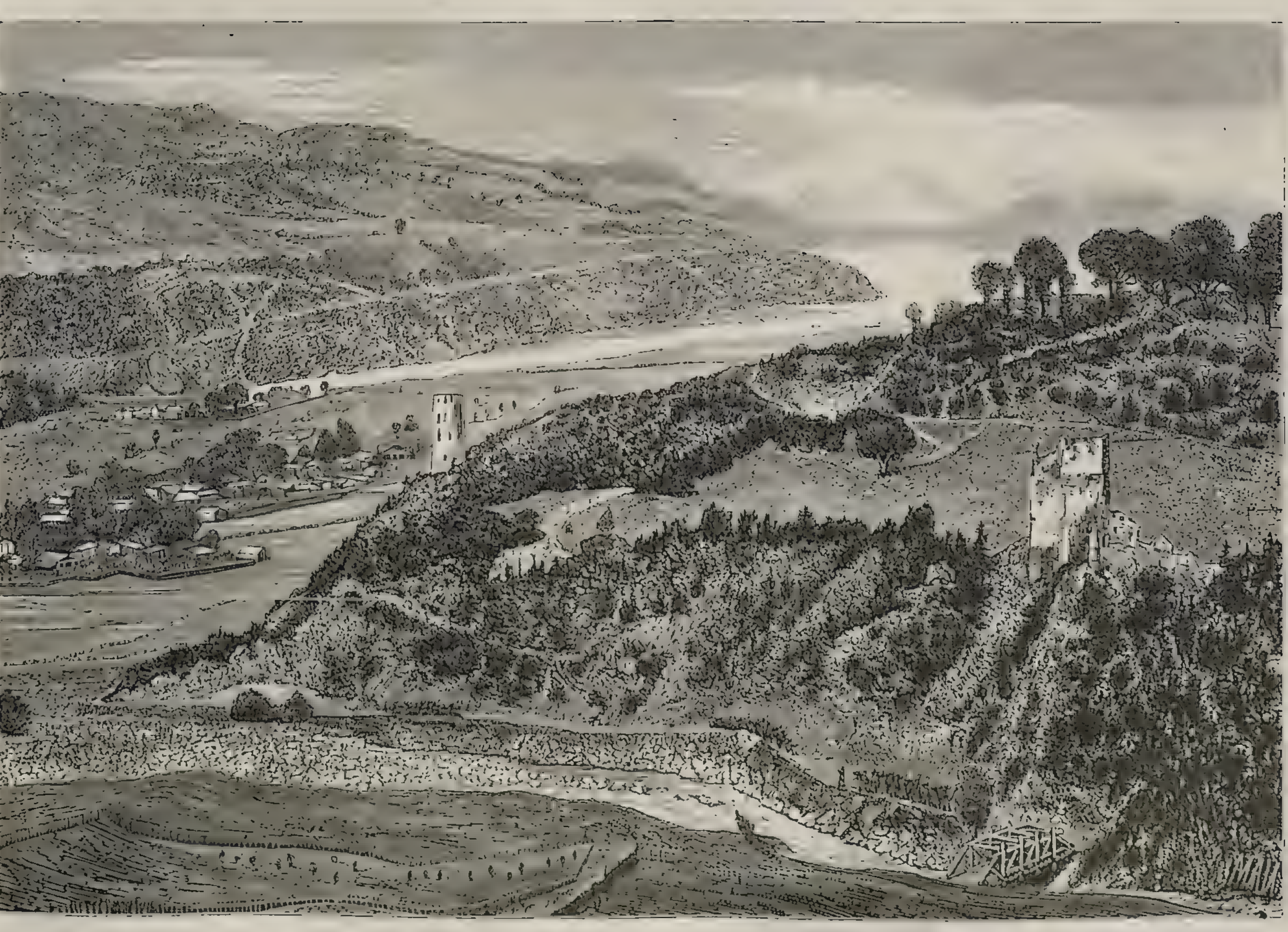
На Ардаганской равнинѣ хорошо произрастаютъ сѣверные зерновые хлѣба. До послѣдней войны она была густо населена. Въ западномъ углу ея мы видѣли среди богатыхъ нивъ и луговъ множество большихъ селеній, лѣтомъ, впрочемъ, пустѣющихъ. Жители ихъ перекочевы-

ваютъ съ своими стадами на ближайшіе яйлаги (горныя пастьбища), находящіеся на склонахъ г.г. Канлы и Арсіана. На восточномъ концѣ съуживающейся здѣсь равнины, тамъ, гдѣ послѣднее ребро безлѣснаго Арсіанскаго хребта выдвигается къ юго-востоку, стоитъ укрѣпленный городъ Ардаганъ. Съ бастіона его 5 мая 1877-го года въ послѣдній разъ развѣвался флагъ съ изображеніемъ полумѣсяца. До войны жили тамъ разнаго рода барышники-армяне и каймакамъ (областной начальникъ). Первый предметъ для торговли составлялъ лѣсъ съ горъ Канлы. Въ самомъ мѣстечкѣ гнѣздились аисты. Когда я, на исходѣ шестидесятыхъ годовъ, въ первый разъ посѣтилъ Ардаганъ, тамъ стояла небольшая команда заптіевъ, назначенная охранять внутреннее спокойствіе. Но уже въ 1874-мъ году въ этой крѣпости оказались большія казармы, сооруженныя изъ валяющихся подъ рукою глыбъ черной лавы и туфа. Каймакамъ принялъ меня уже не съ прежнею предупредительностью и не предложилъ даже прохладительнаго напитка, трубку и кофе, что на Востокѣ служитъ выраженіемъ дружественныхъ отношеній.

У самаго города теченіе Куры встрѣтило мощную преграду въ хрупкихъ, пузырчатыхъ туфахъ кирпично-краснаго и чернаго цвѣтовъ, чрезъ которые ей легко было промыть себѣ узкое русло. Пѣнящимися каскадами скатывается она въ долину съ крутаго уступа горной окраины. Скалы справа и слѣва. Немного спустя, теченіе рѣки принимаетъ направленіе отъ запада къ югу. Въ лѣвомъ крутомъ береговомъ склонѣ мы замѣчаемъ отверстія: это—Вардцихскія пещеры. Внизу, въ долинѣ быстро текущей р. Куры, растутъ, почти безъ присмотра, виноградныя лозы. Онѣ произрастаютъ здѣсь на высотѣ 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, т. е. у крайняго предѣла ихъ культуры, и выносятъ зиму безъ прикрытія. Здѣсь представляется удобный случай составить себѣ точное понятіе о рѣзкихъ противоположностяхъ климата Высокой Арменіи по этимъ двумъ типамъ растеній: виноградникъ въ направленіи къ югу и видъ камнеломки (Saxifraga exarata) — къ сѣверу. Послѣдняя принадлежитъ къ типу нагорныхъ растеній, первый-же — къ культурнымъ растеніямъ теплаго пояса. Оба растенія встрѣчаются здѣсь по сосѣдству, что обусловливается ихъ расположеніемъ къ солнцу.

Долина рѣки все еще малолюдна. Посѣтивъ эту мѣстность, нельзя не побывать въ Вардцихскихъ пещерахъ. Эти древнія обиталища, высѣченныя, числомъ болѣе 300, въ скалѣ, представляютъ своего рода достопримѣчательности Кавказа. Съ ними никоимъ образомъ не могутъ сравняться Уплисцихскія пещеры, въ окрестности Гори, на лѣвомъ берегу р. Куры. Въ преданіяхъ о царицѣ Тамарѣ и эти интересныя сооруженія играютъ роль. Хотя можно допустить, что царица Тамара, по временамъ, проводила знойные лѣтніе дни въ Вардцихскихъ пещерахъ и, при случаѣ, даже чинила тамъ судъ и расправу, однако, постройка ихъ несомнѣнно относится къ болѣе древнему періоду.

Лѣвый отвѣсный берегъ р. Куры состоитъ изъ горизонтально или сводообразно наслоившихся пластовъ вулканическаго пепла или туфа, бѣловатаго, зеленаго и бураго цвѣтовъ. Къ нему ведетъ узкая, отлогая тропинка. На выступѣ, загораживающемъ намъ путь, подходимъ мы къ воротамъ. Прочные каменные столбы этихъ воротъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что при постройкѣ ихъ имѣлась въ виду успѣшная защита на случай осады. Узкою полосою тянется тропинка дальше. Съ правой стороны ея зіяетъ пропасть, съ лѣвой — возстаетъ высокій, почти отвѣсный склонъ. Миновавъ опасный выступъ, чрезъ который подверженному головокруженію мы не совѣтуемъ проходить, вступаемъ въ небольшую пещеру, обитаемую набожнымъ отшельникомъ, посвятившимъ жизнь служенію вѣрѣ въ уединеніи. Внѣшній воздухъ раскаленъ отъ палящаго полуденнаго солнца; въ пещерахъ-же холодный, влажный воздухъ стоитъ неподвижно. Услужливый отшельникъ водитъ насъ изъ одной пещеры въ другую. «Здѣсь, — объясняетъ онъ,— возсѣдала въ судилищѣ царица Тамара; тамъ рядомъ содержались подсудимые; въ этой часовнѣ приговореннымъ къ казни разрѣшалось сотворить послѣднюю молитву, а съ той выступающей башнеподобной амбразуры сбрасывали ихъ въ бездонную пропасть».

Видъ военно-Осетинской дороги.

Долго переходили мы изъ одной пещеры въ другую; всѣ они высѣчены въ сплотившемся вулканическомъ пеплѣ, поддающемся обработкѣ топоромъ. Въ одной изъ заднихъ, слабо освѣщенныхъ пещеръ находится бассейнъ съ превосходною водою. На дворѣ, у обрыва, бѣгаютъ на солнечномъ припекѣ цыплята благочестиваго отца-отшельника и одинокій осленокъ глодаетъ безсочный чертополохъ.

Мы отправляемся далѣе. У селенія Накалакеви, гдѣ Ахалкалакское плоскогорье къ западу обрывается къ р. Курѣ высокими кручами и гдѣ осѣдло поселились Курды, сдѣлавъ этимъ первый шагъ къ цивилизаціи, — насъ осѣняютъ широкіе вѣнцы грецкихъ орѣшниковъ. Но во всей своей красотѣ долина верховьевъ р. Куры развертывается предъ нами только у селенія Хертвиса, тамъ гдѣ истоки оз. Топаровань, слившись въ общую рѣку Ахалкалакъ-чай, стремительно протекаютъ мимо живописныхъ развалинъ стоящаго на возвышенности замка. Сочные клеве́рные луга разстилаются у подножья старѣющихъ орѣшниковъ, а въ садахъ зрѣютъ знаменитыя Хертвисскія великаны-яблоки, которыя, конечно, не удивятъ Европейца съ его утонченнымъ вкусомъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, пользуются неотъемлемой славой у туземнаго населенія. Чашка турецкаго кофе освѣжаетъ насъ. Шумно катится р. Кура къ сѣверу, принимаетъ въ себя текущій съ запада ручей Поцховъ-чай, въ свою очередь, питаемый р. Кобліанъ-чаемъ, и достигаетъ высокаго, увѣнчаннаго башнями Ацкурскаго мыса. Здѣсь, вы можете найдти все, что́ вамъ нужно, какъ туристу: исторію, романтику, красоту природы, восточный кофе и русскую почтовую станцію. Вся проза послѣдней, съ ея докучливыми мухами и дорогою водкой, помѣщается рядомъ съ восхитительною картиною, которую природа и историческія преданія развертываютъ предъ упоеннымъ взоромъ. Въ крѣпостцѣ, лежащей на высокой скалѣ на той сторонѣ р. Куры, когда-то господствовали поколѣнія, сознававшія стратегическую важность этого пункта, поселившіяся у колѣна р. Куры и владычествовавшія надъ здѣшними окрестностями. Пышно разукрашиваетъ здѣсь весенняя флора, уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, высокіе склоны горъ небесною лазурью цвѣтущей дубровки, а разсѣлины — яично-желтою краскою сочнаго молочая (Euphorbium).

Легкая тройка уноситъ насъ по прекрасной дорогѣ, проведенной на лѣвомъ берегу р. Куры. Съ правой стороны придвинуты близко къ рѣкѣ береговые склоны, образуемые сѣверными обрывами горной окраины; съ лѣвой — находится холмистая мѣстность, составляющая покатое продолженіе ахалцихо-имеретинскаго водораздѣла. Не малое число кабановъ питается въ здѣшнемъ дремучемъ борѣ, а на безлѣсныхъ возвышенностяхъ пасутся серны. Нѣсколько дальше боковые склоны сближаются все болѣе и болѣе; лѣсистая область чрезвычайно живописна. У береговъ р. Куры стоятъ осины съ играющею на вѣтрѣ подвижною листвою. Сбоку, на горномъ хребтѣ, разстилается смѣшанный лиственный лѣсъ. Обнаженныя скалы попадаются рѣже. Заросли хвойныхъ деревьевъ глубоко врѣзываются въ свѣжую зелень лиственнаго лѣса. Здѣсь возносятся къ облакамъ Леканскія крутизны, а тамъ стоятъ на лужайкахъ чудныя группы орѣшника.

Остается еще переправиться черезъ небольшую возвышенность, миновать затѣмъ Боржомское кладбище, и упоенный взоръ обнимаетъ болѣе просторную долину р. Куры. Невольно останавливаемся мы, чтобы запечатлѣть въ своей памяти картину Боржома. Въ Закавказскомъ краѣ нѣтъ мѣста, въ которомъ было-бы сдѣлано столько для комфорта въ европейскомъ вкусѣ и гдѣ лѣтомъ жилось-бы лучше, чѣмъ здѣсь. Правда, Боржомъ не расположенъ на достаточной высотѣ (2,630 фут.), чтобы спасать отъ солнечнаго зноя; но зато тамъ прохладныя ночи, живительный лѣсной воздухъ. Вообще, дачники находятъ здѣсь такія удобства, увеличивающія прелесть сельской жизни, какихъ они не найдутъ въ другомъ мѣстѣ: имъ предоставлены прелестныя прогулки въ лѣсу по шоссированнымъ отчасти, хорошо содержаннымъ дорожкамъ; хоръ самой лучшей военной музыки услаждаетъ ихъ слухъ; библіотека при минеральныхъ водахъ удовлетворяетъ своимъ выборомъ большинство, а придворная жизнь вноситъ въ мѣстечко внѣшній блескъ. До сихъ поръ, правда, оставляли многаго желать гостиницы; но и это неудобство устранено тѣмъ, что

такъ-называемый кавалерскій домъ преобразованъ въ лѣтнюю гостинницу, въ которой помѣщенія очень хороши. Минеральные источники, обставленные нынѣ самымъ изящнымъ образомъ, — употребляемые какъ внутрь, такъ и для купанья, — далеко не имѣютъ славы Пятигорскихъ и Абастуманскихъ ключей. Главный источникъ, названный Екатерининскимъ, выбрасываетъ въ сутки 2,435 ведеръ воды, т. е. въ минуту 20,8 литровъ, съ температурою 23° Р. Другой имѣетъ ключъ — 18,2° Р. — даетъ въ сутки только 1,036 ведеръ, т. е. въ минуту 8,85 литровъ. По химическому составу, воды имѣютъ сходство съ водами Виши, Булонь и Фашингенъ. Слѣды іодистаго натрія открыты въ обоихъ источникахъ. Сверхъ того, они содержатъ: углекислый натръ, хлористый натрій, углекислую известь и слѣды углекислой магнезіи. Всякому извѣстно, какое великое вліяніе на больныхъ имѣетъ красота природы, окружающей минеральныя воды. Въ этомъ отношеніи, Боржому принадлежитъ первенство предъ всѣми минеральными водами Кавказа. Но въ Боржомѣ не бываетъ больныхъ. Сюда пріѣзжаютъ «на дачу», пьютъ минеральную воду и купаются въ ней, проводятъ время въ пріятномъ обществѣ и занимаются сплетнями, какъ и на всѣхъ водахъ земнаго шара.

Аулъ Старый Юртъ.

Особенно прелестны въ Боржомѣ прогулки по обѣимъ глубокимъ долинамъ на правомъ берегу р. Куры, выходящимъ изъ горной окраины и настолько просторнымъ, что было возможно проведеніе удобныхъ дорожекъ. Чрезъ эти долины протекаютъ ручьи Боржомка и Черная рѣчка, извѣстная у туземцевъ подъ названіемъ: Шависъ-цкали. Тамъ бываетъ тѣнисто и свѣжо даже въ полдень, потому что палящіе лучи солнца только мѣстами прокрадываются сквозь непроницаемую чащу буковой листвы. Тамъ принимаетъ насъ въ свои объятія дѣвственная, ласкающая природа! На берегу стремительнаго ручья свилъ свои гнѣзда неутомимый королекъ, время отъ времени мѣняющій ихъ, а надъ нѣжною флорою незабудокъ (Myosotis), весною густо покрывающихъ узкія луговины, порхаютъ столь же нѣжныя бабочки. Для описанія всѣхъ подробностей этой роскошной природы, необходимо посвятить цѣлый томъ одному только Боржому. Я ограничусь указаніемъ на двѣ разительныя противоположности, обнаруживающіяся въ этой природѣ, списавъ съ нея лишь *нѣсколько* частностей. Узкое русло рѣки Куры, направляющейся отъ запада къ востоку, и достигающей не болѣе 300 фут. ширины, составляетъ рубежъ двухъ органическихъ міровъ. Склоны лѣваго берега рѣки (т. е. обращенные къ *югу* обрывы ахалцихо-имеретинскаго водораздѣльнаго хребта,) о которомъ мы говорили выше, раскаливаются солнечнымъ зноемъ и сухи. На противоположномъ берегу, обращенные къ *сѣверу* склоны, спускающіеся къ р. Курѣ съ горной окраины, влажны и прохладны. Спеціальныя изслѣдованія убѣждаютъ въ томъ, что, при неодинаковомъ расположеніи къ солнцу, растительная и животная жизнь на этихъ склонахъ развивается совершенно различно. На обращенныхъ къ сѣверу склонахъ лѣсъ произрастаетъ сильнѣе и быстрѣе, но имѣетъ рыхлую древесину и часто подгнив-

шую сердцевину. На обращенныхъ къ югу склонахъ ростъ кизильника (Cotoneaster) и боярышника (Crataegus) дается какъ-то туго, но при осмотрѣ поперечнаго сѣченія ствола оказывается, что ихъ тонкіе годичные слои прилегаютъ другъ къ другу весьма плотно, образуя чрезвычайно крѣпкую древесину. Во влагѣ горныхъ склоновъ, обращенныхъ къ сѣверу, высматриваютъ изъ пастилки, образуемой мохомъ, нѣжныя плауновыя (Selaginella) и марханціи; на хрупкихъ стебелькахъ качаются желтые вѣнчики растенія «не тронь меня» (Impatiens) и около родниковъ попадаются группы иванъ-чая (Epilobium). Тутъ-же ползетъ большой, черный лизень (Limax). На склонахъ, обращенныхъ къ югу, жужжатъ вокругъ ословонника (Onosma) рои разныхъ видовъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ. Повсюду встрѣчаются душистыя губоцвѣтныя; на скалахъ растетъ желтый, приземистый икотникъ (Alyssum) и (Odontarrhaena). Лѣтомъ растопыренныя безсочные и колючіе васильки (Centaurea) и синеголовки (Eryngium) усѣяны раковинами изъ родовъ булимы (Bulimus) и улитокъ (Helix).

Сурамскій тунель.

На обращенномъ къ югу склонѣ, 150 фут. надъ поверхностью р. Куры, выстроенъ въ смѣшанномъ стилѣ деревянный дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича бывшаго Намѣстника Кавказа. Позади дворца круто возвышается сланцевый горный хребетъ. На его обнаженныхъ крутизнахъ водятся серны (Gemse). Въ Боржомѣ разведеніе садовъ стóило неимовѣрныхъ усилій. Это даетъ намъ поводъ коснуться здѣшней садовой культуры. На югѣ садовникъ по возможности избѣгаетъ солнца, между тѣмъ какъ на сѣверѣ онъ отыскиваетъ его. Тамъ, на сѣверѣ, пригрѣвающее полуденное солнце — благотворно; у насъ-же, на югѣ, оно, напротивъ, уничтожаетъ иногда до тла труды человѣка. Помимо того, что югу свойственны иныя формы растеній, нежели сѣверу, требующія иныхъ культурныхъ пріемовъ, — здѣсь климатическія условія не только не благопріятствуютъ культурѣ, но даже затрудняютъ ее. Если полагаютъ, что на югѣ флора расточаетъ свои богатства щедрѣе, нежели въ умѣренномъ поясѣ на сѣверѣ, то такое предположеніе крайне ошибочно. Здѣсь, напр., положительно невозможно устройство дерновыхъ газоновъ такой чистоты и красоты, какой они встрѣчаются во всѣхъ англійскихъ паркахъ. Отъ полуденнаго зноя, особенно при наклонѣ мѣстности подъ угломъ въ 30°, выгораютъ мягкіе злаки, характеризирующіе сѣверные луга. Но нельзя-ли исправить дѣло орошеніемъ? Не щадя средствъ, устраиваемъ оросительные каналы; вода струится по полю. Но чтó-же выходитъ? Снизу вода, сверху палящее солнце!.. Нѣжная осока умираетъ; ея корень гніетъ въ промоченной, раскаленной почвѣ. Желая быть практичнымъ, здѣсь только и остается слѣдовать примѣру персіянина, воспроизводящаго сочную зелень даже среди пустыни если онъ въ состояніи добыть воду. На знойномъ югѣ его поле, засѣянное люцерной, (по-татарски іонжа), имѣетъ прямое назначеніе замѣнить лугъ. Можно пожалуй послѣдовать и примѣру злополучнаго императора Максимиліана, покрывшаго, за неимѣніемъ луговъ, известковую почву безподобной Мирамары темною зеленью плюща. Трудно себѣ представить, какія чудеса творитъ плющъ, особенно же крупное, колхидское его видоизмѣненіе, своею способностью равномѣрно застлать сухой грунтъ густою зеленью. Даже въ Тифлисѣ, гдѣ трахиты, употребляемые на воз-

веденіе стѣнъ и пр., лѣтомъ нагрѣваются до 40° Р., крупные листья колхидскаго плюща покрываютъ почву въ непродолжительное время. Существуютъ и на Кавказѣ прекрасные, пестрѣющіе цвѣтами луга, но они лежатъ выше границы лѣсовъ, на высотѣ 8—10,000 фут. надъ морскою поверхностью, а въ Мазандеранской низменности, гдѣ въ составъ ихъ входятъ исключительно виды душистаго клевера, они собственно въ ботаническомъ смыслѣ не заслуживаютъ названія луговъ. У насъ часто погибаетъ и отъ другихъ причинъ даже то, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, воспроизводится съ величайшимъ трудомъ. Именно въ Боржомѣ такія случаи не составляютъ рѣдкости. Наступило, напримѣръ, время цвѣтенія дикаго жасмина (Philadelphus) и лиліи; садъ красуется въ восхитительномъ цвѣточномъ уборѣ и чудный запахъ наполняетъ окрестности. Широкіе листья канны начинаютъ бурѣть и многочисленные виды розъ раскрываютъ свои цвѣточныя головки. И чтó-же? Не болѣе, какъ въ $^1/_4$ часа, градобой уничтожаетъ всю эту прелесть! Въ климатическомъ отношеніи, Боржомъ поставленъ въ неблагопріятныя условія. Съ одной стороны онъ находится еще подъ вліяніемъ влажнаго климата Колхиды, отдѣленной отъ Боржома только узкимъ ахалцихо-имеретинскимъ водораздѣльнымъ хребтомъ; съ другой — онъ причастенъ къ рѣзкостямъ континентальнаго климата Высокой Арменіи, такъ-какъ расположенъ у подошвы ея горной окраины. Вотъ нѣсколько примѣровъ тому. Ночью 9 мая 1876 года сильный морозъ убилъ оконечности вѣтвей на цѣлый футъ у стоящихъ выше на горахъ лиственныхъ деревьевъ, преимущественно у бука и орѣшника. 9 іюня того-же года, послѣ обѣда, выпалъ у Боржома сильный градъ, побившій все, чтó лежало напути градовой полосы. Въ Боржомѣ градины, имѣющія кристаллическое строеніе, достигаютъ величины грецкаго орѣха, хотя и меньше, однако, чѣмъ на Бѣломъ-Ключѣ. 16 іюня того-же года ужасный ливень занесъ въ садъ Великаго Князя, бывшаго Намѣстника, такое количество сланцеваго ила, что оказалось необходимымъ во многихъ мѣстахъ обновить почву. Очевидно, что при такихъ условіяхъ преодолѣніе трудностей, противодѣйствующихъ успѣшной садовой культурѣ, превышаетъ человѣческія силы. Если-же и удается побороть нѣкоторыя препятствія и кажется, что наступило время порадоваться успѣху, то труженика по садовой культурѣ постигаетъ новая «казнь», въ лицѣ насѣкомыхъ, миріадами вылетающихъ изъ окрестнаго лѣса и пожирающихъ молодые всходы, дички и пр.; а тамъ, гдѣ есть и солнце и вода, безустанно работаютъ медвѣдки (Gryllotalpa vulgaris), какъ-бы издѣваясь надъ неусыпными усиліями садовника.

Но мы слишкомъ ужъ долго занялись этими препятствіями. Заглянемъ въ «залъ минеральныхъ водъ». Публика стремится туда. Музыка гремитъ; заиграли попури изъ «Еврейки». Общество пестрое, но европейское, такъ какъ дамы-армянки освоились уже съ костюмами и нравами Запада. Только изрѣдка выдается изъ среды дамскихъ группъ пожилая грузинка съ идущимъ ей къ лицу тасакрави (родъ кокошника), спадающими на щеки черными локонами и развѣвающимся надъ головою воздушнымъ вуалемъ. Все прочее, начиная съ люстры, освѣщающей залу, и кончая высокими каблуками ботинокъ, сжимающихъ ножки туземныхъ брюнетокъ, европейское. Нѣсколько одержимыхъ скукою адъютантовъ никакъ не могутъ ужиться съ этою смѣсью разнородныхъ людей; на ихъ лицахъ отражается нерѣшенный вопросъ: быть-ли имъ благосклонно снисходительными, или-же принять тонъ оффиціальный?... Вообще, «великимъ міра сего» непринужденная веселость здѣсь какъ-то не дается. Къ счастію, все сходитъ благополучно, оканчиваясь веселымъ дѣтскимъ баломъ. Въ Боржомѣ, во время сезона, подростающее поколѣніе составляетъ значительный контингентъ общества и невольно приходится серьезно призадуматься надъ его обиліемъ.

Все улеглось, Боржомъ спитъ. Подъ ольховыми кустами, гдѣ почва выдыхаетъ влагу, въ непроницаемой темнотѣ копышатся свѣтляки, ритмически то воспламеняющіеся, то гаснущіе фосфорическимъ свѣтомъ. Поздно всплываетъ изъ-за черныхъ горъ полный дискъ луны,

обливая томнымъ свѣтомъ береговыя скалы р. Куры и покрывая серебристымъ налетомъ пѣну буйныхъ горныхъ потоковъ. Дикій жасминъ и лилія наполняютъ воздухъ благоуханіемъ.

Нельзя разстаться съ Боржомомъ, не совершивъ экскурсію въ горныя окраины для обозрѣнія пейзажа плоскогорья съ берега Табицкурскаго озера. Недавно отстроенная удобная дорога ведетъ насъ вверхъ по долинѣ такъ-называемой Черной рѣчки. Скоро окружаетъ насъ тишина и полумракъ высокоствольнаго лѣса. На тѣнистомъ склонѣ скалы ростетъ герань и около родниковъ прилипаютъ къ почвѣ зубчатые корневые листья камнеломки (Saxifraga rotunqifolia). Зябликъ звонко распѣваетъ съ вершины бука свои мелодичныя трели. Тутъ-же раздается зычный крикъ чернаго дятла. Около Цагвери, гдѣ долина нѣсколько расширяется, и гдѣ изъ близкой горы бьетъ желѣзный ключъ, дорога развѣтвляется: влѣво (къ востоку) поворачиваетъ она къ развалинамъ монастыря Тимоти-собани, а прямо, многими изворотами, направляется къ югу главный трактъ къ горной окраинѣ Анти-Кавказа. Мы сворачиваемъ влѣво. Долина снова съуживается; высокія папоротники окаймляютъ берега шумнаго ручья. Путь пролегаетъ то чрезъ душистый сосновый лѣсъ, то чрезъ ильмовый. Повернувъ еще разъ влѣво и миновавъ нѣсколько грузинскихъ хижинъ, мы достигаемъ небольшаго грушеваго лѣса, за которымъ стоитъ, на берегу прозрачнаго ручья, хорошо сохранившаяся развалина монастыря, окруженная прекрасными лугами и лиственнымъ лѣсомъ. Развалина представляетъ весьма древнюю кирпичную постройку XIV столѣтія. Въ обители, когда-то населенной могущественными и богатыми монахами, нынѣ пріютился одинъ изъ тѣхъ причудливыхъ набожныхъ пустынниковъ, которые, покончивъ разсчеты съ жизнью, спятъ возлѣ гроба, ими-же сколоченнаго и предназначеннаго для воспринятія ихъ смертныхъ останковъ. Нашъ отшельникъ — отставной солдатъ, давшій себѣ обѣтъ служить въ уединеніи Господу Богу до своей кончины.

Возвратившись въ Цагвери, мы направляемся на югъ. Отсюда начинаетъ преобладать хвойный лѣсъ, главною составною частью котораго является восточная ель (Abies orientalis). Въ чащахъ, образуемыхъ стройнымъ ельникомъ, обитаетъ европейскій клестъ, а по сосѣдству съ нимъ селятся желтоносые дрозды. Мы подымаемся выше и выше. Попадающійся на пути березнякъ представляется какъ-бы вкрапленнымъ въ хвойныя заросли. На высотѣ болѣе 5,000 фут. надъ уровнемъ моря мы достигаемъ перваго уступа горной окраины, поросшаго прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. Предъ нами лежитъ населенная Греками деревушка Цхисъ-джвари. Тучные луга, окруженные со всѣхъ сторонъ рослымъ лѣсомъ, разстилаются вокругъ деревни. Чудно напѣваетъ здѣсь весною пѣвчій дроздъ свою пѣсенку!.. Далѣе путь идетъ все въ гору, чрезъ березовый лѣсъ. Вскорѣ достигнутъ предѣлъ распространенія лѣса. Все ближе и ближе подходимъ мы къ вершинѣ хребта, скрывающаго отъ насъ кругозоръ къ югу. Къ сѣверу-же виднѣется величественный лѣсной пейзажъ Боржома и возвышающіяся на той сторонѣ р. Куры, надъ ахалцихо-имеретинскимъ хребтомъ, тупыя горныя вершины, такъ удачно названныя на грузинскомъ языкѣ «тави», что̀ означаетъ главы. Перевалъ Цхра-цхаросъ-мта, т. е. гора девяти родниковъ, лежитъ предъ нами и мы переправляемся черезъ него на высотѣ болѣе 8,000 фут. надъ уровнемъ моря. Съ высоты его открывается къ югу обширный видъ въ даль, между прочимъ на Ахалкалакское плоскогорье, съ которымъ мы уже ознакомились.

Чтобы достигнуть живописнаго Табицкурскаго озера, мы поворачиваемъ съ упомянутаго перевала къ востоку и слѣдуемъ по долинѣ истоковъ ручья Кціа, впадающаго въ р. Храмъ, который, въ свою очередь, изливается въ р. Куру. Путь нашъ усѣянъ пышными нагорными лугами. Тамъ и сямъ они оболотились, потому-что и р. Кціа, направляясь къ востоку, медленно выходитъ изъ своей колыбели, не встрѣчая на пути склона. Остается еще преодолѣть горный перевалъ, послѣ чего глазамъ нашимъ во всей своей красотѣ представляется раскинутый къ югу пейзажъ, до сихъ поръ скрывавшійся отъ насъ за правымъ береговымъ склономъ р. Кціа. На авансценѣ, непосредственно у берега озера, стоитъ небольшая деревня Кизылъ-килисса (крас-

ная церковь), отчасти выстроенная въ землѣ. За нею сверкаетъ зеркальная синева озера, а далѣе къ югу тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку вулканическая горная цѣпь Абулъ, которой вершины, мѣстами даже среди лѣта покрытыя снѣгомъ, достигаютъ 10—11,000 фут. абсолютной высоты.

Возвратимся опять къ долинѣ р. Куры. Тѣснины ея верховьевъ доходятъ до развалины замка (стоящаго на лѣвомъ береговомъ хребтѣ), собственно и имѣющаго непереводимое названіе «Боржомъ.» Когда-то этотъ замокъ господствовалъ надъ долиною верховьевъ р. Куры, обособляя ее отъ Грузіи (Картли). Замкнутое такимъ образомъ пространство составляло подвластную Турціи область Саатабàго, присоединенную къ Россіи въ 1829 году.

Отсюда р. Кура, вступивъ въ болѣе широкое русло, начинаетъ свое среднее теченіе. Направляясь отъ запада къ востоку, она, прежде всего, пересѣкаетъ плодородную равнину

Сурамъ.

Картли, обыкновенно называемую Сурамскою равниною (2,000 фут. надъ уровнемъ моря). Эта равнина, отдѣленная къ западу отъ древней Колхиды Месхійскимъ хребтомъ и простирающаяся до устья р. Ліахвы, представляетъ обширную, хорошо обработанную мѣстность, на которой во время проложенія Поти-Тифлисской желѣзной дороги, почти не встрѣчалось препятствій, зависящихъ отъ неровностей почвы. Со вступленіемъ на равнину Картли, у которой грунтъ, скрывающій огромные пласты кругляковъ, явно свидѣтельствуетъ о могущественномъ дѣйствіи дилювіальнаго періода, открывается обширный кругозоръ, совершенно отсутствующій въ Боржомѣ, и глазъ съ наслажденіемъ впивается въ прелестную панораму. Горная окраина Анти-Кавказа, имѣющая здѣсь названіе Тріалети, спадаетъ своими предгорьями къ правому берегу р. Куры и представляетъ покрытые лѣсомъ горные хребты, имѣющіе округлые, куполоподобные вершины. Большой Кавказъ съ его ледниками и фирновыми полями, расположенный въ главномъ направленіи своемъ параллельно р. Курѣ, выставляетъ на видъ южные склоны, заходящіе въ горную Осетію. Вихремъ несется въ настоящее время поѣздъ желѣзной дороги

черезъ эту равнину. Лѣтъ 30 — 40 тому назадъ, западная часть ея была покрыта дремучимъ лѣсомъ, населеннымъ шайками отъявленныхъ разбойниковъ. Откладывая рѣчь объ уѣздномъ городѣ Гори до другаго раза, мы слѣдуемъ далѣе, вдоль сѣверныхъ склоновъ Тріалетскихъ горъ. Долина р. Куры снова съуживается. Мы вступаемъ въ узкую полосу высокоствольнаго можжевельника (Juniperus excelsa). Влѣво — вывѣтрившіяся каменныя породы многообразно размыты, изборождены и округлены потоками дождевой воды; вправо возвышаются кручи, образуемыя кристаллическимъ сланцомъ. На горизонтѣ уже виднѣется Мцхетскій соборъ, стоящій на правомъ берегу текущей съ сѣвера р. Арагвы, на мѣстѣ ея сліянія съ р. Курою, откуда соединенныя воды обѣихъ рѣкъ стремятся къ столицѣ Грузіи по долинѣ, имѣющей востоко-юго-восточное направленіе. Во время оно императоръ Веспасіанъ, заключивъ съ грузинскими царями оборонительный союзъ противъ Персовъ, выстроилъ для нихъ за́мокъ на томъ самомъ мѣстѣ, напротивъ Мцхета, гдѣ нынѣ рельсы желѣзной дороги глубоко врѣзываются въ подножіе Тріалетскихъ горъ.

У подошвы горы св. Давида, представляющей круто обрывающееся къ сѣверо-востоку широкое ребро Тріалетскихъ горъ,—гдѣ въ монастырѣ того же названія покоится прахъ безсмертнаго Грибоѣдова — амфитеатромъ раскинутъ городъ Тифлисъ. О немъ рѣчь будетъ впереди. Не останавливаясь, мы проѣзжаемъ чрезъ европейскую часть города и армянскій базаръ, раскрывающій предъ нами пестрѣйшія картины Востока; пробираемся затѣмъ мимо горячихъ источниковъ, обращенныхъ въ бани, и каравапъ-сараевъ, все вдоль подошвы горнаго хребта, входящаго въ составъ Малаго Кавказа. Вмѣстѣ съ рѣкою спустившись значительно внизъ, мы вступаемъ въ жаркій поясъ кавказскихъ низменностей и въ тоже время въ область нижняго теченія р. Куры. Долина расширяется. Рѣка омываетъ растянутые въ длину острова; берега ея пустынны. Скудная степная растительность спалена солнцемъ еще въ маѣ мѣсяцѣ. Дорога ведетъ насъ къ устью р. Храмъ, черезъ который мы переправляемся по мосту, перекинутому еще Римлянами. На той сторонѣ рѣки мы скоро достигаемъ устья поперечной долины Акстафы, пересѣкающей съ сѣвера горную окраину. Горный кряжъ тянется довольно равномѣрно въ даль; лѣса сѣверныхъ его склоновъ рѣдѣютъ и въ нихъ совершенно отсутствуютъ хвойныя деревья. Еще разъ значительно разростается горная окраина къ востоку, гдѣ она примыкаетъ къ Карабагскому горному хребту, надъ которымъ возвышается вершина Капуджихъ, достигающая 12,000 фут. высоты. Пролегая мощнымъ горнымъ хребтомъ къ югу, она стѣсняетъ русло р. Аракса. Но уже за Елисаветполемъ болѣе и болѣе обнажающіеся откосы ея сходятъ отлого къ широкой долинѣ Куры. Далѣе Малый Кавказъ постепенно понижается, и наконецъ, прекращается на Прикаспійской низменности. Отъ сѣверныхъ отроговъ Эльборуса, т. е. отъ Талышскаго горнаго хребта, онъ отдѣленъ обширною Муганскою степью, принявшею въ центральной части своей типъ Прикаспійской пустыни.

Акстафинская долина возвышается у мѣста соединенія съ равниною р. Куры только на 1,100 фут. надъ уровнемъ моря. По долинѣ, лежащей въ жаркой полосѣ, проведена превосходная шоссейная дорога. Высокіе чинары и орѣшники защищаютъ путника отъ жгучихъ лучей солнца. Поля и огороды, орошенные каналами, отведенными отъ р. Акстафы, огорожены колючимъ держи-деревомъ (Paliurus). На этихъ изгородяхъ отдыхаютъ сорокопуты, ловко нанизывающіе жучковъ на колючки дерева и за тѣмъ съѣдающіе ихъ.

Съ повышеніемъ уровня долины, лиственный лѣсъ принимаетъ болѣе роскошный видъ. И здѣсь существуетъ узкая лѣсная полоса, въ которую какъ-бы вкраплены одиночные экземпляры высокоствольнаго можжевельника, достигающаго 30 — 40 фут. высоты. Въ этой мѣстности превосходно произрастаютъ: кавказская липа, грабъ, ясень и дубъ. Поднявшись выше, мы достигаемъ урочища Делижанъ, расположеннаго на 4,200 фут. надъ уровнемъ моря. У нашихъ ногъ, въ глубокой трещинѣ, пѣнится р. Акстафа. Мы идемъ дальше; остается подняться еще почти 3,000 фут., чтобы достигнуть Армянскаго плоскогорья. Лѣсъ, состоящій изъ дуба и бука, начинаетъ рѣдѣть. Его предѣлъ обозначенъ на высотѣ 6,000 фут. съ небольшимъ надъ

уровнемъ моря одинокими экземплярами бука, далеко выдвинутыми въ альпійскіе луга. Крутизна подъема на горную окраину уменьшается съ приближеніемъ къ ея вершинѣ, на которую мы вступаемъ, преодолѣвъ огромный выступъ, на высотѣ 7,124 фут. надъ уровнемъ моря. Съ высоты окраины глазъ обнимаетъ обширную поверхность Гокчайскаго озера, имѣющаго истоки къ востоку, въ направленіи къ Карабагскому горному хребту, и на расположенный къ югу водораздѣльный хребетъ между оз. Гокча и р. Араксомъ. Около почтовой станціи Чубухлы, одиноко стоящей на берегу озера, вступаемъ мы на характеристическую для армянскихъ плоскогорій вулканическую почву.

Озеро Гокча или Севанга, лежащее 6,430 фут. надъ уровнемъ моря,—самый большой изъ внутреннихъ бассейновъ Высокой Арменіи,—занимаетъ пространство въ 24,88 квадратныхъ миль (около 1,200 кв. верстъ), имѣя 70 верстъ въ длину. На небольшомъ разстояніи отъ почтовой станціи, гдѣ круто спускается въ озеро западный берегъ его, выступилъ изъ волнъ озера незначительный, крутой и скалистый островъ Севанга, на которомъ стоитъ монастырь. Здѣсь, въ окруженныхъ церквами монастырскихъ зданіяхъ, набожные монахи влачатъ въ строгомъ разобщеніи однообразную жизнь. Говорятъ, что сюда ссылаютъ провинившихся духовныхъ лицъ на покаяніе. Иногда и самъ патріархъ Арменіи проводитъ нѣсколько недѣль въ стѣнахъ этого монастыря, если его къ тому принуждаетъ эчміадзинскій лѣтній зной. Озеро изобилуетъ рыбой, но не отличается ея разнообразіемъ. Въ немъ водятся тѣ же карпообразные виды рыбъ, которые свойственны системѣ р. Куры, и нѣсколько видовъ форели, изъ которыхъ два признаны профессоромъ Кесслеромъ за новые. Южнѣе, недалеко отъ берега озера, находится невзрачный уѣздный городъ Ново-Баязетъ. Его низенькіе дома, выстроенные изъ ноздреватой лавы, съ плоскими, земляными крышами, имѣютъ скучный и жалкій видъ. Вулканическія силы напечатлѣли на окрестности ясные слѣды своего давно минувшаго дѣйствія, о которыхъ свидѣтельствуетъ горная группа Учъ-тапаларъ, состоящая изъ сгруппированныхъ близко одинъ возлѣ другаго коническихъ вулкановъ чрезвычайно правильной формы. Вся Гокчайская область отличается пышною травяною флорою, типа нагорныхъ луговъ. Лѣсъ встрѣчается еще только на горной окраинѣ сѣвернаго берега озера. Чѣмъ дальше къ югу подвигаемся мы въ область Высокой Арменіи, тѣмъ рѣже попадается намъ лѣсъ, принимающій болѣе и болѣе жалкій видъ. За то флора луговъ, нисходящихъ до 4,000—3,500 фут. надъ поверхностью моря, по истинѣ великолѣпна. Постараюсь вкратцѣ описать эти чудные луга, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаетъ лѣтомъ косарь, отыскивая лучшія покосныя мѣста. Что за прелесть!.. Крупные, синіе или желтые цвѣты горнаго василька (Centaurea) повсюду выглядываютъ изъ сочной зелени дикорастущихъ видовъ клевера, красующаго своими то красными, то бѣлыми цвѣточными головками. Особенно бросаются въ глаза групы восточнаго мака. Огненные цвѣты этого безподобнаго растенія, достигающіе величины въ кулакъ, опускаютъ свои лепестки, если полуденное солнце черезчуръ прижигаетъ нѣжную ихъ ткань. Вездѣ попадаются ароматическія губоцвѣтныя (виды Nepeta), а нѣжная чина (Lathyrus) обвиваетъ своими спирально закручивающимися прицѣпами цѣлыя области этой флоры. Но вотъ зрѣлище, не имѣющее себѣ подобнаго. Предъ вашимъ взоромъ пламенѣетъ небольшое красное пятно, до того яркое, что взглядъ на него причиняетъ даже нѣкоторую боль глазамъ. Пятно это странной формы вѣнчикъ безлиственнаго, чужеяднаго растенія, поселяющагося на корняхъ центауреи и извѣстнаго въ ботаникѣ подъ названіемъ Onoplantus Bibersteinii. Каждое изъ этихъ растеній имѣетъ на стеблѣ не болѣе двухъ вѣнчиковъ.

На пути въ село Еленовку, лежащее у западнаго угла озера, мѣстами сооружены навѣсы (туннели) для защиты отъ снѣжныхъ заваловъ, свидѣтельствующіе о чрезвычайной суровости зимы Армянскаго плоскогорья, гдѣ мятели часто прерываютъ всякое сообщеніе. Отсюда выпуклыя равнины начинаютъ понижаться. Вправо тянется глубокая долина Занги, черезъ которую воды Гокчайскаго озера приносятъ дань р. Араксу. Къ западу раскинуто на живопис-

ной возвышенности село Дарачичагъ (долина цвѣтовъ), куда лѣтомъ выселяются жители Эривани ради свѣжаго воздуха. Въ долинѣ Аракса стоитъ въ это время невыносимая жара, вынуждающая обратиться въ бѣгство всякаго, если представляется къ тому возможность.

Путь идетъ все подъ гору. Мы исполнены ожиданія... Скоро обрисуется на горизонтѣ ледяная шапка Большаго Арарата. Вотъ она!.. Очертаніе Ноевой горы разростается съ каждымъ новымъ шагомъ. Немного спустя, взорамъ нашимъ представляются оба Арарата. Одновременно открывается и видъ на всю долину Аракса. На среднемъ фонѣ пейзажа раскинутъ живописный Канакиръ съ его пышными садами. Эривань скрыта отъ насъ Канакирскими высотами.

Едва ли что можетъ идти въ сравненіе съ зрѣлищемъ, представляемымъ двойниками—Большимъ и Малымъ Араратомъ. Оба исполина, разрозненные глубокою Сардаръ-булакскою сѣдловиною, возносятся къ небесамъ изъ широкой долины Аракса, едва достигающей у подошвы Большаго Арарата 2,700 фут. абсолютной высоты. Выростая безъ соединительныхъ предгорій непосредственно изъ низменности,— одинъ до высоты почти 17,000 фут., другой болѣе 12,000 фут.— эти массивные вулканическіе конусы пріобрѣтаютъ, вслѣдствіе только своей изолированности, характеръ отличительный, грандіозный. Своеобразною физіономіею отличается вдобавокъ и разстилающаяся предъ ними долина Аракса. На этой обширной долинѣ, облитой однообразнымъ, желтымъ оттѣнкомъ, уже издали виднѣются темно-зеленыя, большія пятна культурныхъ оазисовъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ проведенной туда воды, сторицею вознаграждающей труды человѣка. Безъ воды въ этихъ широтахъ производительность почвы не можетъ развернуться; безъ воды на ея долю выпадаетъ грустный видъ пустыни. Пропитанный-же благодатною влагою, каждый клочекъ ея творитъ чудеса, превращая пустыню въ рай. Ясно, что при такихъ условіяхъ существованіе человѣка поставлено здѣсь въ прямой зависимости отъ оросительныхъ приспособленій, и что лѣтомъ бóльшая часть спорныхъ и даже уголовныхъ дѣлъ возникаетъ изъ-за живительной капли воды.

Посвятимъ нѣсколько минутъ на изученіе климатическихъ условій равнины Аракса и на обозрѣніе окружающей ее панорамы, а затѣмъ направимся къ вершинамъ Большаго и Малаго Арарата.

Какія необыкновенныя противоположности въ проявленіяхъ природы соприкасаются здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль! Рядомъ съ необитаемой, безлюдной равниной, упорствующей противъ всякой попытки извлечь изъ нея практическую пользу, стоитъ, среди пышной зелени садовъ, культурный оазисъ. Здѣсь, въ долинѣ Аракса, красуются урожайныя рисовыя поля, хлопчатныя плантаціи и маслины; тамъ, на Араратѣ, на высотѣ болѣе 13,000 фут. надъ уровнемъ моря, прозябаютъ одинокія, дюймовыя сухоребрицы (Draba) даже вблизи снѣжныхъ залежей, высовывающихся далеко впередъ. Въ началѣ іюня эта карликовая растительность еще погребена подъ снѣгомъ и снова окутывается зимнимъ покровомъ въ концѣ августа. Несмотря на это, она бываетъ въ цвѣту и ея стручки созрѣваютъ. Въ долинѣ Аракса ядовитый, грязно-желтаго цвѣта бихорхъ (Solpuga) выходитъ на добычу, пользуясь непроглядною темнотою ночи; на Араратѣ бѣгаетъ по льду нѣжная, длинноногая ядовитая альпійская фаланга среди бѣлаго дня. Внизу, въ Эривани и Аралыхѣ, температура въ августѣ мѣсяцѣ достигаетъ въ тѣни $+24^{\circ}$, нерѣдко даже $+27^{\circ}$ R.; относительно-же температуры на вершинѣ Большаго Арарата намъ извѣстно изъ ежечасныхъ наблюденій, произведенныхъ тамъ 20—23 августа 1850 года, во время достопамятной экспедиціи, подъ начальствомъ генерала І. И. Ходзько, что максимумъ ея въ 1 часъ пополудни доходитъ только до $+13^{\circ},2$ R., а минимумъ въ 3 часа ночи—до $-7^{\circ},2$ R. Несмотря на лѣтніе жары, средняя годичная температура Эривани не превышаетъ $+10^{\circ},6$ R., а въ Аралыхѣ, лежащемъ 600 фут. ниже, она достигаетъ только $+11^{\circ}$ R. Причина такой низкой годичной температуры — зимніе холодá. Въ этомъ-то и сказывается эксцентричность континентальнаго климата, въ данномъ случаѣ обусловленнаго обширностью высокаго плоскогорья. Не забудемъ, что береговая полоса Чернаго моря, лежащая сѣвернѣе

на три градуса, имѣетъ среднюю годичную температуру отъ + 15 до + 15,2 R.; что въ томъ благословенномъ краѣ средняя зимняя температура колеблется между + 6 и 8° R., между тѣмъ какъ въ Эривани она доходитъ до—5°,7 R. и даже до—7,1 и въ Аралыкѣ до—1°,1 R. Эривань имѣетъ въ январѣ, самомъ суровомъ мѣсяцѣ, среднюю температуру въ — 11°,97 R., а въ августѣ, самомъ знойномъ мѣсяцѣ, + 20°,33 R. Разница между температурами самаго холоднаго январскаго дня и самаго жаркаго дня въ августѣ мѣсяцѣ составляетъ по термометру Реомюра 40°. Если я укажу еще на тотъ фактъ, что въ Аралыхѣ количество годичнаго дождя не превышаетъ 6½ дюймовъ, что минимумъ дождя перепадаетъ во время знойнаго лѣта и продолжительной осени, то станетъ ясно, ка́къ велико вліяніе метеорологическихъ условій этой области на экономію страны; мы поймемъ побужденія, заставляющія хлѣбопашца съ обнаженнымъ кинжаломъ отстаивать для своихъ полей струю воды, питающую его семью. Если ея нѣтъ, то голодъ неминуемо стучится въ ворота; безъ поливки полей, цѣлую деревню можетъ погубить одинъ знойный майскій день.

Осмотримъ теперь долину Аракса съ подошвы Ноевой горы нѣсколько внимательнѣе, нежели въ первой главѣ этого тома, гдѣ я въ первый разъ коснулся ея физіономіи. Этому пейзажу, помимо его оригинальности, свойственна еще грандіозность размѣровъ. Къ западу, за остроконечнымъ пикомъ горнаго хребта Тякельты, онъ ограничивается Карсскими высотами, къ востоку — неясными контурами Нахичеванскихъ горъ. Къ сѣверу Гокчайскія плоскогорья примыкаютъ къ ряду западныхъ горныхъ хребтовъ, изъ коихъ болѣе другихъ выдается увѣнчанный снѣгомъ Алагезъ (Божій глазъ) съ его тупою вершиною, достигающею 13,436 фут. высоты. Самый лучшій видъ открывается къ югу, не только потому, что глазъ зрителя находитъ въ Араратѣ исполинскихъ размѣровъ точку опоры, но и оттого, что взоръ его произвольно можетъ останавливаться на прелестныхъ картинахъ культурныхъ оазисовъ, занимающихъ авансцену панорамы. На Армянскомъ плоскогорьѣ, вдобавокъ, разложеніе свѣта необыкновенное, вслѣдствіе чего, по временамъ, всѣ предметы буквально утопаютъ въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Съ большой дороги, которой полотно, во время лѣтней засухи, избито, на 1 футъ глубины, въ мельчайшую пыль, — удаляемся мы подъ вечеръ на зеленый коверъ, сотканный, при помощи поливки, видами клевера и люцерны, подъ сѣнью густо стоящихъ абрикосовыхъ деревьевъ. Назвать эти мѣста лугами было бы неправильно. Въ освѣщеніи еще ничего не измѣнилось; безоблачное небо покрыто свѣтлою лазурью, на которой какъ-то холодно обрисовывается ледяная вершина Арарата. Нижній край ледника прямолинейно пересѣкаетъ желтовато-зеленаго цвѣта поясъ высокоальпійской флоры. Съ высоты Алагеза спускаются холодные слои воздуха, обращающіеся на раскаленной долинѣ Аракса въ освѣжительный, періодически появляющійся, вечерній вѣтерокъ. Дискъ солнца приближается къ заслоненному горными хребтами западному небосклону и болѣе не ослѣпляетъ глазъ. Онъ представляется намъ въ увеличенномъ видѣ и принимаетъ темно-огненное окрашиваніе. Но вотъ наступилъ моментъ, когда огненный шаръ, прячется за край земли. Темно-багряный цвѣтъ обливаетъ на нѣсколько мгновеній равнину. Высокіе, пирамидальные тополи бросаютъ длинныя тѣни. Тѣни исчезаютъ и долина погружается въ сумрачный свѣтъ. Но на западномъ склонѣ Арарата остается огненно-пурпуровая полоса; она подымается выше и выше, достигаетъ фирновой и ледяной полосы, воспламеняется съ наступленіемъ ночи еще разъ на самой вершинѣ и — потухаетъ. Небесный сводъ принимаетъ до зенита свѣтлый, желтоватый оттѣнокъ, исчезающій въ направленіи къ небосклону переливами оранжеваго окрашиванія къ фіолетовому. Надъ горнымъ хребтомъ покоятся два-три слоистыя облака, обведенныя золотистою каймою. Долина погружается въ ночную темноту. Контуры Арарата рѣзко очерчены сѣрыми и бѣлыми красками. Часъ-отъ-часу въ воздухѣ раздается пронзительный крикъ запоздавшей цапли. Сова, забравшись въ давно покинутыя развалины, нарушаетъ своимъ крикомъ ночную тишину. На раскаленной землѣ чирикаетъ полевой сверчекъ.

Ущелье въ Салатавіи.

Избравъ селеніе Аргачи исходнымъ пунктомъ, мы приближаемся къ подошвѣ Большаго Арарата съ цѣлью подняться на его вершину. Непосредственно у подножія исполина находится неглубокій бассейнъ, въ который стекаетъ снѣговая вода, просочившаяся чрезъ трахиты и лаву. Пласты третичной формаціи, заключающіе въ своихъ известковыхъ образованіяхъ своеобразные камыши и болотныя растенія, составляютъ какъ дно, такъ и крутой южный его берегъ, лежащій подлѣ самаго вулканическаго конуса. Эти наслоенія когда-то были приподняты и придавлены и только впослѣдствіи залиты потокомъ лавы, застывшей волнообразною поверхностью, въ чемъ можно убѣдиться съ западной стороны селенія Аргачи.

6-го августа 1871 года выступилъ я изъ этого селенія сопровождаемый многолѣтнимъ другомъ моимъ и спутникомъ, докторомъ Сиверсомъ. По бассейну бродило несмѣтное множество маленькихъ, бѣлыхъ цапель, шилоклювокъ и акатокъ, убѣдившихъ насъ, что вода въ немъ не глубока. Къ западу отъ селенія мы направились прямо на югъ, оставаясь въ предѣлахъ колосса и не выходя изъ области его вулканическихъ, каменныхъ породъ. Предъ нами лежала чрезвычайно сухая, непроизводительная область, то хаотически заваленная осколками скалъ, то покрытая твердою лавою. Солнце жгло невыносимо. Запасъ воды мы вынуждены были нести съ собою, потому что въ августѣ мѣсяцѣ здѣсь ея нигдѣ не бываетъ. На вершинѣ въ это время года снѣгъ таетъ медленно и незначительное количество образовавшейся воды уходитъ въ нѣдра горы. Первою нашею задачею было достиженіе Гедукскаго перевала, находящагося на западномъ склонѣ Большаго Арарата, куда мы прибыли послѣ обѣда. Не успѣли мы еще достигнуть помянутаго перевала, какъ на встрѣчу намъ кинулась верхами шайка Курдовъ. Съ направленными на насъ пиками, насаженными на бамбуковую трость, они бѣшенымъ галопомъ мчались впередъ. Шелковые платки, повязанные на ихъ чалмахъ, развѣвались на вѣтрѣ и богато украшенная золотыми позументами одежда, сшитая обыкновенно изъ алаго сукна, сіяла на солнцѣ. Это Курды устроили намъ почетный пріемъ. Ихъ джигитовка первоначально привела насъ въ нѣкоторое смущеніе, но потомъ все разъяснилось къ всеобщему удовольствію. Здѣсь, на турецко-персидско-русской границѣ, не мѣшаетъ быть насторожѣ. Для нашего пріема былъ раскинутъ большой «чадыръ» (палатка).

Гедукскій перевалъ, на которомъ мы остались ночевать, возвышается на 5,600 фут. надъ уровнемъ моря. Къ юго-востоку нашимъ взорамъ представляются: снѣгъ, ледники и фирны, покрывающіе вершину Большаго Арарата, а на мѣстѣ нашего привала — только высохшія водосточныя промоины. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда таяніе снѣга достигаетъ наибóльшихъ размѣровъ, эти промоины переполняются водою и, — хотя на крутомъ пути бóльшая часть ея уходитъ въ трещины трахитовъ и лавы, — избытокъ ея такъ великъ, что Курды пригоняютъ сюда свои стада на водопой. Мы же должны были отправить за водою гонца (къ вытекающей изъ болотъ рѣчкѣ Кара-су), который возвратился только вечеромъ.

Выступивъ 7-го августа изъ стоянки, мы направились къ востоку, поднимаясь все на гору съ западной ея стороны. На высотѣ 9,000 фут. надъ уровнемъ моря мы сдѣлали первый привалъ въ одномъ изъ покинутыхъ загоновъ, гдѣ обыкновенно селится широколистный щавель и крапива. Загонами для овецъ во время ненастья служатъ здѣсь огороженныя каменною стѣною мѣста. Туда же на ночь загоняются стада рогатаго скота для защиты отъ хищниковъ — волковъ. Далѣе путь нашъ шелъ по скату Ноевой горы отъ запада къ востоку. Послѣ двухчасовой ходьбы вышли мы на площадь, имѣющую видъ равнины, къ которой съ юга, т. е. съ сѣвернаго склона Арарата, обрываются крутизны, отчасти покрытыя льдомъ. Здѣсь мы достигли высоты въ 11,000 фут. надъ уровнемъ моря, чему соотвѣтствовала и попадающаяся растительность, принявшая характеръ высокоальпійской полосы. Вывѣтрившіяся каменныя породы помянутыхъ кручъ часто обваливаются. Въ этихъ разрыхленныхъ массахъ почти безпрерывно раздается трескъ и стукотня, то отъ расщепленія ледяныхъ трещинъ, то оттого, что просочившаяся снѣговая вода отмываетъ огромныя горныя глыбы, скатывающіяся съ высоты въ

видѣ ила или каменныхъ обваловъ. Все это находилось съ правой стороны. Съ лѣвой — взносятся громадные трахиты, образуя валы, скрывавшіе отъ насъ видъ на сѣверъ. До исполинскихъ размѣровъ разростаются эти хаотически-разбросанныя скалы у восточнаго конца площади, гдѣ онѣ образуютъ широкое ребро, далеко выдвинутое на сѣверъ. Узкій перешеекъ способствуетъ здѣсь переходу, потому что и выше Араратъ загроможденъ хаосомъ черныхъ скалъ. Нѣсколько выше подходимъ мы къ небольшому, воронкообразному озеру Кюпъ-гель, лежащему, по моему измѣренію, 11,367 фут. надъ уровнемъ моря. Въ его прозрачныхъ какъ хрусталь волнахъ отражаются ледяные выси Арарата. На небольшомъ разстояніи отъ озера Кюпъ-гель вступили мы на другую площадь, на которой вечеромъ 8-го августа устроили ночлегъ. Площадка находится 11,200 фут. надъ уровнемъ моря. Въ высокой Арменіи я имѣю обыкновеніе путешествовать безъ палатки, потому что дожди составляютъ тамъ рѣдкое явленіе и защищаться отъ нихъ не представляется надобности. На этотъ разъ приходилось сожалѣть объ этомъ: ночь была очень холодная и мы страдали жестоко отъ мороза, превратившаго стремительно текущую снѣговую воду въ ледъ, который мы вынуждены были растопить на огнѣ для приготовленія утренняго чая. Рано 9-го августа мы отправились далѣе. Крутизна увеличивалась Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря, растительность образуетъ здѣсь сплошной дернъ, въ особенности возлѣ родниковъ. Я измѣрилъ высоту въ 12,357 фут. Къ югу представлялся нашимъ взорамъ хотя круто, но равномѣрно подымающійся сѣверный склонъ Арарата, увѣнчанный плотно-прилегающею къ нему ледяною стѣною. Большой, круто-обрывающійся ледникъ остается вправо, въ сторонѣ; онъ чрезвычайно изборожденъ, особенно на одномъ защемленномъ мѣстѣ, гдѣ его по всѣмъ направленіямъ пересѣкаютъ трещины. Влѣво, скрытые отъ насъ выдвинутымъ горнымъ хребтомъ, находятся сѣверо-восточные, — достигающіе нѣсколько тысячъ фут. высоты, — вывѣтрившіеся обрывы Арарата, образовавшіеся послѣ катастрофы, постигшей деревню Ахури. Въ 1840 году сильное землетрясеніе было причиною обрушенія громаднаго обвала горы, засыпавшаго въ одно мгновеніе иломъ, скалами и льдомъ эту деревню, монастырь и часть долины со всѣми жителями. Подъ конецъ мы не могли уже идти, — вынуждены были карабкаться на гору. Растительность, свойственная высокимъ альпамъ, все еще встрѣчалась. Хотя она была крайне малоросла, но араратскіе виды сухоребрицы и мытника цвѣли прекрасно, несмотря на то, что ночные морозы доходили до 5 — 6°. Задыхаясь отъ усталости, продолжали мы восхожденіе по западному склону выдающагося крутаго горнаго ребра. Воздухъ былъ острый и крайне разрѣженный; мы давно миновали высоту въ 13,000 фут. надъ поверхностью моря. Все чаще и чаще нужно было переводить духъ; въ колѣняхъ и по всему тѣлу начали мы ощущать разслабленіе и прибѣгнули къ глотку краснаго вина для подкрѣпленія силъ. Около 1 часа по полудни достигли мы нижняго края ледяной шапки Арарата, плотно прилегающей къ горѣ. Здѣсь поверхность льда, имѣющаго синеватый отливъ, покрыта ноздреватымъ фирномъ. Возлѣ края ледника опредѣлилъ я высоту въ 14,233 фут. надъ поверхностью моря и собралъ карликовые виды помянутыхъ сухоребрицы (Draba araratica) и мытника (Pedicularis araratica), два вида сѣменныхъ растеній, встрѣчающихся на Кавказѣ на наибольшей высотѣ, но исключительно только на Большомъ Араратѣ.

Искусные альпоходцы, снабженные всѣми приспособленіями къ восхожденію на ледники, какъ-то: крюками, шпорами и пр., могутъ и съ этой стороны взойти на вершину Арарата. Около 100 — 150 фут. нельзя подняться, не вырубивъ ступеней, потому что ледяная стѣна крута и гладка. Выше же подъемъ, представляющій обширную бѣлую плоскость, до самой вершины 16,918 фут.) отлогій. Съ тѣми средствами, которыя находились въ моемъ распоряженіи, я не могъ рѣшиться на восхожденіе на самую вершину и — спустился внизъ. Моя цѣль, однако, была вполнѣ достигнута: я убѣдился, что на вершинахъ Армянскаго плоскогорья въ отношеніи распространенія высшей растительной жизни существуютъ исключительныя условія. При сравненіи сѣвер-

наго склона Большаго Арарата съ тою частью южнаго склона Большаго Кавказа, котораянаходится въ предѣлахъ Колхиды, оказывается, что высота предѣльной черты распространенія сѣменныхъ растеній на нихъ неодинакова, что разность доходитъ до 4,000 фут. На сѣверномъ склонѣ Эльборуса разность превышаетъ 2,000 фут.

Въ заключеніе сообщу о фактахъ восхожденія на Большой Араратъ. Здѣсь, какъ и почти вездѣ, простонародье не вѣритъ въ возможность достиженія вершины Ноевой горы, и этотъ предразсудокъ составляетъ достояніе не одной только невѣжественной черни: большинство армянскаго духовенства упорно держится того-же убѣжденія. Оно до сихъ поръ отрицаетъ ту неопровержимую истину, что Парротъ, Абихъ и Ходзько дѣйствительно были на самой вершинѣ Большаго Арарата. Профессоръ Парротъ обнародовалъ въ своемъ путевомъ журналѣ всѣ отобранныя по этому дѣлу подъ присягою показанія, а также и документы, какіе только были собраны спустя два года послѣ его восхожденія. Разборъ этихъ документовъ убѣждаетъ, съ одной стороны, что Парротъ дѣйствительно достигъ вершины Большаго Арарата, а съ другой — что показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей были ложны. Сто́итъ и нынѣ спросить въ Эривани или гдѣ-нибудь въ долинѣ Аракса о восхожденіи Абиха па Араратъ, и во всѣхъ сторонъ получится одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что достиженіе его вершины невозможно. Даже набожный патріархъ Нерсесъ, человѣкъ столь же образованный, насколько умный, спрошенный по этому предмету, отвѣтилъ уклончиво: «Они (эти господа) это утверждаютъ, — зачѣмъ же имъ противорѣчить?»

Профессору Дерптскаго университета Парроту принадлежитъ честь и даже слава *перваго* восхожденія на вершину Арарата. Первая его попытка въ этомъ отношеніи, предпринятая 13-го сентября 1828 года, не удалась.

19-го сентября онъ повторилъ восхожденіе и дошелъ до высоты 15,138 фут. надъ уровнемъ моря, гдѣ воздвигнулъ крестъ.

Въ третій разъ, 27-го сентября 1829 года, онъ въ 3 часа пополудни достигъ вершины по пути, выше мною описанному, т. е. исходя отъ озера Кюнъ-гель, съ сѣверной стороны.

Академикъ Абихъ предпринималъ восхожденіе два раза: 16-го и 23-го августа 1844 года, безъ успѣха по причинѣ непогоды. То-же случилось съ нимъ 3-го сентября того-же года, когда этотъ знаменитый геологъ пытался взобраться на Араратъ отъ озера Кюнъ-гель. Только 29-го іюля 1845 года ему удалось въ 12 часовъ дня достигнуть вершины исполина.

Заслуженный по геодезіи и тріангуляціи Кавказа генералъ І. И. Ходзько (въ то время полковникъ) жилъ на вершинѣ Арарата съ 19-го по 24-е августа 1850 года. Мы приводимъ краткую выдержку изъ его «воспоминаній» о восхожденіи на вершину Ноевой горы. Они настолько интересны, что заслуживаютъ возможнаго распространенія посредствомъ этого популярнаго изданія.

«14-го августа, выступивъ въ 8 часовъ утра, мы дошли въ 1 часъ пополудни до скалистаго хребта, покрытаго крупнымъ снѣгомъ, смѣшаннымъ съ отломками скалъ, на которомъ бывшій служитель Абиха, несшій небольшой крестъ (2 фунта), долженъ былъ оставить его не имѣя силъ подниматься съ драгоцѣнною ношею выше. Я желалъ перенести этотъ крестъ на восточную вершину Арарата (мѣсто наблюденія Абиха), но вытащить крестъ не было никакой возможности, не сломавъ его, и потому онъ остался на мѣстѣ.

«Немного ниже была оставлена нами палатка для отдыха на пути тѣхъ, которые впослѣдствіи должны были подниматься на вершину, во время моего тамъ пребыванія.

«Какъ только казаки спустили сани съ упомянутаго хребта, ноги ихъ стали погружаться въ снѣгъ выше колѣнъ. Дабы облегчить дѣло, пришлось перенести въ палатку бо́льшую часть тяжестей, оставивъ на саняхъ инструменты и ковры; мои спутники могли продолжать путь, выбирая мѣстность болѣе удобную, мнѣ же съ казаками надлежало бродить въ снѣгу. Люди не могли везти саней иначе, какъ погружаясь по колѣни, дѣлать впередъ 10—12 шаговъ

(длина веревокъ, привязанныхъ къ санямъ), потомъ останавливаться, дабы утоптать снѣгъ, и тогда лишь могли они притащить къ себѣ сани; такимъ образомъ шагами черепахи мы подвигались въ гору.

«Погода становилась все хуже и хуже, предсказывая приближеніе бури. Передъ нами возвышались послѣдніе пики трахита; подъ ними мы нашли маленькую площадку, въ 17 фут. длины и 2 фут. ширины. Тамъ, въ $1^{1}/_{2}$ ч. пополудни, необходимо было остановиться, на высотѣ 14,175 фут.

«Сани были оставлены на пути; принесли одну кожу, которая покрывала универсальный астрономическій инструментъ. Затѣмъ, утвердивъ возлѣ площадки горные посохи и прикрывъ ихъ кожею, мы устроили навѣсъ, подъ которымъ предстояло провести ночь 6-ти путешественникамъ; убѣдясь, что не будемъ подвергаться теченію сквознаго воздуха, мы изъ худшаго выбрали по возможности лучшее.

«Въ 6-ть часовъ вечера проводники заявили, что имъ оставаться невозможно, за неимѣніемъ теплой одежды. Надъ избраннымъ нами пріютомъ возвышались острые пики скалъ, какъ-бы замѣняющіе собою отводы электричества; здѣсь спутники мои и я кое-какъ помѣстились подъ навѣсомъ; служитель мой Кисловъ и урядникъ Дахновъ укрылись въ трещинахъ скалъ; проводники и остальная команда отпущены въ метеорологическій лагерь. Онъ былъ устроенъ 11-го августа (н. с.) на мѣстѣ, гдѣ уже начинался снѣгъ, солдатамъ приказано тамъ переночевать, но выступить до разсвѣта и принести двѣ палатки въ нашъ лагерь, названный «ужаснымъ».

«Въ 7-мь часовъ ураганъ свирѣпствуетъ, разрывая иногда темныя густыя тучи, открывая (при слабомъ лунномъ свѣтѣ) то нѣкоторыя части долины Аракса, то Малый Араратъ; кругомъ-же всюду глубокія пропасти.

«Въ 10 часовъ буря разыгралась вполнѣ; молніи, которыя обыкновенно являются, если смотрѣть на нихъ снизу, какъ узкія золотыя ленты, пробѣгающія сквозь тучи, представляются теперь широкими стѣнами электрическаго свѣта; громъ слѣдуетъ непосредственно за молніей; удары раздаются безпрерывно на подобіе ужасныхъ залповъ сотни батарей.

«Въ 1 ч. ночи, надъ нашими головами, ударомъ грома оторвана была часть высшаго пика скалъ; она упала въ пропасть.

«15-го августа, въ 2 ч. пополудни, солдаты едва успѣли принести палатки; не было возможности развернуть ихъ между скалами; я съ 4-мя солдатами, съ большимъ усиліемъ вышелъ, желая отыскать открытую мѣстность; мы останавливаемся на покатости въ 35 градусовъ, ураганъ вырываетъ изъ рукъ людей палатки, угрожая разорвать въ куски ихъ полотно. Во время такой возни пришли и сотоварищи. Но невозможное дѣлается иногда возможнымъ. При доброй волѣ и неутомимыхъ усиліяхъ, моя алжирская палатка была укрѣплена; наконецъ въ ней разостланъ коврикъ. Невыразимое удовольствіе отдохнуть подъ защитою парусины, не подвергаясь свирѣпости вьюги, наградило трудъ. Устроившись кое-какъ, мы должны были оставаться въ палаткѣ (на высотѣ 16520 фут.) въ продолженіе 4 сутокъ (15, 16, 17 и 18-го августа).

«17-го августа, послѣ полудня, погода разгулялась; солнце закатилось подъ свѣтлымъ небосклономъ. Очевидно, завтра успѣемъ достигнуть цѣли.

«Дѣйствительно, 18-го августа, въ 8 ч. утра, солнце свѣтило ярко; вершина Арарата развернула блистательно свой бѣлый покровъ, вся низменность была покрыта бѣлою пеленою густаго тумана, похожаго на замерзшее море. По мѣрѣ того какъ солнце поднималось надъ горизонтомъ, выходилъ изъ тучъ бѣлый дымокъ, вначалѣ полупрозрачный, потомъ болѣе и болѣе сгущенный. Вѣтеръ гналъ къ намъ всю массу тумана, мы окружены имъ совершенно, а вѣтеръ не утихалъ, бросая намъ въ глаза частицы обледенѣлаго снѣга.

«Очевидно, нельзя было остановить похода; взявъ зрительную трубу, я иду съ двумя

солдатами, которые несутъ ящикъ съ геліотропомъ. Переведя духъ лишь на первомъ уступѣ, мы увидѣли вѣху Чугункова. (Принадлежащій къ экспедиціи рядовой Чугунковъ, съ двумя товарищами, по своей охотѣ, ходили на восточную вершину Большаго Арарата (мѣсто наблюденія академика Абиха въ 1845 г.) и поставили тамъ березовую вѣху въ доказательство совершеннаго ими подвига). Придя къ ней, встрѣчаемъ неожиданно новое препятствіе — почти отвѣсный оврагъ (около 35 фут. глубины); онъ раздѣляетъ восточную и западную вершины Арарата... Но какъ вся мѣстность была покрыта твердымъ, замерзшимъ снѣгомъ, то соскочить внизъ и взобраться выше было дѣломъ одной минуты. Вѣтеръ все же дуетъ очень сильно, забрасывая глаза снѣжною пылью.

«Въ 10 ч. я дошелъ до купола западной вершины; онъ съ легкимъ уклономъ упирается въ скалистыя, отвѣсныя стѣны, исключая восточной стороны, единственно доступной, по которой мы и прошли. Вся окружность купола, по измѣренію Н. В. Ханыкова, имѣетъ около 1130 шаговъ; въ серединѣ его лежитъ высшая точка.

Красный мостъ черезъ р. Храмъ.

«Съ вершины открывается видъ огромнѣйшихъ размѣровъ; къ сѣверу Эльборусъ (18,518 фут.) едва замѣтенъ какъ блѣдное пятно (400 верстъ разстоянія), возлѣ Казбекъ (16,546 ф.) ясно видѣнъ (290 верстъ). По обѣ стороны гигантовъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря, залегаетъ снѣговой центральный хребетъ горъ. Къ востоку простираются цѣпи горъ, окружающихъ озеро Гокчай (дно погасшаго вулкана). При бѣгломъ обзорѣ мѣстности я легко нашелъ свѣтъ геліотропа, установленнаго астрономомъ Александровымъ на Ах-дагѣ, высшемъ его пикѣ; другой геліотропъ рѣзко видѣнъ невооруженнымъ глазомъ на сигналѣ Кульпи, гдѣ находился и самъ Александровъ. Къ югу панорама простирается за гору Савеланъ въ Персіи (15,780 фут.) и пр. Поспѣшно установивъ геліотропъ, я передаю условные знаки на Ах-дагъ и получаю отвѣты.

«Чрезъ нѣсколько минутъ приходятъ спутники; впереди урядникъ Дахновъ несетъ крестъ. Въ 10 ч. 20 м., взявъ изъ рукъ Дахнова крестъ, я погружаю его въ замерзшій снѣгъ. Упомянуто было выше, что 14-го августа проводникъ Симонъ оставилъ въ «ужасномъ» лагерѣ принесенный имъ крестъ; на другой день (15) является Дахновъ съ просьбою: «Сдѣлайте божескую милость, дозвольте снести крестъ; когда, Богъ дастъ, я возвращусь на Донъ въ отцовскій домъ и разскажу, въ чемъ было дѣло, то всѣ станичники будутъ очень рады.» Получивъ согласіе, Дахновъ, положивъ на правое плечо крестъ, отправляется въ путь; на мое замѣчаніе, что Симонъ несъ его предъ собою, урядникъ отвѣчалъ: «А какъ Іисусъ Христосъ несъ свой тяжелый крестъ?—и мнѣ нужно его нести такъ же.» На вершинѣ, передавъ мнѣ крестъ, Дахновъ сдѣлалъ три земные поклона и помолился усердно.

«Утвердивъ символъ христіанства на вершинѣ библейской горы, мы, открывъ головы, тихо помолились. Вѣтеръ все дулъ сильно, поднимая снѣговую пыль; до заката солнца оставалось не болѣе 3-хъ часовъ; инструменты находились на саняхъ ниже нашей ставки; поне-

волѣ пришлось еще разъ переночевать въ ней. Баронъ Усларъ возвратился въ метеорологическій лагерь.

«18-го августа, возвратившись на вершину, Ханыковъ, Морицъ, Александровъ и Шароянъ занялись производствомъ, поочереди, метеорологическихъ наблюденій; мнѣ же предстояло рѣшить три задачи:

1) «Какимъ образомъ утвердить ножки штатива теодолита, чтобы онъ стоялъ неподвижно? — Связавъ наши посохи и казачьи пики и зондируя ими до 50 фут. глубины, нельзя было достигнуть твердой почвы; тогда не оставалось другаго средства, какъ, взявъ небольшія каменныя плитки, привезенныя на всякій случай, расположить ихъ такъ, чтобы концы штатива могли на нихъ стоять удобно, и облить ихъ горячею водою изъ самовара, которая скоро замерзла, послѣ чего теодолитъ стоялъ твердо, какъ-бы на скалѣ; когда-же солнце свѣтило, низъ штатива покрывался войлоками».

Могила Грибоѣдова въ монастырѣ св. Давида.

2) «Казалось очевиднымъ, что раньше двухъ, трехъ дней не было возможности окончить геодезическія наблюденія и потому приходилось-бы оставаться ночью на открытомъ воздухѣ. Разрывъ глубокую яму въ снѣгу, погрузили въ нее мою алжирскую палатку, оставивъ лишь небольшое отверстіе для входа; по серединѣ ея разостланные ковры замѣняли постель. Такимъ-же порядкомъ поставлена была возлѣ другая солдатская палатка.

«У входа вбили въ снѣгъ деревянный брусокъ, на которомъ прикрѣпили психрометръ и барометръ Фортена, снявъ съ него приборъ, соединяющій штативъ съ стекляною трубкою, наполненною ртутью, безъ чего нельзя было видѣть дѣленія скалы.

3) «Пищу приготовляли слѣдующимъ образомъ: наполнивъ два мѣдныхъ таза древеснымъ углемъ, съ большимъ усиліемъ разводили огонь; тогда импровизированный кашеваръ стремился приготовлять обѣдъ. Послѣ ночи съ 14 на 15 августа у служителя моего и походнаго повара Кислова распухли глаза; онъ отправился внизъ, на его мѣсто поступилъ кашеваръ-солдатъ; замерзшее вино осталось нетронутымъ; чай, водка, портеръ, разбавленный кипяткомъ, и снѣгъ, таявшій во рту, составляли наши напитки.

«Устроившись такимъ образомъ, мы могли жить и наблюдать.

«19-го августа, съ 5-ти часовъ вечера до полудня слѣдующаго дня, производились метеорологическія наблюденія: вечеромъ инструменты были привезены и установлены. Въ 5 час. Шароянъ ушелъ въ нижній лагерь; за нимъ послѣдовали гг. Ханыковъ и Морицъ, окончивъ слѣдующаго 20 числа суточныя наблюденія.

«20-го августа утро было прекрасное, чудными красками загорѣлась заря. За полчаса до восхода солнца явственно очертился на западномъ небосклонѣ темно-бурый кругъ, образованный тѣнью земли; онъ постепенно исчезалъ, а полная луна, склоняясь къ захожденію, дополняла прелесть картины.

Даевчинскій мостъ на Поти-Тифлисской жел. дор.

«Геодезическія измѣренія производились удачно почти до полудня, покуда верхушки горъ (тригонометрическіе пункты) не закрылись тучами. Вообще можно было работать только по утрамъ — три, четыре часа безпрерывно. Только 21-го числа наблюденія продолжались до 4 ч. пополудни. Вотъ причина, заставившая меня пробыть на Араратѣ пять дней, съ однимъ солдатомъ. Прочіе-же спутники то спускались внизъ, то возвращались по мѣрѣ надобности. Мы весьма немного успѣли привезти провизіи; ежедневно солдаты и жители ближайшихъ деревень являлись, принося кто хлѣбъ, кто мѣшокъ углей и т. п. Приходившіе армяне останавливались у креста и, протирая глаза отъ удивленія, убѣждались въ томъ, что они дѣйствительно находились на возвышеннѣйшемъ пунктѣ; послѣ краткой молитвы, каждый армянинъ, отдавая мнѣ свою ношу, получалъ по бѣлому полтиннику и по рюмкѣ водки.

«Того-же 20-го августа Александровъ участвовалъ со мною въ метеорологическихъ наблюденіяхъ; къ сожалѣнію, состояніе его здоровья дѣлалось все хуже и хуже. Наконецъ, онъ долженъ былъ 21 числа оставить верхній лагерь; его замѣнилъ Шароянъ, возвратившійся на Араратъ въ этотъ день вечеромъ. Астрономъ Александровъ усердно просилъ меня дозволить ему сдѣлать астрономическія наблюденія на Араратѣ; для исполненія этого желанія надлежало взять съ собою универсальный кругъ (6 пудовъ вѣсу), что́ почти втрое увеличило-бы вѣсъ необходимаго груза. Предпріятіе не удалось; сильно заболѣвъ, Александровъ долженъ былъ возвратиться въ Аралыхъ, откуда перевезли его, очень трудно больнаго, въ Эриванскій госпиталь, въ которомъ онъ заплатилъ жизнью за свое желаніе побывать на Араратѣ.

Островъ Севанга.

«22-го августа мы утвердили крестъ окончательно, обложивъ его кругомъ замерзшимъ снѣгомъ, залитымъ кипяткомъ. Ночью вся масса превратилась въ твердый, какъ камень, ледъ.

«По серединѣ креста была прибита мѣдная дощечка (12 дюймовъ длины и 8½ ширины) съ надписью: «1850 г., 6 (18)-го августа, въ благополучное царствованіе Императора Николая I, при кавказскомъ намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ, взошли на Араратъ начальникъ тріангуляціи полковникъ Ходзько, Н. В. Ханыковъ, П. Н. Александровъ, Ар. Ф. Морицъ, П. К. Усларъ, П. I. Шароянъ и 60 нижнихъ чиновъ».

«24-го августа, въ 10 ч. утра, мы съ Шарояномъ, окончивъ работу на западной вершинѣ Арарата, перешли на восточную его вершину, гдѣ до 1 часу успѣли довершить все дѣло. Потомъ я сѣлъ въ сани и помчался стремительно внизъ, но крутизна спуска заставила продолжать путь на буркѣ, чтобы остановиться въ метеорологическомъ лагерѣ въ 4 часу и отдохнуть на зеленомъ лугу.

«Въ заключеніе описанія нужно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что́ мы испытали на высотѣ 16,918 фут. Во время подъема, нельзя было обращать на что-либо вниманіе, кромѣ какъ на достиженіе предположенной цѣли. На самой вершинѣ 19-го и 20-го, я чувствовалъ разслабленіе всего организма, грудь была сильно сжата, голова какъ-бы желѣзнымъ обручемъ накрѣпко связана. Такой недугъ, уменьшаясь постепенно, исчезъ почти совершенно 21 числа. При каждомъ нѣсколько ускоренномъ движеніи, постоянно прекращалось дыханіе, особенно ночью,

всякое движеніе, необходимое для того, чтобы закутаться въ развернувшуюся во время сна шубу, прекращало отдыхъ.

«20-го августа, во 2-мъ часу пополудни, начали собираться густыя облака и совершенно закрыли всю низменность, растянувъ надъ ней бѣлый саванъ, сквозь который прорѣзывались только пики высшихъ вершинъ горъ. Внизу подъ нашими ногами разразилась буря, но надъ вершиною Арарата ярко свѣтило солнце. Въ 5 час. вечера молніи прорѣзывали эту бѣлую пелену. Въ метеорологическомъ лагерѣ было ясно, внизу же тучи.»

Въ журналѣ этого числа мы находимъ замѣчаніе: «20-го августа, въ 1 ч. вечера, вершина Арарата закрыта густыми облаками; въ 5 ч. 10 м. громъ и молніи; 5 ч. 30 м. градъ величиною въ грецкій орѣхъ.

«На высотѣ 16,918 фут. прекращается всякая животная жизнь; въ продолженіе 6 сутокъ не пролетѣла возлѣ насъ ни одна птица. Но замѣтны нѣкоторые слѣды растительности; вода изъ растопленнаго снѣга содержала въ себѣ узкія зеленыя нити, на подобіе тѣхъ, какія находятся въ стоячихъ водахъ озеръ и рѣкъ и въ минеральныхъ источникахъ. На южной покатости купола вершины мы нашли розовыя мелкія головки цвѣтовъ.

«21-го августа, утромъ, два тура появились на восточной вершинѣ въ полутораста шагахъ отъ насъ; грѣясь на солнцѣ, они поворачивались свободно, увѣренные, что нечего имъ бояться; но когда, желая явственнѣе ихъ осмотрѣть, я послалъ солдата за зрительною трубою оставленною на штативѣ теодолита, тогда туры, замѣтивъ движеніе, испугались и, наклонивъ головы, бросились въ глубокую пропасть, упали на рога и исчезли.

«По возвращеніи въ лагерь, отдохнувъ немного, я замѣтилъ, что нельзя было снять съ ногъ сапоги, не прорѣзавъ ихъ въ куски; продержавъ распухшія ноги болѣе трехъ часовъ въ очень холодной водѣ ручейка, вытекающаго изъ ледниковъ, я могъ отправиться верхомъ въ отстоявшій въ 35 верстахъ отъ нашего лагеря гостепріимный домъ А. П. Хрещатицкаго.

«На другой день мы послали князю Воронцову краткое и наскоро составленное Н. В. Ханыковымъ описаніе Араратскаго похода.

. . . .

«Въ заключеніе прибавимъ, что пришлось лѣчить мои ноги въ продолженіе 6 недѣль, покуда опухоль исчезла совершенно».

Вотъ подлинное описаніе восхожденія на знаменитую Ноеву гору служителей науки, изъ которыхъ нынѣ, черезъ тридцать лѣтъ, ни одного въ живыхъ не осталось.

Г. Радде.

ОЧЕРКЪ IV.

ГОРНЫЯ ПЛЕМЕНА КАВКАЗА.

Кавказскій хребетъ. — Горныя племена; ихъ подраздѣленіе и мѣста жительства. — Вѣра. — Управленіе. — Общества и отдѣльныя владѣнія въ Дагестанѣ. — Адатъ. — Кровомщеніе. — Гостепріимство. — Шаріатъ. — Жилища горцевъ. — Внутренній бытъ и семейная жизнь. — Положеніе женщинъ. — Пища. — Костюмъ горцевъ. — Оружіе. — Женскій костюмъ. — Языкъ. — Способы существованія. — Война съ горцами. — Кази-Мулла, Гамзатъ-бекъ и Шамиль. — Плѣненіе Шамиля. — Война съ Закубанцами. — Окончательное покореніе Кавказа. — Выселеніе горцевъ въ Турцію.

«Аллахъ ли тамъ среди пустыни
Застывшихъ скалъ воздвигъ вершины.
. . . .
Иль Дивы словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить.»

ЛЕРМОНТОВЪ.

«И смокнулъ ярый крикъ войны:
Все Русскому мечу подвластно.
Кавказа горные сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихія кони,
Ни дикой вольности любовь!»

ПУШКИНЪ.

Домашній бытъ Абхазцевъ.

роходъ черезъ главный Кавказскій хребетъ отъ Керчинскаго пролива до Каспійскаго моря возможенъ только на однѣхъ его оконечностяхъ съ сѣвера на югъ; въ остальныхъ-же частяхъ этотъ хребетъ представляетъ почти сплошную массу горъ, рѣзко отдѣляющую сѣверный Кавказъ отъ Закавказья не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Сѣверные склоны этого хребта, спускаясь сначала крутыми, а потомъ болѣе отлогими уступами въ равнину, служащую продолженіемъ при-волжскихъ и при-донскихъ степей, образуетъ съ прилегающимъ къ нимъ пространствомъ слѣдующія части: *западную* или бассейнъ рѣки Кубани, *восточную* или бассейнъ рѣки Терека, и *промежуточную* маловодную степь по рѣкамъ Кумѣ и Калаусу. Сѣверо-восточный же склонъ главнаго хребта составляетъ высокое нагорное пространство (Дагестанъ), вмѣщающее въ себѣ бассейны рѣкъ Сулака и Самура.

Южная часть Кавказа, отъ главнаго хребта къ Черному морю, образуетъ узкую прибрежную полосу, упирающуюся въ рѣку Ингуръ. Далѣе, на востокъ, находится замкнутый бассейнъ рѣки Ріона, а за Месхійскимъ хребтомъ бассейнъ рѣки Куры.

Собственно Кавказскія горы занимаютъ площадь въ 2,600 квадр. миль.

На этомъ громадномъ пространствѣ живутъ и отчасти жили:

Черкесы (Адиге). Въ составъ этого народа входили племена, размѣстившіяся слѣдующимъ образомъ:

На сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, въ долинахъ, орошаемыхъ рѣками Бѣлой, Лабой, Пшишемъ, Псекупсомъ и ихъ притоками, жили *Абадзехи,* самое воинственное изъ Черкесскихъ племенъ. На востокѣ рѣка Супсъ отдѣляла Абадзеховъ отъ *Шапсуговъ*, населявшихъ долины по рѣкамъ Убинъ и ея притокамъ, терявшимся въ болотахъ, не достигая Кубани. Въ окрестностяхъ Анапы и въ направленіи оттуда по берегу Чернаго моря до рѣки Туапсе и вверхъ

Хунзагъ въ Дагестанѣ.

по Кубани до Адагума жили *Натухайцы* (Натхокуаджъ), въ составъ которыхъ вошли племена Чебсинъ и Хегайкъ; послѣдніе окончательно истреблены чумою 1812 года. Шапсуги и Натухайцы составляли, по нраву и характеру, почти одинъ народъ и во всѣ времена отличались одинаковою непокорностью.

Въ среднихъ частяхъ Урупа и Лабы и на промежуточномъ пространствѣ между этими рѣками размѣстились *Бесленѣевцы;* на сѣверо-западъ отъ нихъ, по рѣкамъ, впадающимъ въ нижнюю Лабу, обитали *Егарукаевцы* и *Мехешевцы;* еще далѣе на западъ, между рѣками Схагуаше и Пшишъ — *Гатюкаевцы*, а сѣвернѣе, по правому берегу Бѣлой и по гребню горъ, отдѣляющему эту рѣку отъ Лабы — *Темиргоевцы* (Кемгуй), смежные на западѣ съ Абадзехами. На востокъ отъ Шапсуговъ, противъ Екатеринодара, между рѣками Афипсомъ и Бѣлой, жили *Бжедухи*, раздѣлявшіеся на Хамышейцевъ и Черченейцевъ.

Кабардинцы (Кабертай), не примыкавшіе непосредственно къ соплеменнымъ имъ отраслямъ Черкесскаго народа, населяютъ Большую Кабарду, лежащую между Малкою и Терекомъ и примыкающую на югѣ къ Осетинамъ, и Малую Кабарду, разстилающуюся на правомъ берегу Терека до предгорій и береговъ рѣки Сунжи.

Наконецъ къ Черкесамъ слѣдуетъ причислить нѣкогда могущественное племя *Жанѣевцевъ*, коего остатки удержались на Каракубанскомъ островѣ, и сильное племя *Убыховъ*, занимавшее по берегу Чернаго моря урочища Вардане и Сапе.

Такимъ образомъ, Черкесы занимали большую половину Кабардинской плоскости, значительную часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта и восточный берегъ Чернаго моря.

Пространство между рѣкою Ингуромъ и хребтомъ, отдѣляющимъ рѣку Бзыбь отъ рѣки Псху, а на сѣверѣ до главнаго хребта, было заселено племенемъ *Азега,* которое также раздробилось на многія отрасли. Къ юго-востоку отъ Убыховъ находились *Джигеты* (Садзенъ), занимавшіе пространство по берегу Чернаго моря отъ рѣчки Хамышъ до Гагръ, а къ востоку — *Медовѣевцы*, дробившiеся на отрасли: Псху, Ахчипсоу и Анбга. За Гаграми, по направленію къ Ингуру, жили *Абхазцы*, одно изъ древнѣйшихъ племенъ Кавказа. Къ нимъ слѣдуетъ причислить Самурзаканцевъ, занимавшихъ землю по берегу Чернаго моря между рѣками Ингуромъ и Галидзгой. Абхазскій элементъ въ особенности преобладалъ въ западной части Самурзакани. Выше Абхазцевъ, по Кодору, въ долинѣ Далъ, помѣстились *Цебельдинцы* (Замбалъ): въ верховьяхъ рѣки Гупсъ — *Баракаи;* къ югу отъ нихъ, въ верховьяхъ рѣки Ходзь — племя *Багъ;* къ востоку, въ верховьяхъ Малой Лабы — *Шегерай*, а еще далѣе, въ верховьяхъ Большой Лабы — племя *Тамъ*. Промежуточное же пространство между верховьями Большой и Малой Лабы было заселено *Кизылбековцами,* отъ которыхъ къ юго-востоку, у верховьевъ Урупа и Большаго Зеленчука, жили *Башильбаевцы*, и наконецъ *Басьхогъ*, разселившіеся въ концѣ XVII вѣка, съ согласія Кабардинцевъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской котловины. Племя Басьхогъ извѣстно у Татаръ подъ именемъ Алты-кесекъ или *шестиродныхъ*, отъ имени своихъ владѣтелей Бибердъ, Лоу или Ловъ, Дударукъ Кіяшъ, Джантемиръ и Клишъ.

Лихнинская церковь въ Абхазіи.

На сѣверномъ склонѣ главнаго хребта, близъ верховьевъ Кубани и Теберды, у подошвы Эльборуса, живетъ татарское племя *Карачаевцевъ*, родственное съ Уруспіевцами, Чегемцами и Балкарцами, размѣстившимися по рѣкамъ Баксану, Чегему и Тереку.

По берегамъ рѣки Кубани, отъ станицы Баталпашинской до устья рѣки Лабы, жили *Ногайцы*, переселенные туда Петромъ I изъ Астраханскихъ степей, куда они были оттѣснены Калмыками съ береговъ Иртыша. Впослѣдствіи они отдались подъ покровительство Турціи, но въ 1770 году снова возвратились на Кубань.

Продолжая нашъ перечень Кавказскихъ горскихъ племенъ въ направленіи къ востоку, мы встрѣчаемъ *Сванетовъ* (иверскаго или картвельскаго происхожденія), живущихъ къ югу отъ Эльборуса, въ верховьяхъ Ингруа и Цхенисъ-цкали, а еще далѣе — *Осетинъ* (Иронъ), принадлежащихъ къ иранскому племени и подраздѣляющихся на Дигорцевъ, Валаджирцевъ, Куртатцевъ и Тагаурцевъ. Осетины разселились по верховьямъ рѣкъ Арагвы и Терека на протяженіи Военно-Грузинской дороги и по смежнымъ съ нею ущельямъ, затѣмъ въ сѣверной нагорной части Горійскаго уѣзда, по рѣкамъ Большой и Малой Ліахвѣ, и на сѣверномъ Кавказѣ по рѣкамъ Фіагдону и Ардону и по смежнымъ мѣстностямъ.

Къ югу отъ главнаго хребта, по верховьямъ рѣкъ Алазани, Іоры и Пшавской Арагвы

и частью на сѣверной сторонѣ хребта, по верховью Чантры-Агуна, жили *Тушины*, *Пшавы* и *Хевсуры*.

Земли между теченіемъ рѣки Аксая, послѣдними террасами главнаго хребта и рѣкою Сунжею были заняты *Чеченцами*. Племя это также имѣло свои подраздѣленія: по верховьямъ рѣкъ Сунжи, Камбилейки, Назрановки и по теченію этихъ рѣкъ до впаденія рѣки Яндырки въ Сунжу и по Терской долинѣ жили *Назрановцы;* по рѣкамъ Ассѣ и Сунжѣ — *Карабулаки*, самое враждебное намъ племя; по ущелью Макалдона и Аргуна — *Кисты* и пр. Кромѣ того были отрасли, называвшіяся по именамъ селеній или горъ и рѣкъ, по направленію коихъ были расположены ихъ аулы, но дѣленіе это не имѣло основанія и самимъ Чеченцамъ было неизвѣстно. Они сами себя называютъ Нахчуй (въ единств. числѣ Нахчуо), т. е. народъ, и это относится до всего народа, говорящаго чеченскимъ языкомъ.

Черкесъ.

Наконецъ, Дагестанъ, подъ именемъ котораго извѣстно пространство, заключающееся въ прямолинейномъ треугольникѣ, котораго стороны составляютъ хребты Главный Кавказскій и отходящій отъ него отъ горы Барбало (въ Тушетіи) Андійскій и берегъ Каспійскаго моря, — заселенъ *Лезгинами*.

Горцевъ никогда никто не считалъ, почему и точныхъ статистическихъ свѣдѣній о нихъ не существовало. По приблизительному же опредѣленію, до выселенія значительной части населенія горъ въ Турцію: считалось Черкесъ 300,000 душъ, Убыхъ 25,000 душъ, Абхазскаго племени 150,000 душъ, Сванетовъ 10,000 душъ, Осетинъ 28,000 душъ, Чеченцевъ 120,000 душъ, Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ 12,000 душъ, Лезгинъ 450,000 душъ, всего 1,095,000 душъ. А съ Ногайцами, Кумыками и Балкарцами, которыхъ считалось 45,000—общая цифра составлялъ 1.140,000 душъ.

Приведенное выше подраздѣленіе Кавказскихъ народностей было, однако-же, мало извѣстно не только въ Европѣ, но и въ Россіи, гдѣ всѣхъ вообще горцевъ привыкли называть Черкесами. Такъ, Хевсуръ почему-то считали потомками крестоносцевъ, задержанныхъ въ Кавказскихъ горахъ при возвращеніи ихъ изъ Палестины въ Европу. Знаменитый Палласъ полагалъ, что Черкесы, подчинивъ себѣ другіе народы, сообщили имъ свой языкъ, подобно тому, какъ Тевтонскіе рыцари сообщили, хотя отчасти, свой языкъ Латышамъ и Эстамъ.

Критическій разборъ этихъ и множества подобныхъ гипотезъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящаго очерка, а потому скажемъ коротко, что въ тѣ отдаленныя времена, когда Закавказье дѣлилось на Колхиду, Иверію и Албанію, а частью входило въ со-

Аулъ Игали, въ Дагестанѣ.

ставъ Великой Арменіи, сѣверный Кавказъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Азіатской Сарматіи (Sarmatia Asiatica), заключавшей въ себѣ, кромѣ земель, занятыхъ Черкесскими племенами, и сѣвернаго Дагестана, и всѣ русскія провинціи между Дономъ и Волгой, а равно западныя части царствъ Астраханскаго и Казанскаго. Вся эта страна была знакома древнимъ только въ южныхъ ея частяхъ. Населеніе ея, извѣстное подъ общимъ именемъ Сарматовъ, дробилось на многія мелкія племена: Зиховъ, жившихъ на Понтійскомъ берегу, Кекетровъ, Мради (Mradi), Bosporani, на Босфорѣ Киммерійскомъ и нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ. Ближе къ берегу Каспійскаго моря жили: по рѣкѣ Кумѣ—Udini, по Тереку — Aondae, на Сулакѣ — Isondae; внутри страны Diduri (Дидойцы), къ западу отъ нихъ Metibi, еще далѣе Conapseni, затѣмъ къ востоку Tusci, нынѣшніе Тушины, и пр. Въ какой родственной связи исчисленныя народности состояли къ нынѣшнимъ горцамъ — опредѣлить трудно и предоставляется будущимъ изслѣдованіямъ. Намъ-же остается обратиться къ этнографической и бытовой сторонѣ горцевъ, придерживаясь программы настоящаго изданія. Предметъ нашъ въ данномъ случаѣ составитъ собственно мусульманское населеніе, т. е. племена Черкесскія, Абхазскія, Чеченскія и Лезгинскія, такъ какъ о племенахъ христіанскихъ, какъ равно о Кумыкахъ и Ногайцахъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Ингушъ (внішій).

Древнѣйшая вѣра Кавказскихъ горцевъ была чисто буддійская. Ученіе св. Евангелія среди нѣкоторыхъ племенъ современно Апостолу Андрею Первозванному, который, въ сопутствіи Симона Кананита, проповѣдывалъ его въ Мингреліи, Абхазіи и другихъ мѣстностяхъ по берегу Чернаго моря. О томъ, насколько вообще и до какихъ предѣловъ христіанство распространилось впослѣдствіи, лучше всего свидѣтельствуютъ развалины и остатки древнихъ церквей, которые попадаются во всѣхъ почти ущельяхъ отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги и далѣе на востокъ въ нагорной Чечнѣ. Подробное ихъ исчисленіе могло бы составить предметъ весьма обширной монографіи. Менѣе всего слѣды христіанства встрѣчаются въ Дагестанѣ. И понятно. Бóльшая часть населенія этой страны, размѣстившись по дикимъ и недоступнымъ ущельямъ и трущобамъ, вела жизнь вполнѣ изолированную и находилась всегда внѣ всякаго вліянія на него міровыхъ событій. Мнѣ извѣстна во внутреннемъ Дагестанѣ только одна церковь, да и она, судя по архитектурѣ, принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ. Она лежитъ въ 25 верстахъ отъ Хунзаха, на лѣвомъ берегу Аварскаго Койсу, въ тѣсномъ ущельѣ Гатани-калъ (церковное ущелье), близъ небольшаго ручья. Тѣснота ущелья, пріютившаго въ себѣ церковь, и скудость окружающей природы заставляютъ думать, что церковь не имѣла особаго прихода, но что сюда стекались изъ другихъ мѣстъ на богомолье. Шамиль, года за три до взятія его въ плѣнъ, разрѣшилъ какимъ-то четыремъ христіанамъ поселиться въ церкви, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, двое изъ нихъ на время отлучились въ Веденъ, а другіе двое неизвѣстно кѣмъ были убиты и имущество ихъ разграблено. Извѣстіе это крайне огорчило Шамиля и онъ строго предписалъ мѣстному наибу отыскать виновныхъ, но преступники не были открыты.

Въ VII столѣтіи въ южные предѣлы Кавказа проникъ исламъ, утвердившійся послѣ двухвѣковой борьбы въ Дагестанѣ и распространившійся въ IX вѣкѣ по берегу Чернаго моря. Но ученіе это, несмотря на многочисленныхъ послѣдователей, не было достаточно сильно, чтобы поколебать преобладавшее тамъ христіанство, которое въ XI и XII

вѣкахъ нашло сильную поддержку со стороны князей Тмутараканскихъ и царей Грузіи. Съ XVI же столѣтія начинается открытая борьба Креста съ Луною, продолжавшаяся до послѣдняго времени. Прямымъ послѣдствіемъ этого, какъ справедливо замѣчаетъ Дюбуа, былъ полнѣйшій индифферентизмъ горцевъ къ той и другой религіи и возвращеніе ихъ къ древнимъ суевѣріямъ. Это въ особенности относится до Черкесскихъ племенъ, религія которыхъ отличается поразительною смѣсью ислама съ христіанствомъ и язычествомъ. Такъ, мы не можемъ не признать въ ихъ поклоненіи высшимъ существамъ явныхъ признаковъ греческаго культа: Зейгутъ, покровитель наѣздниковъ, никто иной какъ Марсъ; Тлепсъ, покровитель кузнецовъ — Вулканъ, Хепезуатъ — Наяда, Хатогуатъ — Помона, Кодесъ — Нептунъ и проч. Особеннымъ уваженіемъ пользовался у нихъ Созерисъ, покровитель хлѣбопашества. Пришествіе его ожидается и празднуется въ декабрѣ, въ одно время съ нашимъ праздникомъ Рождества Христова. Къ этому времени въ домъ вносится сукъ о семи вѣтвяхъ, къ которымъ прикрѣпляются свѣчи изъ желтаго воска, пирожки и кусочки сыра. Созериса считаютъ также и покровителемъ моря.

Меріама, которую Черкесы называютъ Божіей Матерью, есть св. Марія, считающаяся покровительницею пчелъ. Она празднуется въ августѣ, почти одновременно съ Успеньемъ Пресв. Богородицы.

Горцы, жившіе на морскомъ прибрежьѣ, признавали Пасху, сами не зная въ память какого событія, и за двѣ недѣли до наступленія праздника не употребляли въ пищу яицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ сохранилось уваженіе къ священнымъ лѣсамъ и рощамъ, гдѣ символомъ ихъ поклоненія служилъ деревянный крестъ, прислоненный къ дереву. Впрочемъ, эта наклонность къ друидизму свойственна и другимъ Кавказскимъ племенамъ. Путешественники начала прошлаго столѣтія повѣствуютъ, что Черкесы съ зажженными факелами совершали процессіи вокругъ священныхъ деревьевъ и тутъ-же приносили въ жертву барановъ, козъ, быковъ и проч.

У племени Азега точно также сохранились слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ. Они поклоняются тѣмъ-же богамъ, какъ и Черкесы, не облекая ихъ, впрочемъ, въ опредѣленныя формы, и подобно имъ чтутъ священные лѣса, рощи и скалы. Особеннымъ уваженіемъ у нихъ пользуется наковальня: ей приносятся жертвы, и клятва при наковальнѣ считается ненарушимою. Первыя сѣмена христіанства внесены въ Абхазіи, какъ сказано выше, Андреемъ Первозваннымъ. Въ 550 году императоръ Юстиніанъ воздвигъ на берегу Чернаго моря Пицундскій храмъ, этотъ дивный памятникъ древняго византійскаго искусства. Послѣ паденія Генуэзскихъ колоній, въ Абхазію проникъ исламъ, нашедшій тамъ многихъ послѣдователей; бо́льшая-же часть населенія не только сохранила глубокое уваженіе къ развалинамъ древнихъ церквей, и особенно къ храмамъ въ Илори и Драндахъ, но осталась вѣрна язычеству, которое считалось еще не очень давно господствующею религіею между Абхазскими племенами. Собственно въ Абхазіи только члены владѣтельнаго дома и незначительная часть дворянъ исповѣдуютъ православіе; остальные придерживаются ислама и, подобно Черкесамъ, принадлежатъ къ расколу ханефи. Изъ крестьянъ только $^2/_5$ считаются мусульманами.

Слѣды язычества удержались равнымъ образомъ и въ Чечнѣ. Ингуши поклоняются идолу Гушмале и еще недавно почитали человѣческіе скелеты, уцѣлѣвшіе въ небольшомъ каменномъ строеніи, ниже кр. Назрана, по Сунжѣ. Они говорятъ, что остовы эти сохранялись тамъ въ теченіе 2,000 лѣтъ и испортились только съ приходомъ Русскихъ.

При царицѣ Тамарѣ или Русудани, т. е. въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка, между Чеченцами начало распространяться христіанство, о которомъ свидѣтельствуютъ развалины древнихъ храмовъ (какъ, напр., у Кистинъ, на горѣ Матхохъ, и у Галгаевцевъ, близъ аула Хейрѣ, церковь Каба-Ерды). Кистины и Ингуши, подобно Осетинамъ, празднуютъ новый годъ, день пророка Иліи и день Св. Троицы.

Въ началѣ прошлаго столѣтія Чеченцы приняли исламъ, присоединившись къ суннитскому толку шафіэ, котораго держатся также жители Дагестана, за исключеніемъ Дербента и нѣкоторыхъ мѣстъ, населенныхъ шіитами.

Такова религія горцевъ. Но оригинальности и особенности, которыми они отличаются въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ, отразились въ не меньшей мѣрѣ и на ихъ общественномъ и семейномъ бытѣ.

Управленіе у Черкесовъ было чисто-феодальное. Народъ раздѣлялся на князей (пши), дворянъ или узденей (уоркъ), свободныхъ, подвластныхъ и рабовъ. Строго же говоря, у нихъ было только два сословія: свободные и рабы. У нѣкоторыхъ племенъ, какъ, напр., у Натухайцевъ и Шапсуговъ княжескій родъ пресѣкся и остались только дворяне. Здѣсь кстати упомянуть, что между Натухайцами и Шапсугами обыкновенно жили наибы, присылавшіеся Шамилемъ чтобы поддерживать противъ насъ враждебныя отношенія Черкесовъ. У Убыховъ также не существовало князей, но за то сословіе дворянъ было особенно многочисленно. Съ Абадзехами Убыхи были связаны тѣми-же близкими отношеніями, какія существовали между Натухайцами и Шапсугами. Въ другихъ племенахъ сословіе князей удержалось до послѣдняго времени.

Общественный порядокъ въ народѣ поддерживался союзами фамилій, которыя, въ свою очередь, скрѣпляли взаимныя между собою отношенія брачными узами и отдачею дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства, гдѣ они считались самыми близкими родными. Обязанности воспитанника къ воспитателю (аталыку) были выше, чѣмъ къ собственнымъ родственникамъ.

Союзами фамилій установлялась безопасность каждаго лица отъ насилія посторонняго, а для предупрежденія всякаго раздора между самыми фамиліями существовалъ обычай, по которому за поступки каждаго отвѣтствовали всѣ члены фамиліи, и лицо, вовлекшее нѣсколько разъ свою фамилію во враждебныя отношенія къ другимъ, оставалось какъ-бы внѣ покровительства и ни на какую защиту разсчитывать не могло. Почтеніе къ старшимъ соблюдалось со всею строгостью; не менѣе уважались люди, отличавшіеся храбростью и умомъ. Въ быту семейномъ блюстителемъ порядка былъ отецъ, имѣвшій право на жизнь и продажу въ неволю жены, дѣтей и рабовъ.

Для обсужденія общихъ дѣлъ и предпріятій созывались народныя собранія, не имѣвшія ни опредѣленнаго мѣста, ни установленнаго періодическаго времени. Они происходили обыкновенно подъ открытымъ небомъ и имѣли видъ совѣщательный, причемъ не располагали никакими исполнительными средствами для наблюденія за исполненіемъ своихъ постановленій. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія народныя собранія происходили довольно рѣдко. Люлье, долго жившій между Черкесами, насчитываетъ всего пять такихъ собраній. Съ теченіемъ времени, а особенно съ 1840 года, народныя собранія, вслѣдствіе принятыхъ нами энергическихъ мѣръ противъ Закубанцевъ, участились. Въ собраніяхъ этихъ принимали участіе всѣ сословія, кромѣ крестьянъ, не имѣвшихъ права голоса.

То же феодальное устройство существовало у Абхазскихъ племенъ, съ тою лишь разницею, что у нихъ преобладалъ элементъ аристократическій. Джигеты и Цебельдинцы управлялись княжескими и дворянскими фамиліями, составившими между собою какъ-бы родъ федеративнаго союза. Собственно Абхазія, въ которой считалось шесть княжескихъ и восемь дворянскихъ фамилій, управлялась владѣтелемъ изъ рода князей Шарвашидзе, которому граматою императора Александра, въ 1810 году, даровано наслѣдственное право на внутреннее управленіе краемъ по народнымъ обычаямъ и изустнымъ законамъ. Послѣднимъ владѣтелемъ былъ князь Михаилъ Шарвашидзе, скончавшійся въ 1866 году.

Владѣтель не пользовался никакими податями, а князья и дворяне, составлявшіе господствующій классъ землевладѣльцевъ, получали доходы только съ своихъ имѣній и съ земель, принадлежавшихъ крестьянамъ.

У Чеченцевъ общественный бытъ отличается тою патріархальностью и простотою, какія мы находимъ въ первобытныхъ обществахъ. У нихъ нѣтъ сословныхъ подраздѣленій. Они образуютъ одинъ классъ—людей вольныхъ и не имѣютъ никакихъ феодальныхъ привиллегій. «Мы всѣ уздени», говорятъ Чеченцы, и это выраженіе должно понимать въ смыслѣ людей, за висящихъ сами отъ себя. Но въ массѣ кореннаго народонаселенія съ теченіемъ времени образовался немногочисленный классъ личныхъ рабовъ; его составили военно-плѣнные, постоянно захватываемые Чеченцами во время ихъ наѣздовъ. Хотя состояніе ихъ въ сущности ничѣмъ не разнилось, однако-же, ихъ стали подраздѣлять на *лай* и *ясиръ*. Послѣдніе отличались отъ первыхъ тѣмъ, что ясиръ могъ быть выкупленъ и воротиться на родину, тогда какъ лай, забывшій свое происхожденіе и религію, дѣлался неотъемлемою собственностью своего господина. Положеніе лаевъ въ Чечнѣ современемъ превратилось въ то безусловное рабство, какое

Грузинская арба.

существовало въ древнемъ мірѣ. Такимъ образомъ сословіе лаевъ было совершенно безправное, и оно могло образоваться только въ странѣ, не обезпеченной никакими почти законами, гдѣ каждый коренной обитатель считалъ себя полноправнымъ господиномъ.

Въ прежнее время, говорятъ Ичкеринскіе старожилы, когда народъ Чеченскій былъ еще малочисленъ и жилъ въ горахъ Ичкеріи и по верховью Аргуна, всѣ тяжбы судились стариками; старики были въ то время умные, жили долго; знали многое и всегда рѣшали по правдѣ, по своему разумѣнію, не руководствуясь никакимъ закономъ. Но такъ какъ они не имѣли въ своихъ рукахъ никакой исполнительной власти, то рѣшенія ихъ, основанныя на здравомъ умѣ и совѣсти, хотя и были справедливы, но не всегда приводились въ исполненіе, а уничтожались часто по произволу, т. е. платилось кровью за кровь, обидой за обиду. Дѣла, касавшіяся цѣлаго аула, обыкновенно рѣшались на сходкахъ, куда собирался весь народъ, и на которыхъ свободно говорилъ всякій, кто что̀ зналъ.

Обратимся къ Дагестану. Тамъ еще въ 1859 году считалось семь владѣній и 43 вольныхъ общества. Общества эти сохранили въ общественномъ устройствѣ преимущественно первобытныя формы: каждое селеніе избирало себѣ старшину, а нѣсколько селеній, составлявшихъ вмѣстѣ общество, управлялись кадіемъ; иногда же нѣсколько обществъ составляли союзъ. Въ обществахъ не существовало различія сословій, но личныя качества или даже связи родственныя, часто давали нѣкоторымъ лицамъ сильное вліяніе на цѣлое общество.

Изъ владѣтелей Дагестана древнѣйшими и сильнѣйшими со времени учрежденія въ этомъ краѣ власти Арабовъ были шамхалы Тарковскіе, называвшіеся также валіями. Владѣнія ихъ лежали бо́льшею частью на равнинѣ. Главная резиденція шамхаловъ была въ Тарку, древнемъ

Семендерѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Хазарамъ. Селеніе это лежитъ на крутой скалѣ, близъ берега Каспійскаго моря, и живописно только издали, внутри-же:

Скажу не въ смѣхъ,
Аулъ шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ,
Большой и длинной,
Обмазанъ глиной,
Нечистъ внутри,
Нечистъ снаружи,
Мечети съ три,
Ручьи да лужи.
(Полежаевъ).

На высшей точкѣ Тарку А. П. Ермоловъ построилъ въ 1821 году крѣпость Бурную, но она уже давно уничтожена.

Темиръ-ханъ-Шура.

Послѣднимъ шамхаломъ былъ Шемсъ-эддинъ, сынъ Муслимъ-хана, добровольно сложившій званіе это въ 1867 году.

Южной границей шамхальство прикасалось къ Кайтагу, который до 1820 года составлялъ особое владѣніе подъ управленіемъ уцміевъ (отъ арабскаго слова исми, т. е. именитый), считавшихся по своему значенію и вліянію въ Дагестанѣ вторыми послѣ шамхала. Послѣ Адиль-хана, измѣнившаго намъ и бѣжавшаго въ Аварію, А. П. Ермоловъ навсегда уничтожилъ достоинство уцміевъ.

Въ смежности съ Кайтагомъ находится бывшее Кюринское ханство, которое до 1839 года было соединено съ ханствомъ Казикумухскимъ подъ управленіемъ одного лица изъ рода Казикумухскихъ хановъ. Послѣднимъ Кюринскимъ владѣтелемъ былъ Юсуфъ-ханъ, сложившій съ себя это званіе въ 1864 году, а Казикумухскимъ—Агаларъ-бекъ, скончавшійся въ 1858 году.

Къ сѣверу отъ Кюринскаго ханства лежитъ Табасарань. Она раздѣлялась на сѣверную и южную. Первою управляли кадіи, а послѣднею майсумы,—достоинство установленное арабскими завоевателями въ VIII вѣкѣ и уничтоженное въ 1828 году. Послѣднимъ кадіемъ былъ Эльдаръ-бекъ, а правителемъ южной Табасарани—Ахмедъ-ханъ. Они оба сложили съ себя свои званія въ 1866 году, получивъ взамѣнъ пенсіи и достаточные къ ихъ обезпеченію участки земли.

Къ югу отъ шамхальства Тарковскаго лежало ханство Мехтулинское. Оно образовалось въ XVIII столѣтіи и имѣло своихъ владѣтелей, состоявшихъ въ близкихъ родственныхъ свя-

зяхъ съ домомъ Аварскихъ хановъ. Въ 1867 году полковникъ Решидъ-ханъ добровольно сложилъ съ себя званіе владѣтеля, удовольствовавшись сохраненіемъ титула хана, удержаніемъ за собою лично ему принадлежащихъ недвижимыхъ имѣній и ежегоднымъ содержаніемъ въ 5 т. рублей.

Кромѣ исчисленныхъ владѣній въ при-каспійской части Дагестана было еще ханство Дербентское и Кубинское, но оно, послѣ измѣны и бѣгства Шейхъ-Али-хана, поступило въ 1806 году, за исключеніемъ города Дербента, въ управленіе шамхала Тарковскаго Мехти, въ награду постоянной преданности его Россіи.

Въ самомъ средоточіи Дагестана находилось бывшее ханство Аварское, съ главнымъ селеніемъ Хунзахъ. Оно расположено на утесистыхъ и обрывистыхъ берегахъ ручья Токъ-иты и замѣчательно ханскимъ дворцомъ, съ которымъ соединяется воспоминаніе о прекрасной Султанетѣ, дочери Ахмедъ-хана, знакомой читателямъ изъ «Аммалатъ-бека» Марлинскаго. Аварія была нѣкогда сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Дагестанѣ. Сосѣди трепетали ея хановъ, и еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія знаменитый Омаръ-ханъ бралъ дань не только съ вольныхъ обществъ, но обложилъ ею хановъ Ширванскаго, Шекинскаго, Бакинскаго, пашу Ахалцихскаго и даже грузинскаго царя Ираклія II за то только, чтобы не тревожить ихъ владѣній.

Всѣ эти владѣнія управлялись ихъ ханами неограниченно, черезъ бековъ, джанковъ (родившихся отъ брака знатнаго съ простолюдинкою) и старшинъ, и всѣ дѣла рѣшались по ихъ личному усмотрѣнію.

У горцевъ никогда никакихъ письменныхъ законовъ не существовало; они управлялись обычаями, которые передавались изустно изъ рода въ родъ. Изъ совокупности этихъ обычаевъ составился *адатъ*, который можно назвать первымъ звеномъ соединенія человѣка въ общество, переходомъ его изъ дикаго состоянія къ жизни общественной. Человѣкъ, соединяясь въ общество, старается оградить себя отъ произвола, изыскиваетъ необходимыя для этого условія и создаетъ правила, на которыхъ могла-бы покоиться жизнь общественная. Но правила эти, какъ и все установляемое человѣкомъ, въ періодъ его младенчества, не прочны и, по неимѣнію письменъ, существуютъ въ однихъ лишь преданіяхъ. Въ нихъ человѣкъ какъ-бы боится подчинить себя опредѣленнымъ узамъ закона, а потому и исполнительной власти въ адатѣ почти не существуетъ, штрафовъ и наказаній за преступленія никакихъ нѣтъ, а если и есть, то весьма слабыя. Вообще можно сказать, что судъ по адату есть *судъ посредническій*, лишенный бóльшею частью средствъ понудительныхъ: рѣшенія его исполняются, если на то есть добрая воля судившихся, или пренебрегаются, если одна изъ сторонъ находитъ ихъ слишкомъ невыгодными для себя. Тутъ послѣдняя граница закона и гражданскаго порядка и первый переходъ къ личному самоуправству. Тамъ, гдѣ законъ безсиленъ, каждый получаетъ обратно природное право мстить за обиду и по своему усмотрѣнію наказывать своего врага или обидчика. Здѣсь и кроется начало жестокаго правила канлы (кровомщенія), признаннаго у всѣхъ горскихъ племенъ какъ дополнительный уставъ личнаго права, помѣщеннаго въ сводѣ ихъ преданій и гражданскихъ постановленій. Канлы состоитъ въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ убить убійцу или кого-либо изъ его родныхъ. Тѣ, съ своей стороны, опять должны отомстить за кровь кровью, и такимъ образомъ убійства продолжаются безконечно. Поэтому, послѣ каждаго убійства, между родственниками убитаго и родственниками совершившаго убійство возникаетъ право канлы, которое нерѣдко переходитъ отъ одного колѣна въ другое.

Генералъ А. В. Комаровъ, долго служившій въ Дагестанѣ и спеціально занявшійся адатами и судопроизводствомъ по нимъ, въ обстоятельной статьѣ своей по этому предмету, между прочимъ, сообщаетъ, что въ селеніи Гадаръ (Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа) кровомщеніе между двумя тохумами (родъ, родня, родственный союзъ), начавшееся вслѣдствіе убійства въ ссорѣ за курицу, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ. Другой примѣръ. Въ Андіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится хуторъ Цибильда, было довольно большое и богатое селеніе, жи-

тели котораго дѣлились на два тохума. Разъ, въ праздникъ курбанъ-байрама, молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей. Родственники его сейчасъ-же бросились на убійцу, отчего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось извѣстнымъ, что уже по нѣсколько человѣкъ убито съ обѣихъ сторонъ, старики и женщины начали въ свою очередь драться между собою и душить дѣтей другъ у друга. Убійства продолжались нѣсколько дней, и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка. Бывали случаи, что жители нѣкоторыхъ селеній, спасаясь отъ кровомщенія, переходили на другія мѣста и основывали новыя селенія въ чужомъ обществѣ.

То, что́ дѣлалось въ Дагестанѣ, повторялось въ Чечнѣ и у Черкескихъ племенъ; въ Абхазіи-же обычай кровомщенія произвелъ еще болѣе вреда, чѣмъ у Черкесовъ.

Другой, общій всѣмъ горцамъ обычай — гостепріимство, которое, напоминая намъ героическія времена Греціи (см. VI пѣснь Иліады въ переводѣ Гнѣдича), развито у нихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Гость, кто-бы онъ ни былъ, считался для горца лицомъ священнымъ и онъ мстилъ за его смерть, за нанесенную ему обиду или оскорбленіе.

Какъ кровомщеніе, такъ и гостепріимство — созданія адата.

Съ распространеніемъ между горцами ислама у нихъ началъ вводиться *шаріатъ* (правила и постановленія исламизма). Такимъ образомъ законодательство было составлено изъ нихъ у двухъ противоположныхъ элементовъ: шаріата, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, заключающихся въ коранѣ, и адата — на обычаяхъ народа младенческаго полудикаго. Послѣдній распространялся и усиливался всякій разъ, какъ ослабѣвалъ шаріатъ; и наоборотъ, адатъ падалъ и былъ отмѣняемъ, когда шаріатъ находилъ ревностныхъ проповѣдниковъ и послѣдователей.

Передъ нами одинокая, построенная изъ турлука и крытая соломою сакля. Она стоитъ на окраинѣ дремучаго лѣса и обращена фасадомъ къ рѣкѣ, которая серебряною лентою вьется въ крутыхъ берегахъ и въ близкомъ далекѣ исчезаетъ среди гористой мѣстности. Внутри сакля состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ небольшими окнами, безъ стеколъ. Входная низенькая дверь запирается извнутри деревянными клиньями, а окна ставнями. Въ одной изъ комнатъ, около стѣны вырыто въ земляномъ полу углубленіе для огня, а надъ нимъ устроена изъ плетня, обмазанная глиною, труба. По сторонамъ этой импровизованной печи придѣлано къ стѣнѣ нѣсколько полокъ для посуды и рядомъ съ ними, какъ въ хоромахъ Улисса, развѣшаны на гвоздяхъ оружіе и одежда. Нѣсколько круглыхъ столиковъ и кровать, покрытая войлокомъ, дополняютъ обстановку.

Близъ сакли стоитъ на четырехъ столбахъ амбаръ, а близъ него хлѣвъ для домашняго скота.

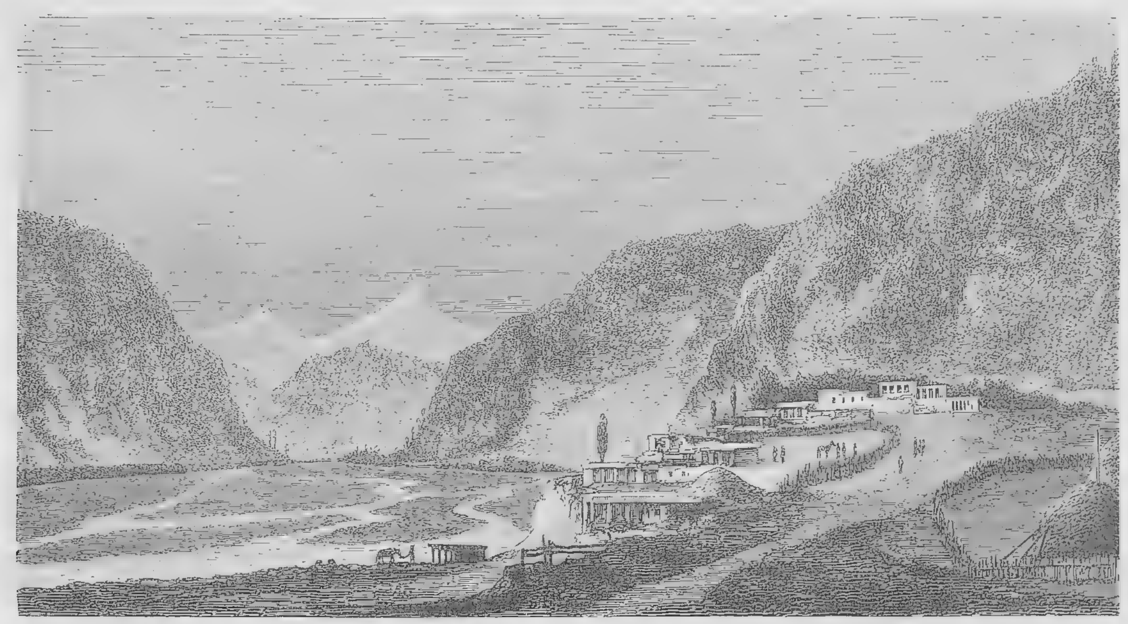
Всѣ эти постройки обнесены заборомъ или плотнымъ тыномъ, за которымъ находятся огороды, засѣянные преимущественно кукурузою и просомъ. Съ внѣшней стороны къ забору примыкаетъ кунакская, состоящая изъ дома и конюшни, построенныхъ на небольшомъ дворикѣ, огороженномъ частоколомъ.

Такова усадьба черкеса. Любя уединеніе, онъ строился отдѣльно, подальше отъ сосѣда, отчего Черкесскіе аулы разбросаны на довольно большомъ пространствѣ. То же самое мы находимъ у племенъ, живущихъ на равнинѣ, какъ, напр., у Мингрельцевъ. Каменныя постройки у Черкесовъ встрѣчаются только у живущихъ на вершинахъ горъ.

У Абадзехскихъ племенъ сакли утопаютъ или въ непроницаемой чащѣ дремучихъ лѣсовъ, или лѣпятся, подобно птичьимъ гнѣздамъ, надъ пропастями. Съ виду онѣ похожи на плетневыя корзины или клѣтушки и покрываются камышемъ, папоротникомъ или кукурузными листьями

(чала). Внутренняя обстановка соотвѣтствуетъ внѣшней и крайне бѣдна. Все домашнее имущество туземца заключается въ двухъ-трехъ сундукахъ съ фамильнымъ имуществомъ, въ оружіи, чугунномъ котлѣ для варки пищи, нѣсколькихъ ведрахъ и кадкѣ съ кислымъ молокомъ, любимымъ его напиткомъ.

Въ совершенно другихъ условіяхъ находится населеніе Чечни. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; дома у нихъ турлучные, внутри опрятно и свѣтло. Они снабжены окнами безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ холода и сѣверныхъ вѣтровъ, почему и двери обыкновенно обращены на югъ или востокъ. Эта сторона дома обнесена навѣсомъ, чтобы дождь не проникалъ внутрь и для прохлады лѣтомъ. Комнаты нагрѣваются каминами, а хлѣбъ пекутъ въ особо устроенныхъ на дворѣ круглыхъ печахъ. Въ каждомъ домѣ есть кунакская. Она состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, которыя всегда содержатся

Аулъ Чахъ-Кири и видъ на Аргунское ущелье.

въ чистотѣ. Здѣсь, въ кунакской, хозяинъ проводитъ цѣлый день и только къ вечеру возвращается въ семейство. Каждый домъ имѣетъ небольшой дворъ, огороженный плетнемъ.

У горныхъ Чеченцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Аргуна, гдѣ чувствуется большой недостатокъ въ лѣсѣ, дома каменные.

Не то мы находимъ въ Дагестанѣ. Тамъ аулы расположены въ глубокихъ ущельяхъ или на уступахъ горъ и состоятъ изъ каменныхъ домовъ въ два этажа, съ земляною крышею и балкономъ съ навѣсомъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщается скотъ, верхній предназначенъ для жилья. Занятіе Лезгинскихъ ауловъ представляло всегда большія затрудненія для осаждающихъ.

Внутренній бытъ и семейная жизнь у всѣхъ горцевъ одни и тѣ же. Мужчины вообще склонны къ праздности и проводятъ бо́льшую часть дня въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Вся ихъ работа заключается въ чисткѣ оружія или строганіи палочки. Женщины, напротивъ отличаются трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы; онѣ же ткутъ сукно для домашняго обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки, шьютъ на мужчинъ платья и обувь. Вообще, справедливо замѣчаетъ ген. Окольничій въ своей прекрасной статьѣ «*Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ*», что положеніе женщины въ горахъ крайне возмутительно; она тамъ замѣняетъ рабочій скотъ и въ хозяйственной іерархіи становится нѣсколькими ступенями ниже

лошади; посреди постоянныхъ трудовъ, она скоро блекнетъ, сгорбливается отъ тяжелыхъ ношъ, и тогда для нея наступаетъ еще худшая пора жизни, потому что горцы не уважаютъ старухъ, какъ ни къ чему не годныхъ.

Но, находясь въ такомъ безвыходномъ подчиненіи и неся все бремя по хозяйству, въ обширномъ смыслѣ этого слова, женщина и по чистоплотности, и по нравственнымъ своимъ качествамъ стоитъ далеко выше мужчины.

Въ пищѣ горцы умѣренны и способны на всякія лишенія; особенно они мало и рѣдко ѣдятъ во время походовъ и передвиженій. Обыкновенная пища ихъ: пшеничная похлебка, баранина, молоко, сыръ, кукуруза, густо сваренная просяная каша (паста у Черкесъ), хинкалъ, родъ лапши (у Лезгинъ), чуреки, буза или брага.

Костюмъ горца простъ, безъ всякихъ затѣй. Онъ состоитъ изъ бешмета или архалука,

Аулъ Салти въ Дагестанѣ.

черкески, ноговицъ, чевякъ (у Чеченцевъ чирики, родъ башмаковъ безъ подошвъ), бурки и папахи (у Черкесъ обшивается галуномъ) съ башлыкомъ, напоминающимъ фригійскую шапку, какъ мы ее встрѣчаемъ на этрусскихъ вазахъ древней Пантикапеи. Лезгины носятъ зимою тулупы съ огромными воротниками, обращенными мѣхомъ наружу.

Оружіе у всѣхъ горцевъ одинаково: шашка, ружье или винтовка, кинжалъ и пистолеты; на черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ, находятся кожаныя гнѣзда для ружейныхъ патроновъ, помѣщающихся въ газыряхъ, а на поясѣ — жирница, отвертка и небольшая сумка съ разными вещами для чистки оружія. Кольчуга, шлемъ и наручни, столь обыкновенные у Кабардинцевъ, встрѣчаются весьма рѣдко у другихъ Черкесскихъ племенъ.

Что касается женскаго костюма, то въ немъ не преобладаетъ то однообразіе, которое встрѣчается въ мужскомъ. Черкешенки сверхъ шароваръ надѣваютъ длинную, бѣлую рубашку изъ бязи или кисеи, съ широкими рукавами, сверхъ рубашки бешметъ (шелковый), чевяки, обшитыя галуномъ, а на голову круглую шапочку, повитую бѣлою кисейною чалмой. Костюмъ Абхазокъ похожъ на европейскій. Какъ у Черкешенокъ, такъ и у Абхазокъ, грудь молодыхъ дѣву-

шекъ сжимали особымъ корсетомъ, который онѣ носили до замужества. Костюмъ Чеченокъ почти тотъ же, что у Татарокъ. Голову онѣ повязываютъ длинными бѣлыми платками, но покрывалъ (чадръ) не носятъ и не прячутся отъ мужчинъ. Лезгинки также носятъ длинную нанковую или ситцевую рубашку и изъ той же матеріи шаровары, а сверху надѣваютъ архалукъ или бешметъ съ открытою грудью и прорѣхами на обоихъ бокахъ. Зимою женщины носятъ тулупы. Обувь ихъ та же, что у мужчинъ.

Племена Черкесскія, Абхазскія, Чеченскія и Лезгинскія говорятъ на языкахъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства. Изъ нихъ языки Черкесовъ и Убыхъ намъ почти вовсе неизвѣстны. Въ отношеніи абхазскаго и чеченскаго сдѣлано несравненно болѣе, благодаря трудамъ академика Шифнера и въ особенности покойнаго П. К. Услара, изслѣдовавшаго также въ Дагестанѣ одно изъ даргинскихъ нарѣчій, извѣстное подъ именемъ хюркилинскаго, и языки аварскій, казикумухскій (лакскій), кюринскій и табасаранскій, т. е. языки, на которыхъ говорятъ $^{2}/_{3}$ всего лезгинскаго населенія. Обиліе кавказскихъ горскихъ языковъ было извѣстно еще древнимъ. Извѣстно, что въ Діоскурѣ (въ Абхазіи), который еще во времена Страбона считался главнымъ торговымъ пунктомъ всего западнаго Кавказа, стекалось на рынокъ до ста различныхъ народностей, и что Римляне въ этомъ городѣ содержали для своихъ торговыхъ дѣлъ до 130 переводчиковъ.

Особеннымъ богатствомъ языковъ и нарѣчій отличается Дагестанъ. Случается, что тамъ какое-нибудь незначительное селеніе, какъ, напр., Инухъ въ Дидойскомъ обществѣ, состоящее изъ нѣсколькихъ дымовъ, говоритъ на языкѣ, совершенно непонятномъ для населенія сосѣднихъ съ нимъ ауловъ.

Кавказскіе горскіе языки представляютъ для Европейца непреодолимыя трудности въ отношеніи ихъ звуковой системы. Извѣстный академикъ Шегренъ, изслѣдовавшій языкъ Осетинъ, разсказываетъ, что онъ посвящалъ по нѣсколько часовъ на произнесеніе нѣкоторыхъ кабардинскихъ словъ, и что если это ему удавалось, то только благодаря случайности. Другой знаменитый ученый, Палласъ, посѣтившій Кавказъ въ 1793 и 1794 годахъ, замѣчаетъ, что Ингуши говорятъ, точно они набрали въ ротъ каменьевъ.

Къ какой группѣ языковъ должны быть отнесены языки Кавказскихъ горцевъ — это остается пока неизвѣстнымъ. Дюбуа находилъ сходство въ языкахъ черкесскомъ и абхазскомъ съ языкомъ чудскимъ и особенно финскимъ. Насколько такое мнѣніе справедливо, покажутъ будущія филологическія изслѣдованія.

Горцы существуютъ хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ (Черкесы) и скотоводствомъ. Промышленность и торговля у нихъ незначительны. Кабарда издавна славилась своими табунами лошадей и стадами овецъ, доставлявшими значительный доходъ населенію. У одноплеменныхъ же съ Кабардинцами Закубанскихъ племенъ главный сбытъ состоялъ въ кожахъ, лѣсѣ, медѣ, воскѣ и прочихъ произведеніяхъ, которыя они мѣняли на порохъ, свинецъ и, главнымъ образомъ, на соль. На восточномъ Кавказѣ Андаляльцы отличались предпріимчивостью и въ давнее время служили главными проводниками нашей торговли съ горцами. Андія славилась своими бурками и производствомъ особеннаго, чрезвычайно мягкаго сукна.

Но ни скотоводство, ни земледѣліе, находившееся у горцевъ въ первобытномъ состояніи, ни промышленность и торговля, въ относительно тѣсныхъ предѣлахъ своего развитія, не могли достаточно обезпечить существованіе горцевъ. Привыкшіе къ необузданной и дикой свободѣ, они хищничествомъ и разбоями искали добычи внѣ предѣловъ своихъ родныхъ горъ и, отстаивая вмѣстѣ съ тѣмъ свою независимость, вызвали ожесточенную съ нами войну, кончившуюся для нихъ частью выселеніемъ въ Турцію, частью полнымъ подчиненіемъ Россіи. Этой борьбѣ мы и посвятимъ окончаніе нашего очерка.

Описанію нашей войны съ горцами долженъ бы предшествовать подробный топографическій очеркъ мѣстности театра дѣйствій. Но въ виду того, что извѣстно о Кавказѣ въ предыдущихъ главахъ, ограничимся здѣсь только нѣкоторыми замѣчаніями.

Кавказскій хребетъ, начинаясь у полуострова Тамани, быстро возвышается и, подходя къ Дагестану, достигаетъ наибольшей высоты и развѣтвленія. Вершины его здѣсь постоянно выше снѣговой линіи и средняя высота свыше 8,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Вообще, Дагестанъ, въ переводѣ *«страна горъ»*, есть самая суровая и трудно доступная часть Кавказа. Занимая площадь въ 519 кв. миль, онъ весь покрытъ сплошною сѣтью хребтовъ, которые, то сплетаясь, то разбѣгаясь по всѣмъ направленіямъ, придаютъ ему тотъ дикій и суровый характеръ, который трудно встрѣтить въ какой-либо другой странѣ.

Никогда не забуду я впечатлѣній, испытанныхъ мною въ 1860 году. Было прекрасное іюльское утро. На небѣ ни облачка; въ воздухѣ разлита прохлада, столь живительная въ знойное лѣто, когда солнце печетъ и словно обдаетъ горячею влагою. Я выѣхалъ изъ Темиръ-ханъ-Шуры съ цѣлью пробраться въ Хунзахъ, гдѣ разсчитывалъ дополнить запасъ моихъ познаній въ аварскомъ языкѣ, въ то время еще мало извѣстномъ европейскимъ лингвистамъ. Конвой мой состоялъ изъ повара, переводчика и пяти донскихъ казаковъ. Около полудня я прибылъ въ Ишкарты, штабъ-квартиру Апшеронскаго пѣхотнаго полка, гдѣ съ полнымъ радушіемъ былъ принятъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Теръ-Гукасовымъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ (однимъ изъ героевъ недавней войны съ Турціей, умершимъ въ 1881 году). Около 5-ти часовъ пополудни я простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и выѣхалъ изъ укрѣпленія. Продолжая слѣдовать по ровной мѣстности, я скоро достигъ вершины Койсубулинскаго хребта,гдѣ остановился, чтобы полюбоваться открывшеюся передо мною панорамою.

Я стоялъ на краю пропасти, по отвѣсной линіи глубиною въ 7000 футовъ. На днѣ пропасти виднѣлись Гимры — эта прославленная въ военной лѣтописи Кавказа родина Шамиля. Прямо передо мною обозначались не менѣе славные по воспоминанію Ахульго и Чиркатъ, а за ними безчисленные горные отроги и хребты, перерѣзанные глубокими и мрачными ущельями, по которымъ Аварское и Андійское Койсу съ шумомъ и ревомъ несутъ свои воды на соединеніе въ одинъ общій потокъ — Сулакъ, который, словно мечемъ, разсѣкъ хребты Койсубулинскій и лежавшій отъ меня вправо Салатау и проложилъ себѣ путь къ Каспію. Ужасающій и приводящій въ трепетъ видъ! Пустынное безмолвіе царило вокругъ меня, и я долго стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ, любуясь дикими красотами Дагестана. Но вотъ разсыпались сумерки и изъ сомкнувшихся тяжелымъ сводомъ тучъ началъ накрапывать дождь и издали послышались сильные раскаты грома. Медлить было нечего, тѣмъ болѣе, что вблизи не было аула. Я сѣлъ на лошадь и сталъ спускаться въ Койсубулинское ущелье по узкой тропѣ, извивающейся на десятиверстномъ разстояніи по самому краю пропасти. Между тѣмъ сумерки смѣнились ночною темнотою, гроза приближалась, а дождь, все усиливаясь, обратился въ ливень. Продолжать путь верхами оказалось невозможнымъ, и мы были рады попавшейся намъ небольшой площадкѣ, на которой и спѣшились. Мы продолжали спускаться, каждый съ своею лошадью въ поводу. Мы были въ величайшемъ затрудненіи. Не видя передъ собою ни зги, мы двигались съ величайшею осторожностью, такъ какъ каждый невѣрный шагъ повлекъ бы за собою неминуемую гибель. Подаваясь впередъ, мы часто находились вынужденными спускаться ползкомъ, придерживаясь насколько возможно возвышавшейся по лѣвую сторону отвѣсной горной стѣны. Такъ продолжали мы шествіе въ теченіе пяти часовъ, пока, измученные и промокшіе до костей, не спустились въ Койсубулинское ущелье, которымъ, черезъ нѣкоторое время, и достигли Гимръ.

Въ аулѣ горѣли огни, хотя уже было за полночь. Я направился къ мѣстному наибу Исалъ-Магомѣ, принявшему меня съ подобающимъ всѣмъ горцамъ гостепріимствомъ.

Будучи крайне утомленъ, я, само собою разумѣется, прежде всего подумалъ объ отдыхѣ,

но вѣжливость требовала побесѣдовать съ хозяиномъ и принять предложенный имъ ужинъ, который не замедлила принести сама хозяйка, разостлавъ предварительно на полу небольшую скатерть. Я былъ не прочь подкрѣпить свои силы и, не долго думая, усердно принялся за медъ, яйца и чуреки. Отъ похлебки же, послѣ первой ложки, отказался. Она состояла изъ сваренной въ молокѣ баранины съ примѣсью лука, чесноку и, если не ошибаюсь, сала. Сколько я могъ замѣтить, Исалъ-Магома не мало былъ удивленъ моимъ отказомъ; но что́ дѣлать: кулинарное искусство горцевъ на этотъ разъ оказалось безсильнымъ подчинить себѣ обоняніе и вкусъ Европейца.

Послѣ ужина я удалился въ кунакскую, гдѣ нашелъ не роскошную, но чистую и удобную постель. Я бросился въ объятія Морфея и уснулъ за-мертво.

Графъ Евдокимовъ.

На слѣдующее утро, простившись съ хозяиномъ и подаривъ его женѣ горсть мелкой серебряной монеты, я выѣхалъ въ Унцукуль.

Гимринскій спускъ, одинъ изъ труднѣйшихъ въ Дагестанѣ, не представлялъ однако же еще тѣхъ препятствій, съ которыми вообще на Кавказѣ приходилось бороться нашимъ войскамъ. Эти именно условія мѣстности съ одной стороны, а съ другой — разнообразіе климата и самое время года всегда входили въ соображеніе при снаряженіи нашихъ экспедицій. Такъ, напр., въ Чечнѣ преобладаютъ лѣса,

. . . . . которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый глазъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще дневной лучъ не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.... .

(*Жуковскій*.)

Здѣсь дѣйствія начинались преимущественно зимою, когда спадаетъ съ деревьевъ листъ; въ безлѣсномъ же и скалистомъ Дагестанѣ, напротивъ, съ середины лѣта, когда съ горъ окончательно сходитъ снѣгъ и когда повсюду являющійся въ изобиліи подножный кормъ дѣлаетъ возможнымъ пребываніе войскъ на горахъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію слишкомъ полувѣковой борьбы съ горцами, обратимся къ дѣйствіямъ нашимъ въ предѣлахъ Кавказа въ первыя времена существованія Руси. Древнѣйшія лѣтописи наши, между прочимъ, передаютъ, что еще Святославъ, разбивъ Ясовъ и Косоговъ, утвердился на берегахъ Кубани; тамъ же господствовалъ Мстиславъ Удалой, громившій царство Хазаровъ въ Крыму. Но за этими первыми успѣхами звукъ нашего оружія на Кавказѣ смолкъ, такъ какъ въ то самое время, когда римское вліяніе еще преобладало на Черномъ морѣ и сѣверо-восточные берега его покрывались цвѣтущими колоніями Генуэзцевъ, Русь, раздираемая междоусобіями удѣльныхъ князей, испытывала на себѣ всѣ ужасы монгольскаго владычества. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до Іоанна III. Въ 1552 году, пятигорскіе Черкесы поднали подъ порковительство Іоанна Грознаго, вступившаго въ бракъ съ дочерью ихъ князя Темрюка. Такое сближеніе съ Россіей обошлось, однако же, дорого Кабардинцамъ: разбитые въ 1570 году крымскими Татарами, они не скоро освободились изъ-подъ ихъ ига.

При Өеодорѣ Іоанновичѣ русскій отрядъ, предводимый воеводами Хворостнинымъ и Засѣкинымъ, появился на берегахъ Сулака и овладѣлъ селеніемъ Тарку. Но уже въ 1604 году Турки соединившись съ Кумыками и Лезгинами, вынудили князя Владиміра Долгорукова уйти моремъ въ Терскій городокъ и разбили подъ Тарку Бутурлина и Плещеева, причемъ уничтожили отрядъ нашъ въ 7,000 ратниковъ. Эта несчастная для насъ битва на цѣлыя 118 лѣтъ уничтожила слѣды русскаго владычества въ Дагестанѣ.

Въ 1722 году Петръ Великій, въ своихъ дальновидныхъ заботахъ о будущности Россіи, которую думалъ связать торговымъ путемъ съ крайнимъ Востокомъ, предпринялъ походъ на западный берегъ Каспійскаго моря. Походъ этотъ кончился полнымъ успѣхомъ: трактатомъ 1723 года Персія признала за нами весь берегъ Каспійскаго моря вплоть до самаго Астрабада. Но великая мысль Петра не была понята его преемниками. Въ 1735 году императрица Анна Іоанновна возвратила Персіи завоеванныя провинціи. Эта добровольно прерванная связь наша

Кафыръ-Кумыкъ.

съ Дагестаномъ возобновилась сама собою, такъ какъ въ 1786 году шамхалъ Тарковскій Муртузали и ханъ Мехтулинскій отдались Россіи.

Одновременно съ дѣйствіями въ Дагестанѣ мы не упускали изъ виду и смежныхъ съ нимъ земель на сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ еще въ 1718 году основали Кизляръ. Въ особенности было обращено вниманіе на Чеченцевъ, которыхъ имя впервые встрѣчается на страницахъ отечественной исторіи въ 1708 году, въ договорной статьѣ калмыкскаго Аюки-хана, учиненной на рѣкѣ Ахтубѣ съ астраханскимъ губернаторомъ Петромъ Апраксинымъ. Изъ экспедицій, предпринимавшихся въ то время въ землю Чеченцевъ, между прочимъ, извѣстны походы донскихъ

казаковъ въ 1718 и 1722 годахъ на Сунжу и Аргунъ и дѣйствія нашихъ регулярныхъ войскъ въ тѣхъ-же мѣстахъ въ 1758 году.

Въ 1763 году мы заложили городъ Моздокъ, связавъ его тогда же военною линіею съ Кизляромъ. Но мѣра эта мало насъ обезпечила противъ Чеченцевъ, продолжавшихъ вторгаться въ наши предѣлы и грабить мирныхъ жителей. Для прекращенія враждебныхъ отношеній къ намъ, былъ отправленъ, въ 1770 году, противъ Чеченцевъ генералъ де-Медемъ, но, спустя 15 лѣтъ, Чечня, взволнованная шейхомъ Мансуромъ, снова возстала.

Обращаясь къ западному Кавказу, мы находимъ, что тамъ вліяніе крымскихъ Татаръ на Черкесскія племена, постепенно утрачиваясь, особенно ослабѣло послѣ Куйчукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 г.), отдавшаго намъ Кабарду и признавшаго независимость кубанскихъ Татаръ. Въ 1783 году военная линія отъ Моздока была проведена до рѣки Кубани, установленной границею между Россіею и азіатскими владѣніями Турціи, а нѣсколько лѣтъ спустя, трактатомъ въ Яссахъ (1791 г.) Россія признала Закубанцевъ подданными Порты Оттоманской, хотя сами они отвергали эту зависимость. На сѣверномъ берегу Чернаго моря Турція удержала Суджукъ-кале и Анапу; послѣднею, взятою нами въ 1791 и 1807 годахъ и снова возвращенною въ 1812 году, она въ особенности дорожила. Между тѣмъ разбои и грабежи Черкесовъ не только не утихали, но постоянно усиливались, несмотря на частыя экспедиціи наши въ ихъ землю. Въ видахъ прекращенія такихъ безпорядковъ и обузданія своеволія Закубанцевъ, тогдашній херсонскій военный губернаторъ герцогъ де-Ришелье задумалъ привязать ихъ къ Россіи путемъ цивилизаціи. Слѣдствіемъ такой мѣры было устройство вдоль рѣки Кубани цѣпи мѣновыхъ дворовъ, въ которыхъ производился обмѣнъ хлѣба, соли и другихъ потребностей на мѣстныя произведенія горцевъ. Въ 1827 году считалось 6 мѣновыхъ дворовъ. Съ тою же цѣлью сближенія нашего съ Черкесскими племенами было устроено въ Керчи особое управленіе подъ руководствомъ статскаго совѣтника Скасси; но ни это управленіе послѣ семилѣтняго его существованія, ни мѣновые дворы цѣли не достигли и кончились полной неудачей. Черкесы же остались вѣрны своимъ наклонностямъ. Въ особенности вражда ихъ противъ насъ усилилась послѣ осады Анапы княземъ Меншиковымъ, въ 1829 году.

Съ этого времени въ землю ихъ постоянно предпринимались движенія, изъ которыхъ замѣчательны и памятны экспедиціи генерала Вельяминова. Цѣлью ихъ было шагъ за шагомъ вдаваться въ Закубанье, чтобы, стѣсняя горцевъ военными поселеніями, изолировать ихъ отъ всякаго сообщенія съ другими державами. Въ первую экспедицію, предпринятую въ сентябрѣ 1834 года, генералъ Вельяминовъ успѣлъ установить путь между Кубанью и Геленджикомъ, съ которымъ существовало только морское сообщеніе. Это былъ первый переходъ Русскихъ черезъ главный хребетъ на западномъ Кавказѣ. Подобныя же экспедиціи были предпринимаемы въ 1835 и 1836 годахъ. Въ 1837 году тогдашній корпусный командиръ баронъ Розенъ, послѣ покоренія Цебельды, занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (здѣсь погибъ Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе Св. Духа. Съ этого собственно времени начинается устройство Черноморской береговой линіи, предпринятой въ видахъ прекращенія свободнаго сообщенія Турціи съ горцами и уничтоженія торговли черкесскими невольницами, такъ выгодно сбывавшимися на главныхъ рынкахъ мусульманскаго Востока. Въ концѣ 1830-хъ годовъ были построены укрѣпленія Навагинское, Тенгинское, Головинское, Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское, славное въ военной лѣтописи геройскою защитою и гибелью гарнизона въ мартѣ 1840 года, и пр. Черноморская береговая линія существовала до войны нашей съ союзными державами въ 1853 году.

На восточномъ Кавказѣ дѣла наши въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія находились въ иномъ положеніи. Походъ графа Зубова, отправленнаго императрицею Екатериною въ 1796 году противъ Персіи, хотя имѣлъ послѣдствіемъ изъявленіе покорности Табасаранью и ханствами Дербентскимъ, Кюринскимъ и Кубинскимъ, но, съ отозваніемъ нашей

арміи, горцы снова возстали, увлеченные враждебными отношеніями къ намъ Шейхъ-Али-хана Дербентскаго. Съ тѣхъ поръ положеніе наше становилось годъ отъ году затруднительнѣе и только А. П. Ермолову, назначенному въ 1816 году корпуснымъ командиромъ, удалось послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ въ 1818 и 1819 годахъ, снова смирить Дагестанъ и упрочить въ немъ наше вліяніе. Не менѣе удачно Ермоловъ дѣйствовалъ на западномъ Кавказѣ и въ Чечнѣ, которая долго будетъ помнить экспедицію 1826 года и славныя дѣла наши при Алдѣ, Гехи, Герменчукѣ и другихъ аулахъ, сдѣлавшихся жертвою нашего оружія

Съ назначеніемъ на Кавказъ въ мартѣ 1827 года графа Паскевича, дѣла наши въ Дагестанѣ приняли другой оборотъ и вовлекли насъ въ новую войну съ горцами, которая продолжалась безъ перерыва слишкомъ 30 лѣтъ.

Въ то самое время, когда Россія побѣдоносно выходила изъ борьбы съ Турціей, въ глубинѣ Дагестана стало развиваться религіозное ученіе мюридизма. Слѣды его существовали тамъ еще въ концѣ XV вѣка, а въ началѣ нынѣшняго мюридизмъ сдѣлался общей идеей горцевъ, благодаря тайнымъ сообщеніямъ Дагестанцевъ съ духовными лицами Малой Азіи и Турціи, а также Бухаріи и Туркестана. Съ 1830 года мюридизмъ принялъ характеръ политическій. Первымъ распространителемъ его явился Кази-мулла, родомъ изъ Гимръ, начавшій свои проповѣди еще въ 1828 и 1829 годахъ.

Усилившись въ Дагестанѣ, онъ выступилъ противъ Русскихъ, но на первыхъ порахъ безуспѣшно, потерпѣвъ пораженіе подъ Бурной и Внезапной. Такъ же неудачно кончились его дѣйствія подъ Дербентомъ, который онъ 8 дней держалъ въ блокадѣ. Когда-же, вслѣдствіе принятыхъ нами энергическихъ мѣръ, генералу Панкратьеву удалось смирить Кайтагцевъ и разбить Амалатъ-бека Кумтеркалинскаго, а генералу Вельяминову взять Чиръ-юртъ, Кази-мулла бросился къ Кизляру, который сжегъ и разграбилъ. Оттуда онъ прибылъ въ Чукмескентъ, но разбитый здѣсь полковникомъ Миклашевскимъ и вскорѣ затѣмъ (въ 1832 году) полковникомъ Клугенау на урочищѣ Эльсутѣ, онъ бѣжалъ въ Гимры, куда за нимъ послѣдовалъ генералъ Вельяминовъ, взявшій аулъ послѣ 4-часоваго кровопролитнаго боя, въ которомъ самъ Кази-мулла былъ убитъ. Такъ кончилъ жизнь первый имамъ Дагестана. Преемникомъ его былъ Гамзатъ-бекъ (родомъ изъ Новаго Гоцатля). Упрочивъ свою власть, онъ тотчасъ же выступилъ противъ Нуцалъ-хана Аварскаго, котораго ненавидѣлъ за его сношенія съ Русскими, и, истребивъ почти всю его фамилію, побѣдоносно вступилъ въ Хунзахъ. Но здѣсь противъ него составился заговоръ, котораго онъ палъ жертвою. Гамзатъ убитъ 19-го сентября 1834 года. Ему наслѣдовалъ Шамиль.

Шамиль (въ переводѣ съ арабскаго «*всеобъемлющій*», есть одно изъ 110 именъ Бога), сынъ Динкау, родился въ Гимрахъ, въ 1797 году. Онъ былъ любимымъ ученикомъ Кази-муллы. Подробности его жизни до 1832 года намъ неизвѣстны. Знаемъ только, что онъ 12 лѣтъ сталъ посѣщать школу, 20-ти — кончилъ курсъ грамматики, логики и риторики и приступилъ къ слушанію философіи, толкованія корана, преданій и законовѣдѣнія у лучшихъ преподавателей этихъ наукъ въ Аваріи. Затѣмъ онъ перешелъ къ извѣстному тамошнему Хаддису, у котораго слушалъ тарыкатъ, а 27 лѣтъ началъ посѣщать лекціи Джемалъ-удъ-Дина Кумыкскаго, которымъ былъ порученъ будущему имаму Кази-муллѣ.

По первому извѣстію о смерти Гамзата, Шамиль бросился въ Новый Гоцатль, овладѣлъ казною своего предшественника и объявилъ себя имамомъ. Тамъ же онъ приказалъ сбросить со скалы Булачъ-хана, послѣдняго представителя Аварскаго дома. Изъ Гоцатля Шамиль, разбитый нашими войсками, бѣжалъ въ Кахъ. Несмотря, однакоже, на это пораженіе, вліяніе его замѣтно возрастало, что и заставило генерала Фезе занять въ 1837 году Аварію. Шамиль находился тогда въ Тилитлѣ. Окруженный въ этомъ аулѣ нашимъ отрядомъ, онъ вступилъ въ переговоры съ нами, поклявшись на коранѣ не вооружать болѣе противъ насъ горцевъ и распустить свое скопище. Но едва войска наши удалились въ Кубинскій уѣздъ, по случаю воз-

шихшихъ тамъ безпорядковъ, какъ онъ измѣнилъ слову и, собравъ новыя скопища, укрѣпился въ Ахульго (въ Койсубулинскомъ обществѣ).

Наступилъ 1839 годъ, памятный экспедиціями: генерала Головина въ южный Дагестанъ, усмирившаго населенія по Самуру, и генерала Граббе, разбившаго горцевъ при Буртунаѣ и Аргуни и взявшаго Ахульго. Потерпѣвъ неудачу, Шамиль рѣшился оставить Дагестанъ и въ мартѣ 1840 года, съ 500 мюридами и извѣстнымъ Ахверды-Магомой, ушелъ въ Чечню, гдѣ поселился въ Дарго, расположенномъ въ дремучемъ лѣсу. Чеченцы, ожесточенные противъ насъ за попытку ихъ обезоружить, были рады его появленію и охотно ему предались.

Шамиль.

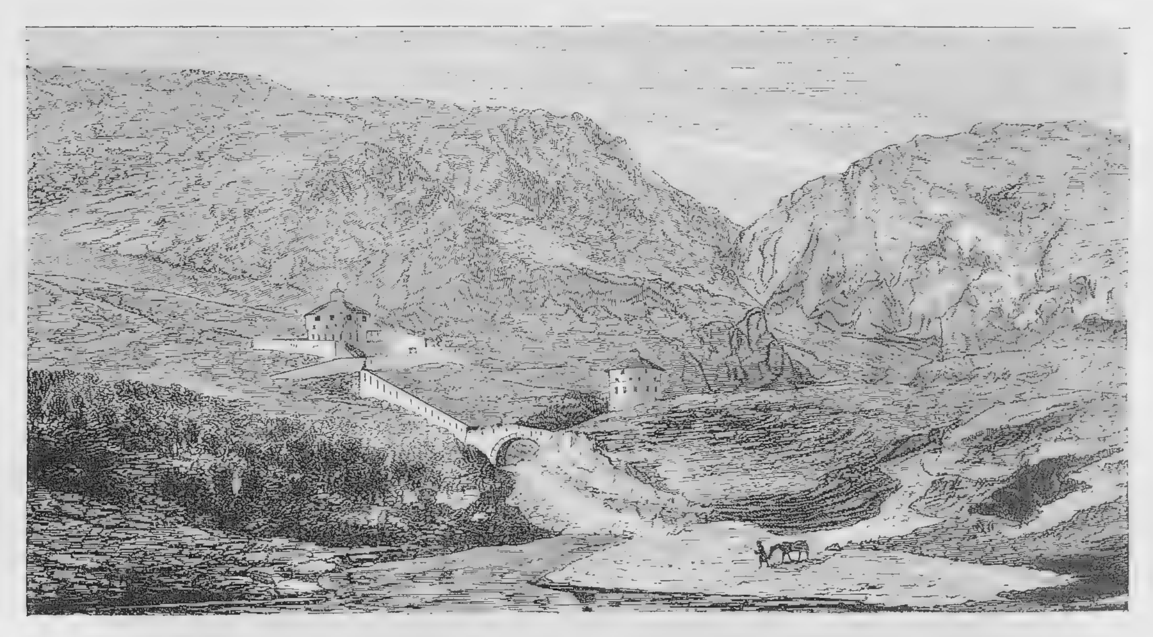
Но вліяніе, утраченное Шамилемъ на Лезгинъ, вскорѣ снова стало возрастать и даже съ большею противъ прежняго силою, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ посланныхъ имъ въ Дагестанъ наибовъ Кибитъ-Магомы, Абакаръ-кадія, Уллу-бея и Хаджи-Мурата. Въ 1842 году онъ уже открыто дѣйствовалъ противъ насъ въ Казикумухскомъ ханствѣ, призванный туда измѣнившимъ намъ населеніемъ. Впрочемъ, пребываніе его тамъ продолжалось недолго, такъ какъ послѣ разбитія его княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ подъ Кюлюли и Кумухомъ, онъ долженъ былъ очистить ханство. Менѣе успѣшны были наши дѣйствія на сѣверѣ Андійскаго хребта, гдѣ генералъ Граббе, углубившись въ Ичкеринскіе лѣса, встрѣтилъ столь сильный отпоръ со стороны Шуаибъ-муллы, что долженъ былъ возвратиться въ Герзель-аулъ, потерявъ 489 убитыми и 1,296 ранеными.

Послѣ этой злополучной для насъ экспедиціи, Шамиль сталъ дѣйствовать съ бóльшею увѣренностью и рѣшительностью. Оставивъ въ августѣ 1843 года Дарго, онъ отправился въ Дылымъ (въ Салатавіи), откуда двинулся къ Унцукулю, занятому ротою Апшеронскаго полка въ 170 человѣкъ. Аулъ былъ взятъ, а гарнизонъ перерѣзанъ. Та же участь постигла селеніе Харачи, укрѣпленіе Белаканское, Цатаныхъ, Танусъ, Ахальчи и Гоцатль.

Шамиль, получивъ извѣстіе о послѣднемъ дѣлѣ и о движеніи князя Аргутинскаго къ Танусу и Гепичутлю, остановился у Моксоха, откуда двинулся къ Чиркату и Дылыму, угрожая

Кумыкской плоскости и шамхальству, а 30-го сентября напалъ на Андрееву деревню. Но отбитый здѣсь полковникомъ Козловскимъ, отступилъ къ Акташъ-аулу и распустилъ свои скопища. 28-го октября онъ взялъ Гергебиль, причемъ гарнизонъ нашъ, состоявшій изъ 400 штыковъ, послѣ 12-ти дневной упорной защиты, былъ истребленъ. Слѣдствіемъ этого дѣла было приказаніе подполковнику Пассеку отступить изъ Аваріи.

Около половины ноября генералу Фрейтагу, послѣ выручки Низоваго укрѣпленія, находившагося 8 дней въ блокадѣ, удалось освободить изъ такого же положенія Темиръ-Ханъ-шуру, а отряду, отправленному на соединеніе съ Пассекомъ, разбить Шамиля подъ Муселимъ-ауломъ, Большими Казанищами и Кафыръ-Кумыкомъ. Такъ кончился походъ 1843 года. Общая потеря наша съ 27-го августа по 22-е декабря состояла изъ убитыхъ и раненыхъ оберъ и штабъ-

Укрѣпленіе Чуркей въ Дагестанѣ.

офицеровъ 76 и 2,308 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и 312 нижнихъ чиновъ).

Въ эту именно кампанію Шамиль выказалъ всю могучесть своего таланта и закрѣпилъ за собою право стать на ряду съ первостепенными восточными военными знаменитостями. Вырвавъ изъ рукъ нашихъ весь почти Дагестанъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ насъ того вліянія на горцевъ, котораго мы достигли громадными пожертвованіями и усиліями многихъ десятковъ лѣтъ.

Не менѣе успѣшно Шамиль дѣйствовалъ въ 1845 году. Экспедиція, предпринятая графомъ Воронцовымъ въ Дарго, извѣстная подъ именемъ «*сухарной*», стóила намъ громадныхъ жертвъ. Въ ней мы лишились, между прочимъ, извѣстнаго генерала Пассека. Въ послѣдующіе годы мы были болѣе счастливы и нерѣдко наносили этому грозному владыкѣ горъ сильныя пораженія, какъ, напр., въ 1846 г. — княземъ Бебутовымъ при Кутиши, въ 1847 г. — княземъ Аргутинскимъ у Салтинскаго моста (Кибитъ-Магомѣ); 1848 годъ ознаменовался взятіемъ Гергебиля и геройскою защитою Ахтовъ (полковникъ Ѳ. Ф. Ротъ); 1849—покореніемъ чеченскихъ племенъ Карабулаковъ и Галашевцевъ; 1851 г. — разбитіемъ Шамиля на высотахъ Турчидага и пр. Но, нанося столь сильныя пораженія горцамъ, мы нерѣдко также претерпѣвали неудачи, сопря-

женныя съ болѣе или менѣе чувствительными потерями. Особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1854 годъ, когда Шамиль, воспользовавшись тогдашнею войною нашею съ союзными державами, вторгся въ Кахетію и произвелъ въ ней сильное опустошеніе.

Съ назначеніемъ на Кавказъ, въ 1856 году, князя А. И. Барятинскаго, война наша съ Шамилемъ приняла характеръ рѣшительный, и дѣйствія наши отличались такимъ успѣхомъ и быстротою, что за ними было трудно слѣдить. Они начались со стороны Чечни и велись генераломъ Евдокимовымъ, главнымъ исполнителемъ предначертаній новаго намѣстника. Перечислимъ только главные факты, предшествовавшіе окончательному замиренію восточнаго Кавказа.

Послѣ первыхъ движеній и утвержденія нашего въ 1857 г. въ Салатавіи, въ концѣ этого года и въ началѣ слѣдующаго, бо́льшая часть Чеченцевъ изъявила намъ безусловную покорность. Шамиль же, разбитый при Мескинъ-Дукѣ, Ачхоѣ и на Варандинскихъ высотахъ, сосре-

Джигитовка.

доточилъ главныя силы свои въ Ведено. Одновременно съ этимъ, присягнули на вѣрность Россіи Анцухъ и Капуча, а въ 1859 году ихъ примѣру послѣдовали Ичкеринцы и Ауховцы. Съ отпаденіемъ названныхъ обществъ, замѣтно ослабѣла и власть грознаго имама. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда князь Барятинскій, прибывъ въ Чечню, принялъ на себя главное командованіе дѣйствовавшими войсками. Съ паденіемъ Ведено, Шамиль бѣжалъ въ нагорный Дагестанъ. Но преслѣдуемый и тамъ наступавшими на него тремя отрядами: Чеченскимъ, подъ начальствомъ генерала Евдокимова, Дагестанскимъ, предводимымъ генералъ-адъютантомъ барономъ Врангелемъ, и Лезгинскимъ, двинувшимся изъ Закаталъ черезъ Дидойское общество подъ начальствомъ князя Левана Меликова, — онъ ушелъ на Гунибъ — послѣдній оплотъ, въ которомъ думалъ удержать отъ распаденія остатки своего могущества. Но здѣсь судьба Шамиля была рѣшена. 25-го августа 1859 года, въ 3½ часа пополудни, онъ предсталъ передъ княземъ Барятинскимъ, вручивъ дальнѣйшую свою судьбу милосердію Русскаго Императора.

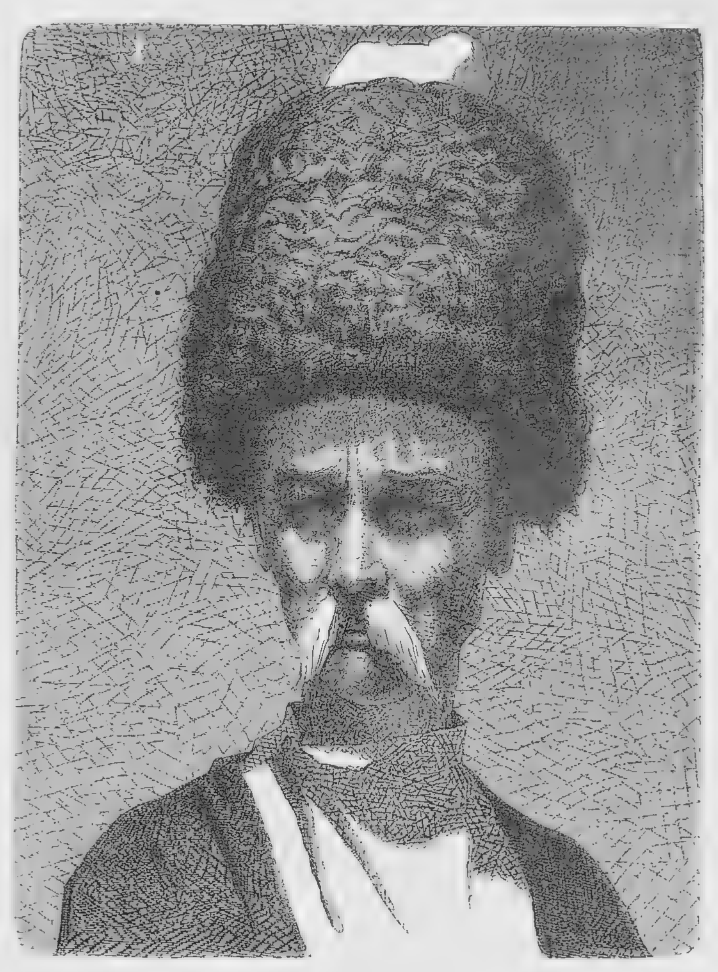

Лезгины

2-го сентября онъ оставилъ Дагестанъ и выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Калугу, гдѣ оставался до разрѣшенія выѣхать въ Турцію. Шамиль скончался въ 1870 году въ Мединѣ и тамъ же преданъ землѣ.

Такъ кончилась война въ Дагестанѣ и Чечнѣ, благодаря неимовѣрнымъ трудамъ, усиліямъ и самоотверженію русскихъ войскъ,—тѣхъ самыхъ войскъ, о которыхъ Шамиль еще весною 1846 года, за нѣсколько времени до своего вторженія въ Кабарду, выразился, обратившись къ мюридамъ:

«Я отдалъ бы всѣхъ, сколько васъ есть, за одинъ изъ полковъ, которыхъ такъ много у Русскаго вѣнценосца; съ однимъ только отрядомъ русскихъ солдатъ, весь міръ былъ бы у ногъ моихъ и всѣ люди преклонились бы предъ единымъ Аллахомъ, котораго Мухаммедъ есть пророкъ, а я, вашъ имамъ, единственный избранникъ.»

Лезгинецъ.

Послѣ покоренія восточнаго Кавказа, все наше вниманіе сосредоточилось на закубанскихъ народахъ, которыхъ положеніе вслѣдствіе того совершенно измѣнилось. Съ этихъ поръ они были предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ воинственное населеніе Чечни и Дагестана уже болѣе не отвлекало нашихъ силъ, а надежды на внѣшнюю помощь со стороны Турціи не было никакой. Сознавая свое изолированное положеніе, Закубанцы тѣмъ не менѣе, не желая дешево разстаться съ своею независимостью, рѣшились на отчаянную борьбу. И здѣсь, какъ въ Чечнѣ, руководителемъ нашихъ экспедицій явился графъ Евдокимовъ. Дѣйствуя съ свойственною ему энергіею и настойчивостью, онъ быстро и съ большимъ успѣхомъ подвигался въ своемъ побѣдоносномъ шествіи. Примѣру Бжедуховъ, Темиргоевцевъ, Беслеnѣевцевъ и другихъ племенъ, изъявившихъ покорность еще въ 1859 году, послѣдовали въ 1860 году Натухайцы и общество Псху.

Сдѣланная горцами попытка войти съ нами въ соглашеніе на счетъ прекращенія борьбы, не имѣла успѣха. Съ нашей стороны поставлено было требованіе безусловной покорности и выселенія на плоскость. Горцы отвергли предложенныя нами условія, и дальнѣйшую участь Закубанцевъ должна была рѣшить война. Она продолжалась съ прежнею съ нашей стороны настойчивостью до 21-го мая 1864 года. Это день покоренія западнаго Кавказа и окончанія Кавказской войны.

Прямымъ послѣдствіемъ этого событія, ознаменовавшаго время командованія на Кавказѣ Августѣйшаго Намѣстника, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, было выселеніе горцевъ въ Турцію. Подробное и обстоятельное описаніе его составляетъ предметъ особаго, весьма сложнаго труда, а потому скажемъ здѣсь коротко, что выселеніе горцевъ, какъ военная и политическая мѣра, началась офиціально въ 1862 г., въ дѣйствительности же — вслѣдъ за усилившимися военными дѣйствіями на сѣверномъ Кавказѣ послѣ Крымской войны. Выселилось черезъ порты Чернаго моря съ 1858 года по 1865 годъ 470,753 человѣка; включая сюда 22,491 человѣкъ горцевъ, ушедшихъ изъ Большой и Малой Чечни, получаемъ 493,244 человѣка переселенцевъ.

Ад. Берже.

Абастумасъ.

ОЧЕРКЪ V.

ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ НА КАВКАЗѢ И МИНЕРАЛЬНЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.

Разнообразіе вулканической дѣятельности. — Минеральные источники: Кумженскіе, Пятигорскіе и Абасъ-Туманскіе. Исторія, составъ и примѣненіе минеральной воды. — Нефть. Органическая и неорганическая теорія происхожденія нефти. Буровая скважина Кудз-Ко. Историческое развитіе нефтянаго промысла на Апшеронѣ. — Землетрясенія. Три центра Кавказскихъ землетрясеній. — Грязные вулканы. Сопка Куку-оба. — Появленіе острова Кумани. Колебанія побережья Каспійскаго моря. — Уголь Ткварбульскій и Гелатскій. — Торфъ. — Каменная соль Кульпинская и Нахичеванская. — Квасцы. — Сѣра. — Старые рудники. Мѣдь. Желѣзо. Первобытный способъ выдѣлки желѣза близъ истоковъ Ріона. Серебро. Алагирскій заводъ.

Тихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ —
И старцевъ сердце молодѣетъ.

А. ПУШКИНЪ.

Въ предъидущихъ главахъ неоднократно упоминалось о величественной вулканической дѣятельности, которая содѣйствовала образованію рельефа Кавказскаго перешейка. Центры проявленій этой могущественной силы, покрывшіе изліяніями лавы (какъ, напримѣръ, мы видѣли это на Араратѣ) новѣйшіе третичные осадки, или прорвавшіе, какъ въ Эльбрусѣ и Казбекѣ, граниты или кристаллическіе сланцы, находятся теперь въ состояніи покоя. Въ настоящее время на всемъ Кавказѣ уже болѣе не существуетъ дѣйствующаго вулкана; тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются доказательства, что внутри почвы этого края ослабѣвшая нѣсколько вулканическая сила все еще продолжаетъ дѣйствовать, и въ весьма разнообразномъ видѣ проявляется на поверхности земли. Горячіе ключи, нефть, землетрясенія, грязные вулканы, внезапное появленіе однихъ острововъ и быстрое исчезновеніе другихъ, — все это, вмѣстѣ взятое, свидѣтельствуетъ о продолжающейся еще вулканической дѣятельности на Кавказѣ.

Многіе изъ минеральныхъ источниковъ Кавказа своими цѣлебными качествами давно уже пріобрѣли большую извѣстность и имъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ блестящая будущность. Цѣлебныхъ ключей, которые извѣстны на всемъ Кавказѣ и которыми пользуются туземцы, насчитываютъ болѣе ста. Мы остановимся только на самыхъ извѣстныхъ источникахъ — Пятигорскихъ и Абасъ-Туманскихъ, въ виду того, что этимъ группамъ въ будущемъ предстоитъ весьма важное бальнеологическое значеніе. Послѣ того, какъ извѣстный гидротехникъ Жюль

Франсуа высказалъ благопріятное мнѣніе о Пятигорскихъ водахъ и представилъ правительству программу относительно устройства ихъ, тамъ приступлено было къ обширнымъ работамъ въ видахъ увеличенія количества минеральной воды.

Въ Абасъ-Туманѣ также производятся на счетъ правительства большія постройки, и оно принимаетъ всѣ мѣры къ устройству этого мѣстечка съ тою цѣлью, чтобы тамошними цѣлебными водами могли пользоваться не только военные, но и посторонія лица.

Термальные ключи преимущественно расположены на сѣверномъ склонѣ главнаго Кавказскаго хребта и несмотря, на то, что они, какъ это доказалъ академикъ Абихъ (1858, 1867), тамъ не находятся въ прямой зависимости отъ потухшихъ жерлъ вулканической дѣятельности, эти источники тѣмъ не менѣе проявляются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ горнокаменныхъ толщахъ имѣются изломы породъ, обусловленные двумя различными поднятіями почвы, вслѣдствіе того, всѣ минеральные источники большею частью расположены рядами. Нагляднѣе всего этотъ законъ распредѣленія минеральныхъ источниковъ обнаруживается въ Сунженскихъ горячихъ ключахъ, которые не только встрѣчаются у сѣверной, но также у южной окраины Тереко-Сунженской возвышенности.

Кисловодскъ.

Уже при Петрѣ Великомъ Русскимъ были извѣстны источники у сѣверной окраины этой возвышенности, и при Императрицѣ Екатеринѣ воды ихъ были въ первый разъ подвергнуты химическому анализу извѣстнымъ Гюльденштетомъ. О Тереко-Сунженскихъ источникахъ здѣсь достаточно сказать, что они принадлежатъ къ разряду самыхъ горячихъ водъ Кавказа, и что ихъ температура доходитъ до 55° R, какъ, напримѣръ, въ Михайловскомъ ключѣ, который находится по близости Михайловской станицы на Сунжѣ; воды этого источника употребляются съ большимъ успѣхомъ при страданіяхъ печени и селезенки, ревматизмахъ и геморроѣ, золотухѣ и сведеніяхъ сухожилій. Одно изъ главныхъ составныхъ веществъ воды этого источника составляетъ поваренная соль; но кромѣ того въ ней также имѣются сѣрно-кислый натръ и небольшое количество углекислой извести.

Горячеводскіе источники, извѣстные въ прежнее время подъ названіемъ Екатерининскихъ, принадлежатъ къ самымъ горячимъ термальнымъ ключамъ, какіе вообще извѣстны на Кавказѣ; они появляются въ необыкновенномъ изобиліи у сѣверной окраины вышеназванной возвышенности, сложенной изъ третичныхъ песчаниковъ. Эти источники вытекаютъ по близости мѣстечка Старый-Юртъ, находящагося въ 20 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ города Грознаго. При появленіи на поверхность земли, минеральная вода имѣетъ температуру въ 72° R и собирается въ небольшомъ бассейнѣ; переливаясь черезъ края послѣдняго и оставляя по всему пути внизъ ключевые натеки (травертинъ), она въ видѣ водопада скатывается по крутизнѣ, вышиною въ 120 футъ. Водою этихъ горячихъ ключей приводится въ движеніе нѣсколько мукомольныхъ мельницъ и, дойдя до равнины, она все еще сохраняетъ температуру въ 48° R. При этихъ источникахъ устроенъ военный госпиталь, вмѣщающій до 170 больныхъ.

Сравнительно съ Михайловскими ключами, вода этихъ источниковъ содержитъ несравненно менѣе поваренной соли, но зато бо́льшее количество углекислаго и сѣрнокислаго натра. Газамъ, выдѣляющимся одновременно съ минеральною водою, тоже приписывается весьма большая цѣлебная сила, и они содержатъ довольно значительное количество углекислоты (до 14,5%). Для лечебныхъ цѣлей эти газы примѣняются въ видѣ газовыхъ ваннъ, температуру которыхъ постепенно возвышаютъ отъ 27° до 55°. Опытъ указалъ, что этого рода леченіе приноситъ пользу при слѣдующихъ страданіяхъ: хроническомъ катаррѣ легкихъ, ревматическихъ страданіяхъ, хроническихъ болѣзняхъ кожи, меркуріализмѣ, золотухѣ, периферическомъ параличѣ, леченіи старыхъ ранъ, затвердѣніи клѣтчатки послѣ скорбута и заваловъ печени и селезенки, послѣ злокачественныхъ лихорадокъ и т. д.

Видъ Пятигорска.

Гораздо бо́льшее значеніе принадлежитъ группамъ Пятигорскихъ водъ, которыя на относительно небольшомъ пространствѣ, около 50 верстъ въ окружности, обладаютъ свойствами всѣхъ пяти, до сихъ поръ на Кавказѣ извѣстныхъ, категорій источниковъ. Отличительная черта всѣхъ Пятигорскихъ минеральныхъ источниковъ заключается въ томъ, что каждая, отдѣльно взятая, группа ключей представляетъ большое разнообразіе въ отношеніи состава воды. Такъ, напримѣръ, сѣрныя воды въ городѣ Пятигорскѣ имѣютъ температуру отъ 23 до 38° R. Желѣзноводскіе источники, находящіеся въ 17 верстахъ къ сѣверо-западу отъ предъидущихъ, принадлежатъ къ желѣзисто-щелочнымъ водамъ, которыя содержатъ большое количество углекислоты и имѣютъ температуру отъ 11 до 41° R. Къ западу отъ Пятигорска вытекаютъ Ессентукскіе ключи, относящіеся къ солено-натровымъ водамъ, а къ юго-западу отъ того же города, въ разстояніи около 40 верстъ отъ него, выбивается изъ земли среди живописно-лѣсистой мѣстности желѣзисто-кислый источникъ, а именно знаменитый Нарзанъ, дающій въ минуту до 88 ведеръ столь прославленной воды. Наконецъ, ко всѣмъ приведеннымъ минеральнымъ водамъ слѣдуетъ присоединить горько соленый источникъ, находящійся близъ станицы Александровской

и отличающійся изобильнымъ содержаніемъ хлористыхъ и сѣрнокислыхъ солей (а именно, на 16 унцій воды въ немъ имѣется до 157 гранъ твердыхъ составныхъ веществъ). Къ довершенію выгодъ Пятигорскихъ водъ въ медицинскомъ отношеніи, природа надѣлила эти группы еще нѣсколькими солеными озерами, находящимися къ юго-востоку отъ Пятигорска. Содержа въ растворѣ большое количество сѣрно-хлористаго натрія и сѣрно-кислой магнезіи, эти остатки прежде существовавшаго тутъ моря, по своему составу, болѣе напоминаютъ воду Каспійскаго моря, чѣмъ Чернаго, и въ случаѣ нужды могутъ съ большою пользою замѣнить настоящее морское купанье.

Пятигорскіе минеральные источники, которые уже въ XVIII столѣтіи пріобрѣли нѣкоторую славу, только въ началѣ настоящаго вѣка получили болѣе обширное медицинское примѣненіе. Въ 1806 г. источникъ Нарзанъ вошелъ въ предѣлы русскихъ границъ, которыя все болѣе и болѣе подвигались къ югу. До этого времени, по близости нынѣшняго города Пятигорска, существовало небольшое укрѣпленіе, подъ названіемъ Константиновскаго, которое было основано въ 1780 году и къ которому во время лѣта съѣзжались посѣтители водъ. Въ это время и даже до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, здѣсь, во время сезона леченія, больные вели довольно своеобразную жизнь. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ до насъ дошли отъ тогдашнихъ медиковъ Фрейганга, Киммеля и Гааза. Большими и, даже можно сказать, пышными поѣздами прибывали сюда для леченія богачи изъ сѣверныхъ частей Россіи. Случалось, что поѣздъ, привозившій только одного больнаго, состоялъ изъ 26 экипажей, 130 лошадей и, по меньшей мѣрѣ, изъ 100 человѣкъ свиты. Запасались продовольствіемъ, заботились о развлеченіи, привозили съ собою музыкантовъ и танцовщицъ; по причинѣ недостатка помѣщеній, обыкновенно располагались бивуакомъ и жили подъ открытымъ небомъ, частью въ экипажахъ, частью въ палаткахъ. Врачи того времени вообще жаловались на несоблюденіе больными предписываемыхъ имъ діэтетическихъ правилъ. Больные вели жизнь сообразно съ прежними привычками и вообще придерживались того мнѣнія, что чѣмъ чаще и продолжительнѣе они будутъ купаться и больше пить воды, тѣмъ болѣе исцѣленіе ихъ будетъ обезпечено. Такое мнѣніе еще до нынѣ распространено между туземнымъ рабочимъ населеніемъ. Исходя изъ того убѣжденія, что для исцѣленія слѣдуетъ безъ перерыва въ минеральной водѣ просидѣть извѣстное время, многіе туземцы термальныхъ источниковъ, не покидая ванны, живутъ въ ней по цѣлымъ днямъ и при этомъ ѣдятъ и пьютъ и когда стемнѣетъ, зажигаютъ свѣчи. Этому способу леченія приписывается благопріятный исходъ въ особенности при застарѣлыхъ и упорныхъ ревматическихъ страданіяхъ.

Весьма знаменателенъ былъ для Пятигорска 1830 годъ. Въ этомъ году поселокъ, основавшійся по близости минеральныхъ источниковъ, былъ преобразованъ въ уѣздный городъ съ нынѣшнимъ названіемъ и ему отведены были земли для построекъ. Большія услуги устройству Пятигорскихъ минеральныхъ источниковъ оказалъ генералъ Эмануель, который въ 1829 году возъимѣлъ мысль о восхожденіи на гору Эльбрусъ и во многомъ содѣйствовалъ знаменитой экспедиціи академиковъ Ленца, К. Мейера, Купфера и Менетріе. Въ дѣлѣ построекъ, быстро возникавшихъ тогда, сподвижниками генерала Эмануеля по части архитектуры были два брата Бернадацци. До конца сороковыхъ годовъ продолжался цвѣтущій періодъ города Пятигорска. Быстро возникавшій городъ привлекъ къ себѣ множество предпринимателей, богатыхъ больныхъ и высокопоставленныхъ военныхъ; даже въ сумасбродахъ и искателяхъ приключеній, свойственныхъ всѣмъ водамъ, не было недостатка. Война съ горцами въ Чечнѣ доставляла въ распоряженіе военныхъ большія денежныя средства, которыя при случаѣ тратились и проживались на водахъ, гдѣ проявлялась жажда къ различнаго рода развлеченіямъ и увеселеніямъ.

Въ отношеніи геологическихъ условій появленія термальныхъ ключей на поверхности земли, система источниковъ горы Бештау вполнѣ подчиняется закону, въ силу котораго ихъ

рядовые выходы совпадаютъ съ изломами, происшедшими отъ поднятій и перемѣщеній (сдвиговъ и сбросовъ) породъ по двумъ направленіямъ. Эти двоякаго рода поднятія, изъ которыхъ одно двигалось отъ юго-востока на сѣверо-западъ, а другое—отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, доставили горной системѣ Бештау своего рода геологическую самостоятельность и обусловили на равнинѣ, разстилающейся у крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ предгорій Эльбруса, уединенное поднятіе горъ на подобіе скалистыхъ острововъ архипелага, по весьма мѣткому выраженію академика Абиха. Приэтомъ юнѣйшія морскія отложенія мѣловаго періода были приподняты, изломаны и сдвинуты кварцевыми порфирами. Параллельно расположенные хребты порфировыхъ породъ сохраняютъ общее направленіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу, а гребни мѣловыхъ известняковъ тянутся въ юго-западномъ направленіи. Всѣ же термальные источники появляются именно въ мѣстахъ изломовъ породъ, произведенныхъ въ концѣ мѣловаго періода дѣйствіемъ описанныхъ переворотовъ.

Войсковой соборъ въ Екатеринодарѣ.

Пятигорскіе сѣрные источники, которыхъ имѣется до 20, съ температурою отъ 23 до 38° R, даютъ воду почти одинаковаго химическаго состава и, по всей вѣроятности, подымаются изъ одного общаго подземнаго резервуара. Вода нѣкоторыхъ ключей служитъ для внутренняго употребленія, а другихъ — для ваннъ. Въ 16 унціяхъ воды содержится до 30 гранъ твердыхъ веществъ, изъ которыхъ преобладающими являются: 12 гранъ поваренной соли, 8,5 гранъ сѣрнокислаго натра, 7,4 грана углекислой извести и 1,4 грана углекислой магнезіи; свободныхъ газовъ найдено: углекислаго отъ 10 до 12 гранъ и сѣроводорода отъ 0,04 до 0,09 грана. Воды этихъ источниковъ оказываютъ большую пользу при страданіяхъ отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ, невралгіи, гемороѣ, золотухѣ и периферическомъ параличѣ; кромѣ того отъ нихъ получается весьма быстрое облегченіе при меркуріализмѣ, хроническомъ катаррѣ и при женскихъ болѣзняхъ.

Желѣзныя воды, находящіяся въ 17 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Пятигорска, по близости станицы Желѣзноводской, появляются въ количествѣ болѣе 20 источниковъ и имѣютъ температуру отъ 11 до 41° R. Онѣ замѣчательны по своему большому содержанію углекислоты, которой заключается въ нихъ отъ 32% до 71% по объему. Въ 16 унціяхъ воды имѣется отъ 18 до 21 грана твердыхъ веществъ, а именно: поваренной соли 3 грана, сѣрнокислаго натра 9,5 грана, углекислой извести 6,2 грана, углекислой магнезіи 2 грана и углекислой закиси желѣза 0,07 грана; кромѣ того, въ этихъ водахъ найдены слѣды іода и фосфорной кислоты. Разнообразіе температуры воды Желѣзноводскихъ источниковъ, отъ которой въ свою очередь находятся въ зависимости количества имѣющейся въ ней свободной углекислоты и растворимой углекислой закиси желѣза, въ значительной степени облегчаетъ примѣненіе этихъ минеральныхъ водъ къ состоянію больнаго и допускаетъ при леченіи ими соблюденіе нѣкотораго рода постепенности. Для совмѣстнаго съ водами пользованія кумысомъ здѣсь также основано заведеніе для приготовленія послѣдняго.

На равнинѣ, въ 18 верстахъ къ западу отъ Пятигорска, также вытекаютъ изъ глинисто-известковой, мергельной почвы болѣе 20 холодныхъ, щелочныхъ источниковъ, составляющихъ такъ-называемую Ессентукскую группу ключей. Воды послѣднихъ служатъ какъ для внутренняго, такъ и наружнаго употребленія и, кромѣ того, онѣ, для перваго назначенія, въ бутылкахъ разсылаются по всей Россіи. Въ водѣ этихъ источниковъ содержатся бромъ и іодъ, присутствію которыхъ именно и приписывается благодѣтельное дѣйствіе этихъ водъ. Точные анализы г-на Шмидта, состоящаго химикомъ при минеральныхъ водахъ, обнару-

жили слѣдующій составъ водъ, служащихъ для внутренняго употребленія: на 10000 частей воды приходится 36,5 частей поваренной соли, 44 — углекислаго натра, 3,4 — углекислой извести, 2,7 — углекислой магнезіи, 0,05 — бромистаго натрія и 0,003 — іодистаго натрія; вообще на 10000 частей минеральной воды имѣется твердыхъ веществъ отъ 87 до 94 частей, а свободной углекислоты отъ 31 до 34 частей. Кромѣ того, вода одного изъ этихъ источниковъ содержитъ 0,18 частей углекислой закиси желѣза. По поводу Ессентукскихъ источниковъ, докторъ Либау, бывшій лейбъ-медикомъ при Его Императорскомъ Высочествѣ, Великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, высказался слѣдующимъ образомъ: «За исключеніемъ воды изъ источника Луизы (близъ мѣстечка Лухатовичъ въ Моравіи), содержащей до 84 частей углекислаго натра, ни въ одномъ изъ европейскихъ натровыхъ ключей не имѣется такого большаго содержанія этой существенной части твердыхъ составныхъ веществъ, какъ въ водахъ этой группы источниковъ.» Ессентукскія воды употребляются съ большою пользою въ слѣдующихъ случаяхъ: при страданіяхъ брюшныхъ органовъ, при гипереміи, гипертрофіи печени и селезенки, атритисѣ, при страданіяхъ матки, почекъ и слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ органовъ, при эмфиземѣ и, наконецъ, при золотухѣ.

Въ заключеніе о термальныхъ водахъ Пятигорскихъ группъ слѣдуетъ сказать объ источникѣ Нарзанъ, съ которымъ всѣ ему подобные не выдерживаютъ никакого сравненія. Вода этого источника имѣетъ температуру въ 11° R и въ видѣ постоянно клокочащаго ключа подымается въ искусственный бассейнъ; онъ выбрасываетъ до 88 ведеръ воды въ одну минуту и въ продолженіе 24 часовъ даетъ до 190000 кубическихъ футъ свободной углекислоты, которая частью удерживается трубами, проводящими этотъ газъ для примѣненія его въ видѣ газовыхъ ваннъ и душей. На 16 унцій воды Нарзана содержится до 23,48 грана твердыхъ составныхъ веществъ, изъ числа которыхъ приходится 8,6 гранъ на углекислую известь, 5,6 гранъ на сѣрнокислый натръ и 2,15 грана на хлористый натрій; кромѣ того, въ этомъ количествѣ твердыхъ веществъ содержится 0,037 грана углекислой закиси желѣза. По своему дѣйствію, вода этого кисло-соленаго ключа можетъ быть сравнена съ водами источниковъ въ Вильдбадѣ, Гастейнѣ и Пфеферсѣ; при этомъ однако медики полагаютъ, что вслѣдствіе большаго содержанія въ Нарзанѣ соли желѣза, вода его производитъ болѣе сильное дѣйствіе на больной организмъ. Для лечащихся, Кисловодскъ, вмѣстѣ съ Нарзаномъ, представляетъ, въ полномъ смыслѣ, мѣсто для развлеченій и удовольствій. Оживляющее и укрѣпляющее свойство воды этого источника всегда оказываетъ благотворное дѣйствіе при всякаго рода упадкѣ силъ, какъ вслѣдствіе нервныхъ страданій и малокровія, такъ вслѣдствіе старческой слабости и въ выздоравливаніи отъ продолжительныхъ и тяжкихъ болѣзней. Въ сравненіи съ другими группами Пятигорскихъ источниковъ, Кисловодскъ, по своему положенію, пользуется многими преимуществами въ отношеніи климата и красоты природы, т. е. въ отношеніи такихъ условій, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ огромное вліяніе на ходъ выздоровленія больныхъ.

Немного можно сказать объ Абасъ-Туманскихъ минеральныхъ источникахъ, которыми въ данную минуту нельзя пользоваться въ полной мѣрѣ для бальнеологическихъ цѣлей, но которые въ скоромъ времени, при ихъ новомъ устройствѣ, вполнѣ оправдаютъ свою славу и извѣстность, заслуженную въ прежнее время. Говоря въ предъидущей главѣ объ Ахалцихо-Имеретинскомъ водораздѣльномъ хребтѣ, я сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Боржомскихъ минеральныхъ водахъ. Слѣдуя отъ послѣднихъ вверхъ по теченію Куры, черезъ мѣстечко Ацхуръ и небольшой уѣздный городъ Ахалцихъ, къ рѣкѣ Кобліанъ-чай, мы находимся на пути къ Абасъ-Туману. Это мѣстечко находится на высотѣ 4178 футъ надъ уровнемъ моря, въ небольшой, узкой поперечной долинѣ вышеупомянутаго водораздѣльнаго хребта, надъ которою господствуетъ плоская возвышенность Пирсигатъ и вершина Неписъ-Цхаро, находящаяся далѣе къ западу отъ первой. Въ послѣдніе годы докторъ Реммертъ, инспекторъ по медицинской части Кавказскаго Края, обратилъ особенное вниманіе на устройство этихъ источ-

никовъ и можно разсчитывать, что при этихъ ключахъ появятся водолѣчебныя заведенія, соотвѣтствующія раціональному способу пользованія минеральною водою. Природа этого мѣстечка имѣетъ характеръ сѣверныхъ странъ. Живописныя поляны чередуются съ березовыми и сосновыми рощами; укрѣпляющія ароматическія испаренія хвойнаго лѣса обильны. Вообще надо замѣтить, что Абасъ-Туманъ занимаетъ превосходное мѣсто. Прохладныя ночи, умѣренная температура дня, которая изрѣдка возвышается до степени жара, чистый горный воздухъ, пропитанный смолистыми испареніями хвой, — все это въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ успѣху лѣченія. Цѣлебныя свойства Абасъ-Туманскихъ водъ еще въ прежніе вѣка были извѣстны Грузинамъ. Вахуштъ приводитъ, что уже въ 16-мъ вѣкѣ тамъ находилось поселеніе и при немъ имѣлись ванны, которыя пріобрѣли большую славу; существуетъ даже сказаніе, что будто бы воины Александра Македонскаго этими водами исцѣлились отъ своихъ ранъ. Въ 1864 году, тутъ, по распоряженію правительства, былъ построенъ госпиталь на 200 солдатъ, 30 офицеровъ и 10 женщинъ. Въ настояще время въ Абасъ-Туманѣ занимаются раціональнымъ устройствомъ водъ и правильнымъ размѣщеніемъ жилыхъ зданій по извѣстному плану. Вода этихъ источниковъ, принадлежащая къ разряду сѣрныхъ, отличается весьма небольшимъ количествомъ твердыхъ составныхъ веществъ, а именно: въ 10000 частяхъ воды всего найдено отъ 3,7 до 4,5 минеральныхъ частей и между ними преобладаютъ хлористый и сѣрнокислый натръ; къ нимъ на тоже количество воды еще присоединяются 0,057 частей сѣрнистаго водорода и отъ 1,14 до 1,2 части свободной углекислоты. По составу и дѣйствію этой воды, ее сравниваютъ съ водами въ Эксѣ (въ Савойѣ) и съ водами въ Котерэ (въ Пиренейскихъ) горахъ. Она получаетъ большое примѣненіе при ревматическихъ страданіяхъ, сведеніяхъ, накожныхъ болѣзняхъ и меркуріализмѣ.

Желѣзноводскъ.

Въ сочиненіи профессора химіи, Д. Менделѣева, подъ заглавіемъ: «Нефтяная промышленность въ сѣверо-американскомъ штатѣ Пенсильваніи и на Кавказѣ», имъ былъ высказанъ своеобразный взглядъ на образованіе нефти. Нефть, находимую не только въ силурійскихъ и девонскихъ пластахъ Сѣверной Америки, но и въ третичныхъ образованіяхъ Кавказа и Галиціи, всегда принимали за продуктъ перегонки органическихъ веществъ, происходящій въ настоящее время въ отсутствіи воздуха внутри земли, и совершавшійся при тѣхъ же условіяхъ въ продолженіе давно-прошедшихъ геологическихъ періодовъ. Приведемъ собственныя слова автора.

«Представимъ себѣ, какъ это обыкновенно допускается,—говоритъ Д. И. Менделѣевъ, — что твердая кора земная, сравнительно съ радіусомъ земли, тонка; что внутри этой затвердѣвшей оболочки заключены мягкія и жидкія массы и между ними углеродистые металлы. Когда отъ охлажденія или отъ другой причины образовалась трещина, давшая выходъ горному хребту, оболочка земли здѣсь погнулась и у подошвы горы произошла трещина или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе связей, разрыхленіе. Трещины приведутъ къ тому же разрыхленію, потому что заползутъ, затянутся. Въ этомъ разрыхленномъ мѣстѣ вода нашла путь проникнуть глубоко въ нѣдра земныя и потому достигла или покрайней мѣрѣ могла достичь до накопленнаго углеродистаго ме-

талла; а при этомъ мы знаемъ, что должно произойти: желѣзо или другой металлъ съ кислородомъ воды дастъ окиселъ, водородъ выдѣлится — частью свободный, а частью соединенный съ углеродомъ—вещество летучее — это нефть. Жидкая вода, дойдя до накаленныхъ массъ, давала пары,— часть этихъ паровъ выходила чрезъ ходы, трещины и выносила съ собою пары образовавшихся углеводородовъ. Они, поднимаясь, охлаждались и жидкіе углеводороды собирались въ тѣхъ пластахъ, которые ихъ принимали.»

Большое число буровыхъ скважинъ, заложенныхъ, какъ въ окрестностяхъ города Керчи, такъ и на Таманскомъ полуостровѣ, обнаружило, что мѣсторожденія нефти залегаютъ въ среднетретичныхъ пластахъ; то же должно сказать относительно нахожденія ея на юго-восточной оконечности Кавказа, на Апшеронскомъ полуостровѣ, площадь котораго отличается участками, производящими огромное количество нефти. У сѣверо-западной оконечности Кавказскаго хребта имѣется зона третичныхъ и нефть содержащихъ породъ, длиною до 169 верстъ и шириною около 7 верстъ. Въ предѣлахъ сѣверо-западной части этой зоны было въ 1866 году приступлено къ заложенію буровой скважины въ долинѣ рѣчки, которую горцы называли Куда-ко или, въ переводѣ, нефтяная долина и въ которой самымъ первобытнымъ способомъ, съ помощью колодцевъ до 40 футъ глубиною, уже съ давняго времени вычерпывали отъ 120 до 160 ведеръ горнаго масла. При глубинѣ буровой скважины въ 123 фута показалась струя нефти, въ видѣ перваго фонтана, подымавшагося до 14 футъ высоты. Въ продолженіе 14 дней эта струя ежесуточно давала отъ 1500 до 1600 ведеръ нефти, смѣшанной съ водою и сопровождавшейся сильнымъ отдѣленіемъ газа. Затѣмъ буровая скважина засорилась и выбрасываніе нефти прекратилось; вслѣдствіе этого снова было приступлено къ буренію въ глубь. При глубинѣ буровой скважины въ 183 фута опять появился нефтяной фонтанъ, который выбрасывалъ струю до 40 футъ высоты и ежесуточно давалъ болѣе 3000 ведеръ нефти. Послѣ того опять повторилось засореніе скважины, къ углубленію которой до 242 футъ снова было приступлено, и при этомъ въ третій разъ явился фонтанъ съ подъемомъ струи нефти до 40 футъ и съ ежесуточною производительностью болѣе 5000 ведеръ. Черезъ два мѣсяца стали замѣчать, что выбрасывающая сила нефти уменьшается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшилась также и производительность буровой скважины. Въ послѣднее время на разработку мѣсторожденій этой нефтяной зоны направилъ свою дѣятельность богатый нефтепромышленникъ, американецъ Тведль, послѣ того какъ ему не удалось получить разрѣшеніе на прокладку трубъ и устройство резервуаровъ, для провода нефти черезъ весь Кавказскій перешеекъ, отъ Баку до Поти, съ цѣлью отпуска ея отсюда въ Европу или въ сыромъ, или въ обработанномъ состояніи.

Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.

Исторія развитія нефтяной промышленности Апшеронскаго полуострова, имѣющей, безъ сомнѣнія, важное значеніе для русскаго рынка, можетъ быть передана словами Д. И. Менде-

лѣева: «Персы», говоритъ профессоръ Менделѣевъ: — «оставили нѣсколько сотъ выкопанныхъ колодцевъ, изъ которыхъ они добывали бурдюками или кожаными мѣшками нефть и соленую воду. Колодцы были не глубокіе, нефть получалась изъ нихъ однако съ большимъ постоянствомъ, и свойства нефти были неодинаковы въ разныхъ колодцахъ. Въ этомъ видѣ колодцы поступили во владѣніе русскаго правительства, которое отдавало ихъ вмѣстѣ съ близлежащими солеными озерами на откупъ отдѣльнымъ лицамъ на 3 — 4 года. Откупщики торговали нефтью, какъ торговали Персы. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ г. Кокоревъ учредилъ близъ Баку заводъ для перегонки нефти. Откупщики продавали ему нефть самую жидкую, т. е. наиболѣе богатую свѣтильнымъ масломъ, по 40, а потомъ по 20 копѣекъ за пудъ. Дѣло стало выгоднымъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, когда потребленіе керосина въ Россіи уже значительно возрасло. Стали учреждаться понемногу и другіе заводы. Но дѣло не развивалось, сырой нефти было мало. Откупщику не было побужденій производить многія цѣнныя работы на добычу нефти, потому что черезъ четыре года затраченный имъ капиталъ могъ послужить только къ возвышенію арендной платы, и затрата могла не окупиться, если откупъ перешелъ бы къ другому лицу. Между тѣмъ, уже вслѣдствіе одной исторической давности, добыванія нефти около Баку, стало очевиднымъ, что въ этой мѣстности имѣются громадныя залежи нефти, а когда послѣдняя получила міровое значеніе, какъ освѣтительный матеріалъ, на бакинскую или вообще Кавказскую нефть было обращено вниманіе всей Россіи. Тогда обратили вниманіе на существованіе нефти и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, а въ особенности по окрестностямъ и окраинамъ Кавказа. Близъ Тифлиса, въ Тамани, Керчи, за Кубанью, на Терекѣ, на Святомъ островѣ, въ Каспійскомъ морѣ, на островѣ Челекенѣ близъ Туркменскихъ береговъ — стали добывать или развѣдывать нефть. Особенно блистательные результаты дала она въ рукахъ извѣстнаго предпринимателя въ Кубанскомъ краѣ, г. Новосильцева. Потребленіе керосина стало возрастать и въ Россіи; нынѣ, какъ извѣстно каждому, кто бывалъ по деревнямъ, — очень часто по избамъ, вмѣсто лучины, горитъ уже керосиновая лампа. Мнѣ лично извѣстно, что отъ Казанской до Московской и Полтавской губерній, во всей центральной Россіи, по деревнямъ потребленіе керосина постоянно возрастаетъ. Въ 60-хъ годахъ противу откуповъ на нефть раздалось много голосовъ. Это побудило къ тому, что въ 1872 году откупа были прекращены и земли, содержащія нефтяные источники, проданы съ аукціона. Главными покупателями явились гг. Кокоревъ и Мирзоевъ. Правительство получило за эти мѣстности около 3.000,000 рублей. Надо замѣтить при этомъ, что раньше этой продажи, еще при откупщикѣ Мирзоевѣ, именно, если не ошибаюсь, въ 1865 году, произведено было въ Баку первое буреніе. Оно дало, какъ и надо было ожидать, хорошіе результаты, увеличивъ выходъ нефти въ значительной мѣрѣ. При откупахъ, около 1865 года, количество добываемой въ Баку нефти едва до-

Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.

стигало 1 милліона пудовъ; послѣ прекращенія откуповъ оно увеличилось по крайней мѣрѣ въ 3 раза. Одинъ изъ вырытыхъ колодцевъ далъ столь много нефти, что на мѣстѣ не оказалось никакихъ средствъ для ея помѣщенія и огромное количество ея утекло даромъ. Нефть продавалась ни почемъ, лишь бы только она совершенно не пропала. Въ виду того, что нефть стала дешева, а цѣнность керосина за пудъ была около 3—4 рублей—(бакинская нефть даетъ въ среднемъ около 35% керосина) — было основано близъ Баку много новыхъ заводовъ, а именно, — около 100; часть ихъ образовала на берегу Каспійскаго моря близъ Баку особенный, такъ называемый «Черный городъ», въ которомъ сосредоточилась перегонка; ее не дозволяли производить въ самомъ городѣ Баку вслѣдствіе справедливаго опасенія могущихъ быть пожаровъ. Баку сталъ давать болѣе $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ керосина, что равняется, примѣрно, 4 милліонамъ пудовъ нефти. Благопріятные признаки развитія нефтяной промышленности близъ Баку существовали недолго. Въ 1875 и въ началѣ 1876 года замѣчается постепенное уменьшеніе количества заводовъ и убыль нефтяной производительности. Въ 1875 году число заводовъ спустилось до 20, а потомъ, говорятъ, низошло до 14. Причины такого явленія по существу не сложны. Главныхъ причинъ двѣ: 1) паденіе цѣнности керосина, наступившее въ рѣзкой мѣрѣ въ 1873 году и отозвавшееся въ Баку въ 1874 году, и 2) обложеніе керосиноваго производства акцизною пошлиною по ёмкости кубовъ, имѣющихся на перегонномъ заводѣ, и по времени перегонки въ нихъ, учрежденное въ февралѣ 1872 года. Сперва это обложеніе, разсчитанное на 15 — 20 копѣекъ съ пуда керосина, было нечувствительно, потому что откупы отмѣнились, нефть подешевѣла, а керосинъ былъ дорогъ. Когда дѣло выяснилось, нефть пришла къ нормальной цѣнѣ, около 15 копѣекъ за пудъ, а цѣна керосина стала падать, и когда сверхъ того акцизныя формальности дали себя знать стѣсненіемъ заводчиковъ во многихъ подробностяхъ техники, тогда оказалось невыгоднымъ не только перегонять, но и добывать тяжелые сорты нефти и пришлось закрыть много мелкихъ нефтяныхъ заводовъ.»

Дальнѣйшія усилія для поднятія нефтяной промышленности Апшеронскаго полуострова заключались, со стороны Кавказскаго и Петербургскаго отдѣловъ Императорскаго русскаго техническаго общества, въ исходатайствованіи у правительства закона о сложеніи акциза съ фотогеноваго производства. Начиная съ 1877 года Кавказская нефтяная промышленность избавлена на 10 лѣтъ отъ всякихъ налоговъ и потому она въ настоящее время переживаетъ періодъ свободнаго развитія.

Не могу однако здѣсь умолчать о тѣхъ явленіяхъ, которыя очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что вулканическая сила еще не успокоилась въ нѣдрахъ Кавказа, а напротивъ, что она отъ времени до времени проявляется въ такой значительной степени, что даже угрожаетъ опасностью жителямъ этого края и обнаруживается въ видѣ явленій, которыя могутъ служить несомнѣнными доказательствами того, что вулканическая дѣятельность Кавказа находится еще въ полномъ разгарѣ. Здѣсь мнѣ остается только вкратцѣ сказать о землетрясеніяхъ, о грязныхъ вулканахъ и о временномъ появленіи острововъ въ Каспійскомъ морѣ, потому что болѣе обстоятельныя разъясненія этихъ явленій могутъ быть найдены въ спеціальныхъ трудахъ академика Абиха.

По свидѣтельству лѣтописи, городъ Шемаха былъ совершенно разрушенъ въ январѣ 1669 года и при этомъ погибло до 8000 человѣкъ. Въ сообщеніи, сдѣланномъ академикомъ Абихомъ въ 1860 году, въ одномъ изъ засѣданій Кавказскаго отдѣленія Императорскаго русскаго географическаго общества, онъ заявилъ, что нѣтъ ручательствъ въ томъ, что городъ Шемаха снова не претерпитъ такого же бѣдствія, и что напротивъ, по его мнѣнію, оно можетъ повториться во всякое время. Послѣ несчастнаго событія, которое постигло Шемаху 30 и 31 мая 1859 года, этотъ ученый геологъ подвергъ подробному изслѣдованію какъ мѣстность города, такъ и его окрестности, и на основаніи собранныхъ данныхъ, представилъ слѣдующее теоре-

тическое объясненіе этого явленія. Если описать мысленно вокругъ Шемахи эллипсисъ, котораго длинная ось приходится отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; городъ будетъ находиться въ районѣ наибольшихъ сотрясеній и колебаній почвы, распространяющихся по направленію этой оси. Центръ наибольшихъ сотрясеній находится въ Логичскихъ горахъ, а районъ слабѣйшихъ колебаній почвы тянется, въ видѣ удлиненнаго эллипсиса, предѣлы котораго распространяются далѣе къ сѣверо-западу и доходятъ до рѣчки Гёкчай, протекающей въ близкомъ разстояніи отъ Шемахи. Районъ болѣе слабыхъ колебаній почвы обнималъ площадь въ 1800 квадратныхъ верстъ, а самыя сильныя сотрясенія и колебанія распространялись на площади въ 450 квадратныхъ верстъ. Несчастіе, постигшее Шемаху, описано академикомъ Абихомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Послѣдней катастрофѣ 30-го и 31-го мая 1859 года, подробности которой я изслѣдовалъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ того же года, предшествовали 30 мая слабыя колебанія почвы въ $3^1/_2$ часа пополудни. Сотрясенія, гибельныя для города, возвѣстились въ 5 часовъ глухимъ, подземнымъ гуломъ, раздавшимся со стороны сѣверозападныхъ горъ, подобно перекатамъ отдаленнаго грома. Вслѣдъ затѣмъ, послѣдовали горизонтальные удары, очень сильные, которые слились съ волненіями ощутительно-вертикальными. Эти удары, въ нѣсколько секундъ, повредили почти всѣ строенія въ городѣ и причинили большія несчастія.»

За девять дней до этого, а именно 21 мая, случилось въ 10 часовъ утра землетрясеніе въ Эрзерумѣ. Къ югу отъ этого города тянется, въ видѣ отвѣсныхъ утесовъ, высокій кряжъ Палантекенъ, служащій водораздѣломъ между истоками рѣкъ: Евфрата, Аракса и Мурада. На югъ отъ него имѣется въ хребтѣ Бингёльдагъ, возвышающемся до 12000 футъ надъ моремъ, потухшій вулканъ; изъ кратера послѣдняго, обращеннаго къ востоку, выбѣгаютъ снѣговыя воды и даютъ начало Араксу. Изъ этой мѣстности исходили по направленію отъ юга къ сѣверу непродолжительныя, но сильныя сотрясенія, которыя въ совокупности съ вертикальными колебаніями, въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній, разрушили Эрзерумъ. По прошествіи первыхъ сотрясеній, оказались совершенно разрушенными 1800 домовъ, 1200 домовъ претерпѣли сильныя поврежденія и такое же число домовъ поврежденія менѣе значительныя. Число погибшихъ при этомъ людей, говорятъ, простирается до 600 человѣкъ. За этимъ несчастнымъ событіемъ послѣдовалъ 40-дневный періодъ, въ теченіе котораго, по временамъ, замѣчались колебанія почвы и ощущались слабыя сотрясенія ея. Въ отношеніи распространенія или зоны, въ предѣлахъ которой происходили эти землетрясенія, должно сказать, что разрушительное дѣйствіе ихъ было испытано на пространствѣ, которое имѣетъ эллиптическое очертаніе, и ограничивается къ сѣверу истоками Чороха, къ югу Палантекеномъ, а по направленію отъ запада къ востоку, съ одной стороны, верхнимъ уступомъ Евфрата, близъ термальныхъ ключей у Элиджа, съ другой — мѣстностью выше Гассанъ-кала, на Араксѣ. Центромъ третьей зоны землетрясеній на Кавказѣ является Араратъ, и по имѣющимся наблюденіямъ оказывается, что тутъ сотрясенія совпадаютъ съ направленіемъ оси поднятія двухъ его вершинъ, т. е. идутъ отъ запада къ востоку. Къ району послѣдняго центра землетрясеній, котораго предѣлы далеко простираются на сѣверъ, должны быть отнесены большею частью слабыя колебанія почвы, испытываемыя въ Тифлисѣ и имѣющія здѣсь ту особенность, что они бываютъ ощущаемы только въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Въ Тифлисѣ неоднократно случалось, что въ Салалакской части города, расположенной у подошвы Тріалетскаго хребта, ощущались довольно сильныя сотрясенія почвы, въ то время, какъ весьма чувствительный сеизмометръ физической обсерваторіи, находящейся на равнинѣ лѣваго берега Куры, оставался безъ всякаго измѣненія.

Отъ этой разрушительной дѣятельности вулканической силы Кавказскаго перешейка обратимся къ тѣмъ проявленіямъ ея въ маломъ видѣ, которыя обусловили образованіе частью не дѣйствующихъ и частью дѣйствующихъ вулкановъ-карликовъ или, такъ называемыхъ, грязевыхъ сопокъ, грязныхъ вулкановъ. Окрестности города Керчи, въ особенности Та-

манскій полуостровъ, мѣста къ югу отъ города Шемахи и Апшеронскій полуостровъ принадлежатъ къ мѣстностямъ, въ которыхъ сопки грязныхъ вулкановъ большею частью являются расположенными по извѣстнымъ направленіямъ. Представляя собою притупленный конусъ чрезвычайно правильнаго вида, они, въ большинствѣ случаевъ, сложены изъ свѣтлосѣрой мелкозернистой, мергельной глины и, подобно настоящимъ вулканамъ, имѣютъ нѣсколько возвышенный край кратера и образованія въ видѣ боковыхъ конусовъ изверженія, нерѣдко дѣйствующихъ еще и теперь. Обыкновенно главные кратеры этихъ сопокъ бываютъ наполнены водою, изъ которой не перестаютъ выдѣляться газы, преимущественно состоящіе изъ углеродовъ.

Здѣсь умѣстно привести описаніе одного изъ самыхъ большихъ и замѣчательныхъ грязныхъ вулкановъ. «Куку-аба» (что на татарскомъ языкѣ означаетъ «синяя гора», а казаками

Пятигорскъ.

называется «Горилка могила») принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ возвышенностямъ классической ревности Таманскаго полуострова»,—говоритъ академикъ Абихъ. Сопка Куку-аба, вмѣстѣ съ другою, которая только на 100 футъ ниже ея, извѣстна подъ названіемъ Куссу-аба и находится близъ Ахтанизовской станицы;она отличается отъ всѣхъ возвышенностей Таманскаго полуострова своимъ вполнѣ правильнымъ коническимъ видомъ. Судя по всѣмъ археологическимъ догадкамъ, заслуживающимъ довѣрія, гробница царя Сатируса находилась на вершинѣ Куку-аба, нѣкогда возвышавшейся только до 250 футъ. Представляя конусъ изверженія, эта возвышенность, по своему наружному виду, можетъ быть поставлена въ параллель съ совершенно-однородными образованіями, которыя свойственны областямъ съ вулканическою дѣятельностью и въ которыхъ, вмѣсто водянистыхъ массъ ила или грязи въ огненно-жидкомъ видѣ, повременамъ подымаются кристаллическія горнокаменныя породы. Между базисомъ и высотою Куку-аба существуетъ отношеніе, равное 10 : 1. Подобно лавовымъ потокамъ, скатывающимся въ разныхъ направленіяхъ во время большихъ изверженій съ вершины Везувія, на склонахъ Куку-аба также со всѣхъ сторонъ появляются довольно широкіе грязевые потоки, которые, по своему болѣе темному цвѣту, уже издали бываютъ примѣтны и, сбѣгая къ основанію этой возвышенности, здѣсь въ свою очередь прикрываютъ дилювіальныя отложенія глины. Эти потоки принадлежатъ къ произведеніямъ изверженія Куку-аба, случившагося въ 1794 году, и только теперь начинаютъ прикрываться скуднымъ покровомъ степныхъ травъ. Среднюю часть вершины занимаетъ кратеровидное углубленіе, имѣющее 50 футъ въ попереч-

никѣ и 6 футъ глубины. Изъ узкаго отверстія единственнаго конуса изверженія, расположеннаго близъ южной окраины кратера, дѣйствіемъ углеродисто-водороднаго газа періодически выбрасывается илъ. Грязевыя изліянія 1794 года, распространившіяся по окружности всего ската этого конуса, въ особенности оставили огромныя массы ила на сѣверной и южной сторонахъ этой возвышенности.»

Изверженіе 1794 года также сопровождалось огненными явленіями, и при этомъ изъ глубины этого вулкана-карлика выбрасывались осколки такихъ породъ, которыя свойственны горно-каменнымъ образованіямъ Таманскаго полуострова.

Въ непосредственной связи съ появленіемъ на поверхности земли грязныхъ вулкановъ, находится существованіе нѣсколькихъ островковъ близъ западнаго берега Каспійскаго моря, изъ числа которыхъ появившійся послѣднимъ, близъ острова «Погорѣлая Плита», былъ 7 мая 1860 года открытъ г. Кумани, командиромъ парохода «Туркменъ», при переходѣ его отъ Ленкорана въ Баку. Этого рода острова принадлежатъ къ поднятіямъ морскаго дна, совершающимся дѣйствіемъ вулканической силы. Академикъ Абихъ, который въ одномъ изъ своихъ трудовъ, подъ заглавіемъ: «Объ одномъ островѣ, появившемся на Каспійскомъ морѣ», весьма обстоятельно описалъ этотъ островъ и назвалъ его, въ честь открывателя, «островомъ Кумани». Первыя свѣдѣнія объ немъ были доставлены господиномъ Кумани по начальству въ формѣ рапорта, въ которомъ онъ, по поводу этого острова, говоритъ:

Татаринъ изъ Пятигорска.

«Проходя 7 мая, на пути изъ Ленкорана, мимо Погорѣлой Плиты, я замѣтилъ островъ, который прежде не существовалъ на этомъ мѣстѣ. Высадившись на него, я нашелъ, что этотъ островъ состоялъ изъ земляныхъ глыбъ, которыя были прорѣзаны глубокими бороздами и только съ поверхности слегка остыли, а внутри представляли тягучую и довольно горячую массу; эти послѣднія обстоятельства свидѣтельствуютъ о недавнемъ происхожденіи этого острова, который находится въ 12 миляхъ къ югу отъ острова Свиной. Высота его доходитъ до 18 футъ надъ уровнемъ моря и по величинѣ онъ одинаковъ съ послѣднимъ.»

Опредѣливъ положеніе новаго острова, лейтенантъ Петровъ, посланный для ближайшаго его изслѣдованія, представилъ о немъ слѣдующее донесеніе:

«Этотъ островъ имѣетъ совершенно круговое очертаніе, при поперечникѣ въ 45 саженъ. Средняя часть его поднимается до 12 футъ надъ уровнемъ моря. По своему образованію, онъ совершенно сходенъ со всѣми грязевыми сопками, находящимися въ ближайшихъ окрестностяхъ его. На поверхности острова преобладала температура окружающаго воздуха, а на глубинѣ 9 футъ — 36° R. На разстояніи 100 саженъ отъ него глубина моря быстро увеличивается во всѣ стороны, начиная отъ 2 до 30 футъ и т. д.»

Связавъ на основаніи подробныхъ геологическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ въ половинѣ іюня, появленіе острова Кумани и всѣхъ сосѣднихъ съ нимъ, съ проявленіями вулкани-

ческой силы, центръ дѣятельности которой находится на западномъ материкѣ, а именно въ мѣстности выше Шемахи, академикъ Абихъ въ разъясненіе колебаній почвы Каспійскаго побережья, замѣченныхъ, по крайней мѣрѣ, въ юго-восточной части его, даетъ слѣдующую таблицу этихъ колебаній:

Имя наблюдателя.	Годъ.	На сколько уровень моря ниже отмѣтки.	Разстояніе отмѣтки отъ уровня моря.	На сколько уровень моря или выше, или ниже нормальной линіи.
Ленцъ	1830	5′ 11″ 8,5‴	30′	0
Воскобойниковъ .	1837	?	?	-- 1′ 7′
Абихъ	1847			
	Октябрь	5 2′ 8‴	26′	+ 0′ 9″
Абихъ	1848			
	Октябрь	7, 3′ 6′	76	— 1 3″ 8′
—	1852			
	Декабрь	8′ 10′ 5‴	135	— 2 10′ 6,5
Ханыковъ . . .	1863			
	18 Мая	8′ 1″ 2‴	104	— 2 5′ 7′
Абихъ	1861			
	9 Апрѣля	По отмѣткѣ на башнѣ, находящейся въ морѣ		— 3 11″ 2‴

Угольное дѣло представляется для Кавказа не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ нефть и правильная добыча и обработка ея. Съ 1873 года, когда на популярныхъ бесѣдахъ, читанныхъ въ Германіи, мнѣ тоже приходилось сообщать объ углѣ, немногое измѣнилось въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ огромное значеніе для всего края. Лѣса попрежнему уничтожаются безъ стыда и совѣсти, а минеральное топливо въ Тквибули (въ окрестностяхъ Кутаиса) все еще лежитъ нетронутымъ. Только немногіе потребители топлива достигли возможности замѣнять дрова, дорого стоющія въ Тифлисѣ, углемъ изъ Гелатскаго мѣсторожденія. При постоянномъ снабженіи линіи Поти-Тифлиской желѣзной дороги горючимъ матеріаломъ изъ Колхидскихъ лѣсовъ, послѣдніе такъ будутъ опустошены, что климатъ этой прелестной мѣстности неминуемо долженъ будетъ измѣниться. Даже и теперь уже нерѣдко случается, что черезъ Сурамскій перевалъ, который частью обезлѣсенъ, неистово совершенно врывается въ долину Ріона сухой и жгучій восточный вѣтеръ, и если онъ тамъ, въ продолженіе двухъ или трехъ дней, не перестаетъ свирѣпствовать, то всѣ роскошныя маисовыя поля этой мѣстности выгораютъ. Что касается каменнаго угля, то и въ этомъ отношеніи природа въ достаточной мѣрѣ облагодѣтельствовала Закавказскій край. Достаточно обратить вниманіе на открытіе каменнаго угля въ котловинѣ Окриба, близъ Тквибули, и бѣгло прослѣдить за развитіемъ примѣненія его до настоящаго времени, т. е. въ теченіе 35-ти лѣтняго періода. Тквибульскіе залежи угля открыты въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Тогда, во время просвѣщеннаго управленія княземъ Воронцовымъ, этой находкѣ было придано большое значеніе. Спеціальные, научно-геологическіе вопросы, относящіеся къ этимъ залежамъ угля, были разрѣшены акедемикомъ Абихомъ, а профессоръ Гепнертъ, въ Бреславлѣ, опредѣлилъ растительные остатки, встрѣчающіеся въ нихъ. Судя по этимъ остаткамъ, пласты угля относятся къ юрской формаціи. Вскорѣ послѣ открытія угольныхъ залежей, были предприняты развѣдочныя работы, и добытый уголь былъ отправленъ въ Редутъ-кале, для производства опытовъ на русскихъ пароходахъ, въ видахъ опредѣленія его достоинства въ сравненіи съ англійскимъ. На основаніи офиціальныхъ данныхъ извѣстно, что до 1850 года всего было добыто до 115,000 пуд. угля, изъ числа которыхъ до 70,000 пуд. были израсходованы въ видѣ топлива. Отдѣльные пласты угля доходятъ до 3-хъ футъ толщины, перемежаясь съ прослойками песчаника и глинистаго сланца; общее же обнаженіе угля простирается отъ 7 до 9 саженъ толщины. Въ началѣ правительство прилагало всевоз-

можное стараніе къ развитію угольнаго промысла. Оно даже приняло всѣ издержки по добычѣ угля на себя и, кромѣ того, еще платило съ каждаго добытаго пуда угля по $^3/_4$ копѣйки въ пользу владѣльцевъ мѣсторожденія. Въ видахъ пользованія послѣднимъ, оно съ владѣльцами даже заключило условіе на 36 лѣтъ и, не смотря на все это, разработка угля не состоялась. Въ то время не чувствовалась такая настоятельная надобность въ этомъ топливѣ, какъ теперь, и расходы по перевозкѣ угля были чрезвычайно велики. Тогда платили отъ 16 до 20 копѣекъ за перевозку пуда угля до Редутъ-кале; при такихъ цѣнахъ за провозъ, англійскій уголь былъ доступнѣе тквибульскаго. Еще съ того времени сохранились планы и смѣты для устройства пути, который долженъ былъ удешевить доставку угля въ большомъ количествѣ къ берегу Ріона; при этомъ имѣлось въ виду отъ угольной копи до судоходнаго мѣста этой рѣки проложить конножелѣзную дорогу. Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ разрѣшена была постройка линіи Поти-Тифлисской желѣзной дороги, снова принялись за обсужденіе угольнаго вопроса. Опять приступили къ опредѣленію благонадежности мѣсторожденія угля, предприняли опытную разработку его, составили различные проекты и смѣты, назначили коммиссію для опредѣленія достоинства угля, сдѣлали точные химическіе анализы его, — и все это было исполнено съ большою точностью и полнымъ знаніемъ дѣла. Притомъ общій запасъ угля былъ исчисленъ въ 76 милліоновъ пуд.; ежегодная потребность топлива для желѣзной дороги и городовъ, лежащихъ при ней, принята въ 1 милліонъ пуд.; вообще же, пришли къ тому заключенію, что разработку угля слѣдуетъ предоставить частной предпріимчивости. Не смотря на это, въ угольномъ дѣлѣ все осталось по старому. Владѣльцы угольныхъ залежей находятся въ спорѣ между собою и потому, прежде всего, правосудію предстоитъ очистить поприще для дѣятельности частныхъ предпринимателей. По имѣющимся даннымъ, пудъ тквибульскаго угля долженъ на мѣстѣ добычи обходиться по 6 копеекъ; въ Кутансѣ онъ можетъ стоить 12 коп., въ Тифлисѣ 21 коп. и въ Поти $16^1/_2$ коп.

Кудако.

Много толковъ было возбуждено по поводу существованія торфа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ главнаго Кавказскаго хребта. Въ сущности, онъ не имѣетъ большихъ достоинствъ и потому разработка его не можетъ представить выгоды. Это доказывается тѣмъ, что на Кавказѣ не имѣется мха Sphagnum, который собственно и образуетъ хорошій торфъ, а существуетъ только сильное заростаніе кислыми луговыми травами, преимущественно изъ рода Carex; возобновляясь медленно и только съ поверхности, эти травы съ теченіемъ времени также образуютъ горючій матеріалъ; но торфяной производительности, какъ въ сѣверныхъ странахъ, онѣ не даютъ.

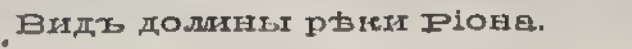
Прежде чѣмъ приступить къ описанію рудныхъ мѣсторожденій и ихъ разработки, слѣдуетъ упомянуть о значительныхъ залежахъ каменной соли, квасцовъ и сѣры на Кавказѣ. Непосредственно у подошвы трахитовой сопки, Такялтю, находились, съ восточной ея стороны, съ незапамятныхъ временъ, горныя выработки неисчерпаемыхъ пластовъ каменной соли, снабжавшія этимъ естественнымъ произведеніемъ не только Закавказскій край, но и нагорную Арменію. Далеко ниже впаденія Арпачая, притекающаго съ сѣвера, начинается холмистая мѣстность, которая, лишенная всякой растительности, оголенная и вслѣдствіе перемежаемости яркихъ цвѣтовъ глины и мергеля — красновато-бураго, синевато-зеленаго и желтовато-сѣраго — рѣзко бро-

сается въ глаза. Всѣ эти породы принадлежатъ къ осадкамъ третичнаго періода. Глубоко врѣзавшіяся разсѣлины и овраги, въ которые нѣкогда сбѣгали воды, раздѣляютъ между собою плоскосводчатыя вершины горъ. Въ обнаженіяхъ этихъ горъ, образованныхъ дѣйствіемъ размыва, въ послѣдовательномъ порядкѣ усматриваются пласты мергеля и глины, не содержащіе органическихъ остатковъ, но изобилующіе взамѣнъ этого ярко-блестящими кристаллами гипса. Въ разстояніи полумили къ югу отъ Аракса находится солеродная гора, круто спускающаяся склономъ къ западу, на которомъ, на высотѣ 3,587 футъ надъ уровнемъ моря, расположилось селеніе Кульпы. Подъ покровомъ глины, толщиною около 3 саженъ, здѣсь залегаетъ пластъ каменной соли, со среднею толщиною въ 7 саженъ. Въ западномъ склонѣ этой горы можно прослѣдить за непрерывностью этого пласта на протяженіи 900 саженъ. Въ давнее время соль добывалась тутъ каменными молотами изъ рогово-обманковой породы, не встрѣчающейся по близости Кульпъ. Въ этихъ молотахъ нѣтъ отверстія для молотовища, а близъ верхней части молота имѣются желобчатыя углубленія, при помощи которыхъ они ремнями укрѣплялись къ рукояткѣ. Въ настоящее время выломка соли производится желѣзными молотами (кирками), имѣющими острый, сталью навареный конецъ. Каменная соль вырубается въ видѣ брусьевъ, вѣсомъ отъ 2 до 2½ пудовъ. Эту форму находятъ болѣе выгодною вслѣдствіе существующаго обычая производить перевозку на верблюдахъ, которые болѣе удобно могутъ быть навьючены солью въ видѣ брусьевъ или плитъ. Обыкновенно добыча соли производится такимъ образомъ, что съ помощью кирокъ, которыхъ острый конецъ нагнутъ къ рукояткѣ, въ обнаженномъ соляномъ пластѣ вырубаютъ продольныя борозды, глубиною отъ 7 до 8 дюймовъ. Послѣ такой обрубки брусьевъ съ четырехъ сторонъ, они уже болѣе тяжелыми молотами отбиваются отъ солянаго пласта. При этомъ способѣ добычи соли теряется довольно значительная часть ея. Опытъ показалъ, что изъ кубической сажени плотнаго объема солянаго пласта получается до 350 брусьевъ соли, вѣсящихъ до 875 пуд., и до 525 пуд. осколковъ и мелкой соли. Ежегодная потребность въ Кульпинской соли простирается до 710,000 пуд. брусковой и до 320,000 пуд. мелкой. При добычѣ 710,000 пуд. брусковой соли вмѣстѣ съ нею получается до 426,000 пуд. мелкой; значитъ, около 106,000 пуд. или около 70 кубическихъ саженъ послѣдней остается безъ всякаго употребленія. Кульпинская копь снабжаетъ солью всю Тифлисскую губернію и частью губерніи Кутаисскую и Эриванскую. Въ настоящее время ломкою соли можетъ свободно заниматься всякій. За работу при добычѣ платятъ съ вѣса выломанной соли, а именно отъ 1 до 1½ копѣеки съ пуда. Цѣна на соль повсемѣстно устанавливается правительствомъ. До 1874 года соляной промыселъ отдавался на откупъ за 79,000 рублей въ годъ. Послѣ завоеванія Эриванской губерніи (въ 1829 году) правительство съ этого промысла получило всего 12,000 руб., а въ настоящее время оно получаетъ съ него 134,300 руб.

Нефтяные промыслы близъ Баку.

Соляной пластъ, находящійся къ сѣверо-западу отъ города Нахичевани, тоже залегаетъ въ породахъ между пластами мергеля, издающаго сильный запахъ горнаго масла. Въ кровлѣ солянаго пласта находятся рыхлые, сѣраго цвѣта песчаники, которые перемежаются съ темно-

Т. IX.

Видъ долины рѣки Ріона.

бурыми и красными мергелями; за этими пластами, книзу, слѣдуетъ сѣраго цвѣта смолистый мергель съ кристаллами гипса, потомъ слой гипса, толщиною отъ 1 до 2 саженъ, наконецъ пластъ каменной соли, который имѣетъ толщину отъ 2 до 5 саженъ и, въ свою очередь, лежитъ на темныхъ мергеляхъ, содержащихъ нефть. Добыча соли здѣсь производится порохострѣльною работою. Потолокъ выработокъ, которыя имѣютъ видъ камеръ, подпирается соляными столбами, довольно значительной толщины. До 1874 года откупъ платилъ правительству за право добычи соли 22,500 рублей; въ настоящее время доходъ правительства простирается до 32,000 рублей. По завоеваніи Эриванской губерніи оно съ этого промысла получало всего 3,500 рублей доходу. Въ настоящее время изъ Нахичеванскихъ копей ежегодно добывается до 300,000 пуд. соли какъ кусками неправильной формы, такъ и въ видѣ мелочи.

Немногое можно сказать о квасцахъ и сѣрѣ. Квасцовый камень залегаетъ на пластахъ меловой формаціи, развитыхъ по теченію рѣчки Шамхоръ, близъ деревни Загликъ, въ Елисаветпольской губерніи. Толщина пласта, стоющаго разработки, доходитъ до 4 футъ. Квасцовый камень сначала подвергается обжиганію, потомъ выщелачиванію и затѣмъ изъ полученнаго раствора, съ помощью кристаллизаціи, выдѣляютъ эту соль. Для надобностей квасцоваго производства правительствомъ выдѣленъ лѣсной участокъ въ 500 десятинъ и въ 1865 году имъ же былъ построенъ заводъ, который ежегодно долженъ былъ производить до 30,000 пуд. квасцовъ. Не смотря на такое содѣйствіе правительства, эта отрасль промышленности не можетъ развиться въ надлежащемъ видѣ, что главнымъ образомъ обусловливается дороговизной перевозки. На мѣстѣ производства пудъ квасцовъ обходится въ 1 рубль 10 копеекъ и мѣстная потребность въ нихъ весьма незначительна. Продажная цѣна квасцовъ въ городѣ Елисаветполѣ доходитъ до 1 руб. 80 коп.; въ Баку — до 2 руб. 20 коп., а въ Нижнемъ-Новгородѣ — до 3 руб. за пудъ.

Боржомскія минеральныя воды.

Наиболѣе замѣчательное мѣсторожденіе сѣры находится въ Дагестанѣ, гдѣ она залегаетъ въ пластахъ нижняго мѣла и даже верхнихъ — юрской формаціи. Сланцеватая и синевато-сѣраго цвѣта глина, содержащая квасцовый камень и кристаллы селенита, по всей массѣ прорѣзана прожилками сѣры, доходящими до 6 вершковъ толщины. Это мѣсторожденіе было разработано еще при Шамилѣ. Онъ обязалъ жителей Чиркатъ, по которому это мѣсторожденіе также получило названіе Чиркатскаго, ежегодно добывать извѣстное, довольно значительное количество породы, содержащей сѣру, и кромѣ того, онъ за вытопленную самими жителями сѣру платилъ отъ 30 до 50 копѣекъ за пудъ. Въ настоящее время на Кавказѣ не существуетъ добычи сѣры, съ которою случилось то же, что и съ квасцами: при низкихъ продажныхъ цѣнахъ, кавказская сѣра не въ состояніи перенести дорого стоющей перевозки, а мѣстное употребленіе ея слишкомъ незначительно.

Въ отдаленнѣйшія времена древности на Кавказѣ добывались уже мѣдь и желѣзо. Библейскій Тубалъ, равно какъ и страна, называемая древними Греками Калиберомъ, надо по-

лагать, находилась между Курою и Араксомъ. Тамъ, гдѣ малый Кавказскій хребетъ, вмѣстѣ съ горами Самхетіи, Казаха и къ востоку лежащаго Карабаха, спускается къ равнинѣ, находятся мѣста самой древней добычи металловъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ то обстоятельство, что тамъ въ народѣ сохранились еще первобытные способы выплавки и обработки металловъ, въ особенности желѣза. Въ лѣсахъ названныхъ горныхъ мѣстностей нетрудно бываетъ отыскать слѣды старинныхъ шахтъ и горныхъ выработокъ. Послѣднія часто обваливались, засыпались, и въ сосѣдствѣ съ ними встрѣчаются огромныя скопленія шлаковъ, свидѣтельствующія о древности и продолжительности этихъ горныхъ работъ. Найдя доступъ въ такую шахту и войдя при свѣтѣ факеловъ въ эту древнюю значительно развѣтвляющуюся разработку, обыкновенно приходится по узкимъ галлереямъ проходить до объемистыхъ подземныхъ камеръ, заложенныхъ въ рудныхъ мѣсторожденіяхъ, изъ

Шемаха.

числа которыхъ большая часть не вполнѣ выработана. Въ настоящее время въ Карабахѣ выплавка мѣди преимущественно производится Греками и по самому первобытному способу, который главнѣйшимъ образомъ заключается въ обжиганіи и въ проплавкѣ руды. Нѣкоторые изъ такихъ заводовладѣльцевъ ежегодно получаютъ, при обработкѣ довольно богатыхъ рудъ, отъ 4 до 5,000 пудъ нѣсколько хрупкой мѣди, которая въ городѣ Шушѣ, находящемся въ центрѣ Карабаха, продается по цѣнѣ отъ 9 до 11 рублей за пудъ. Несмотря на то, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ на Кавказѣ въ большихъ размѣрахъ былъ основанъ мѣдно-плавильный заводъ, на которомъ добыча металловъ производится по самымъ усовершенствованнымъ способамъ и съ котораго они въ большомъ количествѣ отправляются на европейскіе рынки, Греки, въ живописной долинѣ Катанъ-чая все-таки придерживаются издревле принятыхъ способовъ выплавки мѣди. Здѣсь умѣстно указать на заводское предпріятіе, основанное въ обширнѣйшихъ размѣрахъ извѣстною фирмою братьевъ Сименсъ въ Елизаветпольской губерніи, въ Кедабегѣ, гдѣ одновременно добывается кобальтъ и мѣдь. На этомъ заводѣ занято до 1,500 человѣкъ работой,

и изъ руды, добытой въ 1870 г. въ количествѣ полумилліона пуд., было выплавлено 44,213 пуд. мѣди. Всего въ 1870 г. на Кавказѣ было добыто 57,800 пуд. мѣди, на сумму около 600,000 р.

Менѣе благопріятныя свѣдѣнія можно сообщить о желѣзномъ производствѣ на Кавказѣ. Относительно устройствъ, задуманныхъ по обширному плану, не было недостатка; но вотъ прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ они не находятся еще въ дѣйствіи, и потому совершенно опустѣли. Чатахскій чугуно-плавильный и желѣзо-дѣлательный заводъ находится въ 75 верстахъ къ юго-западу отъ города Тифлиса, въ долинѣ рѣчки Бальнисъ. Еще въ сороковыхъ годахъ академикъ Абихъ обратилъ всеобщее вниманіе на превосходныя качества и на изобиліе руды въ этой мѣстности. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ осуществилось это предпріятіе при содѣйствіи Баденскаго консула Либа, въ Одессѣ. Желѣзная руда, состоящая преимущественно изъ желѣзнаго блеска или

Улица въ Шемахѣ.

окисловъ желѣза, является въ діоритовомъ порфирѣ въ видѣ жилы, толщиною до 3 саж., и падающей подъ угломъ въ 30° къ востоку. Благонадежность этой руды вглубь тоже была подтверждена развѣдочными работами. Самая богатая руда содержитъ до 60%, а самая бѣдная до 30% желѣза, такъ что въ средней сложности можно принять содержаніе желѣза въ рудѣ въ 45%. Дѣла этого завода не развивались, и къ 1863 г. долгъ его возросъ до 200,000 р. Предпріятіе постепенно приходило въ упадокъ, и въ настоящее время оно совершенно прекратилось.

Въ предѣлахъ истоковъ Ріона, на высотѣ 4600 футъ надъ моремъ, находится на берегу ручья Джанджара деревня Цедисы, населенная довольно бѣдными жителями Имеретинами. Зимы той мѣстности довольно суровы и изобилуютъ снѣгами, и именно въ это время года жители названнаго селенія занимаются мало-прибыльною выдѣлкою желѣза. Для этой работы обыкновенно составляются артели изъ 5 и даже 7 человѣкъ, которыя во время всей зимы едва выручаютъ отъ 15 до 20 рублей чистой прибыли. Рудникъ, оставляемый безъ всякаго призрѣнія, находится въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Цедисы. Запасшись факелами изъ сосновыхъ лучинъ, туда отправляются такія артели для добычи желѣзной руды. При

этомъ, въ дурно-содержащемся рудникѣ нерѣдко случаются обвалы, какъ въ 1861 году, когда тамъ были задавлены 5 человѣкъ рудокоповъ. Въ кузницѣ, которая обыкновенно находится при домѣ, руда разбивается на мелкія части и затѣмъ, по 5 пуд., забрасывается въ открытый горнъ; здѣсь она прикрывается углемъ и растапливается съ помощью ручныхъ мѣховъ. По прошествіи 5 часовъ такой работы, руда вынимается изъ котлообразнаго углубленія горна чрезъ отверстіе, продѣланное въ днѣ его, въ видѣ комка желѣза. Для полученія затѣмъ хорошаго, мягкоковкаго желѣза, которое покупается по 1 рублю за пудъ, такіе комья должны быть такимъ же способомъ перетоплены, по крайней мѣрѣ, до двухъ разъ.

Хотя выплавка серебра и свинца еще не погибла на Кавказѣ, подобно выдѣлкѣ желѣза, тѣмъ не менѣе это горнозаводское производство уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вступило въ борьбу за самостоятельное существованіе и еслибы не поддержка правительства, то участь его была бы одинаковая съ Чатахскимъ заводомъ. Сказанное именно относится къ серебросвинцовому Алагирскому заводу, рудникъ котораго съ давнихъ временъ разрабатывался для добычи свинцоваго блеска и выплавки изъ него свинца.

Война съ Кавказскими горцами послужила поводомъ къ тому, что въ сороковыхъ годахъ правительство приступило къ разработкѣ рудника, который въ ущельѣ рѣчки Саданъ покупкою былъ пріобрѣтенъ отъ Грека Чекалова, прекратившаго это дѣло въ 1839 году. Заводскія устройства, возникшія одновременно съ этимъ, были сдѣланы въ обширныхъ размѣрахъ. Въ защиту отъ нападеній со стороны воинственныхъ горцевъ, заводъ былъ снабженъ укрѣпленіями и въ видахъ болѣе удобнаго сообщенія съ рудникомъ были произведены значительныя дорожныя работы. Большая потребность тогдашняго времени въ свинцѣ вызвала усиленную дѣятельность завода. Вслѣдствіе этого, въ видахъ удовлетворенія спроса, приступили къ поспѣшной добычѣ болѣе богатыхъ рудныхъ запасовъ, оставивъ при этомъ убогія руды безъ всякаго употребленія. Не взирая на это, все предпріятіе дѣйствовало въ убытокъ. Въ нѣкоторые годы этотъ послѣдній даже доходилъ до 15,000 рублей, которые казна должна была покрывать изъ своихъ средствъ. Въ состояніи ли частная предпріимчивость, дѣйствующая въ собственныхъ интересахъ и съ должнымъ знаніемъ и капиталомъ, устранить всѣ невыгоды этого горнозаводскаго дѣла, — покажетъ будущее. Дѣло безъ сомнѣнія приметъ иной оборотъ, если правительство, взамѣнъ своего управленія, съ помощью коронныхъ чиновниковъ, къ этому дѣлу допуститъ свободную конкуренцію частной предпріимчивости.

Руды, поступающія въ плавку на Алагирскій заводъ, содержатъ на каждые 100 пуд. до 0,02% серебра, до 6,7% свинца и 0,06% мѣди. Самый богатый свинцовый блескъ содержалъ до 5 золотниковъ серебра на пудъ руды.

О золотѣ предоставляю себѣ сказать, когда придется говорить о геройскихъ подвигахъ Язона и вспоминать о любви Медеи. Наравнѣ съ этимъ прекраснымъ преданіемъ древности, въ слѣдующемъ разсказѣ также найдетъ себѣ мѣсто все то, чему новѣйшія времена насъ научили относительно нахожденія золота на Кавказѣ.

Г. Радде.

ОЧЕРКЪ VI.

ДРЕВНѢЙШІЯ ПРЕДАНІЯ О КАВКАЗѢ.

Древнѣйшія преданія и историческія сказанія о Кавказѣ.—Роль Арарата въ исторіи всемірнаго потопа.—Миѳъ Прометея.—Сказаніе о походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду.—Греческія колоніи на Кавказскомъ прибрежьѣ.—Остатки Діоскуріоса.—Арменія въ греческій и римскій періоды.—Царство Митридата и борьба его съ Римомъ.—Распространеніе христіанства на Кавказѣ.—Легенды о св. Нинѣ—просвѣтительницѣ Грузіи.—Историческіе памятники и находки, относящіеся къ древнѣйшей исторіи Кавказа (до X вѣка).—Царица Тамара.—Тмутараканское княжество и отношенія Русскихъ къ Кавказу во времена св. Владиміра.

. . . . . . Старикъ Чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержаннымъ Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
. . . .
. . . .
И подъ столѣтней, мшистою скалою
Сидѣлъ Чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ онъ о родинѣ молился;
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ...

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Черкесы на переходѣ въ горахъ.

Торжественная и величественная картина природы Кавказа постепенно развертывается передъ путешественникомъ, когда онъ, полный ожиданія, приближается къ этимъ странамъ. Въ такомъ же величіи представляется намъ историческое прошлое этихъ странъ, когда мы начинаемъ обозрѣвать ихъ прошлое.

Преданія о раѣ и потопѣ далеко распространены по всей поверхности земнаго шара. Личность Ноя этимологически совпадаетъ съ извѣстнымъ китайскимъ Ніу-ва, который, при помощи корабля, укротилъ борьбу разнузданныхъ стихій и замкнулъ источники небесные посредствомъ семицвѣтнаго камня (радуга). Такое же значеніе имѣетъ Сатиоврата у Индусовъ и Сизистросъ древняго племени Джессидовъ, по внѣшнимъ чертамъ своимъ родственныхъ Курдамъ. Они обитали въ Мессопотаміи, начиная отъ Багдада, вверхъ по Тигру, до высокаго плоскогорія Арменіи. Религія ихъ представляетъ намъ смѣсь ученія Магомета и Зендъ-Авесты. Наконецъ, знаменитый г. Смитъ прочелъ въ ассирійской клинописи исторію потопа, совершенно сходную съ ветхозавѣтными преданіями. Въ совершенно сход-

ныхъ чертахъ мы встрѣчаемся съ сказаніями о потопѣ у индѣйскихъ племенъ сѣверной и южной Америки. А. Ф. Гумбольтъ нашелъ у туземцевъ рѣки Ориноко и у первобытныхъ обитателей Новой Гренады преданія о богѣ Чиппакупэ, пославшемъ развращенному человѣчеству больное наводненіе, отъ котораго Боміа, являвшійся на радугѣ, освободилъ родъ людской послѣ долгихъ мученій.

Для еврейскаго, христіанскаго и магометанскаго міра, средоточіемъ ученій о потопѣ является гора Араратъ, на которой присталъ ковчегъ Ноя послѣ долгихъ странствованій по безбрежному морю. Вѣра народа въ это преданіе до того непоколебима, что и по настоящее время обитатели ближайшихъ мѣстностей у подошвы Ноевой горы не вѣрятъ въ успѣшное восхожденіе Паррота, Абиха и Ходзько на вершину Арарата. Могила втораго отца человѣчества неизмѣнно обозначается между низкими ветхими саклями на равнинѣ, которая тянется отъ Нахичевани по лѣвому берегу Аракса, и до сихъ поръ почитается исключительно магометанскимъ населеніемъ этой мѣстности. Достойно, однако, вниманія, что виноградъ, какъ культурное растеніе, во всемъ Закавказьѣ достигаетъ высшей точки именно здѣсь, на сѣверномъ склонѣ Большаго Арарата, гдѣ, согласно библейскому преданію, была посажена первая лоза. Монастырь св. Якова въ долинѣ Ахури, засыпанный въ 1840 г. при извѣстной катастрофѣ Арарата, находится на вышинѣ 5982 фут. (по Парроту) надъ морскимъ уровнемъ, а между тѣмъ монахи, какъ извѣстно, успѣшно занимались здѣсь виподѣліемъ. Дѣйствительно ли вершина Большаго Арарата та самая гора, на которой, по народному преданію, до сихъ поръ покоятся остатки Ноева ковчега — это вопросъ, который подлежитъ нескончаемымъ спорамъ. Изученіе природы этой мѣстности приводитъ насъ съ достовѣрностью къ слѣдующимъ выводамъ: море, которое здѣсь нѣкогда волновалось, принадлежало къ третичному міоценовому періоду. Въ это отдаленное отъ насъ время различныя породы тростника и камыша росли въ солоноватыхъ третичныхъ водахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ изрытая и растерзанная подошва могущественнаго конуса образуется изъ дикихъ утесовъ лавы въ видѣ скалистаго хаоса. Подобно тому, какъ и теперь еще около мѣстечка Аргачи въ стоячихъ болотахъ рѣзвятся водяныя курочки и шилохвостки, такъ и тогда въ этомъ камышевомъ лѣсу, состоявшемъ изъ свойственныхъ тому періоду породъ Agarites Araratica, Phragmites Oeningensis, Cyperites, Deucaliones Heer, быть можетъ скрывалась также водяная дичь чрезвычайно странныхъ формъ. Изъ этого моря на поверхность его поднялся раскаленный исполинъ, онъ раздувался и становился все выше и выше; красно-свѣтящаяся лава вытекала изъ нѣдръ его и разливалась внизъ по долинамъ широкими лентами, а изъ жерла его, достигшаго 17000 фут. высоты, выбрасывались шлаки и цѣлыя скалы, водяные и сѣрные пары на далекое разстояніе. Но все же мы встрѣтимъ большое затрудненіе въ согласованіи нынѣ существующихъ физическихъ условій въ Араратской области съ тѣмъ положеніемъ, на которое съ достаточною ясностью указывается въ Ветхомъ завѣтѣ. Нынѣ климатъ тамъ очень неровный и отличается чрезвычайно рѣзкими переходами. Изъ всего Закавказья въ этой области по среднему Араксу бываютъ зимою самые сильные холода и высшая степень зноя лѣтомъ. Если Ной — согласно 1-ой книги Моисея, 9 гл., 20 ст. — именно здѣсь воздѣлывалъ виноградъ, напиваясь благороднымъ напиткомъ его до охмѣленія, то безъ сомнѣнія въ тѣ времена зима въ этихъ мѣстахъ должна была отличаться умѣренностью, потому что трудно же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы нашъ праотецъ умѣлъ уже заботливымъ прикрытіемъ охранять свою лозу отъ зимней стужи.

Преданіе о потопѣ въ извѣстной намъ формѣ охватываетъ всю громадную область іудейскаго, христіанскаго и магометанскаго міра безъ исключенія, тогда какъ преданіе о раѣ земномъ имѣетъ несравненно менѣе обширную область распространенія. Не взирая на мудрствованія многихъ вѣрующихъ, которые считаютъ верхнее теченіе Евфрата и Тигра мѣстомъ нахожденія Эдема, гдѣ первые люди наслаждались счастливымъ, безгрѣшнымъ существованіемъ, — мы

на весьма близкомъ отсюда разстояніи, а именно на Большомъ Кавказѣ, находимъ, правда, одинъ довольно уединенный уголокъ, который ближайшими жителями считается мѣстомъ, гдѣ совершилось грѣхопаденіе. Это такъ называемая Эдемисъ-Мта, т. е. Райскія горы, высоко у истоковъ Ріона (Фазиса), нынѣ покрытыя громадною массою снѣга и ледниковъ. Послѣ изслѣдованія мною весьма интересныхъ высокихъ долинъ Цхенисъ-Калія и Ингуры, я, въ августѣ 1864 г., проникъ въ горы къ самымъ крайнимъ истокамъ Ріона. Оставивъ за собою самыя высокія деревни Глола и Чіора, я вступилъ въ сплошныя массы льдовъ Эдемисъ-Мта съ его глубокими разсѣлинами. «Здѣсь», говорилъ проводникъ мой, имеретинскій князь, «находился рай; изгнавъ отсюда первыхъ людей за ихъ прегрѣшеніе, Богъ въ гнѣвѣ своемъ чудесный садъ превратилъ въ массу ледниковъ.» Однако преданіе это имѣетъ очень незначительное распространеніе; оно ограничивается, повидимому, только ближайшею мѣстностью: по крайней мѣрѣ Грузинамъ, которыхъ я объ этомъ разспрашивалъ, оно неизвѣстно.

Мѣстность эта представляетъ особый орографическій интересъ: въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ находятся источники Фазиса, вытекающіе изъ Пасъ-Мта; отъ этой горы въ новѣйшее время пытались произвести названіе Фазиса, съ которымъ связанъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ миѳовъ древней Греціи. Но прежде чѣмъ напомнить благосклонному читателю эпосъ объ Аргонавтахъ, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о полу-богѣ, который, по греческимъ сказаніямъ, первый вступилъ на вновь сотворенную землю, когда на ней еще не было обитателей, и изъ праха земнаго слѣпилъ властителя міра по образу и подобію боговъ, но одареннаго всѣми хорошими и дурными качествами живыхъ существъ. Въ сказаніи говорится далѣе, что небесная подруга Прометея, Минерва, богиня мудрости, оживила твореніе его божественнымъ своимъ дыханіемъ, а изобрѣтательный Прометей съ этого времени становится учителемъ процвѣтающаго человѣчества. Тогда боги обратили вниманіе на твореніе Прометея и потребовали отъ людей почитанія за дарованное имъ покровительство. Права и обязанности послѣднихъ подверглись обсужденію въ сикіонскомъ городѣ Меконѣ на собраніи, состоявшемъ изъ боговъ и смертныхъ. Прометей выступаетъ защитникомъ своихъ твореній и обманываетъ Юпитера неравномѣрнымъ дѣленіемъ жертвоприношенія. Тогда разгнѣванный этимъ всемогущій Зевсъ отказалъ человѣчеству въ дарованіи огня, безъ котораго немыслимо было умственное развитіе людей. Но хитроумный сынъ Титановъ успѣлъ похитить искру божественнаго огня съ быстро мчавшейся колесницы Солнца, и принесъ ее земнымъ обитателямъ въ тлѣющемъ сухомъ стебелькѣ Феруловой тростники. Послѣ этого боги послали на землю очаровательную дѣву. Венера окружила ее всѣми прелестями и соблазнительными чарами женской красоты, а Минерва окутала ее въ тонкое прозрачное покрывало. Пандора, одаренная всѣми богами, несла въ рукахъ красивый сосудъ, въ которомъ скрывалось всякое зло. Когда она вступила въ среду людей, восторгавшихся ея красотой, она открыла свой сосудъ, и заключенные въ немъ пороки освободились и распространили по землѣ горе, бѣдствія и нужду среди рода человѣческаго, до того времени наслаждавшагося полнымъ счастіемъ. На днѣ сосуда однако остался еще одинъ благодѣтельный даръ — надежда; но крышка сосуда захлопнулась и она не успѣла изъ-подъ нея освободиться.

Но затѣмъ необходимо было наказать и самого Прометея. Исполненіе этого дѣла боги возложили на Вулкана, пославшаго своихъ помощниковъ, Кротоса и Бію (Силу и Власть); они увлекли его въ Скиѳскую пустыню и приковали къ высокой скалѣ на краю глубокой пропасти. Сюда ежедневно прилеталъ орелъ, который пожиралъ постоянно выростающую печень несчастнаго. Тридцать лѣтъ спустя явился Геркулесъ, убилъ прожорливую птицу и освободилъ страдающаго Титана отъ ужасныхъ мукъ.

Въ основаніи миѳа объ Аргонавтахъ лежитъ какой-нибудь историческій фактъ. Походъ этотъ вѣроятно происходилъ около 1400 г. до Р. Х., и въ то время греческіе герои, впервые узрѣвшіе Кавказъ послѣ долгихъ странствій, говорятъ, слышали еще стоны истязаемаго Про-

метея и удары крыльевъ того орла, который пожиралъ его печень. Мы приведемъ только содержаніе этого эпоса, насколько оно относится къ нашей области, но вовсе не утверждаемъ, что все, что въ немъ разсказывается, происходило именно въ долинѣ Фазиса, въ нынѣшней Мингреліи на Ріонѣ. Мнѣнія ученыхъ на счетъ этого значительно расходятся, и самый вопросъ можетъ только служить предметомъ нескончаемыхъ споровъ, потому-что творческая и изобрѣтательная въ украшеніяхъ фабулы фантазія съ теченіемъ времени сильно поколебала историческую почву дѣйствительности. Во всемъ этомъ преданіи достовѣрно лишь одно, что Греки поручили Аргосу построить очень большое судно и съ лучшими изъ современниковъ предприняли путешествіе, весьма богатое приключеніями. Цѣлью странствованій они поставили себѣ возвращеніе золотаго руна, которое принадлежало тому овну, на которомъ Фриксъ, съ своей сестрою Геллою, нѣкогда бѣжали, спасаясь отъ жестокаго обращенія своей мачихи Ино, супруги

Сіонъ и Орсетъ.

Беотійскаго царя Аѳамаса. Охваченная головокруженіемъ во время высокаго воздушнаго полета, Гелла упала въ море, названное въ память ея Геллеспонтомъ (Дарданеллы). Между тѣмъ Фриксъ благополучно достигъ Колхиды — страны, гдѣ течетъ Фазисъ; овна онъ принесъ Зевсу въ жертву, а руно подарилъ царю Аэту, который принялъ его весьма благосклонно. Аэтъ повѣсилъ диковинную драгоцѣнность въ священной рощѣ Марса и на стражѣ поставилъ неусыпнаго дракона. Полагаютъ, что мѣстность, гдѣ жилъ Аэтъ, находилась въ Мингреліи, близъ деревни Накалакеви, гдѣ Ріонъ течетъ между незначительными холмами, окаймленный извилистыми берегами. Въ настоящее время тамъ первобытный лѣсъ совершенно исчезъ; кое-гдѣ только растутъ отдѣльные дубы, съ обрубленными вершинами, и среди маисовыхъ полей виднѣются бѣдныя хижины Мингрельцевъ. Въ августѣ, когда безпощадно палящіе лучи солнца падаютъ съ высокаго небосклона, днемъ, тамъ раздается неумолкаемый шумъ кузнечиковъ, а въ теплую душную ночь по кустарникамъ и въ воздухѣ разливается фосфорическій блескъ отъ безчисленнаго множества свѣтляковъ. При свѣтѣ луны, окутанная въ лег-

кую одежду, на сочной травѣ, окруженная гирляндами изъ розъ, покоится современная Медея, унаслѣдовавшая всю красоту и очаровательную прелесть своей праматери, но безъ дурныхъ ея качествъ, — молодая мингрельская княжна, которая и нынѣ не прочь дать себя похитить какому-нибудь современному Язону, безъ вѣдома родителей. При томъ же это дѣло вовсе не трудное. Похищеніе невѣсты, хотя бы только для виду, считается здѣсь принадлежностью хорошаго тона и представляетъ приключеніе весьма обыкновенное, на счетъ котораго сговариваются и условливаются заранѣе.

Сладость подобныхъ приключеній Аргонавты успѣли испытать еще ранѣе, во время пути въ Колхиду. Женщины острова Лемноса приняли ихъ съ большими почестями, угостили ихъ и всѣ безъ исключенія влюбились въ этихъ благородныхъ рыцарей Греціи, которые рѣшились разстаться съ роскошною жизнью на Лемносѣ только по настоятельному требованію мужественнаго Геркулеса. Затѣмъ они прибыли въ страну Доліоновъ и Гигантовъ и нашли весьма дружелюбный пріемъ у первыхъ, а послѣднихъ истребили почти поголовно. Послѣ долгихъ странствованій подъ покровительствомъ Минервы, они благополучно миновали Симплегадскія скалы, высаживались также въ странѣ Амазонокъ и Халибовъ и наконецъ достигли береговъ Колхиды при устьѣ рѣки Фазиса, гдѣ они узнали ужасающія подробности на счетъ властителя этой страны, жестокаго царя Аэта, сына бога солнца. Но мужественный Язонъ ничего не страшился. Вмѣстѣ съ сыновьями Фрикса онъ отправился во дворецъ Аэта. Онъ находился подъ охраною Юноны, которая все кругомъ покрыла густымъ туманомъ до прибытія иноземцевъ къ царской обители. По волѣ судьбы, Медея, жрица Гекаты, увидѣла Язона, когда онъ проходилъ внутри дворцовой ограды, и съ крикомъ упала на землю. Амуръ исполнилъ свое дѣло: онъ поразилъ дѣву своею стрѣлою въ самое сердце; она почувствовала жгучую боль и, терзаемая пламенемъ любви, впослѣдствіи помогала Язону въ устраненіи всѣхъ препятствій, а въ заключеніе съ нимъ убѣжала. Опасаясь, что чужеземцы пришли съ намѣреніемъ лишить его короны и царства, Аэтъ, успокоившись нѣсколько отъ первоначальнаго гнѣва, рѣшился возложить на Язона столь тяжелую работу, что тотъ долженъ былъ отказаться отъ своего предпріятія, или погибнуть. Герой нашъ долженъ былъ укротить мѣдныхъ быковъ Марса, извергавшихъ огонь изо рта и ноздрей, запречь ихъ въ ярмо и распахать ими

Водопадъ св. Нины.

сительно Абхазіи. Достовѣрно однако, что христіанство здѣсь поддерживалось съ большимъ рвеніемъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуютъ развалины великолѣпныхъ церквей, изъ коихъ лучше другихъ сохранились остатки собора въ Моквѣ, который былъ реставрированъ въ новѣйшее время. Но, къ сожалѣнію, реставрація сдѣлана нѣсколько по-варварски. Въ 1865 г., я посѣтилъ эту прекрасную церковь; внутреннія стѣны ея оказались выбѣленными известью, такъ что вся живопись на нихъ исчезла. Цвѣтущее состояніе Абхазіи начинаетъ падать вмѣстѣ съ могуществомъ ея царей, которые сдѣлались также царями Грузіи. Черкесы съ одной стороны и Турки съ другой—орошали кровью это великолѣпное прибрежье. Еще два столѣтія тому назадъ владѣтельные князья Дадіановъ принуждены были стѣснить свои границы до Анакона, а потомъ они удалились до Галазга, и Абхазія, эта несчастная страна, совершенно одичала и теперь походитъ на американскій первобытный лѣсъ: все разрушено, церкви находятся въ развалинахъ и всякіе слѣды цивилизаціи исчезли.

Кавказскіе Евреи.

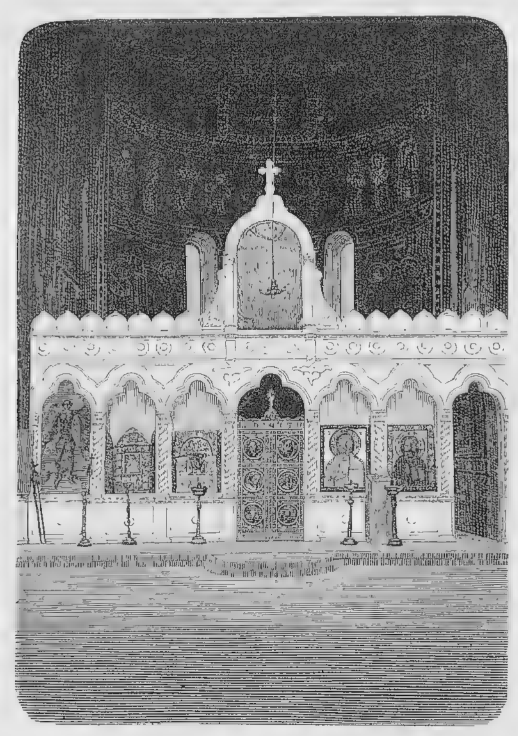
Діоскуріосъ нынѣ извѣстенъ только по имени. Послѣ всѣхъ переворотовъ, даже самое мѣсто нахожденія его сдѣлалось сомнительнымъ. Когда Шардэнъ, въ 1672 г., присталъ въ Изгаурѣ на устьѣ Мармарскари, онъ нашелъ здѣсь всего только нѣсколько хижинъ изъ листвы и ни одного дома. De la Motraye, заброшенный къ берегамъ Абхазіи въ 1712 г., высадился на берегъ у Себастополя, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить много развалинъ, но онъ увидѣлъ здѣсь всего нѣсколько хорошо отполированныхъ колоннъ въ двухъ мечетяхъ и изуродованную голову, найденную въ виноградникѣ какого-то туземца. Онъ пріобрѣлъ также покупкою нѣсколько монетъ, изъ коихъ одна принадлежала древнему городу Діоскуріосу. Ротье (Rottier), бывшій въ этой странѣ въ 1817 г., нашелъ развалины Діоскуріоса на берегахъ Мармара и между ними жалкую деревню Искуріа. Наконецъ, знаменитый нѣкогда городъ былъ вовсе забытъ, такъ что Гамба не зналъ даже, гдѣ разыскивать его развалины и смѣшалъ его съ Сухумъ-Кале. Впрочемъ развалины эти весьма значительны: онѣ находятся на берегахъ Мармара, въ роскошномъ лѣсу, среди котораго разбросано нѣсколько абхазскихъ деревень.

Мы покидаемъ берега Понта и переходимъ внутрь страны, въ область верхняго теченія Аракса, Куры и Евфрата, гдѣ, по настоящее время, находятся еще первобытныя мѣста пребыванія армянскаго народа, для того, чтобы въ памяти нашей возобновить его историческія судьбы, съ которыми мы отчасти успѣли уже ознакомиться выше. Но здѣсь вниманіе наше будетъ обращено преимущественно на періодъ времени въ первомъ столѣтіи до Рождества Христова, когда могущественный Митридатъ Евпаторъ, въ союзѣ съ родственными ему властителями Арменіи, испытывалъ измѣнчивое счастіе оружія въ столкновеніи съ Римомъ и кончилъ тѣмъ, что лишилъ себя жизни послѣ окончательнаго пораженія, въ 63 году до Рождества Христова.

Съ основаніемъ династіи Артакидовъ (149 до Рождества Христова) Вартакомъ, для древней Арменіи начинается славная эпоха, которая достигаетъ высокой степени блеска уже при внукѣ его Арташесѣ или Артаксіосѣ, прозванномъ Великимъ. Этотъ послѣдній и сынъ его Тигранъ были исполнены жгучей ненависти къ Римлянамъ, съ которыми они, во время своего продолжительнаго царствованія, неоднократно вступали въ ожесточенную борьбу, соединившись для этого съ могущественнымъ Митридатомъ VI Евпаторомъ. Митридатъ былъ родомъ изъ Синопа, родился въ 132 г. до Рождества Христова и унаслѣдовалъ престолъ отъ отца своего Митридата V, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Въ первое время онъ правилъ подъ опекою нѣсколькихъ знатныхъ лицъ Понтійскаго царства. Онъ также ненавидѣлъ Римлянъ и женился на дочери Арташеса, съ которымъ онъ заключилъ союзъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ общаго врага. Шопенъ въ своемъ сочиненіи — «Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской Имперіи», между прочимъ, говоритъ слѣдующее объ успѣхахъ соединенныхъ властителей противъ Римлянъ: «Митридатъ, по порученію Арташеса, разъѣзжаетъ три года, подъ чужимъ именемъ, и объѣхавъ всю Среднюю и Малую Азію собралъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о силахъ, способахъ и положеніи Римлянъ. По возвращеніи Митридата, Арташесъ, пользуясь междоусобіями Марія и Силлы, съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ на западъ, завоевалъ болѣе десяти областей, занялъ даже Аттику и приступилъ къ сооруженію сильнаго флота. Между тѣмъ Митридатъ, не участвовавшій, казалось, въ дѣлахъ своего тестя, отправилъ въ Римъ посольство, подъ предлогомъ заключенія союза, но въ сущности съ цѣлью подкупить главныхъ сенаторовъ; однако замыслъ былъ открытъ и посланники прогнаны. Продолжая успѣхи свои, Арташесъ готовился, подобно Аннибалу, внести войну въ самыя нѣдра республики, но корыстолюбіе и непокорность овладѣли войскомъ его; оно возмутилось и умертвило своего побѣдоноснаго предводителя.» Сынъ и преемникъ его, Тигранъ, вступившій въ бракъ съ дочерью Митридата и близко породнившійся съ нимъ, былъ одушевленъ такою же ненавистью къ Римлянамъ, какъ тесть, и дѣйствовалъ съ нимъ за-одно. Въ періодъ времени отъ 88 до 66 года они вели три Митридатскія войны, сопряженныя съ страшными издержками и потерею людей. Борьба эта имѣла несчастный исходъ и окончилась смертью великаго Митридата въ 63 г. Римскіе полководцы Лукуллъ и Помпей неоднократно уничтожали сухопутныя и морскія силы Понтійскаго и Армянскаго царей. Армянское царство сохранилось еще до 36 года до Рождества Христова, но затѣмъ, когда сынъ Тиграна, Артавадзъ, былъ взятъ въ плѣнъ Маркомъ Антоніемъ и обезглавленъ, послѣдовало раздѣленіе Армянскаго царства, и въ слѣдующія столѣтія Большая и Малая Арменія подпадали подъ верховное владычество Персовъ или Римлянъ. Побѣдами Траяна (106 по Рождествѣ Христовомъ) она еще разъ на короткое время была обращена въ Римскую провинцію. Во II и III столѣтіяхъ, во время владычества Сассанидовъ, здѣсь начинается болѣе прочное укорененіе и распространеніе христіанства, и мы переходимъ къ бѣглому обозрѣнію исторіи христіанства въ Кавказскихъ странахъ, руководясь въ этомъ случаѣ преимущественно изслѣдованіями Услара.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что интересъ къ ученіямъ христіанства въ Закавказьѣ былъ возбужденъ еще при жизни Спасителя и тщательно поддерживался здѣсь. Вся масса народонаселенія,

конечно, состояла изъ язычниковъ, но вводители и посредники христіанской религіи были Евреи, которые, какъ это вполнѣ доказано, жили въ большомъ числѣ въ Арменіи и поддерживали оживленныя сношенія съ своими единовѣрцами въ Палестинѣ. Даровитый Усларъ, къ сожалѣнію умершій слишкомъ преждевременно, въ своемъ сочиненіи: — «Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ» приводитъ много доказательствъ въ пользу этого мнѣнія. Такой взглядъ у него основанъ на насильственныхъ выселеніяхъ Израильтянъ на З. и В., происходившихъ разновременно, какъ о томъ повѣствуетъ Библія. Выселенія эти начались съ 735 года до Р. Х., и происходили еще при Титѣ (70 г. по Р. Х.), послѣ покоренія Іерусалима. Затѣмъ авторъ, пользуясь методомъ сравнительнаго языкознанія, доказываетъ, что у южнаго берега Каспія находились нѣкоторыя мѣстности, о которыхъ говорится въ Библіи, заселенныя Евреями, и приходитъ къ заключенію, что въ теченіе столѣтій большая часть плѣненныхъ Евреевъ была поселена въ Закавказьѣ, по всей ширинѣ перешейка, начиная отъ юго-западнаго угла Чернаго моря (Чорохъ). Весьма вѣроятно, что въ этой странѣ Евреи, ожидавшіе Мессію и поддерживавшіе постоянныя сношенія съ родиною, въ которую многіе изъ нихъ и переселились, тайно исповѣдывали вѣру въ Спасителя. Здѣсь, на востокѣ, отверженные Израильтяне, приставшіе къ новому ученію, безпрепятственно могли совершать богослуженіе по новымъ обрядамъ, въ то время какъ на западѣ, въ Римѣ, ихъ жестоко преслѣдовали мечемъ и огнемъ. Выяснивъ эти обстоятельства, почтенный авторъ продолжаетъ далѣе:

Иконостасъ въ Гелатѣ.

«Согласно церковнымъ преданіямъ, апостолы Андрей и Симонъ Хананитъ проповѣдывали Слово Божіе на Кавказскомъ берегу Чернаго моря, а Варѳоломей и Ѳаддей — въ Арменіи. Преданіе это не подлежитъ историческому разбору, потому что, конечно, невозможно доказать, что апостолъ Андрей посѣтилъ Абхазію, какъ и то, что онъ посѣтилъ Кіевъ. Мы можемъ остановиться лишь на томъ убѣжденіи, что уже въ I-мъ вѣкѣ христіанской эры много христіанъ находились въ Грузіи и Арменіи, преимущественно же между тамошними Евреями. Въ 100 г. по Р. Х. папа Климентъ сосланъ былъ императоромъ Траяномъ въ Херсонъ, и отсюда распространялъ христіанское ученіе между Иберами (Грузинами), какъ о томъ повѣствуетъ (почти современный писатель) св. Иреней. Съ тѣхъ поръ въ церковной исторіи упоминается о церкви иберской.»

Историческое обращеніе Арменіи относится къ 300 г., когда крещенъ былъ царь Тирдатъ св. Григоріемъ, сыномъ Енака, убійцы Хозроя, отца Тирдатова. Если не принимать въ соображеніе сомнительной исторіи Абгаровъ, то Армянскихъ Артакидовъ должно считать первою изъ царственныхъ династій, принявшею христіанскую вѣру. Лѣтъ 15 спустя, обращена въ христіанство Грузія при царѣ Миріанѣ, первомъ изъ династіи Сассанидовъ. Обращеніе это приписываютъ іерусалимской уроженкѣ, которая у Грузинъ называется Нина, у Армянъ—Нуна, а у греческихъ писателей — Нонна, что по-латыни означаетъ монахиня. Это, по всей вѣроятности, и есть настоящее происхожденіе ея имени. Разсказываютъ, что въ Іерусалимѣ сохранилось преданіе о томъ,

что хитонъ Господень сокрытъ въ Мцхетѣ, и что св. Нина возгорѣла желаніемъ увидѣть драгоцѣнную святыню и возвѣстить Слово Божіе въ Иберіи.

О жизни этой святой необходимо привести болѣе подробныя свѣдѣнія, потому что вся грузинская нація высоко цѣнитъ ее по настоящее время. Броссе въ своей исторіи Грузіи даетъ намъ весьма точныя свѣдѣнія о ея личности. Появленіе ея въ Мцхетѣ, древней столицѣ Грузинскихъ царей, относится къ 331 г.

Святая Нина родилась отъ брака храбраго Завалона съ Сусанною, сестрою Ювенала. Когда ей минуло 12 лѣтъ, она, вмѣстѣ съ родителями, переселилась въ Іерусалимъ. Родители ея были очень благочестивые люди, весьма преданные христіанскому ученію; они вскорѣ разстались съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ. Отецъ, послѣ трогательнаго прощанія съ дочерью, оставилъ ее въ Іерусалимѣ и удалился къ язычникамъ, гдѣ онъ пропалъ безъ вѣсти. По приказанію патріарха Ювенала, Сусанна приставлена была на служеніе нищимъ сестрамъ, а святую Нину отдали въ услуженіе и обученіе къ старицѣ Ніофорѣ, Армянкѣ по происхожденію. Эта послѣдняя говорила ей: «Сила твоя равна силѣ львицы, ревъ которой громче рева всѣхъ другихъ четвероногихъ; ты уподобляешься орлицѣ, которая паритъ въ воздухѣ выше самого орла; охватывая взоромъ весь міръ, она видитъ и познаетъ добычу и схватываетъ ее съ распростертыми крыльями. Вотъ твое будущее назначеніе, я тебя научу ему. Въ грузинскомъ городѣ Мцхетѣ находится хитонъ Господа нашего Іисуса. Иди туда.» Но прежде путешествія въ Грузію, мы встрѣчаемъ святую Нину въ Греціи, гдѣ она прожила нѣсколько времени. Она оставила святой городъ съ знатною женщиною изъ Ефеса, пришедшею въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Дядя Нины (со стороны матери), патріархъ Іерусалимскій, благословилъ ее въ путь, и обѣ женщины отправились въ Ефесъ, гдѣ св. Нина встрѣтила знатную госпожу изъ царскаго рода, Рипсимію, и бывшую кормилицу ея, Гоіану, которыя жили въ дѣвичьемъ монастырѣ, ожидая святаго крещенія. У нихъ святая Нина нашла себѣ пріютъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ всѣ домочадцы монастыря, въ томъ числѣ пятьдесятъ дѣвъ и Рипсимія вмѣстѣ съ своею кормилицою, удостоились принять святое крещеніе. Но онѣ недолго наслаждались мирною жизнью въ монастырѣ. Императоръ приказалъ по всему государству сыскать себѣ въ супруги дѣвицу, превосходящую всѣхъ своею красотою. Послы его нашли прекрасную Рипсимію, посватали ее для своего государя и послали ему портретъ ея. Святыя жены были въ большомъ страхѣ и рѣшились тайно удалиться изъ монастыря. Всѣхъ ихъ было 53. Онѣ бѣжали на сѣверъ и пришли въ городъ Довинъ (Вагармапатъ?), который назывался также новымъ городомъ и гдѣ властвовалъ царь Тиридатъ. Здѣсь набожныя женщины жили трудами рукъ своихъ. Но императоръ отправилъ къ царю Тиридату посольство, съ угрожающимъ письмомъ и приказаніемъ найти бѣжавшихъ и наказать ихъ. Онѣ вскорѣ были найдены. Какъ только царь

Церковная утварь въ Гелатѣ.

Тиридатъ увидѣлъ Рипсимію, онъ воспылалъ къ ней страстію и посватался къ ней; но святая отвергла его предложеніе. Тогда разгнѣванный царь предалъ Рипсимію, Гоіану и большую часть другихъ женщинъ мученической смерти, а самъ царь чудомъ былъ превращенъ въ кабана. Святая Нина принадлежала къ числу немногихъ, которымъ удалось скрыться. Въ это время она увидѣла небесное явленіе и получила приказаніе «идти въ сѣверную сторону, гдѣ жатвы много, а нѣтъ дѣятелей». На пути своемъ она пришла къ озеру Топорованъ (Фаравна) въ холодную альпійскую страну, гдѣ горы даже лѣтомъ покрыты снѣгомъ. Здѣсь она прожила двое сутокъ у пастуховъ изъ Грузіи, которые сказали ей, что, слѣдуя теченію рѣки, выходящей изъ озера, она придетъ въ большой городъ Мцхетъ, гдѣ почитаютъ боговъ и властвуютъ цари. Во время долгаго пути она увидѣла слѣдующій сонъ. Къ ней подошелъ мужъ, далъ ей книгу и сказалъ: «отнеси это къ языческому царю въ Мцхетѣ». Онъ открылъ книгу; въ ней была печать Іисуса Христа и десять римскими буквами обозначенныхъ изрѣченій, которыя гласили слѣдующее:

I. Гдѣ будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, тамъ будетъ сказано о женѣ сей.
II. Нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ.
III. Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
IV. Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и слава народа Твоего Израиля.
V. Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари.
VI. Принимающій васъ принимаетъ Меня, а принимающій Меня принимаетъ пославшаго Меня.
VII. Марія была возлюблена Господомъ, ибо она внимала истинѣ словъ Его.
VIII. Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить.
IX. Іисусъ говоритъ Маріи Магдалинѣ: иди къ братьямъ Моимъ и научи ихъ.
X. Проповѣдуйте всегда во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Слѣдуя по пути къ Мцхету, святая Нина должна была переходить черезъ дикія горы (Боржомское ущелье), прежде чѣмъ достигнуть Грузіи. Она пришла въ еврейскую деревню и, вмѣстѣ съ жителями ея, отправилась въ Мцхетъ, столицу языческаго царя Миріана и его супруги Наны. Здѣсь происходило большое празднество въ честь главнаго ихъ бога Армаза. Тамъ стоялъ мѣдный идолъ; вправо отъ Армаза находился золотой Гапизъ, влѣво—серебряная Гаимъ. Преданіе говоритъ далѣе, что сильная буря повалила идоловъ на землю, и они разбились вдребезги; святая Нина совершила много чудесъ; она искала хитонъ Господень у Евреевъ и нашла между ними много приверженцевъ, и что она обратила въ христіанскую вѣру первосвященника іудейскаго Авіафора, который также распространялъ новое ученіе. Языческій царь Миріанъ и племянникъ его Персидскій царь были побѣждены оружіемъ Константина, силою Святаго Креста. Нина три года прожила въ Мцхетѣ. Она исцѣлила царицу Нану отъ тяжкой болѣзни и обратила ее въ христіанскую вѣру. Вскорѣ затѣмъ и самъ царь, слѣдуя примѣру своей супруги, сдѣлался приверженцемъ новаго ученія.

Несмотря на обращеніе въ христіанство царей Грузинскаго и Армянскаго, идолопоклонство однако еще не скоро исчезло среди ихъ подданныхъ. Христіанская ревность новообращенныхъ государей Армянскихъ побудила ихъ къ ожесточенному и кровавому преслѣдованію идолопоклонниковъ, о чемъ подробно разсказываетъ историкъ Зеновій. Въ Грузіи, еще слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ обращенія царя Миріана, сохранились идолы и жертвенники, ввиду столицы царской, на горѣ Заденъ. Мѣстныхъ средствъ къ распространенію христіанства было, повидимому, недостаточно, и около 550 года, съ благословенія знаменитаго подвижника Симеона Столпника, въ Грузію прибыла цѣлая миссія святыхъ мужей, извѣстныхъ въ исторіи грузинской церкви подъ именемъ тринадцати сирійскихъ отцовъ. Они почитаются основателями знаменитѣйшихъ монастырей и церквей въ краѣ; они довершили дѣло, начатое мцхетскими Евреями и святою Ниною.

T. IX.

Сланцевое ущелье въ Дагестанѣ.

Доказательства свои о присутствіи Евреевъ въ Арменіи и Грузіи Усларъ распространяетъ далѣе на восточную область перешейка, извѣстную въ то время подъ названіемъ Албаніи, или по-армянски Агавани. Здѣсь въ За-алазанской области, образующей нынѣ большую часть Елисаветпольской и Бакинской губерній и значительную часть Дагестана, Евреи приняли у себя и взлелѣяли христіанскую религію. По преданію, въ восточной части Дагестана, до самаго моря (около Дербента), христіанство было распространено святымъ Елисеемъ, ученикомъ апостола Ѳаддея. Но, триста лѣтъ спустя, только Григорій Просвѣтитель, послѣ крещенія имъ Тиридата, обратилъ въ христіанство и албанскаго царя Урнаира.

Вѣроятно кое-гдѣ и въ горахъ христіанство нашло себѣ доступъ, но большаго развитія и господства надъ массою оно не достигло нигдѣ. На почвѣ религіозной у такъ называемыхъ горскихъ народовъ мы встрѣчаемъ такія же явленія, какъ и въ области политической. Имъ не трудно было повременамъ признать надъ собою господство какого-нибудь могущественнаго правителя равнины. Приэтомъ они не теряли своей самостоятельности, потому-что, огражденные самою природою, они всегда имѣли легкую возможность свергнуть чуждую имъ власть. То же происходило съ развитіемъ и распространеніемъ между ними христіанства въ прежнія времена и даже теперь еще. Сваны, Хевсуры, Тушины и Пшавы, правда, именуютъ себя христіанами и въ нѣкоторыхъ изъ ихъ священныхъ мѣстечекъ, недалеко отъ языческихъ капищъ, находится маленькая православная церковь, въ которой обыкновенно грузинскій священникъ проповѣдуетъ евангеліе; но, кромѣ названія, дикія горскія племена эти ничего ровно не усвоили изъ христіанскаго ученія. На это населеніе Моисеево ученіе, такъ же какъ ученіе Христа и ученіе Магомета имѣли одинаковое вліяніе. Многіе изъ упомянутыхъ народовъ празднуютъ не только воскресные дни, но также дни субботніе и пятницу. Наконецъ, въ VII столѣтія послѣ Р. Х., вслѣдствіе вторженія Арабовъ, западная область Каспія и Дагестанъ были обращены въ магометанство, и прежнее вліяніе христіанскихъ владѣтелей Грузіи совершенно исчезло здѣсь.

Къ исторіи распространенія христіанства нахожу нелишнимъ прибавить еще нѣкоторыя свѣдѣнія о достопримѣчательнѣйшихъ сооруженіяхъ, возникшихъ въ глубокой древности и посвященныхъ почитанію христіанскаго Бога. Въ своихъ деталяхъ постройки эти подвергались многократнымъ измѣненіямъ, но основныя черты ихъ сохранились по настоящее время. Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ IV столѣтію, когда ученіе Христа могущественно распространялось здѣсь и когда народъ и правители проникнуты были глубокимъ убѣжденіемъ въ его истинѣ. Значительнѣйшая часть этихъ зданій однако возникла въ блестящую эпоху исторіи Грузіи отъ X до XII столѣтія, которая заканчивается славнымъ правленіемъ царицы Тамары. Изъ большаго числа церковныхъ строеній въ Закавказьѣ возьмемъ только два наиболѣе замѣчательныхъ предмета для описанія: Мцхетскій соборъ — древній Капитулъ Грузіи, и Гелатскій монастырь, расположенный въ живописной мѣстности, среди горъ, близъ Кутаиса. Поражающія своимъ величіемъ древнѣйшія двѣ церковныя постройки лежатъ на тупомъ клинѣ между Арагвою, которая приходитъ съ сѣвера, и Курою, которая пробивается черезъ узкое ущелье съ запада. Возникновеніе ихъ относится къ четвертому столѣтію, тогда какъ происхожденіе въ этомъ мѣстѣ столицы грузинскихъ царей теряется въ миѳическомъ мракѣ. Гелати, напротивъ, лежитъ къ сѣверу отъ Кутаиса на очень крутомъ возвышеніи, на правомъ берегу Цкалъ-Цитала (Красная рѣчка); начало церковнымъ постройкамъ положилъ здѣсь знаменитый царь Давидъ Возобновитель (1089—1125). Въ своемъ описаніи этихъ древностей, я слѣдую прекраснымъ работамъ г. Бокрадзе (VI томъ трудовъ Археографической коммиссіи въ Тифлисѣ и I томъ записокъ Кавказскаго археологическаго общества).

Какъ извѣстно, христіанство въ части Грузіи, именно въ Карталиніи и Кахетіи, распространилось чрезъ Мцхетъ въ IV вѣкѣ. Духовные пастыри, вмѣстѣ съ разными священными предметами, присланы были Константиномъ Великимъ. Грузія приняла всѣ обряды греческой церкви и была причислена къ антіохійскому патріархату. Въ Мцхетѣ построенъ былъ вмѣсто

деревянной церкви, существовавшей со времень Миріана, Вахтангомъ Гургасланомъ въ V вѣкѣ каменный соборъ, который, бывъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 1318 г., вновь воздвигнутъ царемъ Георгіемъ VI и потомъ срытъ до основанія Тамерланомъ, въ концѣ XIV вѣка, и возсозданъ царемъ Александромъ въ XV вѣкѣ. Мцхетъ съ V вѣка сдѣлался резиденціею патріарха, носившаго титулъ Католикоса мцхетскаго и грузинскаго.

Изъ всѣхъ остатковъ древняго величія Мцхета и его окрестностей въ немъ уцѣлѣли два славные памятники Грузинской исторіи: это церковь Самтавро и патріаршій соборъ. Мцхетскій соборъ высится въ центрѣ обширной каменной четырехугольной ограды, снабженной башнями въ срединѣ и по угламъ. Съ западной стороны къ ней примыкаетъ дворецъ католикосовъ, не такъ давно возобновленный. Внутренность ограды, по свѣдѣніямъ грузинскихъ лѣтописей, занималъ въ IV вѣкѣ садъ царя Миріана, отдавшаго его подъ постройку перваго въ Грузіи храма. Храмъ этотъ при немъ еще былъ построенъ изъ дерева, въ честь двѣнадцати апостоловъ; но потомъ, 50 лѣтъ спустя, замѣненъ былъ другимъ, каменнымъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь уступилъ мѣсто въ V вѣкѣ, при Вахтангѣ Гургасланѣ, великолѣпному собору, который, однако, какъ было сказано, много разъ былъ разоряемъ, такъ что, по справедливому замѣчанію академика Броссе, позднѣйшій храмъ католикосовъ не имѣетъ ничего общаго съ храмами Миріана и послѣдующихъ царей. Даже послѣ Александра, совершенно съизнова построившаго Мцхетскій соборъ, куполъ его обрушился въ XVII ст. и былъ возобновленъ царемъ-мусульманиномъ Ростомомъ, царствовавшимъ въ 1634—1658 г., и женою его Маріамою.

Монастырь Гелатскій близъ Кутаиса.

Мцхетскій соборъ всегда извѣстенъ былъ у Грузинъ подъ именемъ Свети-цховели (животворящій столпъ). Онъ названъ такъ потому, что, по преданію, на мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ принесенный однимъ изъ мцхетскихъ Евреевъ изъ Іерусалима хитонъ Господень, расло дерево, источавшее, будто бы, мvро. Наружный видъ Мцхетскаго собора величественъ. Онъ не имѣетъ легкой простоты Алавердскаго храма, но превосходитъ его своими размѣрами. Его строгія формы, остроконечный куполъ, кровля изъ тесанаго камня и легкія арки по стѣнамъ съ лѣпными украшеніями дѣлаютъ изъ него совершенный типъ грузинской церкви. На входной паперти васъ встрѣчаетъ фресковая икона Влахернской Богоматери, напоминающая Печерскую Богоматерь въ Кіевѣ. Она составляетъ необходимую привратницу почти всѣхъ храмовъ Грузіи. При входѣ во внутренность, имѣющую 30 саж. до иконостаса и раздѣленную столбами на три части, поражаетъ колоссальный ликъ Спасителя на горнемъ мѣстѣ. Священный столпъ стоитъ съ правой стороны отдѣльно, огороженный рѣшеткою. Самая колонна, воздвигнутая надъ хитономъ, обнесена четырьмя стѣнками съ отверстіемъ наверху и легкою крышею или сѣнью. На стѣнахъ ея изображены грубыми красками, между прочимъ, ослѣпленіе царя Миріана на горѣ и поднятіе ангелами столпа и кромѣ того, патріархъ антіохійскій Евстафій, по-

дающій евангеліе Миріану и освящающій Мцхетскій соборъ. Это тотъ самый Евстафій, который, по преданію грузинской церкви, былъ присланъ Константиномъ Великимъ для крещенія Миріана. Деревянный иконостасъ нѣсколько отдѣленъ отъ стѣны, такъ что сбоку народъ можетъ видѣть богослуженіе. Горнее мѣсто сохранилось во всемъ его іерархическомъ достоинствѣ. Оно имѣетъ три ступени: первая, идущая кругомъ всего алтаря, предназначена была для священниковъ, вторая — для епископовъ съ 16-ю углубленіями въ полукружіи стѣны, а верхняя — для самого католикоса.

Въ Мцхетскомъ храмѣ немного уцѣлѣло стѣнной живописи, какъ въ алтарѣ, такъ и внѣ алтаря. Изъ фресковъ его особенно интересны грузинскіе цари въ національныхъ костюмахъ: Ираклій коронующійся, царица Маріамъ, супруга мухаммеданскаго царя Ростома, обновившая куполъ собора, и сынъ ея Луарсабъ, въ цвѣтѣ лѣтъ убитый на охотѣ въ Караязскихъ степяхъ. Храмъ этотъ заключаетъ въ себѣ много могилъ Грузинскихъ царей; изъ династіи Сассанидовъ здѣсь указываютъ лишь могилу Вахтанга Гургаслана, недалеко отъ царскаго мѣста, подлѣ столпа. Династія Багратидовъ, возникшая въ западной Грузіи, хоронилась въ разныхъ храмахъ нынѣшней турецкой Грузіи, Мингреліи и Имеретіи. Впослѣдствіи, въ спискѣ царей, преданныхъ землѣ въ Мцхетскомъ храмѣ со времени Георгія VI или Блистательнаго, перечисляется цѣлый рядъ ихъ. Послѣдній строитель храма въ XV вѣкѣ, Александръ, создалъ для себя отдѣльный придѣлъ архангеловъ, который вмѣстѣ съ другими придѣлами, при бывшемъ экзархѣ Грузіи Евгеніи, предъ пріѣздомъ въ Тифлисъ покойнаго Императора Николая I, безъ нужды былъ уничтоженъ, единственно съ цѣлью придать храму большее благолѣпіе. Здѣсь же покоятся послѣдніе два царя Грузіи, Ираклій II и Георгій XII. Изъ католикосовъ грузинскихъ, погребенныхъ въ Мцхетскомъ соборѣ, извѣстны лишь: Доментій II, умершій въ 1676 г. Бесаріонъ, умершій въ 1735 году и знаменитый Антоній I, сынъ мухаммеданина-царя Іессея, окончившій бурную жизнь свою въ 1788 г. Въ настоящее время право погребенія въ Мцхетскомъ соборѣ принадлежитъ однимъ лишь потомкамъ Грузинскихъ царей, т. е. князьямъ Грузинскимъ и князьямъ Мухранскимъ.

Царь Давидъ.

«Главный Гелатскій храмъ, — говоритъ Муравьевъ, — величественъ своею византійскою массою, съ папертями и притворами, украшенными изваяніями, и съ остроконечнымъ куполомъ, вѣнчающимъ все зданіе. Онъ напоминаетъ собою большую часть грузинскихъ храмовъ; но на немъ нѣтъ особаго отпечатка изящества, который поражаетъ доселѣ въ развалинахъ Багратова собора въ Кутансѣ. Давидъ Возобновитель и католикосъ Евдемонъ взяли себѣ за образецъ Пицунду, но выполнили его во вкусѣ грузинскомъ; позднѣйшіе же довершители его исказили пристройками наружную простоту храма. Камни, изъ которыхъ складено зданіе, огромны, особенно по угламъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе двухъ саженъ въ длину и одну—въ ширину. Мѣстная легенда гласитъ, что онъ положенъ собственною рукою Давида, и кто увидитъ его перстень, тотъ отчасти повѣритъ тому. Если наружность собора не поражаетъ красотою, зато внутренность его, сохранившая всѣ строгіе размѣры Юстиніанова зодчества, вполнѣ удовлетворяетъ взоры стройною гармоніею всѣхъ частей. Она напомнила мнѣ устройство нашихъ древнѣйшихъ храмовъ: Софійскаго и Печерскаго, современныхъ Гелату. Изъ внѣшняго притвора тремя дверями входятъ подъ навѣсомъ хоровъ въ самый храмъ, простирающійся на одиннадцать саженъ

отъ преддверія до иконостаса. Форма его крестообразна, потому что хоры продолжаются по бокамъ, какъ у насъ въ Кіевѣ; но поперечная вѣтвь креста, длиною въ семь саженъ, свободна отъ втораго яруса и придаетъ много легкости храму, чего недостаетъ въ Печерской лаврѣ и у Св. Софіи. Алтарь раздѣленъ по древнему чину на три части; иконостасъ каменный и низкій; поверхъ его отрадно поражаетъ взоры, какъ въ Софійскомъ соборѣ, мозаическое изображеніе Божіей Матери, достойное лучшихъ временъ венеціанской мозаики, хотя это весьма древній даръ императора Алексія Комнена царю Давиду Возобновителю. Я не могъ оторвать взоровъ отъ этого чуднаго изображенія, въ которомъ самый вѣрный рисунокъ выполненъ камнями со всею легкостью кисти, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено строгими очерками и цвѣтами высокое достоинство предмета.»

Стѣны Гелатскаго храма покрыты многими фресками святыхъ и историческихъ лицъ Грузіи. Въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчательны: портретъ Давида Возобновителя въ царскомъ одѣяніи и коронѣ, держащій въ лѣвой рукѣ модель Гелатскаго храма; вправо отъ него католикосъ Абхазскій Евдемонъ, XVI вѣка; далѣе Багратъ III и вправо отъ послѣдняго, супруга его, царица Елена; затѣмъ царь царей Георгій; молодой царевичъ, носящій имя Баграта и царица царицъ Русудана. Подъ всѣми этими портретами имѣются надписи съ указаніемъ ихъ именъ. Гелатъ имѣетъ богатую ризницу. «Тамъ, — говоритъ Муравьевъ, — между новѣйшими сокровищами особенно замѣчательны золотые дискосы и чаша католикоса Виссаріона, осыпанные бирюзою, и митра, осыпанная жемчугомъ, послѣдняго католикоса Максима, скончавшагося въ Кіевѣ въ 1795 г. Златокованный поясъ съ перлами и ризы, шитыя жемчугомъ, соотвѣтствуютъ этой митрѣ, но ихъ отъ тяжести уже не употребляютъ. Особенно великолѣпенъ омофоръ съ ликами святыхъ Спиридона и Кирилла и двѣнадцатью праздниками,— все это шито жемчугомъ, равно какъ и греческія ихъ надписи. Изъ старыхъ вещей мнѣ показали костяной святительскій посохъ и два креста царя Баграта: одинъ сломанный изъ корналина, съ камнями, большею частью выпавшими. Тутъ же и корона великаго Баграта, которую можно узнать на всѣхъ его ликахъ. Она изъ дорогой парчи въ видѣ шапки и вся унизана жемчугомъ. Еще одно неоцѣненное сокровище: это перстень царя Давида Возобновителя съ мощами Св. Георгія внутри и прекрасно вырѣзаннымъ ликомъ великомученика, сверху, для печати.»

Изъ иконъ, хранящихся въ Гелатскомъ монастырѣ, знамениты иконы: Божіей Матери Хахульской изъ турецкой Грузіи, Ацхурской — изъ Ацхура, въ нынѣшнемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ, Бичвинтской — изъ Пицунды въ Абхазіи, и самой Гелатской. Всѣ онѣ богато украшены и снабжены интересными историческими надписями. Особенно роскошно была отдѣлана, при царицѣ Тамарѣ, Хахульская икона; изъ камней ея самые цѣнные имѣли свои названія. Къ крайнему сожалѣнію, камни эти, лѣтъ 10 тому назадъ, въ ночное время были содраны съ нея какими-то хищниками и доселѣ еще не отысканы. Изъ рукописей Гелатскихъ слѣдуетъ указать: два пергаментныхъ Евангелія: одно, въ припискѣ котораго упоминается имя переводчика четвероевангелія, Св. Георгія, умершаго въ 1068 г., другое, принадлежавшее извѣстному въ исторіи Баграта IV Липариту Орбеліани. Къ исторической же рѣдкости Гелата слѣдуетъ отнести и желѣзныя ворота, подъ именемъ Дербентскихъ, съ арабскою надписью, въ которой упоминается нѣкто Шавиръ, изъ династіи Бенишеддадовъ Ганджинскихъ, по приказанію котораго ворота эти были сдѣланы въ 1063 или 1064 г. Это лишь одна половина. Вторая половина, говорятъ, употреблена была на покрышку храма. Ворота эти вывезены были изъ Ганджи въ Грузію отцомъ Давида Возобновителя, Димитріемъ.

Гелатскій монастырь, какъ извѣстно, служилъ со временъ Давида Возобновителя усыпальнею царей соединенной Грузіи, а послѣ раздѣленія ея въ немъ погребались Имеретинскіе цари. Изъ числа первыхъ здѣсь указываютъ могилы: Давида Возобновителя, надъ которымъ могильная плита огромныхъ размѣровъ, въ юго-восточномъ придѣлѣ главнаго храма, доселѣ сохранила надпись: «Се покой мой»... Затѣмъ гробницы Георгія, Тамары, Лаши, Русудани и дру-

Молъ и гавань въ Батумѣ.

гихъ. О мѣстѣ погребенія царицы Тамары мнѣнія различны: одни указываютъ его въ Сванетіи, другіе — въ Вардзіи, третьи — въ Гелатѣ. Послѣднее мнѣніе можно считать наиболѣе вѣрнымъ. Муравьевъ даже опредѣлительно говоритъ, что будто она была погребена «въ особомъ придѣлѣ Гелатскаго собора, съ южной стороны, какъ и предокъ ея, Давидъ, почиваетъ отдѣльно въ привратной церкви. Митрополитъ Давидъ увѣрялъ меня, продолжаетъ онъ, что до временъ царя Александра, отца Соломона, ежегодно, въ день памяти царицы Тамары, подымали гробовую плиту ея и служили панихиду; а такое постоянное преданіе должно же быть на чемъ-нибудь основано.»

Окончивъ въ главныхъ чертахъ описаніе старинныхъ церковныхъ построекъ Мцхета, считаю необходимымъ сообщить еще краткія свѣдѣнія о прочихъ древностяхъ. Въ новѣйшее время близъ Мцхета раскрыто очень много могилъ, въ которыхъ обнаружено весьма значительное число предметовъ, благодаря неутомимымъ стараніямъ г. Байера. Могилы эти сложены изъ каменныхъ плитъ и лежатъ рядами другъ около друга въ нѣсколько ярусовъ. Происхожденіе этихъ могилъ въ Самтаверѣ объяснялось весьма различно и часто ошибочно, вслѣдствіе столь понятнаго здѣсь на Кавказѣ стремленія найти древнѣйшіе, если возможно доисторическіе памятники; тѣмъ не менѣе въ нихъ замѣчаются столь очевидныя черты скиѳо-эллинскихъ древностей первыхъ столѣтій до и послѣ Рождества Христова, что даже, при самомъ поверхностномъ взглядѣ, нетрудно найти сходство съ предметами украшенія изъ Пантикапеи, съ ясными признаками вліянія на нихъ варваризма.

Конечно, здѣсь великолѣпные предметы скульптуры въ столь отличныхъ и богатыхъ формахъ, какія попадаются въ курганахъ въ Керчи и Тамани, составляютъ величайшую рѣдкость; но открытые здѣсь въ большомъ количествѣ предметы изъ стекла и эмали, пряжки, иглы и пр. представляютъ поразительное сходство съ найденными при понтійскихъ раскопкахъ. Глиняная посуда, найденная здѣсь, сравнительно очень груба, и ни одинъ изъ экземпляровъ ея не представляетъ даже отдаленнаго сходства съ изящными формами этрусскихъ вазъ.

Римъ и Пантикапеи поочередно заискивали расположенія грузинскихъ царей съ цѣлью, въ союзѣ съ ними, усилить свои собственныя войска или чтобы склонить ихъ къ войнѣ другъ противъ друга, или противъ Персовъ. Помпей построилъ мостъ черезъ Куру, соединявшій столицу властителей Грузіи съ городомъ Армазъ, на лѣвомъ берегу рѣки; мостъ этотъ находился недалеко отъ нынѣшняго, нѣсколько выше Мцхета. Императоръ Веспасіанъ построилъ башню на лѣвомъ берегу Куры для защиты противъ вторженія Персовъ и въ знакъ своей дружбы къ Грузинскимъ царямъ; гигантская плита съ надписью была найдена въ землѣ при проведеніи желѣзной дороги около 15 лѣтъ тому назадъ. Безъ сомнѣнія, существовали также какія-нибудь сношенія съ Понтійскими царями. Береговой по Черному морю путь для этого не представлялъ особыхъ затрудненій и путешественники не встрѣчали большихъ препятствій, какъ со стороны родственныхъ грузинамъ обитателей ріонскаго бассейна, такъ и въ незначительной вышинѣ Месхіева перевала. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что сюда привозились преимущественно предметы украшенія изъ Пантикапеи или даже римскаго происхожденія; а иногда въ Мцхетъ къ Грузинамъ, въ то время еще язычникамъ, попадались и предметы классическаго художества. Объ одномъ изъ послѣднихъ сообщаетъ намъ академикъ Стефани въ своемъ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Прекрасная находка эта, представляющая вазу изъ стекла и металла съ весьма изящно-изваянными изображеніями охотничьихъ сценъ, находится въ Императорскомъ эрмитажѣ.

Кромѣ того нѣкоторые изъ раскрытыхъ въ Самтаверскомъ кладбищѣ череповъ доказываютъ сходство съ черепами, найденными около Керчи. Правда, изуродованные въ столь сильной степени макроцефалы здѣсь очень рѣдки и ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ мною череповъ не достигаетъ такой крайности уродства, какую мы замѣчаемъ въ такъ называе-

момъ Аварскомъ черепѣ Перовскаго въ Керчи; однако и здѣсь попадаются черепа съ сильно сжатыми по бокамъ темянными костями и весьма значительно удлиненные въ затылочной части. Все это безъ сомнѣнія доказываетъ, что и въ то время у языческихъ Грузинъ существовалъ обычай перевязывать головы дѣтямъ и уродовать сильнымъ сдавливаніемъ форму дѣтской головы.

Г. Радде.

ОЧЕРКЪ VII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ЗАКАВКАЗЬЯ.

Историческій обзоръ судебъ Грузіи, Мингреліи, Имеретіи и Арменіи съ III вѣка до присоединенія ихъ къ Россіи.—Наши войны въ Закавказьѣ.

И дики тѣхъ ущелій племена
Имъ Богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ;
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага — не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба,. но вѣрнѣе — мщенье;
Тамъ за добро — добро, и кровь — за кровь,—
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Преемники Гаруна-Аль-Рашида, калифы Багдадскіе простирали власть свою на все Закавказье и христіанское населеніе Арменіи и Грузіи и управляли чрезъ своихъ намѣстниковъ или эмировъ. Послѣдніе, сидя въ столицахъ Арменіи — *Двинѣ* (въ Эриванской губерніи) и Грузіи—Тифлисѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ, имѣли задачею слѣдить за дѣйствіями мѣстныхъ владѣтельныхъ князей и своевременно предупреждать стремленіе ихъ къ полной независимости. Но, съ теченіемъ времени, когда должность эмировъ сдѣлалась наслѣдственною, власть калифовъ настолько пошатнулась, что, напримѣръ, въ X вѣкѣ, въ Закавказьѣ возникло семь или восемь христіанскихъ царствъ, правители которыхъ, съ попеременнымъ счастіемъ, усердно подвизаются въ пріобрѣтеніи полной независимости и расширеніи своихъ границъ. Такъ, въ Арменіи, на берегахъ Ванскаго озера, Армянскіе князья Арцруневы, въ 908 году, образовали царство Васпураканское. Рядомъ съ нимъ, изъ окрестностей Карса и двухъ склоновъ Саганлугскаго хребта, въ 962 году, возникло другое царство—Карсское. Послѣднее граничило съ сѣвера съ владѣніями Армянскихъ Багратидовъ, лѣтъ сто передъ тѣмъ создавшихъ царство въ самомъ сердцѣ Арменіи — въ Араратской области, со столицею Ани, развалины которой понынѣ красуются на берегу западнаго Арпачая. Далѣе, къ сѣверу, въ предѣлахъ нынѣшняго Казахскаго уѣзда, Лорійскаго приставства и юго-восточной части Тифлисскаго уѣзда, въ 989 году составилось независимое Агвано-Лорійское царство, а нѣсколько западнѣе, въ верховьяхъ рѣки Куры, образовалось особое княжество, правители котораго носили греческій титулъ «куропалата» и были въ ближайшемъ родствѣ съ царствовавшими въ Арменіи и Грузіи династіями. Въ Грузіи, въ исходѣ X вѣка, была та же раздробленность: сто-

лица Тифлисъ была въ рукахъ Арабовъ, между тѣмъ какъ Кахетія составляла одно царство, Карталинія—другое, а по ту сторону Сурама, изъ земель Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, возникло особое царство—Абхазское, о которомъ, впрочемъ, сохранились весьма скудныя свѣдѣнія.

При такой раздробленности силъ, какъ въ Арменіи, такъ и въ Грузіи, царской власти нерѣдко противопоставлялась еще сила многочисленныхъ феодальныхъ дворянскихъ фамилій и тѣмъ увеличивалось число внутреннихъ замѣшательствъ и междоусобій. Этимъ послабленіемъ пользовались арабскіе эмиры и другіе враги мирнаго христіанскаго населенія, вслѣдствіе чего вторженіямъ ихъ, кровопролитіямъ, плѣненіямъ и опустошеніямъ страны не было конца.

Среди такихъ обстоятельствъ, повременамъ выдавались въ Закавказьѣ и такіе мудрые правители, которые прилагали особое старапіе къ объедииненію вышеозначенныхъ областей. Такъ,

Дворецъ Пехлевидовъ и жилище Троглодитовъ.

въ началѣ XI вѣка, Карталинскій царь Баграть III успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ сперва Абхазію, потомъ Кахетію, а столицею себѣ избралъ Кутаисъ. Однакожь, со смертью Баграта, Кахетія вновь отпала, и дальнѣйшей самостоятельности Грузіи и Арменіи теперь стали угрожать Греки. Близкая къ разложенію, Византійская имперія въ началѣ XI вѣка вмѣшалась во внутреннія дѣла Армянскихъ и Грузинскихъ царствъ и, нанося имъ ударъ за ударомъ, не догадывалась, что готовитъ свое паденіе. Эти христіанскія государства Закавказья, не смотря на свою малочисленность, не разъ служили Византіи оплотомъ противъ вторженій восточныхъ народовъ. Но присоединивъ къ владѣніямъ обветшалой имперіи сперва Васпураканское царство, затѣмъ Анійское и Карсское, и, нанесши нѣсколько чувствительныхъ пораженій царству Карталинскому и Абхазскому, Византія не только не сумѣла защитить эти новыя владѣнія отъ только-что появившихся Турокъ-сельджуковъ, но принуждена была уступить имъ и свои старыя провинціи. Сельджуки безпрестанными набѣгами принялись опустошать всѣ земли отъ границъ Персіи и до Трапезондскихъ горъ и, окончательно завоевавъ Арменію и Грузію, обложили ихъ данью

(1058—1080 г.). Бѣдствіе страны дошло до того, что христіанское населеніе Арменіи, избѣгая смерти и плѣненія, массами эмигрировало въ западныя страны. Часть этихъ выходцевъ изъ Великой Арменіи поселилась на берегахъ Средиземнаго моря, въ Киликіи и Тарсѣ, и образовала тамъ особое царство Малой Арменіи или династіи Рубеняновъ. Грузія же, благодаря своему выгодному мѣстоположенію и близости Кавказскихъ горъ, какъ всегда, менѣе пострадала, нежели Арменія. Каждый разъ, при вторженіи непріятеля, жители Грузинскихъ провинцій искали спасенія въ трудно-доступныхъ ущельяхъ смежныхъ горъ, куда нерѣдко удалялись и цари ихъ; вслѣдствіе этого враги менѣе охотно посѣщали эту страну и то на непродолжительное время. Вотъ почему и послѣ такихъ опустошительныхъ завоеваній сельджуковъ, Грузія могла не только вновь пріобрѣсти независимость, но и достичь того могущества и славы, какихъ она болѣе не достигала. Эта блестящая эпоха Грузинскаго царства начинается въ исходѣ XI вѣка и продолжается болѣе ста лѣтъ, т. е. до начала XIII столѣтія.

Грузинская царица Тамара.

Воспользовавшись событіями, происходившими въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, гдѣ крестоносцы бились съ сельджуками и на которыя тогда было обращено всеобщее вниманіе, одинъ изъ доблестныхъ царей Грузіи—Давидъ III, прозванный Возобновителемъ, свергнулъ магометанское иго и основалъ могущественное государство, границами коего служили: съ востока—Каспійское море, отъ Дербента до устьевъ Куры; съ запада—Черное море, отъ устьевъ Бзыба до Чораха; съ сѣвера — главный хребетъ Кавказскихъ горъ, и съ юга—рѣка Араксъ и часть нынѣшняго Шорагельскаго округа, Карской области. Впрочемъ, преемники Давида Возобновителя долго вели отчаянную борьбу изъ-за удержанія за собою Армянскихъ провинцій и преимущественно столицы Армянской—города Ани, безпрестанно переходившей изъ рукъ въ руки. Спустя полвѣка, грузинскій царь Георгій III, хотя нѣсколькими удачными походами противъ сельджуковъ и успѣлъ отчасти возстановить могущество своего царства, но жестокія казни, совершенныя имъ надъ роднымъ племянникомъ и его сторонниками, князьями Орбеліановыми, бросаютъ на все его правленіе невыгодный свѣтъ.

Престолъ Георгія унаслѣдовала дочь его, молодая Тамара, сочетавшаяся бракомъ съ сыномъ русскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, Георгіемъ, съ которымъ впослѣдствіи она развелась и вступила во второй бракъ съ осетинскимъ княземъ. Вообще, царствованіе Тамары (1184—1212 г.) есть блистательнѣйшая эпоха Грузинской исторіи. При содѣйствіи мужа своего, русскаго князя Георгія, и сподвижниковъ, Армянскихъ князей, родныхъ братьевъ Захарія и Ивана Мхаргрдзели (родоначальниковъ нынѣшнихъ князей Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ), Тамара покорила всѣхъ кавказскихъ дикихъ народовъ и распространила между ними христіанство; она завоевала также всѣ земли между Курою и Араксомъ, брала Эрзерумъ, нѣсколько разъ вторгалась въ Персію и вмѣшивалась въ дѣла Грековъ, содѣйствуя возстановленію Трапезондской имперіи. Рядомъ съ такими подвигами, царица пеклась и о внутреннемъ благоустройствѣ и просвѣщеніи своей страны. При ней процвѣтала литература Грузинъ, открыты школы, воздвигнуты богатые храмы и замки, поднято благосостояніе народа, потомство котораго и понынѣ хранитъ въ памяти своей множество легендъ и преданій.

Но дѣти Тамары: сынъ Георгій-Лаша и дочь Русудань предались нѣгѣ и распутству, и могущество Грузинскаго царства поколебалось. Въ концѣ 1220 года явились въ Грузію и Арменію неслыханные и незнакомые дотолѣ враги — Монголы, и всѣ усилія христіанскихъ народностей, направленныя противъ этихъ дикихъ полчищъ, остались тщетными. Предводительствуемые Чингисъ-ханомъ, Монголы безпощадно жгли и разрушали все, и кровью христіанъ Закавказья обагрили ихъ опустошенныя страны. Едва прошло два-три года послѣ появленія Монголовъ, какъ въ 1226 году ворвался въ Грузію одинъ изъ сельджукскихъ султановъ, Ховарезмскій владѣтель Джалаль-эддинъ, и подвергъ Тифлисъ страшному разрушенію. Не успѣла опомниться страна и отъ этого погрома, какъ въ 1235 году вновь пришли Монголы и, остановившись въ Муганской степи, послѣдовательно завоевали всѣ области Верхней Арменіи и Грузіи. Царица Русудань искала спасенія въ неприступныхъ мѣстахъ Имеретіи, но и туда являлись гонцы монгольскихъ военачальниковъ съ предложеніями о бракѣ. Тогда царица, съ отчаянія, отравилась. Вскорѣ послѣ того Грузинское царство распалось на Имеретинское и Кахетинское, между тѣмъ какъ Карталинія управлялась Монголами. Имеретинское царство, въ свою очередь, раздробилось на мелкія независимыя княжества: Гурійское, Одишское (Мингрельское), Абхазское, Сванетское, Джикетское и собственно царство Имеретинское, съ частью Рачи и со столицею Кутаисъ. Тогда горскія племена помянутыхъ княжествъ отпали отъ христіанства.

Развалины Ани.

Монголы, страшные и безпощадные при первомъ своемъ появленіи, оказались однакожь болѣе кроткими правителями покоренныхъ странъ. Грузія и Арменія долго оставались покойными подъ ихъ управленіемъ и христіанство не было жестоко преслѣдуемо до того времени, пока въ XIV столѣтіи монгольскіе правители Персіи не приняли ислама. Съ этихъ поръ персидскіе и курдскіе князья не разъ вторгаются особенно въ юго-восточную Арменію и становятся усердными распространителями магометанства. Среди такихъ обстоятельствъ, поставленная въ лучшія условія Грузія нѣсколько разъ пыталась возвратить свое прежнее могущество. Такъ, Вахтангъ II соединилъ опять раздробленное царство, а Георгій V (1318 — 1346 г.) даже освободилъ страну отъ Персовъ. Но, въ концѣ XIV вѣка, явился изъ средней Азіи грозный Тимуръ-Ленгъ и чрезъ Персію вступилъ въ Арменію. Разоривъ и опустошивъ все на пути своемъ, онъ покорилъ всю Арменію и Грузію, перешелъ чрезъ Кавказскія горы и пошелъ на сѣверъ. Впослѣдствіи, тѣмъ же путемъ вернулся онъ обратно въ Закавказье и на этотъ разъ не пощадилъ ничего, что только уцѣлѣло отъ первыхъ его нашествій. По смерти этого тирана, преемники его начали междоусобія, отъ которыхъ сильно терпѣла Арменія, между тѣмъ какъ въ сосѣдней Грузіи царь Александръ I (1414 — 1442 г.), воспользовавшись замѣшательствомъ мусульманскихъ правителей, соединилъ всѣ раздробленныя княжества страны въ одно царство, хотя и не на долго, такъ какъ впослѣдствіи онъ же раздѣлилъ Грузію по числу своихъ сыновей на царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское. Около 1464 года, какъ Арменію, такъ и Грузію покорилъ одинъ изъ потомковъ Тимуръ-Ленга, Джаханъ-шахъ. Впрочемъ, преемники послѣдняго вновь начали междоусобія и ареной ихъ кровопролитныхъ войнъ служила южная Арменія, хотя отъ нашествія одного изъ тирановъ, Узунъ-

Хуссеинъ-шаха, досталось и Грузіи. Воцарившійся вскорѣ послѣ того шахъ Измаилъ въ 1504 г. вновь завоевалъ Арменію и Грузію, а послѣ его смерти начинается между Персіею и усилившеюся Турціею та великая борьба изъ-за обладанія Закавказскими провинціями, которая продолжалась съ нѣкоторыми перерывами до присоединенія этихъ земель къ Россіи. Такъ, около 1533 г., большая часть Закавказья покорилась Туркамъ, которыхъ вскорѣ прогналъ Персидскій шахъ Тахмаспъ и самъ занялъ Арменію и Грузію. Тогда Турки явились съ новыми силами и утвердились въ верховьяхъ Куры, что Персіянамъ дало поводъ вторгнуться въ 1522 г. чрезъ Арменію въ Грузію и, разоривъ эти страны, выселить въ дальній Иранъ болѣе 30,000 плѣнныхъ христіанъ. Этимъ дѣло не кончилось. Около 1585 г. раздраженные Турки вновь завладѣли бо̀льшею частью Грузіи съ Тифлисомъ, всею Арменіею и даже, занявъ Тавризъ, угро-

Городокъ Гирузи.

жали Гилану. Однакожь, одинъ изъ даровитыхъ правителей Персіи, шахъ Аббасъ I Великій, въ 1603 г. побѣдилъ турецкія войска и возвратилъ себѣ восточную Грузію и Арменію до самаго Діарбекира. Въ эту пагубную для края войну, шахъ переселилъ въ Испагань нѣсколько десятковъ тысячъ Армянъ, преимущественно жителей города Джульфли, что на Араксѣ, и такимъ образомъ обратилъ всю Араратскую равнину въ пустыню. Борьба эта хотя продолжалась и при слабыхъ преемникахъ шаха Аббаса Великаго, но она послужила лишь въ пользу турецкаго правительства, которое въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія является единственнымъ обладателемъ всего Закавказья. Впрочемъ, въ первой четверти XVIII вѣка выдается въ Персіи знаменитый Надиръ, который, сдѣлавшись впослѣдствіи шахомъ, нанесъ Туркамъ сильныя пораженія (1734 — 1735 г.) и завоевалъ Грузію и Арменію. Упрочивъ такимъ образомъ за собою эти христіанскія земли, Надиръ-шахъ предпринялъ два похода для наказанія горцевъ восточнаго Кавказа.

Эти разноплеменные обитатели Кавказскаго хребта, извѣстные у туземныхъ лѣтописцевъ подъ общимъ именемъ «Лезгинъ», служили въ послѣдніе вѣка страшнымъ бичемъ для христіанъ края. Въ теченіе XVII и XVIII столѣтій они ловко пользовались господствовавшею въ краѣ анархіею и, распространивъ свои опустошительные набѣги до самаго Аракса, съ замѣчательною дерзостью превратили въ развалины сотни и тысячи христіанскихъ селеній, которыхъ даже и названія теперь трудно разыскать. Горцы то являлись къ услугамъ интриговавшихъ между собою владѣтелей Закавказья, то содержались на жалованьѣ царей Карталиніи и Кахетіи съ обязательствомъ щадить ихъ мирныхъ подданныхъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, въ краѣ не было личнаго и имущественнаго обезпеченія, плодородныя долины обращены были въ пустыню, и беззащитные жители скрывались въ горныхъ неприступныхъ ущельяхъ, гдѣ усердно воздвигались ими башни и укрѣпленія. Большія и проселочныя дороги осаждались разбойничьими шайками Лезгинъ, и торговля, вмѣстѣ съ общимъ благосостояніемъ края, упала. Ежедневныя убійства и плѣненія наводили на жителей скорбь и уныніе, и надо только удивляться стойкости и живучести армянскаго и грузинскаго народовъ, послѣ такихъ вѣковыхъ треволненій все же дотянувшихъ свое существованіе до настоящаго вѣка!

Батумъ.

Послѣ смерти Надира, въ Персіи начались обычныя междоусобія, въ которыя вмѣшивались и владѣтели мелкихъ провинцій или ханствъ, образовавшихся въ Закавказьѣ при персидскомъ и турецкомъ правительствахъ. Жертвою этихъ замѣшательствъ становились преимущественно Армянскія провинціи, между тѣмъ какъ въ Грузіи, кахетинскій царь Теймуразъ II, воспользовавшись обстоятельствами, присоединилъ себѣ Карталинію. Сынъ Теймураза, Ираклій II, въ дни юности сопровождавшій Надира въ походѣ его въ Индію, до того усилилъ Грузію, что нѣкоторыя изъ сосѣднихъ магометанскихъ ханствъ платили ему дань. Недолго продолжалось благоденствіе страны. Постоянныя угрозы Персіи и другихъ непріятелей вынудили дальновиднаго Ираклія просить покровительства Россіи. Но прежде чѣмъ была оказана Ираклію помощь, Грузію постигло ужасное бѣдствіе: въ 1795 г. Ага-Магометъ-ханъ разорилъ Тифлисъ и многія христіанскія провинціи. Ираклій не могъ перенести этого горя и скончался въ 1798 году, передавъ престолъ сыну своему Георгію XII. Добродушный и болѣзненный Георгій не только долженъ былъ защищать границы отъ непріятеля, но вынужденъ былъ вести нравственную борьбу съ честолюбивой мачихой и братьями. Предвидя печальный исходъ этихъ междоусобій, Георгій, въ свою очередь, обратился къ Россіи и взывалъ о помощи, которую хотя и получилъ, но вскорѣ скончался (28 декабря 1800 года). Чтобы прекратить безконечныя интриги чле-

новъ Грузинскаго царскаго дома, манифестами императоровъ: Павла I, отъ 18 января 1801 года, и Александра I, отъ 12 сентября 1801 года, Грузія присоединена къ Россіи.

Еще въ 1492 году Кахетинскій царь Александръ обратился къ Русскому царю Іоанну III и просилъ его покровительства. Спустя почти столѣтіе, именно въ 1586 году, за такимъ же покровительствомъ обращался къ царю Θеодору Іоанновичу Кахетинскій царь Александръ II. Озабоченный завоевательными планами Персидскаго шаха Аббаса I, въ 1604 году, Карталинскій царь Георгій объявилъ себя данникомъ Бориса Годунова. Когда же страна была опустошена Персіянами, Кахетинскій царь просилъ защиты у Московскаго государя и призналъ надъ собою его власть. Вскорѣ этому примѣру послѣдовали владѣтели Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Но Россія въ тѣ времена принять активное участіе въ судьбѣ Закавказскихъ христіанъ не могла, хотя еще съ XVI столѣтія она постепенно расширяла свои границы къ юго-востоку и даже воздвигала укрѣпленія на р. Терекѣ. Болѣе заслуживаетъ вниманія покровительство, ока-

Адлеръ.

занное въ XVII вѣкѣ Московскимъ правительствомъ, такъ-называемой Джульфинской армянской торговой компаніи, обязавшейся весь шелкъ-сырецъ, вывозимый ею изъ Азіи, направлять въ Европу чрезъ Россію. Петръ Великій, простиравшій свои виды на Востокъ весьма далеко, обратилъ особое свое вниманіе на Кавказъ. Стремясь быть единственнымъ обладателемъ Каспійскаго моря и открыть торговый путь въ Индію, Петръ I вошелъ въ переговоры съ нѣкоторыми Закавказскими владѣтелями, далъ армянскимъ купцамъ привиллегіи и пригласилъ Армянъ гористой провинціи Карабагъ (часть нынѣшней Елисаветпольской губерніи) приготовиться къ изгнанію Персіянъ изъ края. Послѣдніе собрались уже на берегахъ Куры въ числѣ 25,000 вооруженныхъ воиновъ и ожидали появленія Русскихъ; но Петръ, покоривъ, въ 1722 и 1723 годахъ, Прикаспійскія провинціи: Гилянъ, Мазандерань, Астрабадъ, Дербентъ и Баку, отложилъ на время дальнѣйшія дѣйствія и, вернувшись въ Россію, вскорѣ скончался. Эта печальная вѣсть создала для Закавказскихъ христіанъ новыя затрудненія. Карабагскіе Армяне разсѣялись; Турки заняли Тифлисъ, а Карталинскій царь Вахтангъ со многими князьями и дворянами удалился въ Россію. Воспослѣдовавшій затѣмъ походъ Надиръ-шаха въ Закавказье и Дагестанъ былъ демонстраціею противъ Россіи за покровительство Грузіи. Между тѣмъ это покровительство ограничивалось пока дипломатическимъ вмѣшательствомъ сѣверной Имперіи въ турецко-персидскія дѣла, тогда какъ существованію Грузіи явно угрожали

окружавшіе магометане. Царь Теймуразъ II ѣздилъ къ императорскому двору просить помощи и умеръ на возвратномъ пути (въ 1761 г.); въ дѣйствительности же, появленіе русскихъ войскъ въ Закавказьѣ состоялось лишь въ 1770 году, въ первую войну Екатерины II съ Турціею. Войска Императрицы появились въ Мингреліи и Имеретіи, взяли Кутаисъ, а по заключенному, вслѣдъ затѣмъ, Кучукъ-Кайнарджійскому трактату — Имеретія и Гурія освобождены отъ Турокъ. Извѣстно, что Императрица Екатерина II, по плану сподвижника своего, князя Потемкина, желала создать въ Закавказьѣ, подъ верховнымъ покровительствомъ Россіи, одно христіанское сильное государство, для чего велись уже переговоры съ армянскими меликами и духовенствомъ; но обстоятельства сложились иначе. Тѣмъ временемъ Грузинскій царь Ираклій II, сознавая безнадежность положенія своего государства, прибѣгъ въ 1783 году подъ власть и покровительство Россіи. Екатерина уже имѣла въ виду назначить Ираклія правителемъ проектируемаго царства, но провозгласившій себя шахомъ Персіи, Ага-Магометъ-ханъ, недовольный сношеніями Ираклія съ Россіею, внезапно вторгся въ Грузію и, 12 сентября 1795 г., взявъ Тифлисъ, все предалъ огню, мечу и плѣненію. Это печальное происшествіе случилось въ тотъ самый день, когда Императрица дала въ Петербургѣ повелѣніе о снаряженіи экспедиціи въ Грузію. Послѣдняя состоялась въ 1796 году и русскія войска, предводительствуемыя графомъ Зубовымъ, прошли чрезъ Дербентъ, Кубу и Баку; затѣмъ, поднявшись по Курѣ, достигли Грузіи и уже готовились было привести въ исполненіе грандіозные планы Императрицы, какъ вдругъ получена вѣсть о кончинѣ Екатерины и войска отозваны обратно въ Россію. Тогда, сочувствовавшіе Русскимъ карабагскіе Армяне, боясь мести Персіянъ, переселились въ числѣ 11,000 семействъ въ предѣлы Россіи, на сѣверный Кавказъ, въ Кизляръ и другія мѣста.

Далѣе, по просьбѣ послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XII, Императоръ Павелъ I, въ исходѣ 1799 года, повелѣлъ отправить въ Грузію два полка для защиты страны отъ хищническихъ набѣговъ непріятелей. По смерти Георгія, Грузія навсегда присоединена къ Россіи. «Не для приращенія силъ», сказано по этому случаю въ манифестѣ Императора Александра I, отъ 12 сентября 1801 года, «не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе...» Недовольная этимъ Персія открыла въ 1804 году войну, кончившуюся въ 1813 году Гюлистанскимъ трактатомъ, по которому навсегда присоединены къ Россіи ханства: Карабагское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское и Талышинское. Кромѣ того, покорены Осетины и Джаро-Белоканскіе Лезгины. Мингрелія въ 1804 году приняла покровительство Россіи, а въ 1810 году сдалась намъ крѣпость Поти и взятъ былъ Сухумъ-Кале. Гурія тоже приняла подданство Россіи, а Имеретія, съ городомъ Кутаисомъ, навсегда присоединена къ нашимъ владѣніямъ.

Окончивъ Персидскую войну, правительство принялось теперь за усмиреніе горскихъ народовъ, все еще не перестававшихъ безпокоить наши границы. Въ 1819 году генераломъ Ермоловымъ положено начало войнѣ съ обитателями трущобъ Кавказскаго хребта, которая продолжалась около пятидесяти лѣтъ и кончилась полнымъ умиротвореніемъ Кавказа.

Персія, лишенная навсегда права на Закавказскія свои провинціи, не осталась спокойною зрительницею успѣховъ русскаго оружія. Въ 1806 году персидскія полчища, безъ объявленія войны, ворвались въ Грузію, но имъ данъ отбой блестящими побѣдами нашихъ войскъ въ Елисаветпольской губерніи, и дѣйствія перенесены въ персидскіе предѣлы — въ Эриванское ханство. Главнокомандовавшій нашими войсками, генералъ Паскевичъ, въ 1827 году, взялъ крѣпости: Аббасъ-Абадъ, Сардаръ-Абадъ и Эривань, за что пожалованъ титуломъ «графа Эриванскаго». Кромѣ того, наши войска перешли Араксъ и быстро вторглись въ Персію. Взявъ

T. IX.

Ананурь.

здѣсь города: Тавризъ, Марагу, Ардебиль и Урмію, Паскевичъ въ 1828 году склонилъ Персіянъ къ заключенію Туркманчайскаго трактата, по которому къ Россіи отошли ханства: Эриванское и Нахичеванское. Но едва кончилась эта война, какъ начата была Турецкая, и войска наши изъ персидскихъ предѣловъ прямо перешли въ турецкіе. Въ 1828 г. взяты: Анапа, Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцихъ, Баязетъ, Поти и другія крѣпости. Не смотря на появившуюся чуму, въ 1829 г. войска наши вступили въ Эрзерумъ и дошли до Байбурта. По заключенному вслѣдъ затѣмъ Адріанопольскому трактату, Турція уступила Россіи, между прочимъ, крѣпости: Анапу, Поти, Ахалцихъ, Ацхуръ и Ахалкалаки, а восточною границею опредѣлена рѣка Западный Арпачай.

Въ самый разгаръ войны съ горцами въ Чечнѣ и Дагестанѣ, часть русскихъ войскъ была удѣлена на отраженіе значительныхъ турецкихъ силъ, вторгшихся въ Ахалцихскій и Александропольскій уѣзды. Блистательныя дѣла 1853 г. Баяндурское и Башъ-Кадыкларское, Ацхурское и Ахалцихское, доказали Туркамъ качественное превосходство нашихъ силъ. Въ слѣдующемъ году, пораженія Турокъ на Чингильскихъ высотахъ, въ Гуріи, и, наконецъ, замѣчательная побѣда, одержанная кн. Бебутовымъ съ 18-тыс. отрядомъ надъ главнымъ анатолійскимъ корпусомъ въ 60 тыс. челов., близъ сел. Кюрюкъ-дара, дали небольшимъ нашимъ силамъ возможность занять Баязетъ и Ардаганъ. Въ 1855 г., обложивъ Карсъ, наши войска два раза переходили Сагаплугскій хребетъ и дошли до Керпикея, гдѣ Туркамъ было нанесено новое пораженіе. Сдачею главнокомандовавшему Муравьеву крѣпости Карсъ завершена была Турецкая война, такъ какъ весною 1856 г. заключенъ былъ Парижскій трактатъ, въ силу котораго наши границы въ Закавказьѣ остались почти прежнія. Однакожь эта кампанія доказала необходимость принятія болѣе энергическихъ мѣръ къ окончательному покоренію Кавказскихъ горцевъ, не перестававшихъ безпокоить насъ съ тылу. Намѣстникъ Кавказскій, кн. Барятинскій, взялся за это дѣло и на столько подвинулъ его впередъ, что въ 1859 г. штурмомъ укрѣпленій: Веденя и Гуниба и плѣненіемъ имама горцевъ — Шамиля, довершено покореніе всей восточной части Кавказа. Тогда военныя дѣйствія всецѣло перенесены на западный Кавказъ, и 21-го мая 1864 г. положено окончаніе полувѣковой Кавказской войнѣ.

Дальнѣйшее мирное развитіе Края было нарушено еще разъ послѣднею турецкою войною 1877—1878 гг. Въ день объявленія манифеста о войнѣ, 12 апрѣля 1877 года, войска наши перешли здѣсь границу въ трехъ различныхъ пунктахъ: по направленіямъ на Баязетъ, на Карсъ и на Батумъ. Эриванскій отрядъ, предводительствуемый ген. Теръ-Гукасовымъ, вскорѣ занялъ Баязетъ, Діодинъ, Кара-килису и, вступивъ въ Алашкертъ, настигъ и разбилъ у Драмъ-дага турецкій отрядъ Махмедъ-паши. Въ то же время кавалерія дѣйствующаго корпуса, предводительствуемаго ген. Лорисъ-Меликовымъ, имѣла нѣсколько удачныхъ дѣлъ, и Турки были отброшены къ Карсскимъ укрѣпленіямъ. Тогда ген. Лорисъ-Меликовъ съ частью войскъ двинулся къ городу Ардагану и 5-го мая взялъ его штурмомъ. Направивъ отсюда небольшой отрядъ для занятія селенія Пенякъ и города Ольти, Лорисъ-Меликовъ вернулся къ главнымъ силамъ и принялся за обложеніе Карса. Турки же, оставивъ въ Карсѣ усиленный гарнизонъ, стягивали свои войска у Зивина и заняли тамъ весьма крѣпкія позиціи. Тогда, оставивъ для бомбардированія Карса часть корпуса, ген. Лорисъ-Меликовъ, съ колонною ген. Геймана, перешелъ Сагаплугскій хребетъ и 13-го іюня атаковалъ Зивинскія высоты. Не смотря на героическій бой нашихъ солдатъ, Турки удержали свои позиціи, а превосходство силъ непріятеля вынудило ген. Лорисъ-Меликова вернуться изъ-за Сагаплуга къ Карсу. Вслѣдствіе этого обстоятельства, ген. Теръ-Гукасовъ, отразивъ аттаку значительныхъ турецкихъ силъ, отступилъ чрезъ Алашкертъ въ наши предѣлы, къ Игдырю. За отступавшимъ отрядомъ шли, побросавъ свои дома и имущества, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, алашкертскіе Армяне, которымъ Турки и Курды угрожали истребленіемъ за сочувствіе къ Россіи. Въ концѣ іюня бомбардированіе Карса было оставлено и войска нашего дѣйствующаго корпуса расположились у Кюрюкъ-дара и Башъ-кадыкъ-ляра, между тѣмъ какъ двигавшійся вслѣдъ за нами командиръ турецкаго корпуса Мухтаръ-Ахмедъ-паша занялъ сосѣднія Аладжинскія высоты.

Но еще 5-го іюня, когда генералъ Теръ-Гукасовъ былъ на пути къ Зивину и спѣшилъ соединиться съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, турецкія войска и курдинскія громадныя полчища внезапно явились со стороны Ванскаго пашалыка и тѣсно обложили Баязетскую цитадель. Нами оставленный тамъ небольшой гарнизонъ, подъ командою маіора Штоквича, мужественно выдержалъ 23-дневную осаду, а жители города—Армяне—буквально избиты Курдами. Ген. Теръ-Гукасовъ, узнавъ объ опасномъ положеніи Баязетскаго гарнизона, поспѣшилъ на выручку и, разбивъ здѣсь на голову 13-тысячный турецкій корпусъ, освободилъ осажденныхъ. Въ сентябрѣ 1877 года, наши войска перешли въ наступленіе и 3 октября Мухтаръ-паша былъ разбитъ, причемъ взято нами 31 баталіонъ и 44 орудія. Турки, оставивъ въ Карсѣ значительный гарнизонъ, бѣжали къ Эрзеруму и ихъ преслѣдовала колонна русскихъ войскъ. Тѣмъ временемъ и ген. Теръ-Гукасовъ вынудилъ Измаила-пашу къ быстрому отступленію. Войска Измаила-паши, соединившись съ главными силами Мухтара, заняли укрѣпленную позицію близъ Эрзерума, на Деве-бойну. 23 октября здѣсь нанесено Туркамъ новое блистательное пораженіе, и непріятель бѣжалъ къ Эрзеруму, оставивъ намъ 46 орудій. Въ ночь съ 5 на 6 ноября предпринятъ доблестный штурмъ Карса, и эта замѣчательная малоазіатская твердыня вновь пала подъ ударами русскаго оружія. Хотя выпавшій большой снѣгъ и чрезвычайно суровая зима значительно помѣшали дальнѣйшему нашему движенію на югъ, тѣмъ не менѣе къ концу 1877 г. начата была тѣсная блокада Эрзерума, который впрочемъ занятъ нами въ февралѣ 1878 года въ силу Адріанопольскаго перемирія.

Чтоже касается до черноморской прибрежной полосы, то здѣсь, вслѣдъ за объявленіемъ войны, при-Ріонскій отрядъ, подъ начальствомъ ген. Оглобжіо, перешелъ границу и занялъ турецкій лагерь у Мухаэстате, а чрезъ нѣсколько времени взялъ приступомъ укрѣпленную позицію у Хуцубани. Аттаковавъ затѣмъ Цихисдзири и, въ свою очередь, успѣшно выдержавъ сильную атаку у Самеба, ген. Оглобжіо въ половинѣ іюня вернулся обратно и сталъ у Мухаэстате.

Этимъ мы закончимъ участіе Закавказья въ кампаніи 1877—1878 гг. На Берлинскомъ конгрессѣ опредѣлены новыя границы наши съ Турціею: къ нашимъ владѣніямъ присоединены двѣ довольно обширныя области: Карсская и Батумская.

Ерицовъ.

Видъ крѣпости Ахалцыхъ

ОЧЕРКЪ VIII.

СѢВЕРНОЕ КУБАНСКОЕ И ТЕРСКОЕ ПРЕДГОРЬЯ КАВКАЗА.

Рѣки Кубань и Терекъ по выходѣ изъ горъ.— Кубанская и Терская области.— Линейные казаки. – Появленіе ихъ на Кавказѣ.—Условія ихъ жизни.— Казачьи станицы. Надѣлъ ихъ землею.—Современное ихъ положеніе.—Подгорная часть Дагестана.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужь тамъ не слышны болѣ,
И въ знойный лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ:
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле,
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Осмотримъ теперь, что представляетъ собою сопредѣльная часть между Россіею и Кавказомъ.

Мѣстность эта — одна изъ любопытнѣйшихъ и своеобразныхъ окраинъ Россіи. Ее составляютъ тѣ звѣнья, которыми собственно Россія связана съ Кавказомъ. Здѣсь, на этомъ рубежѣ, приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе и, выражаясь образно, сростаются между собою—равнинная Россія съ горнымъ Кавказомъ. Тутъ же сошлись и перемѣшались разныя племена и народности, частію оттѣсненныя уже Русскими, частію подчинившіяся вліянію русской культуры. Словомъ, это такая мѣстность, гдѣ массовое движеніе русскихъ колонизаторовъ встрѣтило серьезныя препятствія въ чуждыхъ этимъ колонизаторамъ народностяхъ и своеобразной природѣ, съ ея мало привычными русскому человѣку особенностями.

Взгляните на карту Кавказа и представьте, что вы ѣдете по Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ. На Невинномысской станціи вы оставляете желѣзнодорожный поѣздъ, берете почтовыхъ лошадей и отправляетесь на югъ, поднимаясь сразу на небольшую возвышенность. Направо отъ дороги бурлитъ и извивается Кубань. Впереди величественно возвышается Эльбрусъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, на востокъ и западъ, тянутся длинныя и причудливыя цѣпи горъ. Тамъ, вдали, на Эльбрусѣ и на нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ нему горъ сверкаютъ бѣлыя глыбы и полосы снѣга; изрѣдка надъ горами ползутъ и вьются тучи, а великанъ-Эльбрусъ обвитъ ими, точно татарскою чалмою, съ развѣвающимися концами повязки; масса облаковъ играетъ всевозможными переливами свѣта. Пять-шесть часовъ быстрой ѣзды — и передъ

вами небольшой, но приличный и уютный по внѣшнему виду городокъ — станица Баталпашинскъ. Еще нѣсколько верстъ впередъ— и вы вступаете въ то ущелье, по которому протекаетъ Кубань. Вы ѣдете дальше и дальше, выше и выше на югъ черезъ Кумары. Горная природа успѣла уже заполонить ваше вниманіе. Горы и горные уступы, скалы и стремнины. Глухо и безлюдно; нѣтъ Русскихъ, нѣтъ даже казаковъ. Изрѣдка попадается вамъ на неуклюжей арбѣ или на крѣпкомъ конѣ плотно скроенный горецъ-Карачаевецъ. Вотъ, наконецъ, и Гузукъ, послѣдній аулъ по направленію къ Эльбрусу, населенный Карачаевцами. Дальше нѣтъ людей, но царитъ одна природа, величественная, горная, кавказская природа. Позади васъ уже лежатъ значительныя возвышенности; передъ вами и вокругъ тѣснятся вершины одна другой выше; а надъ всѣми ими главенствуетъ величавый Эльбрусъ. Вы находитесь подъ обаяніемъ величія природы. Впечатлѣнія и мысли быстро мѣняются.

Почтовая станція.

Вы на подошвѣ Эльбруса. Взявъ проводника, вы идете дальше на Эльбрусъ и вступаете въ полосу снѣга. Говорятъ, что недавно еще какой-то удалой Карачаевецъ всходилъ на эту трудно досягаемую вершину, лежащую на 18,570 ф. надъ уровнемъ моря. Съ этого обсерваціоннаго пункта, вооружившись хорошимъ телескопомъ, можно бы охватить взглядомъ весь Кавказъ, во всемъ величіи и разнообразіи его природы.

На западъ — Черное и Азовское моря; на востокѣ Каспійское море. Между этими водными бассейнами, на пространствѣ 3,857 кв. миль, тѣснятся, сходятся и расходятся горные хребты, вершины, узлы и отроги. Вотъ тянется почти прямою линіею въ тысячу верстъ длины съ сѣверо-запада на юго-востокъ главный Кавказскій хребетъ. Рядомъ, параллельно съ нимъ, идутъ, по обѣимъ его сторонамъ, крутыя обрывистыя горы со скудною растительностью. Еще далѣе слѣдуетъ послѣдняя область горъ, сравнительно низкихъ и покатыхъ, такъ называемыхъ Черныхъ горъ, покрытыхъ густою и роскошною растительностью. Эльбрусъ какъ бы упирается въ главный горный хребетъ своею громаднѣйшею, плоско-выпуклою подставкою;

и тамъ, на востокѣ, на самостоятельномъ боковомъ хребтѣ, красуется голый и конусообразный Казбекъ. На Черныхъ горахъ, особенно же на ихъ скатахъ и спускахъ, т. е. на такъ называемомъ предгорьѣ, нѣтъ уже такой величественной природы. Но зато тутъ больше разнообразія, больше дѣятельной жизни и движенія. Правда, и горные великаны имѣютъ извѣстное отношеніе къ этой жизни: на нихъ налегли ледники и скопляется снѣгъ, тотъ драгоцѣнный матеріалъ, которымъ питаются горные ручьи и потоки, дающіе въ свою очередь жизнь рѣкамъ и рѣчкамъ. Но только тамъ, гдѣ эти первоначальные источники сливаются въ рѣки, гдѣ вода ихъ течетъ по менѣе крутымъ скатамъ и гдѣ скаты переходятъ въ плоскія возвышенности и широкія долины, тамъ сильно царство растительности, разнообразнѣе фауна, шире и сложнѣе, вообще, органическая жизнь и очевиднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, присутствіе и вмѣшательство человѣка. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, направо и налѣво вдоль своеобразныхъ

Видъ Кубанской полосы Черноморья.

предгорій Кавказа. Здѣсь бѣлыми изгибами вьются и сверкаютъ рѣки; вдоль рѣкъ сотнями раскинулись и пріютились хутора, поселки, аулы, селенія и станицы; изрѣдка, по рѣзче другихъ поселеній, выступаютъ города. Въ однихъ мѣстахъ зеленѣютъ сады; въ другихъ пасутся стада; въ третьихъ тянутся длинныя вереницы проѣзжающихъ. На равнинахъ волнуется трава; золотистыми полосами отдаютъ хлѣбные злаки; на скатахъ и на вершинахъ низкихъ горъ темнѣютъ лѣса, мѣстами покрывающіе цѣлыя долины и лентами окаймляющіе рѣчные берега. Все это можно бы обнять съ вершины Эльбруса вооруженнымъ взглядомъ, и общая картина Кавказа представилась бы такою, какъ мы только-что набросали ее.

Сѣверно-кавказскія подгорья тянутся длинною полосою, параллельно съ главнымъ водораздѣльнымъ хребтомъ, мѣстами удаляясь, мѣстами приближаясь къ нему. Начиная съ Таманскаго полуострова, они діагонально, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, пересѣкаютъ Кавказскій перешеекъ и, дойдя до Каспійскаго моря, круто, почти съ сѣвера на югъ, поворачиваютъ вдоль береговъ этого моря по направленію къ Апшеронскому полуострову. Строго говоря,

направленіе предгорій сѣвернаго Кавказа опредѣляется направленіемъ двухъ главныхъ рѣкъ его. Съ одной стороны Кубань, съ другой — Терекъ съ ихъ притоками прорѣзываютъ, дѣлятъ и окаймляютъ въ главнѣйшихъ частяхъ эти предгорья. Значитъ, прежде чѣмъ обрисовать окончательно общій характеръ предгорій, не лишне будетъ ближе ознакомиться съ бассейнами двухъ названныхъ рѣкъ, какъ естественныхъ путей, по выходѣ изъ горъ.

Самою большою рѣкою сѣвернаго Кавказа оказывается Кубань или, по-черкесски, Пшизъ, т. е. князь рѣкъ. Получивъ начало двумя главными потоками у Эльбруса, рѣка у истоковъ своихъ часто скрывается далеко въ пропасти и присутствіе ея узнается только по страшному шуму. Въ этихъ верховьяхъ, гдѣ по глубокимъ ущельямъ протекаютъ множество потоковъ, впадающихъ въ Кубань, русская культура проложила колесный путь, по которому вывозятъ вѣковыя карачаевскія сосны. Недавно еще здѣсь могли лазить только дикія козы да не менѣе дикіе Карачаевцы, возившіе къ себѣ въ аулъ въ мѣхахъ молоко изъ овечьихъ стоянокъ. Въ сосновыхъ лѣсахъ, по верхнему Зеленчуку и другимъ притокамъ, попадается исчезнувшій вездѣ въ западной Европѣ зубръ, который сохранился только на Кавказѣ и въ Гродненской губ., въ Бѣловѣжской пущѣ. Извиваясь по ущельямъ и принявъ множество потоковъ, Кубань покидаетъ, наконецъ, горный хребетъ. Едва она успѣла вырваться изъ душившихъ ее объятій великановъ Кавказа, какъ подпала подъ власть русскаго человѣка, который подчинилъ себѣ эту гордую рѣку, настроилъ вдоль ея прибрежій родъ цвѣтущихъ поселеній и построилъ черезъ нее каменный мостъ. Принимая сперва сѣверное, а потомъ западное направленіе, въ Кубань впадаютъ съ лѣвой стороны Малый и Большой Зеленчуки, у устьевъ которыхъ расположены станицы Бѣломечетская и Невинномысская. Близъ послѣдней чрезъ Кубань построенъ мостъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги.

Зубръ.

Далѣе все съ той же стороны Кубань принимаетъ притоки Урупъ, Лабу и Бѣлую. Приближаясь къ морю, она дѣлится на два рукава, изъ которыхъ одинъ, подъ именемъ Протока, течетъ на сѣверъ и впадаетъ въ Азовское море, а другой — въ лиманъ Кизильташъ на Черномъ морѣ. Горный характеръ верховьевъ Кубани и ея важнѣйшихъ притоковъ даетъ себя чувствовать при разливахъ весьма ощутительно. Вода быстро поднимается въ берегахъ, сноситъ все, что попадается ей на пути и, переполнивъ Кубань въ ея нижнемъ теченіи, разливается здѣсь на десятки верстъ, загромождая мусоромъ, корчагами и деревьями болотистыя прибрежья. Бываютъ случаи въ горахъ, когда послѣ сильнаго дождя, вода стѣною идетъ на протяженіи десятковъ верстъ; вырвавшись въ равнины и попавъ въ Кубань, она разъединяетъ Прикубанскую и Закубанскую стороны и приноситъ неисчислимыя бѣдствія населенію. Теряются броды; рушатся мосты; гибнутъ люди и животныя; уносится сѣно, дрова, деревья, и часто затопляются цѣлые аулы и станицы, такъ что жителямъ приходится ѣздить изъ двора во дворъ на лодкахъ и выдерживать это осадное положеніе въ теченіе нѣсколькихъ дней. Послѣ разлитія воды образуются громадныя болота, не пересыхающія иногда въ теченіе цѣлаго лѣта. Черезъ эти болота пролегаютъ закубанскія дороги, и оттого путей сообщенія въ Закубанскомъ Краѣ почти не существуетъ. Всѣ усилія жителей и начальства проложить здѣсь дороги — ни къ чему не привели: вода легко размывала и затопляла все, что создавалось съ большими усиліями. По мѣрѣ

приближенія къ устьямъ Кубани, болота эти увеличиваются въ числѣ и объемѣ; они поросли камышемъ и кустарникомъ; вредныя испаренія отъ нихъ заражаютъ воздухъ и дѣлаютъ климатъ нездоровымъ. Миріады комаровъ и другихъ насѣкомыхъ отравляютъ лѣтомъ жизнь человѣку и животнымъ. На нижнемъ теченіи расположенъ городъ Екатеринодаръ. За нимъ вплоть до самаго моря протянулась непрерывная степь, поражающая своимъ безотраднымъ видомъ. Это — степная пустыня, поросшая бурьяномъ, колючими травами и камышемъ. Начиная отъ Усть-Лабинска, гдѣ въ Кубань впадаетъ главнѣйшій изъ ея притоковъ, она считается судоходною; но при убыли воды пароходы доходятъ только до Екатеринодара. Незначительное число рейсовъ и медленное плаваніе пароходовъ противъ теченія (3 версты въ часъ) рѣшаютъ вопросъ о судоходности Кубани не въ ея пользу. Общее протяженіе Кубани равняется 680 верстамъ.

Протекая въ верховьяхъ въ дикой, неприступной мѣстности, Кубань мало извѣстна путешественникамъ, мало была посѣщаема ими, вслѣдствіе чего красоты ея мало воспѣты, тогда какъ имя Терека твердо помнитъ вся образованная Россія, и величавая красота этой рѣки вдохновляла двухъ рускихъ поэтовъ — Пушкина и Лермонтова. Серебристымъ потокомъ онъ вытекаетъ изъ ледниковъ горы Зильга-хохъ, близъ Казбека, и течетъ по знаменитому Даріальскому ущелью, которое издавна служило главною дорогою изъ Азіи въ Европу черезъ Кавказъ. Верхнее теченіе Терека — это грандіозный, безпрерывный каскадъ, оглушающій своимъ ревомъ и поражающій своимъ величіемъ. Выйдя изъ горъ и утративъ значительно свою первоначальную быстроту, Терекъ, словно радуясь свободѣ, разбивается на нѣсколько протоковъ, но, близъ г. Владикавказа, собираетъ ихъ въ одно русло. Протекая потомъ по Владикавказской равнинѣ, онъ дѣлаетъ дугу къ сѣверо-востоку, снова разбивается на нѣсколько протоковъ и, приближаясь къ Кабардинскимъ горамъ, собираетъ ихъ опять въ одно русло, чтобы пробраться черезъ эти горы въ Кабардинскую равнину. Принявъ съ лѣвой стороны рѣку Малку, Терекъ круто поворачиваетъ на востокъ; измѣняя нѣсколько направленіе къ югу, принимаетъ въ себя рѣку Сунжу, а потомъ, повернувъ нѣсколько на сѣверъ, начинаетъ развѣтвляться на протоки, чѣмъ собственно и отличается третье, нижнее его теченіе. Въ среднемъ своемъ теченіи Терекъ уже не тотъ страшный, стихійный «звѣрь», какъ въ горахъ; здѣсь онъ болѣе или менѣе спокоенъ, мелководенъ, особенно въ верхней половинѣ

Казакъ Кавказской линіи.

средняго теченія. По выходѣ Терека изъ горъ, сперва правый берегъ его возвышеннѣе лѣваго, затопленнаго водой и представляющаго собою болотистую мѣстность; далѣе же мало-помалу возвышается лѣвый берегъ, а правый понижается. Наибольшей глубины и ширины Терекъ достигаетъ въ среднемъ теченіи, близъ ст. Екатериноградской, и будь населеніе здѣсь попредпріимчивѣе, то можно было бы устроить въ этомъ мѣстѣ судоходство по Тереку. Изъ рукавовъ, на которые раздѣляется Терекъ въ нижнемъ теченіи, самый главный — Прорва, текущій къ сѣверу; за нимъ Терекъ отдѣляетъ еще одинъ рукавъ также въ сѣверномъ направленіи — Таловку и, обезсилѣвъ отъ потери воды, послѣднія свои силы ввѣряетъ Старому и Новому Тереку. Жалокъ здѣсь горный богатырь, и не только спокоенъ, но и старчески дряхлъ. Рукава его постоянно засоряются иломъ и, по мѣрѣ приближенія къ морю, становятся все мельче и мельче. Илъ этотъ, заграждая устья протоковъ, не даетъ выхода водѣ; вслѣдствіе этого, часто уровень воды въ протокахъ подымается, затопляетъ берега и обращаетъ ихъ въ болота. Чтобы избѣжать наводненій, жители должны были постоянно устраивать плотины, укрѣплять берега протоковъ Терека фашинами и, постепенно, по мѣрѣ увеличенія воды въ рѣкѣ, поднимать самыя плотины. Въ настоящее время есть мѣста, лежащія далеко ниже уровня самой рѣки, и Терекъ течетъ стѣсненный плотинами, словно рамками, и неустанно продолжаетъ свою гибельную для человѣка работу, — заноситъ устья, образуетъ тамъ особые морскіе бары и постепенно возвышаетъ свое русло. Медленно, но правильно готовится онъ, повидимому, на борьбу съ человѣкомъ и уже нѣсколько разъ пробовалъ выбиться изъ стѣсненнаго положенія, разлиться на волѣ, и выбиралъ для того тѣ мѣста, гдѣ его всего менѣе ожидали.

Въ настоящее время Терекъ, повидимому, собралъ свои силы и въ самомъ непродолжительномъ времени не преминетъ вступить въ борьбу съ человѣкомъ; прежде всѣхъ придется пострадать Кизляру, который лежитъ на 12 футовъ ниже уровня Стараго Терека. Тогда едва ли возможно будетъ вернуть рѣку въ прежнее русло. Мелководіе Терека въ устьяхъ повліяло и на то, что красная рыба не охотно заглядываетъ изъ моря въ рѣку; бѣлой рыбы, впрочемъ, въ Терекѣ довольно, и въ Кизлярскомъ округѣ болѣе десятка станицъ занимаются исключительно рыболовствомъ. Въ общемъ, рѣка Терекъ гораздо бѣднѣе Кубани рыбою и меньше приноситъ дохода Войску. Горный узелъ Эльбруса служитъ водораздѣльною линіей для главныхъ рѣкъ Кавказа; здѣсь берутъ начало верховья рѣки Кубани; отсюда же вытекаютъ и главнѣйшіе притоки Терека съ лѣвой стороны — Баксанъ и Малка. Такимъ образомъ Кубань и Терекъ являются какъ бы молочными братьями. Начиная отъ горъ Эльбруса, на западъ, по рѣкѣ Кубани, до самаго Азовскаго моря, расположена Кубанская область, а на востокъ отъ Эльбруса по рѣкѣ Тереку и его притокамъ протянулась Терская область. Граничa съ юга высочайшими горами, обѣ эти области постепенно понижаются къ сѣверу, мало-по-малу переходятъ въ равнину и сливаются съ степями южной Россіи. По формѣ онѣ представляютъ собою овалы съ углубленіемъ посрединѣ, по которому текутъ рѣки, давшія имъ свои названія.

Этими двумя главнѣйшими водными путями опредѣляется общее направленіе сѣверно-Кавказскихъ предгорій, наивысшая часть которыхъ расположена около Эльбруса, къ сѣверу. Отсюда въ обѣ стороны, на востокъ и западъ, предгорья разсѣкаются на отдѣльныя части теченіемъ главнѣйшихъ рѣкъ и ихъ притоковъ, вслѣдствіе чего образуется цѣлый рядъ отдѣльныхъ предгорныхъ мѣстностей, тѣмъ болѣе отличающихся одна отъ другой, чѣмъ больше разстояніе между ними.

Самая высокая часть Кубанскаго предгорья находится непосредственно за выходомъ Кубани изъ горъ, между лѣвымъ берегомъ Кубани и правымъ Лабы. Мѣстность эта представляетъ рядъ плоскихъ возвышенностей, изрѣзанныхъ, кромѣ немногихъ рѣчекъ, многочисленными безводными оврагами. Лѣсъ здѣсь попадается только вдоль рѣчекъ, незначительными полосами. Изрѣдка растетъ терновникъ и шиповникъ, преобладающая же растительность — трава бурьянъ и хлѣбные злаки. Климатъ сухой и непостоянный; лѣтомъ жара доходитъ до 40° Р., а

зимою температура понижается до 30°. По мѣрѣ поднятія мѣстности къ главному хребту, появляются красивые горные виды; больше влаги, больше лѣсу, который въ горахъ уже занимаетъ цѣлыя обширныя площади. Земля становится производительнѣе, растительность роскошнѣе и животный міръ разнообразнѣе. Начинается фауна сѣвернаго Кавказа съ ея козами, оленями, дикими свиньями, медвѣдями и зубрами.

Рядомъ, къ западу, лежитъ другая предгорная долина, ограниченная съ одной стороны Лабою, съ другой Бѣлою. Воздухъ здѣсь влажнѣе, почва богаче, лѣсъ роскошнѣе, чѣмъ въ предгорьяхъ При-лабинской долины и находится исключительно въ горахъ. Много дикихъ фруктовъ, особенно грушъ, и много всевозможныхъ звѣрей.

По ту сторону Бѣлой, дальше на западъ, мѣстность значительно измѣняетъ свой характеръ: она является вполнѣ лѣсною. Лѣсъ сплошными массами спускается отъ главнаго хребта до самой Кубани. Почва очень тучная, много влаги, иногда даже хлѣбъ вымокаетъ. Несмотря на обиліе травъ, здѣсь нельзя держать даже овецъ, у которыхъ отъ грязи и излишней влаги портятся копыта. Берега Кубани часто бываютъ болотисты.

Такимъ характеромъ отличается мѣстность до р. Афипсъ, впадающей ниже Екатеринодара въ Кубань. Далѣе къ ней начинаютъ присоединяться новыя черты, свойственныя вообще мѣстностямъ, лежащимъ въ устьяхъ большихъ рѣкъ. Лѣсъ чаще и на болѣе значительныхъ пространствахъ прорѣзывается полянами, климатъ ровнѣе, почва влажнѣе, болота раскидываются еще на большемъ пространствѣ. Появляются цѣлые лиманы (озера), начинаются такъ называемые «плавни», т. е. топкія болотистыя пространства, покрытыя водою и камышемъ.

Какъ бы придаткомъ къ болотистой Кубанской дельтѣ служитъ Таманскій полуостровъ, значительно возвышающійся надъ послѣднею и богатый довольно большими озерами или, какъ называютъ ихъ здѣсь, «лиманами». Если исключить низменные берега лимановъ, то здѣсь нельзя уже встрѣтить болотъ. Нѣтъ даже рѣчекъ. Климатъ суше и здоровѣе, но и почва менѣе производительна, чѣмъ въ долинѣ Кубани. Мѣстами поднимаются надъ окрестностями невысокія горы и между ними не мало встрѣчается конусообразныхъ потухшихъ и дѣйствующихъ еще и теперь сопокъ или по мѣстному названію «блевокъ». Круто оборвавшись у Керчинскаго пролива, Таманскій полуостровъ какъ бы указываетъ на то, что между ними и лежащими по ту сторону пролива Крымскими возвышенностями есть какая-то связь.

Перейдемъ теперь въ Терскому подгорью. Какъ и Кубань, Терекъ своими притоками разсѣкаетъ и обрамляетъ нѣсколько отдѣльныхъ покатостей и равнинъ. Но природа здѣсь нѣсколько иначе распорядилась, чѣмъ въ Прикубанской сторонѣ, иначе размѣстила горы, разбросавъ ихъ на большомъ пространствѣ въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ отроговъ, придавъ такимъ образомъ и самымъ предгорьямъ болѣе разнообразный характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ отличаются предгорья Кубани.

Самая верхняя равнина Терека, первая по выходѣ его изъ горъ, лежитъ далеко юговосточнѣе (покрайней мѣрѣ на 200 верстъ) Эльбрусской водораздѣльной покатости. Это—владикавказская долина, лежащая надъ уровнемъ моря отъ 1100 до 2400 ф. Она представляетъ котловину, ограниченную съ сѣвера Кабардинскими и Сунженскими горами, а съ запада и востока—Черными горами съ ихъ отрогами. Здѣсь, въ этой котловинѣ, когда-то, въ ледниковый періодъ, по изслѣдованіямъ Абиха, было громаднѣйшее озеро, уровень котораго равнялся одной высотѣ съ Кабардинскими горами, т. е. 2200 ф. выше морской поверхности. Впослѣдствіи вода прорвала Кабардинскія горы, образовавъ проходъ для Терека.

Слѣдующая затѣмъ Кабардинская равнина ближе пододвинулась къ Эльбрусскому водораздѣлу. Она перерѣзывается массою рѣчекъ, придающихъ ей характеръ искусственно орошенной мѣстности.

Еще дальше на востокъ отъ Эльбрусскаго водораздѣла, между Черными горами и рѣкою Сунжою, тянется Чеченская равнина, достигающая наибольшей ширины у Грознаго. Послѣ

Кахетіи, Чеченская долина считается лучшимъ уголкомъ на Кавказѣ. Тучный черноземъ орошается множествомъ рѣчекъ и искусственныхъ канавъ. Ровный и влажный климатъ, при несуровой, двухъ-трехъ-мѣсячной зимѣ, способствуетъ разнообразію и богатству растительности. Вся долина покрыта прекраснѣйшими буковыми лѣсами, между которыми встрѣчаются поляны, производящія въ такомъ изобиліи разные виды хлѣбовъ, что ими прокармливается не одно мѣстное населеніе, но и жители горнаго Дагестана.

Совершенный контрастъ съ предъидущей мѣстностью представляетъ долина надъ Терекомъ, между этою рѣкою и Терскимъ хребтомъ. Здѣсь нѣтъ ни лѣса, ни рѣчекъ, и засухи часто превращаютъ плодородную почву въ пустыню съ выгорѣвшею растительностью; только въ дождливые годы здѣсь бываютъ хорошіе урожаи хлѣба и травъ.

По нижнему теченію Терека, въ видѣ дугообразной полосы, тянется Кумыкская плоскость,

Казаки на стражѣ.

а рядомъ съ нею, далѣе на сѣверъ, раскинулась треугольникомъ дельта Терека. Обѣ эти мѣстности чрезвычайно сходны между собою въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ. Почва здѣсь наносная, илистая и весьма плодородная. Рѣки, по отношенію къ растительности, играютъ въ маломъ видѣ роль Нила. Покрытая водою илистая земля быстро напитывается водою, дѣлается рыхлою и легко поддающеюся земледѣльческой культурѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, климатъ, на Кумыкской плоскости и въ особенности въ дельтѣ Терека, крайне нездоровый, міазматическій, какъ и въ устьяхъ Кубани; отъ болотныхъ міазматическихъ испареній здѣсь свирѣпствуютъ сильныя лихорадки. Наконецъ, вдоль береговъ Каспійскаго моря тянется подгорная часть Дагестана. Пространство это отличается болѣе или менѣе производительною почвою. Здѣсь растетъ въ изобиліи лѣсъ, фруктовыя деревья, виноградникъ и тутовникъ а также марена и разнаго рода хлѣба. Климатъ такъ тепелъ, что иногда въ февралѣ цвѣтутъ уже деревья.

Вообще можно сказать, что сѣверно-Кавказскія подгорья находятся въ благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ: почва плодородна, климатъ теплый, флора богатая, фауна разнообразная. Въ частности есть конечно мѣстности, много терпящія отъ неблагопріятныхъ условій; но вообще подгорья сѣвернаго Кавказа принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ мѣстностей въ Россіи, щедро одаренныхъ природою, гдѣ стоитъ только человѣку немного приложить труда и знанія, чтобы получить избытокъ. Изъ всѣхъ подгорныхъ мѣстностей, причисляя сюда и часть Ставропольской губерніи, Кубанская и Терская области являются господствующими и по одному уже этому требуютъ нѣсколько подробнаго знакомства съ ними.

Первая изъ этихъ областей — Кубанская, занимаетъ пространство въ 83,963 кв. в. съ

населеніемъ въ 862,500 человѣкъ, такъ что на 1 квадратную милю приходится 503 человѣка. Такимъ образомъ, по пространству своему, Кубанская область почти въ два раза болѣе Греціи, въ 3 раза болѣе Голландіи и Бельгіи, населена же въ 18 разъ менѣе, чѣмъ Бельгія, гдѣ на 1 кв. километръ приходится 161 человѣкъ, тогда какъ въ Кубанской области на 1 кв. километръ — всего только 9 душъ. Не природа, конечно, виновата, что Кубанская область такъ рѣдко населена. Не въ лучшемъ положеніи, какъ увидимъ, находится и Терская область, а въ пограничной — Ставропольской губерніи, на 1 кв. километръ приходится только около 7 человѣкъ. Не такъ еще давно въ Кубанской и Терской области лилась казачья кровь; мирное развитіе населенія началось только въ послѣдніе 15—20 лѣтъ, а потому неудивительно, что богатый землею край слабо заселенъ.

Первоначально Кубанская область была заселена двумя Войсками — бывшимъ Черноморскимъ въ 1792 и частью бывшаго Кавказскаго линейнаго въ 1794 г. Колонизація же собственно Кубанскихъ подгорій есть дѣло позднѣйшаго времени; она началась съ Лабинской или новой линіи въ 1841, продолжалась здѣсь до 1860 г., когда изъ бывшаго Кавказскаго и Черноморскаго Войскъ были образованы двѣ области — Кубанская и Терская, и охватила потомъ всю остальную часть Кубанскихъ подгорій въ 1861 и 1862 годахъ, выдвинувъ казачьи поселенія до крайнихъ предѣловъ подгорій. Такъ какъ въ 1864 г. былъ окончательно умиротворенъ западный Кавказъ, то слѣдовательно время заселенія Кубанскихъ подгорій совпадаетъ съ окончаніемъ послѣдняго самаго отчаяннаго сопротивленія Черкесовъ. Колонизація шла подъ прикрытіемъ военной силы, рука объ руку съ кровавыми стычками, столкновеніями и эпизодами Кавказской войны. Въ одной рукѣ поселенецъ держалъ принадлежности мирнаго колонизатора-труженника, въ другой — боевое оружіе, и послѣднее ему приходилось чаще употреблять въ дѣло, чѣмъ первое. Много было сложено головъ и пролито крови прежде, чѣмъ казакъ-поселенецъ успѣлъ стать твердою ногою въ подгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа. Ему приходилось жертвовать втройнѣ: жизнью, имуществомъ и временемъ для упроченія своей осѣдлости. Еще и теперь, спустя 20 лѣтъ, казакъ-переселенецъ не успѣлъ оправиться отъ того зла, какое причинили ему въ его жизни и обстановкѣ первые шаги заселенія. Въ концѣ концовъ Черкесы были вытѣснены и частью переселились въ Турцію, а частью переведены изъ горъ и болѣе возвышенныхъ подгорій на новое мѣстожительство вдоль Зеленчуковъ, Урупа и Лабы, по лѣвому берегу Кубани между р. Пшизъ и Афипсъ. Впрочемъ, къ исторіи заселенія и характеру поселенія Кавказскихъ подгорій мы еще вернемся.

Внутренность казацкаго дома.

Главный городъ Кубанской области, Екатеринодаръ, лежитъ въ центрѣ края, на правомъ берегу Кубани въ нижнемъ ея теченіи. Окрестная мѣстность болотистая, климатъ нездоровый, свирѣпствуютъ лихорадки. Городъ основанъ въ 1784 г. Въ настоящее время онъ служитъ центромъ военнаго и гражданскаго управленія. Жителей 27,747 душъ обоего пола. Въ торговомъ отношеніи Екатеринодаръ малозначительный центръ. Ожидаемое проведеніе желѣзной дороги

черезъ Екатеринодаръ на Новороссійскъ, конечно подниметъ экономическое значеніе города; но пока онъ административный центръ и живой памятникъ былаго. Въ немъ и теперь еще видны слѣды старинной крѣпости, вблизи его существуетъ еще такъ называемый главный кордонъ, остатки другой крѣпости, а въ войсковомъ соборѣ хранятся памятники Черноморскаго и Линейнаго казачествъ, въ видѣ разнаго рода знаменъ, знаковъ, булавъ, литавровъ и др. регалій Войска.

Уѣздный городъ и портъ Темрюкъ въ дельтѣ Кубани построенъ на мѣстѣ прежняго татарскаго города того же имени; былъ прежде станицею и переименованъ въ городъ въ 1860 г.

Гораздо важнѣе какъ портъ, другой уѣздный городъ — Ейскъ. Основанный въ 1848 г., портъ этотъ быстро развился и въ настоящую пору насчитываетъ 27,889 д. об. п. жителей. Почти въ теченіе всего года, со всѣхъ частей области, тянутся фуры, нагроможденныя хлѣбомъ, льномъ, а иногда шерстью и кожами. Казаки считаютъ Ейскъ лучшимъ торговымъ рынкомъ и возятъ сюда хлѣбъ и сырье, минуя даже Екатеринодаръ.

Но вообще въ Кубанской области, также какъ и въ Терской, центръ тяжести экономической жизни составляютъ станицы. Такіе города, какъ напр. Майкопъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ богатыхъ промышленныхъ станицъ. Эта форма поселенія сложилась подъ вліяніемъ извѣстныхъ военно-колонизаціонныхъ цѣлей; но въ настоящее время, послѣ двадцати лѣтъ мирной жизни на Кавказѣ, свойственныя станицамъ прежнія черты почти совсѣмъ изгладились. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впрочемъ сохранились слабые слѣды канавъ и плетней, которыми жители станицъ, въ свое время, ограждались отъ хищническихъ покушеній Черкесовъ и другихъ горцевъ.

Терская область занимаетъ пространство въ 52,036 кв. верстъ съ населеніемъ въ 610,773 д. об. п., изъ коихъ 125,651 казаковъ. Главный городъ области, Владикавказъ, лежитъ на 2429 ф. надъ уровнемъ моря. Какъ крѣпость онъ основанъ въ 1784, и въ 1860 обращенъ въ городъ, а въ 1863 сдѣланъ областнымъ городомъ. Въ настоящее время въ немъ болѣе 25,000 жителей и, благодаря недавно проведенной во Владикавказъ желѣзной дорогѣ, городская промышленность и производительность получила сильный толчекъ къ дальнѣйшему развитію, а самый городъ очень обстроился и украсился и пріобрѣлъ значеніе въ торговомъ отношеніи. Нѣсколько ранѣе Владикавказа, именно въ 1777 г., былъ основанъ, также первоначально въ видѣ крѣпости, Георгіевскъ. Здѣсь въ 1783 г. русскими и грузинскими уполномоченными былъ подписанъ трактатъ, въ силу котораго Ираклій, царь Карталинскій и Кахетинскій, перешелъ съ Грузинскимъ народомъ подъ верховную власть Россіи. Черезъ два года Георгіевская крѣпость была сдѣлана уѣзднымъ городомъ, а въ 1802 г. переименована въ губернскій городъ Кавказской губерніи, чѣмъ и остался до 1824 г. Съ этихъ поръ начинается его паденіе какъ административнаго центра. До 1830 г. онъ былъ уѣзднымъ городомъ, впослѣдствіи окружнымъ. Теперь уже это малозначительный заштатный городокъ съ 3356 д. жителей. Самъ по себѣ онъ ничѣмъ не замѣчателенъ въ экономическомъ отношеніи, но въ немъ бываютъ три самыя многолюдныя въ Краѣ ярмарки съ годовымъ оборотомъ въ 2,264,000 р.

Наконецъ, третій городъ, бывшій раньше крѣпостью, Кизляръ, лежитъ на лѣвомъ берегу Стараго Терека, основанъ онъ въ 1735 г. Въ настоящее время Кизляръ населенъ 9,176 д. обоего пола. Жители занимаются извозомъ, садоводствомъ и винодѣліемъ. Послѣднее составляетъ самую развитую отрасль экономической производительности. Виноградники въ городѣ и окрестностяхъ занимаютъ болѣе 5 тысячъ десятинъ и даютъ въ годъ около 1,300,000 ведеръ вина. Къ числу достопримѣчательностей города принадлежитъ древній, построенный первыми по времени Русскими на Кавказѣ, храмъ Казанской Божіей Матери и Крестовоздвиженскій монастырь, основанный въ 1738 г.

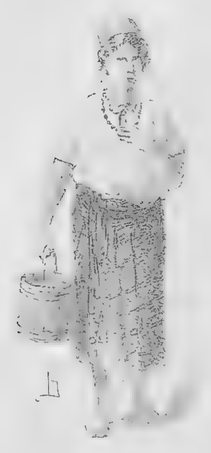
Такимъ образомъ обѣ области сѣвернаго Кавказа — Кубанская и Терская — расположены по двумъ главнымъ рѣкамъ, близко сходящимся въ верховьяхъ, но текущимъ въ противоположныя стороны. Рѣки Кубань и Терекъ представляютъ собою одну водную линію отъ Каспійскаго до

Чернаго моря, съ углубленіемъ по срединѣ. Это знаменитая въ исторіи Кавказа *Кавказская линія*, принятая, подъ этимъ названіемъ, за операціонный базисъ въ минувшей Кавказской войнѣ. По этимъ рѣкамъ былъ расположенъ кордонъ казацкихъ укрѣплепій и постовъ, сюда же была направлена первая колонизація русскихъ поселенцевъ. Земли по Кубани и ея притокамъ составляли *правый* флангъ, а по Тереку и позади его до горъ — *лѣвый*. Центръ представляла Кабардинская долина, на востокъ отъ горы Эльбруса, по р. Малкѣ. Казачьи кордоны и посты и русскія поселенія представляли собою какъ бы отдѣльныя звѣнья русской арміи, протянувшейся по р. Тереку и Кубани, фронтомъ обращенной къ неприступной скалистой крѣпости—Кавказу. Отъ костей русскихъ піонеровъ, посѣянныхъ на этой линіи, и крови ихъ, оросившей землю эту, выросла русская колонизація, закрѣпившая за Русскими владѣніе Кавказомъ. Русскіе появились на Терекѣ еще въ то время, когда Московское царство только что собиралось и устроивалось, при царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ. Въ 1568 году по его повелѣнію былъ заложенъ на рѣкѣ Терекѣ Терскій-городокъ, который то былъ уничтожаемъ, то снова возобновляемъ и долгое время, въ XVI и XVII в.в., служилъ убѣжищемъ для недовольныхъ русскимъ правительствомъ и преслѣдуемыхъ за религіозныя убѣжденія. Терскіе казаки въ своихъ пѣсняхъ до сихъ поръ помнятъ время Іоанна Грознаго. «Ой ты, батюшка, нашъ православный царь! Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?»—обращаются Гребенскіе казаки къ царю Ивану Васильевичу.

«Подарю я васъ, казаченьки, да пожалую, отвѣчаетъ царь Иванъ Васильевичъ,
Рѣкой вольною, Терекомъ Горынычемъ,
Отъ самаго гребня до синяго моря,
До синяго моря, до Каспицкаго..»

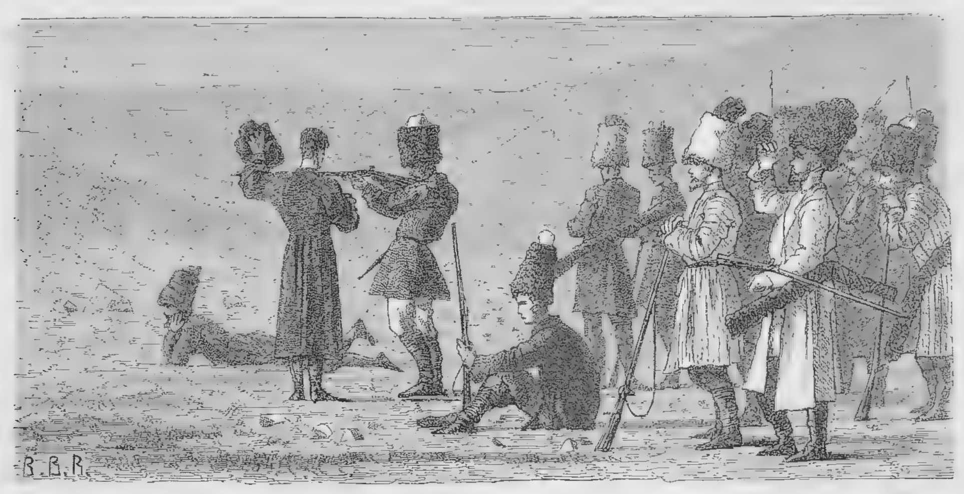
Дѣйствительно, первыми русскими поселенцами на Кавказѣ при царѣ Іоаннѣ IV были Гребенскіе казаки, получившіе свое названіе отъ того, что селились для безопасности преимущественно по гребнямъ горъ. Не будучи въ состояніи примириться съ возникавшимъ самодержавнымъ государствомъ, дорожа болѣе всего на свѣтѣ личною свободою, не стѣсняемою строгими законами, и привыкши къ той легкой и веселой жизни, какою она сопровождается, казаки покинули свою родину-«матушку», гдѣ ихъ волѣ положенъ былъ конецъ. Полагаютъ, что шайка Андрея, одного изъ товарищей Ермака, заняла опустѣлый городокъ въ южной части Кумыкской плоскости, на берегу р. Якшина, и назвала его въ честь своего атамана Андреевой деревней, по мѣстному—Эндери. Здѣсь-то и было открыто убѣжище для тѣхъ, кто не желалъ разстаться съ вольницей и примириться съ новыми порядками на родинѣ. Здѣсь искали пріюта и раскольники, отказавшіеся принять «Никоновскій законъ», сюда бѣжали и стрѣльцы отъ преслѣдованій Петра Великаго и, свободолюбивый Терекъ-Горынычъ принималъ ихъ подъ свой кровъ и укрывалъ ихъ отъ преслѣдованій и гоненій. Отсюда казаки предпринимали набѣги на Турокъ, Персіянъ, и при случаѣ не щадили и своихъ единокровныхъ. Но не признавая надъ собою ничьей власти, они все же чувствовали свое родство съ Русскими, одно время даже прибѣгнули къ покровительству Петра Великаго и по его повелѣнію оставили правый берегъ Терека и перешли на лѣвый. Въ половинѣ XVIII вѣка, при Аннѣ Іоанновнѣ, правый берегъ этотъ уже былъ оставленъ окончательно. Пребываніе за Терекомъ имѣло для казаковъ то значеніе, что они близко сошлись съ своими сосѣдями горцами (Чеченцами), у которыхъ видѣли также своего рода казачество, ту же личную вольность, не терпящую никакихъ ограниченій и стѣсненій. Гребенцы полюбили ихъ, охотно вступали съ ними въ брачное родство и даже приняли ихъ національный костюмъ. Въ своемъ подражаніи горцамъ, казаки дошли до того, что не только вполнѣ усвоили ихъ внѣшній видъ, но даже вели одинаковый съ ними образъ жизни, переняли много ихъ привычекъ и обычаевъ, и въ своемъ жаргонѣ употребляли множество чеченскихъ словъ. Въ то же самое время они твердо держались своей «старой», «не-никоновской вѣры». Смѣшеніе съ гор-

цами отразилось и на самомъ типѣ Гребенскихъ казаковъ. Во время своего похода на Кавказъ, Петръ Великій обратилъ вниманіе на казаковъ и приказалъ построить, вмѣсто Терскаго-городка, крѣпость Св. Креста, а по рѣкѣ Сулаку образовать Аграханское войско. Такимъ образомъ мощный геній преобразователя Россіи какъ бы указалъ потомству задачу — распространить свое господство на Кавказѣ, принявъ за точку отправленія устроенную имъ первую Кавказскую казачью линію. Съ этихъ поръ казачья линія по Тереку все болѣе и болѣе крѣпнетъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ было сказано, правый берегъ р. Терека былъ оставленъ и всѣ поселенія казаковъ были переведены на лѣвый. Изъ этихъ переселенцевъ съ праваго берега р. Терека было образовано Кизлярское Войско, а на р. Терекѣ заложена была крѣпость Кизляръ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II началось заселеніе и Кубанской линіи. Въ 1775 году была уничтожена Запорожская Сѣчь. Часть Запорожцевъ примирилась съ новымъ положеніемъ, часть же по Днѣпру бѣжала въ области Султана. Скоро разгорѣлась новая Турецкая война и русское правительство обратилось съ воззваніемъ къ бывшимъ Запорожскимъ казакамъ, разсѣявшимся по разнымъ городамъ и приписавшимся къ мирнымъ сословіямъ, приглашая ихъ образовать войско для борьбы съ Турками. Съ радостью отозвались Запорожцы на этотъ призывъ и скоро сформировали 12 тыс. войска, которое оказало не мало услугъ Россіи въ войнѣ съ Турціей. По окончаніи этой войны оно было осыпано царскими милостями и получило имя «вѣрнаго войска Черноморскаго». Императрица приказала отвести для него мѣста по нижнему теченію р. Кубани, гдѣ оно и было окончательно поселено въ 1792 году. Около 20 тысячъ семейныхъ и безсемейныхъ казаковъ прибыли на новое мѣстожительство. Къ нимъ стали скоро присоединяться малороссійскіе казаки изъ южной Россіи, изъ Полтавской и Черниговской губерній, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кубани были открыты на особыхъ правахъ убѣжища, гдѣ принимались бѣглые крѣпостные и даже преступники. Сюда же пришли и тѣ сѣчевики, которые прежде бѣжали въ Турцію. На степной полосѣ между Кубанью и Терекомъ появились поселенія Донскихъ казаковъ съ р. Хопра. Кавказская линія такимъ образомъ въ концѣ прошлаго вѣка раздвинулась, и для обезпеченія ея было устроено много новыхъ укрѣпленій: Моздокъ, Екатериноградъ, крѣпость Св. Креста (гдѣ теперь гор. Ставрополь) и нѣкоторыя другія. Горцы почувствовали грозившую имъ опасность и тогда впервые въ горахъ Кавказа раздалась проповѣдь Шейхъ-Мансура, призывавшая горцевъ къ священной войнѣ противъ Русскихъ, которыхъ онъ считалъ самыми опасными врагами для независимости горскихъ племенъ. Въ рукахъ Русскихъ находились въ то время и «ворота Кавказа», передъ которыми, словно вѣрный часовой на стражѣ, стояла крѣпость Владикавказъ. Началась ожесточенная Кавказская война и казаки нашли примѣненіе своей дѣятельности, кровью отвоевывая землю шагъ-за-шагомъ у горцевъ и грудью отстаивая разъ занятое. Русскіе рѣшились вытѣснить горцевъ въ самыя горы и разсыпали въ видѣ звѣньевъ по р. Тереку, Малкѣ и Кубани новый рядъ крѣпостей и казачьихъ поселеній; но линія этихъ звѣньевъ все еще была растянута. Массы пролитой крови и тяжкій опытъ убѣдили Русскихъ въ необходимости подвинуть эту линію ближе къ горамъ и сгустить ее новыми крѣпостями и поселеніями, чтобы облегчить себѣ наступательныя дѣйствія и сузить кругъ дѣятельности непріятелю. Оказалось, что однихъ казаковъ было слишкомъ недостаточно, чтобы удерживать длинную Кавказскую линію и охранять свои поселенія отъ смѣлаго врага; поэтому, періодически, начиная еще съ конца XVIII вѣка, присылали на Кавказскую линію регулярную пѣхоту и Донскіе казачьи полки. Со времени поселенія на Кавказѣ генерала Ермолова, колонизація сѣвернаго Кавказа и постройка новыхъ укрѣпленій принимаетъ особенно значительные размѣры. При немъ былъ построенъ редутъ Назрановскій (обезпечившій дорогу изъ Моздока во Владикавказъ), крѣпость Грозная (на Терекѣ), крѣпость Внезапная и др. Всѣ ка-

Казацкая женщина.

заки, занимавшіе своими кордонами и поселеніями операціонную линію, дѣлились на два Войска, сообразно своей народности и происхожденію. По р. Тереку и верхнему и среднему теченію р. Кубани было расположено *Линейное войско*, а по нижнему теченію р. Кубани и въ Приазовскомъ краѣ— *Черноморское.* Въ первомъ господствующій типъ былъ великорусскій, смѣшавшійся на востокѣ съ горскимъ, во второмъ — малороссійскій.

Между линейцами и черноморцами существовала существенная разница и въ характерѣ и въ образѣ жизни; простодушный черноморецъ-малороссъ не долюбливалъ москаля-линейца, а москаль, въ свою очередь, не прочь былъ при случаѣ подшутить надъ простоватымъ «хохломъ»-черноморцемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе казаки жили по станицамъ. Живя въ непріятельской странѣ и ежеминутно опасаясь нападенія со стороны горцевъ, линейные и черноморскіе казаки должны были находиться во всегдашней боевой готовности, вѣчно стоять на–сторо́жѣ, никогда не снимать съ себя оружія и укрѣплять свои поселенія. Станицы ихъ обносились обыкновенно канавой съ плетнемъ изъ терновника, а по угламъ устраивались земляныя баттареи. Въ воротахъ, ведущихъ въ станицу,

Казаки при стрѣльбѣ.

находилась высокая каланча или вышка, откуда можно было видѣть окрестности станицы и во́-время предупредить нечаянное нападеніе горцевъ. Между станицами, на открытыхъ, возвышенныхъ мѣстахъ устраивались посты, чтобы не дать возможности горцамъ пробраться незамѣченными въ линію русскихъ поселеній. На посту была высокая вышка, установленная на 4-хъ высокихъ бревнахъ и открытая во всѣ стороны; здѣсь же находилась и высокая жердь, обмотанная пенькою и залитая смолой или чѣмъ-либо другимъ, легко воспламеняющимся. Въ случаѣ опасности ночью жердь эту зажигали, днемъ же тревога возвѣщалась выкидываніемъ сигнальныхъ шаровъ. Въ станицѣ тревога возвѣщалась частымъ колокольнымъ звономъ въ церкви и сигнальными выстрѣлами. Церковь служила знаменемъ, вокругъ котораго собирались казаки, отстаивая свою станицу. Красота храма Божьяго — гордость для казака. Слѣпливая изъ глины свою хату или дѣлая ее изъ дерева и покрывая соломой или камышемъ, казакъ не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ на то, чтобы устроить церковь покрасивѣй, покрыть ее желѣзною крышей и обнести каменнымъ заборомъ. Церковная ограда иногда въ судьбѣ казака исполняла роль крѣпости, поэтому-то она и устраивалась съ амбразурами. Во время тревоги подъ кровъ церкви собирались старики, женщины и дѣти, сюда же сносилось въ виду сильной опасности все цѣнное. Съ возбужденнымъ вниманіемъ прислушивался казакъ всегда къ звону родной ему церкви и, заслышавъ частые удары, спѣшилъ захватить оружіе и бѣжать въ церковную ограду. Сюда же приносилось извѣстіе о мѣстѣ, угрожаемомъ врагами. Всѣ, кто могъ носить оружіе,

спѣшили отразить непріятеля; въ случаѣ же неудачи, медленно отступая, казаки загромождали улицы телегами, разной домашней рухлядью и изъ-за этихъ импровизированныхъ баррикадъ отстрѣливались отъ врага, дорого продавая непріятелю каждую пядь своей земли. Въ случаѣ окончательной и здѣсь неудачи, казаки бросались въ церковную ограду и подъ охраною церкви продолжали упорно отстрѣливаться, въ ожиданіи помощи отъ своихъ сосѣдей.

На правомъ флангѣ, по нижнему теченію р. Кубани, борьба съ горцами была менѣе кровопролитна, чѣмъ на лѣвомъ; поэтому станицы Черноморскаго войска носятъ нѣсколько иной характеръ. Въ то время какъ линейцы, опасаясь ежеминутнаго нападенія горцевъ, группировались въ станицы, чтобы сообща отражать врага, черноморцы любили селиться хуторами или отдѣльными поселками, и самыя станицы ихъ представляютъ ни что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ хуторовъ вмѣстѣ. Линейная станица болѣе или менѣе правильно и однообразно распланирована: въ центрѣ ея находится площадь съ церковью, а къ этой площади идутъ нѣсколько параллельныхъ улицъ съ переулками; въ черноморскихъ же станицахъ планировки почти никакой нѣтъ: всякій, повидимому, селился тамъ, гдѣ его душѣ было угодно. Зато дома черноморцевъ, любящихъ кейфъ, гораздо чище и лучше устроены, чѣмъ на Линіи.

Привыкши къ боевой жизни, казаки не любили заниматься хозяйствомъ и возлагали обязанность эту на своихъ женъ. Нужно удивляться той энергіи, съ какою казачка, отстаивая часто вмѣстѣ съ мужемъ свою станицу отъ враговъ, несла еще тяжелые труды по домашнему и полевому хозяйству. Безстрашная, сильная и работящая — она была вѣрнымъ союзникомъ мужа въ борьбѣ съ непріятелемъ, могла при случаѣ сѣсть на коня верхомъ и стрѣлять изъ ружья, и въ то же время, въ долгіе зимніе вечера, она приготовляла для мужа необходимое платье, а лѣтомъ жàла хлѣбъ. Въ прежнее время казаки должны были прослужить въ военной службѣ 25 лѣтъ и за это пользовались землею и разными льготами, не платя въ казну никакихъ податей. Годъ обыкновенно они состояли на дѣйствительной службѣ, а годъ — дома «на льготѣ» для занятія своимъ хозяйствомъ. Дѣйствительная служба ихъ состояла, какъ мы видѣли, въ томъ, что они обязаны были поставить отъ себя извѣстное количество войска и въ обыкновенное время содержали сторожевую линію кордоновъ и постовъ. Линейные казаки подражали въ образѣ веденія войны самимъ горцамъ, а черноморцы успѣли выработать особый типъ сторожевика-развѣдчика, пластуна, кочевавшаго и ползавшаго по болотамъ и непроходимымъ мѣстамъ для развѣдки положенія и замысловъ непріятеля. Но кончилась кровавая брань, казаки заняли мѣста, облитыя ихъ кровью, и что же оказалось? Роль казаковъ измѣнилась, военное устройство и управленіе ихъ стало анахронизмомъ, а потому въ 1871 году введено на сѣверномъ Кавказѣ гражданское устройство. Линейнаго и черноморскаго Войска ужь болѣе не существуетъ по имени, а сѣверный Кавказъ раздѣленъ на двѣ области — Кубанскую и Терскую и губернію Ставропольскую. Въ 1879 году земли, занятыя казачьими Войсками Терской и Кубанской области, назначены были въ надѣлъ станицамъ, разнымъ войсковымъ чинамъ и на разныя войсковыя надобности. По качеству, всѣ земли были раздѣлены на 5 категорій, причемъ одна десятина земли хорошаго достоинства равнялась приблизительно двумъ — слабаго. Сначала было предположено на каждую душу въ станицѣ по 30 десятинъ, но послѣ таксаціонныхъ изслѣдованій, раздѣливши землю по качеству на категоріи, отнесли къ первой 16 десятинъ, а къ 5-й—30 и рѣшили производить надѣлъ землею, смотря по ея качеству. Количество земли отпускалось на каждую станицу по числу записанныхъ въ ней душъ мужскаго пола казачьяго сословія, считая въ томъ числѣ и чиновниковъ, офицеровъ и генераловъ, а также и церковный причтъ казачьихъ селеній. Служащимъ оберъ-офицерамъ назначено по 200, штабъ-офицерамъ по 400, и генераламъ по 1,500 десятинъ (по 5-й категоріи); произведеннымъ въ эти чины при отставкѣ земли отведено было нѣсколько меньше; вдовы офицеровъ получали половинный надѣлъ, на церковный же причтъ отведено по 300 десятинъ. Земли, назначенныя для надѣла станичнаго округа (юрта), дѣлятся на равные по достоинству паи, и всякій житель

станицы войсковаго сословія, достигши 17-ти-лѣтняго возраста, получаетъ одинъ пай въ общихъ станичныхъ угодьяхъ. Станицы владѣютъ отведенными землями на правахъ общинъ, и потому отчужденіе земель станичнаго округа въ чью-либо частную собственность не допускается. Лицамъ не войсковаго сословія дозволяется пріобрѣтать недвижимую собственность на войсковой землѣ съ небольшою посаженною платою въ казну Войска (отъ $^{1}/_{2}$ до 3 коп.), причемъ земля, на которой находится чья-либо недвижимость, все-же считается собственностью войска. Чиновникамъ же и офицерамъ войсковаго сословія земли переданы въ полную, потомственную собственность, съ обязательствомъ вносить, сверхъ общихъ денежныхъ земскихъ повинностей, еще пошлину, въ размѣрѣ 3 коп. въ годъ, съ нормальнаго числа десятинъ, въ составъ пенсіоннаго капитала. Этимъ земельнымъ надѣломъ правительство замѣнило пенсію для чиновъ казачьяго вѣдомства, поступившихъ на службу до изданія положенія о надѣлѣ; для поступившихъ же послѣ него образованъ особый пенсіонный капиталъ. Получивъ землю, казаки невольно должны были приспособляться къ новому своему положенію. Инстинктивно чувствуютъ они, что пора казачества миновала, что наступило иное время мирнаго труда; но имъ жаль разстаться съ той привольной, хоть и полной опасностей жизнью, какую они вели нѣкогда, стоя на стражѣ своей земли противъ враговъ. Казакъ — романтикъ и любитъ уноситься мыслію въ славное прошлое, стараясь забыть о непригляднымъ настоящемъ. Въ Россіи распространено мнѣніе о богатствѣ казаковъ, но мнѣніе это неосновательно. Бросимъ бѣглый взглядъ съ этой стороны на положеніе бывшихъ Линейцевъ.

По стратегическимъ соображеніямъ, часто были занимаемы поселеніями такія мѣста по р. Тереку, гдѣ человѣкъ положительно не можетъ жить или по климатическимъ условіямъ, или вслѣдствіе недостатка земли. Въ Терскомъ войскѣ насчитывается 20 станицъ, въ которыхъ число умирающихъ значительно превышаетъ число рождающихся, и это не случайность, а безъ сомнѣнія, имѣетъ свои причины. Въ трехъ станицахъ: Николаевской, Михайловской и Подгорной убыль достигаетъ ежегодно до 3%, такъ что черезъ полвѣка этимъ станицамъ грозитъ полнѣйшее запустѣніе. Умираютъ преимущественно дѣти отъ дурнаго ухода, а также отъ убійственнаго лихорадочнаго климата. Безспорно, на процентъ смертности въ этихъ станицахъ вліяетъ и незавидное соціальное положеніе казаковъ, являющееся вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ. Всѣхъ казаковъ въ Терской области считается 133,643 человѣка, т. е приблизительно $^{1}/_{5}$ всего населенія области; земли же они занимаютъ 18,717 кв. верстъ, т. е. болѣе $^{1}/_{3}$ всей земли области. Какъ бы, повидимому, не быть богатымъ? Но по качеству земли, занимаемыя казаками, не могутъ быть названы особенно хорошими: ими заселены болотистыя мѣста по р. Тереку, отличающіяся убійственнымъ климатомъ, и степное пространство, простирающееся къ Ставропольской губерніи. Поспѣшность, съ которою производилось заселеніе станицъ и стратегическая цѣль ихъ имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что многія станицы страдаютъ малоземельностью, и имъ пришлось отвести землю часто за 100 верстъ отъ нихъ. По положенію, общій надѣлъ земли на душу — нормальный 30 десятинъ земли V-й категоріи, т. е. самой неудобной; въ Терскомъ же Войскѣ не достало земли для такого надѣла и число десятинъ понижено на 24. Въ болотистыхъ земляхъ по р. Тереку казаки должны были вступить въ борьбу съ природой: они то обводняютъ безплодные солончаки свои водою изъ Терека, прорывая канавы и напуская въ нихъ илистую воду, то, угрожаемые разливомъ Терека, устраиваютъ каналы и плотины, чтобы регулировать теченіе безпокойной рѣки. Съ этой бѣдой они всё еще справляются; но какъ бороться съ лихорадкой, тифомъ? Какъ отразить миріады насѣкомыхъ? Мѣстность, занимаемая ими, до того разнообразна въ климатическомъ и почвенномъ отношеніи, что то, что составляетъ жизненную необходимость для одной части, отзывается страшнымъ вредомъ для другой; тогда какъ одни молятъ Бога о дождѣ, другіе просятъ ясной погоды, и это на сравнительно небольшомъ разстояніи. Правда, казакъ не платитъ податей за землю, но онъ много времени посвящаетъ службѣ и долженъ самъ себя обмундировать, на свои средства долженъ имѣть боеваго коня, служитъ ли онъ или находится

па льготѣ. Нужда заставляетъ казака часто обращаться къ маклаку-Армянину или такому-же казаку изъ своихъ и за взятыя впередъ небольшія деньги платить лихвенные проценты натурою. Особенно такая зависимость казака отъ эксплуататоровъ-Армянъ тяжко отзывается на развитіи хлѣбопашества и винодѣлія. Разведеніемъ винограда занимаются казаки Кизляро-Гребенскаго округа и нѣкоторыя станицы Горско-Моздокскаго и Сунженскаго округовъ. Пріемы разведенія винограда у казаковъ, равно какъ и у кизлярскихъ Армянъ, и выдѣлка вина — первобытныя. Казаки не платятъ акциза съ производимаго ими вина, и только благодаря этой мѣрѣ еще и существуетъ винодѣліе въ казачьихъ станицахъ, а иначе оно давно прекратилось бы. Казаки не сортируютъ винограда, не знаютъ виноградныхъ прессовъ, а потому вино ихъ отличается низкимъ качествомъ и употребляется преимущественно для гонки спирта. Рыбная ловля также слабо развита между Терскими казаками, потому что право рыболовства въ устьяхъ Стараго и Новаго Терека сдано на аренду частному лицу, а арендаторъ не пропускаетъ съ моря въ Терекъ красной рыбы. Сѣнокосомъ они занимаются въ обширныхъ размѣрахъ, а лошади, столь необходимыя для казака, всё-таки въ цѣнѣ, и на полевыя работы казаки предпочитаютъ употреблять воловъ. Въ луговыхъ и степныхъ мѣстностяхъ трава выростаетъ и хлѣбъ зрѣетъ раньше, чѣмъ въ горныхъ, поэтому многіе изъ казаковъ пригорныхъ областей отправляются на сѣверъ и тамъ нанимаются косить и жать. Торговля и заводская промышленность слабо развита между казаками, потому что ни времени, ни охоты, ни средствъ у нихъ нѣтъ къ тому: казакъ охотнѣе подставитъ свою грудь подъ вражескую пулю и охотнѣе станетъ голодать, чѣмъ стоять за фабричнымъ колесомъ или лавочнымъ прилавкомъ; не въ его натурѣ сутяжничать и копить по копейкамъ. Прошлое казачества еще слишкомъ въ памяти у всѣхъ казаковъ, чтобы они рѣшились изъ воиновъ-джигитовъ и рыцарей обратиться въ «мужика» или солдата: и то и другое слово у казаковъ употребляется какъ бранное; а казачки и слышать не хотятъ, чтобы онѣ когда-либо были обращены въ «мужичекъ». Терпя дома часто нужду, казаки тѣмъ не менѣе большіе охотники пощеголять. Взгляните въ праздникъ на молодежь и вы не повѣрите, чтобы эти щеголи могли терпѣть какую-либо нужду, не подумаете, что многіе изъ нихъ мясо ѣдятъ только въ свѣтлые праздники, да и то не всегда, и что обыкновенное ихъ кушанье — квасъ, хлѣбъ и картофель или кукуруза. Казакъ готовъ отъ многаго отказаться, лишь бы только одѣться пощеголеватѣй. На головѣ у него курпейчатая папаха съ краснымъ или синимъ верхомъ, смотря по тому, къ какому войску онъ принадлежитъ: къ Кубанскому или Терскому. Красивая черкеска ловко обхватываетъ стройное тѣло казака, рельефно обрисовывая его талью, чему не мало способствуетъ поясъ, которымъ казаки любятъ «перетягиваться»; сбоку на поясѣ виситъ отвертка, а спереди — кинжалъ, отдѣланный серебромъ или какимъ-либо другимъ металломъ, на груди газыри, отдѣланные костью или серебромъ, красиво убраны «затычками» словно цвѣтами; а промежъ газырей, посрединѣ груди, выглядываетъ расшитый серебрянымъ галуномъ бешметъ. Черезъ плечо граціозно перекинута красивая тесемочка изъ серебрянаго галуна съ кисточкой позади. На ногахъ у щеголя чевяки и ногавицы; но въ послѣднее время большинство казаковъ стало носить сапоги. Служащій казакъ носитъ шашку и имѣетъ погоны съ обозначеніемъ N того полка, въ которомъ служитъ. Въ настоящее время бытъ казаковъ во многомъ измѣнился. Духъ времени и злоба дня проникли и въ глухія мѣста Кубанской и Терской области: вездѣ стала чувствоваться необходимость въ образованіи и казаки усердно принялись за открытіе школъ. Кубанское войско имѣетъ даже свою войсковую гимназію въ городѣ Екатеринодарѣ и содержитъ на свой счетъ много стипендіатовъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; станичныхъ школъ въ Кубанской области насчитывается 247 съ 11445 учащихся, въ томъ числѣ 1718 дѣвочекъ; а всего учебныхъ заведеній въ Войскѣ насчитывается 260 съ 12,650 учащихся, въ томъ числѣ дѣвочекъ 2265. Въ Терской области число станичныхъ школъ гораздо менѣе — 72 съ 3696 учащимися; сверхъ этого до 200 стипендіатовъ воспитываются въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Во Владикавказѣ есть

Г. Петровскъ на Каспійскомъ морѣ.

реальное училище, военная прогимназія, и открывается классическая прогимназія. Казакъ охотно идетъ учиться и не прочь никогда пріобрѣсть свѣдѣнія; но неприглядное матерьяльное положеніе часто заставляетъ мальчика-казака рано покидать школу, чтобы помогать своимъ роднымъ въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Учиться начинаютъ малолѣтніе казаки поздно, иные лѣтъ въ 13, 14, и достигши 17-лѣтняго возраста, признаются какъ-бы совершеннолѣтними и получаютъ свой пай изъ общественной земли. На нихъ лежитъ обязанность дежурить при станичныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Достигши 19 лѣтъ, всѣ малолѣтки казачьяго сословія призываются къ жеребью для поступленія на службу. Около $^1/_3$ призванныхъ находятся на дѣйствительной службѣ; остальные — на льготѣ. Срокъ службы въ настоящее время сокращенъ. Вступивши на службу, казакъ долженъ и въ настоящее время самъ себя снарядить. Семья его кое-какъ сколачивается, одѣваетъ его, покупаетъ ему коня. По прошествіи первыхъ пяти лѣтъ, самыхъ трудныхъ для казачьей семьи, потому что за это время она не только лишена рабочей силы въ лицѣ молодаго казака, но еще часто должна на свои средства содержать его, казакъ перечисляется въ первый льготный комплектъ. Тутъ ужь онъ живетъ дома, но обязанъ содержать въ готовности строевую лошадь и все военное снаряженіе. По воскресеньямъ начальство можетъ потребовать его всегда на смотръ, и бѣда ему, если онъ явится не въ исправномъ видѣ! Проходитъ еще 5 лѣтъ, и казакъ перечисляется во второй комплектъ льготныхъ. Теперь онъ можетъ продать свою лошадь, слѣдовательно жить ему становится легче. По прошествіи 15 лѣтъ, такимъ образомъ, казакъ перечисляется совсѣмъ на внутреннюю службу. На немъ лежатъ теперь разныя земскія повинности, устройство дорогъ, мостовъ, содержаніе станичныхъ управленій, церквей, школъ, содержаніе земской почты и т. д. Эти повинности платятъ и казаки неслужилаго сословія. — Таковы условія казачьей жизни на Кавказѣ. Неся различныя повинности, казаки зато имѣютъ свое станичное самоуправленіе. Завѣдываніе дѣлами станицы, выборы должностныхъ лицъ, принятіе мѣръ относительно общественнаго призрѣнія, распредѣленія земельныхъ участковъ и полное распоряженіе станичными суммами принадлежитъ *Станичному сходу*, который составляется изъ всѣхъ домохозяевъ станицы. Станичный сходъ избираетъ также изъ своей среды отъ 4 до 12 станичныхъ выборныхъ судей, которые въ составѣ 3-хъ рѣшаютъ станичныя тяжбы до 100 руб. Судъ производится словесный по жалобѣ потерпѣвшаго, по заявленію свидѣтелей или начальства станицы. Руководствуясь обычнымъ правомъ и здравымъ смысломъ, станичный судъ постановляетъ окончательное рѣшеніе, на которое не можетъ быть апелляціи. Административная и исполнительная власть въ станицѣ принадлежитъ *атаману станицы*, выбранному станичнымъ сходомъ. При немъ есть станичное правленіе, помощникъ атамана и станичный писарь. Для свѣдѣнія начальства ведется при станичномъ управленіи особая книга, куда записываются и рѣшенія суда и другія постановленія; она же имѣетъ значеніе и нотаріальной книги. Точно такое-же управленіе введено въ поселкахъ, слободкахъ и аулахъ; въ послѣднихъ — роль атамана принадлежитъ аульному старшинѣ; аульныя сходки и суды соотвѣтствуютъ станичнымъ. Дѣятельность станичнаго схода и атамана находятся подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ уѣзднаго или окружнаго начальника, который, въ свою очередь, подчиняется наказному атаману. При наказномъ атаманѣ находятся войсковой штабъ, завѣдывающій воинскою частью, и войсковое правленіе, управляющее войсковымъ имуществомъ. Въ прежнее время казаки представляли собою какъ-бы особую касту, и ни выйти изъ казачьяго сословія, ни вступить въ него постороннему нельзя было; въ настоящее время и доступъ, и выходъ изъ казачьяго сословія открытъ всякому.

Остальное пространство сѣверно-Кавказскихъ предгорій — подгорная часть Дагестана, рѣзко выдѣляется изъ ряда вышеописанныхъ мѣстностей въ этнографическомъ отношеніи. Тутъ нѣтъ такого постояннаго русскаго населенія, какимъ оказывается казачество въ Кубанской и Терской Областяхъ. Большинство Русскихъ — военные, затѣмъ массу населенія составляютъ туземцы.

Такъ какъ Кумыкская плоскость и предгорья Дагестана принадлежатъ къ числу удобнѣйшихъ

въ топографическомъ и естественномъ отношеніяхъ мѣстъ на Кавказѣ, то они издавна служили яблокомъ раздора между разными народностями. Оттѣсняемыя одна другою, каждая изъ этихъ народностей оставила здѣсь въ большемъ или меньшемъ количествѣ своихъ обитателей. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени образовалось довольно разнообразное въ этнографическомъ отношеніи населеніе.

Кумыки раньше другихъ кавказскихъ племенъ вступили въ сношеніе съ русскимъ правительствомъ и прежде другихъ утратили самобытныя черты въ своемъ общинно-экономическомъ строѣ. Уже въ 1700 г. русское правительство издало распоряженія, непосредственно касающіяся внутренней жизни этой народности. Съ этихъ поръ начинается постепенное обособленіе высшаго сословія Кумыковъ-князей въ особый владѣльческій классъ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Русскіе не имѣли понятія объ обычномъ правѣ Кумыкскаго народа и опираясь на русскую правительственную власть въ качествѣ служилаго сословія, — этотъ классъ постепенно завладѣлъ почти всѣми землями Кумыкскаго народа, разрушивъ такимъ образомъ общинно-земельные обычаи и порядки и введя институтъ частной собственности вмѣсто общиннаго землевладѣнія. Впослѣдствіи уже въ 1865 г. земли были при содѣйствіи русскаго начальства раздѣлены на двѣ равныя части между владѣльцами и народомъ. Тѣмъ не менѣе долгая путаница въ земельныхъ отношеніяхъ была причиною того, что Кумыки далеко не достигли той степени въ упроченіи своего экономическаго благосостоянія, какой могли бы достичь при другихъ условіяхъ. Не смотря на то, что на ихъ земляхъ сконцентрировались почти всѣ благопріятныя условія для хорошей постановки хозяйства, что почва здѣсь черноземная и плодородная, климатъ умѣренъ и настолько благопріятенъ, что позволяетъ произрастать не только хлѣбнымъ злакамъ, но и растеніямъ теплаго климата, а море даетъ возможность заниматься рыболовствомъ,— экономическое положеніе Кумыковъ находится далеко не въ завидномъ положеніи.

Изъ городовъ заслуживаютъ вниманія Темиръ-Ханъ-Шура, главный городъ Дагестанской области; Петровскъ и Дербентъ — оба Каспійскіе порты.

Таковы въ общихъ чертахъ подгорья сѣвернаго Кавказа. Незначительная плотность населенія, равняющаяся 11 душамъ на квад. версту въ Кубанской области и 10 д. въ Терской, требуетъ большаго притока сюда рабочихъ силъ, знаній и лучшей общественной организаціи. Казакъ — полувоинъ полумирный гражданинъ—служитъ здѣсь, въ одно и то же время, и двигателемъ экономической социальной жизни, и правительственнымъ агентомъ въ качествѣ военной силы, т. е. иначе — отвлекается отъ мирной, промышленно-сельско-хозяйственной дѣятельности. Прошедшее еще свѣжо слѣдами кровавой борьбы, еще далѣе за этимъ прошедшимъ, въ глубь сѣдой старины, скрылось не менѣе кровавое, но крайне богатое историческое прошлое, живые памятники котораго встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу; настоящее же едва начало свою жизнь. Это — только заря, предвѣстница утра, послѣ чего уже должно взойти настоящее солнце.

Новомарьинскій.

Гетнульдъ, снѣговая гора въ Сванетіи.

ОЧЕРКЪ IX.

ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Распространеніе Картлійскаго племени и вѣтви его. — Грузины, обращенные въ магометанство. — Горскіе народы грузинскаго происхожденія. — Наружный видъ Грузинъ и ихъ характеръ. — Лѣность и малопотребность. — Грузинская аристократія. — Въ гостяхъ въ Кахетіи. — Красота женщинъ. — Пиршество. — Тулумбашъ. — Тифлисъ. — Въ древней Колхидѣ. — Природа и люди этой страны въ настоящее время. — Жизнь Имеретинъ и Мингрельцевъ. — Въ Мингреліи и Гуріи. — Самые красивые люди. — Бѣглый взглядъ на ихъ исторію. — Кутаисъ. — Сваны, Хевзуры, Тушины и Пшавы. — Ихъ распространеніе. — Осетины. — Природа и нравы у Свановъ и Хевзуровъ. — Причины выселенія изъ низменностей въ горы. — Большое разнообразіе во внѣшнемъ типѣ. — Сцены изъ жизни Хевзуровъ. — Церковные праздники. — Хевзуръ подъ судомъ. — Верхній и нижній этажи въ Тіонетахъ.

.... Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня, —
Тогда хозяинъ благосклонно,
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

А. С. ПУШКИНЪ.

Большое Картлійское племя, гораздо болѣе извѣстное подъ общимъ названіемъ Грузинъ, въ настоящее время занимаетъ то же пространство, какое принадлежало ему съ незапамятныхъ временъ. Языкъ этого племени до сихъ поръ не нашелъ себѣ опредѣленнаго мѣста въ системѣ народныхъ нарѣчій, и потому о происхожденіи его между учеными не установилось еще вполнѣ яснаго представленія. Къ западу отъ Боржомскаго ущелья, по верхнему теченію Куры, въ области нѣкогда столь замѣчательной по раннему распространенію въ ней христіанства, въ началѣ XVII столѣтія, Турки огнемъ и мечемъ навязали живущимъ тамъ Грузинскимъ народамъ турецкій языкъ вмѣсто грузинскаго, а грузинскій костюмъ былъ замѣненъ турецко-татарскимъ. Вся Аджарія, недавно покоренная Русскими, населена Грузинами, которые приняли магометанскую религію и турецкіе обычаи. То же самое случилось съ грузинскимъ населеніемъ въ богатомъ Саатабаго.

Вѣтви Картлійскаго (Грузинскаго) племени — Имеретины, Мингрельцы и Гурійцы — отличаются прекрасно развитымъ тѣлосложеніемъ и занимаютъ весь бассейнъ Ріона и небольшой прибрежный округъ на юго-восточномъ углу Чернаго моря. Изъ нихъ Имеретины занимаютъ самую глубокую изъ трехъ продольныхъ долинъ Колхиды, и въ смѣшанномъ племени Свановъ грузинская кровь является преобладающимъ элементомъ. Сравнительно невысокій горный хребетъ, густо обросшій лѣсомъ и образующій водораздѣлъ между Курою и Ріономъ, такъ называемый Месхіевъ меридіональный отрогъ (Сурамскій), отдѣляетъ эти народности отъ главнаго племени на востокѣ. Тотъ же хребетъ обусловливаетъ чрезвычайно рѣзкое различіе въ климатическихъ особенностяхъ странъ, лежащихъ по тому и другому склону его. На западѣ — климатъ теплый, сырой, прибрежный, очень богатая растительность покрываетъ почву; на востокѣ — климатъ сухой, континентальный, и здѣсь обнаруживается рѣзкое вліяніе Армянской плоской возвышенности на югѣ и снѣговыхъ вершинъ Большаго Кавказа на сѣверѣ.

Грузины.

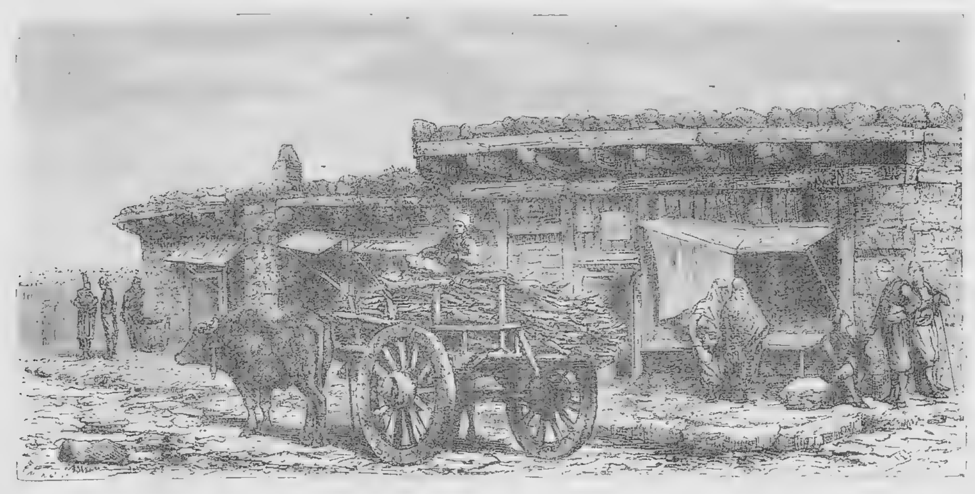
Типическая же часть Картлійскаго племени обитаетъ въ области верхняго теченія Куры, начиная отъ богатой Сурамской равнины внизъ, черезъ Гори, Тифлисъ и по рѣкѣ Алазани почти до сліянія ея съ Курою. Здѣсь въ богато надѣленной долинѣ Кахетинской Алазани, живетъ почтенное своею древностью грузинское дворянство, а у мѣста впаденія Арагвы въ Куру, которое имѣетъ важное стратегическое значеніе, находится мѣстечко Мцхетъ, древняя столица Картлійскихъ царей. Отъ этой главной полосы Картлійцы распространились къ сѣверу въ горы до Даріальскаго ущелья и до истоковъ Терека, гдѣ они встрѣтили чуждыхъ имъ Осетинъ. Далѣе къ востоку осколки Грузинской націи, смѣшанные съ другими элементами, скрывались въ высокихъ горахъ и, какъ храбрые христіане, составляли необходимый оплотъ противъ магометанскихъ Лезгинъ, которые неоднократно вторгались съ сѣвера въ благословенныя Картлійскія нивы. На югѣ сама природа рѣзко начертила границу распространенія народовъ: вся область центральной части, начиная отъ краевыхъ горъ Малаго Кавказа, и лежащая за ними плоская возвышенность, принадлежатъ Армянской націи.

По численности народы Картлійскаго племени распредѣляются приблизительно слѣдующимъ образомъ:

1) Грузины, 301,409 д. об. п.
2) Хевсуры, Пшавы, Тушины и Сваны приблизительно 30,000.
3) Имеретины 320,000.
4) Мингрельцы 170,000.
5 Гурійцы 52,500.

Грузины, т. е. собственно корень Картлійскаго племени, представляютъ сильную, вынос-

ливую породу людей. Они часто бываютъ весьма красивой наружности, исключительно брюнеты. Массѣ народа свойственна нѣкоторая неуклюжесть и неповоротливость. Уже болѣе десяти лѣтъ крестьянинъ свободенъ, оковы крѣпостнаго права, тѣснившія его въ продолженіе столѣтій, теперь разбиты энергическими и гуманными мѣрами правительства; но эти мѣры остались почти безъ всякихъ слѣдовъ и вліянія на его развитіе. Онъ до того привыкъ находиться въ зависимости, у него такъ мало потребностей, такъ онъ умственно лѣнивъ, что еще не успѣлъ ужиться въ новомъ совершенно измѣненномъ общественномъ положеніи и не съумѣлъ до сихъ поръ воспользоваться его выгодами. Ни въ одной области его хозяйственной жизни незамѣтно слѣда какого-нибудь успѣха. Неуклюжія сельско-хозяйственныя орудія, также какъ и двуколесная повозка его, такъ называемая арба, запряженная буйволами, принадлежатъ къ допотопному періоду. Если исключить оружіе, служащее украшеніемъ для мужчинъ, и плоскія подковы для

Сельскій бытъ Грузинъ.

лошадей и быковъ, то въ грузинскомъ хозяйствѣ найдется очень мало утвари изъ желѣза. Безъ всякаго сомнѣнія, предметы роскоши и украшенія изъ благородныхъ металловъ у всей націи представляютъ собою капиталъ, превосходящій быть можетъ отъ 50 до 100 разъ цѣнность употребляемаго въ дѣло желѣза. Набожный и по природѣ своей до извѣстной степени мягкій и покорный, Грузинъ подчиняется не однимъ только догмамъ своей церкви; его подавляетъ чрезвычайно многосторонне развитое суевѣріе. Лѣнивая природа его кажется усыплена, но не лишена способностей. Самая благодѣтельная реформа не въ состояніи сразу уничтожить все зло, которое пустило корни въ продолженіе столѣтій. Въ этомъ случаѣ, только школа можетъ помочь и оказать благодѣтельное вліяніе. Какъ сынъ юга, Грузинъ, подобно всѣмъ жителямъ южныхъ странъ, имѣетъ отвращеніе къ работѣ, особенно же въ болѣе низменныхъ частяхъ страны, гдѣ богатая роскошная природа, безъ всякаго почти труда со стороны человѣка, надѣляетъ его всѣмъ необходимымъ. Когда на кукурузномъ полѣ, гдѣ также растутъ любимые овощи—бобы и тыква, выросло достаточное количество колосьевъ, когда стадо свиней откормилось безъ всякаго за нимъ ухода въ каштановыхъ, буковыхъ и дубовыхъ рощахъ, когда закопанные гдѣ-нибудь на дворѣ или въ саду глиняные кувшины (квевры) наполнены виномъ и въ кисетѣ еще остается необходимый запасъ табаку,—то Грузинъ вполнѣ доволенъ и совершенно беззаботно ожидаетъ наступленія зимы, которая въ большинствѣ случаевъ здѣсь бываетъ умѣренная и мягкая. Тамъ, гдѣ природа ему не благопріятствуетъ, онъ, подобно пресмыкающемуся, зимою залѣзаетъ въ свое подземное жилище и живетъ здѣсь вмѣстѣ съ бычками и свиньями въ такой ужасающей атмосферѣ, которую трудно описать. Совершенно иначе сло-

жилась жизнь грузинской аристократіи: она вошла во вкусъ европейскихъ обычаевъ и до нѣкоторой степени стала даже жертвою своей страсти къ западно-европейской роскоши. Одаренный рыцарскими чувствами, беззаботный до легкомыслія, надѣленный добродушіемъ и при всемъ томъ тщательно соблюдающій преданія старинныхъ обычаевъ, грузинскій дворянинъ вообще неохотно стѣсняетъ себя предѣлами разумнаго годоваго бюджета, — и въ этомъ отношеніи онъ прямо противоположенъ ближайшему своему сосѣду—Армянину. Если читатель желаетъ послѣдовать за мною въ благословенную Кахетію, то онъ во-очію убѣдится, что здѣсь еще по настоящее время происходятъ гомерическія пиршества. Это недалеко отъ Тифлиса. Невольно удивляетъ здѣсь то радушіе, съ которымъ встрѣчаютъ совершенно незнакомаго человѣка. Вѣжливость обращенія отличается большою простотою и сердечностью. Быть можетъ, комната, въ которой васъ принимаютъ, оставляетъ желать многаго въ отношеніи комфорта, но этотъ недостатокъ обильно возвращается радушно-изысканнымъ пріемомъ. Два слова о хозяйкѣ дома. Въ ней, какъ и во всякой женщинѣ на земномъ шарѣ, замѣчается немного кокетства. Всѣ женщины знаютъ свое могущество въ этомъ отношеніи и кокетничаютъ съ нами даже втихомолку, какъ бы сами того не сознавая. Положимъ, что мы въ домѣ какого-нибудь князя средней руки. Тавсакрави, головной уборъ хозяйки, въ видѣ широкой повязки, съ красивымъ рубиномъ въ срединѣ на самомъ лбу, чрезвычайно идетъ къ ея бѣлому овальному лицу съ пріятнымъ выраженіемъ. Короткая бѣлая вуаль падаетъ ей на затылокъ. Красивые глаза выглядываютъ немного безжизненно, а надъ ними дугообразно изгибается пара черныхъ бровей, такихъ правильныхъ и интенсивныхъ, что природа исключительно словно на нихъ потратила все свое искусство и заботливость. Внутренніе края этихъ дугъ, составляющихъ предметъ весьма старательныхъ попеченій ихъ обладательницы, нерѣдко сталкиваются у самаго основанія носа; явленіе это почитается особенно красивымъ на востокѣ, но намъ, пришельцамъ съ запада, оно не совсѣмъ нравится. Густые волосы всегда составляютъ украшеніе женщины, но при чрезмѣрномъ ихъ изобиліи утрачивается нѣжность женской природы. Ко всему нужно этому прибавить еще голосъ, звучащій глубокимъ контръ-альто. Всѣ недостатки, замѣчаемые въ умственной жизни у Грузинъ, произошли отъ упущеній въ ихъ образованіи и воспитаніи; природа же щедро снабдила ихъ всѣми необходимыми дарованіями.

Типы Грузинокъ.

Въ долинѣ Алазани наступаетъ вечеръ. Лѣса Кахетіи свѣтятся въ пурпуровомъ отблескѣ заходящаго солнца. Душная атмосфера тяжело ложится на нивы. Вершины исполинскихъ орѣшниковъ погружены въ торжественное спокойствіе. Одна звѣздочка уже блеснула на небосклонѣ. Вся поверхность земли вдали покрывается таинственнымъ мракомъ. За виноградниками, которымъ Вакхъ неоднократно оказывалъ свое покровительство, у холмика растетъ группа орѣховыхъ деревьевъ—вѣрныхъ свидѣтелей добрыхъ нравовъ предковъ, въ продолженіе долгихъ столѣтій. Тамъ въ честь гостя даютъ пиршество по старинному грузинскому обычаю. Здѣсь умѣнье пить будетъ подвергнуто испытанію въ самомъ отечествѣ винограда, и ни одинъ смертный, даже отъявленный кутила на студенческихъ пирахъ, не въ состояніи помѣриться съ хорошимъ грузинскимъ тулумбашемъ. Это—первообразъ веселаго кутилы; остроуміе и юморъ составляютъ необходимыя его качества. За каждаго изъ присутствующихъ въ отдѣльности онъ обязанъ произносить тосты, каждому онъ долженъ сказать что-нибудь пріятное. Онъ является распорядителемъ на пиршествѣ, и ему предоставлено право наказывать непокорныхъ. По исполненіе

Праздникъ шахъ Гуссейну (Чуксей-Ваксей).

наказаній онъ предоставляетъ Вакху, который всегда бываетъ милостивъ. Общество наконецъ въ сборѣ, и все происходитъ просто, безъ всякихъ стѣсненій. Мужчины украшаютъ себя богатымъ оружіемъ, въ поясахъ у нихъ пистолеты и кинжалы. У женщинъ изъ-подъ бѣлыхъ вуалей тавсакрави выдаются темные локоны. Кругомъ оживленная болтовня. Прислуга занята приготовленіемъ ужина. Если гость важная особа, то для него не пожалѣютъ зарѣзать корову, овцу и другую живность, кончая нѣжнымъ цыпленкомъ. Кругомъ разведены костры, отъ которыхъ яркое пламя высоко поднимается, живописно разливая свѣтъ на деревья и людей. Жара необходимо должна быть адская, чтобы изжарить цѣлаго быка на вертелѣ. Этотъ древній обычай здѣсь до сихъ поръ въ ходу. Случается, что въ животъ быка напихаютъ болѣе мелкихъ животныхъ,— теленка, овцу, индеекъ, гусей, утокъ, цыплятъ,— и все это гигантское жаркое жарится на угольяхъ. Снаружи оно обугливается толстымъ слоемъ, но зато внутри такое изобиліе сока, что съ нимъ не можетъ сравниться лучшій ростбифъ туманнаго Альбіона. Къ столу подаются всевозможныя травы: крессъ, мята, рѣдька и не для всѣхъ пріятная клоповница, эстрагонъ, лукъ и чеснокъ. Положимъ, что хозяинъ не очень заразился европейскими нравами и живетъ по-старинному; въ садъ не приносятъ ни стульевъ, ни столовъ, ни ножей, ни вилокъ, ни тарелокъ, а просто разстилаютъ коверъ на травѣ, и все общество располагается кругомъ. Каждому даютъ тонко раскатанный пшеничный хлѣбъ, только-что вынутый изъ подземной очень сильно раскаленной печи. Такой хлѣбъ замѣняетъ тарелки, и на него кладутъ пищу. Холодное состоитъ изъ весьма вкусной форели, которую ловятъ въ ближайшемъ горномъ ручейкѣ, или изъ менѣе цѣнной храмули; ихъ отвариваютъ въ чрезвычайно соленой водѣ. Высокія пастбища на сосѣднихъ горахъ доставляютъ иногда довольно вкусный овечій сыръ и въ лѣсахъ Кахетіи собираются настоящіе каштаны. Тулумбашъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Вмѣсто европейскихъ стакановъ служатъ такъ называемые «кули». Это деревянные вздутые сосуды преимущественно изъ орѣховаго наплыва съ узкою трубкою, часто въ богатой серебряной оправѣ. Тяжелая серебряная ложка, азарпешъ, полученная княгинею въ приданое въ день свадьбы, идетъ въ круговую. Это древній фамильный предметъ, на которомъ вырѣзаны различныя изображенія; изъ него также пьютъ вино. Разговорчивый тулумбашъ выказалъ свое остроуміе, онъ громко заканчиваетъ рѣчь свою словами Алла-верды (Богъ далъ) и прикладываетъ къ устамъ громадный рогъ, эту первобытную форму всякихъ сосудовъ для питья. Для этого употребляютъ рогъ тура, въ богатой серебряной оправѣ; въ немъ содержится отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 бутылокъ. «За здоровье нашего друга, пришедшаго къ намъ издалека, онъ хорошій человѣкъ, онъ насъ полюбилъ, за его здоровіе, Алла-верды!» И въ отвѣтъ ему слышится: «іакши іолъ!» (да будетъ ему это впрокъ — добраго пути). Затѣмъ все тихо. Изъ горла тулумбаша только вылетаютъ клокочущіе гортанные звуки во время глотанія винограднаго сока. Безъ перерыва, почти залпомъ, онъ опоражниваетъ все содержимое. Всѣ должны выпить до дна свои стаканы, а кто не можетъ или не захочетъ этого сдѣлать, тому вино выливается на голову. Несмотря на такіе нравы, надо однако удивляться, что между Грузинами вовсе не бываетъ пьяницъ, въ обыкновенномъ смыслѣ. Винно-сизое лицо и толстое брюхо часто встрѣчаются между ними, но вы рѣдко увидите совершенно пьянаго Грузина.

Типы Грузинокъ.

Уже поздно. Надъ лѣсами Кахетіи высоко поднялась луна и душная лѣтняя ночь

покрываетъ всю землю. Огни погасли. Много пѣсенъ было пропѣто подъ звуки даирэ или чангуры (родъ гитары), и маленькая ножка княгини неоднократно носилась по мягкой травѣ въ національной лезгинкѣ, въ то время какъ присутствующіе подъ тактъ хлопали въ ладоши. Пиръ окончился. Если только Кахетинскій Вакхъ не свалилъ васъ съ ногъ, вы невольно замечтаетесь о «дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой», куда невольно заносится возбужденное воображеніе. Въ Европѣ не осталось уже и слѣдовъ чего-либо подобнаго.

Остановимся теперь на Тифлисѣ — крупнѣйшемъ изъ Кавказскихъ городовъ, центрѣ административнаго управленія краемъ. Тифлисъ (Тбилиси) относится въ настоящее время къ числу лучшихъ и обширнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи и сдѣлалъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій значительные успѣхи въ своемъ развитіи. Городъ былъ основанъ Сассанидами около половины пятаго столѣтія. Въ то время голыя обожженныя солн-

Сцена изъ грузинской жизни.

цемъ высоты по обѣ стороны Куры еще были покрыты высокимъ лѣсомъ, который, по разсказамъ, достигалъ особенно значительныхъ размѣровъ у горячихъ ключей, питающихъ знаменитыя бани. Тринадцать столѣтій лѣса подвергались систематическому истребленію и, наконецъ, ихъ совершенно уничтожили на двадцать верстъ въ окружности; только къ сѣверу отъ Тифлиса крутые склоны Сагурамскаго хребта еще покрыты довольно хорошимъ буковымъ лѣсомъ и къ западу, на Тріалетскихъ высотахъ, далѣе урочища Коджоры, растительность, благодаря нѣкоторой заботливости о сохраненіи ея, въ послѣднее время начинаетъ замѣтно поправляться. Послѣ основателей города, около 574 года, на престолъ вступила династія Багратидовъ; кратковременное правленіе ихъ имѣло весьма благотворное вліяніе. Въ началѣ VII столѣтія, Персы снова покорили страну, а послѣ нихъ наступила продолжительная эпоха арабскаго владычества, вплоть до конца X столѣтія, которое нѣсколько разъ, на короткіе промежутки времени, прерывалось вторженіемъ Хазаровъ съ сѣвера. Въ 1038 году Багратъ IV покорилъ столицу Грузинскихъ царей. Въ послѣдній періодъ вре-

мени до прославленной царицы Тамары, при Баграте IV, Давиде III и Дмитріе I, Сельджуки и Персы завладѣли городомъ. Наконецъ, въ царствованіе Тамары вся Грузія и столица ея наслаждались спокойствіемъ; къ этому же времени относится начало вліянія Россіи, когда Тамара вступила въ первый бракъ съ сыномъ Андрея Боголюбскаго. Но послѣ смерти могущественной и мудрой царицы наступило время ужасовъ. Война, возникшая въ 1226 г., въ царствованіе прекрасной,но развратной царицы Русуданы, отвергшей руку Хорозанскаго султана, превзошла жестокостью всѣ предшествовавшія войны. Наступившее затѣмъ владычество Монголовъ, до XV столѣтія, особенно прославилось жестокостями, совершенными Тимуромъ. Послѣ этого, господство снова перешло въ руки Персовъ. Въ 1658 году, со смертію дѣятельнаго и разумнаго царя Ростома, родъ Картлійскихъ Багратидовъ угасъ и на престолъ вступилъ домъ Багратидовъ Мухранскихъ. Всѣ послѣдующіе владѣ-

Грузинское угощенье.

тели Грузіи, до Вахтанга VI (1722), приняли магометанскую религію и гораздо болѣе заботились объ интересахъ Персіи, чѣмъ о благѣ своихъ христіанскихъ подданныхъ. Когда Вахтангъ публично принялъ христіанскую религію, Константинъ, сынъ Кахетинскаго царя, фанатическій приверженецъ магометанства, испросилъ и получилъ отъ шаха разрѣшеніе наказать его. Сперва Константинъ былъ разбитъ, но потомъ, при помощи Лезгинъ, онъ занялъ Тифлисъ и предалъ городъ совершенному разграбленію. Вахтангъ бѣжалъ, нашелъ покровительство у Петра Великаго и переселился въ Россію; Грузія же и ея столица, вмѣстѣ съ Кахетіею,на 12 лѣтъ подпали подъ владсть Турокъ, до 1735, когда Надиръ-шахъ, послѣ блистательной побѣды при Ганджѣ, вновь завоевалъ эти страны. Управленіе страною перешло въ руки Теймураза. Сынъ и преемникъ его, Ираклій II, вступившій на престолъ въ 1762 г., притѣсняемый внутренними врагами, нападеніями Лезгинъ и также Турками, обращался за покровительствомъ къ Россіи. Въ ноябрѣ 1783 г., по приказанію Императрицы Екатерины, русскія войска въ первый разъ вступили въ столицу Грузіи. Но въ 1787 г. уже потребовалось ихъ возвращеніе, и Персія

вскорѣ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы вновь завоевать прежнія свои владѣнія въ Грузіи. Въ сентябрѣ 1795 г. шахъ Ага-Магометъ появился въ Тифлисѣ и разрушилъ городъ до основанія. И на этотъ разъ дѣло не ограничилось однимъ грабежомъ; фанатическіе магометане необузданно безчинствовали и совершали ужасающія жестокости. Тогда, для защиты Грузіи отъ окончательной погибели, Россія снова прислала свои войска. Но вскорѣ послѣ смерти Ираклія II (1798) и преемника его Георгія XII, умершаго 22 декабря 1800 г., былъ обнародованъ манифестъ Императора Павла, отъ 18 января 1801 г., о присоединеніи Грузіи къ Россійской Имперіи.

Нынѣшній Тифлисъ, съ пестрымъ своимъ населеніемъ въ 105,000 душъ, принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ и даже очень красивыхъ городовъ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что городъ этотъ съ незапамятныхъ временъ имѣлъ весьма важное значеніе

Тифлисъ. — Ботаническій садъ.

для всего Кавказа, а со времени укрѣпленія русскаго владычества, на него въ особенности падаетъ роль первенствующей столицы во всей восточной части передней Азіи. Отсюда развивается и далеко распространяется сѣть военной и гражданской администраціи; сюда съ востока идутъ караваны, обращающіе городъ въ торговый центръ, транзитный путь ведетъ черезъ Тифлисъ и Джульфи въ Персію. Здѣсь европейская культура достигла довольно значительной степени развитія. Первые разсадники европейской культуры попадаются и далеко на юго-востокѣ, въ Индустанѣ, въ колоніяхъ Англичанъ и Французовъ: между Курою и Гангомъ, на всемъ протяженіи отъ Тифлиса до Пондишери и Калькутты, весьма скудно разсѣяны центры распространенія европейскихъ обычаевъ, нравовъ и цивилизаціи. Далеко выдвинутая таможня на границѣ Персіи, въ Джульфи, еще напоминаетъ намъ о Европѣ, и въ салонахъ Тегеранскаго посольства можно встрѣтить комфортъ и проявленія умственной жизни образованнаго Запада. Но потомъ мы надолго должны распроститься со всѣмъ этимъ,

чтобы вновь найти слѣды европейской жизни далеко за перевалами Гинду-Куша и Солимапскаго хребта.

Большимъ успѣхомъ матеріальнаго и умственнаго развитія, которыя мы замѣчаемъ за послѣднія 20 лѣтъ, городъ обязанъ управленію бывшаго Намѣстника Кавказскаго, Е. И. В. Великаго князя Михаила Николаевича. Когда въ прежнія времена бывшій правитель края, князь Воронцовъ, приглашалъ всѣхъ отъ великаго до малаго въ свой старинный дворецъ, выстроенный во времена Ермолова, съ фасадомъ изъ типическихъ толстыхъ колоннъ, то нерѣдко бывало, что одѣтые во фракахъ кавалеры принуждены были прибѣгать къ помощи какого-нибудь широкоплечаго имеретинскаго муши, который переносилъ ихъ на спинѣ черезъ улицу; фаэтоновъ тогда еще не было, и пѣшеходы вязли въ глубокой грязи. Фактъ этотъ весьма характеристиченъ. Конечно, и нынѣ мостовыя и чистота города, вообще, оставляютъ еще желать многаго; нѣтъ, какъ напримѣръ, водопроводовъ и газоваго освѣщенія, хотя и для этихъ отраслей городскаго хозяйства существуютъ частные предприниматели, ведущіе это дѣло въ довольно большихъ размѣрахъ и не безъ хорошихъ барышей. Несмотря однако на эти недостатки, Тифлисъ вообще имѣетъ видъ большаго города, съ европейскимъ типомъ на одной половинѣ и совершенно азіатскимъ характеромъ — на другой. Хотя обѣ эти части непосредственно соприкасаются, но между ними существуютъ рѣзкія различія. Умственная жизнь, имѣющая также свои недостатки, въ послѣднее время однако сдѣлала большіе успѣхи. Число учебныхъ заведеній, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, значительно увеличилось. Весною 1876 года было 66 образовательныхъ заведеній, изъ нихъ 36 для мальчиковъ, 20 для дѣвочекъ и 10 для дѣтей обоего пола. На средства правительства существуютъ двѣ классическія гимназіи, реальное училище, женская гимназія, институтъ благородныхъ дѣвицъ, заведеніе св. Нины, гимназія и юнкерское училище. До сихъ поръ городъ мало занимался школьнымъ вопросомъ, но въ скоромъ времени обстоятельства принудятъ его къ этому; всѣ учебныя заведенія переполнены; наплывъ учащихся громадный и стремленіе учиться весьма часто остается неудовлетвореннымъ. Во время управленія краемъ княземъ Воронцовымъ, была основана Публичная Библіотека, главная цѣль которой заключается въ сосредоточеніи всего изъ литературы, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ Кавказу. Въ послѣднее время она получила значительное приращеніе вслѣдствіе передачи въ нее библіотеки князя Меньшикова, и теперь она содержитъ болѣе 30,000 томовъ съ подробными печатными каталогами. По инициативѣ министра народнаго просвѣщенія, барона А. П. Николаи, въ 1867 г. былъ основанъ Кавказскій музей, который помѣщается въ большомъ красивомъ зданіи, напротивъ дворца Намѣстника. Этотъ мѣстный музей, по своей обширности и въ отношеніи изящества въ расположеніи предметовъ, не имѣетъ себѣ подобнаго въ Россіи. Къ этому учрежденію въ послѣднее время присоединились общества любителей Кавказской археологіи и естествознанія. Большое число различныхъ обществъ, частью научнаго характера, частью преслѣдующія благотворительныя и другія цѣли, существуютъ теперь въ Тифлисѣ; нѣкоторыя изъ нихъ представляются неудавшимися, другія живутъ и процвѣтаютъ. Зато театръ и его исторія представляютъ мало утѣшительнаго. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, русская драматическая сцена и итальянская опера находились на высотѣ, которую можно было сравнивать съ уровнемъ столичныхъ театровъ. Нынѣ какъ та, такъ и другая прекратили свое существованіе, но зато процвѣтаютъ армянская и грузинская сцены на собственныя средства. Армянскій репертуаръ нерѣдко опирается на классическія англійскія и нѣмецкія произведенія. «Гамлетъ» и «Натанъ мудрый»

Уличные музыканты въ Тифлисѣ.

существуютъ въ армянской литературѣ въ отличныхъ переводахъ и превосходно удаются на тифлисской сценѣ. Грузинскіе актеры чрезвычайно вѣрно представляютъ сцены изъ жизни своей собственной націи. Такъ, напр., въ честь 5-го съѣзда археологовъ въ Тифлисѣ, на подмосткахъ театра были даны сцены изъ народной жизни Грузинъ и обычные въ странѣ танцы со всѣми варіантами и выполнены съ мастерскимъ совершенствомъ. Недавно также, подъ руководствомъ даровитаго художника Зичи, былъ представленъ рядъ прекрасныхъ живыхъ картинъ изъ «Барсовой Кожи», народнаго грузинскаго эпоса XII-го столѣтія. Человѣкъ безпристрастный конечно долженъ радоваться процвѣтанію армянскаго и грузинскаго театра, литературы и поэзіи, но въ то же время нельзя не сожалѣть о совершенномъ вытѣсненіи здѣсь русскаго искусства. Необходимо замѣтить еще, что въ туземцахъ вообще развито пониманіе музыки. Конечно, въ этомъ случаѣ зурна, извѣстная скорѣе своею дурною славою, не можетъ служить доказательствомъ музыкальнаго вкуса; напротивъ, въ обществѣ здѣсь весьма усердно занимаются классическою и обыкновенною музыкою, и довольно значительные музыкальные таланты вовсе не составляютъ рѣдкости. Когда пріѣхалъ сюда первый музыкальный педагогъ, г. Эпштейнъ изъ Лейпцигской консерваторіи, въ Тифлисѣ было не болѣе полдюжины фортепіано; теперь число этихъ инструментовъ необходимо считать сотнями и, какъ утверждаютъ, доходитъ до двухъ тысячъ; а между учителями музыки существуетъ большая конкурренція.

Угольщикъ въ Тифлисѣ.

Въ продолженіе послѣднихъ 18 лѣтъ населеніе Тифлиса увеличилось на одну треть и благосостояніе значительно возвысилось. Богатство по преимуществу находится въ рукахъ Армянъ, которые исключительно держатъ всю торговлю страны въ своихъ рукахъ. Европейская часть города годъ отъ году расширяется къ сѣверу. Отъ садовъ Салалакскихъ, о которыхъ съ такимъ восторгомъ повѣствуютъ намъ поэты, не осталось никакихъ слѣдовъ, а на ихъ мѣстѣ воздвигнуты 3-4 —этажные дома, которые могли бы сдѣлать честь парижскимъ бульварамъ. Расширеніе города къ сѣверу, особенно вдоль лѣваго берега Куры, обусловлено топографіею мѣста. Тифлисъ лежитъ въ котловинѣ, образуемой на западѣ фронтовыми склонами Тріалетскихъ отроговъ (Коджорскія высоты), а на востокѣ послѣдними вѣтвями водораздѣла Іоры и Арагвы. Отъ Коджорскихъ высотъ отдѣляется въ видѣ выступа крутое ребро Салалакскаго хребта; на полуденномъ склонѣ его находится мирное взлелѣянное мѣстечко — Ботаническій садъ, а на узкомъ хребтѣ красуются развалины древней стѣны съ ея башнями, служившими прежде для обороны отъ нападеній Персіянъ и Турокъ. Сѣверная часть города — Куки, лежащая на лѣвомъ берегу Куры, съ проведеніемъ Поти-Тифлисской желѣзной дороги, пріобрѣла завидную будущность, которая безъ сомнѣнія обнаружится самымъ блестящимъ образомъ по окончаніи Бакинской желѣзной дороги. Простирающаяся тамъ равнина обширна и не ставитъ границъ разрастанію города. Она очень суха, пока на ней не будетъ проведена вода, и должна выдерживать первый напоръ порывистыхъ сѣверныхъ вѣтровъ; но такого рода неудобства не останавливаютъ человѣка въ стремленіи къ пріобрѣтеніямъ. Вообще климатъ столицы Грузіи здоровый, континентальный. Хотя эти вѣтры усиливаются иногда до степени ураагановъ и считаются главнымъ недостаткомъ Тифлисскаго климата, но они также выносятъ міазмы изъ этого узкаго глубокаго ущелья, и тѣмъ самымъ способствуютъ улучшенію санитарныхъ условій города. Продолжительные холода зимою бываютъ

только въ исключительныхъ случаяхъ; иногда наблюдалось понижение температуры на 13,5° Р. морозы въ 6 — 7° Р. принадлежатъ здѣсь зимою къ числу обыкновенныхъ явленій. Въ противоположность этому, лѣтняя температура достигаетъ + 31,2° Р. тѣмъ не менѣе въ августѣ, принадлежащемъ къ числу наиболѣе теплыхъ мѣсяцевъ въ году, средняя температура не превышаетъ 20,8° Р. При возвышеніи на 1,340 ф. надъ уровнемъ моря, средняя годовая температура Тифлиса по многолѣтнимъ наблюденіямъ исчислена въ 10,14° Р. Изъ произведенныхъ въ продолженіе 18 лѣтъ наблюденій опредѣлена также средняя мѣра ежегодныхъ дождевыхъ осадковъ въ 490 м. м; кромѣ того обнаружено спеціальными наблюденіями, что лѣтніе мѣсяцы принадлежатъ къ числу наиболѣе влажныхъ. Но, къ сожалѣнію, сопровождаемые грозою сильные дожди въ жаркое время приносятъ очень мало пользы и недостаточны для поддержанія роскошной растительности: они появляются слишкомъ внезапно ихъ раздѣляютъ очень большіе промежутки времени, и вода, падая на раскаленную почву съ крутыми склонами, быстро стекаетъ. Поэтому культура вокругъ и въ самомъ Тифлисѣ нуждается въ искусственномъ орошеніи и приближается къ характеру жаркаго пояса.

Продавецъ фруктовъ въ Тифлисѣ.

Теперь — бросимъ бѣглый взглядъ на столицу Грузинскихъ царей. Выше было уже сказано, что о красотѣ Тифлиса, вообще, можно говорить только относительно. Пустынныя окрестныя скалы, поблеклая, бурая, сѣро-желтая окраска ихъ, отсутствіе на нихъ декоративныхъ группъ растеній и кустарниковъ,—все это придаетъ ландшафту видъ скуднаго однообразія. Только весною и осенью картина измѣняется, и тогда глазъ не можетъ оторваться отъ созерцанія восхитительной панорамы; но для этого необходимо избрать надлежащую точку зрѣнія. Эта послѣдняя находится высоко на гребнѣ узкаго ребра Салалакскихъ горъ, который тянется на южной окраинѣ города. Тамъ наверху, у начала древней городской стѣны, гдѣ находятся верхнія ворота ботаническаго сада, мы должны избрать мѣсто, откуда открывается намъ обширный кругозоръ съ восхитительною панорамою. Непосредственно передъ нами, у подножія крутыхъ склоновъ изъ кристаллическихъ породъ сланца, разстилается новая правильно построенная часть города, Салалаки, а къ востоку къ ней примыкаетъ древняя часть города съ многочисленными церквами. Здѣсь все тѣсно взгромождено другъ на друга; тамъ, напротивъ, длинныя и широкія улицы тянутся параллельно и окаймлены громадными зданіями; мѣстами виднѣются сады, въ числѣ коихъ особенно выгодное впечатлѣніе производятъ, какъ большія массы зелени, дворцовый садъ и Александровскій паркъ. Въ старой части города совсѣмъ нѣтъ зелени; низкіе домики съ плоскими земляными крышами; изобиліе кривыхъ и глухихъ переулковъ; все здѣсь тѣсно, бѣдно, своеобразно; среди смѣси взгроможденныхъ другъ на друга домовъ возвышаются коническіе заостренные кверху куполы церквей, а потомъ опять идутъ сплошныя крыши каравансараевъ. Вездѣ жизнь,— въ переулкахъ и на небольшихъ базарныхъ площадяхъ кишитъ народъ. Кое-гдѣ изъ этого хаоса отсвѣчиваетъ узкая зеркальная полоса Куры. Рѣка словно протискивается дугою черезъ эту часть города. Высокій лѣвый берегъ ея круто спускается въ воду. На немъ лежитъ старая крѣпость и далѣе къ ней примыкаютъ постройки Авлабарской части города, которая заканчивается далеко выдвинувшимися зданіями лазарета въ Навтлугѣ. Быстро пробѣжавъ новую часть города вдоль Головинскаго проспекта, глазъ нашъ переходитъ на лѣвый берегъ Куры. У самаго подножія Авлабарскихъ высотъ начинается узкая прибрежная полоса, образующая части

города: Пески, Чукбуреты и Куки. Первая лежитъ такъ низко, что Кура, во время высокой воды часто заливаетъ ее. Здѣсь много легкихъ построекъ, въ особенности много дровяныхъ складовъ, здѣсь ловятъ рыбу сакамп или крюками, служащими для поимки сомовъ. Красивый длинный мостъ соединяетъ оба берега Куры; въ концѣ его на восточномъ берегу находится прекрасный памятникъ Воронцову, котораго населеніе Тифлиса во вѣки не забудетъ; его благія идеи до сего времени приносятъ не мало хорошихъ плодовъ. Затѣмъ мы снова находится въ Европѣ. Прямо вдоль Куры тянутся 4 параллельныя улицы; передняя изъ нихъ, богато обсаженная тополями, именуется Михайловскимъ проспектомъ; нѣкогда по обѣ стороны ея находились скромныя хижины віюртембергскихъ колонистовъ, составлявшихъ нѣмецкую колонію, основанную въ 1819 г. и вошедшую внутрь черты города во время князя Барятинскаго. Отъ скромныхъ построекъ колонистовъ уцѣлѣли весьма немногія, но зато сады, нѣкогда разведенные ими, процвѣтаютъ до сего времени. Теперь проспектъ этотъ украшенъ весьма красивыми домами въ родѣ виллъ, отступающихъ нѣсколько назадъ, въ темную зелень садовъ. На этой же улицѣ находится городская больница и множество увеселительныхъ мѣстъ на разные вкусы. Крайности какъ извѣстно нерѣдко соприкасаются. Въ больничной часовнѣ усопшіе покоятся вѣчнымъ сномъ, а черезъ улицу, въ саду «Эльдорадо», танцуютъ отъявленный канканъ, правда безъ парижскаго шика, но весьма низкаго сорта. Тутъ же находится клубъ для степенныхъ гражданъ и французскій балъ-маскарадъ, далѣе опять клубъ, — и все это съ темными аллеями и плохимъ освѣщеніемъ. Въ жаркіе лѣтніе вечера, все, что принуждено оставаться въ Тифлисѣ, стремится въ прежнюю колонію, чтобы подышать воздухомъ. Близость воды и присутствіе зелени дѣлаютъ пребываніе здѣсь пріятнымъ, въ развлеченіяхъ же недостатка не бываетъ.

Послѣ этого отступленія, я вновь возвращаюсь къ избранному нами пункту, у воротъ ботаническаго сада. Глазъ нашъ успѣлъ уже ознакомиться съ мѣстностью. Между тѣмъ повечерѣло. Послѣдніе лучи заходящаго солнца ложатся на городъ и покрываютъ своимъ золотисто-зеленымъ отливомъ горныя высоты къ востоку отъ Куки, гдѣ находятся обширныя зданія арсенала. Еще свѣтятся кресты на церквахъ, еще жизнь въ старой части города не угасла. Восточный человѣкъ уже окончилъ свою дневную работу и рано предается покою. Солнце уже скрылось за Коджорскими высотами. Сумерки покрываютъ городъ и мѣстами уже зажигаются огни. Въ это время, на далекомъ горизонтѣ, къ сѣверу, ледники Казбека покрываются пурпуровымъ отливомъ; сосѣднія высоты также въ послѣдній разъ загораются слабымъ свѣтомъ, передъ ними горы Арагвы окрасились въ густой фіолетовый колоритъ; еще ближе лѣсистыя предгорья и гордый Сагурамскій хребетъ рѣзко очерчиваютъ средній фонъ ландшафта. Вершина Казбека все еще свѣтится; но вдругъ онъ блѣднѣетъ, его какъ будто обдаетъ холодомъ, теперь онъ едва видимъ, и, наконецъ, онъ совсѣмъ погружается въ ночной мракъ. Но въ котловинѣ передъ нами великолѣпная иллюминація: тысячи огней, расположенныхъ амфитеатромъ по всему городу, производятъ необыкновенно оригинальное и пріятное впечатлѣніе.

Черезъ ворота мы вступаемъ въ ботаническій садъ, лежащій на южномъ склонѣ узкаго Салалакскаго хребта. Занимаемое имъ пространство не велико; на одной пятой только части его производятся научные опыты культуры растеній, тогда какъ все остальное пространство служитъ любимымъ мѣстомъ развлеченія; по крутость склоновъ къ югу, при совершенной защитѣ съ сѣвера, придаетъ растительности здѣсь необыкновенно своеобразный отпечатокъ. За время нашего посѣщенія (въ серединѣ апрѣля) въ нижней части сада, вблизи резервуара для воды, исполинскій орѣшникъ уже бросаетъ густую тѣнь и цвѣтущая Glucine ползетъ по стволамъ кипарисовъ, которые служатъ ей опорою, тогда какъ на крутыхъ террасахъ Ailanthus и Celtis съ твердою древесиною еще ведутъ борьбу за свое существованіе. Ниже на площадкѣ разводятся отличныя породы розъ преимущественно ремонтанты. Здѣсь любитель еще въ началѣ декабря можетъ насладиться видомъ роскошнаго

цвѣтка «Princesse Woronzow» или «Souvenir de Malmaison». Мѣсто это, въ хорошее время года, по вечерамъ, сильно оживляется; востокъ и западъ встрѣчаются здѣсь для мирныхъ удовольствій. Когда по темному ущелью разливается спокойный и холодный свѣтъ полнолунія, тысячи разъ отражаясь отъ темной гладкой поверхности листьевъ вѣчно зеленыхъ кустарниковъ, тогда здѣсь раздается зурна и хлопаніе въ ладоши для лезгинки. Въ національномъ костюмѣ своемъ танцуетъ грузинская красавица; спереди на тассакрави у нея блеститъ драгоцѣнный камень и изъ-подъ короткой вуали (лечаки) ея высвобождаются въ изобиліи черные волосы. Въ ней нѣтъ ничего ни экзальтированнаго, ни страстнаго. Но эта грація, едва замѣтное движеніе этихъ маленькихъ ножекъ, этотъ стыдливый взглядъ, это нѣжное заискиваніе со стороны мужчины и гордое избѣганіе со стороны женщины—вотъ что составляетъ все могущество и соблазнительную прелесть кавказскаго національнаго танца. Недалеко отъ этой поэзіи мы наталкиваемся на прозаическій пикникъ европейцевъ, на который каждый изъ участвующихъ приноситъ свое хорошее расположеніе духа, много сладкихъ пирожковъ и сверхъ того еще изрядную долю городскихъ сплетень.

Изъ ботаническаго сада черезъ нижнія ворота мы вступаемъ въ самую оригинальную часть города. Передъ нами направо находятся теплыя бани, всѣ съ куполообразными надстройками, снабженными отверстіями для воздуха и свѣта. Горячіе источники суть даръ природы и составляютъ большое благодѣяніе для города. Здѣсь вы можете основательно изучить восточный способъ умываться въ банѣ со всѣми его манипуляціями и даже насладиться всѣмъ этимъ. Европейцу не всегда нравятся различныя вытягиванія членовъ, сжиманіе и довольно энергическіе толчки. Но все это при ловкомъ и не слишкомъ рѣзкомъ выполненіи благотворно дѣйствуетъ на организмъ.

На востокѣ ремесленникъ не скрываетъ своего искусства. Здѣсь, какъ и вездѣ, все происходитъ на улицѣ. Лавки во множествѣ тѣснятся другъ около друга; тутъ пекарня, гдѣ производится совсѣмъ тонкій персидскій хлѣбъ въ формѣ овальныхъ закругленныхъ большихъ блиновъ (ловащъ), которые пекарь въ сыромъ видѣ прилѣпляетъ къ раскаленнымъ стѣнкамъ закопаннаго въ землю глинянаго чана, вынимая ихъ оттуда по мѣрѣ того, какъ они успѣютъ поджариться; рядомъ — персидская кухня, гдѣ пловъ окрашенный шафраномъ въ желтый цвѣтъ, съ изюмомъ на первомъ планѣ; далѣе москательныя, фруктовыя, зеленыя и мясныя лавки. Все это представляетъ вѣчно измѣняющуюся, чрезвычайно оживленную пеструю картину. Тутъ вы видите цѣлыми рядами мастерскія сапожниковъ, портныхъ, оружейныхъ и серебряныхъ дѣлъ, скорняковъ, мѣдняковъ и мѣдноплавильныхъ. Въ другомъ мѣстѣ лавки сѣдельниковъ, гончарнаго производства, войлочныхъ товаровъ, изъ коихъ особаго вниманія заслуживаютъ черныя осетинскія и тушинскія бурки. Затѣмъ рядъ винныхъ подваловъ, гдѣ вино сохраняется въ толстыхъ бурдюкахъ изъ кожи буйволовъ и гдѣ его пробуютъ закусывая осетинскимъ бараньимъ сыромъ и ѣдкимъ крессомъ. Вы находитесь на какой-то странной весьма разнообразной и оживленной выставкѣ. Тутъ же вамъ попадаются превосходные типы востока отъ всевозможныхъ народностей и сословій: имеретинскихъ носителей тяжестей (муша) съ весьма выразительными чертами; персидскаго торговца мелочами, нагруженнаго съ ногъ до головы малоцѣнными товарами; арбу, запряженную буйволами и покрытую сверху пестрыми коврами, изъ-подъ коихъ выглядываютъ жена и дѣти, лежащія на мягкихъ подушкахъ (мутакахъ). Неуклюжая повозка медленно подвигается впередъ, всюду встрѣчая сопротивленіе въ толпѣ; Персіянинъ разноситъ чай въ кругломъ шарообразномъ самоварѣ, снабженномъ для удобства дужкою; въ поясѣ на животѣ у него 10 стакановъ, въ которые онъ его разливаетъ. Евреи также барышничаютъ; хотя черты лица ихъ сходны съ армянскими, но боковые локоны на вискахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно ихъ происхожденія. Куртинки въ красныхъ костюмахъ и очень широкихъ шароварахъ закупаютъ матеріи, прежде чѣмъ

отправиться обратно въ свои высокія горы. Угольщикъ, весь черный, гонитъ навьюченныхъ ословъ своихъ сквозь толпу, а тамъ водовозъ съ нагруженною тулухомъ (мѣхомъ для воды) лошадью едва пролагаетъ себѣ путь черезъ узкую и полную народомъ улицу. Всюду живописныя сцены, всюду, особенно утромъ до 11 час., дѣятельная подвижная жизнь; на улицахъ и базарахъ много шуму. Продавцы Армяне крикливо восхваляютъ свой товаръ и при этомъ буквально приходятъ въ экстазъ; магометане, напротивъ, сохраняютъ полнѣйшее спокойствіе. Лучше всего это можно замѣтить въ обширныхъ восточныхъ каравансараяхъ. Тамъ все тихо, прохладно и довольно темно. Рядъ лавокъ и сводовъ наполненъ произведеніями востока: тутъ вы найдете прекрасные ковры, бумажные и шелковые товары, пряности, китайскіе консервы съ инбиремъ и пр; но старый краснобородый торговецъ держитъ себя съ достоинствомъ и никогда не превозноситъ своихъ сокровищъ передъ покупате-

Арба въ Мингреліи.

лемъ. Болѣе всего шуму бываетъ въ мѣстахъ, гдѣ продаются жизненные припасы. Какая громадная пропасть раздѣляетъ эти рынки отъ парижскихъ и брюссельскихъ базаровъ! Это какая-то пестрая смѣсь безпорядочно разбросанныхъ припасовъ; всюду нечистота и даже грязь. О сортировкѣ товаровъ и о разстановкѣ ихъ со вкусомъ никому и въ голову не приходитъ. Рядомъ со свѣжею лососиною изъ Арагвы лежитъ соленая бѣлуга весьма сомнительнаго качества и запаха; мясныя лавки возбуждаютъ отвращеніе; овощи отличаются совершеннымъ отсутствіемъ искусственной культуры. Чеснокъ и лукъ особенно любимы здѣсь и своимъ острымъ запахомъ наполняютъ весь базаръ. Вездѣ непроходимая грубость, такъ что заботливой хозяйкѣ, желающей избѣгнуть воровства со стороны повара, едва ли можно посовѣтовать самой отправиться для закупки провизіи. Несмотря однако на все это, базары на востокѣ представляютъ наиболѣе интересный и живописный элементъ города.

На разстояніи одной версты отъ этого «*оригинальнаго востока*», находится «настоящая Европа». Первый живетъ утромъ и ложится спать вмѣстѣ съ солнцемъ, послѣдняя утромъ спитъ и бодрствуетъ ночью. По широкой каменной лѣстницѣ мы поднимаемся въ «*Кружокъ*»; это клубъ, который много лѣтъ уже процвѣтаетъ и отлично содержится, гдѣ чинов-

ный людъ ищетъ и находитъ себѣ отдыхъ и развлеченіе. Увидѣвъ это учрежденіе въ первый разъ, вы будете поражены самымъ пріятнымъ образомъ. Обществу случайно удалось нанять этотъ персидскій замокъ, на постройку котораго богатый рыбный откупщикъ изъ Сальянъ истратилъ все свое состояніе въ 350,000 р. Великолѣпное зданіе почти было окончено, когда хозяинъ его умеръ. Нѣсколько лѣтъ оно простояло пустымъ, пока наконецъ общество «*Тифлисскаго кружка*» не начало его подъ свое помѣщеніе, совершивъ этимъ весьма выгодную сдѣлку. Обширные покои эти производятъ при первомъ посѣщеніи волшебное впечатлѣніе. Зеркальныя фацетки на изваянныхъ потолкахъ просто восхитительны и не поддаются описанію. Здѣсь, въ этомъ зданіи персидской архитектуры и съ восточною орнаментаціею, европейскій духъ нашелъ себѣ весьма уютное жилище. Здѣсь посѣтитель найдетъ 60 журналовъ и газетъ всѣхъ странъ; сюда же стремится юношество по четвергамъ, когда съ 9 час. вечера съ высокой галлереи танцовальнаго зала раздается музыка военнаго оркестра. Не одно сердечко бьется сильнѣе обыкновеннаго, когда маленькія ножки съ стремительною быстротою увлекаютъ его по гладкому паркету.

Высоко на горѣ св. Давида, на крутомъ спускѣ нависъ монастырь того же имени. Его выстроила благочестивая вѣра въ теченіе весьма многихъ лѣтъ. Кто принесетъ сюда камень для постройки — такъ гласитъ преданіе — тотъ найдетъ исполненіе своихъ любимыхъ желаній. Здѣсь съ 1829 г. покоятся останки Грибоѣдова. И съ этой тихой могилы до ушей веселаго кружка иногда доходятъ знакомые звуки:

«Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно»....

Мингрельцы.

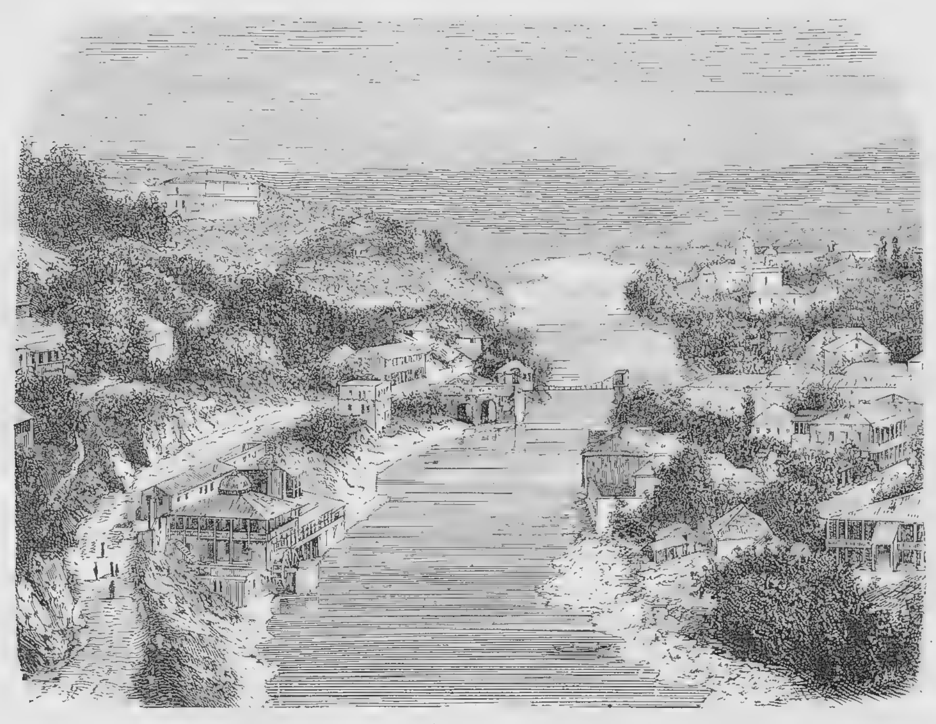
Бросимъ бѣглый взглядъ на западъ. Мы вступаемъ по ту сторону Сурамскаго перевала, въ область Ріона, на классическую почву древней Колхиды. Здѣсь живутъ ближайшіе родственники Грузинъ — Имеретины, Мингрельцы и Гурійцы. Природа и люди, — все здѣсь очаровательно и заманчиво. На горахъ здѣсь еще не успѣли исчезнуть великолѣпные лиственные лѣса, а низменныя мѣста покрыты чрезвычайно роскошною растительностью, которая въ отдѣльныхъ формахъ своихъ достигаетъ гигантскихъ размѣровъ. Подъ защитою исполинскихъ птерокаріевъ и дубовъ, вдоль ручейковъ растутъ лавро-вишни, стволы которыхъ достигаютъ толщины человѣческаго бедра и болѣе. Въ другихъ мѣстахъ процвѣтаютъ сплошными группами рододендроны, многочисленные лилово-красные большіе цвѣты которыхъ раскрываются еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Эта альпійская роза Колхиды представляетъ намъ удивительное растеніе. Ближайшій ея родственникъ Rhododendro nferrugineum, встрѣчается въ Швейцаріи, но этотъ именно видъ попадается только на крайнихъ пунктахъ Средиземнаго моря, въ Испаніи и бассейнѣ Ріона. На опушкѣ лѣсовъ и на лугахъ, покрытыхъ низкимъ кустарникомъ, гдѣ солнце имѣетъ свободный доступъ, еще въ февралѣ мѣсяцѣ расцвѣтаетъ понтійская-азалія съ густыми, желтыми, чрезвычайно пахучими цвѣтами. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ почва состоитъ изъ юры или мѣловыхъ слоевъ, она густо покрыта кустами Buxus, который въ европейскихъ садахъ встрѣчается какъ украшеніе, здѣсь же скорѣе имѣетъ видъ цѣлаго дерева отъ 25 до 30 фут. вышины. Въ тѣни высокаго лѣса растетъ падубъ (Ilex) съ темно-зеленою листвою и вмѣстѣ съ папоротниками сплошь покрываетъ почву. Человѣкъ живетъ здѣсь внѣ тишины лѣсовъ на равнинахъ и предгоріяхъ въ громадномъ естественномъ саду, который взлелѣянъ не образовательною рукою его, а самою природою. Кру-

гомъ домовъ стоятъ рѣденькія группы стволовъ Dyospyros, ольхи и дикихъ плодовыхъ деревьевъ. Деревянные дома, настроенные въ этомъ саду, изъ каштановаго дерева, легко поддающагося разработкѣ, стоятъ отдѣльно другъ отъ друга. Деревни въ собственномъ смыслѣ, съ расположенными въ рядъ постройками, встрѣчаются только въ мѣстахъ, гдѣ происходитъ малоприбыльная торговля и промышленность для удовлетворенія скромныхъ ежедневныхъ потребностей населенія. Тутъ работаютъ мѣдники, ножевщики и сѣдельники, дѣлаются подковы и гвозди къ нимъ; по восточному обычаю, купецъ-Армянинъ торгуетъ въ совершенно открытой на улицу лавкѣ московскими матеріями и выставляетъ напоказъ всякую мелочь, пряности и дешевые предметы украшенія, которыми старается привлечь покупателей. Домъ всегда почти стоитъ уединенно; бревна не плотно сложены, такъ что воздухъ имѣетъ всюду свободный доступъ; стекла часто вовсе не вставляются въ назначенныя для этого оконныя отверстія. Широкій балконъ окружаетъ весь почти домъ, обыкновенно крытый дранью или же кукурузною соломой. Если иногда на бревнахъ потолка и встрѣчается рѣзьба, то это не мѣстная работа, а сдѣланная турецкимъ мастеромъ. Во время продолжительнаго лѣта такія постройки вполнѣ соотвѣтствуютъ назначенію, онѣ имѣютъ даже нѣкоторыя преимущества передъ болѣе плотными въ томъ отношеніи, что въ нихъ свободно происходитъ прохладное теченіе воздуха. Но зимою очень холодно и чтобы сколько-нибудь сносно прожить здѣсь, необходимо постоянно поддерживать огонь. По каждому стволу дерева около домовъ ползетъ виноградная лоза; она здѣсь никогда не обрѣзывается и растетъ вверхъ съ замѣчательною быстротою, карабкаясь на вершину своей опоры, откуда она свѣшивается внизъ. На этомъ дикомъ виноградѣ много кистей съ маленькими ягодками, не дѣлающія чести Вакху, потому что виноградъ не облагороженъ заботливою рукою человѣка. Напитокъ, который получается изъ этихъ ягодъ, напоминаетъ собою скорѣе уксусъ, чѣмъ вино. Кто виноватъ, что въ этомъ краѣ, столь щедро надѣленномъ природою, европеецъ находитъ для себя столь мало привлекательнаго? Кто виноватъ, что эти естественные сады остались безъ всякой культуры и не обратились въ настоящіе сады? Единственнымъ виновникомъ является человѣкъ. Не менѣе красивый по наружности и сложенію, чѣмъ окружающая его природа, онъ ведетъ самую безпритязательную жизнь, какую только можно вообразить себѣ. Поле около жилища, засѣянное итальянскимъ просомъ, замѣняющимъ рожь, здѣсь даетъ урожай самъ-60—70. Ежедневный обѣдъ состоитъ изъ густо сваренной просяной каши (гоми). Каждый изъ участвующихъ въ скромной трапезѣ получаетъ большую порцію, которую при помощи деревянной лопатки кладутъ прямо на столъ и затѣмъ ѣдятъ ее пальцами. Иногда встрѣчается за столомъ свинья, жаренная на вертелѣ или вареная; свиньи живутъ здѣсь въ полудикомъ почти состояніи, безъ всякаго со стороны человѣка ухода; это животное почти совершенно выродилось здѣсь въ теченіе вѣковъ и обратилось въ слабаго тщедушнаго карлика свиной породы.

Чѣмъ глубже мы спускаемся въ страну, тѣмъ красивѣе, граціознѣе, интелигентнѣе становится населеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается его расположеніе къ лѣни и природныя его дарованія находятъ себѣ самое недостойное примѣненіе. Извѣстно, что Мингрелія доставляетъ самыхъ ловкихъ воровъ, отъявленныхъ мошенниковъ и самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. По мѣрѣ поднятія вверхъ по долинѣ Ріона, Имеретинъ становится болѣе способнымъ къ работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ красота его лица и всего сложенія. Предположеніе, будто самая красивая порода людей живетъ по юговосточному прибрежью Чернаго моря, заключаетъ въ себѣ значительную долю правды, и быть можетъ, на этомъ основано названіе «Кавказская раса», избранное Блюменбахомъ для жителей Европы. Жители нижней Колхиды отличаются большою силою, стройнымъ ростомъ и гибкимъ тѣломъ съ выразительными красивыми чертами лица. Густые, черные, какъ смоль, волосы, совершенно матовые, безъ всякаго блеска, слегка вьются и значительно выдаются по краямъ головы. Обитатели этой страны отличаются такими особенностями въ ростѣ волосъ, какихъ мы не замѣчаемъ у другой

какой-нибудь націи. Но такія физіономіи можно здѣсь видѣть только въ прибрежной области, гдѣ преобладаютъ смуглыя лица и черные волосы. Въ Имеретіи уже чаще попадаются голубые глаза и бѣлокурые волосы, въ Мингреліи и Гуріи они гораздо рѣже. Въ прежнее время, когда личная свобода не охранялась съ такою строгостью, какъ теперь, Колхида доставляла не малое число красивыхъ женщинъ для турецкихъ сералей. Не далѣе, какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, бывали случаи похищенія прекрасныхъ Гурiекъ, которыхъ уводили черезъ Аджарію. Но для того, чтобы убѣдиться въ красотѣ женщинъ Колхиды, нѣтъ надобности забираться на невольничьи рынки. По субботамъ и воскреснымъ днямъ, до полудня, на базарѣ въ Зугдидахъ, прежней столицѣ Дадiановъ, владѣтельныхъ князей Мингреліи, можно видѣть множество красивыхъ Мингрелокъ. Существуетъ предположеніе, по которому происхожденіе Колхидскаго населенія приводится въ связь съ Египтянами, Финикіянами и даже Индусами. По грузинскимъ источникамъ народъ здѣсь происходитъ отъ Ѳогармы, слѣдовательно —прямо отъ Ноя. Этого конечно никто не въ состояніи будетъ доказать доподлинно. Достовѣрно однако, что населеніе Колхидской низменности еще въ тѣ времена стояло на довольно высокой степени культуры, такъ что его нравы рѣзко отличались отъ суровыхъ и грубыхъ нравовъ жителей на сѣверномъ берегу Понта Кимеріанъ, и задолго еще до вторженія греческихъ выходцевъ оно пользовалось довольно правильнымъ общественнымъ устройствомъ. Въ вѣка послѣдующіе, старая Колхида не наслаждалась болѣе такимъ спокойствіемъ и счастіемъ, какъ въ эти золотыя миѳическія времена. Наслѣдники царя Аэта, съ именемъ котораго связаны первыя историческія свѣдѣнія, потеряли всякую власть надъ достояніемъ своихъ предковъ. Страна ихъ стала переходить изъ однѣхъ чужихъ рукъ въ другія. Перемѣнные успѣхи въ войнѣ Грековъ или Персовъ рѣшали ея участь. Попытки возстановить прежнюю независимость подъ скипетромъ туземнаго властелина были большею частію слабы и непродолжительны. Процвѣтаніе юго-восточнаго угла Чернаго моря, зависѣвшее отъ Милетскихъ торговыхъ колоній, было непродолжительно. Въ продолженіе послѣднихъ пяти вѣковъ до Р. Х. власть восточныхъ повелителей распространяется и на Колхиду. Древніе Колхидцы сражались подъ начальствомъ Ксеркса, и теперь еще встрѣчаются остатки памятниковъ, свидѣтельствующіе о веденныхъ здѣсь войнахъ Александромъ Македонскимъ. Юго-восточный уголъ Чернаго моря подпадалъ также господству Понтiйскихъ и Босфорскихъ царей, которые подчиняли себѣ и земли Ріонскаго бассейна. Когда съ паденіемъ Митридата успѣхъ оружія на Востокѣ склонился окончательно въ пользу Римлянъ, то и Колхидскія страны перешли во владѣніе послѣднихъ. Съ Рождествомъ Христовымъ наступаетъ и для нихъ новая эпоха. Христіанство, проникнее чрезъ апостола Андрея и Симона Кананита въ Абхазію и Колхиду, и борьба его съ ученіемъ Зороастра наполняютъ пробѣлъ въ исторіи древней Колхиды въ первыя пять столѣтій по Р. Х. Изъ этого періода времени почти ничего не извѣстно о Колхидѣ. Дюбуа-де-Монпере полагаетъ, согласно съ грузинскими лѣтописями, что бассейнъ Ріона тогда уже составлялъ часть Грузинскаго царства; однако, по соображеніи этого мнѣнія съ другими свѣдѣніями того времени, оно кажется довольно сомнительнымъ. Съ 456 г. по Р. Х. возникали между Римлянами и Персами войны религіозно-политическаго характера, продолжающіяся многіе годы въ Колхидѣ, извѣстной тогда подъ названіемъ Лазіи. Народъ Лазiйскій находился въ самомъ отчаянномъ положеніи до 562 г. Обманываемый обѣими партіями, онъ искалъ защиты попеременно то у Римлянъ, возмутительно его притѣснявшихъ, то подъ игомъ фанатиковъ Персовъ, подвергавшихъ его еще большимъ преслѣдованіямъ. Заключенный въ это время миръ между Юстиніаномъ и Хосроемъ оставилъ Лазію во владѣніи Римлянъ. Здѣсь снова является въ исторіи Колхиды пробѣлъ въ нѣсколько вѣковъ, представляющій весьма мало положительныхъ данныхъ. Въ это время подъ верховнымъ владычествомъ Грековъ страна эта, соединенная съ Абхазіею, управлялась царями, подъ покровительствомъ которыхъ начались снова въ ней процвѣ-

тать миръ, науки и искусства. Лишь по прошествіи одного столѣтія со времени утвержденія на престолѣ Грузіи династіи Багратидовъ (787), въ началѣ X вѣка, Колхида и Абхазія присоединились къ Грузіи. Къ концу XII вѣка государство вступило на высшую ступень своего процвѣтанія: царица Тамара поставила его на высоту, какой оно съ тѣхъ поръ никогда не достигало. Все пространство, отъ Требизонда до Тавриды и отъ устьевъ Фазиса до ледниковъ главной цѣпи, принадлежало ей и она съ большимъ искусствомъ и рѣдкимъ счастьемъ умѣла увеличивать и укрѣплять за собою доставшіяся ей владѣнія. Слѣды христіанства, сохранившіеся на южныхъ склонахъ главной цѣпи и не рѣдко у самыхъ ледниковъ, приписываются времени ея царствованія, а пѣсни, воспѣвающія ея славу, мнѣ удавалось слышать въ самыхъ высоко-лежащихъ обществахъ Вольной Сванетіи. Послѣ этой достославной эпохи подъ управленіемъ царицы Тамары, дальнѣйшая исторія Грузіи, по выраженію Дюбуа, представляетъ

Кутаисъ.

«длинный рядъ междоусобій, революцій, кровавыхъ столкновеній и гибельныхъ нашествій». Мы видимъ дважды царство раздѣленнымъ. Въ половинѣ XIII столѣтія принадлежавшія Грузіи земли на западъ отъ Месхійскаго хребта отдѣлились отъ нея. Въ царствованіе внука Тамары, Давида Нарина (1247), провинціи Ріонскаго бассейна присоединились вмѣстѣ съ Абхазіею къ царству Имеретинскому. Въ 1330 г. при Георгіѣ VI, онѣ снова возвратились къ державѣ Грузинской и ужь послѣ неоднократныхъ вторженій Тимура, предававшаго все огню и мечу, удалось наконецъ Александру I, въ началѣ XV вѣка, своимъ мудрымъ правленіемъ возстановить миръ и ослабѣвшія силы этой страны. Благодаря несчастной идеѣ этого царя раздѣлить государство между тремя сыновьями, настали новыя междоусобія. Колхидскія провинціи снова переходятъ къ Имеретіи. Съ непродолжительнымъ царствованіемъ Вахтанга, старшаго сына Александра I (1442), начался для этого государства почти 400-лѣтній періодъ самыхъ печальныхъ событій. Съ 1810 годомъ онъ прекращается. Могущество Россіи не только положило предѣлъ гибельному вліянію Персіи и Турціи на Арменію и Грузію, но

и прекратило безчисленныя усобицы владѣтельныхъ князей. «Въ теченіе 368 лѣтъ, говоритъ Дюбуа, смѣнились на престолѣ (Имеретинскомъ) 30 царей: семь погибли насильственною смертью, трое ослѣплены, двадцать два царя лишены престола, въ сорока, по крайней мѣрѣ, революціяхъ царей провозглашаютъ и низлагаютъ; къ числу послѣднихъ принадлежитъ Багратъ — его восемь разъ призывали на престолъ и столько же разъ лишали короны. Въ одномъ столѣтіи только случилось быть восьми царямъ, царствовавшимъ среднимъ числомъ по 12 лѣтъ.»

Городъ Кутаисъ построенъ на классической почвѣ, тамъ гдѣ Ріонъ (Фазисъ), съ трудомъ проложивъ себѣ путь по узкому каменистому ложу, стремительно низвергается по направленію

Модзалитскій монастырь близь Кутаиса.

къ Колхидской низменности, въ послѣдній разъ обмывая подошвы свѣтло-желто-сѣрыхъ скалъ юрскаго и мѣловаго известняковъ. Нѣкогда онъ былъ главнымъ торговымъ центромъ Колхиды; могущественный и самостоятельный до середины XV столѣтія, вмѣстѣ со всею Имеретіею, онъ затѣмъ попадаетъ въ вассальныя отношенія, состоитъ въ этомъ положеніи до водворенія здѣсь русскаго владычества, и только съ 1810 г. условія къ дальнѣйшему развитію становятся болѣе благопріятными. Начало Кутаиса относится къ далекому и прекрасному времени греческихъ сказаній и греческой колонизаціи на восточномъ берегу Понта. Въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ исторія Имеретіи и судьбы ея столицы нераздѣльны. Наиболѣе яркимъ свѣтомъ выступаетъ изъ мрака прошедшихъ временъ эпоха царицы Тамары, и только два столѣтія спустя, послѣ перемѣннаго владычества Монголовъ, страна и столица ея теряютъ свою самостоятельность. На всемъ обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи едва ли найдется другой городъ, который могъ бы соперничать съ Кутаисомъ въ отношеніи живописности мѣсто-

положенія. Я говорю это съ полною увѣренностью, потому что главнѣйшіе города этого громаднѣйшаго государства мнѣ всѣ хорошо извѣстны. Позади Кутаиса на сѣверѣ развиваются предгорья главнаго хребта; ближе выступаютъ мягкія формы холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Только на С. и С.-З., на сплошной горной массѣ Квамли, обращенной своими боковыми скатами на востокъ, выдаются рѣзко очерченныя формы скалъ, и снѣговая цѣпь, отдѣляющая верхнія теченія Ингура и Гиппоса, ясно окаймляетъ весь ландшафтъ вдали. На югѣ и востокѣ кругозоръ еще шире. Не останавливаясь долго на плоскихъ возвышеніяхъ, на которыхъ построена большая часть города, вниманіе болѣе приковывается группами и гирляндами колхидскаго плюща, кустами мимозъ и лавро-вишенъ, окружающихъ жилища, и затѣмъ мы погружаемся въ широкую низменность, имѣющую видъ сплошнаго сада, гдѣ, благодаря постоянно влажной атмосферѣ, всѣ очертанія бываютъ мягки и каждый колоритъ отличается свѣжестью. Вдали рамку ландшафта образуетъ водораздѣльный хребетъ Ахалцихо-Имеретинскій; здѣсь выше густой и молчаливой лѣсной полосы снѣгъ мѣстами не сходитъ даже въ серединѣ лѣта. Куда бы ни направилъ путешественникъ шаги свои, на сѣверъ ли къ достопочтенному Гелатскому монастырю въ долинѣ Красной Рѣчки, или въ узкія ущелья Ріона и Ладжіанури, на западъ ли черезъ Хони на Мартвили въ Зугдиды, гдѣ живутъ красивѣйшіе люди земнаго шара, на югъ ли къ роскошнымъ лѣсамъ Вордзихи, или на востокъ въ живописное ущелье Черемела, —вездѣ страна изобилуетъ роскошнѣйшею природою, привлекательнѣйшими видами, богатымъ историческимъ матеріаломъ и жизненными элементами.

Осетинская деревня зимою.

Изъ чащи цвѣтущихъ гранатовыхъ кустовъ на еврейской улицѣ Кутаиса любопытно выглядываютъ на насъ большіе черные глаза маленькихъ играющихъ дочерей Израиля. Въ городскомъ саду, среди вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ, въ нормальные годы даже въ декабрѣ цвѣтутъ мѣсячныя розы. Здѣсь попадаются намъ на встрѣчу группы мужчинъ, великолѣпнаго роста, стройные, широкоплечіе, съ густыми волосами и часто красивымъ лицомъ; во всемъ существѣ ихъ какая-то природная грація. Грязь и бѣдность сильно распространены, и лѣность является матерью всѣхъ пороковъ. Судебная хроника представляетъ ужасающую картину; человѣческая жизнь у туземцевъ не имѣетъ никакой цѣны, здѣсь въ столицѣ Колхиды большая часть населенія ведетъ жизнь болѣе праздную и лѣнивую, чѣмъ гдѣ-либо на Кавказѣ.

На высокомъ правомъ берегу Ріона, который господствуетъ надъ новою частью города, сохранились величественныя древнія развалины. Здѣсь находились Ухеймеріонъ древнихъ съ акрополемъ и укрѣпленіемъ города, тогда какъ нынѣшній Кутаисъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Кутатизіонъ. Эпоха основанія этихъ городовъ не можетъ быть опредѣлена съ точностью, но вѣрно, что она относится къ глубокой древности. На западъ отъ древняго акрополя находятся развалины каѳедральнаго собора Кутаиса, построеннаго въ цвѣтущій періодъ Абхазско-Карталинскаго царства. Основаніе этой великолѣпной постройки было положено въ 1003 г. при Багратѣ III, а Багратъ IV окончилъ ее съ помощью византійскихъ мастеровъ. У Дюбуа Монпере имѣется очень обстоятельное описаніе со всѣми рисунками этого памятника зодчества.

Т. IX.

Тифлисъ

Новый Кутаисъ значительно расширился въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ. По свѣдѣніямъ, имѣющимся отъ конца прошлаго столѣтія до начала 50 годовъ нашего вѣка, это былъ небольшой городокъ съ населеніемъ отъ 2000 — 3000 человѣкъ. Въ 1853 г. въ Кутаисѣ было всего 3406 жителей, а теперь число ихъ увеличилось до 12000. Едва ли оно значительно возрастетъ въ будущемъ. Хотя въ городъ проведена вѣтвь отъ желѣзнаго пути, пересѣкающаго Кавказскій перешеекъ отъ Поти до Баку и соединяющаго западъ съ востокомъ, но Кутаисъ въ коммерческомъ отношеніи никогда не достигнетъ большаго значенія; онъ исключительно предназначенъ для удовлетворенія незначительныхъ потребностей живущихъ въ тылу его обитателей горной страны, которая сама ничего не производитъ. Даже каменноугольная промышленность, которая начинаетъ развиваться въ Тквибули, у подошвы горъ Накарала, отдѣляющихъ Рачинскій округъ отъ Имеретіи, не можетъ повліять на торговое значеніе города, производящаго только предметы первой необходимости, да и тѣ бываютъ дурнаго качества. Ни ремесленное производство, ни домашняя производительность не достигаютъ здѣсь сколько-нибудь значительнаго развитія. Городъ представляетъ собою административный центръ, средоточіе учебныхъ заведеній, судебныхъ учрежденій и лазаретовъ, что придаетъ ему извѣстное значеніе и специфическую физіономію.

Осетины.

Послѣ описанія главнаго колѣна Грузинскаго народа и трехъ его развѣтвленій: Имеретинъ, Мингрельцевъ и Гурійцевъ, необходимо познакомить читателя съ очень интересными горскими народами, которые исповѣдуютъ христіанскую религію и по сходству языка и другимъ внѣшнимъ признакамъ причисляются къ Грузинской націи. Я разумѣю Сванові, Хевсуровъ, Тушиновъ и Пшавовъ, которыхъ мнѣ приходилось коснуться вскользь при описаніи Большаго Кавказа. Къ нимъ я присоединяю еще Осетинъ. Хотя послѣдніе совершенно иного происхожденія, большею частью исповѣдуютъ магометанскую религію и по внѣшнему виду рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей, но по условіямъ жизни и экономическому положенію они представляютъ очень много сходнаго съ названными горскими народами, и между ними даже сохранились остатки христіанства, правда едва узнаваемаго въ своихъ основаніяхъ. Всѣ эти группы народовъ едва отличаются одна отъ другой по внѣшнему образу жизни. Первые изъ названныхъ народовъ живутъ по южному склону Большаго Кавказа, ледяной гребень котораго составляетъ ихъ сѣверную границу. Одни только Хевсуры выдвинулись по теченію Аса на сѣверные склоны горъ и подобно узкому клину протѣснились въ средину между магометанскимъ народомъ Кистовъ на востокѣ и Осетинами и Ингушами на западѣ. Начиная отъ средняго теченія Аргуни на западъ до узкаго ущелья ниже Лакамули, по которому быстро несется Ингуръ до своего вступленія на Колхидское прибрежье у Джвари, христіанская вѣра сохранилась по настоящее время, хотя, правда, въ формѣ едва узнаваемой. Эти области, куда нога Европейца вступаетъ только изрѣдка, мы постараемся сжато и правдиво описать вмѣстѣ съ ихъ обитателями. Какъ извѣстно, Колхидская низменность не вдругъ, а постепенно поднимается къ главной цѣпи Большаго Кавказа посредствомъ трехъ продольныхъ долинъ, расположенныхъ между собою параллельно. По каждой изъ этихъ долинъ стремительно несется рѣка по направленію къ западу. По самой глубокой изъ нихъ спускается древній Фазисъ (Ріонъ), слѣдующую, выше расположенную долину, орошаютъ воды Гиппоса (Цкенисъ-цхали), а по самой высокой — древній Glaucos (Ингуръ) катитъ свои мутныя волны. По пути къ западу всѣ три рѣки, прежде чѣмъ вступить въ Кол-

хидскую, Мингрельскую и Абхазскую низменности, пробили себѣ русло черезъ поперечную цѣпь изъ юрскаго известняка. Всѣ три рѣки берутъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ недосягаемаго ледника Лапури и на сосѣднихъ высотахъ. Вотъ почему очень трудно проникнуть въ долины, гдѣ протекаютъ истоки этихъ рѣкъ. Съ сѣверной и южной стороны онѣ также почти замкнуты, по крайней мѣрѣ наиболѣе высокія изъ нихъ, долины Ингура и Цхенисъ-Цхали, очень трудно доступны. Такое очертаніе почвы въ вертикальномъ ея расчлененіи объясняетъ намъ до нѣкоторой степени характеръ жителей этихъ долинъ, ихъ нравы и обычаи. Чѣмъ выше и дальше къ востоку по Большому Кавказскому хребту живетъ здѣсь человѣкъ, чѣмъ онъ больше уединенъ отъ остальныхъ людей, тѣмъ больше дикости и необузданности мы знаемъ въ его нравахъ, и все общество представляетъ намъ чрезвычайно пеструю смѣшанную физіономію. Въ интеллигентномъ жителѣ Рачи въ большинствѣ случаевъ вполнѣ сохранился типъ

Лезгинка, осетинскій танецъ.

имеретинскій. Накеральскія горы, поднимающіяся на 4000 фут. вышины и круто спускающіяся къ юго-западу, не преграждаютъ ему доступа въ низменность, и онъ находится въ постоянномъ сообщеніи съ своими сосѣдями, живущими тамъ; изъ всѣхъ горскихъ жителей Кавказа онъ, такъ сказать, самый подвижный. Верховье Ріона, извѣстное подъ общимъ названіемъ Рачи, ежегодно доставляетъ для Тифлиса значительный контингентъ сильныхъ и довольно интеллигентныхъ работниковъ, которые занимаются тамъ какимъ-нибудь ремесломъ, печеніемъ хлѣба, столярнымъ мастерствомъ и проч., или же они нанимаются для переноски тяжестей и въ этомъ случаѣ обнаруживаютъ громадную силу. Люди эти по природѣ своей очень покорны и уступчивы и даже отличаются извѣстною степенью добродушія, свойственнаго вообще Грузинскому племени. Совсѣмъ иной характеръ мы встрѣчаемъ у такъ называемыхъ Дадіановскихъ Сванов, обитающихъ высокую долину Цхенисъ-Цхали. Неблагопріятныя условія природы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обратили человѣка въ совершеннаго идіота; зобъ и кретинизмъ здѣсь во многихъ мѣстахъ достигаютъ ужасающихъ размѣровъ. Кромѣ того и здоровая часть населенія отличается полнѣйшимъ безучастіемъ къ окружающему внѣшнему міру и непоборимымъ упрямствомъ, — качества, которыя вообще составляютъ отличіе жителей высокихъ странъ. Окруженные непроходимыми горами, безъ веселаго и величественнаго зрѣлища, которое характеризуетъ европейскія Альпы, съ безжизненнымъ поясомъ ледниковъ и ледяныхъ морей, спус-

кающихся въ долины, — такъ называемые свободные Сваны въ продолженіе столѣтій и, быть можетъ, тысячелѣтій вели совершенно уединенную жизнь, изолированную отъ остальнаго міра. Безпощадно суровая природа, которую они постоянно имѣютъ передъ глазами, подавляетъ ихъ своимъ величіемъ и внушаетъ имъ какой-то безотчетный страхъ. Воображеніе ихъ населяетъ ледники какимъ-то злымъ духомъ, который представляетъ охотнику за турами благородную дичь въ бѣломъ цвѣтѣ и неминуемо манитъ его на край бездоннаго обрыва на вѣрную погибель. Въ лѣсу они покажутъ вамъ слѣды лѣшаго, который властенъ уничтожить человѣка. Недалеко отъ укрѣпленнаго жилища находится священная роща, гдѣ каждое дерево оберегается самымъ заботливымъ образомъ; въ другомъ, не менѣе священномъ мѣстѣ, каждый изъ проходящихъ обязанъ бросить камень на высоко взгроможденную кучу (магометанскій обычай). Люди эти признаютъ единаго Бога, возносятъ къ нему молитвы въ

Хевсуры.

маленькой древней церкви, но около той же церкви есть пристройка, въ которой тщательно сберегаются рога убитыхъ животныхъ, принесенныхъ въ жертву особому божеству, покровительствующему охотѣ —Діанѣ. Совершенно подобные обычаи мы встрѣчаемъ и у другихъ такъ называемыхъ горцевъ. Мы видимъ здѣсь, что все существо человѣка подверглось коренному измѣненію подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Въ этой высокой странѣ, въ скрытыхъ ея убѣжищахъ, человѣкъ остался недоступнымъ цивилизующимъ внѣшнимъ вліяніямъ и вслѣдствіе этого совершенно одичалъ. Какимъ образомъ эти народы проникли въ мѣстности, совершенно почти отрѣзанныя отъ остальнаго человѣчества? Надо полагать, что это осколки кореннаго населенія, населявшаго низменности; силою событій они принуждены были отдѣлиться и удалились въ горы, гдѣ и образовали типическую особенность. Такое происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ относительно отпрысковъ Грузинскаго племени. Всѣ недовольные, подавленные и преслѣдуемые, всѣ, совершившіе какое-нибудь преступленіе, сознавшіе вину свою и скрывавшіеся, бѣжали изъ благословенныхъ долинъ средняго теченія Куры и Ріона; а такихъ личностей во времена грубаго феодализма и угнетающаго рабства было не мало даже въ средѣ христіанскаго населенія. У живущихъ кругомъ магометанъ эти несчастные не могли разсчитывать на пристанище, — тамъ судьба ихъ не могла измѣниться къ лучшему. Имъ оставалось одно только — бѣжать въ дикія горы и проникнуть туда по возможности дальше, чтобы укрыться отъ всякихъ преслѣдованій. Такимъ образомъ здѣсь возникли общества, не хотѣвшія признать надъ собою волю и могущество одного человѣка, по-

тому что это самое обстоятельство на родинѣ было источникомъ всевозможныхъ страданій и причиною тайнаго бѣгства. Свободные Сваны не признаютъ никакой княжеской власти. Каждая община сама обсуждаетъ свои дѣла и рѣшаетъ ихъ большинствомъ голосовъ. То же замѣчается у Хевсуровъ. Вообще княжеское управленіе возникало въ низменности во времена давно-прошедшія и неблагопріятно вліяетъ на обстоятельства настоящаго времени; поэтому оно совсѣмъ отсутствуетъ въ высокой горной полосѣ среди христіанскихъ народовъ. Въ іюлѣ 1864 г. я нѣсколько времени прожилъ у дикихъ Жибіанцевъ, въ самой высокой деревнѣ Вольной Сванетіи. Когда мнѣ захотѣлось осмотрѣть небольшую древнюю часовню въ этой мѣстности, то на это потребовалось разрѣшеніе всѣхъ жителей общины, и въ совѣщаніи по этому поводу участвовали даже женщины. Въ этомъ священномъ мѣстѣ было нѣсколько весьма крупныхъ турьихъ роговъ, которые я хотѣлъ пріобрѣсть покупкою. Опять собралась сходка на холмѣ для очень продолжительнаго совѣщанія: разсужденія по этому поводу тянулись нѣсколько дней,— такъ долго не могли придти къ какому-нибудь соглашенію! Рѣшенія, разъ уже принятыя, безпрестанно отмѣнялись вслѣдствіе возраженій съ чьей-либо стороны. Какой-то настухъ, возвратившійся съ пастбища, упорно противился общему рѣшенію. Наконецъ дѣло уладилось. Даже уплата денегъ, въ пользу маленькой церкви,за рога, была произведена мною въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Своеобразные общественные порядки, возникшіе здѣсь, сохранились такимъ образомъ въ продолженіе столѣтій: порядки эти вовсе неизвѣстны жителямъ низменности, отличающимся противоположнымъ характеромъ. Обстоятельство это во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу предположенія, что преобладающій элементъ этихъ горскихъ народовъ произошелъ изъ низменностей, но на новыхъ мѣстахъ жительства они, прежде всего, хотѣли избѣгнуть возникновенія тѣхъ недостатковъ, которые были причиною ихъ тяжкихъ страданій.

Хевсурка.

Существуетъ, впрочемъ, еще много другихъ указаній, что Сваны, Хевсуры, Пшавы и Тушины суть народности, сбѣжавшіяся съ различныхъ мѣстностей, и потому въ нихъ не замѣчается развитія какихъ-либо опредѣленныхъ типическихъ особенностей. Къ первымъ пришельцамъ въ продолженіе времени постоянно прибывали новые отъ различныхъ народностей. Я намѣренно говорю, что они образовались изъ пришельцевъ «различныхъ народностей», но утверждаю также, что грузинскій элементъ въ нихъ является преобладающимъ. По своей наружности Пшавъ болѣе всего походитъ на Грузина; такое сходство въ большинствѣ случаевъ замѣчается и у Тушиновъ; рѣже и слабѣе оно проявляется у Свановъ и Хевсуровъ. Несмотря на это, я однако не въ состояніи охарактеризовать положительно внѣшнія черты ни одного изъ этихъ народовъ, портреты которыхъ, приложенные къ главѣ о Большомъ Кавказѣ, дадутъ вполнѣ удовлетворительное о нихъ понятіе. Вы тамъ увидите самыя разнообразныя физіономіи, и не трудно убѣдиться въ томъ, что имѣете дѣло съ населеніемъ, образовавшимся изъ различныхъ элементовъ. То же можно сказать и относительно Хевсуровъ. При всемъ томъ, я въ состояніи бывалъ различать мѣстные типы. Кому приходилось среди дикихъ горцевъ болѣе

или менѣе продолжительное время жить, тотъ легко научается различать жителей различныхъ общинъ; нетрудно также узнать напримѣръ Хевсура между сотнею другихъ обитателей Кавказа, но все же нельзя съ опредѣленностью указать на какой-нибудь признакъ, отличающій одного только Хевсура.

Наконецъ языкъ и нѣкоторые этнографическіе признаки, сохранившіеся между ними, самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что тѣ группы народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, за исключеніемъ только Осетинъ, безъ всякаго сомнѣнія, составляютъ вѣтви Грузинскаго племени. Праздничный костюмъ сванетской женщины ничѣмъ не отличается отъ древне-грузинскаго, отъ котораго болѣе всего отклоняется одежда Хевсура.

Въ отношеніи происхожденія Осетинъ и пришествія ихъ въ эти мѣстности, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Эти Ирони, какъ они сами себя называютъ, въ языкѣ своемъ отличаются коренным образомъ отъ названныхъ народностей. Они, какъ кажется, сплотившейся массою поселились недалеко отъ главнаго прохода, издревле служившаго для сообщенія черезъ Большой Кавказъ, въ которомъ они занимаютъ обширную область къ западу и югу до Ліахвы и нижняго ея теченія, а къ сѣверу до устья Ардона. Народъ этотъ живетъ по обѣ стороны главнаго Кавказскаго кряжа, и отъ негостепріимныхъ высотъ его спускается по склонамъ до самыхъ долинъ средняго теченія Куры и Терека. Между упомянутыми горцами народъ этотъ самый многочисленный. Между тѣмъ какъ Свановъ насчитываютъ едва ли болѣе 10,000 душъ, Хевсуровъ, Пшавовъ и Тушиновъ, каждыхъ по 5,000 душъ, число Осетинъ простирается до 70,000. Въ образѣ жизни они представляютъ очень много сходства съ своими сосѣдями, но отличаются тѣмъ, что магометанство укоренилось между ними несравненно прочнѣе. Впрочемъ, всѣ Осетины, магометане и христіане, въ одинаковой степени суевѣрны: они вѣруютъ въ безчисленное множество различныхъ духовъ, молятся имъ и воздаютъ имъ жертвоприношенія.

Кавказская утварь.

Нѣсколько сценъ изъ жизни Хевсуровъ, изображенныхъ на фонѣ величественной горной природы, лучше всего могутъ охарактеризовать вышеприведенныя общія положенія. То, что я пишу, я самъ видѣлъ и пережилъ въ 1876 году, когда пришлось на болѣе продолжительное время посѣтить это весьма интересное и мало извѣстное племя.

У окраины священной рощи, отчасти еще осѣненной древними ясенями, стоитъ низкое зданіе съ плоской крышей, сложенное изъ темнаго сланцеваго камня, неподалеку — другое. Вблизи его, на грубо отесанныхъ столбахъ съ перекладиной наверху, виситъ колоколъ. Онъ привезенъ изъ Россіи и составляетъ прибавленіе новѣйшихъ временъ къ языческимъ капищамъ. Хевсуры звонятъ въ него, подражая въ этомъ русскому духовенству, въ тѣхъ случаяхъ, когда сзываютъ на пиръ съ неизбѣжными возліяніями пива, въ честь какого-нибудь изъ своихъ ангеловъ-хранителей. На обязанности лица, выбираемаго деканосами общины, лежитъ пивовареніе. Ячмень, изъ котораго варятъ пиво, ростетъ или непосредственно около священной рощи и составляетъ, какъ вся окружающая мѣстность и все движимое имущество пивоварни, собственность ангела-хранителя этого мѣста, или же приносится въ даръ членами общины. Чрезъ низкую дверь мы вступаемъ въ наполненное дымомъ, слабо освѣщенное помѣ-

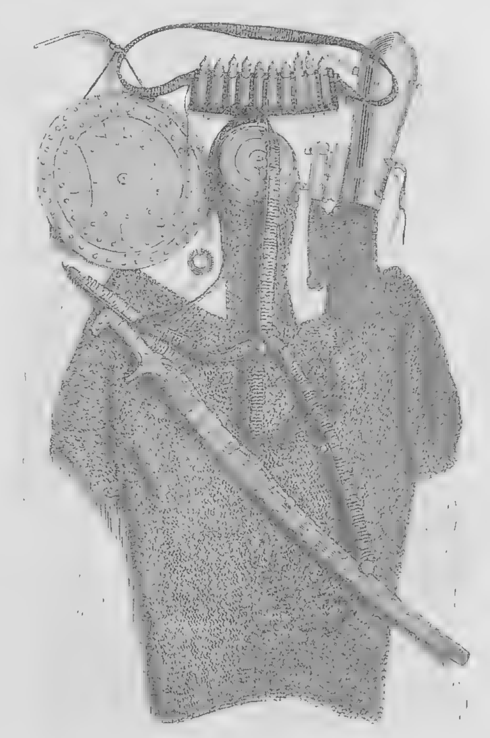

Грузинскіе типы.

щеніе и застаемъ тамъ изготовленіе затора. Глубокій коническій котелъ виситъ на цѣпи, прикрѣпленной къ перекладинѣ. Справа и слѣва онъ подпертъ сланцевыми плитами. Сзади и спереди онъ охватывается пламенемъ, покрывающимъ его бока копотью. Къ заторному котлу обыкновенно проведенъ жолобъ, по которому свѣжая вода замѣняетъ испарившуюся. Всыпанный въ котелъ крупно смолотый солодъ, съ прибавкою воды, медленно и равномѣрно нагрѣвается. Этотъ процессъ продолжается безостановочно въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣ чего горячая, желтовато-мутная жидкость процѣживается сквозь мѣшки въ подставленное корыто. Отсюда ее переливаютъ въ высокіе деревянные чаны, выдолбленные изъ цѣльнаго бревна, и прикрываютъ, предварительно прибавивъ извѣстное количество дикаго хмѣлю, собраннаго осенью въ лѣсахъ Кахетіи. Какъ вся посуда, служащая для вмѣщенія и охлажденія пива, такъ и вся вообще мелкая посуда въ пивоварнѣ, чрезвычайно своеобразны. Вся она сдѣлана изъ дерева. Большіе черпаки съ широкими носками, изъ цѣльнаго куска дерева,— по странному обыкновенію, имѣютъ ручку не съ противоположной носку стороны, а непосред-

ственно подъ нимъ. Варка пива начинается еще за 8 или 10 дней до празднества, и пивоварня въ продолженіе всего времени окутана дымомъ и парами.

Къ празднику часто издалека прибываютъ друзья. Горцы въ подобныхъ случаяхъ предпринимаютъ настоящія переселенія. Даже женщины и дѣти сопутствуютъ имъ. Всѣ спѣшатъ на праздникъ, даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей. Одинъ за другимъ подвигаются они по узкой тропинкѣ, вереницею отъ 20 до 30 человѣкъ. Въ день празднества Хевсурское духовенство съ ранняго утра толпится около капищъ. По наружности оно ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ жителей селеній, но всѣ вмѣстѣ они составляютъ настоящую іерархію, которая, пользуясь суевѣріемъ простоватой мірской братіи, присвоила себѣ неограниченную власть надъ нею. Повидимому, въ послѣднее время власть эта уже ослабѣла, но, по истинѣ, я долженъ сказать, что вліяніе русскаго духовенства на Хевсуръ и по настоящій день во многихъ мѣстностяхъ гораздо слабѣе вліянія ихъ доморощенныхъ жрецовъ. Хевсурское духовенство составляется изъ членовъ общины, въ которой церковныя обязанности каждаго рѣзко разграничены. Деканосы стоятъ во главѣ этого духовенства. Имъ подчиняются почти равноправные имъ хуцесы. На обязанности сихъ послѣднихъ лежатъ погребальные обряды, между тѣмъ какъ первые исполняютъ обычныя молитвы, освящаютъ жертвы и закалываютъ ихъ. Низшіе церковные служители охраняютъ имущество церкви. Старшій изъ нихъ называется «мехате», пивоваръ «дастури». Кромѣ этихъ существуютъ еще знахари. Одни изъ нихъ избрали предметомъ своихъ попеченій загробную судьбу усопшихъ; другіе распознаютъ причину болѣзней и предписываютъ отъ нихъ средства религіознаго свойства. Какъ тѣ, такъ и другіе заканчиваютъ свои шарлатанства жертвоприношеніемъ, для котораго выбирается обыкновенно баранъ. Наконецъ есть еще родъ фанатическихъ прорицателей (кадаговъ), которыми бываютъ безразлично и мужчины, и женщины

Оружіе Хевсуровъ.

Одно изъ общихъ Хевсурскихъ празднествъ бываетъ въ срединѣ лѣта. Перенесемся мысленно къ Хевсурскому храму, подъ вечеръ означеннаго дня. Внизу у горы собрались женщины: онѣ не имѣютъ права вступать въ святилище, и пиво имъ приносятъ туда. Даже мужчинамъ и мальчикамъ дозволяется только на время празднества посѣщать священное мѣсто; во всякое другое время оно закрыто для всѣхъ мірянъ. Право доступа къ нему зависитъ отъ особаго разрѣшенія деканоса.

Предъ нами возвышается низкое, сложенное изъ темныхъ ланцевыхъ плитъ зданіе, съ покатою крышею. Спереди зданіе имѣетъ навѣсъ, подъ которымъ длинными рядами развѣшаны рога туровъ, козловъ (бородачей), сернъ и изрѣдка оленей. Собраніе роговъ указываетъ на большее или меньшее распространеніе преобладающихъ здѣсь породъ животныхъ. Здѣсь, какъ у Осетинъ и Сванетовъ, охотникъ посвящаетъ храму черепъ съ рогами убитаго животнаго, полагая, что этимъ онъ обезпечиваетъ за собою охотничій успѣхъ. И здѣсь также я видѣлъ одинъ только видъ свойственнаго Кавказу тура. Всѣ развѣшанные здѣсь рога такъ изрублены кинжалами, что не представляютъ уже цѣнности для

любителей. Поводомъ къ этому послужило воровство Кистинъ, которые, не признавая святости этихъ мѣстъ, крали рога для продажи ихъ Европейцамъ во Владикавказѣ.

Внутренніе покои зданія почти совершенно темны. Въ переднемъ изъ нихъ, въ высокихъ кадкахъ, стоитъ готовое уже пиво, и большое количество серебряныхъ сосудовъ размѣщено по карнизамъ и по полу. Эти сосуды составляютъ единственное богатство храма и, по приблизительной оцѣнкѣ, стоютъ около полутора тысячъ руб. Говорятъ, что въ прежнее время богатѣйшіе изъ храмовъ имѣли серебряныхъ сосудовъ на сумму до 20,000 руб. каждый. Большая часть этихъ сосудовъ имѣетъ форму глубокой чаши на низкихъ ножкахъ; высокіе кубки встрѣчаются рѣдко, а кружекъ совсѣмъ нѣтъ. Эти сосуды массивны, безъ всякихъ украшеній и надписей, иногда только съ именами жертвователей, вырѣзанными на нихъ грузинскими буквами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ постороннія, весьма странныя украшенія, а именно обиты вокругъ женскими ожерельями или серебряными поясами, а иногда прикрѣплены къ нимъ громадной величины серьги, которыя у всѣхъ хевсурскихъ женщинъ совершенно одинаковы. Не всѣ сосуды имѣютъ по двѣ ручки, которыя по большей части не украшены никакимъ рисункомъ, но иногда встрѣчается на верхней части ручекъ грубо сдѣланная фигура птицы изъ массивнаго серебра. Какъ мнѣ объяснили, фигура эта изображаетъ голубя и служитъ символомъ Святаго Духа. Въ другомъ боковомъ покоѣ находится солома: она служитъ для отдыха духовенства въ праздничные дни. Въ третьемъ подобномъ же помѣщеніи сохраняется ячмень, служащій для варки пива.

Уже между собравшимся народомъ начинаютъ ходить въ круговую серебряные ковши съ пивомъ. Ихъ не допиваютъ до дна, а передаютъ сосѣду остатокъ, доливая до краевъ изъ деревяннаго черпака. Заранѣе уже деканосъ освятилъ изготовленныя на маслѣ яства, и заранѣе было заколото принесенное въ жертву животное. Пиръ постепенно разрастается... Ковши чаще переходятъ изъ рукъ въ руки. Лица оживляются. Все болѣе и болѣе разгораются глаза. Говоръ увеличивается. Движенія дѣлаются размашистѣе... Здѣсь и тамъ раздается похвальная пѣснь въ честь храбрыхъ, въ воспоминаніе усопшихъ. Это продолжается долго, хотя на небѣ давно уже сверкаютъ звѣзды.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, я желалъ бы представить читателю двѣ картины нравовъ. Я попрошу читателя послѣдовать за мною къ административному центру этой горной области, въ Тіонети.

Древная стѣна крѣпости еще крѣпко стоитъ. Ворота ведутъ во дворъ. По правую руку отъ входа раскинутъ веселый садъ, окруженный густою хмѣлевою изгородью. Въ сѣверо-западномъ углу его стоитъ двухэтажное зданіе неказистаго вида. Въ верхнемъ этажѣ его въ довольствѣ живетъ мѣстный уѣздный начальникъ. Уроженецъ обильной виномъ Кахетіи, онъ поддерживаетъ древній обычай своей страны — радушное гостепріимство. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается его канцелярія, гдѣ чиновники прилежно строчатъ предписанія, отношенія, донесенія, рапорты и резолюціи на русскихъ и грузинскихъ бумагахъ, безъ которыхъ, видно, и дикіе обитатели горъ не могутъ быть управляемы. Но въ то время, когда я ввожу читателя въ нижній этажъ, нѣкоторыя изъ его комнатъ приняли необычайный видъ. Отдѣленіе окружнаго суда имѣетъ здѣсь первое свое засѣданіе. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидятъ представители правосудія; предъ столомъ — скамья подсудимыхъ; за нею, скамьи для публики. Члены суда засѣдаютъ въ мундирахъ. Съ боку виденъ прокуроръ, предъ зерцаломъ секретарь суда, а предсѣдатель въ серединѣ своихъ помощниковъ. Всѣ мѣста заняты, публика весьма разнокалиберная. Съ тавсакравы сидящей тутъ княгини ниспадаетъ на плечи короткая личака, изъ-подъ которой по обѣ стороны лица вьются черные локоны. У нея античный профиль, и любезная улыбка постоянно играетъ на ея нѣжныхъ устахъ. Рядомъ съ этой дамой сидятъ нѣсколько гимназистовъ, два-три писца; между ними пестрѣютъ разнородные костюмы туземцевъ; далѣе нѣсколько отставныхъ солдатъ. Впереди публики, недалеко отъ судебнаго стола, стоитъ переводчикъ.

T. IX

Монастырь св. Антонія Марткобскаго, въ 25-ти верстахъ отъ Тифлиса.

Засѣданіе открывается. Вводятъ подсудимаго. Это среднихъ лѣтъ Хевсуръ. Бритая голова его покрыта многочисленными шрамами и рубцами отъ заживших ранъ. Смуглое лицо имѣетъ лишь слабые признаки бороды; уши отвислыя, носъ заостренный, взглядъ боязливый. Онъ одѣтъ въ своеобразный костюмъ своей страны. Изъ широкой прорѣхи его тяжелой шерстяной чохи выглядываетъ мускулистая грудь. Онъ повременамъ тяжело вздыхаетъ и время отъ времени вытираетъ рукавомъ своей чохи покрытое потомъ лицо. Его какъ будто душитъ одышка, причиняемая ему смущеніемъ. Обстановка очевидно для него непривычна, но онъ не теряетъ присутствія духа. Онъ жилъ не ближе полутораста верстъ отсюда, въ неприступной скалистой трущобѣ, но тѣмъ не менѣе безпрекословно исполнилъ требованіе закона и явился по вызову суда. Это сильно говоритъ въ пользу дикаря.

Въ залѣ водворяется тишина. Секретарь читаетъ обвинительный актъ, по которому подсудимый обвиняется въ убійствѣ. Много лѣтъ тому назадъ, этотъ Хевсуръ убилъ другаго. Онъ не отрицаетъ этого факта. Показанія, которыя онъ въ длинномъ разсказѣ даетъ по этому дѣлу, дышатъ правдою. Въ началѣ онъ говоритъ тихо, боязливо, все еще борясь съ одолѣвающимъ его смущеніемъ; затѣмъ постепенно оживляется, начинаетъ жестикулировать руками и заключаетъ свой разсказъ, по нашимъ понятіямъ, наивнымъ, а на его взглядъ, совершенно естественнымъ объясненіемъ, что онъ давно уже уплатилъ за эту кровь извѣстнымъ числомъ прекрасныхъ коровъ; что дружелюбныя отношенія его съ родственниками убитаго снова установились попрежнему; попрежнему считаетъ себя совершенно невиннымъ и никакъ не можетъ взять въ толкъ, чего желаютъ отъ него здѣсь собравшіеся почтенные господа. Въ залѣ снова водворяется тишина. Всякому, знакомому съ закономъ, извѣстно, что виновный въ этомъ случаѣ подвергается ссылкѣ на каторгу въ Сибирь на извѣстное число лѣтъ. Но всякому, знакомому съ правами горцевъ, не менѣе извѣстно и то, что въ міровоззрѣніи этихъ дикарей существуютъ совсѣмъ другія понятія о цѣнности человѣческой жизни, нежели наши. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, допустить въ данномъ случаѣ примѣненіе закона съ безжалостною строгостью? Конечно, нѣтъ. Только тогда, когда школа и церковь осуществятъ свою задачу въ далекихъ углахъ Кавказскаго хребта, можетъ быть примѣняемъ русскій законъ, въ полномъ его объемѣ. До тѣхъ поръ, пока это не осуществится, каждый гуманный судья обязанъ относительно обвиненнаго руководствоваться милостью. Но у насъ право помилованія принадлежитъ только Государю Императору. Просвѣщеннѣйшій монархъ, даровавшій свободу милліонамъ своихъ подданныхъ, не позволитъ сослать дикаго Хевсура въ Нерчинскіе рудники для искупленія проступка, котораго онъ даже не сознаетъ. Въ этомъ смыслѣ постановленъ былъ и приговоръ суда: пятнадцать лѣтъ каторжной работы — по закону, но ходатайство у трона Его Величества о смягченіи приговора и замѣнѣ его однимъ годомъ тюремнаго заключенія. Выслушавъ приговоръ, Хевсуръ слегка содрогнулся, провелъ еще разъ рукавомъ своей чохи по лицу и вышелъ изъ залы.

Прошло два часа со времени закрытія засѣданія суда. Въ нижнемъ этажѣ двери и окна открыты настежь. Зловоніе, распространенное хевсурской публикой въ тепломъ замкнутомъ помѣщеніи, исчезло. Испачканные чернилами письменные столы убраны и комнаты буквально очищены.

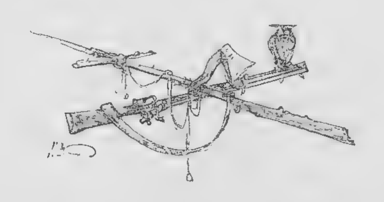
Отправимся въ верхній этажъ. Тамъ представляется намъ картина совершенно другаго характера. Болѣе сорока гостей прибыли сюда на приглашеніе князя-начальника уѣзда. Большіе и малые, старые и молодые, мужчины и женщины, Грузины, Русскіе, Поляки, Нѣмцы, Армяне—толпились въ покояхъ. Хотя столъ убранъ на европейскій ладъ, и этимъ ослабленъ національный характеръ грузинскаго пира,—но въ общемъ его уборѣ есть нѣчто чуждое Европѣ. Любитель этнографическихъ типическихъ картинъ охотнѣе желалъ бы видѣть все это общество на муравѣ какого-нибудь горнаго луга, подъ тѣнью старыхъ клеповъ или маститыхъ орѣшниковъ. Зрѣлище это является смѣсью европейскаго комфорта съ восточными обычаями. Почетное мѣсто за столомъ занято княгинею, которая уже въ залѣ суда обратила на себя

наше вниманіе. Садятся за столъ: дамы рядомъ; мужчины слѣдуютъ за ними длинной вереницей. Пиръ начинается.

На столѣ разставлены дары съ разныхъ концовъ Кавказа. Каспій съ устьевъ Куры прислалъ балыкъ; изъ Поти привезена во льду свѣжая икра въ Тифлисъ, откуда ее доставилъ нарочный гонецъ до верховьевъ Іоры; горные потоки снабдили столъ большимъ количествомъ форелей; отъ тучнаго быка взято несравненное филе, а дикіе голуби служили жаркимъ. Расторопный поваръ добавилъ меню обѣда разными entremêts. Но истинное веселіе вноситъ съ собою въ общество кахетинскій Вакхъ. И онъ также освобожденъ отъ своихъ почтенныхъ древнихъ оковъ: бутылки заняли мѣсто объемистаго азіятскаго бурдюка. Баттарея выпитыхъ за столомъ бутылокъ видимо увеличивается. Прекрасная княгиня приняла на себя почетную должность тулумбаша. Обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы сказать каждому и взамѣнъ выслушать отъ каждаго что-нибудь пріятное, и запѣвать хоровыя пѣсни. Нашъ любезный хозяинъ помѣстился въ сторонѣ съ своими пѣвцами. Оттуда звучатъ басовыя ноты, и раздаются напоминанія о наполненіи стакановъ. Такъ проходятъ цѣлые часы. Бесѣда оживлена; напѣвъ хоровыхъ пѣсенъ довольно пріятенъ. Князь находится въ полномъ убѣжденіи, что это настоящій грузинскій напѣвъ; сосѣдъ шепчетъ мнѣ на ухо, что это напѣвъ славянскій. Нѣкоторые знатоки музыки признаютъ его чисто-нѣмецкимъ.

Пора закончить. Внизу прививали дикарю логику русскихъ законовъ; наверху общество веселилось на грузинскомъ пирѣ, устроенномъ на европейскій ладъ. Чрезъ двѣсти лѣтъ, у перевала Ацунты, на 10,000 ф. надъ уровнемъ моря, будетъ стоять веселая гостиница. На вывѣскѣ ея будетъ красоваться надпись: «Au dernier Khevsour». Пра-правнуки d'Израэли и Горчаковыхъ заѣдутъ туда по пути въ Индію, совершивъ предварительно экскурсію въ «живописную Хевсурію». Въ Тіонети также будетъ стоять трехэтажный отель: «A la ville de Paris», и тамъ высокіе гости будутъ встрѣчены оберъ-кельнеромъ въ черномъ фракѣ съ глубочайшими поклонами. На обѣденной карточкѣ будетъ красоваться миньятюрная горная форель, всего только въ одинъ рубль цѣною, а бутылка стараго кахетинскаго будетъ обозначена неизмѣримо дешевою цѣною четырехъ рублей...

Г. Радде.

ОЧЕРКЪ X.

АРМЯНЕ.

Сродство и различіе между Евреями и Армянами.— Тумбульцы.— Семейный бытъ Армянъ и положеніе женщины. — Армяне, какъ сельское населеніе.— Строительное искусство въ древнее время.— Исторія Армянской церкви и націи.— Эривань. — Эчміадзинскій монастырь.— Развалины Ани.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастіе,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастіе
Къ другому міру,— хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластіе,—
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья:
Да украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

О чемъ бы онъ ни думалъ — западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной:
Другія вспоминанья и другой....
Другой предметъ владѣлъ его душой.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ задачъ сравнительной энтологіи заключается въ разрѣшеніи вопроса, въ какой степени историческія событія вліяютъ на преобразованіе какого-нибудь народа. Извѣстно, что не всякій народъ въ продолженіе долгихъ вѣковъ въ состояніи противустоять этому вліянію; мы знаемъ, что народы, нѣкогда господствовавшіе со славою и блескомъ, предписывавшіе законы другимъ, послѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда столѣтій, навсегда утрачивали свое могущество, сходили со сцены міроваго театра и должны были передать историческую роль и значеніе свое другимъ народамъ. Египтяне, Финикіяне, Ассиріяне, Греки, Римляне, нѣкогда повелѣвавшіе всѣмъ міромъ, доказываютъ это положеніе какъ нельзя лучше. Въ Европѣ всего только два народа, несмотря на глубокую древность свою, не испытали этой участи общей для всѣхъ остальныхъ; это — Евреи и Армяне. Оба они, не смотря на коренное различіе въ языкѣ, съ внѣшней стороны представляютъ такъ много сходства, что ихъ очень легко смѣшать между собою, принявъ одинъ за другой; оба они, съ древнѣйшихъ временъ историческаго повѣствованія, неоднократно обращались въ рабство и нерѣдко подвергались такимъ ужасающимъ гоненіямъ, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, и только удивляешься, какъ послѣ такихъ преслѣдованій, ихъ до сихъ поръ еще не стерли съ лица земли. Это не только не случилось ни съ Евреями, ни съ Армянами, но, напротивъ, неблагопріятныя обстоятельства укрѣпили ихъ и развили въ нихъ ту удивительную эластичность, съ которою они переносятъ всѣ невзгоды и самыя усиленныя

внѣшнія вліянія. Едва Евреямъ дали права одинаковыя съ другими европейскими племенами, какъ тотчасъ народъ этотъ проявилъ множество самыхъ благородныхъ отпрысковъ. Мы находимъ между ними значительный контингентъ глубокихъ мыслителей, превосходныхъ композиторовъ, выдающихся врачей, юристовъ и политиковъ.

Вообще говоря, между Армяниномъ и Евреемъ можно провести довольно близкую параллель, и въ одномъ только языкѣ ихъ мы встрѣчаемъ коренное различіе. Между обѣими народностями такъ много общихъ проявленій, что невольно является предположеніе объ общемъ ихъ происхожденіи. Армянская нація также съ давнихъ временъ должна была бороться за свою самостоятельность и за вѣру. Восточные властелины и западные завоеватели неоднократно опустошали страну около Ванскаго озера и Ноевой горы. Всѣ ужасы преслѣдованій прежнихъ столѣтій продолжались подъ владычествомъ мусульманъ, которые хотѣли подчинить крестъ вѣрующаго Армянина и самимъ жестокимъ образомъ затрудняли ему свободное выполненіе религіозныхъ обрядовъ. Колокола, созывавшіе армянскихъ христіанъ на молитву въ издревле почитаемый монастырь, были запрещены. Но благочестивый страдалецъ находилъ выходъ изъ этого положенія. Онъ не благовѣстилъ, но подавалъ знакъ къ общей молитвѣ посредствомъ стука въ доску, или же вѣрующіе собирались къ заранѣе условленному времени. Нельзя не удивляться той преданности, съ которою Армянская нація сохранила у себя христіанскую религію при самыхъ затруднительныхъ и ужасающихъ обстоятельствахъ. Осмотрѣвъ древніе монастыри въ долинѣ Аракса и познакомившись нѣсколько съ ихъ исторіею, изумляешься стойкости, съ которою они противустояли всѣмъ невзгодамъ. Всѣ они окружены высокими стѣнами и снабжены крѣпкими воротами; это обстоятельство явно доказываетъ, что здѣсь рядомъ съ почитаніемъ единаго Бога необходимо было нести службу Марсу.

Непоколебимая вѣра, выносливая энергія въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ богатствъ вмѣстѣ съ здоровою, бережливою семейною жизнью, — вотъ тѣ силы, которымъ Армяне обязаны своимъ спасеніемъ и процвѣтаніемъ даже въ такихъ обстоятельствахъ, которыя повлекли бы за собою совершенную погибель другой народности. Продолжая параллель между Армянами и Евреями, мы видимъ далѣе, что оборотные капиталы для торговли и также недвижимыя богатства на Кавказѣ почти исключительно находятся въ рукахъ Армянъ. Съ ними даже Евреи не въ состояніи выдержать конкуренціи. Лучше всего это проявляется въ Тифлисѣ, гдѣ всѣ большія торговыя предпріятія, требующія громадныхъ капиталовъ, находятся въ рукахъ Армянъ. Армяне строятъ лучшіе дома, являются поставщиками для арміи, имѣютъ обширнѣйшіе каравансараи, между ними же бываютъ случаи несостоятельности на самыя крупныя суммы. Вліяніе Армянъ въ торговлѣ и жизни обнаруживается здѣсь до мельчайшихъ подробностей, и всѣ дѣйствія ихъ отличаются такою сплоченностью армянской среды, что никакіе законы не въ состояніи установить правильныя цѣны даже на самые необходимые жизненные припасы. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что Тифлисъ едва ли не самый дорогой городъ въ мірѣ. Цѣны на базарѣ здѣсь опредѣляются заранѣе, такъ что свободная коркуренція совершенно невозможна. Противъ безобразныхъ опредѣленій такъ называемаго амкарства (гильдейское управленіе) законъ останется безсильнымъ до тѣхъ поръ, пока между ними будутъ происходить стачки; цѣны на жизненные припасы устанавливаются тайно и затѣмъ съ неизмѣнною настойчивостью удерживаются на базарѣ. Еврей въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ нѣсколько иначе: при конкуренціи съ другими онъ довольствуется сравнительно незначительнымъ барышемъ и съ нимъ всегда можно торговаться. Хотя Армяне, подобно Евреямъ, также разсѣяны по всему свѣту, но они не утратили своего отечества. Во времена гоненій, Армянинъ бралъ свой посохъ и уходилъ въ дальніе края, тогда какъ сосѣдъ его, Грузинъ, также принявшій христіанство, въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ иначе; послѣдній оставался въ своихъ долинахъ или же спасался въ ближайшія горы, когда преслѣдованія становились невыносимыми. Рожденный въ странѣ высокой, откуда онъ съ дѣтства привыкъ смотрѣть въ даль, Армянинъ безъ страху отправлялся въ дальнее

Т. IX. Эриванъ, съ высоты нагорнаго берега Санги.

странствованіе, когда его къ этому вынуждали обстоятельства. На чужбинѣ онъ старался сохранять свои типическія особенности и всегда поддерживалъ связь съ тѣснымъ своимъ отечествомъ. Онъ извлекалъ всѣ выгоды, какія только возможны были, изъ своей новой родины и умѣлъ эксплуатировать богатства ея посредствомъ торговли въ свою пользу и въ пользу своихъ соотечественниковъ въ Закавказьи. Когда, вслѣдствіе притѣсненій со стороны властителей, Армяне выселялись цѣлыми массами, то они сплачивались еще тѣснѣе, соблюдали древніе обычаи и сохраняли вѣрную память и преданность родинѣ. Городъ Нахичевань близъ Ростова является вторымъ примѣромъ такого огульнаго выселенія, рядомъ съ Ново-Джульфою недалеко отъ Испагани. Первоначальное мѣсто жительства Нахичеванцевъ находилось въ Елизаветпольской губерніи, гдѣ имъ принадлежала деревня Чардихлы. Армянинъ обыкновенно сохранялъ свою національность, если противъ него не дѣйствовали съ уничтожающею силою. Наиболѣе типиченъ онъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нетолько терпимъ въ обществѣ, а наравнѣ съ остальными членами пользуется совершенно одинаковыми правами. Существуетъ однако нѣсколько примѣровъ, когда небольшая группа Армянъ подвергалась коренному измѣненію. Приведу здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, сгруппированныхъ Дубровинымъ *).

На Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочнаго Окопскаго укрѣпленія, есть селеніе Армавиръ, населенное Армянами, вышедшими изъ Черкесіи въ 1838 году и утратившими совершенно армянскую народность. Не отличаясь нравами и обычаями отъ Черкесовъ, Армавирцы сохранили нѣкоторую особенность относительно рабовъ, находившихся въ ихъ владѣніи. Рабы у Армавирцевъ произошли отъ плѣнныхъ горцевъ, которыхъ они покупали у черкесскихъ князей и узденей. Армавирецъ не имѣлъ права заставить своего ясвера (рабъ) работать болѣе обыкновеннаго. Ограниченіе это было сдѣлано съ общаго согласія и положено, чтобы каждый рабъ, кромѣ своего владѣтеля, имѣлъ у себя кого-либо изъ сосѣдей Армавирцевъ своимъ покровителемъ. Въ случаѣ притѣсненія хозяина, рабъ отправлялся къ своему покровителю, который разсматривалъ его жалобу и если находилъ ее справедливою, то сообщалъ старшинамъ селенія, которые обсуждали поступки и хозяина, и раба. Каждый ясверъ имѣлъ свое отдѣльное хозяйство и обязанъ былъ удѣлять половину дохода своему владѣльцу, которому, впрочемъ, вмѣнено было въ обязанность снабжать раба всѣмъ необходимымъ для хозяйственныхъ занятій; въ противномъ случаѣ, хозяинъ не имѣлъ права требовать съ раба части его доходовъ. Такъ, во время посѣва, владѣлецъ долженъ былъ дать рабу сѣмена и пару воловъ, къ которымъ ясверъ прибавлялъ столько же собственныхъ и приступалъ къ работѣ. Во время сѣнокоса и жатвы владѣлецъ долженъ былъ явиться вооруженнымъ на поле своего ясвера, для защиты его отъ хищническихъ нападеній. Во все время работы владѣлецъ стоялъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ и наблюдалъ за непріятелемъ, о появленіи котораго предварялъ ясвера и приготовлялся къ оборонѣ; бѣжать же съ поля, не защитивъ ясвера, считалось постыднымъ, и такіе хозяева изгонялись изъ общества.

Точно также на обязанности владѣльца лежало отыскать ясверу жену, а если она умретъ, то отыскать другую.

Армавирцы занимаются преимущественно скотоводствомъ, а также и мѣновою торговлею съ горцами, хотя подобное занятіе, въ прежнее время, было часто сопряжено съ опасностью жизни. Кровомщеніе существуетъ у Армавирцевъ во всей силѣ; въ храбрости они не уступаютъ Черкесамъ.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ Армянами, сохранившими одну только особенность своей націи — страсть къ торговлѣ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ они свыклись съ нравами и воззрѣніями дикихъ народовъ, стоящихъ, по среднему уровню своего образованія, значительно ниже Армянъ. Вслѣдствіе склонности Армянина къ торговлѣ, мы встрѣчаемъ

*) Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, Т. I. кн. 2, стр. 40.

въ средѣ бѣднѣйшихъ горцевъ, гдѣ вся нажива можетъ считаться копѣйками. Въ величественной долинѣ Пшавской Арагвы, далеко отъ ауловъ Хевсуровъ и Пшавовъ, совершенно уединенно стоитъ духанъ Армянина, гдѣ онъ торгуетъ водкою и всякою мелочью. Водка служитъ приманкою для сына горъ, который обмѣниваетъ ее на драгоцѣнную выдру, на мѣхъ куницы или каменной рыси, или же отдаетъ за этотъ напитокъ мѣшокъ дурной овечьей шерсти, бурдюкъ съ масломъ или же рубецъ, туго набитый овечьимъ сыромъ. Барышничая такимъ образомъ, онъ наживаетъ по меньшей мѣрѣ рубль на рубль. Фунтъ масла, пріобрѣтенный наверху въ горахъ мѣновою торговлею, обходится Армянину 6 — 8 коп.; въ Тифлисѣ же (80 верстъ по прямой линіи къ югу) онъ продаетъ его за 40 — 45 коп. Этимъ объясняется, что грубые армянскіе духанщики иногда въ нѣсколько лѣтъ такъ наживались, что послѣ двухъ или трехъ болѣе значительныхъ и удавшихся торговыхъ спекуляцій, дѣлались финансовыми тузами въ Тифлисѣ.

Типъ Тумбульца.

На сѣверномъ склонѣ Алагеза, въ большомъ селеніи Башъ-Абаранъ или Бараполѣ, живутъ совершенно отуреченные Армяне, пришедшіе сюда изъ Турціи; но христіанская религія однако сохранилась между ними. Тотъ же авторъ (на стр. 403) разсказываетъ объ Армянахъ, переселившихся изъ Персіи на берега Аракса, которые также утратили характерныя черты своей національности.

Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, на берегу р. Аракса, лежитъ селеніе Тумбулъ, жители котораго извѣстны подъ названіемъ Тумбульцевъ. Народъ этотъ —Армяне, переселившіеся сюда изъ города Салмазъ, Адербейджанской провинціи — имѣетъ такія рѣзкія особенности, что онѣ дѣлаютъ его весьма мало похожимъ на всѣхъ остальныхъ Армянъ.

Тумбулецъ высокъ ростомъ, тощъ съ лица. На немъ — черная изодранная одежда, покроемъ похожая на рясу монаха, котораго онъ и старается изобразить собою. При встрѣчѣ съ вами, Тумбулецъ непремѣнно упомянетъ объ Іерусалимѣ и попроситъ милостыни; въ правой рукѣ его посохъ, а въ лѣвой — бумага, исписанная какими-то іероглифами. Непривычный къ сельскимъ занятіямъ, онъ живетъ темными средствами на чужой счетъ, подаяніемъ и милостынею. Тумбулецъ скитается десятки лѣтъ далеко отъ родины, приходитъ домой только на зиму и уходитъ опять съ раннею весною; зиму онъ не любитъ, потому что приходится сидѣть дома за дымнымъ каминомъ или курси *). Его убиваетъ тоска не по родинѣ, а по чужимъ землямъ. Зато съ раннею весною онъ опять идетъ на промыселъ и добываетъ себѣ кусокъ хлѣба непозволительнымъ трудомъ.

Подъ именемъ дервиша онъ обходитъ города, священные для мусульманина: Мекку, Медину и Кербелоэ; тамъ онъ ловко поддѣлывается подъ обычай правовѣрныхъ, молится вмѣстѣ съ ними Магомету и живетъ подаяніемъ и добровольными пожертвованіями набожныхъ мусульманъ. Подымаясь къ Іерусалиму, онъ сбрасываетъ съ себя имя дервиша, надѣваетъ

*) Это столъ на короткихъ ножкахъ, поставленный надъ пекарной ямой для тепла; столъ этотъ накрываютъ ковромъ, а потомъ одѣяломъ, которымъ укрываютъ ноги, во время сна, располагаясь кружкомъ на самомъ столѣ.

черную рясу и, принявъ званіе монаха, подъ личиною набожности и смиренія, посѣщаетъ Іерусалимъ.

Тумбульца можно встрѣтить въ Индіи, Афганистанѣ, Сиріи, Россіи, Сибири, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только живутъ люди. Обрыскавъ весь свѣтъ, онъ возвращается домой съ порядочнымъ запасомъ денегъ. Родные, друзья и сосѣди привѣтствуютъ его съ благополучнымъ возвращеніемъ; одни радуются, другіе горюютъ, не получивъ свѣдѣній о своихъ родственникахъ, еще бродящихъ по міру.

Принесенный запасъ выпрошенныхъ денегъ дозволяетъ Тумбульцу содержать свою семью съ роскошью. Прекрасный домъ, опрятныя комнаты составляютъ главную заботу и попеченіе; чай, сытный полуазіатскій, полуевропейскій обѣдъ, десертъ и кофе, составляютъ, можно сказать, принадлежность его нищи.

Армяне изъ Шемахи.

У себя дома, Тумбулецъ покажется скорѣе торговцемъ, который доживаетъ послѣднюю копѣйку, чѣмъ бережливымъ селяниномъ. У рѣдкаго вы не встрѣтите серебряной посуды работы всѣхъ временъ и народовъ: англійской, французской, русской и азіатской. Шелковыя покрывала, занавѣсы, бархатъ, кашемирскія шали, хоросанскіе и міанскіе ковры, — собраны, снесены сюда, словно дань подвластныхъ своему повелителю. Сами Тумбульцы и жены ихъ одѣваются чисто, богато, роскошно; шелковыя ткани составляютъ ихъ ежедневный нарядъ, не говоря о драгоцѣнныхъ камняхъ; алмазы, бирюза, яхонтъ, изумрудъ, жемчугъ постоянно употребляются на украшеніе женщинъ, которыя впрочемъ нуждаются въ этомъ, потому что сами не отличаются большою красотою. Онѣ особенно любятъ носить цѣпи на шеѣ, монисты изъ древней золотой и серебряной монеты.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ 20 — 25 тому назадъ. Въ новѣйшее время Тумбульцы принуждены были избрать себѣ какое-нибудь мирное и честное занятіе, потому что правительство не могло имъ дозволить прежній образъ жизни, основанный на религіозномъ обманѣ.

Мы познакомились, такъ сказать, съ отщепенцами Армянскаго народа. Съ другой стороны, между сынами той же націи выдается цѣлый рядъ отличныхъ мужей, дѣлающихъ ей не мало чести. Армянинъ ищетъ образованія. Весьма многіе изъ зажиточныхъ молодыхъ людей учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи и Германіи сыновья купцовъ проводятъ время своего обученія коммерческому дѣлу въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Европы. Россія можетъ выставить довольно длинный списокъ заслуженныхъ полководцевъ, государственныхъ людей и ученыхъ изъ этой націи. Вообще, когда западная цивилизація повліяетъ на живой энергическій умъ Армянина, то нельзя не признать въ немъ несомнѣнныхъ достоинствъ. Онъ ни въ чемъ не уступитъ образованному Еврею, и тогда ни тотъ ни другой не имѣютъ болѣе темныхъ сторонъ своей націи.

Армяне по наружности своей представляютъ сильное, почти всегда смуглое, племя. Иногда между ними встрѣчаются рыжіе и очень рѣдко бѣлокурые. Волосы густые и тол-

стые, совершенно черные, рѣдко совсѣмъ гладкіе. Въ профилѣ особенно выдается носъ, большой и нѣсколько загнутый книзу. Большіе черные глаза окаймлены густыми бровями, которыя почти сходятся у основанія носа. Ротъ большею частью широкій съ сильно развитыми губами. На положеніе ушей и форму черепа искуственно вліяетъ головная повязка, которую до сихъ поръ накладываютъ новорожденнымъ дѣтямъ во многихъ армянскихъ семействахъ. Обычай этотъ въ особенности распространенъ около Ванскаго озера. Между нынѣ живущими Армянами даже въ Тифлисѣ иногда попадаются столь уродливыя формы череповъ, что нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ аварскихъ макроцефаловъ древности (Керчь), другіе имѣютъ сходство съ гидроцефалами. Новорожденнаго вытираютъ солью или золою и затѣмъ ему накладываютъ головную повязку. Во всякомъ случаѣ, искуственно измѣненная форма черепа обусловливаетъ болѣе или менѣе неестественное положеніе мозга. Въ психологическомъ отношеніи было-бы интересно рѣшить, остается ли дѣятельность такого мозга нормальною, или, быть можетъ, нѣкоторыя особенности въ мышленіи и дѣйствіяхъ бываютъ необходимымъ послѣдствіемъ измѣненной формы его.

Образованные Армяне усвоили себѣ обычаи и одежду западныхъ народовъ. Весьма красивыя иногда молодыя дамы, посѣщающія балы въ Тифлисѣ, въ обхожденіи своемъ нисколько не уступаютъ хорошо воспитаннымъ француженкамъ. Онѣ отличаются живостью и естественою простотою, рѣдко бываютъ граціозны и жеманны, обыкновенно здоровы, умѣреннаго роста и полнаго сложенія. На наряды многія изъ нихъ тратятъ большія средства, когда надо показаться въ обществѣ. Въ домѣ же даже богатаго Армянина господствуетъ большая простота. Армянка прежде всего превосходная хозяйка и хорошая мать. Восточные обычаи наложили на нее болѣе или менѣе печать восточной женщины. Она ведетъ большею частью жизнь уединенную и боится открыто выступать въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья армянскія женщины, христіанки, закрываютъ свое лицо съ бо́льшимъ еще стараніемъ и аккуратностью, чѣмъ мусульманки. Въ Шушѣ, главномъ городѣ Карабахскаго ханства, армянки совершенно закрываются и подъ бѣлую и голубую чадру надѣваютъ еще другую, шелковую. Армянскія женщины въ Ахалцихѣ ткутъ чрезвычайно красивыя легкія чадры изъ бѣлой шерсти, въ которыя онѣ совершенно закутываются. Въ Тифлисѣ хлопчато-бумажныя произведенія Москвы давно уже вытѣснили эти предметы домашняго производства, приготовлявшіеся прежде съ большимъ стараніемъ и умѣніемъ. Болѣе почтенныя по лѣтамъ женщины, даже тѣ, которыя по состоянію своему могли себѣ позволить умственныя и другія удовольствія, не знаютъ часто какъ время убить. Всѣмъ здѣсь извѣстно, что армянскія дамы собираются въ большія общества чуть ли не съ ранняго утра и предаются игрѣ въ лото, самой скучнѣйшей изъ всѣхъ азартныхъ игръ, съ такимъ терпѣніемъ и постоянствомъ, которыя достойны лучшаго дѣла. Казалось-бы, что страсть къ наживѣ есть единственная пружина въ этой игрѣ. По крайней мѣрѣ иначе невозможно объяснить себѣ, что 10 — 12 женщинъ въ продолженіе 8 — 10 часовъ сряду въ спокойномъ благоговѣніи ожидаютъ момента, когда та или другая изъ нихъ выиграетъ.

Армянская женщина очень рано старится. Браки заключаются не по свободному согласію молодыхъ людей, а по волѣ родителей, какъ и вездѣ на Востокѣ. Женихъ долженъ уплатить отцу своей невѣсты опредѣленную сумму денегъ (я говорю о простомъ народѣ), такъ что и въ этомъ мы находимъ почти укоренившійся магометанскій обычай. Кромѣ того женихъ обязанъ дать будущей женѣ своей приданое, потому что она приноситъ съ собою только постель и домашнюю утварь. Между близкими родственниками браки вовсе запрещены и разводъ невозможенъ. Вообще говоря, брачные союзы между Армянами бываютъ счастливы и весь домъ содержится въ образцовомъ порядкѣ. Ежедневная будничная жизнь Армянина очень скромная. Я знаю очень богатыхъ людей, съ милліоннымъ почти состояніемъ; несмотря на это, они, однако, съ семействомъ своимъ въ обыкновенные дни располагаются на деревянной тахтѣ для обѣда, который состоитъ изъ всякихъ травъ, овечьяго сыра, чурека (хлѣбъ) и непремѣнно

кувшина вина; эта умѣренная трапеза заканчивается бараньимъ шашлыкомъ. Дома такихъ людей состоятъ изъ палатъ, въ которыхъ я видѣлъ люстры изъ венеціанскаго стекла, на стѣнахъ лучшіе парижскіе обои и на полахъ паркеты, которые могли бы быть украшеніемъ замка какого-нибудь владѣтельнаго князя. Все это пусто, — милліонеръ вовсе не умѣетъ жить, не умѣетъ наслаждаться своимъ богатствомъ. Вся цѣль его жизни заключается въ накопленіи какъ можно больше золота.

Заключеніе браковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сопровождается различными, очень странными обычаями. Въ Эриванской губерніи невѣста получаетъ между прочимъ два предмета: плоскую гладкую створку перламутровой раковины и стеклянный пестикъ для растиранія румянъ. Между армянскими дамами бѣлила и румяна въ большомъ употребленіи, и многія изъ нихъ подмазываютъ себѣ даже густыя брови, которыя и безъ того рѣзко очерчены.

Еще одинъ древній обычай соблюдается иногда въ простонародіи послѣ совершенія бракосочетанія. Вотъ что говоритъ по этому поводу Дубровинъ: «По окончаніи вѣнчанія, совершаемаго по обрядамъ христіанской религіи, священникъ и дружка (шаферъ), подобно тому какъ и у Грузинъ, надѣваютъ на шею молодыхъ шелковые шнурки, на концѣ которыхъ прикладываютъ восковую печать съ изображеніемъ креста. Печать эта налагаетъ на новобрачныхъ обязанность сохранять цѣломудріе. Слѣдить за этимъ возлагается на обязанность дружки. Черезъ три дня послѣ свадьбы является священникъ, читаетъ молитву, ломаетъ печать вмѣстѣ съ дружкою и, развязавъ шнурокъ, дозволяетъ тѣмъ *разрѣшеніе* венерина пояса.»

Теперь необходимо еще сказать нѣсколько словъ объ Армянинѣ, сохранившемъ вѣрность къ клочку земли, которая даетъ ему пропитаніе, — о сельскомъ жителѣ. Крестьянинъ-бѣднякъ, все равно какого онъ вѣроисповѣданія, армяно-грегоріанскаго или римско-католическаго (Ахалцихъ), развивается при существенно-одинаковыхъ условіяхъ съ Татариномъ и занимаетъ одинаковое съ послѣднимъ общественное положеніе. Внѣшній складъ и бо̀льшія или меньшія удобства жизни зависятъ отъ мѣста жительства. Обитатель жаркаго пояса въ долинѣ Аракса большею частью живетъ надъ землею, тогда какъ житель горъ устраиваетъ свое жилище подъ землею и проводитъ тамъ лѣто и зиму. Такія подземныя жилища встрѣчаются также у Татаръ и Курдовъ и представляютъ собою настоящіе лабиринты изъ множества соединенныхъ между собою помѣщеній, изъ которыхъ чужой человѣкъ съ трудомъ находитъ выходъ. Существованіе въ такихъ пещерахъ, въ особенности зимою, самое незавидное и внушаетъ отвращеніе. Многіе изъ Армянъ, особенно же лѣтомъ, ведутъ до извѣстной степени кочевую жизнь. Лѣтомъ они съ своими стадами поднимаются въ горы, а осенью вновь возвращаются въ свои постоянныя жилища. Самый способъ обработки земли зависитъ отъ мѣстности. Въ долинѣ Аракса, начиная отъ большой деревни Садарабада до меридіональныхъ отроговъ Карабаха, который съ древнихъ временъ считался восточною границею Арменіи, встрѣчаются отдѣльные обработанные оазисы съ орошеніемъ. Главная отрасль земледѣлія здѣсь составляетъ садоводство. На возвышенности исключительно разводятъ хлѣбныя растенія, большею частью сѣверные сорта, въ особенности ячмень. Такая обработка земли отдѣльными оазисами составляетъ не только главный экономическій характеръ долины средняго Аракса, но также придаетъ особенный типическій видъ здѣшнему ландшафту. Бросимъ бѣглый взглядъ на эту страну, которую Шопенъ черезчуръ ужь нахвалилъ. Говоря о Маломъ Кавказѣ, я уже сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой мѣстности. Когда вы, приближаясь сюда отъ Гокчинскаго озера, въ первый разъ увидите величественную группу Арарата и затѣмъ смотрите внизъ отъ ледяныхъ вершинъ его въ долину Аракса, повсюду замѣчаете вдали большія, темныя, почти черныя пятна, которыя рѣзко выступаютъ на матовомъ полинявшемъ фонѣ рѣчной долины. Это тѣ самые оазисы, о которыхъ мы говоримъ. Здѣсь вдоль водоснабжающихъ каналовъ тѣсно насажено 3 — 4 — 5 рядовъ пирамидальныхъ тополей, отводки которыхъ легко принимаются и такъ быстро выростають, что каждое изъ этихъ деревьевъ черезъ семь-восемь лѣтъ уже оцѣнивается отъ 2 до

3 рублей. Арменія — страна совершенно безлѣсная, а прямой стволъ тополя, будучи хорошо высушенъ, даетъ отличный строительный матеріалъ и легко обрабатывается. Безъ него нельзя обойтись даже при устройствѣ подземнаго жилища кочевника. На стволахъ его, которые всѣ держатся на подпоркахъ, насыпаютъ земляную крышу въ видѣ закругленнаго возвышенія. Богатство многихъ людей по среднему Араксу цѣнится по числу принадлежащихъ имъ тополей, и счастливый женихъ уплачиваетъ здѣсь колымъ за свою невѣсту стволами этого дерева. Въ этихъ, иногда весьма обширныхъ, оазисахъ не можетъ быть рѣчи о европейской культурѣ садовыхъ плодовъ. На луговой почвѣ, зелень которой при достаточномъ орошеніи сохраняется даже лѣтомъ, правильно посажены абрикосовыя деревья, и между ними нерѣдко попадаются хорошіе сорта, но большая часть изъ разводимыхъ здѣсь фруктовъ не по вкусу избалованному Европейцу, который привыкъ къ лучшимъ. Эти абрикосовые стволы здѣсь очень быстро дости-

Передъ домомъ Армянина.

гаютъ значительной толщины и доставляютъ матеріалъ для топлива и угольевъ. Подобно всѣмъ костянкоплодовымъ деревьямъ, существованіе ихъ продолжается очень недолго: послѣ 15 лѣтъ жизни они уже постепенно начинаютъ отмирать. Большія плантаціи тутовыхъ деревьевъ, посѣвы клещевины и кунжута, поля люцерны, которыя при хорошемъ орошеніи даже среди лѣта, на обожженной солнцемъ почвѣ, сохраняютъ свѣжесть своей зелени, кукуруза и бобы, бахчи съ крупными арбузами и дынями, изрѣдка поле засѣянное рисомъ или небольшая плантація хлопчатки, — вотъ все почти, что можно встрѣтить на этомъ пространствѣ. Отъ пшеницы, которую убрали еще въ концѣ маѣ, осталось одно только желтѣющее жнивó. Близъ жилищъ устроены углубленныя гряды, въ которыхъ лучше удерживается влага; здѣсь разводится зелень для ежедневнаго употребленія, которая прямо свѣжая подается къ столу, а именно: крессъ, мята, лукъ, клоповница и маточникъ. Вся земля внѣ оазисовъ къ концу мая уже совершенно выгораетъ, за исключеніемъ развѣ области у подошвы Большаго и Малаго Арарата; здѣсь черезъ вулканическія породы легко просачивается вода, которая стекаетъ съ ледниковъ этихъ

исполиновъ, способствуя образованію *ключей* и болотъ. Гдѣ нѣтъ воды, тамъ лѣтомъ растенія, животныя и даже пресмыкающіяся, — словомъ, вся природа этой равнины, — погружаются въ летаргію.

Совсѣмъ иное представляется намъ на склонѣ этой широкой долины и на плоскогоріи. Поясъ умѣреннаго климата съ богатою луговою флорою, которая въ состояніи противустоять лучамъ солнца, лежитъ здѣсь на вышинѣ отъ 4 до 7000 футъ надъ уровнемъ моря. Тутъ на встрѣчу намъ попадаются богатыя необозримыя нивы на отличной черноземной почвѣ. Растительность имѣетъ возможность освѣжиться здѣсь во время ночной прохлады, и въ іюлѣ мѣсяцѣ вѣтеръ волнуетъ посѣвы пшеницы и ячменя. Еще выше лежатъ горныя пастбищныя мѣста, которыя только лѣтомъ посѣщаются кочевниками и ихъ стадами. Раннею осенью пространства эти покрываются бѣлою снѣговою пеленою, которая не снимается здѣсь до конца мая. На

Эчміадзинскій монастырь.

этихъ лугахъ флора имѣетъ красивѣйшія произведенія. Тамъ встрѣчается прелестный первоцвѣтъ-карликъ, крестоцвѣтный съ желтыми цвѣточками, множество бѣлыхъ ясколокъ (Cerastium) и разные виды мокричныхъ (Alsine), — все это образуетъ прекрасный пестрый коверъ. Несмотря на всѣ эти прелести, невозможно восхищаться армянскимъ ландшафтомъ въ такой степени, какъ восхищается Шопенъ. Недостаетъ здѣсь быстрой смѣны различныхъ сценъ, и на всей природѣ лежитъ печать какого-то величественнаго однообразія. Прежде всего увлеченные видомъ массивныхъ вершинъ Арарата и лежащею противъ нихъ высотою Алагеза (глазъ Божій), мы скоро привыкаемъ къ величественному впечатлѣнію этихъ исполиновъ, имѣя ихъ только передъ собою; они скоро прискучиваютъ намъ и невольно стремишься въ полумракъ лиственной рощи, чтобы на берегу журчащаго ручейка отдохнуть подъ группою папоротниковъ. Въ Арменіи, гдѣ внезапно изъ долины выступили громадныя вулканическія вздутія и образовались вершины остроконечныхъ конусовъ отъ 12 до 17000 футовъ надъ уровнемъ моря, гдѣ къ югу отъ нихъ въ непрерывной связи простирается

плоская возвышенность далеко отъ моря безъ всякихъ разчлененій, гдѣ большая часть источниковъ рѣчныхъ системъ терпятъ недостатокъ въ вѣчномъ снѣгѣ, и гдѣ къ сѣверу плоскогоріе это ограничивается кряжами горъ съ чрезвычайно крутыми склонами, — въ такой мѣстности общая физіономія не могла сдѣлаться иною. Пустыня и высокая альпійская полоса находятся такъ близко рядомъ; здѣсь въ полдень на солнцѣ термометръ поднимается до 38° — 40° Р, а 12 часовъ спустя, тамъ наверху температура понижается до 6°. Здѣсь внизу по желтоватой почвѣ пустыни толпятся цѣлыми стаями породы степныхъ курочекъ, а тамъ у гиганскихъ выступовъ Арарата, которые безжизненно глядятъ вверхъ на небо изъ глубокихъ ледниковъ, красивая горная касатка (Cypselus affinis) съ шумомъ разсѣкаетъ воздухъ и быстро на лету ловитъ однодневокъ, которыхъ личинки живутъ въ ледяной водѣ.

Въ заключеніе мы еще обратимъ вниманіе на творенія рукъ человѣческихъ въ этой странѣ. Самое лучшее въ этомъ отношеніи относится къ давно прошедшему времени, когда Арменія была богатымъ могущественнымъ царствомъ и когда христіанскій народъ ея защищался отъ вторженія ислама. Тогда процвѣтало здѣсь строительное искусство, въ священныхъ мѣстахъ народъ воздвигалъ величественныя зданія въ церковномъ стилѣ, а въ древней резиденціи Ани возникали свѣтскія постройки. Въ числѣ первыхъ, въ особенности *Эчміадзинскій монастырь*, обращаетъ на себя вниманіе. Начало его постройки относится къ IV столѣтію. Онъ лучше всѣхъ противустоялъ разрушающей силѣ времени, и по настоящій день онъ сохранилъ свое значеніе какъ центръ религіозныхъ дѣлъ націи и служитъ мѣстомъ жительства для патріарха всѣхъ Армянъ, тогда какъ мѣсто, гдѣ была сосредоточена свѣтская власть, столица древнихъ царей Арменіи испытала совсѣмъ иную участь. Въ Эчміадзинѣ глазамъ нашимъ представляется мирная картина, внушающая благоговѣніе; въ Ани насъ поражаютъ величественныя развалины, напоминающія непрочность и тлѣнность человѣческаго величія и твореній рукъ человѣческихъ.

Но прежде, чѣмъ попасть въ этотъ монастырь, путь нашъ лежитъ на Эривань. Этотъ городъ имѣетъ исключительно одно только административное значеніе: здѣсь сосредоточено управленіе довольно большою губерніею. Съ 1829 года, когда генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ присоединилъ Эривань къ Россійскому государству, всѣ старанія правительства были направлены къ устройству здѣсь центральнаго управленія губерніею, но въ отношеніи торговли и промышленности, которыя приносятъ богатство въ край, городъ этотъ никогда не игралъ никакой роли, и жизнь здѣсь кажется вялою. Въ большомъ караван-сараѣ со множествомъ лавокъ вовсе не замѣтно оживленія. Онъ построенъ на восточный ладъ, четвероугольникомъ съ большимъ пространствомъ для двора внутри. Въ серединѣ большой бассейнъ, всегда хорошо содержимый, осѣняется исполинскими вязами, которыхъ здѣсь называютъ *нарбандъ*. Мѣсто это принадлежитъ къ числу привлекательныхъ въ этомъ городѣ и быть можетъ одно изъ самыхъ оригинальныхъ во всемъ Закавказьѣ. Среди внутренняго двора каравансарая, гдѣ виднѣется красивый куполъ мечети изъ кирпича, покрытаго синею лазурью, стоятъ очень старые нарбанды, осѣняющіе темною своею зеленью спокойную, чистую поверхность воды въ каменныхъ бассейнахъ. Мы были здѣсь лѣтомъ. Въ два — три часа пополудни здѣсь господствуетъ мертвая тишина, хотя большая часть лавокъ открыта. Въ одномъ изъ помѣщеній, занятомъ мусульманской школой, сидятъ маленькіе мальчики съ бритыми головами, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ. Тутъ же находится ихъ учитель, худой какъ тростинка, и рядомъ съ нимъ недорогой его помощникъ. Большія очки у перваго спустились на середину носа, онъ сидитъ съ крестообразно сложенными подъ себя ногами и предался послѣобѣденному сну. Недалеко отъ него въ своей лавкѣ сидитъ оптовый торговецъ хлопчато-бумажными товарами въ восточномъ вкусѣ, московской фабрикаціи. Это старикъ съ выкрашенною въ ярко рыжій цвѣтъ бородою и такими же ногтями. Передъ нимъ персидскій кальянъ, изъ котораго онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ тянетъ охлажденный водою табачный дымъ. Въ другомъ мѣстѣ стоятъ два

магометанина индигосиняго цвѣта. Это красильщики. Они только-что выкрасили бумажную прядь въ синій цвѣтъ; теперь они заняты ручною набивкою желтаго рисунка на синюю матерію посредствомъ особыхъ вырѣзанныхъ на деревѣ печатей и во все время работы хранятъ глубокое молчаніе. Жара невыносимая. Въ тѣни вязовъ слышится только беззаботное пѣніе пары щегленковъ.

Въ Эривани сохранились остатки двухъ великолѣпныхъ зданій, которыя находятся въ такъ называемой древней крѣпости и относятся къ временамъ персидскаго владычества. Одно изъ нихъ реставрировано нашимъ правительствомъ и теперь оберегается имъ, — это пріемная зала прежнихъ сардарей. На стѣнахъ мы видимъ оляповатую живопись, которая до сихъ поръ еще практикуется въ Персіи съ большимъ стараніемъ. Она представляетъ, безъ всякой перспективы, изображенія геройскихъ подвиговъ, сраженій и охотничьихъ сценъ Персидскихъ шаховъ. Краски чрезвычайно ярки и соединены между собою безъ малѣйшей гармоніи, рисунки неудачны, но полны оригинальности. Ниши и потолокъ этой залы покрыты безчисленнымъ множествомъ фацетокъ, и въ связанныя между собою окна на южной сторонѣ вставлены маленькія стекла. Сѣверная сторона совсѣмъ открыта, обращена на дворъ и можетъ закрываться занавѣсями. Все это придаетъ зданію чрезвычайно странный видъ. Недалеко отсюда находятся развалины мечети очень отдаленныхъ временъ, отъ которой въ настоящее время уцѣлѣло немного. Когда я былъ здѣсь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, все зданіе еще до нѣкоторой степени сохранилось. Оно представляетъ продолговатую постройку изъ кирпича съ великолѣпнымъ громаднымъ куполомъ параболической формы въ центральной части своей. Все зданіе возведено изъ глазированнаго кирпича и на переднемъ фасадѣ простѣнки между окнами разукрашены цвѣтами изъ лазури въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Молельня, которая помѣщалась подъ куполомъ, внутри была исполнена весьма художественно. Тутъ были великолѣпныя изваянія изъ мрамора и глазури, но все это исчезло въ послѣднее время.

Отъ этой крѣпости изъ оконъ сардарскаго дворца глазамъ нашимъ представляется прекрасное зрѣлище въ сторону, лежащую къ югу. Глубоко внизу шумитъ Санга, единственный стокъ Гокчинскаго озера; здѣсь она быстро несется по скалистому руслу и иногда скрывается подъ зеленью садовъ. Далѣе лежатъ роскошные оазисы съ группами деревьевъ и садами, и на горизонтѣ виднѣется ни съ чѣмъ не сравнимый Араратъ съ его могучею ледяною шапкою.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о древности города Эривани, и о происхожденіи этого названія.

Объясненіе названія города по армянскому нарѣчію ведетъ насъ до праотца Ноя. Когда воды потопа стали понижаться, говоритъ преданіе, и снова появилась земля, то праотецъ рода человѣческаго, впервые увидѣвши Канакирскія высоты, воскликнулъ: «erebume!» (еревумэ), что значитъ: видно, показывается. У магометанъ мы находимъ другое объясненіе. Они говорятъ, что рѣчка Санга дала поводъ къ названію города, и производятъ слово Эривань отъ «Адраванъ», что означаетъ «течетъ». Трудно сказать, которое изъ этихъ двухъ объясненій заслуживаетъ предпочтенія, вѣрно, однакожь, что въ древней исторіи городъ Эривань вовсе неизвѣстенъ. Въ серединѣ VII столѣтія городъ этотъ въ первый разъ упоминается въ армянскихъ лѣтописяхъ, какъ мѣстопребываніе католикоса Оганеса, и съ того времени онъ въ продолженіе слѣдующихъ семи столѣтій безпрерывно остается подъ армянскимъ владычествомъ. Затѣмъ, въ продолженіе почти 400-лѣтняго періода, то Персы, то Турки попеременно господствуютъ въ странѣ и городѣ, и только съ 1827 тутъ укореняется русское владычество, послѣ бѣгства послѣдняго персидскаго хана Гуссейна, который съ 1807 былъ здѣсь намѣстникомъ шаха.

Населеніе Эривани, состоящее преимущественно изъ Армянъ и Татаръ, которые занимаются предпочтительно торговлею и мелочнымъ торгомъ, простирается, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, почти до 12,000 человѣкъ. Цифра эта очень невыгодно рекомендуетъ городъ, если сопоставить ее съ числомъ населенія въ 1829 г. Тогда въ Эривани было населенія почти

столько же, сколько и теперь, т. е. 50 лѣтъ спустя. Сообразуясь съ статистическими данными, медленное возрастаніе населенія въ Эривани приходится приписать исключительно дурнымъ гигіеническимъ условіямъ города.

Къ востоку отъ Эривани, находится Нахичевань и Ордубадъ. Первый изъ нихъ преимущественно татарскій городъ; онъ расположенъ по наклонной плоскости, которая понижается къ Араксу; мѣстность эта, гдѣ нѣтъ искуственнаго орошенія, имѣетъ совершенно характеръ пустыни съ скуднымъ кустарникомъ, съ скорпіонами и фалангами. Второй изъ этихъ городовъ весь погруженъ въ роскошную зелень древесныхъ группъ, между которыми выдаются огненные цвѣты гранатовъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ растетъ самый древній и толстый чинаръ на всемъ Кавказѣ. Онъ уже отъ старости слабъ сталъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ буря унесла остатки его верхушки, и теперь стволъ стоитъ лишенный лучшаго своего украшенія

Окрестности Нахлакевц. Нахичевани на Араксе-

Въ дуплѣ его свободно помѣщается 10 человѣкъ, и онъ безъ сомнѣнія былъ свидѣтелемъ событій давно прошедшихъ временъ.

Извѣстно, что римско-католическіе монахи для закладки своихъ монастырей всегда выбирали лучшія, укрѣпленныя и наиболѣе живописныя мѣстности. Этого нельзя сказать объ Эчміадзинѣ. Основатель его, при выборѣ мѣста, исключительно имѣлъ въ виду близость горы Ноя, у подошвы которой ему хотѣлось жить и молиться. Если принять во вниманіе, что монастырь этотъ находится на дальнемъ востокѣ, то нельзя не признать культуру его весьма значительною, но она проявляется въ довольно своеобразной стереотипной формѣ, остается безъ желаннаго прогресса и представители ея исключительно монахи. Послѣдніе, несмотря на страшныя гоненія, которыя имъ всегда угрожали, сумѣли побороть строптивую почву и извлечь изъ земли необходимые плоды для своего пропитанія.

Это обстоятельство даетъ намъ поводъ бросить бѣглый взглядъ на исторію армянской

націи и ея церкви. Ганкъ, одинъ изъ потомковъ Іафета, считается родоначальникомъ Армянъ и основателемъ ихъ государства. Отъ него произошло названіе его потомковъ а также названіе обитаемой ими страны Гаіастанъ. Одинъ изъ сыновей Ганка назывался Арменакомъ, отъ котораго впослѣдствіи народъ получилъ названіе, если вѣрить армянскимъ писателямъ. Со временъ Тиграна, послѣдняго изъ восьми Армянскихъ царей, платившихъ дань Мидянамъ, исторія этого народа начинаетъ проясняться. Тигранъ основалъ нынѣшнюю Арменію у береговъ Аракса и умеръ послѣ долгаго царствованія въ 520 г. до Р. Х. До Александра Великаго Арменія находилась подъ владычествомъ Персовъ. Затѣмъ до 190 г. до Р. Х. страною управляли Селевкиды, господство которыхъ оканчивается Антіохомъ Великимъ. Послѣ него уже Артаксій и Задріадъ основали Большую и Малую Арменію, а въ послѣдующихъ столѣтіяхъ страна переходила то къ Римлянамъ, то къ Парѳянамъ, смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывалось счастье оружія. Въ 106 г. по Р. Х. Арменія, благодаря побѣдамъ Траяна, сдѣлалась римскою провинціею. Въ половинѣ III столѣтія ее покорили Сассаниды. Въ началѣ IV столѣтія *) христіанство начало пускать прочные корни въ Большой Арменіи и все болѣе распространяться и развиваться, несмотря на неблагопріятныя политическія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ государство это становится игрушкою то Византійцевъ, то Персовъ. Долго еще послѣ паденія Сассанидовъ обстоятельства въ Арменіи оставались неблагопріятными для мирнаго развитія. Господство калифовъ чередовалось съ властью Византіи, пока наконецъ династія Багратидовъ не принесла странѣ давно желаннаго спокойствія (860), но только на короткое время. Справляясь о судьбахъ Арменіи въ исторіи послѣдующихъ столѣтій, мы находимъ, что участь страны у верховьевъ Кира, Аракса, Фрата и Мурада представляетъ очень мало утѣшительнаго. Области эти то и дѣло переходятъ отъ одного владѣтеля къ другому и составляютъ вѣчное яблоко раздора, внутренніе раздоры замѣняютъ собою разрушительныя войны, а нашествія Персовъ, Византійцевъ, Монголовъ, Татаръ и Турокъ — не переставали тѣснить этотъ злополучный народъ. Въ такомъ родѣ событія продолжались до новѣйшихъ временъ. Спокойствіе водворилось въ Арменіи лишь 50 лѣтъ тому назадъ, со времени ея присоединенія къ Россіи, и то въ одной только восточной части.

Обращаюсь къ Эчміадзинскому монастырю. Черезъ большія монастырскія ворота мы входимъ въ обширный дворъ, окруженный стѣною, вдоль которой растутъ высокія ивы. Въ сторонѣ мы видимъ старые высокіе чарбанды, передъ нами бьетъ ключъ, вода его чиста и прозрачна какъ кристаллъ. Далѣе мы видимъ монастырскій соборъ; колокольня его разукрашена орнаментами въ формѣ листьевъ и относится къ позднѣйшему времени, именно — къ XVII столѣтію. Влѣво, вдоль одной изъ стѣнъ, находятся покои высокихъ сановниковъ церкви; направо живетъ меньшая братья и монастырская прислуга. Тамъ же находятся склады, а въ подземномъ этажѣ большая монастырская кухня и столовая. Здѣсь, за длинными каменными столами, собираются для скромной трапезы, и тутъ, при случаѣ, можно встрѣтить армянскихъ монаховъ со всѣхъ странъ свѣта. Я видѣлъ здѣсь Армянина изъ Абиссиніи, который не обнаруживалъ ни европейскаго происхожденія, ни той набожной терпимости, которая вообще отличаетъ слугу церкви. Позади этого зданія помѣщается очень скромная типографія. Еще далѣе находится знаменитая библіотека, окруженная палисадникомъ, отъ котораго, по странной случайности, ключъ всегда оказывается затеряннымъ, когда кто-нибудь изъ чужихъ пришельцевъ пожелаетъ хотя бы только взглянуть на это святилище. Затѣмъ слѣдуетъ другой также обширный дворъ, въ которомъ вдоль стѣнъ расположены дома въ нѣсколько этажей, построенные на подобіе каравансараевъ на востокѣ. Здѣсь находятся комнаты для пріѣзжающихъ. На южную сторону открываются другія ворота. Передъ нами находится одно изъ великолѣпнѣйшихъ сооруженій

*) Христіанство проникло въ Арменію еще въ III столѣтіи. Царь Тиридатъ около 300 г. былъ крещенъ Григоріемъ Просвѣтителемъ.

покойнаго патріарха Нерсеса — колоссальный и очень глубокій водяной бассейнъ продолговатой формы, кругомъ обложенный тесаннымъ камнемъ и окруженный широкимъ троттуаромъ. Здѣсь пріятно отдохнуть по вечерамъ, когда съ высоты Алагеза, послѣ знойнаго лѣтняго дня, въ равнину спускается свѣжій вѣтерокъ, съ появленіемъ котораго исчезаютъ больно кусающіеся москитосы. Здѣсь хорошо отдохнуть, когда снѣговыя вершины Арарата все глубже окрашиваются раскаленнымъ пурпуромъ и когда наконецъ вся природа тихо засыпаетъ.

Въ августѣ 1874 года, я, вмѣстѣ съ докторомъ Сиверсомъ, возвращался изъ Эрзерума. Мы успѣли уже проѣхать въ области верхняго теченія Аракса всѣ мѣстности, съ которыми связаны воспоминанія о послѣдней войнѣ. Кагизманъ остался позади насъ, путь нашъ прямо лежалъ на востокъ, чтобы достигнуть Ани, — древней столицы армянскихъ царей. Передъ нами лежали совершенно выжженныя степи на холмистомъ пространствѣ по западному теченію Арпачая. Кругомъ все мертво. Развалины Ани произвели на насъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь нѣкогда было средоточіе могущественной власти, здѣсь трудолюбіе и прилежаніе произвели богатство, и подъ его покровительствомъ развивалось искусство. Всѣ развалины свидѣтельствуютъ здѣсь объ этомъ. Сплошныя стѣны изъ дикаго камня и цемента, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокія оборонительныя башни, великолѣпные остатки церквей, на которыхъ до сихъ поръ сохранились глубокія изваянія орнаментовъ изъ глазури, извивающихся въ формѣ раковинъ, каменные карнизы оконъ, неподражаемые рельефы изъ глазури, треснувшіе куполы церквей, отчасти провалившіеся, великолѣпно исполненные своды и ниши, покрытые фацетками, — все это напоминаетъ о прежнемъ величіи и богатствѣ Ани. Теперь все здѣсь пустынно. Ласточки гнѣздятся на стѣнахъ, въ щеляхъ на землѣ сидятъ тарантулы и на грудѣ камней днемъ грѣется гадюка.

Въ V столѣтіи Ани служилъ резиденціею Багратидовъ и считался однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и обширныхъ городовъ въ передней Азіи. Византійцы, Турки, Курды и Грузины неоднократно разоряли этотъ городъ — и въ 1313 г. землетрясеніе разрушило послѣдніе остатки прежняго величія.

Свѣтская власть Армянскаго народа подчинилась мусульманскому игу, и далѣе къ востоку, на Араксѣ, христіанскій крестъ отпраздновалъ величайшее торжество своей религіи.

Ерйцевъ.

Видъ церкви Корлоръ въ Эривани.

ОЧЕРКЪ XI.

ПРИКАСПІЙСКОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ БЛИЗЪ ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЫ.

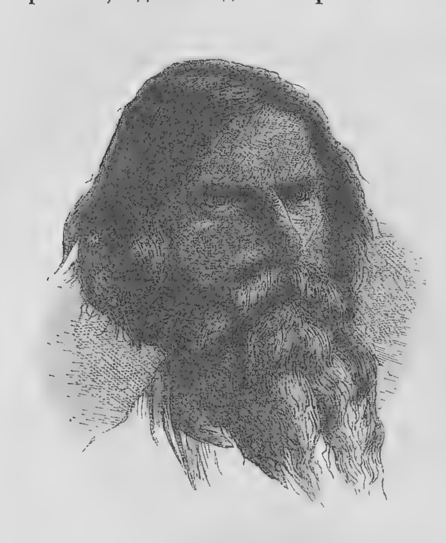
Общее обозрѣніе турецко-армянской границы.—Среднее теченіе Аракса.—Муганская степь.—Зимняя сцена.—Въ молоканской деревнѣ.—Гостепріимство на Востокѣ.—Талышская низменность.—Ея богатства.—Жизнь животныхъ въ ней.—Моры и опасности въ нихъ.—Первобытный лѣсъ равнины.—Джонгли.—Среди первобытнаго лѣса.—Королевскій тигръ.—Лѣсъ птерокаріевъ.—Охота на кабана и тигра ночью.—Благополучный исходъ.—Человѣкъ въ низменности.—Богачъ и бѣднякъ въ Талышѣ.—Злокачественная лихорадка.—Ночлегъ въ тростниковой постройкѣ.—Посѣщеніе у Тали-бекъ-Талышъ-Ханова.—Восточный комфортъ.—Гостепріимство.—Испытаніе терпѣнія.—Пловъ и секретъ его приготовленія.—Въ Сальянѣ.—Рыбныя ловли.—Сцена на пристанѣ.—Чрезъ Баку въ Дербентъ и Петровскъ.—Краткое историческое обозрѣніе Края.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи откликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ какъ цвѣты небесъ и рая!..

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Желая пополнить наши замѣтки о Кавказѣ, намъ еще разъ приходится кинуть взглядъ на южные предѣлы Россійской имперіи въ округахъ Закавказскаго края. Вдоль турецкой границы намъ представляются однѣ лишь голыя степи возвышенной Арменіи въ западной и центральной части ея; одинъ только видъ Большаго Арарата внушительно напоминаетъ намъ, что при вершинѣ его сталкиваются предѣлы трехъ государствъ и что здѣсь христіанскій крестъ мирно уживается рядомъ съ полумѣсяцемъ Корана на вышинѣ 17000 фут. надъ морскимъ уровнемъ. Здѣсь, на самой высокой точкѣ Большаго Арарата, гдѣ, по сохранившемуся между Армянами преданію, находятся остатки Ноева ковчега, россійское знамя было водружено по Туркменчайскому трактату для обозначенія нашей южной границы. Вдоль глубокой долины Аракса рѣка образуетъ естественную границу между двумя государствами. Влѣво лежатъ владѣнія Русскаго Царя, вправо господствуетъ Персидскій Шахъ—царь-царей. Начиная съ подножья Ноевой горы, природа представляетъ намъ пус-

тыню, которая узкою полосою врѣзывается въ страну Адербейджана и Арменію. Солнце посылаетъ страшно знойные лучи свои съ высоты небосклона на свѣтло-шоколадныя воды Аракса, лѣниво омывающія желтовато-сѣрые берега. Одна только необходимость заставляетъ человѣка пробыть здѣсь нѣсколько времени. Тамъ, вдоль лѣваго берега Аракса, на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, находятся хорошо построенные сторожевые посты пограничныхъ казаковъ. Пустыня здѣсь отчасти гористая. Къ вечеру въ ней безпечныя стада козъ спускаются къ водопою, гдѣ пантера въ засадѣ за скалами ожидаетъ свою добычу. Даже меридіональные отроги Карабаха, спускающіеся съ высоты 13000 фут. отъ Капуджиха подъ прямымъ угломъ къ югу, прерываютъ пустынную природу средняго Аракса только на весьма короткомъ разстояніи. Здѣсь, между живописно взгроможденными скалами въ долинахъ Гилянъ-чая и Мигри-чая, гдѣ находилось прежде весьма богатое Карабахское ханство, входящее въ настоящее время въ составъ Шушинскаго уѣзда Елизаветпольской губерніи, нѣкогда изъ горныхъ реберъ выдвинулась поперекъ рѣки крѣпкая скалистая задвижка, сквозь которую воды Аракса должны были пробивать себѣ узкое русло. Къ востоку долина Аракса все болѣе расширяется, рѣка измѣняетъ свое направленіе къ сѣверо-востоку, и въ пресловутой Муганской степи она течетъ по совершенно ровной плоскости; близъ мѣстечка Джевата, которое недавно возведено въ уѣздный городъ, она впадаетъ въ Куру и затѣмъ мутныя волны соединенныхъ рѣкъ лѣниво несутся къ Каспію.

Пророкъ секты молоканов.

Мы остановимся на этомъ юго-западномъ углѣ Каспійскаго прибрежья.

Южные склоны горъ здѣсь круто спускаются въ долину Куры, а къ востоку разстилается рядъ холмовъ третичной формаціи, черезъ которые путешественникъ долженъ перевалить, чтобы попасть въ нижнюю долину Куры, направляясь на югъ отъ города Шемахи, пріобрѣвшаго столь печальную извѣстность частыми землетрясеніями. Южные отроги этой третичной цѣпи въ семи миляхъ къ сѣверу отъ Сальянъ спускаются въ равнину, совершенно однообразно разстилающуюся передъ нами. Равнина эта составляетъ восточную часть Муганской степи и тянется на югъ до подножія Талышскихъ горъ, къ востоку же, медленно понижаясь, она достигаетъ береговъ Каспія; западная граница ея образуется нижнимъ теченіемъ Аракса.

Я путешествую по Муганской степи. Въ мой экипажъ запряжены превосходныя лошади сильной и выносливой породы; онѣ вывезены сюда изъ Воронежской губерніи молоканами, нѣкогда выселившимися по распоряженію правительства въ Муганскую степь, ближе къ Талышскимъ горамъ.

Пятерка лошадей летитъ съ быстротою молніи по равнинѣ. Ноябрь мѣсяцъ стоитъ на дворѣ. Степь очень бѣдна жизнію. Одни только солончаковыя растенія размножаются въ изобиліи, всѣ они коричневаго, грязно-зеленаго и сѣраго цвѣта. Они растутъ, очень тѣсно сплотившись большими обществами; издали они имѣютъ видъ большихъ пятенъ, раздѣленныхъ между собою свѣтло-сѣрою солончаковою почвою. Пятна эти смѣняются группами уже увядшей полыни синевато-зеленаго цвѣта. Дуетъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Близко надъ почвою пролетѣлъ степной коршунъ (лунь), покачиваясь изъ стороны въ сторону. Пока еще мѣстность не измѣняетъ своего вида и по всѣмъ признакамъ почва здѣсь отличается содержаніемъ большаго количества соли. Мы пріѣхали въ Симаны, въ это нездоровое лихорадочное мѣсто на Курѣ. Здѣсь уже навстрѣчу намъ попадаются камышевыя постройки, которыя состав-

T. IX

Татарская школа въ Шушѣ.

ляютъ особенность нижняго теченія Куры и Аракса. Мы ѣдемъ дальше. Буря сильно волнуетъ воду Куры. Одинъ паромъ доставляетъ насъ на правый берегъ этой рѣки, другой перевозитъ насъ черезъ Акушу. Далеко кругомъ мѣстность пустынная, на глинистомъ, размытомъ водою, берегу кое-гдѣ попадаются группы ивъ. Глазъ нашъ напрасно стремится увидѣть столь желанныя высоты Талышскихъ горъ. Вправо и влѣво отъ дороги растетъ густой бурьянъ вышиною въ сажень. Вѣтеръ, наконецъ, утихъ; погода проясняется. На горизонтѣ поднимается темное облако, за которымъ слѣдуетъ другое и третье. Быстро они взгромождаются одно надъ другимъ, совершенно внезапно измѣняютъ свое очертаніе, опускаются внизъ, вдругъ вовсе исчезаютъ и потомъ вновь появляются столь же неожиданно въ числѣ двухъ, трехъ, четырехъ. Это стаи скворцовъ, совершающихъ обычные свои полеты. Опытный глазъ легко узнаетъ этихъ веселыхъ милыхъ птицъ, которыя прилетаютъ сюда на зиму и образуютъ стаи нерѣдко по 10,000 штукъ въ каждой. Степь становится нѣсколько разнообразнѣе. Солончаковыя растенія постепенно уменьшаются. Недалеко отъ дороги движется цѣлое море огня. То горитъ саженный бурьянъ, который здѣсь умышленно поджигается. Шумъ, трескъ, свистъ и бушеванье огня—невообразимы. Пламя вдругъ скучивается и густой дымъ поднимается къ небу. Всеразрушающая стихія отыскиваетъ себѣ на почвѣ новые пути и вскорѣ находитъ ихъ, а затѣмъ шумъ и трескъ возобновляются. Степь спокойно разстилается передъ нами при вечернемъ освѣщеніи. На южномъ горизонтѣ глазъ, наконецъ, съ наслажденіемъ останавливается на Талышскихъ горахъ, очертанія которыхъ мерцаютъ въ синеватомъ отблескѣ.

Духоборцы.

Путешествующій въ этихъ краяхъ, даже въ томъ случаѣ, когда самъ онъ не Русскій, пріятно поражается большими богатыми селеніями русскихъ крестьянъ. Это — сектанты, но они пришли сюда не по собственной волѣ. Когда вы, поздно вечеромъ, послѣ утомительной дороги въ степи, гдѣ сѣверо-восточный вѣтеръ, снѣгъ и дождь хлестали васъ немилосерднымъ образомъ, наконецъ вступаете въ теплую комнату Пришибинской станціи, гдѣ привѣтливая хозяйка встрѣчаетъ васъ съ добродушною заботливостью, тогда вы почувствуете себя очень хорошо. Живущее здѣсь кругомъ шіитское населеніе, въ глубинѣ души своего сердца, всякаго христіанина обзываетъ собакою, нечистымъ существомъ. Хотя магометанинъ и окажетъ вамъ всевозможную вѣжливость и гостепріимство, когда внѣшнія причины или извѣстная степень образованія побуждаютъ его къ этому, но, въ сущности, онъ объятъ предубѣжденіями своей религіи и вообще къ человѣку иной религіи относится неуважительно. Весьма трудно провести границу между вынужденнымъ и добровольнымъ гостепріимствомъ на востокѣ. Магометанинъ, и особенно шіитъ, всегда фанатиченъ и строптивъ. Но онъ непремѣнно выполнитъ всѣ требованія роскошнаго и радушнаго гостепріимства, когда онъ признаетъ это необходимымъ, или когда находитъ выгоднымъ оставить въ посѣтителѣ пріятное впечатлѣніе. Мнѣ такъ часто случалось пользоваться гостепріимствомъ на востокѣ, и я всегда относился къ нему съ большою признательностью, что, право, не имѣю на счетъ этого предмета дурныхъ помышленій. Но

мнѣ также хорошо извѣстно изъ собственнаго опыта, что совершенно чуждый вамъ магометанинъ, безъ вліянія посторонихъ обстоятельствъ, стоящій передъ вами просто какъ человѣкъ передъ человѣкомъ, способенъ отказать пришельцу въ глоткѣ холодной воды для утоленія жгучей жажды. Я вполнѣ убѣжденъ, что гостепріимство на востокѣ не всегда является слѣдствіемъ доброжелательства и сочувствія къ ближнему; въ большинствѣ случаевъ оно бываетъ дѣломъ разсчета самаго разнообразнаго свойства. Само собою разумѣется, что исключеніемъ являются тѣ случаи гостепріимства, когда богатый мусульманинъ, съ импонирующимъ благородствомъ угощаетъ своего гостя, не считая себя даже достойнымъ, по восточному обычаю, раздѣлить съ нимъ трапезу. О такомъ гостепріимствѣ у Талышъ-хана я скажу нѣсколько ниже.

Мы находимся въ Талышской низменности. Передъ нами на югѣ совершенно ясно выступаютъ горы и великолѣпнымъ образомъ окаймляютъ мѣстность, столь привлекательную какъ въ общихъ очертаніяхъ, такъ и въ безчисленныхъ деталяхъ. Взоры блуждаютъ по зелени луговъ, которая не исчезаетъ съ этихъ равнинъ даже зимою; за лугами разстилаются обширныя пространства, покрытыя камышами до самой подошвы горной цѣпи, обросшей густымъ лѣсомъ. Далѣе, позади расположенныя горы становятся все круче. На юго-востокѣ горная цѣпь кажется прерванною: тамъ находятся источники Виліамъ-чая. Къ сѣверу горныя ребра все болѣе размножаются, постепенно переходя въ Муганскую степь и, наконецъ, совершенно исчезаютъ у Белясуварскаго пограничнаго поста. Далѣе къ югу, напротивъ, размѣры горъ разростаются, и формы ихъ становятся болѣе и болѣе живописными; здѣсь встрѣчаются трещины, въ которыхъ снѣгъ никогда не исчезаетъ, даже лѣтомъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца. Тамъ берутъ начало источники Ленкоранки, протекающей по великолѣпной лѣсистой мѣстности, постоянно измѣняя форму своей дельты. Еще далѣе вглубь, на югѣ, виднѣются темныя синевато-зеленыя цѣпи высотъ, которыя лежатъ уже по ту сторону пограничнаго мѣстечка Астара и составляютъ соединительное звено съ горами Гиляна и Мазандерана. Весь этотъ ландшафтъ погруженъ въ теплую, сырую атмосферу, и впереди лежитъ благословенная низменность, быть можетъ богатѣйшая изъ всѣхъ владѣній Русскаго царства.

Молоканы.

Я тридцать лѣтъ уже странствую по Русскому государству отъ гранитныхъ скалъ Иматры до вершины Большаго Арарата, отъ береговъ Тихаго Океана до послѣднихъ отроговъ Карпатскихъ горъ; но чистосердечно признаюсь,— я нигдѣ еще не видѣлъ столь богатой и прекрасной страны, какъ Ленкоранскій уѣздъ. Страна эта чрезвычайно богата. Я на берегу рѣчки Кумбаши, обросшей густымъ камышемъ; прислушиваюсь къ бушеванью высокихъ волнъ Каспія. Стаи чаекъ, издающихъ нескончаемые крики, скорѣе похожіе на хохотъ, окружаютъ меня. Дѣло происходитъ на пристани, гдѣ идетъ сдача рыбопромышленнику судаковъ и кутумовъ (Cypr. cephalus) изъ породы карповъ, мало уступающей благородному карпу въ отношеніи вкуса и незначительнаго числа костей; лодка рыбака-Татарина уже въ третій разъ причаливаетъ къ берегу. На этотъ разъ онъ привезъ 3000 рослыхъ судаковъ. Рыба великолѣпно блеститъ на солнцѣ и еще жива. Крючками ее выбрасываютъ изъ лодки, быстрымъ разрѣзомъ остраго ножа вынимаютъ внутренности и выбрасываютъ ихъ въ воду, а рыбу швыряютъ въ сторону, и такая работа кипитъ до полудня. Вчера толстый прикащикъ-Армянинъ (и здѣсь весь капиталъ находится въ рукахъ этой націи) насолилъ 15,000 штукъ такой рыбы,

третьяго дня — 10,000; но настоящій уловъ рыбы происходитъ нѣсколько южнѣе, у Каладагнинской ватаги, гдѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ продолженіе одного сезона, солятъ ея до милліона пудовъ и продаютъ ее, для отправленія черезъ Астрахань въ Москву, по 2 р. за пудъ. По здѣшнимъ понятіямъ, этотъ судакъ — не благородная рыба. Татаринъ получаетъ за нее по 2 коп. за штуку, а съ кутумомъ онъ можетъ дѣлать что ему угодно: для откупщика Каспійскаго рыбнаго промысла, онъ не имѣетъ никакой цѣны. Теперь и здѣсь, впрочемъ, стала усиливаться дороговизна. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я покупалъ отдѣльные кутумы по копѣйкѣ серебромъ, а за сотню — 50 коп. Тотъ самый судакъ, который въ Петербургѣ продается по два рубля, здѣсь стоитъ 7 коп., а четырнадцать лѣтъ тому назадъ стоилъ 4 копѣйки. Въ то время за пудъ мѣстнаго риса платили 80 коп., а по разсказамъ стариковъ, еще ранѣе, цѣны стояли здѣсь невѣроятно низкія. Такъ напр., говорятъ они, сорокъ лѣтъ тому назадъ, пудъ рису стоилъ всего отъ 20 до 30 коп., а фазановъ продавали по 10 коп. за штуку. Здѣсь Провидѣніе не оставило ни одного рябчика на всемъ Кавказѣ; фазаны, которые, въ прежнее время, встрѣчались на каждомъ шагу, теперь попадаются гораздо рѣже, вслѣдствіе хищнической охоты. Но зато болота здѣсь кишатъ бекасами, а лѣса зимою — вальдшнепами. Пару жирныхъ матерыхъ селезней можно купить за 15 или много 20 коп. у Татарина, который очень ловко ловитъ ихъ сѣтями.

Духоборцы.

Отъ морскаго берега къ западу открывается великолѣпное зрѣлище. Близъ берега морскія волны нагромоздили песчаные и раковистые наносы, съ которыхъ легко обозрѣть всю низменность. Тамъ жизнь необычайно богата и разнообразна. Внизу, между стеблями камыша, растутъ лазурецвѣтныя Paphiriy; на краю водъ большія осторожныя цапли, бѣлыя какъ снѣгъ, вытягиваютъ свои длинныя шеи, когда надъ ними пронесется коршунъ. По водѣ ныряютъ утки, и безчисленное множество нырковъ и гагаръ усердно заняты ловлею мелкой рыбы; длинные ряды баклановъ высоко въ воздухѣ тянутся по направленію къ морю; сотни пеликановъ высоко кружатся съ откинутыми назадъ шеями. И въ водѣ также много жизни. Прожорливый сомъ гонится за карпомъ, который очень охотно мечетъ икру свою въ этихъ тихихъ и глубокихъ водахъ; на берегу сидятъ прѣсноводныя черепахи (Emis caspica), при малѣйшей опасности онѣ бросаются въ воду, гдѣ на днѣ, въ тинѣ, кишитъ безчисленное множество піявокъ и гдѣ живутъ неподвижныя саламандры; здѣсь и тамъ водяная змѣя (Tropidonotus hydrus) поднимаетъ голову надъ поверхностью воды, гдѣ рядомъ съ кружащимися группами Gyrinus, поспѣшно проскальзываютъ водяные клопы; бѣлые цвѣты водяныхъ ранункуловъ плаваютъ на поверхности, а глубже нитевидная зелень Myriophyllum безпрепятственно носится по медленному теченію.

Въ этихъ камышахъ, скрытно отъ нашихъ глазъ происходятъ безчисленныя и постоянно смѣняющіяся сцены животной жизни. Стройныя цапли, какъ будто погруженныя въ глубокое

самосозерцаніе, живутъ здѣсь отдѣльными парами въ бракѣ, который не всегда бываетъ счастливъ. Между этими птицами также находятся кокетливыя самки и очень ревнивые самцы. Тутъ встрѣчается ихъ не менѣе девяти различныхъ видовъ. Зимою, когда снѣгъ валитъ тяжелыми хлопьями, рано утромъ, за одинъ разъ, сѣтью накрываютъ сотни жирныхъ утокъ, въ особенности Anas boschos и чрезвычайно вкусную утку-крякву. Безъ сомнѣнія эта богатая своеобразная природа иногда показываетъ намъ и оборотную сторону своей блестящей медали.

Въ душную лѣтнюю ночь плывешь въ выдолбленномъ изъ древеснаго ствола челнокѣ; первая четверть луны достаточно освѣщаетъ путь на разстояніи выстрѣла; но нужно быть осторожнымъ. Хотя жара и влажность воздуха до того невыносимы, что легкія съ трудомъ совершаютъ свою работу, но не слѣдуетъ снимать съ себя шерстяной фуфайки. Миріады комаровъ и другихъ маленькихъ, еще болѣе несносныхъ, двукрылыхъ (мошекъ) не даютъ покою, а по возвращеніи утромъ домой, лицо, вслѣдствіе безчисленнаго множества уколовъ, оказывается вздутымъ и руки покрыты красною опухолью. Можно считать себя вполнѣ счастливымъ, если морозъ нѣсколько разъ не пробѣгалъ по спинѣ и не пробирала легкая дрожь. Плохо, если ко всему этому присоединяется сильная головная боль и ломота во всѣхъ членахъ. Значитъ, приключилась злокачественная малярія. Необходимо принять самыя энергическія мѣры противъ нея, иначе можно поплатиться жизнью за свою страсть къ охотѣ. Здѣсь свирѣпствуетъ страшный видъ лихорадки, который при третьемъ пароксизмѣ уже кладетъ конецъ всякому наслажденію природою.

Молоканы.

Передъ нами — дѣвственный лѣсъ. Лицомъ къ лицу мы встрѣчаемся съ исполинами низменности. Въ древней Колхидѣ также есть первобытные лѣса, которые по нижнему теченію Ріона и въ Абхазіи состоятъ исключительно изъ лиственныхъ деревьевъ; тамъ также виноградная лоза поднимается по стволу и майникъ (Smilax) опутываетъ своею сѣтью вѣтви деревьевъ съ какимъ-то всезавоевывающимъ могуществомъ; но здѣсь, въ Талышской низменности, гдѣ лѣса, главнымъ образомъ, состоятъ изъ совершенно своеобразныхъ лиственныхъ деревьевъ, и гдѣ нѣкоторыя изъ вьющихся растеній размножаются съ необыкновенною силою,—этотъ лѣсъ имѣетъ болѣе подавляющій и дикій характеръ. Передъ вступленіемъ вглубь высокаго лѣса, на краю его находится барьеръ настоящихъ *джонглей*, представляющихъ путешественнику ни съ чѣмъ несравнимое препятствіе, которое можно устранить не иначе, какъ съ топоромъ въ рукахъ. Для своего процвѣтанія джонгли нуждаются въ яркомъ солнцѣ. Въ глубинѣ лѣсной чащи и на горахъ ихъ вовсе нѣтъ Въ составъ ихъ, между прочими растеніями, главнымъ образомъ входитъ особаго рода ежевика (Rubus fruticosus), сильно вооруженная колючками. Широко разстилающіеся кусты этой породы образуютъ совершенно непроходимую чащу, сплошь покрывающую всѣ сухія мѣста почвы. Вѣтви этой ежевики переплетаются между собою несравненно плотнѣе, чѣмъ у другаго бича изъ колюче-

кустарниковыхъ, такъ называемаго Христова терновника (Paliurus aculeatus), который здѣсь совершенно отсутствуетъ. Гдѣ растетъ ежевика, тамъ она господствуетъ одна и вытѣсняетъ всѣ остальныя растенія. Черезъ развѣтвленія ея съ трудомъ пробирается *журавлиный горохъ* (Vicia), разстилающій густую листву свою на бурыя упругія вѣтви ея. Для глупаго фазана эти джонгли представляютъ наилучшую защиту. Здѣсь и ястребъ даже не можетъ схватить его своими острыми когтями. Ему грозитъ опасность тогда только, когда онъ, ослѣпленный любовью, рано утромъ выходитъ на непокрытыя кустарникомъ площадки между джонглями, издавая хриплый крикъ подобно пѣтуху. Мѣстами попадаются боярышникъ, гранаты, терновникъ и каспійская гледичія, которая также вооружена колючками; встрѣчается также Smilax, который однако лишенъ возможности ползти вверхъ, что ему болѣе всего нравится. Мы перешли джонгли. Тутъ поражаютъ насъ невысокія деревья Parrotia, названныя такъ въ честь перваго путешественника, взошедшаго на вершину Большаго Арарата. Въ этой низменности онѣ замѣняютъ собою красный букъ и отличаются своеобразнымъ ростомъ. Раздутые толстые стволы его развѣтвляются часто у самаго корня совершенно неправильнымъ образомъ. Вѣтви расположены рядомъ и другъ надъ другомъ; вскорѣ онѣ совершенно сростаются, потому что покрыты очень тонкою корою. Эти деревья никогда не достигаютъ значительной высоты и представляютъ крайне уродливыя формы. Весною, на болѣе тонкихъ своихъ развѣтвленіяхъ, они всюду покрываются пуговицеобразными цвѣточками, съ толстыми кровяно-красными пыльниками, густо расположенными внутри вѣнчиковъ. Наконецъ, мы встрѣчаемся съ исполинами низменности, которыми мы любовались еще издали. Прежде всего, намъ попадается весьма почтенный стародубъ, переживиій шесть или семь человѣческихъ поколѣній; ему можно дать отъ 180 до 200 лѣтъ. Мы восхищаемся имъ. Пять человѣкъ не въ состояніи охватить его стволъ; подъ развѣсистою вершиною лежитъ цѣлая куча мертвыхъ листьевъ, бураго цвѣта, съ чрезвычайно характернымъ для этого вида зубчатымъ краемъ. Исполины этой чудесной породы дубовъ достигаютъ, по меньшей мѣрѣ, 120—150 футовъ вышины. Намъ иногда неудавалось свалить изъ отличнаго ружья какую-нибудь птицу, засѣвшую на вершинѣ такого дерева. Въ этой низменности такіе стволы выростаютъ сравнительно быстро. Древесина у нихъ не прочная, сердцевина, у большинства старыхъ деревьевъ, гнилая; внутри находится дупло. Во мху, покрывающемъ эти стволы, селится большими обществами красивая порода папоротниковъ, которые избѣгаютъ подвѣтренной стороны. Внутри лѣсной чащи сила вѣтра значительно ослабляется; тамъ мхи и папоротники процвѣтаютъ всюду. Виноградная лоза, толщиною въ руку, карабкается по этому исполину и находитъ на узловатыхъ сучьяхъ его весьма прочную живую опору; она кажется, сравнительно, чрезвычайно слабою. Къ почтенному исполину, здѣсь и тамъ, пристала чужеядная Smilax. Хотя корни ея находятся въ землѣ, но на полвысоты она опутываетъ громадный стволъ и ползетъ по немъ выше и выше. Болѣе всего отъ этого паразита страдаютъ деревья средней высоты, которыя она нерѣдко покрываетъ сплошною сѣтью и, наконецъ, совершенно заглушаетъ ихъ. Бѣда путешественнику, желающему проникнуть сквозь эту чащу. Безчисленное множество колючекъ вцѣпляются въ него несравненно крѣпче, чѣмъ когти ястреба, и онъ кругомъ связанъ. Руки и ноги изранены до крови. Требуется помощь охотничьяго ножа, чтобы освободить руки и ноги. Рядомъ съ упомянутыми дубами въ низменности растутъ вязъ и несравненная Planera, по внѣшнему виду представляющая большое сходство съ вязомъ. Ни одно насѣкомое не портитъ древесину этого растенія. — Вотъ открытая площадка, гдѣ кругомъ процвѣ-

Типъ жителя Талыша.

таетъ Smilax и гдѣ во время перелета охотно прячутся вальдшнепы. Здѣсь глазамъ представляется восхитительная уединенная картина растительности. Наше вниманіе привлекаетъ къ себѣ единственный экземпляръ клена (acer insigne). Дерево это, свойственное Талышской низменности, широко разстилаетъ свои правильно расположенныя вѣтви, преграждая путь всякому другому растенію, имѣющему поползновеніе проникнуть въ занятую имъ область. Красиво зазубренныя листья его такъ густо сидятъ на вѣтвяхъ, что не пропускаютъ ни одного луча солнца. Въ этомъ-то и заключается могущество дерева; ни одно растеніе не селится въ тѣни его густой листвы. Здѣсь можно отдохнуть душею отъ житейскихъ бурь и треволненій. Въ джонгляхъ горлица споетъ пѣсню безмятежной, счастливой мировой любви, а въ чащѣ зелени можно заслушаться чудесной пѣсни иволги.

Я не могу разстаться съ этими лѣсами, не посѣтивъ королевскаго тигра. Что отечество бенгальскаго или королевскаго тигра не ограничивается однимъ только жаркимъ поясомъ Азіи, —это давно извѣстный и установившійся фактъ. Изслѣдователи Сибири встрѣчали его блуждающимъ зимою по всей Забайкальской и даже Якутской области; другіе, и я въ томъ числѣ, находили его какъ постояннаго жителя, по среднему теченію Амура. Въ Закавказьи, въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, онъ также встрѣчается, какъ постоянный обитатель, но никогда не переступаетъ Муганской степи и не доходитъ до нижняго теченія Куры. Въ мѣстныхъ газетахъ нерѣдко встрѣчаются свѣдѣнія о нахожденіи тигра на Большомъ Кавказѣ и Колхидѣ, но эти извѣстія касаются пантеры, которая, хотя и весьма рѣдко, попадается по восточному прибрежью Чернаго моря. Я направляюсь вверхъ по теченію рѣчки, по молчаливому первобытному лѣсу, въ область Pterocari'евъ. Тамъ стоитъ сплошная, рѣзко очерченная группа древовиднаго самшита (Buxus), сохраняющаго и зимою темную свою зелень, сквозь которую мѣстами проглядываютъ бѣлые стволики. Лѣса птерокаріевъ расположены вдоль по теченію ручьевъ, потому что корни ихъ нуждаются въ чрезмѣрно влажной почвѣ. Тутъ они тянутся очень быстро кверху и напоминаютъ собою орѣховыя деревья и ясени. Кромѣ высокихъ стволовъ, они образуютъ очень богатый подлѣсокъ. Изъ почвы выростаютъ цѣлыя группы Arum и роскошный видъ бузины (Sambucus ebulus), подземныя части которой ежегодно умираютъ у этой породы. На просѣкѣ въ лѣсу мы видимъ тростниковую хижинку мѣстнаго жителя, недалеко отъ поля, засѣяннаго рисомъ. Это очень бѣдное строеніе съ тростниковою крышею и высокою дверью; рядомъ находится маленькая пристройка для храненія риса. Все это остается далеко позади насъ. Мы приближаемся къ подошвѣ горныхъ кряжей; почва становится суше и лѣсъ чаще. Тамъ, гдѣ на южномъ краю долины выступаютъ обнаженныя скалы, на склонѣ горъ живетъ исполинская кошка — тигръ, царь лѣсовъ; здѣсь его по-персидски называютъ *ширъ*. Изъ всѣхъ народовъ, Китайцы дали ему самое мѣткое названіе, а именно ноіонъ-гурузу, т. е. чиновникъ животныхъ. Этимъ они хотятъ сказать, что тигръ въ лѣсу дѣлаетъ то же, что китайскій чиновникъ среди людей: онъ нападаетъ на добычу, пожираетъ и высасываетъ ее!

Въ душную майскую ночь, когда полнолуніе разливаетъ спокойный свѣтъ на лѣса птерокаріевъ и блескъ его отражается отъ гладкой зелени каштанолиственнаго дуба, тихо наступая на мякоти пальцевъ, вооруженныхъ страшными когтями, спрятанными въ складкахъ кожи, властелинъ лѣсовъ крадется къ камышамъ низменности и разыскиваетъ слѣдъ кабана. Онъ скоро нашелъ его и осторожно подвигается впередъ. Онъ чуетъ стороною большаго кабана, всегда ведущаго уединенную жизнь. Этотъ послѣдній запускаетъ полукруглые клыки свои глубоко подъ мясистый корень камыша, и легко вытаскиваетъ корневище. Для удовлетворенія своей ненасытной прожорливости, животное это трудится весьма усердно. Теперь онъ приподнимаетъ свою тяжелую голову, хрюкаетъ и прислушивается: кругомъ тишина, ни одинъ листъ не шелохнется. Полная луна свѣтитъ такъ ярко, что отъ охотника, сидящаго въ засадѣ, ничего не скрывается. Стволъ ружья выдается изъ-за кустовъ; охотникъ уже приложился. Пуля, которою онъ хотѣлъ убить кабана, теперь должна повалить тигра, который стоитъ какъ вкопанный съ вытянутымъ

кверху хвостомъ; у него шевелится одинъ только кончикъ хвоста взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ. Все остальное въ животномъ окаменѣло. Жертва находится всего на разстояніи пяти саженъ отъ своего палача, который опускается на переднія лапы, чтобы лучше приготовиться къ прыжку, желая воспользоваться узкою просѣкою, находящейся передъ нимъ. Еще одинъ разъ онъ измѣряетъ разстояніе глазами, еще одно движеніе кончикомъ хвоста — и кабанъ повалился. Онъ сильно отбивается задними ногами, стонетъ и хрюкаетъ; но тигръ острыми зубами прокусилъ ему шейную артерію и не выпускаетъ своей добычи. Кровь хлынула изъ раны большою струею и жертва хрипитъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Снова кругомъ все тихо. Луна свѣтитъ также ясно; покрывавшее ее, какъ вуаль, облако потянулось далѣе. Убійца преспокойно расположился надъ жертвою и высасываетъ горячую кровь. Вотъ когда наступилъ моментъ. Нужно прицѣлъ держать на скулистую кость, сзади округленнаго уха, или вогнать пулю сзади лопатки. Еще королевскій тигръ слизываетъ остатки крови на землѣ и щелкаетъ языкомъ по жесткой щетинѣ своихъ усовъ. Раздается выстрѣлъ. Пороховой дымъ окружаетъ охотника и все скрываетъ отъ него. Страшный ревъ потрясаетъ его нервы и далеко раздается по всему лѣсу. Исполинъ лѣсовъ лежитъ мертвый рядомъ съ своею жертвою. Пусть предсмертная агонія прекратится вполнѣ; вѣдь кошки чрезвычайно живучи. Опять все утихло. Біеніе моего сердца также нѣсколько утихло, и кровь снова спокойно течетъ по жиламъ. Тигръ великолѣпенъ. Рядомъ съ нимъ въ камышѣ лежитъ старый кабанъ. И этотъ хорошъ. Въ немъ не менѣе 15 пуд. вѣсу. Въ одно мгновеніе внутренности вынуты. Ребра его покрыты слоемъ жиру пальца въ два толщиною. Теперь мы можемъ торжественно отпраздновать побѣду, и по этому поводу закуриваемъ сигару и выпиваемъ рюмку коньяку. Востокъ уже зарумянился; горизонтъ надъ волнами Каспія весь объятъ пламенемъ. Приходитъ Аврора. Луна погружается въ сонъ. Геліосъ становится властелиномъ вселенной.

Мы покончили съ описаніемъ луговъ, болотъ и камышей. Немногими, характерными чертами мы обрисовали четвероногихъ и птицъ. Остается сказать намъ нѣсколько словъ о человѣкѣ. Туземные, коренные жители этой страны принадлежатъ къ особой народности Иранскаго происхожденія. Даже языкъ ихъ представляетъ весьма много сходнаго съ персидскимъ. Путешественнику лѣтомъ, среди дѣвственнаго лѣса, попадаются просѣки, расчищенныя при помощи топора и огня; на этомъ пространствѣ туземецъ находитъ себѣ пропитаніе. Плодородная, большею частью, глинистая почва не глубоко вспахана сохою и засѣяна пшеницею или ячменемъ. Въ другомъ мѣстѣ безъ того уже влажная земля еще искусственно заливается водою, и засѣяна рисомъ. Кругомъ поля оставлены исполинскіе стволы деревьевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ засохли, стоятъ голыя, обугленныя: другія покрыты свѣжею зеленью, или опутаны сѣтью Smilax. Въ лѣсу вы видите скромное жилище туземца. Онъ большею частью бѣденъ, и лѣтомъ несомнѣнно болѣе подверженъ различнымъ страданіямъ, чѣмъ зимою. Здѣсь, на глубинѣ отъ $1^1/_2$ до 2 футовъ, уже показывается вода, которая, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ прямо выступаетъ на поверхность и покрываетъ ее на довольно большомъ протяженіи. При такой сырости, лѣто приноситъ съ собою лихорадки, отъ которыхъ здѣшній житель освобождается зимою. Вглядитесь въ эти блѣдныя, страждущія лица. Сердце надрывается отъ состраданія. Въ іюлѣ температура доходитъ до 30 градусовъ въ тѣни. Тогда атмосфера, насыщенная влагою, переполняется гнилостными испареніями. Лѣтомъ эта низменность представляетъ огромное кладбище. На трупахъ развивается новая роскошная жизнь, которая скрываетъ безобразную смерть отъ глазъ нашихъ. Вотъ, напримѣръ, полунагой мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, имѣетъ такой неподвижный взглядъ. Черные глаза его глубоко впали, и вѣки окаймлены синевато-сѣрыми кольцами. Лицо его тонкое, выразительное; голова гладко острижена. Почти все юношество здѣсь имѣетъ такой изнуренный видъ. Нездоровый климатъ окончательно губитъ его. Движенія у мальчика лѣнивыя, мускулы на икрахъ его исхудали, и отъ слабости онъ покачивается изъ стороны въ сторону. Страшно смотрѣть на него въ жару лихорадоч-

наго пароксизма. Сердце его колотится сильнѣйшимъ образомъ, пульсъ на вискахъ бьется, губы почернѣли, глаза выступаютъ изъ своихъ орбитъ. Онъ бредитъ, кашляетъ, бросается на ложѣ своемъ, потомъ засыпаетъ и холодѣетъ. Лихорадочная дрожь пробираетъ его еще два раза и затѣмъ наступаетъ агонія. Раздаются еще хрипъ и стоны и — гробъ уже сколачивается.

Немного далѣе у сосѣда мы видимъ другую картину. Тамъ черноволосая женщина не покрываетъ лица своего даже передъ пришельцемъ, и довольно беззаботно показываетъ роскошную грудь свою. Вечерѣетъ. Мошки не даютъ покоя. Лѣсъ еще освѣщается лучами заходящаго солнца. Къ ужину подается рисъ и жирное молоко буйволицы, скромная трапеза приправляется копченымъ кутумомъ. Потомъ всѣ отправляются спать, а въ лѣсу раздается чудесное пѣніе малиновки (Sgl. atricarella). Глазамъ нашимъ представляется довольно оригинальное зрѣлище.

Дербентъ.

Появляется хозяинъ дома; стриженая голова его покрыта остроконечною шапкою изъ длинношерстной бурой овчины. Вся одежда его состоитъ изъ коротенькой рубашки. Онъ направляется къ странной воздушной постройкѣ, которая покоится на 6 или 8 крѣпкихъ столбахъ, возвышающихся сажени на полторы надъ почвою. Зданіе это покрыто камышевою или тростниковою крышею и состоитъ изъ однихъ только деревянныхъ столбовъ и легкихъ тростниковыхъ стѣнъ, которыя удобно снимаются. Лѣстница или чаще всего бревно, съ выдолбленными въ немъ ступенями, ведетъ въ верхній этажъ. Такая постройка на мѣстномъ языкѣ называется *лам*. Здѣсь ихъ не мучаютъ ни москиты, ни комары, ни злокачественная малярія; паразитовъ они оставили въ нижнемъ жилищѣ вмѣстѣ съ одеждою. Ночь темна. Раздается чудесное пѣніе черноголоваго соловья, и бѣдные супруги, набожно помолившись Магомету или Алію, теперь вѣроятно счастливы.

Иначе слагается жизнь человѣка богатаго. Совершенно случайно я, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, нахожусь въ гостяхъ у Таги-Бека-Талыш-Ханова, предки котораго однажды гос-

подствовали въ этой странѣ, въ качествѣ персидскихъ вассаловъ. Передъ этимъ мы совершили очень тягостное путешествіе. Жгучее іюньское солнце согрѣвало насъ съ высоты небосклона. Мы страшно устали. Наконецъ мы достигли цѣли. Передъ нами среди двора находится удлиненная постройка изъ кирпича, — это жилище древнихъ хановъ Тальша. На вопросъ нашъ дома ли хозяинъ, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ. Насъ ведутъ черезъ дворъ, заросшій травою, гдѣ на солнцѣ лѣниво грѣется пара борзыхъ собакъ и драчливыя цесарки гоняются одна за другою. Влѣво находится флигель для гарема, вправо жилище для прислуги; въ главномъ корпусѣ живетъ самъ Тальшъ-ханъ. Передъ нами маленькая низенькая дверь. Мы поднимаемся вверхъ по тремъ неудобнымъ ступенямъ. Влѣво находится большая пріемная комната. Здѣсь можно убѣдиться, что человѣкъ можетъ доставить себѣ невообразимый комфортъ и удобства жизни самыми разнообразными способами, если только онъ пожелаетъ это сдѣлать. Теперь я глубоко презираю всѣ кресла и диваны запада въ стилѣ рококо, или въ иномъ; не надо ни кроватей, ни столовъ запада въ готическомъ или въ другомъ какомъ-либо

Городъ Петровскъ.

вкусѣ. Вся эта мебель крайне неудобна. Прежде всего, долой сапоги. Эти пестрые войлочные ковры, толщиною въ цѣлый дюймъ, изъ верблюжьей шерсти, вездѣ вдвойнѣ покрываютъ полъ и не терпятъ каблука. Я опускаюсь на мягкій коверъ, справа и слѣва люди подкладываютъ мнѣ подъ локти мягкіе мутахи. Я нахожусь въ высокой залѣ. Весь потолокъ и карнизъ сдѣланы изъ отдѣльныхъ розетокъ и украшены безчисленнымъ множествомъ зеркальныхъ стеклышекъ. Изваянные на бѣломъ фонѣ цвѣты и гирлянды выдаются чрезвычайно рельефно между тысячами отражающихъ поверхностей. На южной сторонѣ залы находится единственное большое окно почти во всю стѣну. Оно состоитъ изъ небольшихъ пестрыхъ стеколъ, раздѣленныхъ массивными рейками, и представляетъ красивый рисунокъ, гармонирующій въ своихъ краскахъ. Всѣ ниши увѣшаны драпировками изъ тяжелой шелковой матеріи — джиджимъ, или покрыты драгоцѣнными персидскими шалями. Черезъ приподнятыя вверхъ окна передъ нами разстилается голубая даль. На дворѣ стелется естественный лугъ, заросшій клеверомъ. Въ воздухѣ носится прелестный ароматъ меду. Это не тотъ кормъ, который коситъ и сѣетъ у себя дома Европеецъ, чтобы добыть нѣсколько лишнихъ кружекъ молока отъ коровы и такимъ образомъ увеличить доходность своего имѣнія. Объ этомъ здѣсь никто и не думаетъ. Здѣсь это свободный даръ Божій и достается безъ всякаго труда со стороны человѣка. Трава эта называется Trifolium incarnatum; прелестный ароматъ распространяется ея мясно-красными цвѣтами, отъ которыхъ произошло и самое названіе этого растенія. Далѣе глазамъ на-

шимъ представляются кусты гранатовъ, покрытые огненно-красными цвѣтами. Еще далѣе взоры встрѣчаютъ плакучую иву на берегу Ленкоранки, или же красиво закругленныя вершины Planera приковываютъ наше вниманіе. Горизонтъ передъ нами окаймленъ пирамидальными тополями, а влѣво отъ насъ пѣнится морской бурунъ, ограничивающій собою весь ландшафтъ. Долго мы еще покоимся на мягкихъ коврахъ на полу; наконецъ на кухнѣ все готово и намъ подаютъ пловъ. Достоинство этого персидскаго національнаго кушанья совершенно зависитъ отъ способа его приготовленія. Все искусство заключается въ томъ, чтобы клѣточки крахмала во время кипѣнія не трескались, но при этомъ необходимо, чтобы онѣ хорошо разбухали. Тогда зерна сохраняютъ необходимую твердость, не прилипаютъ одно къ другому и пловъ отъ этого пріобрѣтаетъ совершенно своеобразный вкусъ. Для стола зажиточныхъ людей сѣется особый душистый сортъ риса, такъ называемый атевчи, съ продолговатыми узкими зернами. Букетъ его нѣсколько странный и напоминаетъ собою мышиный запахъ.

Является слуга-негръ съ своими помощниками. Хозяинъ дома не принимаетъ участія въ трапезѣ, а мы спокойно продолжаемъ лежать. Коверъ накрывается скатертью. Аппетитъ, безъ того сильный, и не нуждается въ возбужденіи посредствомъ рюмки водки или закусокъ, которыхъ не полагается здѣсь. Весь обѣдъ главнымъ образомъ состоитъ изъ плова, который при обстоятельствахъ можетъ занимать цѣлыхъ два часа. Приносятъ рыхло и высоко насыпанный рисъ на большомъ луженомъ мѣдномъ блюдѣ, покрытомъ богатою рѣзьбою: тутъ находятся изрѣченія изъ корана, стихи изъ Гафиса, изображенія тигровой охоты и геройской фигуры Фердузи. Пловъ никогда не подаютъ совершенно горячимъ, а настолько теплымъ, чтобы масло въ немъ не остыло. Передъ нами кладутъ большіе плоскіе куски хлѣба, испеченные изъ чрезвычайно тонко выкатаннаго тѣста, и только что вынутые изъ подземной печки, имѣющей форму бочки. Когда все происходитъ по восточному обычаю, то этотъ хлѣбъ замѣняетъ собою тарелку, закуску и салфетку въ одно и то же время. На него накладываютъ рисъ со всѣми приправами, отъ него отрываютъ кусочки, чтобы ихъ съѣсть, а по окончаніи обѣда кусокъ такого хлѣба служитъ для обтиранія губъ и затѣмъ также съѣдается. При такомъ практическомъ способѣ ѣсть, нѣтъ надобности мыть тарелки и салфетки, ни чистить ножи и вилки. Здѣсь легко обходятся безъ всего этого. Восточный человѣкъ беретъ пловъ тремя пальцами, завертываетъ его въ листъ пшеничнаго хлѣба толщиною въ картонъ (лавашъ) и съѣдаетъ все это вмѣстѣ съ приправами, въ разнообразіи и приготовленіи коихъ собственно и заключается вкусъ и все кулинарное значеніе плова, рисъ же самъ по себѣ есть безразличное основаніе всѣхъ блюдъ, отъ котораго все остальное выдается очень выгодно. Послѣ негра молодой талышскій мальчикъ приноситъ на шампурѣ поджаренныхъ молодыхъ фазановъ, только что застрѣленныхъ въ саду хана. Пока они жарятся на горячихъ угольяхъ, ихъ обливаютъ горячимъ масломъ и сокомъ гранатъ. Фазаны, приготовленные этимъ способомъ, представляютъ совершенство въ кулинарномъ отношеніи. Я боюсь, однако, наскучить читателю этими гастрономическими подробностями. Скажу только, что обѣдъ состоялъ еще изъ 8 — 10 блюдъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ въ большомъ разнообразіи: соленая и сильно прокопченная рыба, фрукты, поджаренные въ маслѣ, въ особенности чудесные алибухара-персики, соусъ изъ миндаля, сливъ и изюма, рагу изъ баранины съ пикантнымъ соусомъ въ маслѣ, цыплята на вертелѣ, очень кислое молоко буйволицы, чрезвычайно жирное и густое, и въ заключеніе — медъ. Прощаясь съ гостепріимнымъ Таги-бекомъ, замѣтимъ одно, что жизнь богатаго человѣка на востокѣ окружена большими удобствами и матеріальными наслажденіями, совершенно иного рода, чѣмъ на западѣ; но она крайне бѣдна умственными и нравственными побужденіями.

На сѣверъ дорога идетъ черезъ Сальяны, Баку, Кубу, Дербентъ на Петровскъ по берегу Каспійскаго моря. Остановимся лишь на наиболѣе характерныхъ чертахъ этой мѣстности. Еще разъ мы проѣзжаемъ Мугань, въ концѣ апрѣля, когда Шехсеванцы уже приступили къ перекочевкѣ на Саволанъ. Въ это время степь совершенно безлюдна. Кое-гдѣ виднѣются стаи журавлей и группы дуда-

ковъ. Далеко въ степи мы различаемъ шесть конныхъ Татаръ, которые, вѣроятно, ничего хорошаго не замышляютъ. Лѣтомъ здѣсь бродятъ разбойники, подкарауливающіе извозчиковъ, которые ѣдутъ съ транспортами въ долину Аракса. — Далѣе дорога поворачиваетъ вправо по теченію Куры; около Сальянъ паромъ доставляетъ насъ на лѣвый берегъ рѣки, которая здѣсь довольно широка и всегда имѣетъ мутную воду. Еще верстъ двадцать пять къ востоку — и мы находимся въ знаменитомъ «Божьемъ промыслѣ», недалеко отъ устья Куры. Сюда море ежегодно доставляетъ несмѣтныя богатства, которыя извлекаютъ сравнительно небольшимъ трудомъ. Здѣсь резиденція главнаго управленія каспійскихъ рыбныхъ промысловъ, расположенныхъ по Кавказскому берегу. До настоящаго момента рыбный промыселъ здѣсь составляетъ монополію, доставляющую ежегодно казнѣ откупную плату въ 400,000 р. Мудрые законы разумно охраняютъ рыбу, вступающую въ рѣку для метанія икры; но они къ сожалѣнію остаются втунѣ и ихъ обходятъ на каждомъ шагу. Съ 1881 года такой порядокъ дѣлъ прекращается; на мѣсто монопольнаго откупа вступаетъ свободная конкуренція, и рыбные участки будутъ отдаваться по частямъ. Надо надѣяться, что новые порядки окажутся полезными не только для сохраненія рыбы, но что рыбный товаръ на всѣхъ каспійскихъ промыслахъ значительно упадетъ въ цѣнѣ. Для того чтобы дать читателю понятіе о сокровищахъ, заключающихся въ морѣ, я приведу среднія цыфры улова различныхъ породъ рыбы за нѣсколько лѣтъ въ «Божьемъ промыслѣ».

Бѣлуга попадается здѣсь сравнительно въ небольшомъ числѣ, она любитъ глубокія воды и встрѣчается преимущественно на берегу Мазандерана; средній уловъ этой рыбы простирается до 3,000 штукъ ежегодо, maximum до 5,000 штукъ; при этомъ заслуживаетъ вниманія, что между ними заурядно попадаются экземпляры въ 25 пудовъ вѣсомъ и что теперь еще бываютъ иногда бѣлуги въ 80 пудовъ вѣсомъ. Число осетровъ простирается въ среднемъ выводѣ до 35,000, maximum до 50,000 штукъ ежегодно. Севрюги вытаскиваютъ до полумилліона. Великолѣпные экземпляры лососей попадаются рѣдко болѣе 30,000. Сомовъ, доставляющихъ только пузыри и жиръ, насчитываютъ до 100,000. Весьма любимая здѣсь шамая, эта жирная и костистая рыба, ловится не всегда въ одинаковомъ числѣ; въ иные годы уловъ простирается до 200,000, въ другіе — до 400,000 штукъ. Сазаны и судаки играютъ второстепенную роль. Первая изъ этихъ рыбъ ловится ежегодно въ числѣ отъ 40 до 100 тыс. штукъ; вторая попадается преимущественно у Ленкоранскаго берега, въ количествѣ до милліона штукъ. Кромѣ того, паюсной и жидкой икры приготовляютъ здѣсь до 1,000 боченковъ; рыбьяго клею осетроваго до 500 пуд. сомоваго — до 200 пуд.; вязиги — до 700 пуд.

Слѣдующій, вполнѣ достовѣрный, фактъ даетъ понятіе о богатствѣ здѣшней природы въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ 1871 году, когда рыбный промыселъ находился въ арендѣ у г. Корганова, въ одинъ только день, въ концѣ апрѣля, было поймано 18,000 шт. севрюги, представляющей при весьма умѣренномъ разсчетѣ цѣнность въ 40,000 р. Такіе отдѣльные счастливые дни бываютъ рѣдки и повторяются не каждый годъ. Иногда средній уловъ осетровъ, ежедневно въ 4,000 штукъ, продолжается отъ 40 до 60 дней; потомъ вдругъ рыба напираетъ въ громадномъ количествѣ, послѣ чего число ея быстро падаетъ и затѣмъ поднимается до maximum'a. Самый главный напоръ рыбы происходитъ весною. Впрочемъ весною 1880 года, въ концѣ марта, дѣла шли еще довольно плохо.

Весьма интересно прослѣдить литературу рыбнаго промысла въ этой мѣстности. У Гмелина мы находимъ свѣдѣнія по этому предмету съ 1770 и 1773 годовъ. Тогда уже тамъ встрѣчались русскіе рыболовы, которые платили опредѣленную пошлину Ширванскому хану, по-штучно за каждую рыбу. Странно, что пошлина эта была выше для чешуйчатой рыбы, чѣмъ для красной рыбы (Acipensens). Бѣлугу, въ 30—40 пудовъ вѣсомъ, можно было вытащить изъ воды, уплачивая за нее всего 5 коп. пошлины, тогда какъ за костистую шамаю (Ciprinus clupeoides), въ $^3/_4$ фунта, взималось по $2^1/_2$ коп., а за лососину—по 25 коп. Такъ мы видимъ, что и въ этой области, съ теченіемъ времени, цѣны подвергались значитель-

нымъ колебаніямъ, смотря по возрастающимъ потребностямъ и вкусу народностей. Бѣлуга, принесенная нѣсколько лѣтъ назадъ г. Алихановымъ въ даръ Кавказскому Музею и вѣсившая 33 пуда безъ икры и внутренностей, представляла цѣнность въ 300 р. по меньшей мѣрѣ; въ глазахъ же Персіянъ тѣхъ прошлыхъ временъ, она не имѣла никакой цѣны. Они и теперь ѣдятъ одну только чешуйчатую рыбу. Въ концѣ прошлаго столѣтія Грекъ Варваци платилъ Ширванскому хану за откупъ сальянскаго промысла всего только 5,000 р. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ и двое его товарищей изъ Астрахани, нажили пять милліоновъ ассигнаціями. До уступки этой мѣстности Русскимъ, откупная пошлина за рыбные промыслы, въ срединѣ 20-хъ годовъ, доходила до 11,000, потомъ до 14,000 и наконецъ достигла 20,000 червонцевъ. Около этого же времени, было положено основаніе «Божьему промыслу» и Талишъ-Ханы пользовались доходами съ него до 1841 года. Въ 1847 году откупщикъ Аршакуни платилъ правительству только 17,000 р., а въ 1855 г. промыслы эти поступили въ арендное содержаніе къ Мирзоеву за 312,000. Такъ постепенно поднималась цѣна рыбныхъ откуповъ и въ настоящее время она простирается до 400,000 руб.

Прежде, чѣмъ разстаться съ Сальянами, я долженъ описать зрѣлище, подобное которому трудно найти гдѣ-либо на земномъ шарѣ и которое легко наблюдать весною около Сальянъ Тамъ гдѣ глинистыя воды Куры омываютъ пристань, у которой рыбаки выбрасываютъ добычу, устроенъ плотъ изъ переплетенныхъ между собою бревенъ съ довольно широкими промежутками, въ которыя выбрасываютъ внутренности и прочіе остатки при потрошеніи рыбы. Плотъ этотъ весь покрытъ слизью и такъ тамъ скользко, что человѣческая нога не находитъ твердой опоры. Въ этомъ мѣстѣ, въ глубокихъ омутахъ Куры, живутъ прожорливые исполины длиною въ сажень и болѣе. Широкая пасть ихъ вооружена тысячами мелкихъ зубовъ. У краевъ этой пасти находятся длинные усы, а изъ впадинъ ихъ огромной, раздутой головы выглядываютъ неподвижные маленькіе глаза. Это — сомы. Тридцать, сорокъ, пятьдесятъ — до ста штукъ этихъ водяныхъ чудовищъ лѣниво плаваютъ тамъ; раздраженные чѣмъ-нибудь, сильно бьютъ хвостовымъ плавникомъ во всѣ стороны. Между этими хищниками нерѣдко возникаетъ страшная драка изъ-за куска рыбьихъ отбросковъ, падающихъ сверху въ бурыя волны рѣки. Пока еще все спокойно. Вдругъ надъ поверхностью воды появляется темно-оливковая спина такого чудовища и черезъ мгновеніе она снова исчезаетъ. Въ воду бросили жирныя внутренности осетра. Не успѣли онѣ потонуть, какъ уже четыре — шесть громадныхъ пастей раскрываются и хватаютъ лакомый кусокъ. Между ними завязалась страшная драка. Затѣмъ они исчезаютъ и все утихаетъ. Снова появляются водовороты, и та же картина повторяется черезъ нѣсколько мгновеній. Берегись рыбакъ на отлогомъ бревнѣ у пристани! Ты, правда, слишкомъ великъ для этихъ злодѣевъ; но они тебя не выпустятъ и сумѣютъ четвертовать, если ты попадешься въ ихъ владѣніе. Неосторожный шагъ — и ты поскользнулся, упалъ въ водяную глубь, изъ которой цѣлая стая страшныхъ чудовищъ не выпуститъ тебя болѣе на свѣтъ Божій.

На этотъ разъ мы можемъ оставить въ сторонѣ Кавказскую Пенсильванію съ главнымъ городомъ Баку. Мы упомянули уже о немъ въ другомъ мѣстѣ, при обсужденіи нефтяныхъ богатствъ Края. Живая портовая жизнь этого города явно свидѣтельствуетъ о его коммерческомъ значеніи; но природа здѣсь крайне скудна. Кругомъ нѣтъ зеленой травки; сѣверные вѣтры, песокъ, пыль, голыя горы, жаркое лѣто, — дѣлаютъ пребываніе здѣсь очень непріятнымъ. Сверхъ всего, послѣ оконченной перегонки, нефтяные остатки нерѣдко воспламеняются, и тогда черныя тучи дыма и копоти переносятся вѣтромъ въ Баку. Все это въ значительной степени отравляетъ здѣсь существованіе.

Теперь мы на сѣверной сторонѣ Кавказа, въ благословенныхъ краяхъ, гдѣ находятся Куба и Дербентъ и по совершенно ровной мѣстности спѣшимъ въ Петровскъ, второй портовый городъ на западномъ прибрежьѣ Каспія.

Большая часть дороги къ сѣверу отъ Баку чрезвычайно скучна и пустынна. Кого обстоятельства не заставляютъ ѣхать отсюда черезъ Кубу въ Дербентъ сухимъ путемъ, тотъ пусть лучше спокойно ожидаетъ въ нефтяномъ городѣ отхода одного изъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій». Дорога тянется по холмистой мѣстности или же ближе къ морю, черезъ плоскія солончаковыя степи, безъ всякой культуры. Лѣтомъ здѣсь кое-гдѣ попадаются степныя курочки, а зимою встрѣчаются цѣлыми стаями различныя породы жаворонковъ. Наконецъ, по достиженіи послѣднихъ уступовъ, нѣкогда составлявшихъ границу между восточнымъ Дагестаномъ и моремъ, вправо отъ этихъ плодородныхъ высотъ, плоская наносная область представляетъ глазамъ путешественника болѣе привлекательную картину. Деревни Татовъ и Татаръ попадаются чаще и становятся обширнѣе; посѣвы лучше удаются, а въ маленькихъ садикахъ ихъ замѣтны абрикосы и миндальныя деревья. Ближе къ Самуру и при углубленіи въ страну, путешественника поражаютъ превосходное качество почвы и во многихъ мѣстахъ еще остатки лѣсовъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, Кубинская область была одна изъ богатѣйшихъ на всемъ Кавказѣ; съ тѣхъ поръ, какъ культура марены потерпѣла полнѣйшее пораженіе, здѣсь исчезъ одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ промышленности. Анилиновыя краски совершенно вытѣснили крапъ. Дорога въ продолженіе многихъ часовъ тянется среди заброшенныхъ полей крапа, которыя вмѣстѣ съ мареною теперь заросли множествомъ сорныхъ травъ.

Самый городъ Куба былъ основанъ въ срединѣ прошлаго столѣтія Гуссейнъ-Али-ханомъ и до смерти сына и преемника его Фетхъ-Али-хана (1789) имѣлъ извѣстное политическое значеніе въ восточной части Кавказа, а въ 1806 г. онъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ Россіи. Городъ и названное по немъ ханство, въ особенности во второй половинѣ прошлаго столѣтія, по временамъ распространяли свое владычество на восточную часть Дагестана, выше Дербента, и на западъ до Шемахи. Въ послѣднее время городъ этотъ сдѣлалъ весьма отрадные успѣхи. Необходимо воздать должнуюпохвалу кубинскимъ коврамъ, которые отличаются очень своеобразною, гладкою тканью, прочностью красокъ и оригинальностью рисунка. Въ отношеніи фабрикаціи ковровъ, на Кавказѣ нѣтъ ничего болѣе краснаго, ни болѣе соотвѣтствующаго своей цѣнѣ.

Несравненно пріятнѣе, однако, путешествіе въ Дербентъ водою. Пароходъ оставляетъ Баку обыкновенно въ полночь и рано утромъ уже проходитъ мимо устья Самура. На берегу еще попадаются лѣса, а въ глубинѣ страны на ю. и ю.-з. сіяющая вершина Шахъ-Дага ярко выступаетъ въ ясную погоду изъ нагроможденныхъ по бокамъ и сзади него Дагестанскихъ высотъ. Немного времени спустя, пароходъ останавливается на Дербентскомъ рейдѣ. Голубыя волны моря омываютъ бѣлый песчаный берегъ, который постепенно поднимается довольно высоко; внизу вездѣ сады; вверху, по склону растянулась оригинальная столица прежнихъ хановъ, окруженная бѣлою стѣною. Надъ городомъ господствуетъ цитадель; въ средней части находится великолѣпный соборъ, а близъ моря, внизу, есть священное мѣстечко, чрезвычайно заботливо охраняемое. Здѣсь, въ 1722 г., жилъ Петръ Великій въ маленькой хижинкѣ изъ камня и земли, надъ которой, для ея охраненія отъ разрушенія, надстроено красивое зданіе съ колоннами. Прилагаемая картинка даетъ вѣрное представленіе о всемъ городѣ. Поднимаясь отъ морскаго берега въ гору и направляясь на западъ изъ роскошнаго городскаго парка, оставляя за собою свободную площадь, въ срединѣ которой находится соборъ, дорога становится труднѣе и круче, улица уже. Здѣсь по обѣ стороны находятся лавки, торгующія всякою ветошью и восточными товарами. Наверху крутыхъ склоновъ горъ стоятъ выбѣленныя зданія Дербентскихъ хановъ, господство которыхъ простиралось на восточную часть Дагестана и на югъ, до города Баку. Но они, въ свою очередь, были данниками Персіи. Иранское могущество распространялось и на эти мѣстности. Цитадель и стѣны ея позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ городская стѣна, которая мѣстами бываетъ отъ 5 до 9 фут. толщины и въ 30 — 40 фут. вышины и опоясываетъ городъ на протяженіи отъ 4 до 5 верстъ. Нѣкоторыя изъ оборонительныхъ башень сохранились до настоящаго

времени. Стѣнки нѣкогда протянуты были далеко въ море и между ними заключалась удобная гавань. Съ другой стороны, въ прежнія времена отъ южной части городской стѣны выходила знаменитая александровская стѣна, которая потянулась далеко на западъ внутрь страны. Эта гигантская постройка, которую и теперь еще можно прослѣдить вплоть до страны Тушинцевъ (верховье Алазани), также снабжена бастіонами и воротами; она приписывается Нуширвану, сыну основателя Дербента. По мнѣнію ученыхъ, городъ этотъ былъ основанъ во времена Сассанидовъ въ царствованіе Кобада, хотя онъ часто подвергался нашествіямъ и разрушеніямъ; изъ рукъ калифовъ онъ переходилъ къ Туркамъ, Монголамъ, и временно здѣсь господствовали даже Грузины; несмотря на это, въ продолженіе многихъ вѣковъ, Дербентъ сохранялъ свою оригинальность и славу между магометанами, пока наконецъ въ 1806 г. онъ былъ присоединенъ къ Россійскому государству.

Коснусь также еще одного пункта на западномъ берегу Каспія, именно *Петровска*, представляющаго собою довольно юный городъ. Онъ находится въ равнинѣ. Въ послѣднее время пріобрѣлъ весьма важное значеніе, потому что имѣетъ отличную искуственную гавань и, кромѣ того, теперь служитъ исходною точкою для военныхъ операцій, направленныхъ на восточный берегъ Каспійскаго моря. Когда путешественникъ направляется отсюда на сѣверъ, то взорамъ его съ палубы парохода на югѣ еще разъ представляются Дагестанскія Альпы и еще разъ душа его имѣетъ случай насладиться величественнымъ зрѣлищемъ горнаго ландшафта. На сѣверъ и западъ передъ нимъ разстилается необозримое море и безконечная степь.

Радде.

Домикъ Петра Великаго въ Дербентѣ.

ОЧЕРКЪ XII.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Поясамъ растительности по вертикальному направленію соотвѣтствуютъ извѣстные поясы культурныхъ растеній. — Затрудненія, представляющіяся хлѣбопашеству выше древесной границы. — Климатическія препятствія вообще. — Необходимость орошенія. — Проекты новѣйшаго времени: Англичане Габбъ и Белли; инженеры Зеземанъ и Гобсонъ. — Обработка почвы: воздѣлываніе мѣстностей, покрытыхъ лѣсомъ. — Лѣнь жителей. — Культура винограда. — Таблицы объ урожаѣ. — Плохіе совѣты Пахера. — Культура марены и ея упадокъ. — Интересные факты о ячменѣ. — Планы къ водворенію Европейской культуры и промышленности на Кавказѣ. — Неудачи. — Неудачная культура индиго. — Швейцарская ферма Барона Кученбаха въ Мамутли. — Садоводство. — Домашніе промыслы: ковры, кожаныя и металлическія издѣлія. — Скромный бытъ ремесленниковъ. — Металлургія. — Мѣдно-плавильный заводъ братьевъ Сименсъ въ Кедабегѣ. — Свободная конкуренція частныхъ капиталовъ замѣняетъ монополію. — Бумажно-прядильная промышленность и обработка шелка. — Главнѣйшія причины медленнаго развитія промышленныхъ предпріятій.

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и въ даль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Гдѣ, въ другой части Россіи, можно встрѣтить такое разнообразіе климатическихъ и почвенныхъ условій, какое представляетъ собою Кавказъ? Органическій міръ Кавказскаго края, приспособившійся къ рѣзкимъ особенностямъ рельефа страны, представляетъ чрезвычайное разнообразіе видовъ и формъ. Къ богатой флорѣ, свойственной Прикаспійскимъ пустынямъ, къ флорѣ, типично развивающейся на черноземныхъ степяхъ къ сѣверу отъ Большаго Кавказа и на Армянскомъ плоскогорьѣ, наконецъ, къ богатой видами флорѣ жаркой горной полосы, лѣсной, надгорной и альпійской областей, — присоединяется рядъ культурныхъ растеній, обезпечивающихъ благосостояніе человѣка и щедро вознаграждающихъ его трудъ, не смотря на то, что ихъ воздѣлываніе далеко не раціональное, а напротивъ, въ иныхъ мѣстностяхъ даже самое первобытное. За поясомъ жаркихъ Кавказскихъ низменностей, въ которомъ первое мѣсто въ числѣ культурныхъ растеній занимаютъ рисъ, хлопчатникъ, клещевина, кунжутъ, виноградъ и кукуруза, слѣдуетъ широкая полоса умѣреннаго пояса, наиболѣе благопріятнаго для культурныхъ растеній, въ которомъ до высоты 3,500 футъ надъ уровнемъ моря въ изобиліи родится вино-

градъ, кукуруза и сѣверные злаки, по преимуществу пшеница, и достигаютъ наилучшаго развитія овощи и садовая культура.

По мѣрѣ поднятія на горы, роскошныя культурныя растенія низменностей и предгорій мало-по-малу исчезаютъ; пашни попадаются меньше и меньше; ихъ обработка становится болѣе и болѣе затруднительною, и урожаи скудѣютъ пропорціонально съ повышеніемъ мѣстности. Въ Колхидѣ и Дагестанѣ, отличающихся особенно сухимъ климатомъ, крайній предѣлъ полей, засѣваемыхъ ячменемъ и просомъ (Panicum vivide), находится на высотѣ 7,000—8,500 фут. надъ уровнемъ моря. Приземистый ростъ соломы, рѣденькіе всходы и мелкій колосъ составляютъ атрибуты хлѣбовъ этой высоты. Посѣвы тамъ озимые, но и они не всегда выспѣваютъ, потому что на такой высотѣ ночные морозы составляютъ обыкновенное явленіе уже въ августѣ мѣсяцѣ. Туземцы, однако, ухитряются добыть зерно изъ скошеннаго въ неспѣломъ видѣ ячменя. Для этой цѣли они раскладываютъ колосья тонкимъ слоемъ на огромныя сланцевыя плиты, подвергая ихъ въ сентябрѣ вліянію высокогорной полуденной температуры. Въ тѣхъ высотахъ природа отличается крайнею скудостью и заключаетъ въ себѣ мало условій къ цивилизаціи дикаго сына горъ. Съ трудомъ добывъ клочекъ земли въ скалистой мѣстности, горецъ обводитъ его широкою каменною стѣною, распахиваетъ кое-какъ свою полянку и засѣваетъ ее зерномъ въ августѣ мѣсяцѣ; всходы же видитъ онъ лишь въ маѣ слѣдующаго года, т. е. послѣ семимѣсячной зимы (мы имѣемъ въ виду высоту отъ 6—8,000 фут. надъ уровнемъ моря). Но и эти жалкіе результаты, достигнутые человѣкомъ у предѣловъ хлѣбопашества съ величайшими усиліями, весьма часто погибаютъ въ продолженіе ¼ часа отъ альпійской непогоды. Тамъ, гдѣ лежитъ полоса градобитій, — благодаря Бога мѣстами очень узкая, — гибнетъ все, подвергающееся его разрушительному дѣйствію. Градъ на Кавказѣ, съ которымъ знакомитъ насъ спеціальное по этому предмету сочиненіе академика Абиха, представляетъ въ научномъ отношеніи большой интересъ; для хозяйственной же культуры онъ чрезвычайно пагубенъ. Кристаллическія, плотныя льдины, достигающія величины куринаго яйца, низвергаются съ такою силою, что подвергаютъ опасности даже жизнь человѣка, а пораженіе ими барановъ — явленіе у насъ самое обыкновенное. Эти, ужасающіе своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ, гидрометеоры типичны для области Тріалетскихъ горъ, Самхетіи и Боржома. Но это далеко еще не исчерпываетъ климатическихъ невзгодъ, съ которыми здѣсь приходится вести борьбу человѣку. Немного найдется на Кавказѣ счастливыхъ мѣстностей, обезпеченныхъ неизмѣнно хорошими условіями.

Возвращеніе съ жатвы.

Придерживаясь установленнаго нами выше раздѣленія Кавказскаго климата, прежде всего займемся жаркою полосою, повсемѣстно требующею искусственнаго орошенія. Въ долинѣ Аракса самое роскошное поле, не орошенное въ началѣ мая, выгораетъ въ теченіе одного дня, потому что температура въ тѣни достигаетъ 28—29° Р., а на солнечномъ припекѣ она превышаетъ даже 33—35°. Насущный для центральной и переднеазіятской областей ирригаціонный

вопросъ нараціональнѣйшимъ и простѣйшимъ способомъ разрѣшенъ Персіянами, отъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, можно кое-что перенять. Вода, этотъ драгоцѣннѣйшій даръ природы, проведена у нихъ къ мѣсту назначенія на десятки верстъ. Въ Персіи мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ хорошую воду, хотя страна и отличается чрезвычайною сухостью климата и не имѣетъ ни одной значительной рѣчной системы. Нужна-ли вода утомленному путнику для утоленія жажды, или набожному шіиту для омовеній; спасаетъ ли она многолюдныя селенія отъ голода и нужды; питаетъ-ли она бани гаремовъ сладострастныхъ вельможъ, — это безразлично: она встрѣчается вездѣ, и безсмертная муза Гафиса воспѣваетъ ее на тысячи ладовъ. Надо признаться, что, въ сравненіи съ этимъ, у насъ по настоящее время по ирригаціи сдѣлано чрезвычайно мало. Не то было на Кавказѣ встарину; въ тѣ времена Край отличался гораздо большею производительностью, нежели теперь. Въ этомъ читатель можетъ убѣдиться,

Сборъ винограда.

поднявшись на вершину Алагеза. Тамъ, на высотѣ болѣе 10,000 фут. надъ уровнемъ моря, понынѣ еще видны уцѣлѣвшіе со временъ Персидскаго владычества остатки жолобовъ, проводившихъ снѣговую воду въ долину, гдѣ ею пользовались трудолюбивые люди, поселившіеся у подошвы мертваго вулкана. Вообще, въ долинѣ Аракса, какъ вдоль средняго его теченія, такъ и въ низовьяхъ, а также и по системѣ рѣки Куры, воздѣлываніе почвы — имѣетъ ли оно цѣлью полеводство, огородничество или садоводство—представляетъ до высоты 3,500 фут. надъ уровнемъ моря исключительно оазисную культуру. Для Кавказа въ особенности составляетъ аксіому изрѣченіе: безъ орошенія — пустыня, съ орошеніемъ — рай. Важный, вслѣдствіе этого, для Кавказскаго края ирригаціонный вопросъ вызвалъ обширныя по этому предмету предварительныя работы. Если осуществится при помощи орошенія превращеніе большей части пустынь въ культурные оазисы, то этимъ откроется широкій просторъ прибыльному труду,

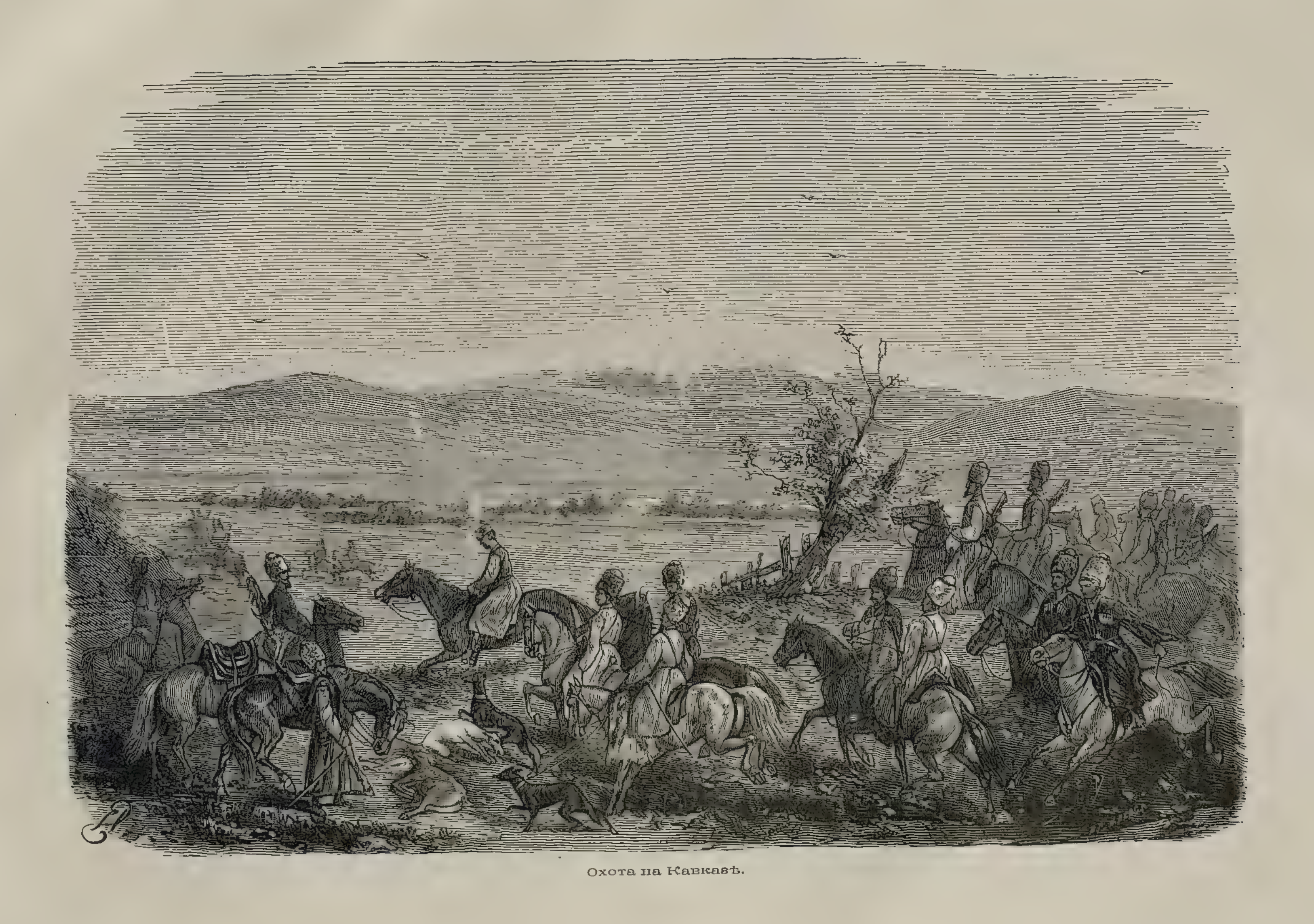
особенно для туземцевъ, которые менѣе чувствительны къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, нежели пришельцы изъ прохладнаго сѣвера. Оазисы вдоль средняго теченія рѣки Аракса въ настоящее время самыя плодородныя культурныя мѣста всего Кавказа. Обширный проектъ орошенія сухихъ Закавказскихъ низменностей, основанный на весьма солидныхъ началахъ, составленъ при князѣ Барятинскомъ англійскими инженерами Габбомъ и Белли. Ихъ проектъ зиждется, съ одной стороны, на точномъ исчисленіи средняго количества воды всѣхъ притоковъ Куры и Аракса, а съ другой — на точной нивеллировкѣ многихъ мѣстностей. Рѣка Кура, текущая у устья съ среднею быстротою 70 кубическихъ саженей въ секунду, изливаетъ въ Каспій въ теченіе года 2,207 милліоновъ кубическихъ саженъ воды. На осуществленіе означеннаго проекта нужны только деньги; но сумма ихъ достигаетъ такой крупной цыфры, что проведенія всѣхъ поливныхъ канавъ по плану Габба и Белли можно ожидать только въ весьма далекомъ будущемъ. Проектъ разсчитанъ на орошеніе 2,000,000 десятинъ земли, лежащей по среднему и нижнему теченію рѣкъ: Куры и Аракса. По смѣтѣ англійскихъ инженеровъ, канализація десятины обойдется 100 рублей, такъ что на обращеніе нынѣшнихъ Закавказскихъ пустынь въ доходные сады и огороды, хлопчато-бумажныя, кунжутныя и табачныя плантаціи понадобится почтенная сумма въ 200 милліоновъ руб. Понятно, что при такихъ условіяхъ, выполненіе проекта слѣдуетъ отнести въ область мечты, которая осуществится развѣ грядущими поколѣніями, если они будутъ обладать большею интеллигенціею и обнаружатъ больше трудолюбія, нежели нынѣшнее населеніе, располагающее крайне скудными средствами и упорно придерживающееся относительно обработки полей самыхъ первобытныхъ пріемовъ.

Первый шагъ по орошенію уже сдѣланъ въ такъ называемой Караязской степи, лежащей въ 60 верстахъ отъ Тифлиса, гдѣ 11,000 десятинъ безплодной земли обращены, при помощи искусственной поливки, въ плодородныя поля. Канализація этого участка стоила около 400,000 руб. и вполнѣ удовлетворительный результатъ. Инженеромъ Земеманномъ также выработанъ съ большимъ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла новый ирригаціонный планъ, объемлющій отчасти уже культивированный участокъ по среднему теченію Аракса, отъ рѣки Арпачая до Давалу, но и его проектъ ждетъ пока своего осуществленія.

Въ областяхъ, населенныхъ мусульманами, надѣлъ полей водою изъ поливныхъ канавъ совершается по адату, перенятому у Персіянъ. Въ силу адата, распоряженія по орошенію полей поручаются общиною выборному лицу (тамадѣ), на обязанности котораго лежитъ открытіе и закрытіе шлюзовъ и которое, слѣдовательно, властно снабжать поля живительною влагою и отказывать въ ней. Ясно, что при такомъ порядкѣ вещей часто совершаются несправедливости, даже непреднамѣренныя. Главный недостатокъ этого, освященнаго обычаемъ, метода заключается въ томъ, что отпускъ воды не производится по какой-либо установленной нормѣ, но по одному лишь глазомѣру и благоусмотрѣнію тамады. Въ жаркой культурной полосѣ Кавказа это обстоятельство служитъ поводомъ къ нескончаемымъ препирательствамъ, раздорамъ и даже уголовнымъ преступленіямъ. Можно положительно сказать, что бо́льшая часть уголовныхъ дѣлъ возникаетъ въ жаркой низменности изъ-за капли воды, отъ которой зависитъ благосостояніе человѣка, почему онъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, готовъ брать ее силою.

Совсѣмъ не то представляется намъ при обзорѣ культурной полосы, лежащей выше. И тамъ нужна поливка полей раза два въ теченіе лѣта, особенно у предѣльной полосы культуры пшеницы и кукурузы, на высотѣ около 4,000 футъ надъ уровнемъ моря; но на этой высотѣ горы изобилуютъ водою и потому въ этой умѣренной и благопріятнѣйшей культурной полосѣ споровъ изъ-за воды быть не можетъ.

Еще выше, внѣ предѣловъ хлѣбопашества, въ области нагорныхъ и высоко-альпійскихъ луговъ, непріязненныя столкновенія опять часты; они происходятъ между кочевниками, при чемъ также идетъ въ дѣло кинжалъ, но не съ цѣлью завоеванія стремительнаго глетчернаго

Охота на Кавказѣ.

потока, а изъ-за обладанія узкою, береговою лужайкою, питающею своимъ приземистымъ дерномъ стадо горца, состоящее изъ нѣсколькихъ головъ. Въ знойной низменности совершаются убійства изъ-за капли воды, въ горахъ — изъ-за пяди земли.

Другое обстоятельство, на которое необходимымъ считаю указать,—высокая лѣтняя температура Кавказской жаркой полосы. При достаточной поливкѣ, она благопріятствуетъ раннему согрѣванію риса, хлопчатника, кунжута, клещевины и пр. Словомъ, высокая температура и влага, въ совокупности, какъ нельзя лучше обезпечиваютъ роскошное произрастаніе однолѣтнихъ растеній, многолѣтнія же, деревянистыя растенія во многихъ мѣстностяхъ, сверхъ того, въ зависимости отъ крайностей зимнихъ температуръ. Долина средняго теченія р. Аракса представляетъ тому много доказательствъ. Возьмемъ для примѣра виноградъ; въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ лѣтомъ виноградная гроздь рдѣетъ при температурѣ + 26 — 30° Р., наливаясь янтарнымъ сокомъ, — морозы достигаютъ зимою не рѣдко 15° Р. Лозы необходимо зарывать въ землю, для предохраненія ихъ отъ вымерзанія. Тоже дѣлаютъ съ лозою въ Эриванской губерніи, на высотѣ, не превышающей 3,200 фут. надъ уровнемъ моря. Въ самыя выгодныя климатическія условія поставлены низменности Колхиды и вся область предгорій, примыкающая къ южному склону Большаго Кавказа. Въ прославившейся своимъ виномъ Кахетіи виноградныхъ лозъ никогда не зарываютъ: онѣ выносятъ зиму подъ открытымъ небомъ до высоты 2—2,500 фут. надъ уровнемъ моря, произрастая всего лучше на рухляковой почвѣ. Точно такія-же условія присущи бассейну Ріона, гдѣ предѣлъ культуры винограда (не зарываемаго) и кукурузы находится на высотѣ около 3,600 фут. надъ морскою поверхностью.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются низменности, лежащія къ сѣверу отъ Большаго Кавказа; имъ, правда, присуща высокая лѣтняя температура; но зимою ртуть въ термометрѣ опускается до 12° и болѣе ниже нуля. Вдобавокъ, тамъ безпрерывно дуютъ сѣверо-восточные вѣтры, о которыхъ не имѣютъ понятія у южнаго склона Большаго Кавказа. Вслѣдствіе этого виноградъ получаетъ земляное покрывало и въ Кизлярѣ; осенью его хоронятъ. При князѣ Барятинскомъ слишкомъ бойкій виноградарь-Французъ, возмечтавшій осчастливить страну своими культурными методами, оставилъ въ 1862 году незарытыми лозы Кизлярскаго казеннаго сада и погубилъ въ одну зиму весь огромный виноградный садъ.

Прежде чѣмъ приступить къ сообщенію подробностей о культурахъ Кавказскаго края, въ то-же время касаясь и нѣкоторыхъ отраслей промышленности, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ обработки земли, въ высшей степени неудовлетворительномъ. Десять-двѣнадцать паръ воловъ, къ которымъ принято припрягать пару или двѣ буйволовъ, насилу влачатъ тяжелый грузинскій плугъ, бороздящій плодородный грунтъ, какимъ, напр., отличаются Картлисскія поляны. Не взирая на то, результатъ далеко не соотвѣтствуетъ приложеннымъ усиліямъ; грузинскій плугъ пашетъ не глубже 4 — 5 вершковъ и все-таки этотъ способъ паханья, въ виду мѣстныхъ условій, нужно считать наилучшимъ. Распашка легкой почвы, особенно на склонахъ горъ, производится сохою. Для разрыхленія комьевъ вспаханной земли употребляется борона, похожая на широкую, плоскую метлу, которою, кромѣ того, и *«заметывается»* посѣвъ.

Молотьба производится не менѣе античными орудіями, приспособленными, главнымъ образомъ, къ превращенію соломы въ мякину (саманъ). Хлѣба вымолачиваются на трамбованномъ гумнѣ то ногами животныхъ, то особымъ орудіемъ, состоящимъ изъ широкой доски, въ 1½ аршина длиною, у которой передній конецъ заостренъ и изгибается кверху. Въ нижней поверхности доски вбиты на равномѣрномъ одинъ отъ другаго разстояніи острые камешки, нѣсколько выдающіеся изъ ея поверхности. Въ эту молотилку впрягается пара воловъ, а на доску садится погонщикъ, совершающій по хлѣбу круговую ѣзду до тѣхъ поръ, пока солома не превратится вся въ саманъ. Затѣмъ сгребаются легкія части и зерно провѣвается.

Обработка нови принадлежитъ на Кавказѣ къ самымъ труднымъ работамъ. До высоты 4000 фут. надъ уровнемъ моря во всѣхъ болѣе широкихъ долинахъ плодится въ изобиліи Христовъ-терновникъ (Paliurus aculeatus), глубоко запускающій въ почву свои вѣтвистые корни. Огонь не истребляетъ этого кустарника; плугъ не доходитъ до такой глубины, чтобы вырвать его корни и потому устраненіе его изъ невоздѣланной почвы сопряжено съ большими затрудненіями. Еще труднѣе истребленіе зарослей папоротника въ Колхидской низменности. Обработка почвы, и безъ того стѣсненная частымъ лѣсомъ, встрѣчаетъ тамъ на нетронутыхъ прогалинахъ препятствіе въ чащахъ гигантскаго папоротника, называемаго орлякомъ (Pteris aquilina maxima), котораго корневища внѣдряются чрезвычайно крѣпко и глубоко въ почву. Его истребленіе также не удается ни огнемъ, ни плугомъ. Обитатель горъ долженъ нерѣдко взять съ боя маленькую пашню у покрывающаго ее лѣса. Срубивъ деревья въ сокѣ, онъ остав-

Бой барановъ на Кавказѣ.

ляетъ ихъ на мѣстѣ для просушки въ теченіе знойнаго лѣта и сжигаетъ ихъ осенью. Онъ, конечно, хвалитъ плодородность своей пашни: вѣдь она удобрена пепломъ сгорѣвшихъ на ней деревьевъ; но его поле представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ имущество, пріобрѣтенное грабежомъ, совершеннымъ надъ лѣсомъ, и подобные захваты слѣдовало-бы строго запретить. Удобриваніе почвы, равно какъ и правильныя двухъ-или трехпольныя хозяйства встрѣчаются на Кавказѣ рѣдко. Во всѣхъ отношеніяхъ совершается здѣсь насиліе надъ природою. Только нужда, уже теперь дающая себя мѣстами чувствовать, разбудитъ спящую интеллигенцію и положитъ предѣлъ косности и лѣни; только необходимость заставитъ туземца оказывать помощь разоренной природѣ и установитъ раціональное земледѣліе и лѣсное хозяйство, не исключая огородничества и луговодства.

Обращаясь къ спеціальнымъ культурамъ Кавказскаго края, начнемъ съ винограда.

Было-бы трудно доказать, что родина винограда — Закавказскій край, отличающійся, особенно у восточной береговой полосы Чернаго моря, самыми благопріятными климатическими условіями для его произрастанія. Съ виноградомъ повторяется то-же, что и съ бо́льшею частью издревле воздѣлываемыхъ человѣкомъ растеній: нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить его отечество. Неоспоримо лишь то, что онъ встрѣчается одичалымъ и дикорастущимъ во многихъ мѣстностяхъ Закавказскаго края. Въ натуральныхъ садахъ Мингреліи и Гуріи, раскинутыхъ на обширномъ, бугристомъ пространствѣ и покрытыхъ всегда зеленымъ клевернымъ дерномъ, можно убѣдиться въ дѣйствительности этого факта. Тамъ рѣдкое дерево не служитъ подпорою виноградной лозѣ, обвивающей своими прицѣпками верхушки деревьевъ. Вся Мингрелія, часть Самурзакани, Абхазія и Гурія представляютъ, собственно говоря, своеобразный виноградный садъ, въ которомъ лозы растутъ привольно и пышно безъ подрѣзки. Хотя бо́льшая часть лозъ произрастаетъ безъ всякаго ухода со стороны человѣка, но большинство ихъ все-таки насажено и по-нынѣ насаждается. Туземцы, одержимые непреодолимою лѣнью, не подрѣзываютъ лозъ и не ставятъ имъ искусственныхъ подпоръ, но оставляютъ на произволъ судьбы, посадивъ подлѣ деревьевъ. Такой способъ культуры винограда преобладаетъ во всѣхъ важныхъ низменностяхъ юго-восточнаго Черноморскаго прибрежья. При всей неудовлетворительности ухода, ограничивающагося тѣмъ, что туземецъ время отъ времени вырубаетъ часть вѣтвей дерева, подпирающаго лозу, урожаи винограда бываютъ обильные. Попадаются лозы толщиною въ туловище человѣка, которымъ можно смѣло приписывать столѣтній возрастъ, дающія до 100 бутылокъ вина. Во всей означенной области виноградъ собирается въ три пріема: отъ 1-го сентября по 15-е октября—для приготовленія непрочнаго вина, выпиваемаго въ молодомъ видѣ въ ноябрѣ для добыванія болѣе прочнаго вина, расходуемаго на мѣстѣ-же до новаго урожая, и, наконецъ, до глубокой зимы — на выдѣлку вина для продажи.

Настоящій грузинскій типъ виноградныхъ садовъ встрѣчается только у Имеретинъ, обитающихъ на значительно бо́льшей высотѣ. Говорятъ, что Грузины первоначально сажали благородное растеніе Вакха широкими аллеями и что только впослѣдствіи принятъ нынѣшній способъ его культуры, заключающійся въ томъ, что лозы подрѣзываютъ высоко, оставляя не болѣе двухъ «глазокъ», изъ которыхъ развиваются годичные плодоносные побѣги. Саженной длины колья служатъ имъ подпорою. Для подвязки лозъ употребляются размоченные побѣги ломоноса (Clematis vitalba). Практикуемая за-границею низкая подрѣзка оказалась, по опыту, невыгодною для Кавказской лозы, такъ какъ она уменьшаетъ урожай. Знатоки отдаютъ предпочтеніе разведенію лозъ бесѣдками, въ видѣ шпалерниковъ. Предохраненныя этимъ способомъ отъ прямаго вліянія солнечнаго зноя, зрѣющія ягоды наливаются полнѣе сокомъ, отчего урожай увеличивается.

Въ виноградныхъ садахъ жаркой Кавказской культурной полосы, весьма полезно разводить сплошную приземистую растительность, которая, застилая почву, удерживаетъ въ ней на продолжительное время влагу, необходимую для успѣшнаго произрастанія лозъ. По этой причинѣ въ здѣшнихъ виноградныхъ садахъ почти вездѣ разводятся овощи. Въ Мингреліи ихъ обсѣменяютъ просомъ, въ Грузіи сѣютъ тыкву и фасоль, покрывая этимъ производительнымъ способомъ разрыхленную почву садовъ въ пользу лозъ.

Ознакомимся теперь съ способомъ винодѣлія въ Кахетіи, производящей самое характерное вино Кавказа, прославившееся даже внѣ предѣловъ края. Способъ этотъ нужно считать образцовымъ для всего Кавказа. Г. Шареръ пишетъ въ своемъ очеркѣ 1875-го года, слѣдующее:

«Грозды выдавливаются ногами. Подземныхъ погребовъ ни гдѣ не имѣется. Прессованіе винограда и приготовленіе и сохраненіе вина совершаются въ строеніяхъ, крытыхъ камышемъ, возведенныхъ изъ камня, безъ оконъ. Кругомъ подъ крышею устроены отверстія для вентиляціи, пропускающія достаточно свѣта. Подобное зданіе называется *марани*. На сторонѣ

щница крыши марани, противъ входа въ нее, находится возвышеніе вдоль стѣны, сложенное изъ камня или деревянное, соотвѣтствующее всей длинѣ стѣны, корыто глубиною въ $1^1/_2$ аршина и столько-же въ ширину, дно котораго къ одному концу наклонено и имѣетъ трубку для стока сусла. Трубка называется *гари*, корыто — *нави*. Вдоль стѣны, примѣрно на высотѣ $2^1/_2$ аршинъ надъ краемъ корыта, прикрѣпленъ продольный брусокъ, за который держатся работники, прессующіе виноградъ. Пространство отъ двери до возвышенія, на которомъ находится давильня, занято кувшинами, такъ глубоко зарытыми въ землю, что они не замѣтны надъ нею. По окончаніи прессованія винограда, сусло по деревянному жолобу изъ корыта спускается въ назначенный для его помѣщенія кувшинъ. Кувшины (по-грузински *квеври)*, вышиною въ $1^1/_2$ до 4 аршинъ и шириною отъ 1 до $2^1/_2$ аршинъ, выжжены изъ глины. При зарываніи кувшина въ землю, наружная стѣна его нерѣдко обдается толстымъ слоемъ извести, смѣшанной съ каменьями, чѣмъ кувшину придается особенная крѣпость. Большой кувшинъ вмѣщаетъ три арбы, или 450 ведеръ вина и стоитъ 30 — 40 руб. До врытія кувшиновъ въ землю, ихъ наполняютъ хворостомъ, который сжигаютъ внутри; по удаленіи остатковъ кувшины смазываютъ свѣжимъ саломъ, которое впитывается въ стѣны, отчего они пріобрѣтаютъ необходимую плотность».

«Приступая къ прессованію винограда, на днѣ давильни помѣщаютъ плетенку изъ сучьевъ крѣпкой породы дерева (топкири), на которую кладутъ еще рядъ мелколиственныхъ растеній, особенно Artemisia annua (чади). Этотъ слой задерживаетъ стебли и большую часть кожицы, такъ что сокъ попадаетъ въ кувшинъ довольно чистымъ.

Въ 1875 году виноградники Кавказа занимали болѣе 80 тыс. дес. и давали 9.200,000 ведеръ виноградняго вина, цѣною отъ 30 коп. до 5 руб. за ведро. Наибольшее количество вина доставляли Кахетія (Сигнахскій и Талавскій у. у. Тифлисской губ. 2.750,000 вед.), Имеретія (Кутаисской губ. до 2 мил. вед.), и Кизлярскій районъ. Терской обл. (1.300,000 вед.).

Послѣ винограда, заслуживаетъ вниманіе хлопчатникъ. Его культура ограничивается жаркою полосою, по долинѣ средняго теченія рѣкъ Куры и Аракса, гдѣ продолжительное лѣто и высокая температура способствуютъ вызрѣванію. Тамъ условія природы сложились во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для успѣшнаго произрастанія хлопчатника; но человѣкъ не сумѣлъ воспользоваться ими, не сумѣлъ даже извлечь пользы изъ случая, который нѣкоторое время вліялъ чрезвычайно оживительно на культуру хлопчатника въ Закавказскомъ краѣ, пропустивъ безъ пользы эпизодъ американской войны, когда цѣны на персидскій и закавказскій хлопокъ ушестерились. Кажется, что такой толчокъ извнѣ долженъ бы былъ вызвать усиленное производство хлопка, но — ничуть не бывало: въ Закавказскомъ краѣ культура хлопчатника не только не приняла бо́льшихъ размѣровъ, но, наоборотъ, приходитъ въ окончательный упадокъ, такъ что обширныя пространства земли по долинѣ средняго теченія Аракса, прежде бывшія подъ хлопчатникомъ, нынѣ воздѣлываются подъ пшеницу.

Оживленный сбытъ Закавказскаго хлопка начался въ 1862-мъ году. Въ Англіи бездѣйствовала большая часть бумагопрядильныхъ фабрикъ, потому что подвоза сырья изъ Америки не было. Спросъ хлопка на югѣ и востокѣ послѣдовалъ и изъ Москвы. Константинополь превратился въ складочное мѣсто Закавказскаго и Персидскаго хлопка. Въ 1861-мъ году производство хлопка въ Закавказьѣ простиралось до 30,000 пудовъ, стоимостью въ 3—4 рубля за пудъ. Въ 1862-мъ году цѣна возвысилась до 17 — 18 рублей за пудъ на мѣстѣ, изъ первыхъ рукъ, а въ Тифлисѣ — до 19 — 20 рублей. Въ теченіе двухъ лѣтъ производство хлопка упятерилось и приходъ производителей увеличился отъ 100,000 рублей до 2-хъ милліоновъ. Кажется, лучше и нельзя было поощрить трудолюбіе населенія и разохотить къ расширенію хлопчатнаго промысла. Но какъ только, по окончаніи Американской войны, хорошо сортированный товаръ, гарантирующій покупателю неизмѣнное качество товара торговою маркою, вступилъ въ свободную конкуренцію съ средне-азіатскимъ товаромъ, цѣнность послѣдняго упала, и

хотя онъ не совсѣмъ удаленъ съ рынка, но зато отодвинутъ на прежнее свое мѣсто. Объясненіе тому нужно искать въ двухъ причинахъ. Первая причина кроется въ способѣ культуры хлопчатника и очисткѣ хлопка и должна быть отчасти отнесена къ косности плантатора; за вторую — отвѣтственнымъ лицомъ является мелкій торгашъ, играющій роль посредника между производителемъ и оптовымъ торговцемъ. Австріецъ Альвинъ Пахеръ, авторитетный спеціалистъ по хлопчатному дѣлу, обнаруживаетъ безъ прикрасъ причины, повліявшія на упадокъ нашей хлопчатной промышленности. Если, съ одной стороны, подъ хлопчатникъ, воздѣлываньемъ котораго у насъ занимаются почти исключительно крестьяне, обыкновенно отводятся только незначительные участки земли, вслѣдствіе чего получаются не одинаковаго качества урожаи, а также и хлопокъ не одинаковой чистоты, то, съ другой стороны, немаловажное зло составляетъ и то обстоятельство, что здѣсь разводятся разные виды хлопчатника, которые легко перерождаются, но которыхъ оригинальное сѣмя рѣдко обновляется. Принимая, сверхъ того, въ разсчетъ плохую обработку полей и часто испытываемый недостатокъ поливной воды, мы приходимъ къ прискорбному заключенію, что у насъ эта отрасль культуры, не смотря на всѣ дары природы и временныя, выгодныя, торговыя условія, не только не подвинется впередъ, но наоборотъ, должна пятиться назадъ, словомъ,— влачить скудное существованіе по отсутствію интеллигенціи и трудолюбія.

Но и торговцы-Армяне не мало содѣйствовали тому, чтобы подорвать довѣріе къ этому товару. Мелкіе торгаши, шатающіеся по всѣмъ селеніямъ, закупаютъ урожаи, само собою разумѣется, по низкой цѣнѣ, ухитряясь нанести ущербъ бѣднымъ крестьянамъ еще и ловкимъ обвѣшиваніемъ. Закупленный въ селеніяхъ хлопокъ складывается безъ сортировки въ кучу. Затѣмъ нужно-же увеличить его вѣсъ, что обыкновенно достигается прибавленіемъ соли, воды или рисовой муки. Насоленный, напудренный или промоченный, онъ оставляется подъ открытымъ небомъ, на произволъ судьбы, въ грязи. Наконецъ хлопокъ перевезенъ въ Тифлисъ и проданъ оптовому торговцу, у котораго совершается, опять таки безъ сортировки, перемѣшиваніе съ другими партіями и набиваніе въ тюки. При этомъ нерѣдко случается, что въ тюкъ, *по ошибкѣ*, попадаетъ громадный полевой камень, и въ такомъ видѣ хлопокъ прибываетъ въ Константинополь—складочный пунктъ всемірной торговли. Очевидно, что товаръ, обладающій такими качествами и съ навязанными ему *надбавками*, не можетъ конкурировать съ продуктомъ, вышедшимъ изъ рукъ интеллигентныхъ и честныхъ работниковъ: рыночная цѣна его должна понижаться до крайнихъ предѣловъ, если тому не противодѣйствуютъ случайныя, временныя обстоятельства.

Культура марены, когда-то процвѣтавшая на западномъ берегу Каспія, въ особенности въ окрестностяхъ Кубы и Дербента, пришла въ окончательный упадокъ, благодаря открытіямъ химіи. Правда, до сихъ поръ еще не удалось добывать вполнѣ прочныхъ, не линючихъ анилиновыхъ красокъ, но нѣтъ сомнѣнія, что и это рано или поздно будетъ достигнуто, и тогда кранъ исчезнетъ изъ красильнаго дѣла, не смотря на интенсивность и прочность его цвѣта. Дербентскія гаранциновыя мельницы съ давнихъ уже поръ превращены въ простыя мукомольныя. Прежде въ нихъ приспособлялась къ отвозу на Нижегородскую ярмарку марена, вытѣснившая съ Россійскаго рынка Авиньонскую марену, славившуюся своими высокими качествами. Надо замѣтить, что культура марены перенесена на Кавказъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ Персіи, нѣкіимъ Кэлбала-Гусейномъ, котораго имя сохранилось въ доброй памяти у туземцевъ. Князь Воронцовъ живо интересовался и этою отраслью сельскаго хозяйства и мареноводство росло съ каждымъ годомъ во время его управленія Краемъ. Особенно обильны были урожаи марены 40-хъ годовъ, такъ что въ торговлѣ появилось количество ея, превышавшее спросъ. Въ 1862-мъ году вывезено изъ Прикаспійской области 213,200 пудовъ марены, средней стоимости по 7-ми рублей за пудъ, за которую выручили около $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Бывали и такіе годы, что цѣна марены доходила до 10-ти рублей за пудъ.

Въ настоящее время культура этого растенія совершенно оставлена. Даже высокая пошлина, наложенная на привозныя анилиновыя краски въ пользу мареноводства, не спасла его отъ упадка.

Съ недавнихъ поръ у насъ начинаютъ разводить съ большимъ успѣхомъ табакъ. Даже полудикіе горцы, и тѣ усвоили себѣ изъ всѣхъ культурныхъ растеній исключительно это растеніе. Нѣтъ хижины, около которой-бы не стояло подлѣ навозной кучи нѣсколько табачныхъ кустовъ. Табакъ я встрѣчалъ даже въ Чонтіо, одномъ изъ лежащихъ на наибольшей высотѣ Тушинскихъ селеній (7,600 фут. н. уровн. моря), хотя не въ видѣ плантаціи, но одиночными кустами, подобно тому, какъ мы разводимъ декоративныя растенія. Картофель не нашелъ себѣ еще тамъ родины; около 200 картофельныхъ кустовъ приходилось мнѣ видѣть только возлѣ дома православнаго священника въ Тушинскомъ селеніи Джваръ-Восели на Тушинской Алазани.

Въ Черноморскомъ округѣ, Сухумскомъ военномъ отдѣлѣ, Гуріи и др. областяхъ, за послѣднее время, особенно послѣ возвышенія таможенныхъ пошлинъ на табакъ, привозимый изъ Турціи, табаководство начало распространяться и развиваться съ необыкновенною быстротою. Въ Кубанской области и Черноморскомъ округѣ табаководство успѣло уже стать въ ряду важнѣйшихъ и прибыльнѣйшихъ отраслей народной промышленности, а въ Прикаспійскомъ побережьѣ, куда начинаетъ проникать только въ новѣйшее время, обѣщаетъ занять такое-же мѣсто, какое занимало мареноводство. Въ долинѣ средняго теченія рѣки Куры, въ Имеретіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ вредятъ табаководству порывистые вѣтры, не дающіе листьямъ дозрѣть, обращающіе ихъ въ какія-то тряпки и мѣшающіе сушкѣ, броженію листьевъ и пр.

Табаководство уже прочно установилось въ Черноморскомъ округѣ и Кубанской области (Темрюкскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ).

Съ 1875 года по 1878 г. число плантацій и десятинъ ими занимаемыхъ увеличилось въ полтора раза, а количество производимаго ими табаку утроилось, а именно: въ 1878 г. въ поименованныхъ мѣстностяхъ было 897 плантацій, занимавшихъ 3240 дес. и производившихъ табаку до 253 тыс. пудовъ.

Года четыре тому назадъ, табачная культура находилась здѣсь въ рукахъ турецко-подданныхъ Грековъ, Армянъ и Турокъ, мастеровъ по табаководству. Въ послѣдніе два года въ Кубанской области дѣломъ этимъ начали заниматься Русскіе изъ купеческаго и казачьяго сословій; въ 1878 году этихъ производителей считалось около 10%. И тѣ и другіе, за исключеніемъ собственниковъ-казаковъ, нанимаютъ земли съ платой отъ 10 до 35 рублей съ хозяйственной десятины (3,280 квадратныхъ саженъ).

Расходъ по воздѣлыванію табаку на одной десятинѣ простирается въ Черноморскомъ округѣ 250, въ Кубанской области 300 руб.; средній урожай 50 и 80 пуд., средняя цѣна 10 и 8 р., валовой доходъ 500 и 640 руб.

Плантаторы успѣли уже приноровиться къ мѣстнымъ условіямъ культуры, производя весьма доброкачественный продуктъ и начали выходить изъ зависимаго положенія отъ капиталистовъ, благодаря усиленному спросу на табакъ Кавказскаго произрастанія и повышенію на него цѣнъ вслѣдствіе возвышенія пошлинъ на турецкій табакъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чрезвычайную прибыльность здѣсь табаководства обусловливаютъ обиліе свѣжихъ (нетронутыхъ) земель, плодородіе почвы, богатой естественнымъ перегноемъ, и ровный, тепло-влажный климатъ. Съ увеличеніемъ здѣсь населенія, а слѣдовательно— съ уменьшеніемъ цѣнъ на рабочія руки, равно съ проведеніемъ удобныхъ путей сообщенія, въ которыхъ теперь ощущается въ Черноморскомъ округѣ полный недостатокъ, можно надѣяться на еще большее расширеніе табаководства во всемъ этомъ районѣ, а также и на улучшенія въ культурѣ табака и его обработкѣ.

Экономическія условія табаководства въ другомъ районѣ его распространенія, въ Кавказскомъ

краѣ, именно въ Алазанской долинѣ, имѣетъ свои особенности. Уже болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые Кахетинскіе помѣщики, пригласившіе мастеровъ по табаководству, напр. князья Андрониковы, убѣдились въ отличныхъ качествахъ получаемаго здѣсь продукта. Съ того времени табаководство, однако, медленно здѣсь развивалось и производилось въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, только для домашняго употребленія, пока возвышеніе пошлинъ на привозный турецкій табакъ не дало этой промышленности толчекъ къ быстрому развитію. Въ Алазанскую долину, именно Кахетію, Лагодехи, Закаталы понаѣхало множество предпринимателей и мастеровъ (изъ турецкихъ Грековъ, Армянъ, Имеретинъ и пр.), которые бросились арендовать землю землевладѣльцевъ и крестьянъ подъ культуру табака. Владѣльцы земель съ охотою отдавали свои земли за арендную плату, нѣсколько высшую противъ нормальной, именно около 1 руб. 60 коп. за десятину, не подозрѣвая, что разведеніе табака на одномъ и томъ-же полѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и безъ всякаго удобренія, значительно уменьшаетъ его производительность, а слѣдовательно и цѣну этой земли. Предприниматели-же, продавая свой табакъ по 12—16 рублей за пудъ, выручали до 600 рублей съ десятины, считая по 60 пудовъ урожая табачныхъ листьевъ. Мало-по-малу, табаководство приняло здѣсь такіе обширные размѣры, что табачныя плантаціи при селеніяхъ считались уже десятками десятинъ. Табачная лихорадка усилилась здѣсь особенно съ увеличеніемъ спроса на табакъ по случаю войны съ Турціей, откуда прекращенъ былъ привозъ табаку. Посѣвъ табаку въ прошломъ году произведенъ былъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, а потому цѣна на рабочихъ достигла на плантаціяхъ до 1 руб. 50 коп. въ сутки. Между тѣмъ къ осени прошлаго года всякая опасность новой войны миновала и скупщики табаку, Армяне, рѣшились воспользоваться возможностію поприжать табаководовъ, производительность которыхъ стала превышать спросъ. Скупщиками предложены были такія цѣны, которыя не покрывали даже увеличившихся издержекъ производства, именно 6 — 8 рублей за пудъ. Это значительно охладило табачную лихорадку въ Алазанской долинѣ, и въ настоящемъ году засѣяно несравненно меньше прошлогодняго. Къ сожалѣнію, статистическихъ данныхъ объ этомъ районѣ не имѣется въ печати.

Ограниченный объемъ этого очерка не позволяетъ мнѣ входить въ подробности относительно обширныхъ культуръ кукурузы и зерновыхъ хлѣбовъ. Укажу лишь на тотъ, не лишенный интереса фактъ, что ячмень, уродившійся въ горахъ Дагестана, на высотѣ болѣе 8000 фут. надъ уровнемъ моря, даетъ обильный урожай въ Финляндіи. Опытъ этотъ былъ произведенъ академикомъ Рупрехтомъ.

Ячмень, какъ хлѣбное растеніе, занимающій обширнѣйшую культурную полосу на Кавказѣ, подымаясь съ высоты, одинаковой съ уровнемъ моря (въ Прикаспійскихъ песчаныхъ степяхъ), до альпійскихъ выгоновъ, приспособляется къ мѣстнымъ условіямъ легче всѣхъ прочихъ хлѣбовъ. Въ окрестностяхъ Баку, Татарки уже въ концѣ апрѣля выдергиваютъ руками рѣдко-стоящіе футовые стебли ячменя, созрѣвшаго въ песчаныхъ, корытообразныхъ ложбинахъ. Такимъ путемъ здѣсь производится уборка. Въ Духоборіи или на Ахалкалакской равнинѣ, гдѣ необозримыя поля засѣваются ячменемъ, часто не бываютъ въ состояніи преодолѣть во время сборовъ массы хлѣба ни серпомъ, ни косою. Наконецъ, обитатели высокогорнаго аула въ Дагестанѣ тщательно досушиваютъ на полуденномъ солнцѣ недозрѣвшій ячмень, уже поврежденный первыми ночными морозами, чтобы на зиму не остаться безъ куска хлѣба.

Со временъ князя Воронцова, просвѣщеннѣйшаго правителя Кавказскимъ Намѣстничествомъ, неоднократно пытались привить Краю европейскую культуру землѣдельческую и промышленность, но нерѣдко все кончалось прахомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда добрая воля, настойчивость и значительные капиталы частныхъ лицъ приносились въ жертву предпріятію. Краснорѣчивое доказательство этому представляетъ намъ многолѣтній опытъ г. Козицкаго, человѣка въ высшей степени энергичнаго и честнаго, который, однако, сдѣлался жертвою дорого стоившихъ ему опытовъ надъ разведеніемъ растенія индиго въ Талышской

низменности. Едва-ли когда-нибудь растеніе, разводимое для извлеченія пользы, воздѣлывалось съ большимъ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла; едва-ли на обработку почвы затрачивалось больше денегъ и времени, нежели въ данномъ случаѣ на культуру индиго въ югозападномъ углу Каспія, въ той прѣсноводной, щедро одаренной природою низменности, которая расположена между моремъ и Талышскими высотами. Влажный климатъ, жаркое лѣто, умѣренная зима, лѣсная цѣлина, представляющая толстый слой перегноя на жирной глинѣ, избытокъ воды, — вотъ естественныя условія мѣстности, въ которой г. Козицкій въ сороковыхъ годахъ принялся за культуру индиго въ большихъ размѣрахъ. Г. Козицкій сѣялъ видъ Indiqofera arqenfata прекрасно уродившійся, но дававшій такое малое количество растительной синьки (индиго), что ею далеко не оплачивалась обработка почвы. Съ десятины добывалось не болѣе нѣсколькихъ фунтовъ синьки. Неизвѣстно: виновна ли въ этомъ ошибочная обработка сока, или-же неумѣнье руководить процессомъ осажденія, но синьки получалось мало, хотя она обладала превосходными качествами; такъ что г. Козицкій, убившій послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ усилій большую часть своего состоянія, вынужденъ былъ оставить культуру индиго и принялся за мареноводство, въ то время еще процвѣтавшее. Въ этой отрасли сельскохозяйственной промышленности достигъ онъ наилучшихъ результатовъ.

Недалеко отъ турецкой границы, на такъ называемыхъ Мокрыхъ горахъ, лежитъ помѣстье Мамутли, обнимающее пространство около 1000 десятинъ. Тамъ заведено барономъ Кученбахомъ альпійское молочное хозяйство по образцу швейцарскихъ скотныхъ дворовъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ обдуманное и приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ. Эта ферма снабжаетъ насъ въ холодное время года, не смотря на 100-верстное разстояніе отъ Тифлиса, столовымъ масломъ и сыромъ. Въ Мамутли развитіе хозяйства совершалось постепенно, также при помощи правительственныхъ субсидій и не безъ ошибокъ. Привезенный г. Кученбахомъ въ началѣ изъ Швейцаріи чистокровный рогатый скотъ оказался нѣжнымъ и подверженнымъ повальнымъ болѣзнямъ. Отъ скрещиванія его съ туземною горскою породою Большаго Кавказа получились сильныя животныя, дающія обильный удой. Говорятъ, что г. Кученбахъ намѣренъ завести у себя еще и Шотландскихъ горскихъ овецъ. Изъ Россіи переведенъ сюда конный заводъ и баронъ имѣетъ намѣреніе выстроить въ своемъ, нынѣ значительно увеличенномъ имѣніи, стекляный заводъ. У него-же мы встрѣчаемъ раціональное пчеловодство и нѣжныя овощи, превосходно урождающіяся въ прохладномъ климатѣ его имѣнія. Спаржа и цвѣтная капуста изъ Мамутли смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣми-же Эрфуртскими овощами.

Прекрасные результаты достигнуты на Кавказѣ и по садоводству. Хотя на югѣ культуры иныя, нежели на сѣверѣ, особенно относительно предметовъ изъ области ученаго садоводства и цвѣтоводства, тѣмъ не менѣе, разведеніе фруктовыхъ деревьевъ идетъ очень успѣшно во многихъ мѣстностяхъ края (Ордубадъ). Помимо нѣкоторыхъ превосходныхъ мѣстныхъ сортовъ, какъ костянковыхъ такъ и зерноносныхъ, вывезенныхъ, большею частью, изъ Персіи, страна обогатилась въ послѣднія 15 лѣтъ акклиматизацiею многихъ западно-европейскихъ фруктовыхъ деревьевъ. Гг. Илляшевичъ въ Караясѣ, Бушекъ около Владикавказа, Веденскій въ Сухумѣ и Реслеръ въ Поти имѣютъ возможность изъ своихъ обширныхъ фруктовыхъ школъ надѣлять любителей садоводства большимъ сортиментомъ деревьевъ высокаго качества.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на промышленность Края.

Домашнія издѣлія мусульманскаго населенія изготовляются исключительно женщинами, изъ рукъ которыхъ выходятъ превосходныя шерстяныя и шелковыя ткани. Ковры, паласы и шелковыя джиджимэ, сотканные въ восточной части Закавказскаго края, заслуживаютъ полнаго вниманія по ихъ окраскѣ, узорамъ и прочности, причемъ эти произведенія дешевле персидскихъ. Здѣшніе ковры имѣютъ предъ персидскими еще и то преимущество, что дѣлаются изъ чистой шерсти, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣютъ бумажную основу. Но эта отрасль промышлен-

Видъ долины р. Ріона.

ности можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока шерсть и рабочія силы будутъ дешевы, и должна уступить всякой машинной конкуренціи.

Производство кожаныхъ и металлическихъ издѣлій въ азіатскомъ жанрѣ процвѣтаетъ по нынѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ пограничномъ городкѣ Ахалцихѣ, они даже составляютъ предметъ вывоза въ Азію. Щегольство съ оружіемъ, обратившееся у туземнаго населенія въ моду, начинаетъ выводиться. Правительственное распоряженіе о постепенномъ обезоруживаніи Кавказскихъ народовъ составляетъ для Края истинную благодать. Въ странѣ мирной нѣтъ смысла вооружаться, съ ногъ до головы, кинжалами, пистолетами и ружьями, пускаемыми въ дѣло запальчивымъ сыномъ горъ по малѣйшему поводу. Для Кавказа минули, благодаря Бога, времена необузданнаго самоуправства и потому, надо полагать, что и туземное оружейное мастерство скоро прекратится. Въ нѣкоторыхъ городахъ жители занимаются издѣліемъ изящныхъ серебряныхъ украшеній филигранной и эмалированной работы, стоющихъ очень дешево. Послѣднее обстоятельство происходитъ отъ того, что на востокѣ ни время, ни трудъ не цѣнятся дорого. Тамъ трезвый и трудолюбивый работникъ знакомъ только съ самыми скромными потребностями жизни. У каждаго мастероваго живутъ 6 — 7 мальчишекъ-Армянъ, отданныхъ въ ученіе на 4 — 8 лѣтъ. Немного луку и плодовъ, кусочекъ овечьяго сыра и лавашъ (особеннаго рода хлѣбъ) составляютъ ихъ обыкновенную пищу. За то они работаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера и пріобрѣтаютъ постепенно большую ловкость въ своемъ ремеслѣ.

Западно-европейская промышленность въ большихъ размѣрахъ какъ-то не прививается Краю. Единственное, вполнѣ удавшееся, предпріятіе въ этомъ родѣ представляетъ Кедабекскій мѣдноплавильный заводъ братьевъ Сименсъ въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ заводчики сооружаютъ на свой счетъ даже желѣзную дорогу, длиною болѣе 20 верстъ, для удобнаго подвоза дровъ, угля и рудъ. До сихъ поръ въ Кедабекѣ ежегодно выплавлялось отъ 40 до 50,000 пудовъ чистой мѣди, но производство предполагается удвоить или увеличить еще значительнѣе.

Нефтяные промыслы Бакинской губерніи обѣщаютъ великую будущность. Кульпинскій и Нахичеванскій соляные промыслы даютъ государственной казнѣ правильно поступающій, хорошій доходъ; квасцовъ также добывается больше нежели прежде. Аллагирскій серебро-свинцовый заводъ поступаетъ въ частное владѣніе, и надо полагать, что частное лицо сумѣетъ извлечь изъ него большія выгоды, нежели чиновникъ, обезпеченный хорошимъ содержаніемъ. Въ скоромъ времени предполагается отмѣнить и оптовую откупную систему рыбной ловли въ Каспіѣ, чѣмъ откроется прибыльный источникъ для свободнаго труда. Отъ этого выиграетъ не только населеніе, но и казна.

Относительно собственно фабричнаго дѣла на Кавказѣ нашъ приговоръ долженъ быть менѣе благопріятенъ. Въ началѣ этой главы я указалъ, что охотниковъ къ осуществленію подобныхъ предпріятій на щедро расточаемыя правительствомъ пособія было не мало; но почти всѣ ихъ затѣи не увѣнчались успѣхомъ. Одинъ изъ Тифлисскихъ капиталистовъ, Армянинъ Г. М. Мирзоевъ, устроилъ лѣтъ десять тому назадъ въ Тифлисѣ обширную бумагопрядильную и ткацкую фабрику по англійскому образцу, поработалъ нѣкоторое время и — бросилъ. Уже нѣсколько лѣтъ на его фабрикѣ не разводится паровъ.

Нельзя, однако, умолчать о дѣйствительномъ успѣхѣ по фабричному производству, каковымъ представляется разматываніе шелка въ городѣ Ордубадѣ и его окрестностяхъ (Акулисѣ) по европейскому способу, на паровыхъ мотовилахъ Армянъ Нуснусовыхъ и Бабаева. Фабриканты эти заслуживаютъ полнаго одобренія не только за превосходный продуктъ, вывозимый ими на Московскій и Ліонскій рынки, но и за умѣніе побороть предразсудки окрестнаго татарскаго населенія. При мотовилахъ всѣ почти работники—мусульмане и въ нижнемъ этажѣ Ордубадской фабрики разматываютъ шелкъ многія татарскія дѣвушки. Это — великій прогрессъ въ мѣстномъ населеніи.

На Кавказѣ, столь щедро и многосторонне одаренномъ природою, главная причина косности кроется, какъ мы видимъ теперь, въ нерадивости и апатичности населенія. Южанинъ склоненъ къ непреодолимой лѣни, а по пятамъ физической лѣни слѣдуетъ и умственная апатія. Не слѣдуетъ забывать, что историческія событія прежнихъ временъ не мало способствовали укорененію характеризующей туземное населеніе Кавказа косности. Когда пользовался простолюдинъ въ прежнія времена плодами своихъ трудовъ? Какъ великъ былъ размѣръ свободнаго, прибыльнаго труда туземца? Онъ былъ, въ сущности, бѣлокожій рабъ. Нынѣ онъ дышетъ нѣсколько свободнѣе, но то, что причинено вѣками къ позору человѣчества и въ ущербъ населенію, можетъ быть исправлено только временемъ. Свободный трудъ принесетъ прибыль; прибыль разбудитъ стремленія, а стремленія увеличатъ потребности и познанія. Школа, въ обширномъ смыслѣ слова, особенно народная школа, должна быть главнымъ рычагомъ, освобождающимъ туземцевъ отъ тяжелаго бремени безчисленныхъ предразсудковъ, суевѣрій, невѣжества и грубости нравовъ. Въ началѣ нашего столѣтія, когда Русскіе водворились въ Закавказьѣ съ тѣмъ, чтобы его болѣе не покидать, пріобрѣтая каждую пядь земли кровью своихъ сыновъ, во всемъ краѣ существовали двѣ-три христіанскія школы; нынѣ-же ихъ насчитывается болѣе ста, и число ихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Этимъ мы и заканчиваемъ нашу рѣчь о Кавказѣ. Во всей красѣ своей разстилается предъ нами Кавказъ, увѣнчанный ледяными зубцами его горъ. Его исторія почтенна; первые, темные зачатки ея разукрашены древними сказаніями, влагающими въ этотъ край колыбель человѣчества. Новая страна, занимающая пространство болѣе чѣмъ въ 800 кв. миль, присоединена къ Кавказскому Намѣстничеству. Христіанскій престолъ побѣдоносно отмстилъ за всѣ несправедливости полумѣсяца. Какъ сложится будущность этихъ областей? Расточитъ-ли свою благодать надъ страною прочный и продолжительный миръ? Послѣдуетъ-ли за кровавою работою меча мирное дѣло всеобщаго развитія? Мы молчимъ.... На берегу Темзы косятся на Россію за ея благопріобрѣтенія.

Г. Радде.

Мингрельская арба.

ТОМА IX-го.

КАВКАЗЪ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКА. — На [illegible] 200-ой [illegible] подъ рисункомъ напечатано: «[illegible]», должно быть [illegible].

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1893 ГОДЪ
№ 1-6. НОЯБРЬ ПО АПРѢЛЬ